БИБЛ. МОСК. УНИВ.
ЧИТ. ЗАЛ.

5.91.7

Н. П. Павловъ-Сильванскій

ФЕОДАЛИЗМЪ ВЪ УДѢЛЬНОЙ РУСИ.

I. Община и боярщина
II. Феодальныя учрежденія

ИЗСЛѢДОВАНІЕ

Съ приложеніемъ біографіи и портрета автора

БИБЛ. МОСК. УНИВ.
ЧИТ. ЗАЛ
9/54

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. остр., 5 лин., 28
1910

Н. П. Сильванскій

ФЕОДАЛИЗМЪ ВЪ УДѢЛЬНОЙ РУСИ

Н. П. Павловъ-Сильванскій

СОЧИНЕНІЯ

Томъ III

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. остр., 5 лин., 28
1910

5 0 1 - 0
9/54.

Н. П. Павловъ-Сильванскій

ФЕОДАЛИЗМЪ ВЪ УДѢЛЬНОЙ РУСИ

I. Община и боярщина
II. Феодальныя учрежденія

ИЗСЛѢДОВАНІЕ

Съ приложеніемъ біографіи и портрета автора

Императорскаго Московск. Университета
БИБЛІОТЕКА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. остр., 5 лин., 28
1910

4031

19159 kpp

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Община и боярщина.

КНИГА I.

ОБЩИНА.

стр.

Біографическія свѣдѣнія XI
Отъ редактора III-го тома XV
Глава первая. Территорія волостной общины.
I. Волость Волочекъ Словѣнскій.
§ 1. Волокъ Словѣнскій 3
§ 2. Волость Волочекъ Словѣнскій въ XVI вѣкѣ 6
§ 3. Территорія Волочка Словѣнскаго около 1400 года . . 12
§ 4. Волость-община 16
II. Территоріи волостей.
§ 5. Волости разныхъ областей Удѣльной Руси 24
§ 6. Волость и волостка 34
Глава вторая. Волостная община.
I. Мірскія власти.
§ 7. Двѣ грамоты, русская и нѣмецкая 36
§ 8. Сотскій и міръ 38
II. Дань.
§ 9. Мірская раскладка налоговъ 43
§ 10. Мірская раскладка въ Руси и въ Германіи. . . . 46
III. Судъ.
§ 11. Участіе общины въ высшемъ судѣ намѣстника . . . 50
§ 12. Низшій мірской судъ. 54
§ 13. Общинная отвѣтственность за преступленія. . . . 57
IV. Мірская земля.
§ 14. Общинныя угодья 58

стр.
§ 15. Пустоши 61
§ 16. Территоріальная власть міра 64
V. Мірская церковь.
§ 17. [Церкви и монастыри въ волостной общинѣ] . . . 69
VI. Деревня.
§ 18. [Земельная собственность членовъ общины]. . . . 72
Глава третья. Древность волостной общины.
I. Значеніе волостного міра на сѣверѣ.
§ 19. Тіуны и доводчики на Бѣломъ озерѣ въ 1488 году. . 74
§ 20. Тіуны и доводчики на рр. Онегѣ и Двинѣ. Мірской самосудъ 80
§ 21. [Земскія реформы XVI вѣка] 82
II. Древность волостного міра.
§ 22. [Міръ древнѣйшей эпохи] 85
§ 23. Съ 1421 года до XI и X-го вѣковъ 88
§ 24. Сотскій-centenarius. Сотня-centena 93
§ 25. Вервь. 99
Глава четвертая. Общинное уравнительное землевладѣніе.
I. Земельная собственность.
§ 26. Община и передѣлы. 105
§ 27. Вольное землепользованіе и вольный захватъ . . . 108
§ 28. Ограниченный захватъ и отрѣзки 113
II. Общинное землевладѣніе.
§ 29. [Возникновеніе общинно-передѣльнаго землевладѣнія]. 120
§ 30. [Вліяніе правительственныхъ мѣропріятій на возникновеніе передѣловъ]. 125
§ 31. [Передѣлы на владѣльческихъ земляхъ въ центральной Россіи] 128
§ 32. [Передѣлъ земли и раскладка тягла] 134
§ 33. [Вытная разверстка] 140
Глава пятая. Долевое землевладѣніе.
§ 34. [Долевое землевладѣніе на сѣверѣ] 145
§ 35. [Долевое землепользованіе—въ исторіи землевладѣнія]. 153
§ 36. [Долевое землевладѣніе въ Западной Европѣ] . . . 157
§ 37. Полицкая вервь 162
§ 38. Складническая деревня и волостной міръ 166

КНИГА II.

БОЯРЩИНА.

Глава шестая. Боярщина.
§ 39. Основныя черты боярщины—сеньеріи (соединеніе крупнаго землевладѣнія съ властью и съ мелкимъ хозяйствомъ). 174

стр.

§ 40. Боярскій дворъ, curtis dominica, и боярская земля, terra salica. 178
§ 41. Посельскій—villicus 185

Глава седьмая. Сельчане.

I. Право перехода.

§ 42. Свободные крестьяне. Право перехода. Отказъ—désaveu 191
§ 43. Стѣсненія выхода 196
§ 44. Ограниченная свобода 198

II. Свадебныя пошлины.

§ 45. Forismaritagium—выводная куница 201

III. Повинности и пошлины.

§ 46. [Барщина, оброкъ—servitium, census]. 206

IV. Холопы на пашнѣ

§ 47. Страдные и черные люди 215

V. Смерды и закупы.

§ 48. Сервы и грундгольды. 220
§ 49. Господскіе смерды. 222
§ 50. Ролейные закупы 225

Глава восьмая. Община въ боярщинѣ.

§ 51. [Сельскій міръ въ вотчинномъ управленіи] 228
§ 52. Села дворцовыя или подклѣтныя 233
§ 53. Община въ новгородскихъ писцовыхъ книгахъ XV в. . 237

Глава девятая. Ростъ боярщины.

§ 54. Боярщина и община 244
§ 55. [Торжество боярщины надъ общиной]. 247
§ 56. Окняженіе волости. 256

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Феодальныя учрежденія.

Глава первая. Боярскій самосудъ (иммунитетъ) 263
§ 57. Воспрещеніе княжескимъ властямъ доступа въ частное имѣніе 264
§ 58. Судебныя привилегіи 267
§ 59. Податныя привилегіи. 276
§ 60. Условія пожалованія иммунитета 281
§ 61. Иммунитетъ свѣтскихъ землевладѣльцевъ 285
§ 62. Происхожденіе иммунитета 291
§ 63. Повсемѣстность иммунитета 298
§ 64 Значеніе иммунитета 303

стр.

Глава вторая. Защита—патронатъ.
I. Закладничество—коммендація.
§ 65. Два пониманія закладничества 309
§ 66. Закладываться-задаваться 311
§ 67. Выдержанная терминологія узаконеній 314
§ 68. Патронатъ на западѣ 317
II. Закладчики-заступные люди XVI—XVII вв.
§ 69. Добровольная зависимость. Бить челомъ для береженья 320
§ 70. Защита отъ тягла и отъ „сильныхъ людей насильства“. 323
§ 71. Поселеніе на владѣльческой землѣ. 326
III. Закладни удѣльнаго времени.
§ 72. [Закладничество въ договорахъ XIII—XV вв.]. . . 330
IV. Княжеская защита въ связи съ иммунитетомъ.
§ 73. Защитныя письма и мундебуръ. 344
Глава третья. Боярская служба.
I. Дружина.
§ 74. [Германская и русская дружина] 348
II. Вассалитетъ.
§ 75. [Вольная служба] 353
§ 76. Боярская служба и вассалитетъ 357
§ 77. Заключеніе и разрывъ договора. Приказъ и отказъ. . 364
III. Подвассалы.
§ 78. [Боярскіе вольные слуги] 367
Глава четвертая. Служба съ жалованья и съ вотчины.
I. Жалованье—бенефицій.
§ 79 [Помѣстье—fief-terre] 378
§ 80. Жалованье-кормленіе 385
II. Феодъ и вотчина.
§ 81. Вотчинная коммендація 389
Глава пятая. Раздробленіе верховной власти 404
Заключеніе. 413

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I. Символизмъ въ древнемъ русскомъ правѣ. 424
II. Огнищанинъ 453
III. О закладничествѣ.
1. Борьба съ закладничествомъ въ XVI и XVII вв. и борьба съ закладомъ тяглыхъ дворовъ 467
2. Закладные люди 474
3. Литература о закладничествѣ 481

IV. Нѣсколько грамотъ къ главѣ объ иммунитетѣ.
I. Жалованная грамота (подтвердительная) великаго князя Василія Васильевича боярину Михаилу Яковлевичу (апрѣль 1435 г.) 499
II. Правая грамота князя Михаила Андреевича игумену Кирило-Бѣлозерскаго монастыря Трифону (1435—1447 гг.). . 500
III. Жалованная грамота великой княгини Софьи Витовтовны игумену Кирило-Бѣлозерскаго монастыря Кассіану (1448—1454 гг.). 501
IV. Жалованная грамота великой княгини Маріи игумену Кирило-Бѣлозерскаго монастыря Кассіану (1455—1462 гг.). . 502
V. Жалованная грамота князя Юрія Васильевича игумену Симонова монастыря Афанасію (25 марта 1457 г.) 502
VI. Жалованная грамота великаго князя Ивана Васильевича Пильемовымъ (3 января 1497 г.) 503
VII. Изъ дѣла Архива Оружейной палаты: „Столпъ Устюжской о закладникахъ“ (1639—1641 гг.). 504
V. Библіографія. 505

Н. П. Павловъ-Сильванскій.

(Біографическія свѣдѣнія).

Николай Павловичъ Павловъ-Сильванскій, сынъ доктора медицины, родился 1 февраля 1869 г. въ Кронштадтѣ, гдѣ отецъ его служилъ врачемъ 2-го флотскаго экипажа. Служебныя перемѣщенія Павла Николаевича привели семью Павловыхъ-Сильванскихъ въ Омскъ—на 9 лѣтъ, съ 1875 по весну 1884 года. Здѣсь, въ 1878 г., началось школьное ученіе Н. П.: онъ поступилъ въ приготовительный классъ мѣстной гимназіи. Товарищи по Омской гимназіи помнятъ Н. П., какъ даровитаго, живого ученика, но замкнутаго и сдержаннаго съ одноклассниками, которыхъ онъ далеко обогналъ въ раннемъ, недѣтскомъ развитіи, увлекаясь самостоятельнымъ чтеніемъ и горячей любовью къ поэзіи. Въ тѣ годы его любимцемъ былъ Некрасовъ. Въ тѣ годы зародилась юная мечта самому стать поэтомъ, питаемая участіемъ въ ученическомъ журналѣ, гдѣ Н. П. помѣщалъ свои стихи. И любовь къ художественному слову никогда его не покидала. Живо слѣдилъ онъ за всѣмъ интереснымъ и талантливымъ въ современной литературѣ, а стихи писалъ для себя, не для печати, до конца дней своихъ. Въ 1884 г. Н. П. перешелъ въ VI классъ гимназіи при Петербургскомъ историко-филологическомъ институтѣ. Первый годъ дался тяжело: недостаточная подготовка, полученная въ Омскѣ, сказалась въ рядѣ неудачъ, временно смявшихъ энергію самолюбиваго юноши. Пришлось остаться на второй годъ. Не неудача возбудила настойчивость. Н. П. много работаетъ, сразу выдвигается въ первые ряды успѣвающихъ и кончаетъ курсъ съ медалью. На ряду съ учебной работой и самообразованіемъ—идетъ

непрерывно занятіе современной литературой. На гимназической скамьѣ, какъ позднѣе, въ университетской аудиторіи Н. П. несетъ въ товарищескую среду горячіе литературные интересы, читаетъ рефераты, настойчиво пропагандируя опредѣленные вкусы и мнѣнія. Теперь его любимецъ—Чеховъ, величина въ то время еще не выясненная литературной критикой. Можно было думать, что исторія русской литературы станетъ дѣломъ жизни Н. П. Въ годы студенчества онъ работаетъ надъ исторіей русскаго романа... Но иные интересы не замедлили взять верхъ.

Въ университетъ, на историко-филологическій факультетъ Н. П. поступилъ въ 1888 г. и вышелъ изъ него въ 1892-мъ спеціалистомъ-историкомъ. Въ студенческіе годы онъ готовился къ историческимъ изученіямъ въ соціологической школѣ. Размышленія надъ трудами Бокля, особенно Огюста Конта и Спенсера составили, быть можетъ, самую характерную сторону въ теоретической подготовкѣ Н. П., ставшаго историкомъ-соціологомъ.

Оставленный при университетѣ, „для приготовленія къ профессорскому званію по каѳедрѣ русской исторіи“, Н. П. сталъ готовиться къ магистерскому экзамену, и, въ то же время, поступилъ на службу въ Министерство Иностранныхъ Дѣлъ, по Департаменту внутреннихъ сношеній, а затѣмъ, съ 1899 г. по Государственному Архиву, гдѣ, въ должности старшаго дѣлопроизводителя, былъ помощникомъ директора Архива. Злополучная случайность—неудача, по недоразумѣнію, перваго же экзамена на степень магистра русской исторіи (въ 1895 г.) надолго отсрочила выступленіе Н. П. въ роли преподавателя въ высшемъ учебномъ заведеніи. Практическая дѣятельность его замкнулась въ стѣнахъ Архива. Не мало было тутъ дѣла по разбору еще не описанныхъ отдѣловъ Архива. Эта работа вводила въ новые матеріалы, наталкивавшіе на ту или иную задачу изслѣдованія. Со службой въ Архивѣ связано участіе Н. П. въ составленіи „Очерка исторіи Министерства Иностранныхъ Дѣлъ 1802—1902 г.“ (Спб. 1902 г.), какъ главнаго редактора, создавшаго и художественную сторону изданія—подборъ иллюстрацій, и автора части очерка. Н. П. первоначально понялъ задачу этого юбилейнаго очерка болѣе широко и составилъ свой отдѣлъ (эпоха Нессельроде), какъ цѣльный очеркъ международныхъ отношеній и внѣшней политики Россіи; но формальныя условія оффиціальнаго изданія привели къ

замѣнѣ этого текста другимъ, болѣе внѣшнимъ изложеніемъ. Сходнаго происхожденія—т.-е. составленъ по оффиціальному порученію—другой его трудъ: „Государевы служилые люди; происхожденіе русскаго дворянства“ (1898 г.), нынѣ переизданный въ I т. „Собранія сочиненій“. Все время, свободное отъ обязательной работы, Н. П. посвящалъ личнымъ изслѣдованіямъ. Еще студентомъ напечаталъ онъ статью объ одномъ изъ проектовъ реформъ Петровскаго времени: „Пропозиціи Ѳедора Салтыкова“ („Ж. М. Н. Пр.“, 1892 г., мартъ). Дальнѣйшая работа надъ тѣми же матеріалами дала книгу: „Проекты реформъ въ запискахъ современниковъ Петра Великаго“ (Спб. 1897 г.). Эпоха Петра Великаго постоянно занимала Н. П. Ей посвятилъ онъ этюды о Посошковѣ и гр. П. А. Толстомъ (см. въ I т. „Собр. соч.“) и статью: „Мнѣнія верховниковъ о Петровской реформѣ“ (впервые напечатана тамъ же).

Исторія декабристовъ стала другимъ крупнымъ центромъ интересовъ Н. П. въ области новой русской исторіи. Изучая богатые матеріалы Государственнаго Архива, Н. П. сосредоточился на личности Пестеля и кромѣ біографіи этого декабриста (тамъ же) и изданія: „Пестель передъ верховнымъ уголовнымъ судомъ“ (въ журналѣ „Былое“ за 1906 г., и полнѣе, въ „Рус. Ист. Биб.“ № 15), кромѣ статьи: „Матерьялисты двадцатыхъ годовъ“ и ряда замѣтокъ въ журналѣ „Былое“, предпринялъ цѣльную „Исторію южнаго общества“, для предполагавшейся обширной „Исторіи декабристовъ“. Этотъ трудъ Н. П. былъ имъ написанъ, но, къ сожалѣнію, судьба рукописи послѣ его кончины остается до сихъ поръ невыясненной: ея не оказалось ни въ его рукописномъ наслѣдствѣ, ни въ Государственномъ Архивѣ.

Однако, какъ ни горячи и искренни были иные интересы Н. П., главное дѣло его жизни было не въ нихъ, а въ работахъ надъ соціальнымъ строемъ удѣльной Руси, надъ „русскимъ феодализмомъ“. Начиная со статьи: „Закладничество-патронатъ“ (въ IX т. „Записокъ Имп. Рус. Арх. Общ.“, 1897 г.), Н. П. не разстается съ излюбленной темой. Статьи, появившіяся въ „Жур. Мин. Нар. Пр.“ за 1900—1902 г.: „Иммунитетъ въ удѣльной Руси“ и „Феодальныя отношенія въ удѣльной Руси“, а затѣмъ книга: „Феодализмъ въ древней Руси“ (Спб. 1907 г.)—внесли въ русскую историографію новую теорію русскаго историческаго раз-

витія, надъ разработкой и обоснованіемъ которой Н. П. упорно работалъ. Это были лишь фрагменты большой работы, которой суждено теперь появиться въ свѣтъ, въ качествѣ уже „посмертнаго“ труда.

Розысканія въ области соціальныхъ отношеній удѣльныхъ вѣковъ естественно связались у Н. П. съ пристальнымъ и обширнымъ изученіемъ актоваго матеріала. Съ 1901 г. онъ состоялъ сотрудникомъ Имп. Археографической Комиссіи, и тутъ его занятія выразились въ составленіи записки о „Погрѣшностяхъ актовъ Археографической Экспедиціи“ (XVII т. „Лѣтописи Занятій Имп. Арх. Ком.“), посвященной тщательной и строгой оцѣнкѣ знаменитаго изданія актовъ и изложенію широкаго плана новаго ихъ изданія; кромѣ того, Н. П. приготовилъ къ печати томъ „Актовъ о закладчикахъ“, котораго самъ не успѣлъ выпустить въ свѣтъ.

Архивъ и кабинетная работа поглощали большую часть времени и силъ Н. П. Но бурные годы освободительнаго движенія вырвали его изъ ученаго уединенія на сцену общественной дѣятельности и публицистики. Примкнувъ къ конституціонно-демократической партіи, онъ дѣятельно работалъ въ Александро-Невскомъ раіонѣ, въ эпоху предвыборныхъ компаній. Въ то же время сотрудничаетъ онъ въ газетѣ „Наша Жизнь“, печатая тамъ рядъ статей, то безъ подписи, то съ подписью „Н. С.“, „Историкъ“, „Историкъ С.“, „Лѣсовикъ“.

1907 г. принесъ существенное измѣненіе въ складъ жизни Н. П. До того онъ только случайно выступалъ въ роли преподавателя-лектора: на учительскихъ курсахъ, въ вольной школѣ П. Ф. Лесгафта. Осенью 1907 г. избраніе на кафедру исторіи русскаго права на Высшихъ Курсахъ поставило его передъ новой задачей. Н. П. горячо припялся за выработку курса, видя въ немъ удобную форму для полной обработки своей оригинальной схемы русскаго историческаго развитія. Но лишь одинъ годъ привелось ему отдаться этой любимой работѣ. Въ ночь съ 16 на 17 сентября 1908 г. онъ заболѣлъ холерой и вечеромъ того же дня скончался.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ОБЩИНА И БОЯРЩИНА

КНИГА I.

ОБЩИНА.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Территорія волостной общины.

I. Волость Волочекъ Словѣнскій.

§ 1. Волокъ Словѣнскій.

Древняя волость *Волочекъ Словѣнскій*, въ Бѣлозерскомъ краѣ, получила свое названіе отъ одного изъ тѣхъ волоковъ, которые нѣкогда связывали торговые водные пути, замѣняя собою наши каналы. Волокъ, называвшійся Словѣнскимъ, или по нашему Славянскимъ, лежалъ на большомъ водномъ пути изъ Бѣлозерскаго края въ богатый торговый городъ Вологду, а отсюда на р. Сѣверную Двину и къ Бѣлому морю.

Изъ Бѣлаго озера купеческія ладьи плыли по р. Шекснѣ, внизъ по теченію, верстъ на 100, до устья рѣки Словѣнки или Славянки, какъ она зовется теперь. Эта рѣка Славянка въ наше время, когда рѣки такъ сильно обмелѣли, представляетъ собою маленькую рѣчку. Въ нижнемъ своемъ теченіи, теперь это—мелкая узкая рѣчка въ очень высокихъ берегахъ. Теперь она еле покрываетъ дно своего узкаго глубокаго русла. Но нѣкогда воды ея наполняли берега почти до краевъ, и рѣка Словѣнка была достаточно глубока для древнихъ небольшихъ плоскодонныхъ торго-

выхъ ладей. Отъ впаденія этой рѣчки въ Шексну до ея истока изъ Словѣнскаго озерка (нынѣ—озеро Никольское) по прямой линіи всего 18 верстъ. Но она течетъ такими змѣиными извилинами, что линія ея теченія, надо полагать, превосходитъ втрое эту прямую линію, и равняется 50-ти слишкомъ верстамъ. Чѣмъ ближе къ истоку, тѣмъ болѣе ничтожной представляется теперь эта рѣчка, которая когда-то входила въ составъ большого торговаго пути. Ея верхнее русло—широкая болотистая низина; лѣтомъ ея воды теряются въ этой болотинѣ, и слѣдъ древней рѣки сохраняется только въ глубокихъ омутахъ, или „курганахъ", какъ называютъ ихъ мѣстные крестьяне.

Этой рѣкой Словѣнкой гости со своими ладьями поднимались вверхъ до Словѣнскаго озера. Это озеро очень узкое, но длинное, до 8-ми верстъ длиною, называется теперь Никольскимъ, по имени Никольской церкви, древняго погоста, стоящей на сѣверномъ его берегу.

Дальше, чтобы попасть съ этого озера въ рѣку Порозобицу, а этой рѣкой—въ озеро Кубинское и въ Вологду, надо было уже волочить ладьи по-суху, до маленькаго озера Порозобицкаго или Волоцкаго, изъ котораго вытекаетъ рѣка Порозобица. Разстояніе между этими двумя озерами, Словѣнскимъ (нынѣ Никольское) и Порозобицкимъ (нынѣ Благовѣщенское) — невелико; по прямой линіи—4 версты. У мѣстныхъ крестьянъ не сохранилось никакихъ преданій о существовавшемъ здѣсь въ древности волокѣ. Они не умѣютъ объяснить, почему волость, расположенная въ этой мѣстности, называется Волокославинской, и почему дорога, идущая въ одномъ направленіи съ древнимъ волокомъ, называется дорогой волоковою. Но грамоты XV вѣка даютъ намъ несомнительныя указанія на существовавшій здѣсь въ древности волокъ. Въ отводной грамотѣ 1482 года обозначена „дорога отъ озера Волоцкаго" (Порозобицкаго), съ отмѣткой:—„*волочатъ гости къ озерку къ Словѣнскому*". Другая грамота, болѣе ранняя, 1448—1469 годовъ, говоритъ о „гостяхъ", что „приходятъ на Волочекъ, на Словѣнское озеро, да съ Словѣнскаго озера волокъ на Порозобицкое озеро" [1]). Направленіе этого волока сразу выясняется при обозрѣніи мѣстности. Между этими двумя озерками, Словѣнскимъ и Порозобицкимъ

[1]) *Шумаковъ*, Обзоръ грамотъ коллегіи экономіи, вып. II, стр. 80 и 43. (Мейчикъ, Грамоты и другіе акты XIV и XV в.в., стр. 12—13).

(нынѣ Никольское и Благовѣщенское), идетъ широкая и ровная болотистая низина, остатокъ русла рѣки, когда-то, въ доисторической еще древности, соединявшей два озера.

Отъ сѣвернаго, Порозобицкаго озера она поднимается нѣсколько вверхъ ровнымъ уклономъ, затѣмъ постепенно опускается ея такимъ же ровнымъ уклономъ, къ южному озеру, Словѣнскому (нынѣ Никольскому). Какъ именно волочили суда по древнимъ волокамъ, мы въ точности не знаемъ. Вѣроятно, ихъ разгружали, и грузъ везли отдѣльно. По волоку, вѣроятно, клали бревна, и по этимъ бревнамъ небольшія ладьи того времени должны были легко двигаться тягой людской и конской, какъ до нашихъ дней по рѣкамъ и каналамъ сѣвера такой тягой медленно движутся тяжело нагруженныя громадныя баржи. Бурлацкій промыселъ на волокѣ составлялъ важную доходную статью мѣстныхъ крестьянъ. Около 1450 года великій князь подѣлилъ этотъ доходъ между волостными крестьянами Волочка Словѣнскаго и двумя сосѣдними монастырями, Кириловымъ и Ферапонтовымъ, и одну треть всѣхъ проходящихъ судовъ предоставилъ „волочити“ людямъ этихъ монастырей, а двѣ трети оставилъ по старому на долю мѣстныхъ „волостныхъ людей“. Дорого стоилъ этотъ волокъ проѣзжимъ купцамъ. Кромѣ платы за тягу судовъ, они должны были платить еще особыя пошлины въ пользу Бѣлозерскаго князя. На волокѣ сторожили ихъ княжескіе пошлинники, взимавшіе „явку съ гостей“: „съ большого судна съ ватамана гривна, а съ людей, сколько ихъ на суднѣ ни будетъ, ино съ головы по деньгѣ“. Съ „малаго гребного судна“ атаманъ долженъ былъ платить не гривну, а деньгу, наравнѣ съ людьми, находящимися на суднѣ.

Древнѣйшія историческія свѣдѣнія объ этомъ волокѣ восходятъ къ XIV столѣтію. Изъ духовной грамоты вел. князя Дмитрія Донского (1389 г.) видно, что волокъ и лежащая на немъ волость принадлежали въ это время княгинѣ Федосьѣ, женѣ одного изъ Бѣлозерскихъ князей, князя Давида Семеновича Кемскаго. Ей-же принадлежалъ и другой важный пунктъ на этомъ водномъ пути— Городокъ на р. Шекснѣ, не такъ далеко отъ ея истока изъ Бѣлаго озера, верстахъ въ 9 отъ Кирилова монастыря [1]).

[1]) Княгиня Федосья, кромѣ этихъ двухъ пунктовъ съ тянувшими къ нимъ волостями, владѣла еще волостями по р. Судѣ и ея верховью, которое называется Колошмой. Эту Суду и Колошму („Колашну“) и еще какую-то

Нѣкоторые слѣды болѣе древней исторіи Волока Словѣнскаго сохранились въ географическихъ названіяхъ этихъ мѣстъ. Волокъ былъ Словѣнскимъ, конечно, потому, что его заняли Словѣне-Новгородцы, какъ важный пунктъ торговаго пути. Въ самомъ правописаніи и произношеніи этого названія до XVI вѣка сохранялось точно древнее имя Новгородцевъ — Словѣне. Только въ XVII вѣкѣ вмѣсто волокъ Словѣнскій т.-е. Славянскій, стали говорить и писать волокъ Словинскій.

Новгородцы, должно быть, очень давно вытѣснили отсюда финновъ, такъ какъ здѣсь финскія названія озеръ и рѣкъ издавна вытѣснены русскими. Кругомъ повсюду въ этомъ краѣ находимъ мы финскія названія рѣкъ: Улома, Лендома, Вогнема, дальше Карголома, Ухтома и т. д. Здѣсь — подъ рядъ названія русскія: р. Словѣнка, озеро Словѣнское, озеро Волоцкое, озерки Глубокое и Мелкое, Милобудье, Соколья горка и др.

Эта возвышенная мѣстность была, вѣроятно, однимъ изъ первыхъ мѣстъ, занятыхъ Новгородцами въ ихъ колонизаціонномъ движеніи на сѣверъ и сѣверо-востокъ, еще до того времени, когда на Бѣлое озеро въ IX вѣкѣ явился княжить Синеусъ.

§ 2. Волость Волочекъ Словѣнскій въ XVI вѣкѣ.

Я началъ съ небольшой археологической экскурсіи, чтобы представить читателю какъ можно нагляднѣе территорію одной изъ нашихъ древнихъ волостныхъ общинъ.

Слободку (Слободка есть на сѣв. берегу Бѣлаго озера) княгиня Федосья дала Дмитрію Донскому, а Городокъ и Волочекъ завѣщала его женѣ: „А что ми дала княгини Федосья Суду на Бѣлѣ озерѣ да Колашну и Слободку и что благословила княгиню мою Городкомъ да Волочкомъ“, говоритъ Дмитрій Донской въ духовной грамотѣ 1389 г., передавая сыну Андрею Бѣлозерскій край: „та мѣста вѣдаетъ княгини Федосья до своего жывота, а по ее жывотѣ, то княгинѣ моей“ (С. Г. Г. и Д., т. I., № 34, стр. 60). Княгиня Федосья десятка на два лѣтъ пережила в. к. Дмитрія Ивановича (ум. 1389 г.) и только около 1410 г. эти ея большія Бѣлозерскія владѣнія должны были перейти къ Андрею Дмитріевичу и долгое время были въ составѣ Бѣлозерско-Можайскаго удѣла, пока въ 1485 г. не перешли подъ власть Московскихъ государей. О князѣ Давыдѣ Семеновичѣ ср. упоминанія въ грамотахъ княгини Федосьи и игумена Трифона. *Н. Н. Дебольскій*, Изъ актовъ и грамотъ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря, № LVIII и XLI.

Эта территорія древней волости, получившей свое названіе отъ описаннаго Словѣнскаго волока, опредѣляется точно, по грамотамъ XV и XVI в. и по писцовой книгѣ 1577 года [1]).

Большая часть названій деревень въ этой книгѣ совпадаетъ съ названіями деревень, существующихъ теперь въ этихъ мѣстахъ. Отдѣльныя группы деревенекъ перечисляются писцами XVI вѣка въ томъ же самомъ порядкѣ, въ какомъ стоятъ нынѣшнія деревни съ тѣми же самыми, иногда незначительно измѣненными, названіями. Такъ, напримѣръ, въ писцовой книгѣ обозначены подъ рядъ тѣ самыя пять деревень, которыя и теперь стоятъ одна близъ другой на протяженіи 3—4 верстъ въ сѣверномъ концѣ волости: деревни *Глубокое* (теперь дер. Глубоково), дер. *Мелкое* (теперь Мелково) около озерковъ съ тѣми же названіями, къ сѣверу дер. *Холмово* (теперь Холмовая), къ югу дер. *Новоселки* и *Павловъ починокъ* (теперь Павлово). Или въ другомъ раіонѣ, на высокомъ лѣвомъ берегу рѣки Порозобицы, недалеко отъ ея истока, на протяженіи трехъ верстъ находимъ подъ рядъ пять деревень, обозначенныхъ въ томъ же порядкѣ и въ писцовой книгѣ: деревни *Коровино Большое* и *Малое* (Меньшое), дер. *Дорогуша*, деревни *Осаново Большое* и *Малое* (Осаново Бураково).

Такая устойчивость мелкихъ поселковъ въ теченіе четырехъ и болѣе столѣтій объясняется географическими условіями жизни на нашемъ сѣверѣ. Земельный просторъ здѣсь очень великъ; до нашихъ дней съ глубокой древности здѣсь остается еще много пустынныхъ земель на многіе десятки и сотни верстъ. Но на этомъ просторѣ очень мало земель, годныхъ для обработки и еще меньше земель, годныхъ для жилья. На многіе десятки верстъ здѣсь тянутся болотистыя низменности, непригодныя ни для того, ни для другого. Болѣе возвышенныя мѣста были найдены и заняты въ самомъ началѣ заселенія сѣвера, и поселки, возникшіе тогда, много столѣтій назадъ, держатся доселѣ на тѣхъ же самыхъ мѣстахъ. Болотистыя низины обсыхаютъ очень медленно, и если онѣ становятся пригодны для пашни, то деревни по старому держатся на наиболѣе сухихъ, издревле занятыхъ возвышенностяхъ.

Бѣлозерскій край, въ той его части, гдѣ находится волость

[1]) „Выпись изъ дозорныхъ книгъ конца 1577 года“ *Шумаковъ*, Обзоръ грамотъ коллегіи экономіи, в. II, стр. 136.

Волочекъ Словѣнскій, между озеромъ Бѣлымъ и Кубинскимъ, выдѣляется обиліемъ сухихъ возвышенностей, пригодныхъ для поселенія. Между названными двумя озерами тянется широкая гряда холмовъ и „горъ", какъ называютъ здѣсь болѣе высокіе холмы, въ родѣ извѣстной горы Мауры близъ Кирилова-Бѣлозерскаго монастыря. Въ волости Словѣнскій Волочекъ, кромѣ деревни Холмовки, расположенной на высокомъ холмѣ, есть три такъ называемыхъ горы, одна близъ озера Ситскаго на Колкачѣ, двѣ на озерѣ Волоцкомъ (нынѣ Благовѣщенскомъ), какъ разъ около начала волока. (Верхушка этой „горы", остроконечнаго холма, не такъ давно срыта и черезъ нее теперь идетъ дорога изъ села Волокославинскаго къ Вологдѣ).

Эти холмы, горы и возвышенности по берегамъ озеръ и рѣкъ окружены глубокими низинами, сырыми лѣсами и трясинами.

Въ волости Словѣнскій Волочекъ, по окраинамъ ея поселковъ, тянутся на много верстъ болота: Сусельскій мохъ, Очередъ, Мокрушино, Рубцовское и другія. Только въ послѣднее время, съ быстро усиливающимся обмелѣніемъ рѣкъ и озеръ и обсыханіемъ болотъ, появляются новые поселки кое-гдѣ, въ тѣхъ мѣстахъ, которыя, столѣтіе назадъ, были совершенно непригодны для жилья, для пашни и даже для сѣнокоса, но такіе поселки чрезвычайно рѣдки, какъ исключеніе изъ общаго правила. Вообще же избы деревень этого края, также какъ дома древнихъ городовъ, строятся, изъ поколѣнія въ поколѣніе, на тѣхъ же самыхъ холмахъ, которые заняты были первыми насельниками края, и деревня Павлова стоитъ тамъ же, гдѣ много столѣтій назадъ появился въ глухомъ лѣсу первый „Павловъ Починокъ".

Внѣшній видъ нѣкоторыхъ такихъ деревень мало измѣнился за эти столѣтія; избы, конечно, теперь строятся совершенно иначе; но нѣкоторыя изъ этихъ деревень представляютъ собою очень небольшіе поселки такъ же, какъ въ глубокой древности. Въ деревнѣ Павловъ Починокъ, напримѣръ, въ 1577 году было 6 дворовъ; недавно, по X ревизіи, въ ней было немногимъ больше— 8 дворовъ; теперь, по даннымъ 1896 года, въ ней считается 15 надѣльныхъ хозяйствъ, соотвѣтствующихъ древнимъ дворамъ. И весь этотъ сѣверный уголокъ Словѣнскаго Волочка, гдѣ, рядомъ съ Павловымъ Починкомъ, на небольшой возвышенности тѣснились еще 4 деревеньки (Глубокое, Мелкое, Холмово, Новоселки),

очень долго сохранялъ древній типъ деревень-мелкихъ поселковъ. Въ 1577 г. здѣсь самой большой деревней была деревня Павловъ Починокъ, въ шесть дворовъ; въ остальныхъ было отъ двухъ до четырехъ дворовъ; всего же, во всѣхъ пяти деревенькахъ, было 18 дворовъ. Черезъ три вѣка, съ 1858 г. число дворовъ въ этихъ деревняхъ увеличилось только вдвое съ небольшимъ: съ 18-ти до 38 дворовъ. Деревеньки эти въ 1577 г. были невелики—отъ 2 до 6 дворовъ въ каждой; немногимъ больше стали онѣ къ 1858 году: отъ 4 до 10 дворовъ въ каждой [1]).

Въ общемъ, однако, деревня нашего времени значительно отличается отъ деревни XVI вѣка и болѣе ранняго времени. На тѣхъ холмахъ и „горахъ“, гдѣ въ XVI вѣкѣ стояли однодворные починки и деревеньки въ 2—3 двора, теперь стоятъ, сохраняя древнія прозванія, болѣе значительные многодворные поселки, около двухъ десятковъ и въ нѣсколько десятковъ дворовъ. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ расположены были поселки древней волости Волочекъ Словѣнскій, въ наше время въ среднемъ приходится на деревню 17 хозяйствъ безъ малаго. А въ 1577 году здѣсь приходилось на деревню въ среднемъ только около $3^1/_2$ двора.

Въ это время, волость Волочекъ Словѣнскій представляла собою, какъ видно изъ писцовой книги 1577 г., союзъ очень мелкихъ поселковъ отъ одного до десяти дворовъ. Деревень было здѣсь 97, и въ нихъ всего 335 дворовъ; въ среднемъ, на деревню 3,43 двора.

Въ большей части этихъ деревень было отъ одного до трехъ дворовъ (55%); деревень средняго размѣра отъ четырехъ до семи дворовъ было 40 (41%); наибольшихъ же по размѣрамъ деревень, отъ восьми до десяти дворовъ, было только три. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ волости стояли подъ рядъ деревни въ четыре, пять, шесть дворовъ; въ другихъ, очевидно, менѣе удобныхъ для обработки или недавно только занятыхъ, преобладали однодворныя и двухдворныя деревеньки, иногда подъ рядъ 3—4 деревни въ одинъ дворъ.

Срединные и наиболѣе древніе поселки волости расположены

---

[1]) Въ 1896 году число дворовъ въ этихъ деревняхъ увеличилось въ 4 слишкомъ раза въ сравненіи съ 1577 годомъ, а именно, въ нихъ считалось 76 надѣльныхъ хозяйствъ, отъ 9 до 21, въ каждой деревнѣ.

были по очень высокимъ берегамъ двухъ озеръ, соединенныхъ волокомъ, 1) *Волоцкаго* или Порозобицкаго, по имени вытекающей изъ него рѣки Порозобицы, и 2) *Словѣнскаго*, изъ котораго вытекаетъ рѣка Словѣнка. На этихъ же озерахъ, какъ разъ около тѣхъ мѣстъ, гдѣ суда вытаскивали изъ воды на волоковую дорогу, находились два волостныхъ погоста.

„На Волочку же на Словѣнскомъ погостѣ“,—читаемъ въ писцовой книгѣ,—„погостъ Благовѣщенской у рѣки, у Порозобицы, на берегу. А на погостѣ церковь Благовѣщенье Пречистыя Богородицы. Да теплая церковь съ трапезою, страстотерпцы Христовы Ѳролъ и Лаверъ. Да на погостѣ жъ 6 келей, а въ нихъ живутъ нищіе, питаются отъ церкви Божіи“.

И теперь, также какъ 400—500 лѣтъ назадъ, у истока рѣки Порозобицы стоитъ церковь Благовѣщенская. Стоитъ она на высокомъ берегу, рядомъ съ „горой“, около которой полого опускающаяся къ озеру низина—начало древняго волока. Мѣсто ея—въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ деревни (нынѣшней деревни Волокославинской, древняго Села Великаго), какъ обыкновенно располагались древніе погосты, центральные пункты волостей, мѣста не только богослуженія, но и торга и мірскихъ волостныхъ сходовъ.

Съ возвышенности этого древняго погоста хорошо видны далеко вокругъ деревни, теперь, какъ и въ старину, составляющія приходъ Благовѣщенья Пречистой Богородицы. Это—одинъ изъ красивѣйшихъ видовъ холмистаго Бѣлозерскаго края. Далекій просторъ, глубоко внизу озеро, видное отъ края до края; напротивъ, за озеромъ, на зеленыхъ холмахъ кучки сѣрыхъ избъ; правѣе, за рѣкой лѣсъ, глухой лѣсъ сѣвера, на десятки верстъ. По рѣкѣ и озеру бурлаки тянутъ баржи съ тяжелыми грузами, лодки, какъ ихъ называютъ здѣсь, какъ въ древности ихъ называли ладьями. Нѣкогда эти ладьи останавливались около погоста и тутъ ихъ вытаскивали на волокъ. Теперь они плывутъ по озеру до шлюза, и дальше, по озеркамъ и каналамъ герцога Виртембергскаго; эти каналы идутъ въ сторону отъ древняго волока на западъ, а волокъ шелъ подъ острымъ угломъ на югъ.

Благовѣщенская церковь—каменная, большая, двухъэтажная, холоднаго, скучнаго вида церквей XVIII вѣка. Построена она въ 1785 году. Въ ея каменной оградѣ среди крестовъ кладбища, заросшихъ травою,—два каменныхъ столбика, крытыхъ желѣзомъ,

обозначаютъ мѣста престоловъ старыхъ церквей. Второй престолъ посвященъ страстотерпцамъ Флору и Лавру, во имя которыхъ въ 1577 году здѣсь, рядомъ съ Благовѣщенской церковью, сооружена была особая „теплая церковь съ трапезой“. И всѣ другія церкви въ этой мѣстности—каменныя, построены между 1740 и 1821 годами. Здѣсь не сохранилось, къ сожалѣнію, живописныхъ деревянныхъ церквей, которыя уцѣлѣли въ болѣе сѣверныхъ мѣстахъ Вологодской и Архангельской губерній.

Другой главный погостъ волости, Никольскій, на 3 версты къ югу, около того мѣста, гдѣ волокъ спускается къ Словѣнскому озеру. Въ 1577 г. здѣсь были двѣ церкви: „церковь Никола Чюдотворецъ, да теплая церковь съ трапезою Дмитрей Селунскій“. Имени этихъ самыхъ святыхъ посвящены стоящія здѣсь теперь двѣ каменныхъ церкви, одна сооруженная въ 1740, другая въ 1783 году. Около церквей небольшой торговый Никольскій поселокъ, имѣющій милліонный оборотъ, и главная—называется теперь церковью Николы на Торгу. Этотъ торжокъ устроенъ былъ Кириловымъ-Бѣлозерскимъ монастыремъ, съ разрѣшенія Бориса Годунова, въ 1602 году [1]).

Отъ двухъ озеръ, Волоцкаго и Словѣнскаго, связанныхъ волокомъ, поселки волости тянулись къ сѣверу до озерковъ Глубокаго и Мелкаго, и къ югу до озеръ Симскаго и Милобудскаго. Тѣснясь на возвышенностяхъ, деревеньки занимали длинную полосу: отъ крайняго сѣвернаго поселенія, дер. Холмовой, до крайней южной, дер. Устиновой (въ Милобудьи), по прямой линіи 30 верстъ. Въ ширину же полоса деревень равнялась 10—12 верстамъ.

Эти цифры даютъ очень неполное понятіе о территоріи волости, такъ какъ онѣ не опредѣляютъ площади лѣсовъ, сѣнокосовъ и болотъ, прилегавшихъ къ окраинамъ указанной полосы поселеній. Мы можемъ, однако, продолживъ изслѣдованіе, болѣе опредѣленно очертить древнюю территорію Словѣнскаго Волочка.

---

[1]) Игуменъ Іоасафъ обосновалъ свою просьбу объ устройствѣ торга на Волочкѣ Словѣнскомъ (который въ 1576 г. былъ пожалованъ монастырю) тѣмъ, что онъ отстоитъ отъ Вологды на 80 верстъ, а отъ Бѣлоозера на 60, и по близости его нѣтъ другихъ городовъ и торжковъ. Этотъ торжокъ сразу сталъ дѣлать большіе обороты. Грамота 1602 года говоритъ: „на Волоку Словѣнскомъ торгъ сталъ великъ; съѣзжаются торговые люди торговати съ хлѣбомъ и со всякими товары“.

§ 3. Территорія Волочка Словѣнскаго около 1400 года.

Территорія этой волости въ древнѣйшее время до XV вѣка была гораздо обширнѣе, почти втрое больше той, которая описана въ писцовой книгѣ 1577 года. Съ начала XV вѣка деревеньки волости одна за другой переходили во власть сосѣднихъ монастырей, главнымъ образомъ, Кирилова, и частью Ферапонтова, а обширные лѣса волости на окраинахъ осваивались заимкою и этихъ монаховъ и бояришекъ.

Древняя территорія волости по книгѣ 1577 года уже обрѣзана со всѣхъ ея краевъ; и даже въ центрѣ ея, въ описанной выше полосѣ поселковъ, мы находимъ нѣсколько монастырскихъ деревень: Село Великое (рядомъ съ Благовѣщенскимъ погостомъ) съ деревней Кожино и три деревни на берегу Словѣнскаго озера. Мы имѣемъ нѣсколько грамотъ XV вѣка, которыя позволяютъ намъ опредѣлить общія линіи древней территоріи этой волости, восходя къ 1400 году, когда смиренный Кирилъ только что срубилъ (въ 1397 году) первую Успенскую церковь своего знаменитаго монастыря на берегу Сиверскаго озера, въ 24 верстахъ отъ Волочка, и только что начиналъ стягивать сосѣднія крестьянскія деревеньки и пустоши подъ власть монастырскихъ старцевъ.

Кириловъ Бѣлозерскій монастырь очень хорошо (до своего оскудѣнія въ XIX вѣкѣ) хранилъ свои грамоты, особенно тѣ, которыя утверждали его права на обширнѣйшія его земельныя владѣнія, и благодаря этой дѣловитости Кириловскихъ старцевъ мы можемъ очень точно возстановить процессъ роста монастырскихъ вотчинъ за счетъ сосѣднихъ волостей и въ томъ числѣ Волочка Словѣнскаго. Изъ этихъ грамотъ особенное значеніе имѣетъ для насъ большая отводная грамота 1482 года, недавно изданная С. А. Шумаковымъ, такъ какъ въ ней точно указаны всѣ деревни, пріобрѣтенныя и захваченныя въ предѣлахъ древнихъ владѣній Волочка Словѣнскаго [1]).

Какъ видно изъ этой отводной грамоты, Кирилову монастырю

[1]) Ниже, въ связи съ другой темой: роста боярскихъ и монастырскихъ вотчинъ, я скажу подробнѣе о томъ, какъ Кириловъ монастырь постепенно овладѣвалъ землями этой древней волостной общины.

въ 1482 году принадлежало 57 деревень и 6 пустошей, на земляхъ раньше принадлежавшихъ этой волости. При отводѣ земель монастырю и раньше крестьяне волости заявляли свои притязанія на большую часть этихъ деревень, но судьи оставляли ихъ, по разнымъ основаніямъ, во владѣніи монастыря, не оспаривая того, что эти деревни нѣкогда тянули къ волости.

Присоединяя къ землямъ Словѣнскаго Волочка (97 деревень), описаннымъ въ писцовой книгѣ 1577 года, эти земли, отошедшія къ 1482 году во власть Кирилова монастыря (57 деревень) и частью монастыря Ѳерапонтова, мы приходимъ къ слѣдующимъ выводамъ относительно древнѣйшей территоріи волости, до этого ея постепеннаго расхищенія.

Въ это время, то-есть около 1400 года, и, конечно, много раньше, кромѣ описанной выше центральной полосы поселковъ около волока съ озерами Волоцкимъ и Словѣнскимъ, Словѣнскому Волочку принадлежали: 1) всѣ земли на востокъ до рѣки Порозобицы, гдѣ главнымъ селеніемъ была *Рукина слободка*, перешедшая во владѣніе Кирилова монастыря въ 1432—1435 гг.; 2) земли вокругъ озерка *Ситскаго*, перешедшія до 1482 года во владѣніе монастыря Ѳерапонтова; 3) всѣ земли къ югу отъ Милобудскаго озера, на которыхъ до начала XV вѣка не было поселеній и гдѣ княжескій тіунъ Есипъ Пикинъ „раздѣлалъ“ нѣсколько деревень, *Колкачъ*, *Талица* и другія; эти деревни послѣ его смерти, частью по его завѣщанію, частью покупкой, также перешли во владѣніе Кирилова монастыря.

Эта мѣстность раздѣлена въ наше время между тремя большими волостями Волокославинской, Бураковской и Талицкой, съ населеніемъ въ общей сложности до 24.000 душъ. И по всей видимости, территорія древней волости Волочокъ Словѣнскій очень близко подходитъ къ территоріи этихъ трехъ волостей въ совокупности. Что онѣ совпадаютъ въ общемъ, это несомнѣнно; это твердо устанавливается по названіямъ рѣкъ и озеръ и по названіямъ деревень 1482—1577 годовъ съ названіями современными. Но, по всей видимости, территорія древняго Волочка Словѣнскаго совпадаетъ съ территоріями названныхъ трехъ волостей не только въ общихъ чертахъ, но и гораздо ближе, даже въ очертаніяхъ границъ. Для большей части ея границъ, это опять-таки несомнѣнно. Какъ въ древности владѣнія волости Волочокъ Словѣн-

скій шли на сѣверо-востокъ до нижняго теченія Порозобицы и до ея притока рѣки Суслы, такъ точно и теперь идетъ здѣсь граница волости Волокославинской. Какъ въ древности большое болото Очередъ отдѣляло поселки Волочка Словѣнскаго отъ поселковъ волости Зауломской (также сохранившей доселѣ издревле свое названіе), такъ точно оно раздѣляетъ ихъ и теперь. Какъ въ древности съ юга владѣнія волости оканчивались большой лѣсистой низменностью, такъ и теперь та же низменность отдѣляетъ волость Талицкую отъ сосѣднихъ Вологодскихъ волостей. Вся восточная граница волости пріобрѣла издревле опредѣленность, потому то она опредѣляла границы между Бѣлозерскимъ и Вологодскимъ краемъ, и „Вологодскій рубежъ", частью указанный въ грамотѣ 1482 года, сохранилъ старыя свои очертанія до нашихъ дней.

Устойчивости этихъ древнихъ волостныхъ границъ, кромѣ естественныхъ условій мѣстности, содѣйствовало также то, что земли Волочка Словѣнскаго не дробились, какъ во многихъ другихъ мѣстахъ, между мелкими помѣщиками, переходя изъ рукъ въ руки, а рано сосредоточились въ рукахъ одного крупнаго вотчинника—Кирилова Бѣлозерскаго монастыря. Значительная часть волостныхъ земель Волочка, преимущественно на окраинахъ, перешла по частямъ во владѣніе этого монастыря еще въ XV вѣкѣ. Затѣмъ въ 1576 году Иванъ Грозный далъ Кирилову монастырю, въ обмѣнъ на другія, взятыя у него, земли, всю центральную территорію волости, описанную нами выше. Въ рукахъ Кирилова монастыря соединились, такимъ образомъ, почти всѣ земли волости, кромѣ небольшого числа деревень, бывшихъ во владѣніи монастыря Ѳерапонтова и 4—5 деревень сокольихъ помытчиковъ, которые были выдѣлены въ качествѣ крестьянъ государевыхъ [1]). Два столѣтія спустя, когда въ 1763 году монастырскія имѣнія были секуляризованы, земли Волочка, сохраняя древнюю связность селеній и древнія очертанія рубежей, перешли въ управленіе

[1]) Въ лѣсахъ Бѣлозерскаго края до XVIII вѣка водились соколы, теперь исчезнувшіе. Память о нихъ сохраняется въ названіи одной изъ рѣчекъ: Сокольи Горка. Это — маленькій притокъ рѣки Спзьмы близъ устья р. Ягрыша (на югѣ древней территоріи волости, въ нынѣшней волости Талицкой). Сокольи помытчики жили, однако, не здѣсь, а сѣвернѣй, недалеко отъ оз. Волоцкаго, гдѣ теперь дер. Закозье.

коллегіи экономіи. Онѣ дѣлились въ это время сначала только на двѣ волости Волокославинскую и Талицкую; позднѣе, въ 60-хъ годахъ, южная половина большой Волокославинской волости составила особую волость Бураковскую.

Все это и даетъ основаніе заключить, что нынѣшнія границы этихъ трехъ волостей близко подходятъ къ границамъ древней волости Волочекъ Словѣнскій. Если онѣ измѣнились, то очень немного, только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ. И если теперь въ этихъ волостяхъ считается всего земли удобной и неудобной, подъ усадьбами, пашней, сѣнокосомъ, выгономъ и лѣсомъ по суходолу и болоту 82,757 десятинъ, то надо полагать, что такова же, приблизительно, была площадь земель изучаемой нами древней волости, около 1400 года. На этой обширной территоріи, около 800 кв. верстъ, теперь имѣется 4.000 слишкомъ надѣльныхъ хозяйствъ и живетъ до 24.000 человѣкъ.

Окраины этой территоріи и теперь еще покрыты большими лѣсами и низменностями. Въ древности площадь этихъ пустыхъ окраинъ была гораздо значительнѣе. Всѣ наиболѣе удобныя для поселенія возвышенности заняты были къ 1480-му году. Къ этому времени очерченъ былъ вполнѣ тотъ кругъ поселковъ, который сохраняется до сихъ поръ, сжатый естественными условіями рельефа мѣстности. Тогда уже возникли почти всѣ тѣ деревни, которыя существуютъ теперь съ тѣми же названіями. Грамоты даютъ намъ ясныя указанія на этотъ процессъ колонизаціи между 1400—1482 годами.

За это время, кромѣ нѣсколькихъ починковъ, поставленныхъ въ кругѣ занятыхъ ранѣе поселковъ, впервые колонизована была обширная южная оконечность волости, земли за р. Ягрышемъ. Здѣсь найдена была довольно большая возвышенность, удобная для поселеній. Первыя пять деревенекъ, Колкачъ, Талица и др. поставлены были здѣсь въ началѣ XV вѣка, до 1432. Когда затѣмъ эти деревни перешли къ Кирилову монастырю, то старцы очень скоро, къ 1482 году, поставили здѣсь „на лѣсехъ“ еще 10 деревень и починковъ; названія этихъ первыхъ поселковъ, сохраненныя грамотой 1482 года, опять-таки совпадаютъ съ названіями нынѣшнихъ деревень въ этой мѣстности. За однимъ изъ этихъ починковъ, поставленныхъ на ельникѣ, утвердилось названіе „починокъ на ельникѣ“, и деревня на этомъ мѣстѣ назы-

вается по-теперь Ельники; за другимъ починкомъ, поставленнымъ на дору (доръ значитъ росчисть, чищоба), утвердилось названіе „починокъ на дору“, и отъ него то ведетъ свое начало нынѣшняя деревня Доръ (близъ Талицъ). Крестьяне Волочка Словѣнскаго при отводѣ монастырскихъ земель, въ 1482 году, предъявили свои права на земли, занятыя всѣми этими 15-ю деревнями, но судьи, не оспаривая того, что эти земли нѣкогда тянули къ Волочку, оставили ихъ во владѣніи монастыря.

Эти колонизованныя впервые въ 1400 — 1480 гг. земли, съ прилегающими къ нимъ съ юга обширными лѣсами и болотами, составляютъ большую часть нынѣшней волости Талицкой, то-есть площадь въ 250 верстъ приблизительно (всего въ Талицкой волости—326 кв. верстъ).

Этотъ фактъ показываетъ намъ, какъ много свободныхъ земель, удобныхъ для разработки, было на той обширной территоріи въ 800 квадр. верстъ, которая принадлежала Словѣнскому Волочку въ 1400 году и раньше.

§ 4. Волость-община.

Что такое эта *волость*, владѣвшая обширной территоріей въ нѣсколько сотъ верстъ и дѣятельно охранявшая ее отъ цѣпкихъ рукъ чернецовъ богатаго монастыря? Эта волость — Словѣнскій Волочекъ—была общиной, какъ и другія древнія волости.

Въ слѣдующей главѣ я подробно выясню устройство нашей волостной общины удѣльнаго времени, сравнивъ ее съ германской общиной среднихъ вѣковъ. Тамъ я воспользуюсь грамотами, относящимися къ разнымъ волостнымъ общинамъ, выясняя ихъ общія черты. Здѣсь же укажу вкратцѣ основныя черты этой волостной общины на примѣрѣ одной волости. Различныя черты волостной общины выясняются вполнѣ лишь по грамотамъ, относящимся къ различнымъ волостямъ и разнаго времени—съ XV до начала XVII вѣка. По счастью, у насъ имѣется нѣсколько грамотъ, относящихся къ одной названной волости—Волочекъ Словѣнскій—и очень древнихъ, XV вѣка. Эти грамоты и позволяютъ тѣсно связать извѣстныя намъ по актамъ отдѣльныя черты разныхъ волостныхъ общинъ, пріурочивъ ихъ къ одной волости. Онѣ рисуютъ въ ясныхъ чертахъ общинное устройство XV вѣка

той волости — Волочекъ Словѣнскій, съ территоріей которой мы познакомились.

Живыя рѣчи крестьянъ, записанныя дьяками въ грамоты, воскрешаютъ общинную жизнь Волочка Словѣнскаго, восходя къ 1400-му году.

Около 1490 года на берегахъ Словѣнскаго озера, недалеко отъ истока рѣки Словѣнки, великокняжескій судья судилъ судъ между волостными и монастырскими крестьянами [1]). Между ними шелъ споръ о пустоши Кочевинской, гдѣ теперь деревня Кочевино. Въ судной грамотѣ по этому дѣлу точно записаны показанія истцовъ, отвѣтчиковъ и свидѣтелей. И эти рѣчи живо характеризуютъ общинныя права волости на лѣсъ и другія угодья.

Крестьянинъ Савка такъ говорилъ судьѣ о поставленномъ имъ починкѣ въ волостномъ лѣсу: „Мнѣ, господине, *тотъ лѣсъ дала волость, староста со крестьяны*, и язъ, господине, избу поставилъ".

Въ одно время съ этимъ дѣломъ судья разбиралъ тяжбу между волостными и монастырскими крестьянами о спорныхъ покосахъ въ той же мѣстности. Этими покосами на дорахъ или дорищахъ, то-есть росчистяхъ, владѣли крестьяне двухъ деревень близъ южнаго берега Словѣнскаго озера: Мысъ и Борокъ (изъ нихъ деревня Мысъ существуетъ до сихъ поръ). Крестьяне этихъ деревень, Филиско и Макута, также какъ крестьянинъ Савка Мондаковъ, сослались, въ подтвержденіе своихъ правъ на спорныя дорища, на волость, на волостную общину въ лицѣ ея старосты Гриди Никитина.

Стоя вмѣстѣ съ судьей на мѣстѣ, гдѣ находились эти спорные росчисти-сѣнокосы, они такъ говорили судьѣ:

„То, господине, сѣно стоитъ наше лонское. (Лони—въ прошломъ году; лонское—прошлогоднее). А *продала намъ*, господине, то дорищо (росчисть) *волость* къ нашимъ деревнямъ, къ Борку да къ Мысу".

Въ подтвержденіе своихъ словъ они ссылаются на волостного старосту Гридю Никитина и „добраго мужа" Оникѣя Шестакова, которые присутствовали при этомъ судномъ слѣдствіи въ качествѣ представителей волостной общины.

[1]) А. Ю., № 6.

19159

„А вѣдомо, господине,—заявляютъ они судьѣ—старостѣ Гридѣ Никитину да Оникѣю Шестакову, что то дорищо нашихъ деревенъ. А се, господине, староста Гридка и Оникѣй передъ вами".

„И судьи спросили—читаемъ дальше въ грамотѣ—Гридки и Оникѣя: „Кто тѣ доры коситъ? Укажите вы намъ тѣмъ дорищомъ межу".

Волостной староста въ отвѣтъ на это вполнѣ подтверждаетъ показаніе крестьянъ, владѣвшихъ спорными покосами.

„Придали, господине,—заявляетъ онъ судьѣ—доры къ тѣмъ деревнямъ, къ Борку да къ Мысу, тѣмъ крестьяномъ, Филиску да Макутѣ".

Этотъ староста, Гридя Никитинъ, энергично отстаиваетъ интересы волости въ земельныхъ спорахъ ея съ Кириловымъ монастыремъ, и онъ же участвуетъ въ размежеваніи съ монастыремъ: „А отводъ тѣмъ деревнямъ (Кириловскимъ) отъ великаго князя деревень, отъ Волоцкихъ повели отводчики великаго князя Неклюдъ Поповъ сынъ Никольскаго, да староста Гридя Никитинъ". Нѣсколько позже, на размежеваніи 1495 г. выступаетъ старостой Оникѣй Шестаковъ, который на судныя дѣла 80-хъ годовъ всегда являлся вмѣстѣ съ Гридей Никитинымъ въ качествѣ „добраго человѣка". Предшественникомъ Гриди Никитина былъ упоминающійся въ грамотѣ 1471—1475 г. „Староста Волоцкой Ѳедко". Въ грамотахъ начала этого столѣтія, до 1427 года, упоминается „староста Окулъ" въ качествѣ послуха по продажѣ земель Словѣнскаго Волочка [1]).

Эти извѣстія показываютъ ясно, что волость Словѣнскій Волочекъ была волостью-общиной. Волостные крестьяне владѣютъ

---

[1]) *Шумаковъ*, Обзоръ грамотъ коллегіи экономіи, вып. II („Чтенія О. И. и Др. Р.", 1900 г., кн. 3), стр. 95—97, 116; А. Юр., № 6; Акты Ѳед. Чех., I, № 17; ср. „староста Оника Шестаковъ" въ разъѣжей грамотѣ 1395 г. А. Юр. Б., I, № 53.—*Н. Н. Дебольскій*, „Изъ актовъ и грамотъ (Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря" („Вѣстникъ Археологіи и Исторіи, изд. С.-Петербургскимъ Археологическимъ институтомъ", вып. XIII), № XIV (Ѳедко), № XIX и № CXLII (Окунъ). — Въ началѣ XVI в. упоминается староста Словѣнскаго Волочка Пашко Опофреевъ и въ 1534 г.—Бунко: Акты Ѳед. Чех., I, № 14 (1505 — 1533 г.): „шлемся на Словѣнскую волость... на старосту на Пашка и на Опофреева сына", А. Ю., № 20 (1534 г.): „Волотцкой староста Бунко", на розъѣздѣ съ судьею.

сообща различными угодьями. „Староста и всѣ крестьяне“, то-есть *міръ*, распоряжаются участками лѣса и покосами-доищами, давая ихъ въ пользованіе отдѣльнымъ крестьянамъ.

Къ этому волостному міру, помимо намѣстниковъ и тіуновъ, непосредственно обращаются сами князья и великіе князья по разнымъ поземельнымъ дѣламъ. Грамота Бѣлозерскаго князя Михаила Андреевича, 1435—1447 гг., начинается слѣдующимъ обращеніемъ къ міру: „Отъ князя Михаила Андреевича на Волокъ старостѣ и всѣмъ крестьянамъ“. Князь говоритъ въ ней о пожняхъ Рукиной слободки (недалеко отъ устья р. Порозобицы), которая незадолго передъ тѣмъ по его жалованной грамотѣ перешла отъ волостной общины къ Кирилову монастырю. Нѣсколько поженъ, тянувшихъ къ этой слободкѣ, князь оставилъ сначала во владѣніи волости; но игуменъ Трифонъ (1435—1447) выпросилъ эти пожни въ придачу къ пожалованной монастырю слободкѣ. И князь пишетъ „старостѣ и всѣмъ крестьянамъ“: „Что есмы вамъ далъ былъ пожни Рукинскіе, и язъ нынѣ тѣ пожни подавалъ игумену Трифону, какъ были прежъ сего, которые пожни тянули изстарины къ Рукиной (слободкѣ). И вы бы ся въ тѣ пожни не вступали. Вѣдаетъ ихъ игуменъ Трифонъ“.

Точно такъ же въ концѣ этого XV вѣка Московскій великій князь Иванъ III, вскорѣ послѣ того, какъ Бѣлозерскій край перешелъ подъ его власть, дважды обращается непосредственно къ міру Волочка Словѣнскаго, какъ и другихъ Бѣлозерскихъ волостей. „Отъ великого князя Ивана Васильевича всеа Руси на Бѣлоозеро сотнику Городецкому и всѣмъ христіаномъ, и на Волочекъ на Словѣнской, и на Ирдму и на Углу, *старостимъ и всѣмъ христіаномъ*“. Одинъ разъ онъ проситъ ихъ „не вступаться въ монастырскія земли и въ пожни“ Кирилова монастыря; другой разъ говоритъ о переходѣ монастырскихъ крестьянъ на волостныя земли. Эта вторая грамота хорошо характеризуетъ жизненность и силу волостной общины-міра XV вѣка. Эти общины такъ же, какъ крупные собственники, перезываютъ на свои земли монастырскихъ крестьянъ, „отказываютъ“ ихъ отъ монастыря. И великій князь предписываетъ старостамъ, чтобы они, отказывая монастырскихъ крестьянъ „серебрениковъ“, то-есть получившихъ отъ монастыря серебро-деньги, уплачивали это серебро при вывозѣ крестьянина: „которой христіанинъ скажется въ ихъ серебрѣ виноватъ, и вы бы

ихъ серебро заплатили монастырьское, да и христіанина вывезете вонъ“ [1]).

О правахъ волостного міра Словѣнскаго Волочка въ отношеніи суда и сбора налоговъ мы узнаемъ изъ уставной Бѣлозерской грамоты 1488 года. Грамота эта дана была всѣмъ Бѣлозерцамъ, горожанамъ и волостнымъ людямъ, и общія постановленія этой грамоты относятся всецѣло и къ Бѣлозерскому Словѣнскому Волочку; онъ и упоминается въ грамотѣ особо, въ статьяхъ, говорящихъ объ уплатѣ пошлинъ гостями на волокѣ.

По этой уставной грамотѣ, утверждавшей древній обычный порядокъ, всѣ волостныя общины, въ лицѣ своихъ выборныхъ представителей, участвуютъ въ судѣ княжескихъ властей; намѣстники и тіуны не могутъ судить волостныхъ людей иначе, какъ при участіи сотскихъ и „добрыхъ людей“.

На волости-общинѣ лежитъ обязанность производить слѣдствіе по важнѣйшимъ уголовнымъ дѣламъ. Если въ волости случится убійство, то волость обязана искать душегубца и выдать его намѣстнику или тіуну; если же она не доищется душегубца, то обязана платить „вину“, или „виру“ въ четыре рубля.

Наконецъ, волость-община имѣетъ право раскладки и сбора налоговъ. Намѣстнику и его подчиненнымъ, тіунамъ и доводчикамъ, строго воспрещается самимъ собирать въ волостяхъ свои „кормы“ и „поборы“. По уставной грамотѣ они должны получать кормы и поборы отъ сотскихъ не въ станахъ, а въ городѣ.

Въ слѣдующей главѣ, по извѣстіямъ, относящимся къ разнымъ волостямъ XV—XVI столѣтій, я подробнѣе опишу всѣ эти черты древней волостной общины. Но я полагаю, что уже и эти немногія, но ясныя извѣстія, относящіяся къ одной волости Волочекъ Словѣнскій, изъ одного только XV вѣка (1432—1490 гг.), даютъ понятіе о существѣ волости-общины этого времени.

Эта волостная община среднихъ вѣковъ въ существѣ своемъ близка къ современной намъ сельской общинѣ. Существо ихъ одинаково заключается въ мірскомъ самоуправленіи. Существующій *міръ* Волокославинской волости очень близокъ къ міру, въ лицѣ „старосты и всѣхъ крестьянъ“, заправлявшему дѣлами Волочка Словѣнскаго въ XV вѣкѣ и, надо полагать, съ глубокой

[1]) А. Э., I, № 73.

древности. Древнее мірское самоуправленіе слагалось такъ же, какъ нынѣшнее, изъ нѣкоторыхъ важныхъ правъ, въ отношеніи суда и налоговъ, и осуществлялось выборными властями.

Древнюю волость-общину сближаетъ съ современной намъ сельской общиной, кромѣ этого міра, также общинное владѣніе угодьями. Они одинаково сообща владѣютъ нѣкоторыми угодьями, лѣсами, сѣнокосами, водами.

Таковы два существенныхъ пункта, сближающіе древнее общинное устройство съ современнымъ. Существующій доселѣ міръ ведетъ свое начало изъ глубокой древности. Новая община, несомнѣнно, сродни общинѣ древней.

Но между ними, при существенномъ сходствѣ, есть и существенное различіе. Характерную черту современной намъ общины составляетъ „общинное землевладѣніе", въ спеціальномъ значеніи этого термина. Существо его, какъ извѣстно, выражается въ передѣлахъ земли, производимыхъ сельскими обществами чрезъ различные промежутки времени. Крестьяне не имѣютъ на землю права собственности, и размѣры участка каждаго крестьянина измѣняются при передѣлахъ соотвѣтственно наличному числу душъ, членовъ сельскаго общества.

Этихъ передѣловъ земли въ древней общинѣ не было. Владѣя многими угодьями сообща, крестьяне древней волости владѣли своими пашнями, сѣнокосами и другими землями, какъ собственностью.

Относительно той волости Волочекъ Словѣнскій, на которой мы въ этой главѣ сосредоточили свое вниманіе, это точно доказывается нѣсколькими грамотами, которыми крестьяне продаютъ и завѣщаютъ Кирилову монастырю свои деревни и пустоши.

Такъ, напримѣръ, въ 1428—1432 гг., какъ видно изъ сохранившейся данной грамоты, одинъ изъ волощанъ Панкратъ Евсѣевъ далъ въ домъ Пречистой Богоматери, въ Кириловъ монастырь, „деревню Осницкую, да пустошь Ратмарову", наволокъ и поженьки на р. Порозобицѣ. Это нынѣшнія деревни Волокославинской волости Осникъ и Ратморово, недалеко отъ рѣки Порозобицы [1]). Въ эти же годы другой волощанинъ Окишь Негодяевъ „далъ по

[1]) Кромѣ того онъ далъ еще пустошь Матюнинскую и наволокъ Ергоботскій. Названій этихъ теперь не сохранилось.

отцѣ по своемъ Паньковскую землю въ домъ святой Богородицѣ": это нынѣ дер. Паньково къ югу отъ названныхъ выше деревень. Принадлежность этихъ деревень къ волостной территоріи, до перехода ихъ въ монастырь, доказывается отводной грамотой 1482 года. При отводѣ земель монастырю, крестьяне волости Волочекъ Словѣнскій, во главѣ со своимъ старостой Гридкой Никитинымъ, предъявили требованіе о возвращеніи волости названныхъ трехъ деревень и другихъ въ этой же мѣстности. Но великій князь отказалъ имъ въ этомъ искѣ, сославшись на „Панкратову грамоту данную" и на жалованную грамоту князя Андрея Дмитріевича, подтвердившаго эту данную, а также на давность владѣнія, „потому, что христіяне искали за старину за тридцать лѣтъ" [1]).

Крестьяне волости не только давали даромъ свои деревеньки и пустоши монастырю, но и продавали ихъ за деньги, иногда назначая за нихъ изъ тѣхъ же благочестивыхъ побужденій—очень сходную цѣну. Такъ въ 1428—1432 гг. Павелъ Филиповъ продалъ монастырю, взявъ полтину и десять бѣлъ, свою пустошь Кочевинскую. Это—та пустошь (нынѣ дер. Кочевино), недалеко отъ истока р. Славянки, изъ-за которой, какъ разсказано выше, волость позднѣе, въ 1482 г., тоже вела тяжбу съ монастыремъ [2]).

Итакъ, средневѣковая наша волостная община состояла изъ крестьянъ собственниковъ и въ ней не было тѣхъ предѣловъ земли, къ которымъ нѣкоторые новѣйшіе изслѣдователи неправильно сводятъ все существо общины, забывая о другомъ, и исторически основномъ, ея элементѣ, мірскомъ самоуправленіи. Въ изучаемой нами волости XV вѣка передѣловъ не было, и они не могли возникнуть потому, что не было условій, необходимыхъ для ихъ возникновенія.

Изслѣдователи нашей новой общины послѣднихъ двухъ сто-

---

[1]) *Шумаковъ*, Обзоръ грамотъ кол. эк., в. II, стр. 92. Даная Панкрата Евсѣева—у *Н. Н. Дебольскаго*, указ. изд., № XXIII, жалованная грамота кн. Андрея Дмитріевича тамъ же, № XXI.

[2]) *Н. Н. Дебольскій*, указ. изд., № XXIV.—Нѣсколько раньше, при первомъ игуменѣ Кирилѣ (до 1427 г.), монастырь купилъ за 4 рубля у волощанина Ивана Евсѣева „землю Захарьинскую со всѣми участки, что потянуло къ той земли, и съ пожнями и куды топоръ и коса ходила"—тамъ же № XIX.

лѣтій хорошо выяснили эти условія, при которыхъ появляются передѣлы. На примѣрѣ общинъ Сибирской и другихъ нашихъ окраинъ они устанавливаютъ, что передѣлы обусловливаются *земельнымъ утѣсненіемъ*, и что раньше, пока есть земельный просторъ, крестьяне владѣютъ землею, какъ собственностью, по праву труда (труда, вложеннаго въ обработку земли), или просто по праву захвата вольной заимки.

Я не даромъ такъ подробно описывалъ выше территорію волостной общины XV вѣка. Изъ этого описанія ясно, что на Волочкѣ Словѣнскомъ въ 1400 году не могло быть и рѣчи о земельномъ утѣсненіи, обусловливающемъ передѣлы. Здѣсь былъ достаточный съ избыткомъ земельный просторъ, если здѣсь въ 1410—1480 годахъ возникаютъ впервые десятки новыхъ деревень, и занимается первыми поселками-починками вся обширная южная оконечность волостной территоріи, въ границахъ нынѣшней волости Талицкой.

Современная намъ община представляетъ собою сельское общество одной или двухъ-трехъ деревень, въ нѣсколько десятковъ дворовъ, страдающихъ отъ недостатка земли. Древняя волость-община — это союзъ мелкихъ поселковъ, по большей части, отъ одного до трехъ дворовъ, разбросанныхъ на очень большой территоріи, въ предѣлахъ которой долгое время остается много земель, пригодныхъ для пашни и для поселенія и свободныхъ только потому, что не достаетъ рукъ для ея обработки. Теперь Волоколамская волость очень бѣдна землею; своего хлѣба здѣсь, какъ и во многихъ другихъ волостяхъ сѣвера, не хватаетъ; населеніе живетъ разными промыслами. Древняя же волость Волочекъ Словѣнскій, какъ указано выше, призывала крестьянъ на свои пустующія земли.

Въ древней общинѣ-волости вслѣдствіе земельнаго простора не было передѣловъ, но за то въ ней полнѣе былъ развитъ основной элементъ всякой общины, міръ, мірское самоуправленіе. Въ древности, при слабости государственной княжеской власти, оно было болѣе самостоятельнымъ и составляло главную основу государственнаго порядка.

Древняя волость-община была самоуправляющимся союзомъ съ обширной территоріей. Хотя члены этой общины владѣли землею на правѣ собственности, тѣмъ не менѣе поземельныя права ея

имѣли очень важное значеніе. Владѣя обширными общинными угодьями, лѣсами, сѣнокосами, озерами и рѣками, волость-община вмѣстѣ съ тѣмъ имѣла нѣкоторыя права и на земли, принадлежавшія крестьянамъ на правѣ собственности. Въ ея владѣніе переходили всѣ выморочные и покинутые собственниками участки. Имѣя нѣкоторыя судебныя и податныя права въ отношеніи лицъ, владѣвшихъ участками волостной земли, волость охраняла цѣлость волостной территоріи и боролась противъ перехода деревень и пустошей во власть монастырей и другихъ привилегированныхъ крупныхъ землевладѣльцевъ. Участки земли, составлявшіе собственность крестьянъ, тянули къ волости данью и судомъ и принадлежали къ волостной территоріи. Волость-община имѣла высшую территоріальную власть на всѣ земли, лежавшія въ ея границахъ, какъ свободныя, такъ и освоенныя частными собственниками.

II. Территоріи волостей.

§ 5. Волости разныхъ областей Удѣльной Руси.

Въ предыдущихъ §§ я обстоятельно описалъ территорію одной древней волости. Этотъ одинъ примѣръ, конечно, недостаточенъ. И поэтому я опишу здѣсь, уже въ болѣе общихъ чертахъ, территоріи еще нѣсколькихъ волостей изъ разныхъ областей сѣверо-восточной Удѣльной Руси.

Прежде всего возьму еще одну волость изъ того же Бѣлозерскаго края, гдѣ находилась волость Волочекъ Словѣнскій. Это—волость *Федосьинъ Городокъ*, земли которой лежали неподалеку отъ этого Волочка. Ея древняя территорія возстанавливается по писцовой книгѣ 1585 года [1]) въ связи съ грамотами болѣе ранняго времени.

Центральный пунктъ волости, ея главный погостъ, лежалъ на берегу р. Шексны, недалеко отъ ея истока; мимо него плыли суда внизъ по рѣкѣ къ устью р. Славянки и описанному выше волоку. Этотъ пунктъ доселѣ сохраняетъ свое древнее названіе „Городокъ“ и „Федосьинъ Городокъ“. Это очень высокій холмъ—

[1]) „Писцовыя книги, издаваемыя Имп. Рус. Геогр. Общ.“, ч. I, отд. 2, стр. 411—417.

„гора“, на самомъ берегу Шексны [1]), съ очень крутыми боками и съ ровной площадью наверху, болѣе 200 шаговъ длины и 100 шаговъ ширины. Теперь на ней стоитъ каменная приходская церковь, избушки причетниковъ, сохраняющихъ старинное названіе—кельи, и небольшая усадьба помѣщиковъ, предку которыхъ этотъ Городокъ былъ пожалованъ въ помѣстье при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ.

По писцовой книгѣ 1585 года въ Федосьинѣ городкѣ такъ же стояла церковь во имя Преображенія, какъ и нынѣшняя, но деревянная, и помѣщались дворы попа и пономаря, три кельи нищихъ и 4 двора крестьянъ. Раньше тутъ же, на холмѣ, стоялъ дворъ волостеля; но въ 1585 году это было уже только „мѣсто дворовое, что былъ царя и великаго князя дворъ волостелинъ“. Въ еще болѣе древнее время на этомъ холму, по всей вѣроятности, было сооружено укрѣпленіе, деревянный острогъ, отъ котораго и пошло его названіе—Городокъ. Для такого укрѣпленія холмъ этотъ представляетъ замѣчательно удобную естественную возвышенность; ея очень ровная площадка и крутой отвѣсъ къ Шекснѣ, однако, носятъ слѣды древней искусственной обработки. Названіе Федосьинъ утвердилось за Городкомъ по имени его владѣтельницы, княгини Федосьи, которой до начала XV вѣка, какъ сказано выше, принадлежалъ также и Волокъ Словѣнскій (§ 1) [2])

Къ этому Городку тянула въ древности очень обширная волость, территорія которой была немногимъ меньше земель Волочка Словѣнскаго. Территорія эта къ 1585 году еще больше пострадала отъ захватовъ со стороны трехъ сосѣднихъ монастырей, чѣмъ территорія Волочка. По писцовой книгѣ 1585 года въ „волости Федосьинъ Городокъ“ было всего 37 деревень и въ нихъ 174 двора. Деревни волости представляли собою такъ же, какъ въ Волочкѣ Словѣнскомъ, небольшіе поселки, но, въ среднемъ, нѣсколько

[1]) Въ 9 верстахъ отъ гор. Кирилова, въ двухъ верстахъ отъ Горицкаго женскаго монастыря.

[2]) Городокъ описываю я по личнымъ наблюденіямъ. Принадлежитъ онъ теперь господамъ Золотиловымъ. У нихъ сохранилась жалованная грамота на Городокъ царя Алексѣя Михайловича Тихону Золотилову. Теперь крестьяне называютъ его „Городокъ“, но нѣкоторые помнятъ и названіе Федосьинъ Городокъ; такъ обозначенъ онъ и на картѣ полк. Безкорниловича, 1848 года.

бо̀льшихъ размѣровъ (здѣсь на деревню въ среднемъ приходится 4, 6 дворовъ, а тамъ 3, 4). Поселки эти стояли также разбросанно, на пространствѣ 20 верстъ въ длину. Отъ рѣки Шексны деревни тянулись на сѣверъ и сѣверо-востокъ полосою къ берегамъ озеръ и озерковъ, по группѣ маленькихъ озерковъ (оз. Лыдоръ, Шайборъ, Юдинское, Осташевское), затѣмъ по берегамъ двухъ болѣе значительныхъ озеръ въ 5 и 7 верстъ длиною: Соральское и Бородавское [1]).

---

[1]) Мѣстоположеніе деревень волости, по описанію ея 1585 г. (Писцов. книги Калачова, отд. II, с. 411—417), легко выясняется по 5-ти верстной съемкѣ полк. Безкорниловича, 1848 г. (Новгор. губ., л. V), такъ какъ большая часть озеръ и деревень носятъ теперь тѣ же или немного измѣненныя названія. Озера Юдино и Осташево значатся на съемкѣ въ 3 и 4 верстахъ къ сѣверу отъ Федосьина Городка. Вслѣдъ за этими озерами упомянуты въ писцовой книгѣ (с. 412) дер. Лимоново у оз. Шайбора (такъ надо исправить опечатки на страницѣ 412 писц. книги по правильнымъ названіямъ на стр. 416) на рѣчкѣ на Васплевкѣ; на картѣ обозначена дер. Лимоново у оз. безъ названія (Шайборъ) на рѣчкѣ, вытекающей изъ озерка Васплева. Затѣмъ, въ писцовой книгѣ слѣдуетъ дер. Власова; см. на картѣ ту же деревню къ сѣверу отъ озерковъ, на большой дорогѣ въ гор. Кирилов. Далѣе, въ писцовой книгѣ, обозначены подъ рядъ деревни Ершово, Бутово, Жохово и нѣсколько ниже дер. Кнутово у озера Соральскаго. Тѣ же самыя четыре деревни находимъ на картѣ, на западномъ берегу озера Соровскаго (такъ это озеро называется теперь и по статистич. изданію Новгородскаго земства: названіе измѣнилось, м. б., отъ находящейся на рѣчкѣ, текущей изъ озера, пустыни Нила Сорскаго).

Дальше, въ писцовой книгѣ, оз. Щолково и оз. Лыдоро: на картѣ, возвращаясь отъ озера Соровскаго къ югу, къ названнымъ выше озеркамъ, находимъ озера Лыдыря и Шолкова. Нѣсколько дальше, въ писц. книгѣ (с. 413), деревни у озера Бородавскаго: Малино, Мысъ, Прокопово, Зайцово, Плѣшово, Филиново, Лукинское. Всѣ тѣ же деревни значатся и на картѣ, только названіе измѣнено: вмѣсто Плѣшово—Лѣшова. Дальше, въ писцовой книгѣ, дер. Окулово и Есюнино у оз. Бурьска (с. 414). На картѣ—къ югу отъ озера Бородавскаго, двѣ деревни, съ тѣми же названіями, и озерки Бугеро и Окуловское. Мѣстоположеніе двухъ слѣдующихъ деревень: Городище. Мичаково, мнѣ неясно. Если вмѣсто Мичаково читать Мигачево, то дер. Мигачево и рядомъ Городище находится на правомъ берегу Шексны, противъ Федосьина городка. Р. Выкса, упоминаемая дальше, обозначена на картѣ, какъ притокъ Шексны, къ сѣверо-западу отъ озерковъ Юдина и др. Эту „Мигачевскую деревню... и з Городищомъ“ купилъ игуменъ Кирило у черньца Ософонта въ 1397—1427 г.г. На нихъ („пустошь Городищо да Мигачовскій починокъ) кн. Андрей Дмитріевичъ далъ Кирилу льготную и не-

Въ болѣе древнее время территорія волости была болѣе обширной, по меньшей мѣрѣ, вдвое. Отдѣльные куски ея постепенно, въ XV вѣкѣ, переходили во владѣніе монастырей Кирилова, Ѳерапонтова и Никитскаго. По писцовой книгѣ 1585 года волости принадлежала только $^1/_4$ Бородавскаго озера, а $^3/_4$—Ѳерапонтову, и въ мелкихъ озеркахъ, гдѣ $^1/_2$, гдѣ $^2/_3$ принадлежали монастырямъ Кирилову и Никитскому [1]).

Такія же обширныя волостныя территоріи, какъ въ Бѣлозерскомъ краю, находимъ и въ другихъ областяхъ Руси: и въ Твери, и въ Москвѣ, и въ Новгородѣ, и въ Рязани. Территоріи нѣкоторыхъ древнихъ волостей легко возстанавливаются по писцовымъ книгамъ XVI вѣка.

Значеніе термина волость измѣнилось къ этому времени, или точнѣе, онъ получилъ новый производный смыслъ, рядомъ съ сохранявшимся еще старымъ значеніемъ. Волость XVI вѣка, это обыкновенно уже не община, земельный самоуправляющійся союзъ, а административный округъ. Тотъ процессъ разрушенія древней волости-общины, который мы наблюдали въ Волочкѣ Словѣнскомъ, процессъ перехода отдѣльныхъ частей волостной территоріи въ руки крупныхъ собственниковъ къ XVI вѣку, въ большей части мѣстъ, уже закончился. Территорія древней волости была разорвана на болѣе крупныя части и мелкіе отдѣльные куски.

судимую грамоту (*Дебольскій*, №№ XXXII, с. 20 и № XL, с. 22). Деревни по озеру Бородавскому теперь состоятъ въ волости Ферапонтовской; остальныя, названныя выше, въ волости Вогнемской. Волость Вогнема существовала и въ древности, но отдѣльно отъ Федосьина Городка. Близъ Городка, по писцовой книгѣ, крестьяне весною ловили рыбу семью неводами на 9 топяхъ, давая съ улова въ дворцовый приказъ 15 осетровъ, 100 стерлядей, около трехъ пудовъ икры. За 100 лѣтъ до этого князь Михаилъ Андреевичъ держалъ „подъ Ѳедосьинымъ Городкомъ на Быстрой топѣ“ своего „ѣзовщика“ и приказывалъ ему давать изъ улова въ монастырь, на Кирилову память, по два осетра: Доп. къ А. Ист. I, № 192, 1448–1481.

[1]) Указаніе на переходъ земель волости во владѣніе монастырей въ XV в. даетъ отводная грамота 1482 года. (*Шумаковъ*, Обзоръ, II, с. 82, 87—89, 105—106, 111) и нѣкоторыя вкладныя и жалованныя грамоты, напримѣръ, цитированныя здѣсь выше грамоты о Мигачевѣ и Городищѣ. Въ несудимой грамотѣ на эти починокъ и пустошь князь Андрей Дмитріевичъ говоритъ: „а волостели мои Городцкіе къ тѣмъ людямъ не всыляютъ ни по что“. Слѣдовательно, эти поселки раньше тянули къ Городку, или къ волости Федосьинъ Городокъ.

И эти части теперь объединялись уже только принадлежностью къ одному административному округу.

Границы этихъ новыхъ округовъ, большею частью, совпадали съ границами древнихъ волостныхъ территорій. И центральные пункты новой волости, *округа*, иногда сохранялись старые. Дворъ волостеля, окружного начальника, ставился иногда въ селѣ около погоста или на самомъ погостѣ, этомъ древнемъ центрѣ общины-волости.

Кромѣ обычной устойчивости сложившихся, застарѣвшихъ отношеній, на это вліяли также естественныя условія, географическая связность поселковъ по берегамъ рѣкъ и озеръ. Группа поселковъ на какой либо возвышенности естественно тянетъ къ тому центру, съ которымъ ее связываетъ рѣка, а не къ тѣмъ сосѣднимъ центрамъ, отъ которыхъ ее отрѣзываютъ болота. Эти „естественныя границы“ и опредѣляютъ во многихъ мѣстахъ ту замѣчательную близость территорій древнѣйшей волости-общины, волости-округа Московской эпохи, а иногда и волости нашего времени.

Разсмотримъ одну изъ волостей въ средней Руси, въ Московскомъ уѣздѣ, волость *Вохну*, которая часто упоминается въ числѣ Московскихъ волостей въ духовныхъ грамотахъ великихъ князей, начиная съ грамоты Ивана Калиты 1328 г. Волость Вохна описана въ двухъ писцовыхъ книгахъ 80-хъ г.г. XVI столѣтія. [1]) Территорія ея сохранилась, повидимому, въ цѣлости съ древности до этого времени; во всякомъ случаѣ, если небольшіе участки этой территоріи и были оторваны отъ нея, перейдя во владѣніе монастырей или помѣщиковъ, то по указаннымъ книгамъ мы можемъ познакомиться съ основнымъ ядромъ древнихъ владѣній волости. Во второй половинѣ XVI вѣка „волость Вохна“, какъ называется она въ писцовыхъ книгахъ, сначала принадлежала князю Владиміру Андреевичу, затѣмъ перешла цѣликомъ во владѣніе Троицкого Сергіева монастыря такъ же, какъ волость Словѣнскій Волочекъ, около того же времени, перешла во владѣніе монастыря Кирило-Бѣлозерскаго.

Поселки Вохонской волости лежали частью по р. Клязьмѣ, а

[1]) С. Г. Г. и Д., I, № 21, 34 и др. Въ предѣлахъ этой волости находится теперь извѣстный своими многочисленными фабриками Павловскій посадъ, въ 64 верстахъ отъ Москвы, на р. Клязьмѣ, называющійся также иначе, по старинному, Вохной.—„Писцовыя книги XVI вѣка“, изд. подъ ред. Н. В. Калачова, т. I, отд. I, стр. 86—95 и 253—254.

главнымъ образомъ по ея притоку, рѣкѣ Вохнѣ, и по маленькимъ рѣкамъ, впадающимъ въ нее: Вохонкѣ, Быстрицѣ, Дрознѣ и Хотцѣ. Почти всѣ деревни лежали на рѣчкахъ; одинъ изъ трехъ погостовъ стоялъ на озерѣ Исаковѣ.

Деревень въ этой волости въ 1584 — 1586 годахъ было 118; она немногимъ превышала по числу деревень Словѣнскій Волочекъ, гдѣ ихъ было 97. Но населеніе здѣсь, въ центрѣ Удѣльной Руси, было болѣе плотнымъ; здѣсь взяты были въ обработку уже и худыя земли, и нѣкоторыя деревеньки стояли „на болотѣ", какъ замѣчено въ писцовой книгѣ. Въ Словѣнскомъ Волочкѣ маленькихъ деревень, до 3-хъ дворовъ, было больше $^1/_2$ всѣхъ поселеній; здѣсь же менѣе $^1/_3$. Тамъ наибольшее число дворовъ въ деревнѣ было 13; здѣсь—18. Тамъ было всего 335 дворовъ, въ среднемъ на деревню почти $3^1/_2$; здѣсь всего дворовъ 535, въ среднемъ на деревню 5 дворовъ, считая дворы крестьянскіе и бобыльскіе.

Въ настоящее время на рѣчкахъ Вохнѣ, Быстрицѣ, Хотцѣ и частью на Клязьмѣ, гдѣ расположены были деревеньки волости Вохны, лежитъ Игнатьевская волость, многія деревни которой сохраняютъ древнія названія XVI вѣка. Всей земли въ этой волости считается 17.000 десятинъ, или 163 квадр. версты. Къ этимъ землямъ надо прибавить земли Павловскаго посада, которыя въ древности также принадлежали къ Вохонской волости. По этимъ даннымъ вся ея территорія должна была занимать около 200 квадр. верстъ.

Для характеристики Тверскихъ волостей я возьму волость Кушалинскую, поблизости отъ города Твери, столицы великаго княжества. Территорія ея легко опредѣляется по писцовой книгѣ 1580 года [1]), такъ какъ значительнѣйшая ея часть сохранилась въ цѣлости, перейдя въ княжеское дворцовое управленіе.

Въ центральномъ селеніи волости, въ большомъ торговомъ селѣ Кушалинѣ (оно существуетъ до сихъ поръ), было 44 двора, по большей части, непашенныхъ крестьянъ, и стояло въ торгу 29 лавокъ. Здѣсь же помѣщались великокняжескія хоромы, около двухъ церквей, и разные дворы по дворцовому управленію и хозяйству: изба судебная, дворы приказчика и доводчика, дворы

[1]) Писцовыя книги XVI в., изд. подъ ред. Калачова, т. I, отд. 2, стр. 191—403.

конюшенный, житничный и другіе. Къ этому селу и его приселку, сельцу Турьеву, тянуло большое число небольшихъ деревень и поселковъ, а именно 161, съ 681 дворомъ въ селѣ и деревняхъ.

За этимъ селомъ описано другое село Бѣли, также съ большимъ числомъ принадлежавшихъ къ нему деревень. Оно названо въ книгѣ „приселкомъ села Кушалина“. Къ нему тянуло 50 деревень и 7 починковъ; дворовъ въ этомъ селѣ съ деревнями было 280.

Кромѣ большого села Кушалина съ этимъ его, тоже большимъ приселкомъ, къ Кушалинской волости писцовая книга причисляетъ еще: 1) дворцовое же село Погорѣлецъ съ деревнями (описаніе котораго полностью не сохранилось); 2) два небольшихъ монастырскихъ имѣнья, одно Рождественскаго монастыря, въ 34 двора крестьянъ, другое Покровскаго монастыря, въ 56 крестьянскихъ дворовъ, и 3) нѣсколько маленькихъ помѣстій, отъ 2 до 7 дворовъ, незадолго до составленія этой книги выдѣленныхъ изъ земель Кушалинскаго села; писцовая книга отмѣчаетъ, что они раньше „были списаны въ одномъ сотномъ письмѣ съ селомъ съ Кушалиномъ, а нынѣ розданы въ помѣстья дѣтямъ боярскимъ и сытникомъ“ (стр. 390).

Изъ этого описанія ясно видно, что территорія этой волости-округа 1580 года вполнѣ или очень близко соотвѣтствовала территоріи древней Кушалинской волости.

Двѣ маленькихъ монастырскихъ вотчины возникли, конечно, какъ и имѣнья другихъ монастырей, на земляхъ, раньше занятыхъ волостью, изъ вкладовъ крестьянъ и ихъ роздѣлей.

Маленькія помѣстья отрѣзываются изъ земель, тянувшихъ издревле къ Кушалину, впервые незадолго до 1580 года. На старинныя связи между селомъ Кушалинскимъ, сельцомъ Турьевомъ и селомъ Бѣли, со всѣми тянувшими къ нимъ деревнями, указываетъ то, что это сельцо и это село Бѣли называются „приселкомъ села Кушалина“.

Земли этого села Кушалина съ его приселками, со множествомъ тянувшихъ къ нему деревень, съ недавно отрѣзанными отъ него помѣстьями и съ двумя монастырскими вотчинами и составляютъ, очевидно, территорію древней Кушалинской волости. Это очень обширная территорія, какъ и описанная выше территорія волости Волочекъ Словѣнскій: въ 1580 году здѣсь было свыше

1100 дворовъ и 250 деревень. Теперь, какъ видно изъ сравненія древнихъ названій рѣчекъ, озеръ и деревень съ современными, на этой территоріи помѣщается 4 волости. Землямъ основной части древней вотчины, села Кушалина и сельца Турьева съ деревнями, соотвѣтствуютъ земли двухъ современныхъ намъ волостей Арининской и Застолбской.

Землямъ села Бѣли, „приселка села Кушалина“, съ деревнями, точно соотвѣтствуютъ земли нынѣшней волости Бѣлекушальской.

Наконецъ, селу Погорѣльцу, полное описаніе котораго до насъ не дошло, повидимому, соотвѣтствуетъ территорія современной волости Погорѣльцевской.

Въ 1580 году эти земли были довольно густо населенными. Теперь населеніе ихъ, конечно, еще болѣе увеличилось.

Въ древнѣйшее же время, когда Кушалинская волость была еще не округомъ, а волостью-общиною, населеніе ея было немногочисленнымъ, но оно владѣло тою же обширною площадью земель. Окраины этой площади, хотя и вполнѣ удобны для обработки, долгое время лежали впустѣ. Населеніе сначала осѣдало около села Кушалина, на перекресткѣ двухъ большихъ дорогъ. Позднѣе занята была лежащая въ сторонѣ отъ этихъ дорогъ окраина, приселокъ Бѣли-Кушальскіе, хотя здѣсь было много удобной земли, на которой въ XVI вѣкѣ помѣщалось 50 слишкомъ деревень, съ 280 дворами, а нынѣ помѣщается цѣлая волость.

По писцовой книгѣ 1580 г., Кушалино, съ его приселками состоитъ въ управленіи великокняжескаго дворцоваго приказа, въ немъ живетъ и волостель и приказчикъ, и называется оно, поэтому, „селомъ“, какъ назывались всѣ владѣльческія имѣнія. Но это господское „село съ деревнями“ въ древности составляло „волость“— общину; его жители, „сельчане и деревенщики“, подчиненные приказчику, въ древности были свободными крестьянами (христіанами), волощанами. При подчиненіи свободной общины господину, боярину или князю, какъ частному хозяину, эта община, какъ я выясню подробнѣе ниже, сохраняла до нѣкоторой степени свое значеніе; древній міръ жилъ и подъ рукою господина-боярина на боярской землѣ. Слѣды этого міра, остатки древней волости-общины находимъ мы и въ селѣ Кушалинѣ, подчиненномъ дворцовому приказчику.

Писцовая книга слово „волость“ употребляетъ въ двухъ разныхъ значеніяхъ, и въ новомъ значеніи: округъ, и въ древнемъ

смыслѣ: союзъ крестьянъ, община. „Село“ Кушалино описывается, какъ часть Кушалинской „волости“, то-есть округа, нѣкоторой административной единицы, въ составъ которой, наравнѣ съ этой обширной дворцовой вотчиной, въ нѣсколько сотъ крестьянскихъ дворовъ, входятъ и мелкія помѣстья, менѣе десятка крестьянскихъ дворовъ. И на этихъ же самыхъ страницахъ мы находимъ слово „волость“ совсѣмъ въ другомъ смыслѣ. Описавъ трехверстный лѣсъ-кустарь, писецъ отмѣчаетъ, что этотъ лѣсъ *„сѣкутъ волостью“* или, какъ онъ говоритъ въ другомъ мѣстѣ, его „сѣкутъ всякіе крестьяне села Кушалина, сельчане и деревенщики“. Описавъ дворъ приказчика и дворъ волостеля, писецъ отмѣчаетъ: „оба тѣ двора *ставлены волостью*“. Здѣсь словомъ волость означается уже не округъ, въ который, какъ часть, входитъ село Кушалино, а только сельчане и деревенщики этого села, какъ союзъ крестьянъ, какъ община. Этимъ сельчанамъ и деревенщикамъ, далѣе, уставная грамота, включенная въ писцовую книгу, предоставляетъ „землями и луги и лѣсомъ и всякими угодьи верстатися межъ себя самимъ полосами и десятинами на всякую выть поровну“. Приказчикъ распоряжается ихъ дѣлами вмѣстѣ съ старостами и цѣловальниками, и уставная грамота предусматриваетъ возможность, что „князь великій приказчику у нихъ быти не велитъ“. На погостахъ здѣсь, въ кельяхъ, около церквей, живутъ „старцы и старицы *мірскіе*, а питаютца отъ церкви Божіи“. Это все старые *мірскіе* порядки, сохраняющіеся подъ покровомъ власти приказчика и волостеля; сельчане и деревенщики села Кушалина и его деревень составляютъ по старинѣ волость-общину. Въ 1580 году, такимъ образомъ, сохраняются не только въ общемъ границы древней волости, но и на основной и большей части ея древней территоріи. По старинѣ живетъ древняя община-міръ [1]).

Въ сѣверо-восточной Руси, такимъ образомъ, за округомъ, образовавшимся въ границахъ древней волостной территоріи, утвердилось названіе волость, съ измѣненнымъ значеніемъ термина. Въ Новгородской же области такому округу присвоено было названіе погостъ, можетъ быть, потому, что здѣсь и въ древнѣйшее время волость-община называлась погостомъ; названіе погоста, средоточія волости, легко могло перейти на всѣ тянувшія къ нему

[1]) „Писцовыя книги XVI вѣка“, т. I, отд. II, стр. 390—403.

земли. Новгородскіе *погосты*, по писцовымъ книгамъ 1498—1500 годовъ, это, наравнѣ съ Бѣлозерскими, Тверскими, Московскими и другими *волостями*, административные округа, объединяющіе крупныя и мелкія имѣнія: села и деревни дворцовыя, помѣщиковы, своеземцевы и монастырскія. Называются они часто по имени погостской церкви, которая и описывается на первомъ мѣстѣ.

О погостахъ-волостяхъ въ Рязанскомъ великомъ княжествѣ сохранилось очень древнее извѣстіе, восходящее за 1300 годъ. Въ жалованной грамотѣ Рязанскаго великаго князя Олега Ивановича 1356—1387 г. (сохранившейся въ пергаменномъ подлинникѣ [1]), упоминается, что прадѣды этого князя, когда они впервые „ставили Святую Богородицу“, дали этому монастырю „5 погостовъ“ съ населеніемъ въ каждомъ отъ 150 до 300 семей, со всѣми землями и озерами и со всѣми судебными пенями и торговыми пошлинами [2]). Въ наибольшемъ изъ этихъ погостовъ, Песочнѣ, было 300 семей. Семья здѣсь, конечно, соотвѣтствуетъ двору позднѣйшихъ писцовыхъ книгъ. И населеніе здѣсь, въ 1300 году, жило, конечно, не менѣе разбросанно и еще меньшими поселками, чѣмъ на Волочкѣ Словѣнскомъ въ 1577 году. Этотъ погостъ-волость въ 300 дворовъ, или 100 деревень (считая на деревню въ среднемъ по 3 двора), занималъ обширную территорію, не меньшую, чѣмъ Волочекъ, въ которомъ въ XVI вѣкѣ было 335 дворовъ и 97 деревень. Въ двухъ другихъ погостахъ было по 200 семей-дворовъ, и въ двухъ 150 и 160. И эти наименьшіе погосты занимали достаточно обширную территорію, такъ какъ ихъ 50—60 деревень размѣщались въ 1300 году, конечно, не менѣе, а болѣе раскиданно, чѣмъ деревеньки 1500 года и позднѣйшаго времени, которыя намъ уже знакомы по писцовымъ книгамъ. Большіе лѣса здѣсь давали еще много простора для лѣсныхъ промысловъ, о которыхъ грамота упоминаетъ прежде всего, говоря о „земляхъ бортныхъ“; и на пустынныхъ рѣчкахъ и озеркахъ еще водились бобры (также упоминаемые грамотой), которые потомъ всюду исчезли съ ростомъ населенія. И эти „погосты“ были не позднѣйшими погостами-округами, а волостями-общинами древнѣйшаго типа.

[1]) А. Ист., I, № 2.

[2]) „Песочна, а въ ней 300 семей, Холохолна, а въ ней 150 семей, Залчины, а въ ней 200 семей, Вепрія 200 семей, Залчковъ 160 семей. А си вси

§ 6. Волость и волостка.

Территоріи волостей въ древности были очень обширны, но онѣ были мало-населенными. На обширномъ пространствѣ, среди нерасчищеннаго лѣса и болотъ разбросаны были маленькіе поселки, деревни въ 1, 2, 3 двора, тянувшіе къ центральному пункту волости, погосту съ церковью. Территорія волости опредѣлялась крайними пунктами разбросанныхъ поселеній; прилегающіе къ нимъ лѣса обыкновенно долгое время оставались неразмежеванными отъ сосѣднихъ волостей; только тогда, когда съ двухъ противоположныхъ сторонъ, поселки двухъ разныхъ волостей врѣзывались все глубже въ гущу лѣса и, наконецъ, сходились такъ близко, что при пользованіи лѣсомъ между крестьянами разныхъ волостей начинались столкновенія, только тогда волости точно устанавливали свои границы, копали межи и грани тесали на деревьяхъ.

Съ теченіемъ времени населеніе волости уплотнялось въ предѣлахъ площади, очерченной кругомъ крайнихъ поселковъ: здѣсь все больше земли расчищалось подъ пашню: разрабатывались лѣса, отдѣлявшіе одну деревеньку отъ другой; тамъ, гдѣ прежде пахали наѣздомъ, появлялись деревеньки, починки; въ деревняхъ вмѣсто одного двора появлялось 2, 3, 4 двора, изрѣдка и 5—10. Рядомъ съ этимъ, по мѣрѣ расчистки прилегавшихъ съ края лѣсовъ, кругъ поселеній все болѣе увеличивался. Когда, съ теченіемъ времени, въ волости населеніе сильно возрастало, площадь, занятая поселками, чрезмѣрно расширялась, и хозяйство волости становилось слишкомъ сложнымъ и обширнымъ для несложнаго механизма управленія волостной общины, тогда волость распадалась на части, на болѣе мелкіе общинные союзы, *волостки*.

Такъ какъ удобныя для поселеній мѣста встрѣчались далеко неравномѣрно повсюду, то большею частью случалось, что площадь волостныхъ поселковъ увеличивалась въ одну какую-нибудь сторону, при чемъ иногда новыя мѣста поселеній были очень удалены отъ старыхъ и отдѣлены отъ нихъ болотами и нерасчищеннымъ

погосты съ землями съ бортными и съ поземомъ и съ озеры и съ бобры и съ перевѣсьищи, съ рѣзанками и съ шестьюдесять и съ винами и съ поличнымъ и со всѣми пошлинами".

лѣсомъ на десятки верстъ. Пока здѣсь, на новой площади поселеній, на берегахъ какой-нибудь рѣчки или озера, въ лѣсу, далеко отъ волостного погоста, было только нѣсколько починковъ, или 3, 4 деревеньки съ десяткомъ дворовъ, они естественно тянули къ волости, изъ которой вышли поселенцы, и которой издревле считались принадлежащими вновь расчищенныя мѣста. Когда же число деревень на новыхъ мѣстахъ возрастало, они образовывали самостоятельную волостку, общину. Сначала эта волостка сохраняла въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ связь съ старой волостью, но затѣмъ пріобрѣтала и полную самостоятельность.

Въ писцовыхъ книгахъ Обонежской пятины начала XVII вѣка разсказана исторія отдѣленія одной такой волостки-колоніи отъ волости-метрополіи. Во второй половинѣ XVI вѣка къ Оштинскому погосту тянула выставка-волостка Шомозерская [1]); она была приписана къ этому погосту въ писцовыхъ книгахъ 1586 года, и крестьяне этой волостки „подати всякіе платили и тягло тянули съ Оштинскимъ погостомъ вмѣстѣ“. Въ началѣ XVII вѣка эта волостка получила полную самостоятельность: крестьяне волостки выхлопотали себѣ грамоту при царѣ Василіи, по которой имъ разрѣшено было „подати платить особно“ и не участвовать въ „мірскихъ разметахъ“ Оштинскаго погоста. Волостка была отдѣлена потому, что она находилась отъ погоста за 50 верстъ, а нѣкоторыя выставки ея за 70 верстъ и больше, и „стали за лѣса и болоты“ [2]).

Между отдѣлившейся волосткою и старой волостью часто сохранялись остатки прежняго единенія. Волостка часто долго составляла одинъ приходъ, пользовалась погостскою церковью, участвовала въ содержаніи ея вмѣстѣ съ волостнымъ міромъ, иногда сооружала у себя только часовню, въ которой требы отправлялись попомъ, пріѣзжавшимъ съ волостного погоста. Очень часто между волосткой и волостью сохранялась связь въ общемъ владѣніи лѣсомъ или рыбными ловлями.

Примѣръ такой связи между волостками даютъ дозорныя книги р. Онеги, 1615 года. На рѣкѣ Онегѣ близъ ея устья и

---

[1]) Погостъ Ошта на южной окраинѣ озера Онежскаго; на Ю. В. отъ него Шомозеро.

[2]) *Неволинъ*, О пятинахъ и погостахъ Новгородскихъ, стр. 107.

частью на морскомъ берегу лежали въ это время четыре отдѣльныхъ небольшихъ волостки, Корельская, Вангудская, Надпорожская и Подпорожская. Во всѣхъ нихъ было всего 26 деревень, 100 дворовъ (изъ нихъ 4 бобыльскихъ и 119 людей, по счету писцовой книги). Но прежде онѣ составляли одну волость. Въ писцовой книгѣ отмѣчено, что оброкъ съ нѣсколькихъ озерковъ и рѣчекъ и „съ переметовъ за семужью ловлю“ крестьяне „по прежнему, по сотной платятъ четыреми волостьми вмѣстѣ“. Эти волостки составляли также и одинъ приходъ: погостъ съ двумя церквами „со всѣмъ строеніемъ мірскимъ“ былъ только въ одной изъ нихъ, Надпорожской [1]).

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Волостная община.

I. Мірскія власти.

§ 7. Двѣ грамоты, русская и нѣмецкая.

Глубокое сходство русскихъ и германскихъ учрежденій среднихъ вѣковъ ни въ чемъ не обнаруживается такъ ярко и наглядно, какъ въ соотвѣтствующихъ подлинныхъ актахъ того времени. Сопоставляя описанія этихъ учрежденій, сдѣланныя историками русскими и нѣмецкими, иной разъ трудно сразу замѣтить, что они говорятъ объ одномъ и томъ же, потому что дѣйствительность отражается въ этихъ описаніяхъ въ неполномъ или въ преломленномъ теоріею видѣ. Но стоитъ обратиться къ подлиннымъ грамотамъ русскимъ, съ одной стороны, и германскимъ, съ другой, какъ существенное сходство учрежденій неожиданно раскрывается съ полною и несомнѣнною ясностью.

Что наша древняя волостная община находится въ близкомъ родствѣ съ германской общиной-маркой, въ этомъ легко убѣ-

[1]) Списокъ съ дозорныхъ книгъ нижнего конца дозору Семена Языкова да подьячего Семена Осокина, 123 году. Гос. Арх. XXVII, № 29.

диться, если сравнить грамоты этихъ общинъ. Возьмемъ грамоту, написанную съ мірского совѣта одной изъ волостей Холмогорскаго уѣзда въ 1604 г., и грамоту, написанную съ совѣта марковой общины на р. Мозелѣ въ 1240 г. Съ одной стороны, р. Кокшенга въ бассейнѣ Сѣверной Двины, съ другой — притокъ Рейна. Но грамоты совпадаютъ не только по существу, но и дословно [1]).

Грамота Шевденицкой волости:

Се азъ сотскій Шевденицкій, да язъ десятскій... (имена трехъ десятскихъ и крестьянъ), *и всѣ крестьяне* Шевденицкія волости дали есмя въ домъ Великому чудотворцу Николѣ... поженку на р. Кокшенгѣ...

На то послухи (слѣдуютъ имена)
Даную писалъ *съ мірского совѣту* дьячекъ (такой-то).

Грамота общины Брндаль на р. Мозелѣ:

Мы сотникъ (centurio) и *міръ* (universitas) въ Брндали на р. Мозелѣ желаемъ сдѣлать извѣстно всѣмъ, въ настоящемъ и въ будущемъ, что мы *съ общаго всѣхъ насъ совѣта*, одобренія и согласія продали монахамъ, аббату и общинѣ, навсегда право сѣчь и собирать кустарникъ...

Совершено въ присутствіи сотника и сельчанъ (villani) (такихъ-то).

Въ обѣихъ общинахъ, германской и русской, мы видимъ, по этимъ двумъ грамотамъ, выборнаго представителя, сотскаго, и собраніе членовъ общины, мірской сходъ. Сотскій, совмѣстно съ міромъ, распоряжается общиннымъ имуществомъ. Въ грамотахъ совпадаютъ даже самые термины. У насъ — сотскій, въ Германіи центуріонъ—сотникъ; у насъ міръ, тамъ—universitas; у насъ дѣло рѣшается „съ мірского совѣту“, тамъ — „съ общаго всѣхъ насъ совѣта“ (de communi omnium nostrorum consilio).

Я начинаю съ этого сопоставленія двухъ грамотъ, не какъ съ наиболѣе сильнаго доказательства, а только какъ съ яркой иллюстраціи. Грамоты совпадаютъ во всѣхъ главныхъ терминахъ; но совпадаютъ ли учрежденія? не относятся ли здѣсь одни и тѣ же слова къ разнымъ предметамъ? Чтобъ устранить такія сомнѣнія, необходимо детально сопоставить всѣ основныя черты двухъ учрежденій, основываясь не на словахъ, а на существѣ ихъ устройства. И я надѣюсь, что моя работа дастъ доста-

[1]) Акты Холмогорской епархіи: Русск. Истор. Библ., т. XIV, стр. 166 № 89. *K. Lamprecht*, Deutsches Wirtschaftsleben, приложенія, т. III, № 8, стр. 17.

точно убѣдительныя доказательства того, что разсмотрѣнныя двѣ грамоты, одна, написанная въ области Сѣверной Двины, другая на р. Мозелѣ, совпадаютъ не случайно, что онѣ исходятъ отъ одинаковыхъ по своему строенію общинъ, что учрежденіе сотскаго или сотника и міра въ Германіи и въ Удѣльной Руси среднихъ вѣковъ совпадаютъ не какъ два слова разныхъ языковъ, случайно созвучныя, а какъ два слова одного и того же арійскаго корня.

§ 8. Сотскій и міръ.

Начнемъ какъ разъ съ этихъ двухъ учрежденій 1) сотника или старосты и 2) мірского собранія.

Мауреръ и Лампрехтъ согласно изображаютъ ихъ въ слѣдующихъ чертахъ.

Сотникъ, по-латыни центуріонъ (centurio, centenarius), понѣмецки геймбургъ или цендеръ (Heimburg, Zender), былъ выборнымъ чиновникомъ общины. Избирался онъ бо́льшею частью на годъ. Самостоятельной власти онъ не имѣлъ и дѣйствовалъ лишь, какъ довѣренное лицо общины. „Общинные чиновники—говоритъ Мауреръ—были только замѣстителями и уполномоченными общины. Ибо вся власть, управленіе, въ такой же мѣрѣ, какъ судъ, находилась въ рукахъ общины“. Лампрехтъ обращаетъ особенное вниманіе читателя на то, что „марковая община (Markgemeinde) in corpore была какъ учредительнымъ органомъ, такъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и органомъ управленія“.

Вся дѣйствительная власть принадлежала собранію марки (Markversammlung), сходкѣ всѣхъ полноправныхъ членовъ общины. На этихъ собраніяхъ выбирался сотникъ, представитель общины, и рѣшались всѣ важнѣйшія дѣла. Собранія созывались по мѣрѣ надобности. Рѣшенія, по общему правилу, должны были быть единогласными. Сотникъ былъ, главнымъ образомъ, исполнителемъ рѣшеній этихъ общинныхъ собраній; онъ велъ дѣла, какъ довѣренный общины. Его важнѣйшей обязанностью были созывъ и веденіе марковаго собранія; онъ одинъ имѣлъ право звонить въ колоколъ, возвѣщавшій собраніе [1]).

[1]) „Die Gemeindebeamten waren... nur Stellvertreter und Bevollmächtigte der Gemeinde. Denn alle Gewalt, die Verwaltung ebensowohl wie die Gerichts-

Все это тѣ самые общинные порядки, которые, въ основныхъ своихъ чертахъ, живутъ до нашихъ дней въ русской сельской общинѣ. Тѣ же порядки находимъ мы и въ русской средневѣковой волости, волостной общинѣ, которая во многихъ отношеніяхъ является родоначальницей, современной намъ общины. Источники XV. XVI столѣтій, которыми мы должны пользоваться за неимѣніемъ древнѣйшихъ, ясно свидѣтельствуютъ, что сотскій и мірской сходъ въ нашей средневѣковой волостной общинѣ имѣли тѣ же права и то же значеніе, что̀ и въ германской марковой общинѣ той же эпохи.

По грамотамъ XV—XVI столѣтій всѣ рѣшенія общины—„волости“ исходятъ отъ „старосты *и всѣхъ крестьянъ*“, то-есть отъ волостного міра. Такъ, напримѣръ, въ одномъ судномъ дѣлѣ, около 1490 года, крестьянинъ, отстаивая свои права на участокъ лѣса, заявляетъ судьѣ: „А мнѣ, господине, тотъ лѣсъ *дала волость, староста со крестьяны*“. Въ судныхъ дѣлахъ отъ лица общины постоянно выступаютъ „староста и всѣ крестьяне“ или староста дѣйствуетъ въ качествѣ уполномоченнаго отъ всѣхъ крестьянъ: „Тягался Лоскомской староста Оброско Кузьминъ сынъ и во всѣхъ крестьянъ мѣсто“ (1503). Князья, обращаясь къ волости, адресуютъ свои грамоты: „старостѣ и всѣмъ крестьянамъ“ (1435—1447).

Терминъ *волость* въ удѣльное время, кромѣ того значенія, какое утвердилось за нимъ въ позднѣйшее время,—территоріальный округъ, подраздѣленіе уѣзда,—употреблялся въ средніе вѣка по преимуществу для обозначенія не территоріи, а общества лицъ, въ смыслѣ соотвѣтствующемъ нашему книжному термину общины. Тамъ, гдѣ владѣнія волости-общины составляли въ то же время

---

barkeit ruhte in den Händen der Gemeinde“: *G. Maurer*, Dorfverfassung, II, стр. 20. „Bei so ausgedehnten Funktionen der Markversammlung begreift es sich, dass den Beamten der Mark zumeist keine sehr selbständige Rolle zufiel; .... gelten die Beamten doch durchaus nur als im Treuverhältniss stehende Diener und Mandatare der Gemeinde“: *K. Lamprecht*, Deutsches Wirtschaftsleben, I, стр. 314.—Кромѣ названій Heimburg, Heimburge, и Zender, по-латыни centenarius, centurio, употребляется также названіе Hunne (лат. Hunno). Этотъ послѣдній терминъ въ древнѣйшее время обозначалъ представителя древней марки-сотни (Hundertschaftsmark): *Lamprecht*, тамъ же, стр. 198—199, 314—315. О цендерѣ см. тамъ же, стр. 314—318, О собраніи марки (Markversammlung) тамъ же, стр. 309—314.

и территоріальный административный округъ, тамъ оба эти значенія термина волости сливались въ одномъ понятіи волости-общины и округа. И такъ какъ административные округа возникли въ древности на основѣ органически сложившихся территорій волостныхъ общинъ, то слово волость—округъ, должно быть признано производнымъ отъ слова волость—общество—община. Въ этомъ основномъ своемъ значеніи терминъ волость нерѣдко употребляется въ грамотахъ удѣльнаго времени.

Крестьянинъ говоритъ, что лѣсъ ему „дала волость, староста со крестьяны". Писецъ отмѣчаетъ, что крестьяне „лѣсъ добываютъ" (на ѣзовое дѣло) для устройства рыбныхъ затоновъ „сами всею волостью въ своихъ лѣсѣхъ". Обыскъ производится „людьми добрыми, всею волостью". Сотникъ даетъ землю, „поговоря съ съ своею братьею и со всею волостью". Дворъ приказчика и доводчика „ставятъ волостью"; „волостью на приказчика и на слугу и на доводчика крестьянамъ рожь на хлѣба и солодъ на квасъ молоти". Крестьне дворцоваго села „лѣсъ сѣкутъ волостью". Въ этомъ смыслѣ слово волость употребляется и въ отношеніи тѣхъ владѣній, которыя не составляли самостоятельныхъ волостныхъ округовъ и назывались не волостями, а боярщинами, деревнями или селомъ. Описывая дворцовое „село", писецъ говоритъ, что крестьяне въ немъ „церковь ставятъ волостью, селомъ Ярогомжемъ".

Здѣсь ясно, что слово волость обозначаетъ союзъ лицъ, а не совокупность владѣній или территоріальный округъ. Совокупность владѣній обозначается словомъ *село*, а словомъ волость—соотвѣтствующая ему совокупность лицъ, крестьянъ, живущихъ на землѣ этого владѣльческаго села и тянущихъ къ нему деревень. Описывая частновладѣльческія „деревни" и называя ихъ иначе „боярщинками", писецъ о крестьянахъ этихъ говоритъ, что они „косятъ боярскую пожню волостью" [1]). Это объясняется тѣмъ, что, какъ мы выяснимъ ниже, и въ дворцовыхъ селахъ и въ

[1]) А. Ю., № 230 (1585 г.), № 6 (1490 г.); „Писцовыя книги XVI в.", ч. I, отд. II, стр. 360, 376; А. Э., т. I, № 258—*Шумаковъ*, Обзоръ грамотъ коллегіи экономіи, вып. II, стр. 120. „Новгородскія писцовыя книги", т. IV, стр. 125; тоже: стр. 193, 210. Ср.: „А который крестьянинъ овинъ пожжетъ съ монастырскимъ хлѣбомъ безхитростно, а на томъ крестьянинѣ хлѣбъ не взяти, а овинъ ставити волостью".—Уст. гр. патр. Іова 1590 г. (Временникъ, кн. 2, смѣсь). *И. Бѣляевъ*, Крестьяне на Руси, стр. 85—86.

боярщинахъ существовало общинное самоуправленіе, ограниченное господскою властью, но въ основѣ своей одинаковое съ устройствомъ свободныхъ волостныхъ общинъ.

Какъ сказано въ приведенной выше грамотѣ, дѣла рѣшаются всѣми крестьянами „*съ мірского совѣта*“. Въ другой грамотѣ, написанной около того же времени, въ 1598 г., крестьяне съ волостнымъ старостою говорятъ о своемъ рѣшеніи, что они „обговорились промежъ собою *всѣмъ міромъ*“ [1]).

Подробныхъ свѣдѣній о мірскихъ сходахъ въ источникахъ этого времени не сохранилось. Постоянныя указанія на рѣшеніе „*всѣхъ* крестьянъ“ свидѣтельствуютъ о томъ, что въ волостной общинѣ, также какъ въ германской маркѣ и въ современной намъ сельской общинѣ, рѣшенія постановлялись единогласно. О трехъ общинахъ въ книгѣ XVI и въ началѣ XVII вѣка сохранились извѣстія, что сходы собирались въ нихъ регулярно, разъ въ недѣлю, въ двухъ по воскресеньямъ, въ одной по пятницамъ.

Волостные сходы обыкновенно собирались передъ церковью, на погостѣ. Теперь погостомъ называется кладбище. Въ древности же погостомъ называлось мѣсто, на которомъ стояла церковь съ кладбищемъ, дворы священника и причта съ ихъ пахотными землями. Это былъ особый церковный поселокъ, стоявшій особо отъ окружавшихъ его небольшихъ поселковъ-деревень волости. Погостъ такой-то—писалось въ писцовыхъ книгахъ—*а на погостѣ церковь*, у церкви дворы попа, дьячка, просвирни, столько то келій нищихъ, столько то пашни церковной. Этотъ поселокъ составлялъ средоточіе волости. На погостѣ у церкви и кладбища собирались сходы; и въ Новгородѣ названіе этого мѣста „погостъ“ перенесено было на весь волостной округъ, и самая волость называлась погостомъ.

Обыкновенно сходы собирались подъ открытымъ небомъ. На

---

[1]) А. Юрид. № 6, ок. 1490, волость Словѣнскій Волочекъ, на Бѣлоозерѣ. Тоже, № 4, Залѣсская волость въ Костромскомъ уѣздѣ: „Тягался Андрейко староста Залѣсскій и всѣ крестьяне Залѣсскіе“, до 1490 г. Тоже № 9, 1503. А. Юр. Б., I, № 35 (Городецъ на Бѣлоозерѣ, 1448—1469). Р. Ист. Библ. II, № 20: „Отъ князя Михаила Андреевича на Волокъ старостѣ и къ всѣмъ христіанамъ“, 1435—1447. Тоже, № 27. *Н. Дебольскій*, Изъ актовъ и грамотъ Кир.-Бѣлоз. монастыря“, № XIV, 1471—1475: „Что билъ челомъ на нихъ староста Волоцкой Ѳедко съ крестьяны Волочяны“.

сѣверѣ другимъ обычнымъ мѣстомъ собраній была церковная трапеза. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ для сходовъ на погостѣ строили особыя избы: „Да на погостѣ изба схожая, а сходятся въ ней крестьяне по воскресеньямъ". „Да у церквей на церковныхъ земляхъ двѣ избы большія, за трапезы мѣсто, гдѣ сходятся по воскресеньямъ крестьяне" [1]).

Иногда мѣстомъ собраній служилъ пустой крестьянскій дворъ: „Въ селѣ-жъ... дворъ безпашенной, а приходятъ на него Ондрѣевскаго села крестьяне на совѣтъ ежопятницъ: а живетъ въ немъ дворникъ" (Тверь, 1580).

Въ Германской общинѣ былъ такой же точно обычай собираться на сходъ подъ открытымъ небомъ у церкви и кладбища. Въ грамотѣ XIV вѣка сказано, что сходы бываютъ передъ

---

[1]) Собранія на погостѣ около церкви и въ трапезѣ: *К. Неволинъ.* О пятинахъ и погостахъ новгородскихъ въ XVI вѣкѣ, 1853, с. 105. Тамъ же въ примѣчаніи 3-мъ двѣ цитаты, приведенныя въ текстѣ, изъ писцовой книги Обонежской пятины 1615—1617. Третья цитата: Писцов. книги *Н. Калачова.* от. II, стр. 305. Извѣстія объ особыхъ избахъ и дворахъ чрезвычайно рѣдки, вѣроятно потому, что ихъ обыкновенно не было. Погостомъ, первоначально, называлось, можетъ быть, именно мѣсто сходбищъ, мірскихъ сходовъ и торговыхъ. Что церковь не была непремѣнной принадлежностью погоста, это видно изъ обычныхъ выраженій: „Погостъ..., а на погостѣ церковь"... „А церкви погостскіе нѣту, ни погоста" (Новгор. писцов. кн. III, с. 24). Впослѣдствіи на каждомъ погостѣ явились церкви съ домами попа и причта, и понятіе погоста измѣнилось; подъ этимъ словомъ стали разумѣть по преимуществу церковный поселокъ. Въ этомъ смыслѣ употребляется слово погостъ въ Ростовскихъ писцовыхъ книгахъ XVII в.: „Пустошь, что былъ погостъ, на рѣчкѣ на Вескѣ, а въ немъ храмъ Ивана Предтечи, пустъ, ветхъ. Пашни церковные..., да перелогомъ и лѣсомъ поросло" (*А. Титовъ*, Ростовскія писцов. книги церковнымъ землямъ 1629—1631 г.: Чт. М. Об. Ист. и Др., 1896, кн II, с. 34).

Въ этомъ же смыслѣ, судя по *Далю*, слово погостъ употребляется и теперь: „Отдѣльно стоящая на церковной землѣ церковь съ домами попа и причта, съ кладбищемъ" (Словарь). Ср. о погостѣ и церкви: *Арх. Сергій*, Черты церковно-приходскаго и монаст быта въ писцовой книгѣ Водской пятины, 1905, с. 54—57. Въ XVI же вѣкѣ понятія погоста и церковнаго поселка строго различались: „Погостъ Никольской... а на погостѣ церковь... да теплая церковь съ трапезою... да на погостѣ же 8 келей, а въ нихъ живутъ нищіе, питаются отъ церкви Божіи: *да деревня церковная*... во дв. попъ Тарасей, пашни поповы 9 четей"... *С. Шумаковъ*, Обзоръ грам. колл. экон., II, с. 143 (тоже тутъ же еще въ двухъ погостахъ).

церковнымъ притворомъ, гдѣ принято собираться по извѣстному обычаю [1]). Въ другихъ извѣстіяхъ говорится о сходахъ передъ церковнымъ дворомъ и кладбищемъ (ante cimiterium); въ нѣкоторыхъ—о сходахъ на церковномъ дворѣ и въ самой церкви подъ колокольной веревкой (unter die Glockenschnur). Особыя постройки для собраній, общинный домъ или домъ совѣта (Gemeindehaus, Rathhaus), появляются только въ позднѣйшее время, какъ и у насъ, особыя „схожія избы“ [2]).

II. Дань.

§ 9. Мірская раскладка налоговъ.

Нашей волости, какъ и германской маркѣ, принадлежали нѣкоторыя важныя права по государственному управленію, въ двухъ его отрасляхъ: финансовой и судебной. *Мірскія власти* вѣдали дѣла по части *дани и суда*. Этими двумя словами опредѣляютъ функціи мірского самоуправленія грамоты, говорящія объ обязанности владѣльцевъ волостныхъ деревень „тянути къ волости данью и судомъ“.

Въ отношеніи *дани*, волости принадлежало право самостоятельной раскладки податей и право взиманія ихъ съ волощанъ. Разнообразныя подати и повинности общею суммою налагались правительствомъ на волостную общину, и эта община самостоя-

---

[1]) Ante atrium ecclesie ubi jure seculari consuetum est presideri (1345).

[2]) *Маурерь*, говоря о мѣстѣ схода, въ особенности выдвигаетъ, что сходы первопачально собирались подъ открытымъ небомъ, перечисляя затѣмъ разныя мѣста собраній, называвшихся Malstatt или Wahlstatt: большею частью подъ деревьями, напримѣръ, подъ липами, на свободной площадкѣ въ лѣсу, въ долинѣ; затѣмъ онъ отмѣчаетъ, что *часто* сходы собирались на церковномъ дворѣ или передъ церковнымъ дворомъ (Geschichte der Markenverfassung, 1856, с. 328). Въ позднѣйшей своей книгѣ онъ всѣ эти мѣста указываетъ подъ рядъ, наравнѣ (Gesch. der Dorfverfassung, 1866, II, с. 81). Къ указаніямъ *Маурера* на собранія у церкви прибавилъ рядъ извѣстій *Лампрехтъ*: ante atrium ecclesie ubi jure seculari consuetum est presideri, 1345; ante cimiterium capelle ville ejusdem, ubi judicio presideri est consuetum, 1338 и др. (*Lamprecht*, Deutsches Wirtschaftsleben, с. 309, прим. 1). Собранія на рынкѣ, на торговой площади, указываемыя *Маурером*ъ также были собранія близъ церкви потому, что рынокъ помѣщался обыкновенно близъ церкви: Ante cimiterium ibidem ubi panes et carnes venduntur, 1355: Maurer, Markenverfassung, с. 328, примѣч. 95.

тельно опредѣляла долю, причитающуюся на каждаго волощанина, соотвѣтственно его имуществу. Эти права волости по раскладкѣ или по разверсткѣ податей, обезпечивавшія справедливость этой разверстки, предохранявшія отдѣльныхъ членовъ общины отъ непосильныхъ для того или другого изъ нихъ поборовъ, по злоупотребленію властей, эти *права* опирались на соотвѣтствующую *обязанность*. Имѣя права раскладки и взиманія податей, община была отвѣтственна за уплату общей суммы податей, падавшихъ на ея членовъ; иначе говоря, всѣ члены общины связаны были *круговой порукой* въ исправной уплатѣ „дани“: за неимущихъ платили имущіе, за ушедшихъ—оставшіеся на мѣстахъ.

Такая самостоятельная раскладка податей общиною между ея членами сохраняется до нашихъ дней въ современной намъ сельской общинѣ. Этотъ порядокъ унаслѣдованъ сельскою общиной отъ средневѣковой общины волостной. Грамоты XIV—XVI вѣковъ даютъ множество указаній на мірское волостное тягло, на мірскую раскладку или *разметъ* податей. Волостные люди, по этимъ грамотамъ, *тянутъ* данью и всякими пошлинами *къ волости*, или къ различнымъ выборнымъ мірскимъ представителямъ: старостѣ, сотскому, дворскому.

Такъ, напримѣръ, въ жалованной грамотѣ 1361—1365 г. Тверскіе князья, освобождая отъ всякихъ податей и повинностей крестьянъ Отроча монастыря, говорятъ: „ненадобѣ имъ нѣкоторая дань... ни иныи которыи пошлины къ городу, ни къ волости, ни служба, ни дѣло княже, ни дворьскіи, ни старосты атъ не займаютъ ихъ ни про что“. Въ другихъ жалованныхъ грамотахъ князья точно также постановляютъ о монастырскихъ людяхъ: „ни къ сотнику ни къ дворьскому съ волостными людьми... не тянутъ ни въ которой проторъ“ (1442); „ни къ сотскому, ни къ дворскому (или: ни къ сотскимъ, ни къ десятскимъ) не тянутъ ни въ какіе проторы ни въ розметы“, (1453), „ни къ сотскому, ни къ дворскому, ни къ старостѣ волостному не тянутъ ни во что“ (1453). Постановленія такого рода, повторяются во всѣхъ почти жалованныхъ грамотахъ XV вѣка, свидѣтельствуя о повсемѣстности волостного тягла и мірскаго розмета [1]).

[1]) Волостное тягло: А. А. Э., т. I, № 5 (1361—1365), № 51, № 53 (1453), А. Юр. Б., т. I, № 31, VI (1442), XIV (1462—1463). Сводный текстъ: „ни

О самостоятельности волостной общины въ дѣлѣ раскладки податей свидѣтельствуютъ уставныя грамоты того же XV-го вѣка, къ которому относятся только-что цитированныя постановленія жалованныхъ грамотъ. Уставныя грамоты XV-го, какъ и XVI-го вѣковъ говорятъ о порядкѣ уплаты намѣстничьихъ „кормовъ“ и строго ограждаютъ самостоятельность волостныхъ общинъ не только въ раскладкѣ этихъ кормовъ, но и въ ихъ сборѣ съ волощанъ. Уставная Бѣлозерская грамота 1488 года строго воспрещаетъ намѣстнику и его чиновникамъ, тіунамъ и доводчикамъ, самимъ собирать въ волостяхъ свои кормы и поборы: „а побора имъ (доводчикамъ) въ стану и въ волости не брати; имать имъ свой поборъ у сотскаго въ городѣ“. Точно также въ уставной грамотѣ, данной крестьянамъ бобровыхъ деревень въ 1509 году, Дмитровскій князь воспрещаетъ тіуну и доводчику самимъ взыскивать съ крестьянъ свои кормы и поборы: „а тіуну у нихъ и доводчику по деревнямъ самимъ не ѣздити, ни кормовъ, ни побору не брати“.

Эта грамота вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ любопытное указаніе на порядокъ разверстки податей волостной общиною между входившими въ ея составъ „деревнями“: маленькими деревнями того времени, въ одинъ, два, три двора. „А тѣ кормы ловчего и тіуновъ, и доводчиковъ поборъ—сказано въ грамотѣ—дворской (иначе: староста) съ десятскими и съ добрыми людьми межъ себя мечутъ съ стольца по дани и по пашнѣ: которая деревня больши пашнею и угодьемъ, и они на ту деревню больши корму и поборовъ положатъ; а которая деревня меньши пашнею и угодьемъ, и они на ту деревню меньши корму и поборовъ положатъ. Да собравъ тѣ кормы староста съ десятскими, да платятъ ловчему, и его тіуну, и доводчику поборъ въ городѣ въ Дмитровѣ по празникомъ“ [1]).

къ дворскому, ни къ сотскому, ни къ старостѣ волостному, ни къ пятидесятскимъ, ни къ десятскимъ, ни къ становщику съ волостными, съ черными, съ тяглыми людьми не надобѣ имъ тянути ни во что, ни въ какіе проторы, ни въ розметы, ни въ иныя ни въ которыя пошлины“: *А. Горбуновъ*, Льготныя грамоты, статья вторая: Арх. Ист. и Практ. Свѣд., 1860—1861, № 5, с. 80—81.

[1]) Уст. Бѣлоз. грам. 1488 г., А. А. Э, I, № 123. Уст. грам. 1509: тамъ же. № 150.—Акты Лодомской церкви Арханг. епархіи, № XXVI.—Акты гражд. расправы (Ѳедотова-Чеховскаго), т. I, № 30, № 34.

Ясныя указанія на порядокъ уплаты податей волостною общиною сообща, по мірской раскладкѣ, даютъ сохранившіяся отъ первой половины XVI-го вѣка расписки старостъ. Такъ, напримѣръ, мы имѣемъ расписку старосты Низовскаго, низовьевъ рѣки Сѣверной Двины, въ полученіи имъ со старосты Лодомской волости дани и всѣхъ сборовъ „за всю волость“: „Се язъ староста Низовской Иванъ Мининъ сынъ Прилуцкого взялъ есми дань великого князя у Марка у Савина сына Фофанова за всю волость Лодомскую... да и намѣстничь проѣздъ въ Упу да въ Неноксу, сей зимы намѣстникъ ѣздилъ. Да и старостино насилье за кормами семь рублевъ на всю волость. А намѣстнича проѣзда, да подьячаго на всю жъ волость пять рублевъ“ (1546) [1]).

§ 10. Мірская раскладка въ Руси и въ Германіи.

Существованіе описанной мірской раскладки въ волостяхъ удѣльной Руси, засвидѣтельствованное многими памятниками, признается всѣми безъ спора. Не отрицаютъ этого и тѣ историки, которые отрицаютъ древность русской общины, но они къ этой единственной чертѣ, къ „тяглой организаціи“, сводятъ все устройство древней волости, они въ „тяглой организаціи“ видятъ основу и источникъ древнихъ общинныхъ порядковъ и, предполагая, что эта организація сложилась подъ вліяніемъ татарской дани въ XIV вѣкѣ, видятъ въ ней „одинъ изъ самыхъ характерныхъ продуктовъ русской исторической жизни“.

Соображенія о возникновеніи мірской раскладки, а съ нею и общины, подъ вліяніемъ татарской дани, излагаются Милюковымъ осторожно, въ видѣ гипотезы, со многими „вѣроятно“ и „по всей вѣроятности“. Я приведу ниже ясныя указанія памятниковъ, которыя заставляютъ рѣшительно отвергнуть эту гипотезу. Теперь же

[1]) О „стольцѣ“ (мірской кассѣ) и о „разметѣ“, состоящемъ въ вѣдѣніи старосты и добрыхъ людей, даетъ указаніе правая грамота XV-го вѣка: крестьянинъ Давыдка показалъ на судѣ, что сдавая въ наемъ волостную землю, селище Лантево, онъ „клалъ наемъ всей братьѣ на столецъ“. Сидѣвшіе же у стольца добрые люди заявили судьѣ: „Сидимъ на розмѣтѣ съ своею братьею 20 лѣтъ, а найма, господине, намъ нашъ староста Ивашко съ того селища съ Лантева и тотъ Давыдка не кладывали“.—Вмѣсто „тянуть къ волости“, говорили иногда „тянуть къ ихъ стольцу“.

я выясню только, что эта „тяглая организація“, какъ бы она не сложилась, никоимъ образомъ не можетъ быть признана за „одинъ изъ самыхъ характерныхъ продуктовъ русской исторической жизни“. Особенная ея „характерность“ оказывается столь же мнимой, какъ и многія другія оригинальныя, своеобразныя и самобытныя черты нашей древности, отысканныя нашими историками.

Тяглая организація, то-есть взиманіе податей общиною по раскладкѣ, съ круговой порукою членовъ общины, свойственна была, наравнѣ съ нашей волостной общиной, и германской общинѣ среднихъ вѣковъ. Въ широко развитомъ правѣ взиманія налоговъ Лампрехтъ видитъ одно изъ основныхъ правъ марковой общины, на ряду съ ея правами на альменду (с. 301). „Общинныя повинности и подати,— говоритъ Мауреръ—какъ и государственныя подати и налоги по общему правилу лежали на деревенской марковой общинѣ...; они были всецѣло налогами полевой и марковой общины“. Нѣмецкая община также связана была въ отношеніи уплаты податей круговою порукою, которая называлась у нѣмцевъ Gesammtbürgschaft. Это подтверждается очень многими извѣстіями. „Въ княжествѣ Фульдскомъ—указываетъ Мауреръ—налоги взимались съ каждой отдѣльной общины представителемъ общины и вносились имъ въ княжеское управленіе. Подобно этому, въ княжествѣ Байретскомъ наблюдали затѣмъ, чтобы назначенные княземъ подати распредѣлялись и взимались съ каждой отдѣльной общины четырьмя такъ-называемыми Steuermeiser. Въ Швейцаріи, въ нѣкоторыхъ общинахъ избирались особые такъ-называемые „податные старосты“ (Steuermeier), которые требуемые фохтомъ государственныя подати распредѣляли между членами общины и взыскивали ихъ... И когда (въ Баваріи) въ общинѣ возникали сомнѣнія относительно податныхъ обязанностей или относительно распредѣленія налоговъ, то эти вопросы разрѣшались представителями общины“.

Такъ же, какъ у насъ, въ нѣмецкой общинѣ подати раскладывались соотвѣтственно владѣніямъ каждаго общинника. Въ основу раскладки брали иногда тѣ права, какія каждый членъ общины имѣлъ на пользованіе общинными угодьями, „маркою“ въ тѣсномъ смыслѣ слова. Это—обложеніе по марковымъ правамъ (Markberechtigung). Рядомъ съ нимъ, какъ указываетъ Лампрехтъ, существовало обложеніе по дворамъ или гуфамъ, а также только по пахотнымъ

землямъ [1]). Такъ какъ марковые права обыкновенно соотвѣтствовали земельной собственности общинника, то въ существѣ дѣла всѣ эти различныя начала раскладки сводились къ одному: къ земельнымъ владѣніямъ общинника, къ его дворохозяйству, въ составъ котораго входила какъ его собственная земля, такъ и права на марковыя угодья [2]).

Въ силу этой тѣсной связи между обложеніемъ и землевладѣніемъ, изъ общей податной раскладки исключались, одинаково, у насъ и у нѣмцевъ, всѣ не имѣвшіе своей земли и собственнаго хозяйства. Такіе люди, жившіе въ чужомъ дворѣ и работавшіе въ чужомъ хозяйствѣ на тѣхъ или иныхъ условіяхъ, назывались въ Германіи: люди „сидящіе за другимъ“ (Hintersassen, Hintersiedler), или „живущіе при комъ либо“ (Beisassen, Beisitzer). Они—говоритъ Мауреръ—„находились въ прямой связи только съ крестьянами, дворохозяевами (Hubnern), за которыми они сидѣли и которымъ обязались повинностями и пошлинами“ [3]).

Съ Нѣмецкими Hintersassen (сидящіе за) совершенно одинаковы наши *захребетники*. Они живутъ за хребтомъ крестьянина, не имѣютъ собственнаго хозяйства и потому не несутъ тягла. Въ самомъ названіи ихъ—захребетники, какъ въ однозначащемъ нѣмецкомъ выраженіи—сидящіе за другимъ, образно выражается ихъ несамостоятельность и ихъ безотвѣтственность. По Новгородскимъ писцовымъ книгамъ, захребетники живутъ обыкновенно въ одномъ дворѣ съ крестьяниномъ хозяиномъ: „Деревня Бабино, дворъ Сидорикъ Нестериковъ, да захребетникъ его Петрокъ; сѣютъ ржи 3 коробьи, а сѣна косятъ 15 копенъ“. Нерѣдко также захребетники жили въ особыхъ дворахъ; изъ этого не слѣдуетъ, однако, что они были равны крестьянамъ по своему хозяйственному и,

[1]) Die Veranlagung auf die Markberechtigung. Die Veranlagung nach Höfen ader Hufen. Die Veranlagung wurde von der Hufe auf den Acker allein übertragen.

[2]) *И. Милюковъ*, Очерки по ист. русск. культуры, ч. I, изд. 5, с. 160. *K. Lamprecht*, Deutsches Wirtschaftsleben im Mittelalter, I, с. 301, 299. *G. Maurer*, Geschichte der Dorfverfassung in Deutschland, 1865, I, с. 197; о Gesammtbürgschaft или общинной порукѣ (Haftung der Gemeinde), тамъ же, с. 348 и 350.

[3]) Hintersassen: *G. Maurer*, Gesch. derr Dorfverf., I, §§ 60, 61. Тоже въ городахъ: Gesch. der Städteverfassung, т. II, § 234, 396.

связанному съ нимъ, податному состоянію; они имѣли особое жилище, но не были самостоятельными хозяевами. Значеніе хозяйственнаго цѣлаго, хозяйственной единицы въ это время имѣлъ обыкновенно не дворъ, а деревня. Поэтому захребетникъ, хотя и живущій въ особомъ дворѣ, записывается въ книгу, какъ общій захребетникъ двухъ крестьянъ дворохозяевъ одной деревеньки: „Деревня Макарьино: дворъ Илейка Макаровъ, дв. Тимошка Ѳонасовъ, дв. *захребетникъ ихъ* Омельянко; сѣютъ ржи 7 коробей, а сѣна косятъ 40 копенъ“ [1]).

Захребетники иначе назывались *подворниками*, *сосѣдями* и *подсусѣдниками* [2]). Различныя названія носили они и въ Германіи;

[1]) *Захребетникъ* въ одномъ дворѣ съ крестьяниномъ: „Деревня Починокъ: дв. Матѳейко Логвиниковъ, захребетникъ его Андрейко: сѣютъ ржи“ и т. д.. Новг. писц. кн. I, с. 12. Цитата въ текстѣ о д. Бабино, тамъ же с. 7. Такія же отмѣтки о захребетникахъ, живущихъ въ одномъ дворѣ съ крестьяниномъ: Новг. писц. кн., т. I, с. 2, 4, 5, 12, т. II, 29, т. IV, 140, 162 и др. Захребетникъ въ одномъ дворѣ съ ключникомъ и его сыномъ: т. I, с. 7. Двухдворная деревня съ общимъ захребетникомъ: т. I, с. 5, 10, 42, 52, 56. Захребетникъ въ особомъ дворѣ: „Деревня Сивицыно: дв. Нефедко Давыдковъ, дв. захребетникъ его Костко“; т. I, с. 9; тоже, с. 17, 18, 44—46 и др., т. II, с. 444, т. IV, с. 44, 85 и др.—*Подворникъ* въ одномъ дворѣ съ крестьяниномъ: „дв. Парѳенко Куземкинъ, да подворникъ его Огавонко Якушовъ“, т. I, с. 13, тоже, с. 6. Подворникъ въ особомъ дворѣ: т. I, с. 481.—*Сусѣдъ* въ одномъ дворѣ съ крестьяниномъ: т. IV, с. 36, 160, т. V, 193—194.—Въ видѣ исключенія: захребетникъ, какъ самостоятельный хозяинъ деревни: „Деревня Скомохорово: дв. Сава захребетникъ“, т. IV, с. 211.—Весьма близко къ *Мауреру* опредѣляетъ состояніе городскихъ захребетниковъ *И. Бѣляевъ*: „захребетники, сосѣди и подсусѣдники жили за чужимъ тягломъ и сами не вносились въ городскіе разметы, они не были членами городской общины и не имѣли своей поземельной собственности, а жили, какъ наемники или работники на чужихъ земляхъ“: Лекціи по ист. русск. законод., М. 1879 г., с. 493.—О городскихъ захребетникахъ, подсусѣдникахъ и шабрахъ; *Н. Д. Чечулинъ*, Города моск. госуд. въ XVI в., 1889, с. 63, 112, 323—324. О захребетникахъ, подворникахъ, сосѣдяхъ и казакахъ: *П. Соколовскій*, Ист. сельск. общины, с. 122—124, *А. Лаппо-Даниловскій*, Организ. прямого обложенія, 1890, с. 150, 151.—О захребетникахъ и подворникахъ по новгор. писцов. книгамъ: *В. И. Сергѣевичъ*, Древн. русск. пр., т. III, с. 146—148: „Смотря по достатку крестьянина, захребетникъ его живетъ или въ одномъ съ нимъ дворѣ, или въ особомъ... Нерѣдки случаи, когда нѣсколько дворовъ имѣютъ одного общаго захребетника... Подворникъ только другое названіе для захребетника“.

[2]) Отъ, „подворниковъ“ и другихъ захребетниковъ существенно отли-

изъ нихъ термину *подворникъ* близко соотвѣтствуютъ нѣмецкіе термины Beisasse (сидящій при комъ-либо) и Häusler (отъ слова Haus—домъ).

III. Судъ.

§ 11. Участіе общины въ высшемъ судѣ намѣстника.

Вмѣстѣ съ описанными податными правами средневѣковая волостная община, также какъ германская марковая община, имѣла нѣкоторыя важныя судебныя права. Изслѣдователи, сводящіе все существо нашей древней общины единственно къ разметѣ податей, упускаютъ изъ виду ясныя свидѣтельства памятниковъ о тѣсной связи этой „тяглой организаціи“ съ особой „организаціей судебной“. Они упускаютъ изъ виду, что деревни, маленькія однодворныя и двухдворныя деревеньки того времени, „тянули къ волости“ не только „данью“, но и „судомъ“, по выраженію памятниковъ.

Право германской общины на участіе въ высшемъ судѣ чрезъ посредство своихъ выборныхъ представителей, шеффеновъ, выяснено вполнѣ нѣмецкими историками. Это право связываютъ съ древнѣйшимъ судомъ народнаго собранія, подъ предсѣдательствомъ *тунгина*, выборнаго старшины сотни. Рѣшенія на этомъ судѣ объявлялись выборными „вѣщателями права“—*рахинбургами* и утверждались народнымъ собраніемъ (объ этомъ ниже). Когда судъ народнаго собранія сотни подъ предсѣдательствомъ тунгина смѣнился судомъ королевскаго чиновника—графа, община сохранила, однако, нѣкоторую долю участія въ графскомъ судѣ. Графъ судитъ не единолично, а вмѣстѣ съ выборными представителями общины, *скабинами* или *шеффенами*, соотвѣтствующими древнимъ рахинбургамъ. Капитулярій 829 года, подтверждая этотъ порядокъ, предписываетъ, чтобы въ каждомъ графствѣ выбирались „лучшіе и справедливѣйшіе люди для разбирательства дѣлъ и для справедливыхъ приговоровъ, чтобы они были помощниками

чаются „дворники“; первые жили за хребтомъ *крестьянъ*, вторые на господскихъ дворахъ, по найму или въ зависимости отъ господъ; существенно отличаются отъ нихъ также „закладчики“—подзащитные люди господъ. Объ этомъ ниже.

графовъ въ судебныхъ дѣлахъ". То же начало участія общины въ высшемъ судѣ сохранялось и позднѣе до конца средневѣковья. Источники постоянно говорятъ объ участіи въ судѣ выборныхъ представителей общины; эти представители въ однихъ мѣстахъ называются шеффенами, въ другихъ „вѣщателями права", „засѣдателями" и „присяжными" [1]). Въ роли шеффеновъ очень часто являются общинные старосты [2]).

Наша волостная община удѣльнаго времени, совершенно такъ же, какъ нѣмецкая средневѣковая община, участвуетъ въ высшемъ судѣ намѣстника, чрезъ своихъ выборныхъ представителей. Какъ германскій графъ судилъ не одинъ, а вмѣстѣ съ шеффенами, съ засѣдателями или съ вѣщателями права, такъ и нашъ намѣстникъ судитъ по общему правилу вмѣстѣ съ *судными мужами*. Съ намѣстникомъ „сидятъ въ судѣ" староста или сотскій и выборные судные мужи, „добрые люди", „лучшіе люди", которые позднѣе называются „цѣловальниками"; это позднѣйшее ихъ названіе точно сходится съ нѣмецкимъ терминомъ поздняго средневѣковья: Geschworne—присяжные.

---

[1]) По нѣмецки Urtheilsfinder (находящіе приговоръ), иначе называвшіеся Kornoten: Beisitzer (засѣлатели), Geschworne (присяжные).

[2]) *Скабины или шеффены*, смѣнившіе со времени Карла Великаго рахинбурговъ, составляли, какъ полагаютъ, *постоянную* выборную коллегію графскаго суда. Коллегія семи рахинбурговъ представляла отдѣльную общину—сотню; коллегія же скабиновъ (сначала также въ числѣ семи) представляла, какъ полагаютъ, цѣлое графство, въ составъ котораго входило нѣсколько сотенъ. Но для позднѣйшаго времени, послѣ Карла В., неясно, сохранилъ ли судъ шеффеновъ это устройство: „Ob die Schöffen zunächst für eine einzelne Hundertschaft ernannt wurden und an anderen Dingstühlen der Grafschaft nur aushalfen, oder ob sie von vornherein Grafschaftschöffen waren, lässt sich nicht sicher ermitteln": *R. Schröder*, Lehrbuch der deutschen Rechtsgeschichte, 3-е изд., 1898, с. 554. Но рядомъ съ этой коллегіей шеффеновъ, устройство которой въ отношеніи къ общинному представительству не вполнѣ ясно, мы находимъ въ Германіи въ иныхъ мѣстахъ вѣщателей права, Urtheilsfinder, Beisitzer, Geschworne, которые несомнѣнно являются представители отдѣльной общины, и въ этомъ отношеніи одинаковы съ древними рахинбургами. Эти представители, какъ полагаютъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ смѣняютъ шеффеновъ. „Im Gebiete des Bairischen Rechts lassen sich die Schöffen nur zur Mitte des 13-ten Jahrhunderts verfolgen. Ihre Stelle nahmen seitdem die Beisitzen oder Vorsprecher des Rechtens": *R. Schröder* ib., с. 554. Объ Urtheilsfinder etc.: *G. Maurer*, Geschichte der Markenverfassung, § 81, с. 280–282.

Бѣлозерская уставная грамота 1488 г. опредѣленно постановляетъ: „А намѣстникомъ нашимъ и ихъ тіуномъ безъ сотцковъ (сотскихъ) и безъ добрыхъ людей не судити судъ“. Точно также судебникъ 1497 года постановляетъ относительно суда бояръ и дѣтей боярскихъ: „на судѣ у нихъ быти дворьскому, и старостѣ, и лутчимъ людемъ; а безъ дворского, и безъ старосты, и безъ лутчихъ людей намѣстникомъ и волостелемъ не судити“.

Судебникъ 1550 года повторяетъ это постановленіе, называя „лучшихъ людей“ „цѣловальниками“, и поясняетъ, что эти люди должны быть представителями тѣхъ общинъ, къ которымъ принадлежатъ заинтересованныя въ дѣлѣ стороны: „И въ суду быти у намѣстниковъ, и у волостелей, и у ихъ тіуновъ тѣхъ волостей старосте и цѣловальникомъ, исъ которые волости хто ищетъ или отвѣчаетъ. А судные дѣла писати земскому дияку тое жъ волости“.

По правымъ грамотамъ времени этихъ судебниковъ видно, что коллегія судныхъ мужей составлялась также изъ выборныхъ представителей сосѣднихъ общинъ, во главѣ съ сотскими, сотниками или старостами. Такъ, напримѣръ, на судѣ между Симоновскимъ монастыремъ и крестьянами княжескаго дворцоваго Шипинскаго села сидятъ въ судныхъ мужахъ: 1) сотникъ сосѣдняго Кистемскаго села съ тремя крестьянами того же села, 2) сотцкой Сенитской волости, съ двумя крестьянами той же волости, 3) замѣститель сотника Лотитцкой волости и двое крестьянъ; всего 10 человѣкъ судныхъ мужей (1540). Въ другомъ судномъ дѣлѣ, около того же времени, судными мужами являются представители трехъ общинъ, всего въ числѣ пяти человѣкъ, изъ нихъ одинъ „въ старостино мѣсто“. Въ другихъ случаяхъ судные мужи выбираются, повидимому, изъ одной, или изъ двухъ общинъ, въ числѣ 2, 3, 6 человѣкъ, и во главѣ ихъ стоитъ всегда сотскій, сотникъ, дворскій или староста [1]).

---

[1]) *Судные мужи*: Бѣлоз. уставн. грамота: А. А. Э., I, № 123. Судебники: А. Истор., I, №№ 105, с. 153, ст. 19; № 153, ст. 68; Изд. Башилова, 1768 г.— Правая грамота 1540 г.: Ак. Ѳедот.-Чеховскаго, I, № 53, с. 74—75 (Бѣжецкій уѣздъ на р. Кестьмѣ). Правая грамота 1531 г.: Сборникъ актовъ, Н. П. Лихачева, № IX, с. 188, тоже, 1500 г., № II, с. 128; тоже 1495 — 1497, № III, с. 131; тоже, с. 136.—На Бѣлоозерѣ въ 1536 г. „на разъѣздѣ были мужи“ изъ четырехъ волостей, всего 8 человѣкъ, изъ нихъ 4 старосты (волостей Череповской, Угольской, Арбужевской и Шухтовской): Акты Ѳед.-

Выборнымъ представителямъ общинъ часто приходилось быть судными „мужами“. Сотникъ Передольской волости (въ Мало-Ярославскомъ уѣздѣ), Карпъ, вмѣстѣ съ „добрымъ человѣкомъ“ крестьяниномъ Никоникомъ говорили судьѣ: „мы, господине, Никоникъ да Карпъ сотникъ пріѣзжали есмя, господине, изъ Передоля... на Почянъ въ мужѣхъ многажды“ (1496—1498).

Эти судебныя права общины связывались съ ея значеніемъ, какъ особаго судебнаго округа. Въ Германіи до XIII столѣтія это значеніе особыхъ судебныхъ округовъ сохраняютъ обширныя территоріи древнихъ марковыхъ общинъ или сотенъ. Затѣмъ, какъ выяснилъ Лампрехтъ, послѣ распаденія этихъ общинъ на болѣе мелкія, послѣ распаденія сотенъ (Hundertschaften) на десятни (Zenderei), правительственные судебные округа по старому сообразуются съ границами этихъ новыхъ обширныхъ союзовъ. Иногда судебный округъ ограничивается территоріей одной общины-десятни, иногда же въ составъ его входитъ нѣсколько десятенъ; но территорія каждой общины сохраняетъ при этомъ свою цѣлость. Только въ новое время появляются новые судебные округа, границы которыхъ уже не совпадаютъ съ границами древнихъ общинъ и дѣлятъ территоріи ихъ на части.

Такое же значеніе судебныхъ округовъ имѣли территоріи нашихъ волостныхъ общинъ, волостей и волостокъ. Судебный округъ намѣстника или волостеля иногда ограничивался одною обширною волостью; обыкновенно же этотъ правительственный округъ или станъ обнималъ нѣсколько волостей; но волости при этомъ только механически соединялись въ одинъ станъ или присудъ; границы каждой изъ нихъ обыкновенно оставались неприкосновенными, и каждая община, не соединяясь съ другими, стояла въ непосредственныхъ отношеніяхъ къ намѣстнику. Отъ каждой волости, какъ обособленнаго цѣлаго, являлись въ судъ

Чех., № 55, 1541 г., с. 76. Въ тяжбѣ о межахъ между монастыремъ Кирилловымъ и Симановскимъ въ 1507 г. „на судѣ были мужи Череповскіе волости“, 4 человѣка, „да Симановскій крестьянинъ“: Арх. Истор.-Юрид. Свѣд., кн. II кон. 1 1855, с. 135; ср. Ак. Өед.-Чех., № 20. *Д. Мейчикъ*, Грамоты XIV и XV вв., с. 105 (1496—1498).—О судныхъ мужахъ см. *Ѳ. Дмитріевъ*, Истор. судебныхъ инстанцій, 1859, с. 41—49. О вѣщателяхъ права: *Ѳ. Леонтовичъ*, Старый земскій обычай, 1889, (Труды 6-го Археол. съѣзда въ Одессѣ, т. IV).

намѣстника староста и добрые люди, если дѣло касалось одного изъ ея членовъ.

Судебная организація въ это время тѣсно связывалась съ огранизаціей податной, тѣмъ болѣе, что князья и ихъ представители смотрѣли на судъ, главнымъ образомъ, какъ на доходную статью. И все какъ судебное, такъ и податное правительственное устройство въ это время одинаково опиралось на древніе общинные союзы, на древнія волости, сложившіяся помимо правительственнаго воздѣйствія. Деревни въ это время тянули къ волости одинаково и данью и судомъ. Такъ, въ жалованной грамотѣ 1421 г. великій князь говоритъ объ одной волостной деревнѣ, перешедшей во владѣніе митрополита Фотія: „А что доселе та деревня тянула судомъ и всѣми пошлинами къ волости, къ Талшѣ, и нынѣчь та деревня потянетъ судомъ и всѣми пошлинами къ отцу моему Фотію, митрополиту Кіевскому и всея Руси“ [1]).

§ 12. Низшій мірской судъ.

Высшій судъ рано перешелъ отъ общины-сотни въ вѣдѣніе представителей государственной власти, которыхъ онъ интересовалъ, главнымъ образомъ, какъ важная статья дохода. Отъ древняго судебнаго полновластія мірского собранія осталось только участіе міра въ княжескомъ судѣ чрезъ выборныхъ представителей. Въ вѣдѣніи общины, однако, остался низшій судъ по дѣламъ гражданскимъ и нѣкоторымъ дѣламъ уголовнымъ между членами общины.

О германской общинѣ Мауреръ говоритъ, что вѣдѣнію марковаго суда (Märkergerichte) подлежали въ особенности всѣ дѣла, касавшіяся марковыхъ угодій, споры относительно луговъ, выго-

[1]) *K. Lamprecht*, Deutsches Wirtschaftsleben, т. I, с. 237—238, с. 259. *Ѳ. Дмитріевъ*, Истор. суд. инст., с. 26 — 29. А. Арх. Экси., I, № 20. — „А тянуть тѣмъ деревнямъ судомъ и всѣми пошлинами по старинѣ ко Пскову“: Новгор. писц. книги, т. IV, с. 227.—Случаи раздѣла волостей извѣстны, но эти раздѣлы стоятъ въ связи съ постепеннымъ разрушеніемъ древнихъ волостныхъ союзовъ (о которомъ ниже), а иногда также съ естественнымъ раздѣленіемъ волости на волостки-общины меньшихъ размѣровъ. Я говорю въ текстѣ объ общемъ правилѣ, которое должно было строго соблюдаться въ древнѣйшее время. О станѣ и волости подробнѣе см. ниже.

новъ, изгородей, болотъ, водъ, улицъ, дорогъ и проч.; но также и споры о правѣ собственности на имущества, въ предѣлахъ общинной территоріи. Общиннымъ судомъ разбирались также, кромѣ дѣлъ гражданскихъ, нѣкоторыя дѣла уголовныя, посягательства противъ личной чести и тѣлесной неприкосновенности (обиды и побои). Немногія, сохранившіяся въ памятникахъ, указанія даютъ основаніе заключить, что компетенція марковаго общиннаго суда была довольно обширной, и соотвѣтствовала приблизительно компетенціи современныхъ намъ мировыхъ судей [1])

У насъ отъ удѣльнаго времени не сохранилось никакихъ извѣстій о соотвѣтствующемъ нѣмецкому марковому суду низшемъ судѣ волостной общины. Но этотъ недостатокъ извѣстій возмѣщается существующимъ у насъ по сейчасъ мірскимъ судомъ сельской общины. Здѣсь заключеніе отъ современности къ древности даетъ очень надежный выводъ. Современный нашъ общинный судъ представляетъ собою, несомнѣнно, наслѣдіе глубокой старины.

При освобожденіи крестьянъ положеніе 1861 года учредило волостные суды. Волостной судъ, по этому положенію, составляется изъ ежегодно избираемыхъ волостнымъ сходомъ 4—12 очередныхъ судей и рѣшаетъ, руководствуясь обычнымъ правомъ, всѣ тяжбы цѣною до 100 рублей, а свыше этого по обоюдному согласію тяжущихся.

Законъ въ этомъ случаѣ примѣнялся къ существовавшимъ уже по древнему обычаю народнымъ судамъ. Но устанавливая судъ волости, законъ выбралъ слишкомъ крупную единицу; волостной судъ не удовлетворилъ, поэтому, потребностямъ жизни, и рядомъ съ нимъ продолжалъ существовать сельскій общинный судъ. Рядомъ съ волостнымъ судомъ, говоритъ Оршанскій, основываясь на Трудахъ комиссіи о волостныхъ судахъ, „въ дѣйствительности, главную

[1]) Въ своемъ „Введеніи“ (1853) *Мауреръ* указываетъ только, что вѣдѣнію общины принадлежало право суда во всѣхъ *общинныхъ* дѣлахъ, споры и обиды по дѣламъ марки-альменды, „все то, что мы обыкновенно называемъ теперь дѣлами сельской, полевой и лѣсной полиціи“: русскій перев. В. Корша, стр. 177. Въ позднѣе же вышедшемъ трудѣ Geschichte der Markenverfassung (1856), Мауреръ приводитъ нѣсколько указаній памятниковъ на то, что общинному суду подлежали также die Streitigkeiten über die in der Mark gelegenen Güter, и die unbedeutenden Händel der Markgenossen, ihre Raufereien und Schlägereien,... was späterhin zur Ortspolizei gerechnet worden ist“: § 92, стр. 310, 312.

роль, какъ органъ народнаго правосудія, играетъ сельскій судъ, учрежденіе, совершенно неизвѣстное положенію и не пользующееся никакимъ легальнымъ авторитетомъ... Вездѣ членамъ комиссіи приходилось слышать, что всѣ дѣла у крестьянъ разбираются предварительно сельскимъ судомъ и, только при несогласіи сторонъ подчиниться его рѣшенію, переходятъ въ волостной судъ. Встрѣчаемъ такого рода свѣдѣніе. Въ одной волости бываетъ въ годъ дѣлъ около 50-ти, но до волостного суда доходитъ не болѣе 10-ти; въ другой изъ 20-ти дѣлъ до волостного суда доходитъ одно или два, въ третьей $^1/_{10}$ общаго количества дѣлъ". Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сельскій судъ является судомъ міра, сельской сходки; въ другихъ онъ состоитъ изъ сельскаго старосты и опредѣленнаго числа добросовѣстныхъ, въ третьихъ — изъ старосты и двухъ стариковъ [1]).

Гдѣ же въ древности рѣшались тѣ $^9/_{10}$ дѣлъ, которые теперь рѣшаются на сельскомъ судѣ, не восходя до волостного суда? Не можетъ быть сомнѣнія, что они такъ же, какъ теперь, рѣшались общиной. Въ древнее время общиной, соотвѣтствующей нынѣшнему сельскому обществу, была волость, состоявшая изъ нѣкотораго числа небольшихъ деревень, и нынѣшнему сельскому суду соотвѣтствовалъ судъ волостной общины. Если теперь крестьяне затрудняются обращаться съ своими тяжбами въ волостной судъ, хотя онъ состоитъ изъ нихъ же выборныхъ представителей, то въ древнее время они еще рѣже, только въ крайнихъ случаяхъ, могли обращаться къ суду намѣстника, въ виду его дороговизны и отдаленности намѣстничьихъ становъ.

---

[1]) *И. Оршанскій*, Изслѣдованіе по русскому праву обычному и брачному, Спб. 1879, стр. 13—14.—О судѣ древней волости *Θ. Дмитріевъ* разсуждаетъ такъ: „Города и волости сохраняли и при княжескихъ чиновникахъ своихъ собственныхъ старшинъ и начальниковъ, подъ именемъ: дворскихъ, старостъ, сотскихъ и десятскихъ, которые, вѣроятно, имѣли сначала свою долю судебной власти, потому что въ древней Россіи управленіе и судъ всегда шли рука объ руку. Что дѣйствительно эти земскіе начальники могли быть судьями въ предѣлахъ своихъ общинъ, въ этомъ насъ убѣждаетъ даже и то, что въ нѣкоторыхъ русскихъ городахъ, особенно въ Новгородѣ, тысяцкій имѣлъ право суда надъ черными людьми, но еще болѣе тѣ несудимыя грамоты XV вѣка, въ которыхъ ни слова не сказано объ устройствѣ внутренней расправы. Очевидно, что въ этомъ случаѣ община управлялась и судилась посредствомъ собственныхъ своихъ старшинъ": Исторія судебныхъ инстанцій, 1859, стр. 7.

§ 13. Общинная отвѣтственность за преступленія.

Подобно тому, какъ въ отношеніи *дани* община связана была круговой порукой въ уплатѣ податей, такъ точно и въ отношеніи *суда* на общинѣ лежала круговая отвѣтственность за нѣкоторыя преступленія, совершавшіяся въ предѣлахъ общинной территоріи.

Когда на волостной землѣ находили мертвое тѣло убитаго человѣка, волость обязана была отыскать убійцу и, если не удавалось его отыскать, обязана была платить „вину“ или „виру“. Бѣлозерская уставная грамота 1488 года гласитъ: „а учинится душегубьство въ коемъ стану или въ коей волости, а не доищуться душегубьца, и они вины четыре рубли заплатятъ, въ стану или въ волости, въ коей душегубьство учинилося“. Въ другихъ грамотахъ эта „вина“ называется древнимъ терминомъ „вира“ (или „вѣра“) и „головщина“. Такъ, по уставной грамотѣ, данной Переяславскимъ рыболовамъ, они обязаны были, если „не доищутся душегубца“, платить „намѣстникомъ за голову виры четыре рубли“; они должны были платить ее по круговой раскладкѣ: „а заплатятъ виру всѣми рыболовлими дворы“ (въ другой грамотѣ: „а заплатятъ вѣру *волостью*“). Охраняя крестьянъ отъ несправедливыхъ вымогательствъ намѣстниковъ и волостелей, князья поясняютъ въ уставныхъ грамотахъ, что отвѣтственность падаетъ на общину только за душегубство, только за умершаго отъ руки убійцы: „а кого въ лѣсѣ древомъ заразитъ, или съ древа убьется, или кого звѣрь съѣстъ, или кто утонетъ, или кого возомъ сотретъ, или кто отъ своихъ рукъ утеряется, а обыщутъ того безъ хитрости, ино въ томъ вѣры и продажи нѣтъ“ (1506). Въ правой грамотѣ 1529 г. сохранилось упоминаніе объ одномъ случаѣ уплаты крестьянами головщины, согласно этимъ постановленіямъ. Какъ записано въ этой грамотѣ, старожильцы говорили: „на той, на Спасской землѣ, былъ убитый человѣкъ; ино, господине, и головщину платили Спасскіе... крестьяне между собою; а Гороховскіе волости крестьяне тогды тое земли отступилися, и тое головщины тогды съ ними не платили“ (1529) [1]).

[1]) Уставныя грамоты: Бѣлоз. 1488 г. А. А. Э. I, №. 123; Переяслав. рыболововъ: А. Э., I, № 143 (1506), Артемоновскаго стана: А. Э., I, № 144

Такую же точно отвѣтственность общины за убійство, совершенное въ предѣлахъ ея территоріи, находимъ мы и на западѣ, но только въ древнѣйшую эпоху германскихъ Правдъ. Эти Правды опредѣленно говорятъ объ обязанности общинъ платить виру за мертвое тѣло. Кое-гдѣ, напримѣръ въ Силезіи, о такой же обязанности общинъ упоминаютъ и позднѣйшіе источники. Въ Германіи же въ позднее средневѣковье источники о ней не упоминаютъ. И только въ лѣсныхъ уставахъ XVII—XVIII вв. встрѣчаются постановленія объ отвѣтственности общинъ не за убійства, а за менѣе важныя преступленія, именно, за порубки въ общинномъ лѣсу. Если община не могла захватить или, по крайней мѣрѣ, обнаружить виновнаго, то она должна была возмѣстить убытокъ и заплатить пеню. Въ этой общей отвѣтственности членовъ общины за преступленія проявляются тѣ же тѣсныя ихъ общинныя связи, что и въ податной круговой порукѣ [1]).

IV. Мірская земля.

§ 14. Общинныя угодья.

Средневѣковая волостная община, какъ и германская марка, не была общиною поземельной съ общиннымъ владѣніемъ пашнями и съ періодическими передѣлами. Волостные люди такъ же, какъ члены марковой общины, владѣли землею по праву собственности. Это извѣстно намъ изъ грамотъ того времени съ достовѣрностью (см. ниже).

Тѣмъ не менѣе, и при существованіи частной собственности на землю, наша средневѣковая община, все-таки была можно сказать, „общиной поземельной", если придать этому термину тотъ смыслъ, что волостной общинѣ принадлежали нѣкоторыя поземельныя права. Описанное выше мірское самоуправленіе, съ

(1506); *Н. П. Лихачевъ*, Сборникъ актовъ, стр. 161—162; *Н. Загоскинъ*, Уставныя грамоты XIV-го—XVI-го вв., вып. II, стр. 49—50.

[1]) *G. Maurer*, Gesch. der Dorfverfassung, т. I, § 139: die Haftung der Gemeinde, die sogenannte Gesammtbürgschaft. Эту судебную круговую поруку Мауреръ сближаетъ съ податною: стр. 350.—Только въ Силезіи сохранились извѣстія объ отвѣтственности общины за убійство отъ позднаго времени, въ дипломахъ 1221—1261 гг.; *G. Maurer*, ib., s. 351.

важными правами міра въ отношеніи дани и суда, связывалось съ общиннымъ владѣніемъ угодьями и съ высшей территоріальной властью міра на всѣ земли въ границахъ волости.

Общинное владѣніе угодьями, широко распространенное въ Германіи въ средніе вѣка, Мауреръ, въ своихъ извѣстныхъ трудахъ по исторіи марковой, сельской и городской общины, тѣсно связывалъ съ гипотетической первобытной общиной, въ которой не только луга, пастбища, лѣсъ, воды, но и всѣ пашни, вся земля, какъ полагаютъ, принадлежала нераздѣльно членамъ общины. Историки наши, отрицающіе древность поземельной общины, указываютъ, ссылаясь на Фюстель де-Куланжа, что и древность Германской общины является сомнительной, что указанная теорія Маурера не можетъ быть признана достовѣрной. Эта теорія происхожденія Германской общины среднихъ вѣковъ, дѣйствительно, не можетъ быть признана вполнѣ достовѣрной. Но эту *теорію* происхожденія общины нетрудно отдѣлить отъ *факта* ея существованія въ средніе вѣка. Если первобытная поземельная община съ передѣлами земли временъ Юлія Цезаря является гипотезой, то община среднихъ вѣковъ, мірское самоуправленіе, связанное съ общинными угодьями, представляетъ собою непреложный историческій фактъ, засвидѣтельствованный грамотами, сохранившимися въ изобиліи.

Общинныя угодья, существованіе которыхъ засвидѣтельствовано многочисленными памятниками среднихъ вѣковъ, назывались *маркою, общею маркою*, а съ XII-го вѣка также *альмендою* [1]). Въ нераздѣльномъ общинномъ владѣніи были чаще всего лѣса, но также „повсюду—говоритъ Мауреръ—принадлежали къ общей маркѣ пастбища, болота, торфяники, дороги и тропинки, общія воды, мосты, словомъ все, что не было подѣлено".

Кромѣ такихъ угодій, община владѣла сообща часто также и воздѣланными участками, пашнями, огородами, виноградниками. Во владѣніе общины, по общему правилу, переходили всякіе, покинутые собственниками, воздѣланные участки земли. Эти участки также причислялись къ маркѣ (марковой землѣ), или альмендѣ—общему достоянію общины. Эти земли не состояли въ общемъ пользованіи, какъ общинныя угодья, а сдавались общиной въ

[1]) Marca, marchia communis. Almeinda, Almende, Allgmeine.

аренду или въ оброчное держаніе отдѣльнымъ лицамъ на тѣхъ или иныхъ условіяхъ. Деньги, выручаемыя за пользованіе этими участками, поступали въ кассу общины; они расходовались на уплату налоговъ, лежавшихъ на общинѣ, или дѣлились между ея членами [1]).

Наши источники даютъ достаточно безспорныхъ указаній на различныя угодья, лѣса, луга, бортные ухожаи, рыбныя ловли, состоявшіе такъ же, какъ на западѣ, въ общемъ владѣніи волостныхъ общинъ. Какъ въ разсмотрѣнномъ выше мірскомъ самоуправленіи, по части дани и суда, такъ и въ отношеніи къ мірскимъ угодьямъ явственно видно тожество русской и западной общины среднихъ вѣковъ по ихъ юридической природѣ. Такъ же, какъ въ Германіи, угодья состоятъ у насъ въ общемъ пользованіи и общемъ владѣніи волости. Въ лицѣ своихъ властей, старосты, дѣйствующаго въ согласіи съ міромъ, волостная община передаетъ участки этихъ угодій въ пользованіе своимъ сельчанамъ, какъ и постороннимъ лицамъ, за плату, которая идетъ въ общую мірскую кассу, кладется „волости на столецъ".

Въ грамотахъ XV вѣка, какъ и въ позднѣйшихъ, сохранилось большое число такихъ указаній на принадлежность волостямъ лѣсовъ и луговъ, въ качествѣ общинныхъ угодій.

Когда игуменъ Кириловскаго монастыря, пріобрѣтя деревню въ волости Углѣ, пожаловался великому князю, что у этой деревни нѣтъ лѣсу, то великій князь обратился къ волости съ приказаніемъ дозволить игумену пользоваться волостнымъ лѣсомъ:

„Отъ князь Михаила Андреевича на Углу старостѣ и всѣмъ христіаномъ. Билъ ми челомъ отецъ мой игуменъ Касьянъ Кирилова монастыря: что ихъ деревня монастырская на Углѣ, Новоселки, и они ми сказываютъ, что у тое деревни лѣсу нѣтъ, ни жердья, ни дровъ усѣчи нѣтъ же. И язъ ему ослободилъ: гдѣ будетъ поблизьку ихъ лѣсъ деревни, и язъ велѣлъ ему сѣчи дрова, и жердье, и бревенье на хоромы. И вы бы ему за то не стояли" (1448—1468).

Грамота болѣе поздняго времени, 1587 года, говоритъ объ

---

[1]) *G. Maurer*, Markenverfassung, §§ 12, 13, с. 35, 36, § 48, с. 175—176. Dorfverfassung, т. I, § 122, с. 291. Ср. въ книгѣ *Н. П. Сильванскій*, Феодализмъ въ древней Руси, стр. 49—51.

обширномъ „дикомъ, пустомъ“ лѣсѣ, принадлежавшемъ искони Куской волости Унженскаго уѣзда (р. Унжа въ нынѣшней Костромской губерніи): „Въ обыску цѣловальникъ да 20 человѣкъ крестьянъ сказали..., что того лѣсу верстъ на 20, да на 30; а бывалъ деи тотъ лѣсъ искони Кускіе волости“. Прежде въ этомъ лѣсу промышляли двое крестьянъ и платили оброкъ съ промыслу; но они были убиты въ войнѣ съ Луговой Черемисой лѣтъ 40 — 50 назадъ; и съ тѣхъ поръ, какъ объясняли волостные крестьяне, они „оброку съ того лѣсу не даютъ ничего“.

Кромѣ лѣсовъ и луговъ (поженъ, дорищъ, наволоковъ), къ общимъ владѣніямъ волости принадлежали въ равной мѣрѣ и вода и всякія другія угодья. Рядная грамота XV вѣка о продажѣ Шенкурскаго погоста Василію Матвѣеву (Своеземцеву), отъ лица старосты Азики и его братьи, широко перечисляетъ владѣнія этого погоста-волости: „А что Шенкурского погоста и земли, и воды, и лѣсы... и рѣки и мхи, и озера, и соколья гнѣзда, гдѣ ни есть Шенкурского погоста, то все Василью собѣ и своимъ дѣтямъ во вѣки“ [1]).

§ 15. Пустоши.

Кромѣ общихъ угодій, состоявшихъ не только въ общемъ владѣніи, но и въ общемъ пользованіи общины, какъ, напримѣръ, лѣса, а частью луга и воды, въ общинномъ владѣніи состояли

[1]) А. Юр., № 6 (около 1490). Русск. Истор. Библ., т. II, № 27 (1448—1468); тоже *Н. Дебольскій*, Сборникъ, № CV. А. Юр., № 172 (1587). А. Юр., № 257 (XV вѣка). Въ этой послѣдней грамотѣ, касающейся Шенкурскаго погоста я опустилъ въ текстѣ фразу: „и лѣсы лѣшніи, и рѣки, и лѣшніи рѣки“. Слово лѣшніи, извѣстное только изъ этой грамоты, *И. Срезневскій* (Матеріалы для словаря), оставляетъ безъ перевода (ср. у него же слово лѣхъ).—Въ отношеніи общинныхъ угодій и пустошей, я ограничиваюсь немногими ясными извѣстіями, относящимися къ волостнымъ общинамъ XV и начала XVI вѣка. Свѣдѣнія Новгородскихъ писцовыхъ книгъ, относящіяся къ тому же времени, объ общинныхъ угодьяхъ на владѣльческихъ земляхъ и въ дворцовыхъ волостяхъ, разсмотрѣны ниже, въ главѣ о барщинѣ. Свѣдѣнія объ общинныхъ угодьяхъ, находящіяся въ „Писцовыхъ книгахъ Московскаго государства XVI вѣка“, я не привожу, потому что они относятся къ общинамъ другого типа изъ небольшого числа деревень, свободныхъ и частновладѣльческихъ. Эти свѣдѣнія приведены *И. Соколовскимъ*, Очеркъ исторіи сельской общины на сѣверѣ Россіи, 1877, стр. 72—76.

также и выморочные и вообще безхозяйные участки: дворы, пашни, сѣнокосы и проч. Волость распоряжается одинаково пустошами, т.-е. запустѣвшими воздѣланными участками, деревнями и дворами со всѣми ихъ угодьями. Она или отдаетъ такіе участки въ пользованіе крестьянамъ, какъ полноправнымъ членамъ общины, съ условіемъ тянуть тягло, или же сдаетъ ихъ въ наемъ, при чемъ плата идетъ въ общую мірскую кассу.

Предъ нами судный списокъ 1529 года о спорныхъ пашняхъ и пустошахъ Гороховской волости на р. Клязьмѣ, въ нижнемъ ея теченіи, близъ гор. Гороховца (въ нынѣшней Владимірской губерніи). Мы встрѣчаемъ здѣсь тѣ же самые мірскіе порядки, съ которыми отчасти уже познакомились по грамотамъ, касающимся волостей Бѣлозерскихъ.

Относительно спорныхъ деревень Дубровки и починка Деревнища, на которые заявлялъ притязаніе Евфиміевъ монастырь, волостной староста съ крестьянами заявилъ, что 30 лѣтъ назадъ деревня на селищѣ Дубровки была поставлена тремя братьями Кухмыревыми, при чемъ волость, съ согласія міра, дала имъ льготу на 10 лѣтъ. Мѣсто было выбрано неудачно: „ту деревню учала у нихъ вода поимати“. Кухмыревъ съ братьями перенесъ хоромы на другое мѣсто, но и тутъ имъ „не почасилось“, не посчастливилось, и поэтому, проживъ въ той деревнѣ лѣтъ пять, они ее покинули.

„И та, господине, деревня,—говорили крестьяне—стояла пуста лѣтъ съ 20, и хоромы, господине, развалялись да и погнили; только съ той деревни одно избищо осталось; а се, господине, то избищо передъ вами у того же починка стоитъ“.

Въ эту покинутую деревню міръ сажаетъ новаго жильца. „*И мы*, господине, — продолжали крестьяне — нынѣ на томъ полѣ той деревни Дубровки на Деревнищахъ *посадили* Данилка Гаврилова сына Кухмырева, гдѣ преже того отецъ его живалъ“.

Въ этой же грамотѣ подробно разсказано, какъ та же волость дала на льготу крестьянину Нестеру Мелехову невоздѣланный участокъ въ лѣсу, гдѣ прежде у волости были „зимницы на убѣжище отъ татаръ“. Нестеръ Мелеховъ такъ говорилъ судьямъ:

„Язъ, господине, тотъ починокъ почалъ ставити на великаго князя землѣ и на зимницѣ на Объѣздѣ Раменьскихъ деревень; а тому два года будетъ Николинъ день вешней, какъ его пашу.

Рожь лѣтось снялъ и ярь есми, господине, на томъ починку сѣялъ и жалъ свою“ [1]).

Когда судьи спросили прежняго представителя волости, старого сотскаго Василья Воротилова, то онъ подтвердилъ, что участокъ данъ былъ Нестеру волостью на льготу:

„А далъ, господине, ему ту зимницу, Объѣздъ, на льготу на 10 лѣтъ, язъ, Васюкъ Воротиловъ, поговоря съ своею братьею и со всею волостью съ Гороховскою“.

Въ этихъ случаяхъ волость даетъ участки на льготу съ тѣмъ, чтобы по прошествіи льготныхъ лѣтъ крестьяне тянули тягло наравнѣ со всѣми волощанами, а вмѣстѣ съ тѣмъ вошли бы въ составъ волостной общины въ качествѣ ея полноправныхъ членовъ. Въ другихъ же случаяхъ волость сдаетъ участки волостной земли въ наемъ постороннимъ лицамъ, при чемъ отношенія ихъ къ общинѣ ограничиваются уплатою цѣны найма, идущей въ общинную кассу, такъ называвшійся „мірской столецъ“. Такъ, напримѣръ, въ судномъ дѣлѣ конца XV вѣка волостной крестьянинъ заявилъ, что монастырскіе крестьяне Махрищскаго Троицкаго монастыря [2]) нанимали селище Лаптево у волости:

„Тѣ, господине, вси (монастырскіе крестьяне) пахали ту землю у насъ наимывали Лаптевскую у нашого старосты у Ивана“. Сначала землю сдавалъ въ наемъ самъ староста, затѣмъ одинъ изъ крестьянъ, Давыдко, по уполномочію общины:

„А послѣ старосты, господине, тотъ Гридка наимывалъ то селищо Лаптевское, у мене, Давыдка, три годы. Язъ, господине, Давыдко, у того Гридки имѣлъ наемъ, а клалъ есми, господине, всей братьѣ на столецъ, съ того селища Лаптевскаго“.

Общія права волости на земли видны изъ грамоты Бѣлозерскаго князя середины XV вѣка, которою онъ предоставляетъ Городецкой волости право выкупить пожни, которыя принадлежали раньше двумъ крестьянамъ Бренку и Семену Попову и были заложены ими Кириловскому монастырю. Залогъ волостныхъ земель отдѣльными собственниками князь признаетъ вполнѣ правомѣрнымъ,

---

[1]) Прежде чѣмъ начать пахать, онъ еще раньше, за два года, долженъ былъ подсушить лѣсъ: „а чертежъ есми, господине, чертилъ и лѣсъ подсушивалъ тому пятой годъ“.

[2]) Владимірской губерніи, Александровскаго уѣзда. Монастырь при впаденіи рѣчки Махрищи въ р. Молокчу.

но, охраняя интересы волости, онъ разрѣшаетъ ей выкупить эти пожни, перешедшія во владѣніе Кирилова монастыря: „И язъ пожаловалъ старосту Городецкого и всѣхъ крестьянъ, велѣлъ есми имъ тѣ пожни у игумена Касьяна Кирилова монастыря съ братьею выкупити, что будетъ въ кабалахъ писано въ Бреньковой да въ Семеновой, и они имъ тѣ деньги дадутъ, а пожни возмутъ къ волости, да владѣють тѣми пожнями крестьяне ... А доколѣ староста Городецкой со крестьяны тѣхъ пожень у игумена съ братьею не выкупятъ, и игуменъ Касьянъ съ братьею дотолѣ тѣми землями владѣетъ“ (1448—1468) [1]).

§ 16. Территоріальная власть міра.

Существо средневѣковой общины, на Западѣ—марки, у насъ міра, волости, заключается не въ общинномъ землевладѣніи, а въ самоуправленіи. Въ основѣ этого мірского самоуправленія лежитъ территоріальная власть міра на землю, связывающая нѣсколькихъ собственниковъ въ одно сплоченное цѣлое, и обусловливающая всѣ ихъ права и обязанности по отношенію къ міру.

Существо древнѣйшей общины-марки не имѣетъ ничего общаго, какъ многіе думаютъ, съ общиннымъ, общимъ землевладѣніемъ, съ равнымъ дѣлежемъ земель между членами общины.

Общинныя права на землю ограничиваются: 1) правомъ собственности на нераздѣленныя угодья и 2) правомъ собственности на выморочные и покинутые участки. Въ этихъ правахъ проявляется территоріальная власть общины. Эта власть не исключаетъ частнаго права собственности на землю отдѣльныхъ членовъ. Эта власть представляетъ собою лишь dominium eminens, dominium indirectum, рядомъ съ правомъ собственности, dominium directum членовъ общины.

Изъ этой высшей территоріальной власти общины проистекаютъ ея права на лицъ, владѣющихъ участками общинной земли, въ отношеніи дани и въ отношеніи суда и расправы. Владѣніе общин-

---

[1]) *И. Лучачевъ*, Сборникъ актовъ, Правыя грамоты № VII, с. 161, 166—168. *Ѳедотовъ-Чеховскій*, Акты гражд. расправы, т. I, № 30, с. 31 (Объ упомянутомъ здѣсь Махрищскомъ монастырѣ см. *И. Зѣрчинскій*, Матеріалы II, № 919). А. Юрид. Быта, № 35 (1448—1468).

нымъ участкомъ налагаетъ на лицо обязанности въ отношеніи общины. Обязанности эти лежатъ на общинной землѣ и съ земли переносятся на лицо, пріобрѣтающее участокъ ея въ собственность.

Съ этимъ принципомъ сталкивался другой принципъ феодальной эпохи: независимость, государственное самоопредѣленіе, иммунитетность крупнаго землевладѣльца-боярина, а наряду съ нимъ князя и всѣхъ лицъ, непосредственно зависящихъ отъ князя, его дружинниковъ. Эти лица, бояре и дружинники, пріобрѣтая общинную землю, освобождали ее отъ лежавшихъ на ней обязанностей, податныхъ, судебныхъ и административныхъ, освобождали ее отъ тягла, въ широкомъ смыслѣ слова. Общинная земля становилась свободной, боярской землей. Это называлось обояриванье и окняженіе земли [1]).

Когда всѣ общинныя земли стали землями княжескими въ смыслѣ государственнаго княжескаго господства, и общинное тягло, общинныя права и обязанности поступили подъ высшую охрану князя, тогда для освобожденія отъ общиннаго тягла, для ея обоярепья требовалось уже всякій разъ особое распоряженіе князя. По общему же правилу, всякій, не исключая и бояръ, покупавшій общинную землю, долженъ былъ нести лежавшее на пей тягло.

Высшее право владѣнія волостной общины на всѣ земли волостной территоріи или ея территоріальная власть наглядно проявляется въ судныхъ дѣлахъ, въ которыхъ волостной міръ, въ лицѣ старосты и всѣхъ крестьянъ, отстаиваетъ принадлежность волости одинаково, какъ запустѣвшихъ деревень, такъ и деревень, состоящихъ въ частной собственности отдѣльныхъ волостныхъ людей. Отстаивая принадлежность волости различныхъ деревень и починковъ, представители Ликуржской волости говорятъ въ 1498—1505 годахъ: „тѣ деревни и починки изстарины земли великаго князя Ликуржскіе волости, тяглые, наши“.

Частные права волостныхъ людей на ихъ земли охраняются волостной общиной, которая при этомъ стремится охранить цѣлость волостной территоріи.

Территоріальная власть общины проявляется въ энергичной охранѣ границъ волостной территоріи. Любопытный примѣръ

[1]) Этотъ принципъ выражается въ земельномъ закладничествѣ. И въ позднѣйшее время бояринъ, покупая тяглый дворъ, обѣлялъ его.

этихъ отношеній даетъ мировая грамота 1530 года по спору между крестьянами Есюнинской волости въ Бѣлозерскомъ краѣ и Ѳерапонтовымъ Бѣлозерскимъ монастыремъ.

Искъ о земляхъ предъявленъ былъ слугою Ѳерапонтова монастыря не къ волости, а къ одному изъ крестьянъ, Гаврилкѣ Ортемову. Но за этого крестьянина отвѣтчика вступается вся волостная община въ лицѣ старосты и двухъ крестьянъ, дѣйствующихъ „во всѣхъ хрестіянъ мѣсто Есюнинскія волости“. И не доводя дѣла до суда, волостная община заключаетъ мировую сдѣлку съ монастыремъ по иску, предъявленному къ одному изъ ея членовъ [1]). Возстановивъ старыя межи и рубежи между землями волостными и монастырскими, волость такъ договаривается съ монастыремъ о нарушеніи границъ: „И мнѣ, старостѣ Ивану Дорофееву, и всѣмъ хрестіаномъ къ нимъ за межу не лѣзти. А полѣземъ мы къ нимъ за межу пахати, ино на мнѣ, на старостѣ и на всѣхъ хрестіанѣхъ 50 рублевъ по сей записи. А полѣзу язъ, игуменъ съ братіею, ино на насъ 50 рублевъ по сей же записи“ (1530) [2]).

---

[1]) „Се язъ Иванъ Дорофеевъ сынъ Есюнинскіе волости, да Левонтей Онофреевъ сынъ, да Малыга Грибановъ и во всѣхъ хрестіанъ мѣсто Есюнинскіе волости: что взялъ великого князя судью, Ѳедора Нитина Ѳерапонтова монастыря слуга Дема Тарасовъ сынъ на нашего хрестіанина, на Гаврилка па Ортемова въ земляхъ, и мы, не тягався передъ судьею, да обыскали есмя старыя межи и рубежи“...

[2]) Ак. Юр., № 8 (1498 — 1505), № 154 (1530). Выводы мои о существѣ русской волостной общины сходятся съ выводами *проф. Довнара-Запольскаго* объ общинѣ западно-русской, въ недавно появившемся изслѣдованіи его: „Очерки по организаціи западно-русскаго крестьянства въ XVI вѣкѣ“ (Кіевъ, 1905). Я изучалъ русскую общину по актамъ Московской Руси удѣльнаго времени параллельно съ германской маркою. Онъ изучалъ общину Западной Руси по старымъ и новымъ документамъ той же эпохи (конецъ XV и XVI в.) изолированно, не сравнивая ея ни съ московскою, ни съ германской. Выводы наши сходятся.

Западно-русская община такъ же, какъ наша, представляетъ собою союзъ многихъ селъ и называлась она *волостью* (с. 48). Выборные представители волости назывались сотскими, старостами и въ особенности *старцами*. Старцы выбирались обыкновенно „на старченьство“ ежегодно, весною (55,58). Старецъ имѣлъ право суда, кромѣ нѣкоторыхъ важнѣйшихъ дѣлъ, подлежавшихъ суду намѣстника или воеводы; въ грамотѣ 1497 года великій князь постановляетъ, что намѣстникъ не долженъ въѣзжать въ Торопецкую волость, и „не судити ихъ, ни рядити; маетъ ихъ судити и рядити старецъ ихъ“ (65—66). Кромѣ судебныхъ функцій, на старцѣ лежали функціи „по

Охраняя общинную территорію, община охраняла и владѣнія отдѣльныхъ собственниковъ въ предѣлахъ этой территоріи. Въ примѣръ такой общинной защиты частныхъ владѣній Лампрехтъ приводитъ обязательство, данное общиной (universitas) монастырскому подворью, стоявшему на общинной землѣ, охранять его владѣнія противъ всякаго, кто заявитъ на нихъ притязанія. Совершенно такое же обязательство общинной защиты монастыр-

---

сбору податей и доставкѣ ихъ въ скарбъ (княжескую казну), главное руководство въ волости по раскладкѣ податей и повинностей, наконецъ, общее представительство волостныхъ интересовъ"; кромѣ того „и обще-административныя обязанности" (76). Старецъ дѣйствовалъ совмѣстно съ міромъ: „дѣятельность старца является отраженіемъ постановленій общиннаго собранія" (80).

Члены волости владѣютъ землею на частномъ правѣ собственности. „Огромная масса фактическаго матерьяла", касающаяся „всѣхъ частей государственной территоріи и всѣхъ разрядовъ крестьянскаго и мѣщанскаго классовъ", свидѣтельствуетъ, что „самостоятельные крестьянскіе участки поступаютъ въ продажу, обмѣнъ, переходятъ по наслѣдству, отдаются въ закладъ и обмѣнъ" (102).

Права волости на эти земли, состоящія въ частной собственности—права территоріальныя. Къ этому моему опредѣленію приближается и опредѣленіе проф. Довнаръ-Запольскаго: „волость—говоритъ онъ—есть тяглый союзъ селъ и города, обнимающій не только лицъ, *но и территорію*, ими эксплоатируемую" (с. 106).

Угодья, незанятыя земли и запустѣвшіе участки (пустовщины), въ предѣлахъ волостной территоріи состояли въ распоряженіи волостной общины. „Кромѣ фактически незанятой территоріи—говоритъ нашъ авторъ — у общины могли быть ещѣ обширныя угодія, входы въ которыя имѣла вся волость" (138). „Мозыряне имѣютъ право въѣзда въ волостныя пущи для рубки дровъ, строеваго лѣса, въ волостныя рѣки и озера для рыбной ловли; это ихъ право въѣзда распространяется на всю волостную территорію „яко земля волостная зашла" (106). „Какъ власть административная и какъ податная единица, община заинтересована въ томъ, чтобы удобныя, но не кинутыя земли не избывали податей. Она поэтому имѣетъ высшее распоряженіе пустовщинами" (с. 138).

Волость представляла собою союзъ *селъ*—небольшихъ селеній. Сельчане владѣли пахотными участками на правѣ собственности; но у селъ обыкновенно были общинныя угодья. „Нетрудно показать, что одно село, или даже нѣсколько сосѣднихъ селъ имѣли земли бортныя, бобровые гоны, лѣсъ, выгонъ, которые къ нему тянули. Этими ухожаями они распоряжались сообща, и если кто-нибудь нарушалъ ихъ право владѣнія, то вся община защищала свою землю"; село отстаивало ее „всею громадою" (118, 119).

Итакъ, нѣкоторыя угодья состояли въ общинномъ владѣніи и пользо-

скаго владѣнія находимъ мы и въ нашихъ грамотахъ. Староста, цѣловальникъ и всѣ крестьяне Никольскаго Пудожскаго погоста, давъ Палеостровскому монастырю земли и воды подъ мельницу (въ погостѣ на черномъ лѣсу), вмѣстѣ съ тѣмъ обязались: „а кто учнетъ ихъ обижать или съ мѣста сживать, наши волостные люди, *и намъ ихъ отъ тѣхъ людей оборонять*, да въ томъ мы имъ нашу землю и воду и данную дали“ [5]).

ваніи отдѣльныхъ селъ; нѣкоторыя же угодья такъ же, какъ „пустовщины“, въ общинномъ владѣніи всей волости, какъ совокупности селъ. Таково заключеніе, вытекающее изъ цитированныхъ фактовъ и наблюденій нашего автора. Его заключеніе по этому вопросу о поземельныхъ правахъ волости и села мнѣ кажется невполнѣ отчетливымъ. Проф. Довнаръ-Запольскій утверждаетъ, что „только сельскую организацію можно признать поземельной общиной: селу, его части или нѣсколькимъ сосѣднимъ селамъ были присущи различныя комбинаціи (?) коллективнаго владѣнія“. Подъ различными комбинаціями здѣсь разумѣются только общинныя угодья; потому что, хотя сельская община и владѣла иногда пахотными землями, но какъ замѣчаетъ самъ авторъ,—„широкаго толкованія этому факту придавать нельзя“, потому что такія общія владѣнія пашней были рѣдки и случайны, они являлись, напримѣръ, результатомъ „оплаты какого-нибудь грабежа со стороны сосѣда“ (136).

Въ такой же мѣрѣ, какъ селу, присущи были „комбинаціи коллективнаго владѣнія“, читай—общинныя угодья, и волости. Къ волостнымъ угодьямъ надо присоединить еще и общинное владѣніе волости пустошами. Поземельное значеніе волости, такимъ образомъ, было по существу одинаково съ поземельнымъ значеніемъ села: „Поземельныя отношенія болѣе сложной общинной организаціи—волости сходны лишь въ фактѣ сознанія извѣстной цѣльности волостной территоріи, предназначаемой для эксплоатаціи отдѣльныхъ селъ и дворищъ. Волостная община—тягло-административный союзъ. По отношенію къ распоряженію землею ея роль весьма ограничена (с. 137). Во многихъ случаяхъ, однако, на дѣлѣ волость въ отношеніи общинныхъ угодій могла имѣть дѣйствительно меньшее значеніе, чѣмъ село. У Мозырскихъ лѣтомъ было много *волостныхъ* угодій. Въ другихъ волостяхъ преобладали угодья, тянувшія къ отдѣльнымъ селамъ, хотя рядомъ съ ними могли быть и волостныя угодья, лѣса или озера. Только въ этомъ смыслѣ можетъ быть правъ авторъ, когда онъ говоритъ, что роль волости въ отношеніи распоряженія землею была весьма ограничена.

[5]) *K. Lamprecht*, Deutsches Wirtschaftsleben, I, 1, стр. 287: „Universitas villarum Diepach et Manninbach“ обязывается по отношенію къ Ravengiersburger Klosterhof: „ad conservationem juris et libertatis curtis et bonorum (monasterii) operam pre aliis ampliorem (dabimus), etiam contra omnem hominem dictis juri et libertati (curie) contrarium facientem; ad quod se dicta universitas sponte astringit pro se et suis successoribus“. —Барсовъ,

V. Мірская церковь.

§ 17. [Церкви и монастыри въ волостной общинѣ].

„Марковая община—говоритъ Мауреръ—была также и общиною религіозною". По мѣрѣ увеличенія населенія въ маркахъ появлялось большею частью по нѣсколько церквей; но древнее единство марковой общины въ церковномъ отношеніи сохранялось, такъ какъ одна изъ этихъ церквей считалась главною церковью марки. Въ такихъ главныхъ церквахъ собирались въ средніе вѣка древніе марковые суды, такъ называвшіеся хунддинги [1]).

Палеостровъ, № 26 (1617)—„Кто живетъ въ маркѣ, пользуется водою и лугомъ, тотъ долженъ помогать маркѣ въ ея нуждѣ", такъ обосновывали нѣмцы обязанность марковой защиты и помощи: *G. Maurer*, Markenverf., стр. 189 („Altensbauer Freiheit" von 1570: „wer in der Mark wohnet, Wasser und Weide geneusst, muss auch der Mark Noth helfen tragen"). Помощь сосѣду выражалась особенно въ поддержкѣ его на судѣ: „Какъ въ болѣе раннія, такъ и въ позднѣйшія времена члены деревенской общины или сосѣди являются въ качествѣ свидѣтелей и соприсяжниковъ во всякіе суды, въ которые только имѣютъ доступъ, особенно по земельнымъ тяжбамъ" (*G. Maurer*, Dorfverf., I, стр. 335). Что касается земельныхъ правъ общинника, то вся община должна была защищать ихъ отъ посягательствъ (nostrum est illi succurrere et defendere contra quemlibet impetentem—цитата XII вѣка, тамъ же, II, стр. 132); *Мауреръ*, едва ли основательно, связываетъ эту защиту съ принадлежавшимъ общинѣ контролемъ надъ земельными сдѣлками.—Наши правыя грамоты XV, XVI вѣковъ сохранили много указаній на такую же взаимную защиту общинниковъ. Староста и волостные „люди добрые" постоянно вызываются въ судъ въ качествѣ свидѣтелей по земельнымъ тяжбамъ.

[1]) *G. Maurer*, Einleitung, § 74, русск. перев., с. 174—176. Его же, Gesch. der Markenverfassung, § 51.—Французская сельская община на владѣльческой землѣ, по мнѣнію *Люшера*, была прежде всего общиною церковной: „Le village... forme communauté (communitas, commune) et il a des pouvoirs, que ses habitants exercent collectivement. Il tient en grande partie ces pouvoirs de son organisation en paroisse; quelques-uns, plus anciens encore, remontent peut-être à l'époque de la propriété collective; d'autres résultent des nécessités mêmes de l'exploitation seigneuriale". Эта община, какъ учрежденіе, слагается, по мнѣнію *Люшера*, изъ двухъ элементовъ: 1) община-приходъ, сооружающая сообща церковь и вѣдающая ея доходы, 2) общинныя имущества (les biens communaux, называющіяся communia, commune); не только права пользованія, но иногда и настоящія права собственности: *A. Luchaire*,

Наша волостная община среднихъ вѣковъ, одинаково съ нѣмецкою маркою и французской коммуной, была также общиною церковною. Писцовыя книги, описывая общинныя церкви, отмѣчаютъ, что онѣ сооружены на мірскія средства, стереотипною фразою: „*все церковное строеніе мірское*“. Міръ сооружалъ церковь; попы были выборные; міръ выбиралъ ихъ и отводилъ имъ землю для веденія церковнаго хозяйства; гдѣ оно было обширно, міръ иногда выбиралъ еще особаго церковнаго приказчика.

Мірская церковь имѣла тѣсную связь съ мірскимъ самоуправленіемъ; церковная трапеза служила, какъ сказано выше, мѣстомъ мірскихъ сходокъ: въ церкви хранилась мірская казна: выборный сотскій былъ часто церковнымъ старостою.

Церковный приходъ не всегда совпадалъ съ волостною общиною. Иногда нѣсколько небольшихъ общинъ пользовались одною церковью. Такъ, напримѣръ, Лодомская волость въ XV вѣкѣ не составляла особаго прихода и въ церковномъ отношеніи была объединена съ волостью Пурнаволоцкой на устьѣ Двины. Только въ 1536 году она обратилась къ архіепископу новгородскому Макарію съ просьбою дать благословеніе на постройку особой церкви на Лодмѣ, объяснивъ, что церковь на устьѣ Двины „отъ нихъ поудалена верстъ за 50“, и при томъ стоитъ отъ нихъ „за мхи, и за болоты и за водами“, такъ что „въ томъ имъ нужа великая бываетъ“.

Въ нѣкоторыхъ волостяхъ вмѣсто церквей сооружались мірскіе монастыри. Такой монастырь былъ на Двинѣ въ Чюхченемской волости. Монастырь былъ небольшой, съ двумя церквами; ему принадлежало 14 деревень, изъ нихъ 11 въ волости Чюхченемской и три въ сосѣдней волости Ровдогорской. Въ 1582 году крестьяне заявили: „поставили тѣ церкви и монастырь строили изъ тѣхъ волостей, а тѣ деревни къ тому монастырю подпущали и прикупали прадѣды и дѣды и отцы ихъ... и монастыремъ и церковною казною и тѣми деревнями владѣли они-жъ и казну монастырскую у себя въ волостяхъ держали“. Монастырь этотъ,

---

Manuel des institutions françaises, 1892, § 210, с. 377. Не входя здѣсь въ обсужденіе вопроса объ общинѣ во Франціи, я говорю объ этомъ только для того, чтобы подчеркнуть, что связь между общиною и приходомъ ясна даже во французской общинѣ.

такимъ образомъ, былъ въ полномъ подчиненіи у крестьянъ: казной монастырской распоряжалась волостная община.

Цѣль сооруженія мірского монастыря указана въ этой же грамотѣ 1582 года: дѣды, строя монастырь,—говорили крестьяне—„прочили себѣ и своимъ дѣтямъ и внучатамъ на постриганье и на поминокъ".

Мірскіе монастыри еще болѣе, чѣмъ всякіе другіе, были домами призрѣнія для престарѣлыхъ и больныхъ. „Когда крестьянинъ чувствовалъ,—говоритъ А. Я. Ефименко—что приходитъ конецъ его рабочей силѣ, иногда же и заблаговременно, онъ дѣлалъ въ свой мірской монастырь вкладъ и получалъ изъ монастыря вкладную, договорный актъ на счетъ условій, на какихъ онъ имѣетъ поступить въ монастырь... Въ силу этого договора вкладчикъ получалъ право требовать отъ монастыря обезпеченія во всѣхъ своихъ потребностяхъ не только для себя, но и для всей своей семьи, которая всегда приписывалась къ вкладу" [1]).

Мірскія церкви, подобно монастырямъ, были благотворительными учрежденіями. На церковной землѣ въ кельяхъ жили нищіе, которые, по выраженію писцовыхъ книгъ, „питались отъ церкви Божія". Они питались, вѣроятно, частью подаяніемъ, частью на мірскія средства церкви. Нѣкоторымъ мірскимъ церквамъ, благодаря земельнымъ вкладамъ крестьянъ, принадлежали большія земли, десятокъ и нѣсколько десятковъ деревень.

Новгородскіе погосты ко времени составленія писцовыхъ книгъ

---

[1]) „Писцовыя книги XVI вѣка", отд. I, стр. 915: двѣ церкви въ одномъ селѣ—одна „постановленье вотчинниково" и въ ней „все церковное строенье вотчинниково", а другая—„поставленье мірское" и въ ней „строенье мірское"; ср. тамъ же, отд. II. стр. 19, 24.—„Акты Лодомской церкви", № XVI (Благословенная грамота арх. Макарія, 30 іюня 1536 г.).—„Лѣта 7181-го, февраля въ 14 день, Пошехонского уѣзду, Ухтомскіе волости, Кириллова монастыря, вотчины стараго села Борисоглѣбского, попъ Силуянъ Кириловъ, да церковный староста Антропъ Патрикѣевъ, да выборные крестьяне (3 имени) и всѣ прихожане того стараго села, посовѣтовавъ о церковномъ строеніи и выбрали изъ прихожанъ своихъ... Дѣя Исаева, что ему ѣхать въ миръ и собирать въ церковное строеніе... Въ томъ ему, Дѣю Исаеву, мирской и выборъ дали" („Чтенія О. И. и Др. Р.". 1897 г., кн. II, смѣсь). *А. С. Лаппо-Данилевскій*, Организація прямого обложенія, стр. 77.—Акты Холмогорской и Устюжской епархій (passim.) — А. И. т. I, № 211 — *А. Ефименко*, Изслѣдованія народной жизни, стр. 264—266.

представляли собою не волостныя общины, а правительственные округа; земли древняго погоста-общины были расхищены боярами; слѣдъ древняго общиннаго единства сохранялся лишь въ объединеніи правительственномъ.

Остаткомъ прежняго общиннаго единства являлись и погостскія церкви. Въ нѣкоторыхъ погостахъ было по нѣсколько церквей; но одна изъ нихъ была главною, та, которая находилась въ центральномъ селеніи погоста, и нѣкоторые погосты имѣли даже второе названіе, по имени такой центральной церкви. Такъ, Орѣховскій погостъ назывался иначе Спасскимъ, по имени Спасской церкви, Передольскій погостъ иначе назывался Никольскимъ [1]).

VI. Деревня.

§ 18. [Земельная собственность членовъ общины].

Члены волостной общины-марки, помимо права ихъ на пользованіе общинными угодьями, владѣли землею на правѣ собственности. Они свободно распоряжались своими наслѣдственными и пріобрѣтенными участками, какъ о томъ свидѣтельствуютъ многочисленныя купчія и другіе акты, германскіе и русскіе.

Земельныя владѣнія крестьянина назывались въ Германіи гуфой (Hufe, Huobe) или, по-латыни, mansus. Понятіе гуфы обнимало все отдѣльное земледѣльческое хозяйство со всѣми его принадлежностями, кромѣ движимости. Подъ этимъ словомъ разумѣется дворъ съ дворовыми постройками, поля, луга, лѣсъ, воды, а также права на пользованіе общинными угодьями [2]).

У насъ понятію гуфы или mansus точно соотвѣтствуютъ термины: „село земли“ и „деревня“ [3]). „Селомъ“ называлось все хозяйство, дворъ съ усадебной землей (дворище), пашни и пожни

[1]) *Архим. Сергій*, Черты церковно-приходскаго и монаст. быта въ писцовой книгѣ Водской пятины 1500 г. Спб. 1905, с. 57.

[2]) *K. Lamprecht*, Deutsches Wirtschaftsleben, I, стр. 333.

[3]) *Mansus*, какъ предполагаетъ *Гриммъ*, произведено отъ слова manere, пребывать, „сидѣть“. Если это такъ, то наше *село* и по словопроизводству соотвѣтствуетъ слову mansus. *J. Grimm*, Deutsche Rechtsaltertümer, стр. 536; ср. *Срезневскаго*, Матеріалы для словаря др.-рус. языка, слово: „село“.

и всякія угодья [1]). Въ двинскихъ купчихъ XV вѣка всѣ принадлежности села обозначаются такъ:

„Се купилъ Григорей Васильевичъ у Григорья у Семеновица земли село... и дворъ, и дворищо и орамые земли, и пожни, и притеребы, и ловища того села, гдѣ ни есть, по старини, чимъ владѣлъ Григорей Семеновичъ". Въ другой купчей упоминаются, кромѣ того, „лѣсы и бобровыя ловища и въ полѣ участокъ... со всѣми угодьи, гдѣ ни есть" [2]).

Слово *село*, въ этомъ значеніи, повидимому, было древнѣйшимъ терминомъ и дольше всего (до XV вѣка) удержалось на сѣверѣ, на Двинѣ. Въ другихъ мѣстахъ въ это время, въ XV вѣкѣ, вмѣсто „село" говорили „деревня" — въ томъ же самомъ смыслѣ особаго хозяйства. На Бѣлоозерѣ въ началѣ XV вѣка игуменъ Кирилъ покупаетъ „деревню и съ иными землицами и поженками, которыи землици и поженки доселѣ тянули къ той деревнѣ" [3]).

Какъ близко подходитъ къ этимъ „деревнѣ" и „селу земли" съ землицами, пожнями и всякими угодьями — нѣмецкая „гуфа земли" (ein hove landes) съ водами, лугами, лѣсами, полями и со всѣмъ тѣмъ, что къ ней тянетъ (gehoret)! [4]).

Деревни этого типа, владѣнія одного дворохозяина, составляли обыкновенно особые, отдѣльные поселки. Значительная часть деревень, описанныхъ въ нашихъ писцовыхъ книгахъ XV, XVI вѣковъ состояла изъ одного двора. Большія деревни въ нѣсколько десятковъ дворовъ встрѣчались рѣдко. Населеніе жило тогда болѣе разбросанно, чѣмъ въ наше время. По новгородскимъ писцовымъ кни-

---

[1]) „Границы поземельныхъ участковъ-деревень, особенно въ черныхъ земляхъ, опредѣлялись большею частью не искусственнымъ размежеваніемъ а стариннымъ обычаемъ. На это указываютъ выраженія, которыя такъ часто встрѣчаются въ грамотахъ: „куда топоръ, соха и коса ходили" или: „что къ той деревнѣ изстари потягло". Участки составляли, слѣдовательно, нѣчто цѣльное, въ нераздѣльномъ составѣ переходившее изъ рукъ въ руки: *Чичеринъ*, „Опыты", стр. 99 — 100. Ср. выраженіе: „куда топоръ, соха и коса ходили" съ приведеннымъ у *Гримма*: „wohin der Pflug und Sense geht".

[2]) А. Юр., № 71, VIII, X. Ср. А. Юр. № 19 (1532 г.): „се купи... полъ села земли... половину всю безъ вывѣта, дворъ и дворищо и орамые земли и пожни и притеребы".

[3]) А. Юр., № 72 (прежде 1427 г.); тоже, 1571 г., А. Юр. № 23.

[4]) „Ein hove landes... mit wassern, weiden, buschen, velden und mit alle deme, daz dazu gehoret" (1342 г.), *Lamprecht*, D. W., I, стр. 333, прим. 4.

гамъ наибольшій размѣръ деревни, какъ замѣчаетъ проф. Сергѣевичъ, 8—9 дворовъ, и встрѣчается онъ не часто. Въ большинствѣ случаевъ въ деревнѣ было 2—3 двора [1]).

Эти деревни въ 2, 3, 4 двора возникли въ результатѣ дѣленія деревни—одного дворохозяйства на части. Въ писцовыхъ книгахъ сохранились ясные слѣды единства деревни, состоящей изъ нѣсколькихъ дворовъ. Хозяйство такихъ деревень—говоритъ проф. Сергѣевичъ—„описывается не по отдѣльнымъ дворамъ, а совокупно для цѣлой деревни. Послѣ описи числа дворовъ и людей въ нихъ, если дворовъ нѣсколько, обыкновенно читаемъ: сѣютъ ржи столько-то, сѣна косятъ столько-то: то-есть всѣ дворы. Затѣмъ, въ обжи, для платы государственныхъ повинностей, положены не отдѣльные дворы, а каждая деревня, какъ особое цѣлое; исключенія изъ этого порядка обложенія весьма рѣдки. Наконецъ, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, доходъ владѣльца исчисляется съ каждой отдѣльной деревни, а не съ отдѣльныхъ дворовъ. Все это говоритъ въ пользу того, что первоначальный типъ деревни—отдѣльное пашенное хозяйство съ отдѣльнымъ дворомъ, что появленіе нѣсколькихъ дворовъ есть результатъ дѣленія основного двора“ [2]).

— — —

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Древность волостной общины.

I. Значеніе волостного міра на сѣверѣ.

§ 19. Тіуны и доводчики на Бѣломъ озерѣ въ 1488 году.

Права волостного міра, сложившіяся издревле, закрѣплялись въ XV—XVI вѣкахъ уставными грамотами, замѣчательными хартіями общинныхъ вольностей [3]). Изъ этихъ хартій ясно важное

[1]) „Др. рус. права“, т. III, стр. 42.

[2]) „Др. рус. права“, т. III, стр. 51. (На полѣ Н. П. Павловъ-Сильванскій отмѣтилъ „совмѣстную запись“, какъ другое условіе возникновенія деревень неподворныхъ).

[3]) Уставныя грамоты: Двинская 1397 г.; Бѣлозерская, 1488 г. и Онеж-

значеніе волостной общины, какъ основы древнѣйшаго государственнаго строя, какъ твердаго фундамента, на который опиралась зыбкая надстройка княжескаго управленія. Чтобы уяснить себѣ это, надо только читать статьи уставныхъ грамотъ не отвлеченно, а соображаясь съ мѣстностью того края, которому давалась уставная грамота, Бѣлаго озера, Двины или Онеги.

Возьмемъ уставную грамоту, пожалованную въ 1488 году Московскимъ великимъ княземъ Иваномъ III „всѣмъ бѣлозерцемъ". Что такое эти „всѣ бѣлозерцы", то-есть весь Бѣлозерскій край? Это обширная область, въ которую входили не только берега Бѣлаго озера, но и всѣ земли къ сѣверу отъ него до озера Воже, и къ западу до озера Кубинскаго, и къ югу по р. Шекснѣ и ея притокамъ, съ главнѣйшимъ изъ нихъ, рѣкою Судою. Къ Бѣлозерской области издревле причислялись всѣ земли по верхнему и среднему теченію рѣки Шексны, до города Череповца и нѣсколько ниже по теченію этой рѣки. Этотъ край дѣлился на три стана: 1) Заозерскій, то-есть за Бѣлымъ озеромъ, на сѣверномъ его берегу и къ озеру Воже, 2) Надпорожскій, то-есть надъ порогами рѣки Шексны и 3) Городецкій, то-есть зависящій отъ города, города Бѣлозерска; въ составъ его входили земли къ югу отъ Бѣлаго озера, главнымъ образомъ, на рѣкѣ Судѣ, отчего въ началѣ XVIII вѣка этотъ станъ назывался Судскимъ (атласъ Кирилова). Пространство этого Бѣлозерскаго края соотвѣтствуетъ приблизительно тремъ современнымъ уѣздамъ Бѣлозерскому, Кириловскому (съ уѣзднымъ городомъ Кириловымъ, возникшимъ изъ посада Кирилова монастыря) и Череповецкому [1]).

Весь этотъ обширный край уставная грамота ввѣряетъ только 13-ти княжескимъ чиновникамъ: намѣстнику съ двумя его помощниками, тіунами, и десяти доводчикамъ. „А намѣстникомъ нашимъ—сказано въ грамотѣ—у нихъ (бѣлозерцевъ) держатъ въ городѣ и во станѣхъ два тіуна и десять доводчиковъ".

ская 1536 г. А. Арх. Эксп., т. I, №№ 13, 123, 181. Онежская грамота была подтверждена Иваномъ IV въ 1552 г., Федоромъ Ивановичемъ въ 1584 г. и Василіемъ Шуйскимъ въ 1606 году.

[1]) Границы становъ, однако, существенно отличаются отъ границъ уѣздовъ. Въ Кириловскій уѣздъ вошли земли Заозерскаго стана и небольшой части Надпорожскаго. Большая часть Надпорожскаго стана вошла въ Череповецкій уѣздъ.

Тринадцать человѣкъ княжескихъ чиновниковъ, отъ высшаго изъ нихъ, намѣстника, до низшихъ, доводчиковъ—на весь Бѣлозерскій край,—это, конечно, очень немного. Въ наше время на той же территоріи хозяйничаютъ многіе десятки чиновъ администраціи трехъ уѣздовъ: уѣздные исправники, становые пристава, судебные слѣдователи и пристава, земскіе начальники, начальники тюремъ, податные инспектора, не считая земскихъ и городскихъ общественныхъ учрежденій, управы, съѣзда, думы и прочее.

Изъ десяти доводчиковъ два, по уставной грамотѣ, должны были находиться въ городѣ. Слѣдовательно, на всѣ три стана приходится только восемь доводчиковъ, отъ двухъ до трехъ на каждый станъ. Незначительность этого штата княжеской администраціи станетъ намъ ясна, какъ только мы примемъ во вниманіе, что каждый изъ этихъ становъ соотвѣтствуетъ приблизительно нашему уѣзду, что каждый изъ этихъ становъ обнималъ въ древности не одинъ десятокъ волостныхъ общинъ, боярскихъ, монастырскихъ и княжескихъ вотчинъ.

Не такъ давно, въ 1889 году, императорское правительство новой Россійской Имперіи замѣтило, что деревня, послѣ освобожденія крестьянъ, управляется сама собою, что, какъ ни многочисленны штаты уѣздной администраціи, въ деревнѣ дѣйствительная власть принадлежитъ волостнымъ и сельскимъ сходамъ и ихъ уполномоченнымъ, волостнымъ старшинамъ и сельскимъ старостамъ.

Министерство внутреннихъ дѣлъ и государственный совѣтъ обезпокоились „фактическимъ безвластіемъ въ сельскихъ мѣстностяхъ“, „призрачностью“ правительственнаго надзора за крестьянскимъ общественнымъ управленіемъ, и нашли, что „безъ ущерба для спокойствія и порядка въ государствѣ“ крестьянское самоуправленіе впредь „не можетъ быть оставлено безъ бдительнаго надзора правительственныхъ органовъ“.

Издавъ законъ 12 іюля 1889 года, императорское правительство, въ помощь уѣзднымъ исправникамъ и становымъ приставамъ, послало въ деревни земскихъ начальниковъ, чтобы обуздать самовольство крестьянскихъ общинъ и въ лицѣ ихъ создать „близкую къ населенію твердую правительственную власть“.

За четыреста лѣтъ передъ этимъ московское великокняжеское правительство укрѣпляло свою власть надъ сѣверными областями

инымъ путемъ. Оно не увеличивало, а ограничивало до минимума штатъ своихъ чиновниковъ, давая тѣмъ самымъ полный просторъ крестьянскому самоуправленію. Великокняжескій намѣстникъ, можетъ быть, и постарался бы тоже укрѣпить свою власть, приблизивъ её къ населенію, но его связывала по рукамъ и ногамъ хартія вольностей Бѣлозерскаго края, дозволявшая ему „держать въ городѣ и въ станахъ“ только десять доводчиковъ, не болѣе.

Въ полную противоположность закону о земскихъ начальникахъ 1889 года, уставная грамота 1488 года стремилась не приблизить власть къ населенію, а наоборотъ, отдалить ее отъ населенія. Главная цѣль грамоты — не укрѣпить власть намѣстника, а оградить населеніе отъ его злоупотребленій властью.

Ограничивая до минимума штатъ чиновниковъ намѣстника, грамота вмѣстѣ съ тѣмъ предусмотрительно ставитъ преграды излишней близости ихъ къ деревнѣ.

Когда доводчикъ ѣдетъ по волости „для своего прибытка“, онъ долженъ ѣхать одинъ, „безъ паробка“ и даже безъ запасной лошади: „а доводчику ѣздити по стану безъ паробка и безъ простые лошади, своего дѣля прибытка“. И онъ имѣетъ право останавливаться въ деревнѣ не долѣе полусутокъ: „А гдѣ доводчикъ ночуетъ, туто ему не обѣдати, а гдѣ обѣдаетъ, туто ему не ночевати“.

Доводчики, двое-трое, жили въ становомъ дворѣ, въ одной изъ волостей, и выѣзжали отсюда въ волости, главнымъ образомъ, для слѣдствія по уголовнымъ дѣламъ, какъ нынѣшніе судебные слѣдователи.

Въ обширномъ станѣ, обнимавшемъ нѣсколько десятковъ волостныхъ общинъ и вотчинъ разныхъ владѣльцевъ, не было, кромѣ этихъ двухъ-трехъ доводчиковъ, другихъ представителей княжеской власти.

Кто же управлялъ деревнею, если доводчикъ и тіунъ намѣстника былъ отъ нея такъ далеко, въ становомъ дворѣ, за сто верстъ, а отъ другихъ деревень и за двѣ сотни верстъ?

Мірской сходъ и староста волости. Волостная община самостоятельно вѣдала сборъ податей, низшій судъ и полицію. Тіунъ и доводчикъ являлись въ волость только когда въ ней возникало уголовное дѣло, или начинался споръ о границахъ ея территоріи съ сосѣдними волостями или крупными землевладѣльцами. Къ этимъ порядкамъ вполнѣ подходятъ слова: „фактическое безвластіе

правительства", которыми члены государственнаго совѣта недавно характеризовали сельское общественное управленіе 80-хъ годовъ. На Бѣломъ озерѣ въ XV вѣкѣ мірское самоуправленіе сохраняло вполнѣ свое древнее значеніе главной опоры государственнаго порядка.

Значеніе мірского самоуправленія усиливалось высшей выборной должностью сотскаго, общаго представителя всѣхъ волостныхъ общинъ стана. Сотскій связывалъ эти общины въ одно цѣлое, въ одинъ земскій міръ стана. Онъ являлся посредникомъ между волостнымъ старостой и чиновниками намѣстника. Въ лицѣ его тіунъ и доводчикъ имѣли дѣло не съ разрозненными волостями, а съ объединеннымъ міромъ десятка и болѣе обширныхъ волостей. Свои кормы и поборы доводчикъ не имѣлъ права, какъ я говорилъ, собирать самъ по деревнямъ; но онъ, кромѣ того, не могъ брать ихъ и отъ волостного старосты, на котораго онъ могъ оказать давленіе: онъ долженъ былъ получать ихъ отъ высшаго мірского представителя, сотскаго; „а кормы намѣстничи и тіуновы и доводчиковы поборы берутъ въ станахъ *сошкіе* да платятъ намѣстникомъ и тіуномъ и доводчикомъ въ городѣ".

Значеніе мірского самоуправленія въ древности наглядно рисуетъ одна грамота 1513 года, касающаяся знаменитой Бѣлозерской пустыни Нила Сорскаго. Мѣсто для этой пустыни выбрано было Ниломъ Сорскимъ очень глухое, въ 25 верстахъ отъ Бѣлозерска, на окраинѣ полосы поселеній по кряжу холмовъ; къ сѣверу отъ нея тянулась лѣсная низменность, которая и до нашихъ дней остается незаселенной на большой площади. „Дико, мрачно и пустынно то мѣсто, гдѣ находится скитъ, такъ описывалъ его Шевыревъ въ 40-хъ годахъ,—среди различныхъ угодій, которыми такъ изобильна здѣшняя свѣтлая, счастливая природа, трудно отыскать убѣжище болѣе грустное и уединенное, чѣмъ эта пустынь. Можно представить себѣ, какая была здѣсь глушь въ концѣ XV и въ началѣ XVI вѣка, когда жилъ Нилъ Сорскій".

Бѣлозерскій край въ XV вѣкѣ, какъ сказано, дѣлился на три стана, и въ каждомъ изъ этихъ становъ былъ особый сотскій.

При отводѣ земель Кирилова монастыря въ 1482 году кромѣ волостныхъ старостъ, присутствуютъ постоянно и сотскіе тѣхъ становъ, къ которымъ тянули волости. Такъ при отмежеваніи Кириловскихъ земель отъ волости Словѣнскій Волочекъ староста

этой волости Гридя Микитинъ съ другими отводчиками велъ по межѣ, но на отводѣ „былъ сотцкой Микула Пѣстовъ“ и двое добрыхъ людей волости, изъ нихъ одинъ будущій староста (Оникѣй Шестаковъ). Тотъ же сотскій присутствуетъ при отводѣ земель другой волости, Федосьина городка, принадлежавшаго къ тому же Надпорожскому стану: „а на отводѣ были сотцкой Микула Пѣстовъ, да староста Федосьина городка Куземка Якимовъ“.

При отводѣ Кириловскихъ земель отъ волостей другого, Заозерскаго стана присутствуетъ „сотцкой заозерскій“, Бориско Максимовъ, вмѣстѣ съ старостами двухъ волостей этого стана, Кіуйской и Киснемской [1]).

Монастыри, основывавшіеся въ такихъ глухихъ углахъ, устраивались всегда по типу укрѣпленной усадьбы; всѣ его церкви и службы обносились сначала деревянной, а впослѣдствіи каменной стѣною. Но Нилъ Сорскій ввелъ у себя скитскій уставъ, и до 40-хъ годовъ прошлаго вѣка кельи его пустыни стояли по старинному разбросанно, далеко одна отъ другой, на окраинѣ глухого лѣса.

Послѣ кончины Нила (1508 г.), старцы—ихъ было всего 14 человѣкъ—стали опасаться татей и разбойниковъ, и въ 1512 году обратились съ просьбою о защитѣ въ Москву, къ великому князю. Московскій великій князь Василій Ивановичъ даетъ имъ свою грамоту. Кому же ввѣряетъ онъ охрану Ниловой пустыни отъ грабителей и разбойниковъ?

Не своему намѣстнику, съ его тіунами и доводчиками, а волостному міру. Великій князь обращается непосредственно къ

---

[1]) Сотскіе на Бѣломъ озерѣ: Отводная грамота 1482 г. см. *Шумаковъ*, Обзоръ II, стр. 80. Сотцкій Микула Пѣстовъ, тамъ-же, стр. 90, 95, 102, 103, 106, 111. „Сотцкой Заозерской Бориско Максимовъ“ и „староста Киснемской Ивашко Харитоновъ“, и „Конанкъ староста великаго князя волости Кіуйской“, стр. 115.—На отводѣ земель въ Карголомѣ, подъ городомъ Бѣлозерскомъ присутствуетъ кромѣ Микулы Пѣстова, „сотцкой Иванъ Матшинъ“, по всей видимости, сотскій третьяго изъ Бѣлозерскихъ становъ, Городского id., стр. 102. Въ правой грамотѣ около того же 1488 года отстаиваетъ интересы города Бѣлозерска „сотцкой Ивашко Обуховъ“, вмѣстѣ съ его „товарищами городскими людьми“. Это, повидимому, сотскій не Городского стана, а особый сотскій города Бѣлозерска. На этомъ судѣ присутствуютъ два названные выше сотскіе: Надпорожскій Микула Пѣстовъ и Иванъ Матшинъ, вѣроятно Городского стана. Акты Юридич., № 5.

мірскимъ властямъ двухъ волостей Вогнемской и Соарской (Сорской), на землѣ которой поставлены были кельи скита, и имъ, а не намѣстнику, поручаетъ защиту пустыни: „Отъ великого князя Василья Ивановича всеа Русіи въ Бѣлозерскія волости въ Своару да Вѣгнему, старостамъ и десяцкимъ и всѣмъ хрестьяномъ. Били ми челомъ старцы Ниловы пустыни, чтобъ мнѣ велѣти ихъ беречи отъ татей и отъ разбойниковъ. И вы бы ихъ берегли отъ лихихъ людей, отъ татей и отъ разбойниковъ накрѣпко, чтобы имъ не было обиды ни отъ какого человѣка".

Старцы пустыни жаловались великому князю не только на лихихъ людей, но и на свои внутреннія неурядицы, на то, что нѣкоторые старцы живутъ у нихъ „безчинно, не по ихъ уставу". И въ этомъ дѣлѣ князь обращается не къ своему намѣстнику, а къ волостному міру: если чернецъ, живущій безчинно, вонъ не пойдетъ, то волостные старосты и десятскіе должны, по просьбѣ старцевъ, его „выкинуть вонъ, чтобы у нихъ не жилъ" [1]).

§ 20. Тіуны и доводчики на рр. Онегѣ и Двинѣ. Мірской самосудъ.

Это все порядки не одного Бѣлозерскаго края, но и другихъ сѣверныхъ волостей по рѣкамъ Онегѣ и по Двинѣ. Уставная Онежская грамота 1536 года одинаково съ Бѣлозерской грамотой 1488 года охраняетъ древнія вольности волостныхъ общинъ. Эта грамота также точно приказываетъ доводчику ѣздить по деревнямъ безъ паробка и безъ запасной лошади, не ночевать тамъ, гдѣ онъ обѣдалъ, и не обѣдать тамъ, гдѣ онъ ночевалъ, не собирать самому свои поборы, а ждать, когда ихъ соберутъ по деревнямъ старосты и принесутъ ему на становой дворъ.

Бѣлозерскому намѣстнику разрѣшалось имѣть двухъ тіуновъ и десять доводчиковъ; Онежскому — вдвое меньше, одного тіуна и четырехъ доводчиковъ, соотвѣтственно болѣе чѣмъ вдвое меньшимъ размѣрамъ Онежской земли. Населенные пункты этой Онежской земли тянулись полосой по теченію рѣки Онеги, на протяженіи около 400 верстъ такъ же, какъ они расположены здѣсь теперь, по возвышеннымъ берегамъ рѣки, среди болотъ, на сотни верстъ.

[1]) А. Э. № 157.

Къ Онежской землѣ принадлежали также: 1) берега озера Лаче, изъ котораго вытекаетъ рѣка Онега, 2) прибрежье Бѣлаго моря близъ выпаденія этой рѣки, 3) небольшой раіонъ въ бассейнѣ рѣки Сѣверной Двины, по рѣкѣ Мехренгѣ, которая тянула къ Онежскому краю, связанная съ нимъ большимъ торговымъ путемъ съ Онеги на Двину. Изъ четырехъ доводчиковъ Онежскаго намѣстника одинъ жилъ въ этомъ раіонѣ, въ сторонѣ отъ рѣки Онеги въ становомъ дворѣ, который помѣщался въ сельцѣ рядомъ съ погостомъ при устьѣ рѣки Мехренги.

Остальные три доводчика размѣщались по рѣкѣ Онегѣ; одинъ—у ея истока, въ городѣ Каргополѣ, другой—при впаденіи въ нее рѣки Моши, третій—въ селеніи Турчасовѣ. Три доводчика, три княжескихъ чиновника на все теченіе рѣки Онеги, въ 400 верстъ, и на озеро Лаче, длиною въ 30 в., включая и ихъ притоки, это, конечно, столь же незначительный штатъ княжеской администраціи, какъ и десять доводчиковъ на весь Бѣлозерскій край. Въ наши дни на этой территоріи хозяйничаетъ многочисленный штатъ администраціи двухъ уѣздовъ, Онежскаго и Каргопольскаго.

Все нижнее теченіе рѣки Онеги и немногіе поселки по берегу Бѣлаго моря принадлежали къ Турчасовскому стану. Отъ села Турчасова, гдѣ находился становой дворъ до устья Онеги около 128 верстъ. Такъ далеки были, на 128 верстъ власти великокняжескаго намѣстника для волостокъ, расположенныхъ на устьѣ рѣки Онеги и не далеко отъ устья, на ея нижнихъ порогахъ, и по ея притоку Вангуду (волостка Вангудская). Кто же охранялъ здѣсь порядокъ? Единственно мірскіе старосты.

Позвать княжескаго чиновника-доводчика сюда, на устье Двины изъ Турчасова, для охраны своихъ правъ, было трудно, не только потому, что становой дворъ находился за 128 слишкомъ верстъ. Это стоило очень большихъ денегъ. Доводчику надо было платить „хоженое“, то-есть прогоны,—съ каждыхъ четырехъ верстъ деньга, „а на правду вдвое“. Такимъ образомъ, чтобы позвать доводчика изъ Турчасова къ устью Онеги, надо было заплатить хоженаго 32—64 деньги.

Въ уставной Двинской грамотѣ 1397 года находимъ мы рядъ указаній на тѣ же отношенія власти къ населенію. Въ этой болѣе древней грамотѣ—и иная архаическая терминологія. Доводчики называются здѣсь „дворянами“, и хоженое считается не на деньги, а на „бѣлки“. Намѣстникъ здѣсь съ его „дворянами“, живетъ въ

Орлецѣ. Людямъ, живущимъ въ Орлецѣ или поблизости, позвать дворянина намѣстника не разорительно; они должны платить ему въ Орлецѣ—бѣлку, въ окрестностяхъ до Холмогоръ, напримѣръ,—двѣ бѣлки. Но для болѣе отдаленныхъ мѣстъ это стоило въ двадцать и тридцать разъ дороже въ сравненіи съ жителями Орлеца. Въ грамотѣ приведена такса прогоновъ для различныхъ мѣстностей Двинскаго края. Жители Неноксы должны были платить за „ѣздъ и позовы“ двадцать бѣлъ, а жители Уны или Тоймы Нижніе—тридцать бѣлъ, въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ жители Орлеца платили одну бѣлку. Жители Уны и Неноксы при такихъ условіяхъ, конечно, не часто звали доводчика. Своей высокой таксою „позова“ грамота сама поощряла эти отдаленныя отъ Орлеца волости управляться помимо намѣстника и его чиновниковъ. Она строго воспрещаетъ крестьянскій „самосудъ“ только въ одномъ случаѣ: когда кто-либо изымавъ татя съ поличнымъ, отпуститъ его; въ такомъ случаѣ за „самосудъ“ взыскивалось въ пользу намѣстника по Двинской грамотѣ четыре рубля, по Бѣлозерской—два и по Онежской—рубль. „А опричь того самосуда нѣтъ“—прибавляютъ одинаково всѣ три грамоты; то-есть во всѣхъ другихъ случаяхъ за самосудъ намѣстникъ не имѣетъ права взыскивать денегъ.

Черезъ полтораста лѣтъ послѣ того, какъ написана была послѣдняя изъ этихъ трехъ грамотъ (Онежская, 1536 г.), а именно въ 1690 году одинъ изъ московскихъ дьяковъ такъ доносилъ правительству изъ сибирскаго города Яренска: „Уѣздные, государь, люди въ городѣ мало бываютъ; всѣ сами промежъ собою судятся; а государскія подати выбираютъ промежъ себя“ [1]).

То же самое долженъ бы былъ сказать великокняжескій намѣстникъ на Бѣломъ озерѣ и въ другихъ областяхъ русскаго сѣвера, въ XV—XVI вѣкахъ. И великіе князья сами охраняли этотъ порядокъ Уставными грамотами они ограждали волость отъ слишкомъ частыхъ посѣщеній доводчика и сами поддерживали древній мірской „самосудъ“.

§ 21. [Земскія реформы XVI вѣка].

О слабости власти намѣстника и о силѣ міра свидѣтельствуютъ замѣчательныя земскія реформы времени Ивана Грознаго.

[1]) *Устряловъ*, Ист. царств. Петра Великаго, т. II, стр. 460.

Въ 30-хъ годахъ XVI вѣка въ Бѣлозерскомъ и въ Онежскомъ краю почему то усилились разбои.

Разбойники не только „убивали многихъ людей до смерти“ на дорогахъ, но и нападали на села и деревни, грабили ихъ и жгли. Крайне ограниченный штатъ чиновъ намѣстника былъ безсиленъ справиться съ разбоями, и московское правительство отправило въ помощь ему особыхъ обыщиковъ. Но эти новые чиновники, усиливавшіе власть на мѣстахъ, были для земскихъ людей горше разбойниковъ. Въ своей челобитной бѣлозерцы откровенно объясняли, что они не ловятъ разбойниковъ потому, что имъ отъ обыщиковъ „чинятся великіе убытки“ и „волокита велика“ [1]).

Московское боярское правительство времени малолѣтства Ивана Грознаго вполнѣ признало силу этого аргумента и указомъ 1539 г., отозвавъ обыщиковъ, предоставило бѣлозерцамъ самимъ расправляться съ разбойниками. Оно предоставило имъ право выбрать особыхъ „головъ“ для сыска разбойниковъ и суда надъ ними. Жители Бѣлозерскаго края должны были „межъ собя свѣстясь всѣ заодинъ“ избрать „въ головы“ человѣка три или четыре дѣтей боярскихъ, старостъ, десятскихъ и „лучшихъ людей“, въ числѣ пяти-шести человѣкъ, и эти головы должны были обыскивать и судить разбойниковъ, „пытая накрѣпко“ и виновныхъ „бивъ кнутьемъ, казнить смертью“ [2]).

---

[1]) „Били есте намъ челомъ о томъ, что у васъ въ тѣхъ вашихъ волостяхъ многія села и деревни розбиваютъ... И мы къ вамъ посылали на Бѣлоозеро обыщиковъ своихъ. И отъ нашихъ де обыщиковъ и отъ недѣльщиковъ чинятся вамъ великіе убытки. А вы деи съ нашими обыщики лихихъ людей разбойниковъ не имаете для того, что вамъ волокита велика. А сами деи въ разбойниковъ межъ собя безъ нашего вѣдома обыскивати и имати разбойниковъ не смѣете“.

[2]) Губная Бѣлозерская грамота 23 октября 1539 г.: А. А. Э. I, № 187. Такая же, Онежская (Каргопольская) того же числа: Доп. къ А. Ист. I, № 31: „И вы бы межъ собя свѣстясь всѣ заодинъ учинили себѣ въ тѣхъ своихъ волостяхъ въ головахъ дѣтей боярскихъ, въ волости человѣка три или четыре, которые бы грамотѣ умѣли и которые пригожи; да съ ними старость и десятскихъ и лучшихъ людей крестіянъ человѣкъ пять или шесть“. По прямому смыслу выходитъ, что въ каждой волости должно было быть выбрано въ головы 3 — 4 сына боярскихъ кромѣ старостъ, десятскихъ и лучшихъ людей. Но, вѣдь, въ нѣкоторыхъ волостяхъ Бѣлозерскаго края, вовсе не было дѣтей боярскихъ. Думаю, что 3 — 4 головы выбирались на весь край. А ихъ помощниками въ каждой волости должны

Эти губные головы должны были вѣдать только дѣла о разбоѣ; остальныя уголовныя дѣла по старому оставались въ вѣдѣніи намѣстниковъ и волостелей. Это былъ только первый шагъ въ развитіи земскаго самоуправленія XVI вѣка.

За реформой 1539 года слѣдуетъ реформа 1555 года, передающая земскому самоуправленію власть намѣстника въ полномъ объемѣ.

Намѣстники, и волостели и праветчики были „отъ городовъ и отъ волостей отставлены". Ихъ власть перешла къ „излюбленнымъ старостамъ" или „излюбленнымъ судьямъ", „выбраннымъ всею землею". Мѣсто намѣстничьихъ тіуновъ и доводчиковъ заняли выборные цѣловальники и земскіе дьяки. Они и должны были вѣдать весь судъ и расправу: „межъ крестьянъ управа чинити и... доходы сбирати".

Необходимость этой реформы правительство объясняло постоянными столкновеніями между намѣстникомъ и подвластнымъ ему населеніемъ. „Намъ отъ крестьянъ — писало правительство Грознаго — челобитья великія и докука была безпрестанная, что намѣстники наши и волостели и ихъ пошлинные люди сверхъ нашего жалованья указу, чинятъ имъ продажи и убытки великіе". Но если крестьяне жаловались постоянно на насилія намѣстниковъ, то и намѣстники съ своей стороны часто жаловались на ослушаніе крестьянъ, на ихъ сопротивленіе власти: „А отъ намѣстниковъ и отъ волостелей и отъ пошлинныхъ людей намъ докука и челобитья многія, что имъ посадскіе и волостные люди подъ судъ и на поруки не даются, и кормовъ имъ не платятъ, и ихъ бьютъ, и въ томъ межъ ихъ поклепы и тяжбы великіе".

На насиліе намѣстника крестьяне отвѣчали открытымъ сопротивленіемъ его власти, не давались подъ судъ и били его доводчиковъ. А бѣлозерцы открыто заявляли правительству, что не помогаютъ его обыщикамъ въ поимкѣ разбойниковъ, опасаясь убытковъ и волокиты.

Эта слабость власти намѣстника возмѣщалась, въ дѣлѣ охраны государственнаго порядка, силою міра. Реформы 1539 и 1555 годовъ, утверждавшія земское самоуправленіе, тѣсно связаны съ древнимъ

быть староста, десятскій и 5—6 лучшихъ людей. Въ 1571 году на Бѣлоозерѣ „у разбойныхъ и татиныхъ дѣлъ старостами" были двое лицъ Меньшій Лихаревъ да Яковъ Гнѣвашевъ (по фамиліямъ—дѣти боярскіе), „да съ ними губные цѣловальники и дьякп". А. Э. I, № 281.

самоуправленіемъ волостныхъ общинъ [1]). Московское правительство рѣшилось передать земству всю власть на мѣстахъ, удаливъ намѣстниковъ, потому, что жизненная сила волостного міра являлась въ его глазахъ залогомъ успѣха этой радикальной реформы.

II. Древность волостного міра.

§ 22. [Міръ древнѣйшей эпохи].

Если на сѣверѣ даже въ XV и XVI вѣкахъ, когда московскіе великіе князья превращались въ государей-царей, мірское самоуправленіе ограничивало до нельзя власть намѣстника съ его тіунами и доводчиками, то не вправѣ ли мы предположить, что это мірское самоуправленіе имѣло еще большее, или не меньшее значеніе въ древнѣйшее время, когда власть великихъ князей была гораздо слабѣе? „Власть княжеская—какъ это давно замѣтилъ Неволинъ, постепенно распространялась, а не уменьшалась". Если даже въ XV вѣкѣ намѣстникъ Ивана III въ сѣверныхъ областяхъ не имѣлъ власти твердой и близкой къ населенію, то еще болѣе далекой отъ населенія должна была быть власть князя или его посадника въ IX—XI вѣкахъ, когда князья для сбора дани сами отправлялись съ дружинами въ „полюдье", которое проф. Владимірскій-Будановъ мѣтко приравниваетъ къ „военному походу, періодически повторяющемуся завоеванію", или позднѣе съ своими дружинами переходили изъ одного стольнаго города въ другой, какъ бродячіе рыцари.

Эти отношенія князей къ населенію ярко характеризуютъ постановленія съѣзда сыновей Ярослава, состоявшагося вскорѣ послѣ его смерти, то-есть послѣ 1054 года (и не позднѣе 1073 года). Постановленія этого съѣзда, изложенныя въ рядѣ статей краткой Русской Правды,—не законы, утверждающіе какой-нибудь новый

[1]) О связи губныхъ и земскихъ учрежденій съ древностью *С. А. Шумаковъ* говоритъ: „правительствомъ въ XVI вѣкѣ не вновь вводятся земскія учрежденія, а лишь санкціонируются и упорядочиваются прежнія народныя учрежденія, давно уже жившія въ обычаѣ": Губныя и земскія грамоты московскаго государства, с. 40: Чт. М. Общ. Ист. и Др., 1895. кн. III. — Подробности о губныхъ и земскихъ учрежденіяхъ см. въ этомъ изслѣдованіи.

порядокъ управленія или ломающіе внутреннія отношенія между лицами и союзами-общинами. Князья, въ этой области отношеній не могутъ еще идти противъ обычнаго права. Постановленія княжескаго съѣзда касаются единственно личныхъ отношеній князей къ населенію, не какъ государей, а какъ частныхъ собственниковъ.

Эти постановленія всѣ сводятся къ одному: оградить высокими вирами княжихъ мужей и княжеское имущество, княжескій дворъ и княжескія, такъ сказать, дворцовыя села. Они объявляютъ, что впредь за убійство огнищанина они будутъ взыскивать 80 гривенъ, повышенную виру; и за княжескаго конюха также 80 гривенъ, по бывшему уже примѣру, „яко уставилъ Ярославъ въ своемъ конюсѣ, его же убилѣ Дорогобужци". Они объявляютъ... [1])

И даже эти постановленія, ограждающія ихъ лично, князья издаютъ не каждый отдѣльно для своего княжества, а обсуждаютъ ихъ на съѣздѣ и издаютъ сообща, чтобы придать имъ силу круговой поруки княжеской семьи. Во всемъ этомъ вполнѣ проявляется слабость княжеской власти, положеніе князей, какъ завоевателей въ чужой странѣ. Жизнь княжихъ мужей въ отдаленныхъ вервяхъ должно-быть часто подвергалась опасности, если князья нашли нужнымъ оградить ее повышенной вирой. И княжескіе холопы, кони, борты и т. д. должно-быть не разъ подвергались нападеніямъ со стороны населенія, если князья на особомъ съѣздѣ нашли нужнымъ обсудить и установить пени за нарушеніе своихъ имущественныхъ правъ.

Кто же охранялъ въ эту эпоху государственный порядокъ? По всей вѣроятности, тотъ же волостной міръ, который на сѣверѣ въ XV-мъ вѣкѣ былъ единственной властью, близкой къ населенію.

Волостная община на Бѣломъ озерѣ несомнѣнно явилась впервые не тогда, когда издана была уставная грамота 1488 года, а существовала гораздо раньше. И раньше она на Бѣломъ озерѣ, какъ и повсюду, конечно не была создана сразу закономъ, какою-либо затерянной древней уставной грамотой, а сложилась сама собою, такъ сказать, органически.

Народныя преданія, сохраненныя лѣтописями, обыкновенно

[1]) [Въ рукописи оставленъ пробѣлъ, незаполнимый на основаніи сохранившихся въ рукописномъ наслѣдствѣ Н. П. Павлова-Сильванскаго матеріаловъ].

связываютъ древнія учрежденія съ именами государей или правителей реформаторовъ. Они не могутъ представить себѣ возникновеніе учрежденія иначе, какъ въ видѣ созданія его волей законодателя. Какъ солнце, луна, звѣзды и земля созданы были Богомъ изъ ничего въ семь дней творенія, такъ точно и каждое учрежденіе должно имѣть своего творца законодателя, создавшаго его изъ ничего въ тотъ или другой годъ творенія. Наши воззрѣнія на происхожденіе права рѣзко расходятся съ этой старой гипотезой творенія. Учрежденія древняго права не создавались разомъ творцами-законодателями, а слагались въ долгомъ, медленномъ процессѣ безличнаго самовольнаго развитія.

Наша лѣтопись приписываетъ устройство въ Новгородской землѣ погостовъ княгинѣ Ольгѣ въ 947 году. Точно также англійская лѣтопись утверждаетъ, что англійскія графства были раздѣлены на сотни и десятни королемъ Альфредомъ около тѣхъ же временъ (871—900) [1]). Но мы, вопреки этимъ народнымъ преданіямъ, думаемъ, что погосты и сотни возникли никакъ не въ силу декретовъ короля Альфреда и Святой Ольги. Очень можетъ быть, что эти государи сдѣлали какія-либо распоряженія относительно погостовъ и сотенъ, упорядочивавшія или какъ-либо измѣнявшія ихъ организацію. Отсюда, вѣроятно, и пошли преданія о созданіи ими этихъ учрежденій. Король Алфредъ и княгиня Ольга могли упорядочить какъ-либо погостскую и сотенную организацію. Но не они создали изъ ничего мірской строй погостовъ и сотенъ. Мы знаемъ, какъ мало истинно новаго творитъ государственная власть даже въ новой исторіи, когда эта власть несоизмѣримо сильнѣе власти королей и князей IX и X вѣка, какъ часто велѣнія реформаторовъ безсильны измѣнить главныя устои соціальнаго строя и государственнаго порядка.

Тѣмъ менѣе подъ силу были крупныя реформы государямъ IX-го вѣка. И такое основное учрежденіе древняго строя какъ міръ, конечно, не было создано, а развилось органически.

Этотъ міръ древнѣйшей эпохи, по всей видимости, былъ очень близокъ къ волостному міру XV—XVI-го вѣковъ.

[1]) „Иде Олга къ Новугороду и устави по Мьстѣ погосты“, Новг. I. Comitatus in centurias id est hundredas et in decimas id est tithingas divisit. (Ingulphus XII в.), *G. Waitz*, Deutsche Verfassungsgeschichte т., I, стр. 139, 479.

Въ Бѣлозерской волости XV и XVI вѣка легко могли сохраниться основы мірского самоуправленія древнѣйшей эпохи, такъ какъ учрежденія древняго права отличаются замѣчательной устойчивостью. Сѣверная *волость*-община XV вѣка знакомитъ насъ съ древнимъ *погостомъ* области Новгородской и съ *вервью* южной Кіевской земли. Это, по всей видимости, три разныхъ названія для одного и того же учрежденія—міра.

За глубокую древность этого учрежденія, знакомаго намъ хорошо по актамъ XV вѣка и частью XIV-го и XIII-го, говорятъ, такимъ образомъ, всѣ характерныя черты древняго права: и слабость княжеской власти, отдаленной отъ населенія, и органическое происхожденіе древнихъ учрежденій, и чрезвычайный консерватизмъ древняго права.

Всѣ эти соображенія подкрѣпляются сравненіемъ нашей волостной общины съ германскою марковой общиной. Я выяснилъ выше, во второй главѣ, что они представляютъ собою одно учрежденіе, по основнымъ чертамъ ихъ устройства.

Чѣмъ же можетъ быть объяснена эта близость русской средневѣковой общины къ общинѣ германской? Не заимствованіемъ и не случайнымъ совпаденіемъ, а одинаковымъ развитіемъ, подъ дѣйствіемъ одинаковыхъ условій, и отчасти арійскимъ родствомъ русскаго права съ германскимъ. Русская община среднихъ вѣковъ близка къ германской, потому что онѣ сложились въ глубокой древности при одинаковыхъ условіяхъ начальной колонизаціи страны. И нѣкоторыя черты ихъ, какъ напримѣръ, архаическія наименованія: сотскій, сотня и другія, одинаково восходятъ къ эпохѣ переселенія народовъ или разселенія племенъ, къ военному дѣленію племенъ на десятки, сотни и тысячи.

§ 23. Съ 1421 года до XI и X-го вѣковъ.

Всѣ эти общія соображенія подтверждаются данными древнѣйшихъ памятниковъ. Данныя эти отрывочны и случайны; но если ихъ сопоставить, не упуская изъ виду ихъ случайности, то можно придти къ довольно достовѣрнымъ заключеніямъ.

Въ жалованныхъ грамотахъ начала XV вѣка и XIV вѣка находимъ мы цѣлый рядъ указаній на волостныя общины въ раз-

личныхъ княжествахъ. Московскій великій князь въ грамотѣ 1421 года говоритъ о „волостной деревнѣ“, которая „доселѣ тянула судомъ и всѣми пошлинами къ волости къ Талшѣ“. Въ томъ же Московскомъ великомъ княжествѣ удѣльный Углицкій князь въ 1414 году освобождаетъ людей монастырскаго села отъ подчиненія волостнымъ властямъ, опредѣляя, что впредь „ни къ дворьскому ни къ сотскому ненадобѣ имъ тянути ни во что“. И звенигородскій удѣльный князь того же княжества въ 1404 году даетъ ту же привилегію монастырскимъ людямъ: „ни къ сотскому, ни къ дворскому, ни къ десятскому съ тяглыми людьми не тянутъ ни въ которые проторы и въ разметъ“ [1]).

Волостная община XV вѣка теперь намъ ясна. Грамоты XV и XVI вѣковъ даютъ намъ точный, отчетливый рисунокъ и ея устройства и ея значенія. Грамотъ этого времени не такъ много, и при ихъ свѣтѣ, какъ бываетъ при лунномъ освѣщеніи, нѣкоторыя черты остаются въ тѣни, но главныя линіи рисунка выступаютъ вполнѣ отчетливо.

Отъ этого XV-го вѣка намъ предстоитъ спуститься въ глубь древности, къ X-му и XI-му вѣкамъ Кіевской Руси. Въ этой древности—уже не лунный свѣтъ и тѣни, а только слабые проблески... Здѣсь нѣтъ ничего подобнаго обстоятельнымъ уставнымъ грамотамъ, а только нѣсколько отрывочныхъ фразъ Русской Правды и лѣтописи. Понять эти фразы мы можемъ только связавъ ихъ съ извѣстіями болѣе поздняго времени, связавъ X-й вѣкъ съ болѣе яснымъ XV-мъ вѣкомъ.

Волостная община, вполнѣ ясная намъ по актамъ XV вѣка, несомнѣнно существовала гораздо раньше. Я приведу ниже слова грамотъ, которыя доказываютъ существованіе тѣхъ же самыхъ порядковъ мірского самоуправленія и въ XIV и въ XIII вѣкахъ. И я полагаю, что отъ этихъ XIV—XIII вѣковъ мы можемъ довольно увѣренно сдѣлать шагъ къ порядкамъ X—XI вѣковъ.

Мы бы сдѣлали грубую ошибку, если бы рѣшили, что эти грамоты 1404, 1414 и 1421 годовъ доказываютъ существованіе волостныхъ общинъ только въ эти годы. Вѣдь грамоты не создаютъ этихъ порядковъ, а только случайно упоминаютъ о нихъ; и порядки эти, повсемѣстно существующіе, какъ видно изъ грамотъ,

[1]) А. Э., т. I, № 20, 19; А. И. № 15.

въ московскомъ великомъ княжествѣ, сложились, столь же несомнѣнно, задолго до этихъ грамотъ, за много десятилѣтій—по меньшей мѣрѣ, если не за нѣсколько столѣтій. Хорошій примѣръ того, какъ далеко въ старину должно быть отодвигаемо существованіе волостныхъ общинъ, съ которыми мы знакомимся по грамотамъ XV вѣка, даетъ одна правая грамота 1462—1464 года. Въ этой грамотѣ разбирается тяжба Пехорской волости о нѣсколькихъ озерахъ, деревняхъ и пустошахъ съ Симоновымъ монастыремъ. Принадлежность этихъ земель къ волости отстаиваютъ сотскій и двое десятскихъ, которые говорятъ „за всю волость Пехорскую". И эта тяжба 1462—1464 года рѣшается на основаніи жалованной грамоты, которая дана была на спорныя земли монастырю около 100 лѣтъ назадъ великимъ княземъ Дмитріемъ Донскимъ (1363—1389) [1]). Волость Пехорская съ ея выборными властями, слѣдовательно, существовала уже тогда въ 1363—1389 г. и несомнѣнно за нѣсколько десятилѣтій раньше, восходя къ 1300-му году.

Къ тому же 1300-му году, по меньшей мѣрѣ, ведетъ насъ Тверская жалованная грамота 1361—1365 года, которая также не впервые устанавливаетъ волостную общину, а упоминаетъ о ней, какъ о сложившемся давно порядкѣ. Она такъ же, какъ другія грамоты, освобождаетъ монастырскихъ людей отъ подчиненія волостнымъ властямъ: „ненадобѣ имъ... никоторые пошлины къ городу ни къ волости... ни дворьскіи, ни старосты атъ не заимаютъ ихъ ни про что".

Кромѣ этихъ извѣстій, у насъ есть и болѣе древнія, до 1341 и 1270 годовъ. И эти извѣстія также упоминаютъ о погостахъ и о старостахъ, какъ о хорошо извѣстной и слѣдовательно старой организаціи, и ссылаясь на „пошлину" отодвигаютъ существованіе волостной общины еще дальше къ 1200-му году. Извѣстія эти относятся къ Новгороду и къ его сѣвернымъ областямъ по рѣкамъ Двинѣ и Печерѣ. По грамотѣ Ивана Калиты, 1328—1341 годовъ, привилегированнымъ печерскимъ сокольникамъ „ненадобѣ нѣкоторая дань, *ни ко старостѣ имъ не тянути*". По грамотѣ 1293 года, на Двину, съ обращеніемъ къ „старостамъ",

---

[1]) А. Юр. Б. I, № 52.

атаманъ великокняжескихъ ватагъ, ходящихъ на море, долженъ получать *„кормъ и подводы* по пошлинѣ, *съ погостовъ*".

Дѣлая это распоряженіе, по договору съ Новгородомъ, князь Андрей Александровичъ, ссылается на старину, „на пошлину", „какъ пошло при моемъ отцѣ и при моемъ братѣ". Эти погосты, слѣдовательно, существуютъ во времена Александра Невскаго [1]).

О тѣхъ же погостахъ и соотвѣтствующихъ имъ городскихъ сотняхъ говоритъ древнѣйшая договорная грамота 1270 года: „кто купець, тотъ въ сто, а кто смердъ, а тотъ потянетъ въ свой погостъ" [2]).

И эта грамота 1270 г. и грамота 1293 г., ссылающаяся на пошлину времени болѣе ранняго ведутъ насъ за нѣсколько десятилѣтій дальше, приблизительно къ 1200-му году. Еще дальше за 1200 годомъ у насъ извѣстій этого рода нѣтъ. Нѣтъ данныхъ потому, что нѣтъ такихъ грамотъ, въ которыхъ они встрѣчались.

Это не умолчаніе источниковъ, которое часто принимаютъ за доказательство, а отсутствіе источниковъ.

Отсутствіе грамотъ, однако, до нѣкоторой степени восполняетъ намъ лѣтопись.

Лѣтопись говоритъ, главнымъ образомъ, о *„сотскихъ"*, выборныхъ представителяхъ *городовъ*. Но городской міръ былъ одинаковъ съ міромъ сельскимъ: объ этимъ свидѣтельствуетъ позднѣйшая исторія общины и только что приведенныя слова грамоты 1270 года, гдѣ городское сто ставится въ рядъ съ сельскимъ погостомъ. Это даетъ намъ полное основаніе извѣстія о городскихъ сотскихъ XII-го вѣка поставить въ рядъ съ данными о погостахъ, восходящими къ 1200 году, въ доказательство глубокой древности общины-міра.

Лѣтопись много разъ упоминаетъ о сотскихъ разныхъ городовъ. Въ XII вѣкѣ сотскіе упоминаются въ Новгородѣ (1118, 1195 и 1197 г.), въ Псковѣ (1178 г.), въ Кіевѣ (1113 г.) и нѣсколько позже, въ 1231 году, въ Галичѣ. Древнѣйшее упоминаніе о сотскихъ находится въ разсказѣ о пирахъ князя Владиміра подъ 996 годомъ; на эти пиры въ своей гридницѣ, Владиміръ уста-

---

[1]) А. Э., I., № 1, 3.

[2]) Въ грамотѣ 1305 года то же сказано нѣсколько иначе: „Кто купьць, поидеть въ свое сто, а смердъ поидеть въ свой погостъ".

вилъ приходить вмѣстѣ съ болярами и гридями, его дружинниками, и другими нарочитыми мужами, также и „съцьскымъ (сочкымъ) и десяцьскымъ“ [1]).

Эти лѣтописныя извѣстія дополняются уставомъ о церковныхъ судахъ XII вѣка. Давая привилегіи соборнымъ церквамъ въ Кіевѣ и Новгородѣ, великій князь Всеволодъ совѣщается съ 10-ю сотскими Кіева и съ старостами: „погадалъ есмь съ владыкою и съ своею княгинею и съ своими боляры и съ десятью сотчкыми и съ старостами“. На новгородскихъ сотскихъ онъ возлагаетъ заботы о новгородскомъ Софійскомъ соборѣ: „А домъ святый Софіи владыкамъ строить съ сотчкыми“.

Кромѣ сотскихъ, лѣтопись упоминаетъ также и *старостъ*, выборныхъ представителей сельскаго міра. Ипатьевская лѣтопись разсказываетъ, что въ 1018 году новгородцы „начаша скотъ (т.-е. деньги) брати отъ мужа по четыре куны, а отъ *старостъ* по десяти гривенъ, а отъ бояръ по осмидесятъ гривенъ“.

Новгородская лѣтопись говоритъ о старостахъ, разсказывая о томъ, какъ князь Ярославъ послѣ побѣды одѣлялъ свое воинство-

---

[1]) Вышеприведенныя извѣстія относятся къ городскимъ сотскимъ Новгорода, Кіева, Галича, и показываютъ, что эти сотскіе, соотвѣтственно важному значенію этихъ стольныхъ городовъ, занимали высокое положеніе; они вмѣстѣ съ тысяцкими являются въ роли пословъ, участвуютъ въ важныхъ политическихъ переговорахъ, они вмѣстѣ съ боярами участвуютъ въ совѣтѣ великихъ князей. Они были выборными представителями городскихъ общинъ и поэтому князья возлагаютъ на нихъ отвѣтственность за дѣйствія общинъ, берутъ ихъ заложниками вмѣстѣ съ боярами, на нихъ гнѣваются за враждебныя рѣшенія города и сажаютъ ихъ въ заточеніе. Сельскіе сотскіе, такъ же, какъ городскіе, бывшіе выборными представителями сельскихъ общинъ, соотвѣтственно меньшему значенію этихъ общинъ, занимали менѣе видное положеніе.

Эти сельскіе сотскіе, особенно въ небольшихъ общинахъ, — иначе назывались *старостами*. Сотскіе первоначально назывались и сотскими и старостами, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ за представителями мелкихъ сельскихъ вотчинъ утвердилось названіе старостъ.

Въ договорной Новгородской грамотѣ 1470—1471 года упоминаются *сотскіе* въ селахъ: „А сведется вира, убьютъ сотцкого въ селѣ, ино тебѣ взяти полтина, а не сотцкого, ино четыре гривны“.

Въ Новгородской же грамотѣ на черный боръ, около того же времени, 1437—1462 г.г., въ соотвѣтствующемъ значеніи встрѣчаемъ названіе старосты: „А гдѣ будетъ Поугородецъ заѣхалъ лодьею, или лавкою торгуетъ или *староста*, на томъ не взяти“. А. Э., I, № 87, стр. 63 и № 32.

ополченіе; прежде чѣмъ отпустить его „домовь“, онъ далъ „старостамъ по 10-ти гривенъ, а смердомъ по гривнѣ, а Новгородьчемъ по 10-ти всѣмъ“ [1]).

Всѣ эти древнѣйшіе случайныя упоминанія лѣтописи о сотскихъ и старостахъ, при сопоставленіи съ ясными извѣстіями о волостяхъ и погостахъ-общинахъ, XV—XIII в.в. говорятъ очень много; подтверждая архаичность волостной общины XV вѣка, они доказываютъ существованіе ея, но, конечно, опять-таки, не начало, въ XI и X столѣтіяхъ.

§ 24. Сотскій-centenarius. Сотня-centena.

Сотскими назывались по лѣтописи выборные представители городскихъ общинъ. На сѣверѣ въ XIV—XV вѣкахъ назывался сотскимъ также выборный представитель нѣсколькихъ общинъ, въ границахъ одного намѣстничьяго стана. А на Двинѣ въ 1397 году сотскій былъ выборнымъ главою всѣхъ общинъ Двинской земли [2]). Представители сельскихъ общинъ, погостовъ и волостей,

---

[1]) Ипат., 1018 г.; Новг. I, 1016 г.

[2]) Въ уставной Двинской грамотѣ 1397—1398 гг. великій князь жалуетъ „бояръ своихъ двинскихъ, также *сотского* и всѣхъ своихъ черныхъ людей“. Сотскій и его подвойскій упоминается въ этой грамотѣ также при опредѣленіи размѣра пошлины, идущей въ его пользу: „А сотскому и подвойскому пошлинка съ лодьи по пузу ржи у гостя“. Сотскій является здѣсь въ качествѣ общаго представителя двинской земли.

Но какъ видно изъ грамотъ начала XV вѣка, близкихъ по времени къ этой уставной, на Двинѣ, кромѣ сотскаго были въ отдѣльныхъ въ гостяхъ также особые представители, *старосты*.

Особый староста упоминается въ грамотѣ, относящейся къ Княжеостровской волости: „Се позва Оксѣнтѣй Григорьевичь старосту Левонтѣя княжеостровьского и княжеостровчовъ дворянпномъ на судъ“. Въ числѣ же рядцевъ, въ этой грамотѣ упоминаются староста купечкей и сочкей (Александръ Романовичъ).

О такихъ двинскихъ старостахъ говоритъ и грамота 1294—1304 г.г. „къ посадникомъ и къ скотникомъ и къ старостамъ“. (А. А. Э. I, № 1).

Въ другихъ грамотахъ соцкій является въ болѣе видной роли судьи, вмѣстѣ съ посадникомъ: „Отъ посадника Якова Федоровича, отъ посадника Іева Тимофѣевича, отъ сочкого Ивана. Се позва Уласке Тупичинъ Вячеслава и всихъ княжьостровчевъ на судъ дворяны Степанкомъ и Иванкомъ, а ркя такъ“. *А. Шахматовъ*, Изслѣдов. о Двинскихъ грамотахъ

назывались обыкновенно старостами, но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, особенно въ московской землѣ, тоже сотскими и сотниками [1]).

Договоры противополагаютъ купца, который идетъ въ свое сто, смерду, идущему въ свой погостъ; и добавленіе къ Русской Правдѣ перечисляетъ „10 ста“ въ Новгородѣ.

И какъ представители общинъ назывались сотскими, такъ и сами общины назывались въ древнѣйшее время *сотнями*. Въ Новгородѣ названіе сотня, „сто“ утвердилось очень рано за городскими общинами, а сельскія—назывались преимущественно погостами, по ихъ средоточію—погосту (извѣстное филологамъ перенесеніе названія съ части на цѣлое).

(Изслѣдов. изд. Акад. Наукъ, т. II, вып. 3, 1903), №№ 87 и 88. Помянутый здѣсь сотскій Иванъ Степановичъ является и въ другихъ грамотахъ, см. тамъ же, введеніе, с. 49.

[1]) Въ XV вѣкѣ, въ жалованныхъ грамотахъ московскихъ князей и нѣкоторыхъ другихъ при освобожденіи имѣній отъ волостного тягла постоянно упоминаются сотскіе или сотники: „ни къ сотскому, ни къ дворскому не тянуть ни во что“ (1439). Въ Тверскихъ же грамотахъ въ соотвѣтствующей статьѣ встрѣчаемъ вмѣсто сотскаго старосту: „ни дворскіи, ни старосты атъ не занимаютъ ихъ ни про что“ (1437—1461). Въ другой же Тверской грамотѣ того же времени встрѣчаемъ и сотскихъ и старостъ: „а дворскимъ, ни соцкимъ, ни старостамъ тѣми людьми не наряжать“. А. Юр. Б., № 31, V, стр. 95, и др.—А. Э., I, № 34, 35.

Въ противоположность, этому въ московскомъ княжествѣ, въ XV вѣкѣ удерживается старое названіе сотскаго и равнозначущее названіе *сотникъ*. Это было, кажется, мѣстное названіе московскихъ владѣній. Хорошо извѣстнаго уже намъ бѣлозерскаго *сотскаго*, который всегда называется такъ въ актахъ можайско-бѣлозерскаго княжества, московскій великій князь, тотчасъ по переходѣ Бѣлоозера въ его владѣніе, въ концѣ XV вѣка, называетъ по своему *сотникомъ*. Это не было новое учрежденіе, потому что Московская грамота обращается къ сотнику въ прежней связи—со всѣми христіанами и съ старостами; это былъ только Московскій терминъ: „отъ великаго князя Ивана Васильевича всея Руси на Бѣлоозеро сотнику городскому и всѣмъ христіаномъ и... старостамъ“.—А. Э., I, № 73 (послѣ 1486 г.). Въ московскихъ жалованныхъ грамотахъ XV вѣка, рядомъ съ дворьскимъ упоминается то сотскій, то сотникъ.—А. Юр. Б., № 31.—Въ грамотахъ Углицкихъ, той же редакціи, что и московскія, одно и то же должностное лицо называется то сотникомъ, то сотскимъ, при чемъ сотскимъ оно называется только въ стереотипной фразѣ-формулѣ: „ни къ дворскому, ни къ сотскому ненадобѣ имъ тянути ни во что“.—А. Э., I, № 19 (1414). Наконецъ, въ Верейскомъ уѣздѣ „сотники“ являются именно въ томъ значеніи, какъ на Бѣлоозерѣ старосты: они, какъ представители волостей (Ловышино,

Но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ, напримѣръ, въ Волынской землѣ, названіе сто долго сохранялось за общиной сельской. Изъ грамоты Владимірскаго князя Мстислава Даниловича 1289 года ясно, что въ ней сотнями названы сельскія, а не городскія общины.

Наказывая „Берестьянъ", то-есть жителей города Бреста и его волостей, за ихъ коромолу особымъ оброкомъ, „со ста по двѣ лукнѣ (ср. лукошко) меду, а по двѣ овцѣ, а по пятинадцать десятковъ лну, а по сту хлѣба, а по пяти цебровъ овса, а по пяти цебровъ ржи, а по 20 куръ, а по толку со всякаго ста, а на горожанахъ 4 гривны кунъ".

Ясное указаніе на то, что волость въ древнѣйшее время называлась также сотней, даетъ распространенный въ XVI вѣкѣ терминъ—сотная, обозначавшій перепись людей, земель и даней отдѣльной волости, извлеченную изъ писцовой книги.

Эти архаическія названія сотскій и сто, а вмѣстѣ съ ними десятскій и тысяцскій, раскрываютъ намъ очень многое при сопоставленіи ихъ съ такими же числовыми терминами германцевъ.

Сотни и сотскіе встрѣчаются повсюду въ странахъ, запятыхъ

Турьи горы, Боболы) вмѣстѣ съ старожильцами отводятъ земли (до 1462 г.). Акты Оед.—Чех., I № 8, (тоже, Мейчикъ, стр. 109). Въ Вологодской грамотѣ около того же времени (1467—1471) упоминается сотникъ городской: „А къ сотнику къ Вологодскому ихъ люди съ тяглыми людьми не тянуть ни въ какіе проторы, ни въ разметы"—Д. къ А. И., I, № 200, стр. 353.

Сотскій и сотникъ, несомнѣнно, совершенно однозначущія названія. Въ правой грамотѣ конца XV вѣка (около 1498 года) представитель Гороховской волости, на р. Клязьмѣ, называется то сотникомъ, то сотскимъ (два раза сотникъ Ѳролко и два раза сотской Ѳролко). Въ другой грамотѣ 1498 года тотъ же Ѳролко называется сотскимъ. Позже, въ 1529 году представитель той же Гороховской волости, Ондронъ называется старостою. Совершенно такъ же, какъ раньше сотскій, онъ же сотникъ, Ѳролко, староста Ондронъ является въ роли главы общины, дѣйствующаго согласно съ міромъ. Его же предмѣстникъ Васюкъ Ворошиловъ въ этой грамотѣ называется старымъ (т.-е. прежнимъ) сотскимъ. Судьи спрашиваютъ его о распоряженіяхъ, сдѣланныхъ имъ въ согласіи съ міромъ, за 5 лѣтъ передъ тѣмъ. На судебномъ разбирательствѣ онъ является уже не въ качествѣ представителя общины, а въ качествѣ свидѣтеля. Изъ его показанія видно, что 5 лѣтъ назадъ онъ былъ такимъ же выборнымъ главою общины, какъ позже староста: онъ говоритъ, что тогда (тому пятъ лѣтъ минуло) далъ участокъ истцу „поговоря съ своею братьею и со всею волостью Гороховскою" — *Н. П. Лихачевъ*, Сборникъ актовъ, стр. 156—157, 167—168.

различными германскими племенами. У франковъ и аламановъ находимъ centena, у англо-саксовъ hundred, въ Швеціи и Норвегіи „hundari (а также herath), у Швабовъ huntari. Еще больше извѣстій о сотскихъ. Сотскій-centenarius и centurio, встрѣчается у франковъ, аламановъ, баварцевъ, вестготовъ, лангобардовъ.

По извѣстіямъ франковъ и саксовъ онъ назывался по-германски hunno.

У англо-саксовъ находимъ старѣйшину сотни (hundredes ealdor), начальника или короля сотни—въ Норвегіи и Швеціи (herathskoguunr) [1]).

Германскіе источники для древнѣйшей эпохи неизмѣримо обильнѣе нашихъ, и они даютъ точныя указанія на нѣкоторые стороны сотни-общины. Такъ, Аламанская Правда начала VIII вѣка совершенно ясно говоритъ о собраніи — мірскомъ сходѣ членовъ сотни для суда въ присутствіи графа и выборнаго представителя общины, сотскаго:

„Собраніе, по древнему обычаю, да будетъ въ каждой сотнѣ передъ графомъ или его уполномоченнымъ и передъ сотскимъ". Словами нашихъ грамотъ это можно перевести такъ: „сходу каждаго ста быти по пошлинѣ передъ посадникомъ, или кому прикажетъ, и передъ сотскимъ".

Рипуарская Правда столь же ясно говоритъ о сходѣ (mallum) предъ сотскимъ или графомъ или же предъ герцогомъ. И Баварская Правда говоритъ о собраніи всѣхъ свободныхъ въ установленные дни, гдѣ назначитъ судья [2]).

На основаніи этого извѣстія и многихъ другихъ, которыя здѣсь не мѣсто изслѣдовать, Бруннеръ [3]) устанавливаетъ, что сотня въ древнѣйшее время была союзомъ лицъ, общиной (Gemeinde) и выясняетъ ея важныя судебныя права. Община-сотня въ судѣ имѣла рѣшающій голосъ. Судья судитъ совмѣстно съ общиной. Приговоръ есть дѣло общины. Судья только „вопрошатель

[1]) *Brunner*, Deutsche R. G. I-й томъ, 2-е изданіе. 160, 162.

[2]) Ut conventus, secundum consuetudinem antiquam fiat in omne centena coram comite aut suo misso et coram centenario: Lex Alamannorum, § 36. Ad mallum ante centenarium vel comitem seu ante ducem: Lex Rib., § 50. Et omnes liberi conveniant constitutis diebus ubi judex ordinaverit: Lex Bajuvarorum, II, 14.

[3]) „Deutsche R. G.", I, изд. 2-е. стр. 203—209.

права". Приговоръ опредѣляетъ община. Значеніе судьи, однако, не ограничивается ролью предсѣдателя на судебномъ сходѣ. Формально онъ именно рѣшаетъ дѣло, такъ какъ онъ именно постановляетъ приговоръ и тѣмъ придаетъ рѣшенію, найденному общиной, силу велѣнія права.

Съ теченіемъ времени изъ судебнаго схода, на которомъ всѣ присутствующіе принимаютъ участіе въ судебномъ разбирательствѣ и въ рѣшеніи дѣла, выдѣляется особое учрежденіе *вѣщателей права*, уполномоченныхъ общины. У франковъ вѣщаетъ право не вся община, голосами всего схода, а особо выбранные семь рахинбурговъ; у фризовъ и нѣкоторыхъ другихъ германскихъ племенъ вмѣсто семи выбирался одинъ вѣщатель права.

Этимъ германскимъ вѣщателямъ права, какъ я уже говорилъ, точно соотвѣтствуютъ наши „добрые люди", выборные представители общины. Они хорошо извѣстны намъ по грамотамъ позднѣйшимъ, XV вѣка. Но они несомнѣнно идутъ изъ старины. Ихъ архаичность устанавливается тѣмъ, что мы находимъ ихъ не только у русскихъ, но и у другихъ славянскихъ племенъ.

Наше *сто* и его выборный представитель *сотскій* и наши *добрые люди*—вѣщатели права ясно свидѣтельствуютъ о древности нашей общины и о ея глубокомъ родствѣ съ общиной германской.

Наши вѣщатели права, конечно, ведутъ свое начало отъ судебнаго собранія сотни-общины, какъ и нѣмецкіе рахинбурги и шеффены.

Здѣсь сравнительный методъ даетъ намъ возможность возстановить, съ большимъ вѣроятіемъ, одну изъ сторонъ древней нашей сотни-общины, о которой молчатъ наши въ высшей степени скудные источники древнѣйшаго періода. Чертежъ развитія нашей общины двумя линіями изъ трехъ точно совпадаетъ съ чертежомъ развитія общины германской; мы имѣемъ полное основаніе возстановить неизвѣстную третью линію по чертежу германской общины, гдѣ она совершенно ясна.

Въ позднѣйшей средневѣковой общинѣ, у насъ и на западѣ, мы знаемъ совершенно одинаковый судъ правительственнаго чиновника, совмѣстно съ выборными отъ общины: судъ графа съ цендеромъ и шеффенами, и судъ намѣстника со старостой или сотскимъ и съ добрыми людьми. Этотъ судъ графа съ шеффенами идетъ, какъ ясно изъ западныхъ источниковъ, отъ суда народнаго собранія сотни (centena). У насъ тоже были въ древнѣйшее время

сотня и сотскіе. Откуда же идетъ нашъ судъ намѣстника съ сотскимъ и съ добрыми людьми? Очевидно, тоже отъ судебнаго собранія сотни, какъ и на западѣ, хотя о такихъ судебныхъ функціяхъ сотни у насъ не сохранилось отъ древнѣйшаго времени никакихъ извѣстій.

Община. Судъ графа съ цендеромъ и съ шоффенами.	Община. Судъ намѣстника съ сотскимъ и съ добрыми людьми.
Сотня. Сотскій. Судебное собраніе сотни.	Сотня. Сотскій. .....?

Мнѣ кажется, что по этимъ чертежамъ вопросъ о существованіи у насъ судебнаго собранія сотни-общины рѣшается утвердительно, конечно, не съ математической точностью, но съ тою степенью достовѣрности, какая доступна намъ въ большей части вопросовъ при изученіи первобытной эпохи.

Германская сотня-община ведетъ свое начало, какъ предполагаютъ нѣмецкіе историки, отъ военнаго дѣленія племенъ на сотни въ эпоху переселенія народовъ и раньше, въ доисторической арійской древности. Когда племена осѣдали, названія ихъ военныхъ дѣленій сохранялись и перешли на мирныя общины и на занятыя ими земли. Такъ, изъ военныхъ сотенъ образовались сотни-общины и военные сотники превратились въ мірскихъ старостъ, удержавъ старое названіе.

Это подтверждается тѣмъ, что у нѣкоторыхъ германскихъ племенъ, у готовъ и вандаловъ, встрѣчается кромѣ сотскаго и другое названіе—тысяцкій (millenarius), который нѣкогда также долженъ былъ быть военнымъ предводителемъ.

У насъ, кромѣ сотскаго, также былъ тысяцкій. Новгородскіе и московскіе тысяцкіе хорошо извѣстны по лѣтописямъ. И московскій тысяцкій сохраняетъ древнее значеніе военноначальника; онъ былъ начальникомъ народнаго ополченія.

Наши сотскій и тысяцкій точно такъ же, какъ германскіе centenarius и millenarius (иначе tiuphadus), по своему происхожденію связаны съ древнимъ военнымъ дѣленіемъ племенъ на сотни и тысячи. Изслѣдователи арійскихъ древностей доказываютъ, что это дѣленіе обще всѣмъ арійскимъ народамъ [1]).

[1]) [Предполагавшееся разсужденіе о тысяцкихъ осталось не написаннымъ].

§ 25. Вервь.

Несомнѣнное указаніе на древность того общиннаго устройства, съ которымъ мы познакомились, изучая волостную общину XV вѣка, даетъ Русская Правда, въ статьяхъ, относящихся къ верви.

Я не говорю, что статьи о верви доказываютъ существованіе въ древнѣйшее время волостной общины въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ она извѣстна намъ по грамотамъ XV — XVI вѣковъ. Я говорю только, что эти статьи даютъ ясное вообще указаніе на древность общиннаго устройства, такъ какъ они показываютъ намъ съ несомнѣнностью, что въ XI-мъ вѣкѣ существовалъ *одинъ* изъ тѣхъ порядковъ, которые составляютъ существо общины XV вѣка. Въ какой мѣрѣ вообще вервь близка къ волости или погосту, объ этомъ можно говорить только предположительно. Но что вервь одной стороной своего строя, единственно намъ извѣстной, близка къ волости, это несомнѣнно.

Это круговая отвѣтственность волости - общины за убійство, совершенное на ея территоріи.

Выше я привелъ ясныя постановленія уставныхъ грамотъ XV—XVI вѣковъ объ обязанности волости отыскать душегубца, и если она его не откроетъ, платить намѣстнику вину или виру (§ 13). Въ древнѣйшей изъ уставныхъ грамотъ 1397 года это постановленіе изложено такъ: „Оже учинится вира, гдѣ кого утепутъ, инѣ душегубца изыщутъ; а не найдутъ душегубца, инѣ дадутъ намѣстникомъ десять рублевъ“.

О такой же точно круговой отвѣтственности верви за убійство говоритъ краткая Русская Правда, въ статьяхъ, которыя излагаютъ постановленія съѣзда сыновей Ярослава, состоявшагося между 1054—1073 годовъ (скорѣе всего въ 1054 году), слѣдовательно за 300 — 350 лѣтъ до уставной грамоты 1397 года. Эти постановленія говорятъ не вообще объ уплатѣ вервью виръ за душегубство, а только о спеціальномъ случаѣ убійства княжескаго мужа, дружинника, огнищанина: „Аще же убіютъ огнищанина въ разбои, а убійца не изыщуть, то вирное платити въ ней же вѣр(в)ной (верви) голова начнеть лежати“. Изъ предыдущей статьи видно, что вира за огнищанина, какъ и за другихъ княжихъ

мужей, взыскивалась въ повышенномъ размѣрѣ 80-ти гривенъ, и что уплата ея вервью не относилась къ тѣмъ случаямъ, когда огнищанинъ убитъ извѣстнымъ лицомъ въ обиду: „аще убьють огнищанина въ обиду, то платить зань 80 гривенъ *оубійци, а людемъ ненадобъ*“.

Это постановленіе съѣзда сыновей Ярослава говоритъ объ уплатѣ виры вервью за убійство однихъ только княжихъ мужей и этимъ существенно отличается отъ уставныхъ грамотъ, которыя возлагаютъ отвѣтственность на волость за *всякое* душегубство. Но это отличіе объясняется особымъ характеромъ постановленій княжескаго съѣзда, о которомъ я говорилъ выше (§ 22). Постановленія княжескаго съѣзда имѣли спеціальную цѣль оградить отъ правонарушеній только княжихъ мужей и княжія имѣнья. При этомъ они, конечно, опирались на установившійся обычный порядокъ. Они только повысили размѣръ виры, которая и раньше платилась за убійство огнищанъ, какъ и другихъ людей, и возложили уплату такой виры на вервь, въ случаѣ необнаруженія убійцы, потому что и раньше съ верви взыскивалась вира за убійство, совершенное неизвѣстнымъ лицомъ на ея территоріи.

Общій порядокъ отвѣтственности верви за всякое убійство, совершенное на ея территоріи, ясенъ изъ пространной Русской Правды. Эта пространная Правда представляетъ собою комплекцію, въ которую вошли, между прочимъ, и изложенныя постановленія княжескаго съѣзда, съ комментаріями. Приведя цитированную выше статью объ уплатѣ вервью виры за убійство огнищанина въ 80 гривенъ, составитель пространной Правды счелъ нужнымъ пояснить, что вира платится и за убійство „людина“, но въ меньшемъ размѣрѣ: „паки ль людинъ, то 40 гривенъ“. Къ этому онъ прибавилъ еще нѣсколько поясненій, объ общемъ порядкѣ уплаты такой „дикой виры“, и эти поясненія тѣсно сближаютъ порядки Кіевской Руси съ позднѣйшими порядками, извѣстными намъ по уставнымъ грамотамъ.

„А по костехъ и по мертвеци не платить верви, аже имени не вѣдаютъ, ни знаютъ его“.

Это значитъ, что вервь не должна платить виру за мертвое тѣло, найденное на ея земли, если нельзя установить фактъ убійства: по костямъ нельзя судить, убитъ ли человѣкъ или самъ умеръ, если только по какимъ-либо признакамъ нельзя связать на-

хожденіе этихъ костей съ извѣстнымъ случаемъ убійства (такой смыслъ имѣютъ слова: „аже имени не вѣдаютъ, не знаютъ его“). Здѣсь устанавливается то же различіе между всякимъ мертвымъ тѣломъ и тѣломъ убитаго, которое устанавливаютъ иначе, описательно, уставныя грамоты, забывъ о старомъ краткомъ и не вполнѣ ясномъ опредѣленіи.

Это старое опредѣленіе „а по костяхъ и по мертвеци не платить верви“, очевидно, соотвѣтствуетъ статьѣ уставныхъ грамотъ: „а кто съ древа убьется, или кого звѣрь съѣстъ и т. д. или кто отъ своихъ рукъ утеряется... въ томъ виры и продажи нѣтъ“ (1506) [1]).

---

[1]) По Русской Правдѣ на верви лежала круговая отвѣтственность не только за убійство, но и за нѣкоторыя кражи, совершавшіяся на ея территоріи. Такъ, при кражѣ бобра, должно было „по верви искати татя, ли платити продажу“. Изъ другихъ статей пространной Правды видно, что дикая вира платилась вервью не только, когда убійца не найденъ, но и за неумышленное убійство, совершенное членомъ верви.

Русская Правда ясно выдѣляетъ эти случаи: 1) Кто „сталъ на разбой безъ всякоя своды: то за разбойника люди не платятъ, но выдадятъ и всего съ женою и съ дѣтьми на потокъ и разграбленіе“. 2) „Но оже будетъ убилъ или въ свадѣ или въ пиру явлено, то тако ему платити по вервиньнѣ (по раскладкѣ) иже ся прикладывають вирою“.

Это очень древняя норма права, по которой вира за душегубство разсматривается не какъ кара, а какъ выкупъ за убійство.

Составитель пространной Русской Правды въ концѣ XII—началѣ XIII вѣка очень плохо понималъ памятники, написанные за два и за полтора столѣтія назадъ, и жестоко искажалъ ихъ своими комментаріями. Излагалъ онъ свои добавленія очень сбивчиво. Надо думать, не потому, что онъ недостаточно зналъ обычное право своего времени, а потому, что онъ запутался въ своихъ стараніяхъ, сохраняя текстъ древнихъ статей, объяснить ихъ вставками и добавленіями, на основаніи порядковъ значительно болѣе поздняго времени. Къ тому же сбивчивость его изложенія, вслѣдствіе непониманія его, вызвала множество ошибокъ у позднѣйшихъ переписчиковъ. Такой совершенно искаженный и непонятный текстъ даетъ слѣдующая статья: „Которая ли вервь начнетъ платити дикую виру, колико (?) лѣтъ заплатити ту виру, занеже безъ головника имъ платити. Будетъ ли головникъ ихъ въ верви, то зань (?) къ нимъ прикладываетъ; того же дѣля (??) имъ помогати головнику, любо (??) дикую виру“.

Статья: „аже кто не вложится въ дикую вѣру, тому людье не помогаютъ, но самъ платить“. Въ такой общей формой статья эта совершенно не вяжется съ остальными. Уплата дикой виры, какъ видно изъ другихъ статей, была обязанностью верви. Какъ же отдѣльные члены могли „не

Эта круговая порука верви, эта „дикая вира“, конечно, не представляетъ собою какого-либо спеціально-русскаго учрежденія. Она существовала въ древнемъ правѣ и другихъ славянскихъ племенъ и въ правѣ германскомъ.

Изъ памятниковъ славянскаго права о ней яснѣе всего, и ближе къ русскимъ источникамъ, говоритъ запись польскаго обычнаго права XIII вѣка. Нашей верви и волости въ Польшѣ соотвѣтствуетъ *ополе*, или vicinia, состоящее такъ же, какъ волость, и вѣроятно вервь, изъ значительнаго числа деревень. „Если убитый найденъ будетъ лежащимъ въ полѣ или на дорогѣ,—гласитъ эта запись—и неизвѣстно, кто его убилъ, тогда господинъ зоветъ къ себѣ ополе и налагаетъ на него вину за убитаго, и если ополе не можетъ указать на кого-либо, какъ на виновника убійства, тогда оно должно заплатить за убитаго... Если же ополе скажетъ на какую-либо деревню, что въ ней было совершено убійство, а деревня скажетъ, что она невиновна, тогда она должна очистить себя поединкомъ или же уплатить за убитаго“. О томъ же ясно говорятъ польскія грамоты XIII вѣка, освобожденіе сельчанъ отъ обязанности нести отвѣтственность за голову убитаго въ границахъ ихъ земель [1]).

вкладываться“ въ ея уплату? Надо полагать, эта статья относится только къ тѣмъ случаямъ, когда вервь, зная убійцу, своего члена, все-таки соглашалась платить за него дикую виру, по чувству товарищества, въ виду того, что убійство совершено имъ неумышленно: „въ свадѣ или въ пиру явлено“.

Въ такихъ то случаяхъ нѣкоторые могли не признать неумышленности убійства, не признать его доказаннымъ (если они не были на дракѣ, которою заключился пиръ) и на этомъ основаніи требовать выдачи преступника, отказываясь отъ уплаты за него виры по раскладкѣ. Такимъ то лицамъ составитель Правды и грозитъ, что „аже кто не вложится въ дикую виру“, ему впредь въ подобномъ случаѣ тоже люди не помогутъ, „тому людье не помогаютъ, но самъ платитъ“. Изъ этого слѣдуетъ, что единственной твердой нормой была уплата дикой виры за убійство, совершенное неизвѣстнымъ лицемъ. Уплата же дикой виры за неумышленное убійство не составляла твердой нормы обычнаго права.

[1]) О круговой порукѣ въ Польшѣ, какъ и у другихъ славянскихъ народовъ см.: *И. М. Собѣстіанскій*, „Круговая порука у славянъ по древнимъ памятникамъ ихъ законодательства“, 2-е изд. 1888. Грамота 1221: in praedictis villis caput non solvent eo more, quo Poloni solvere consueverunt, nec condempnabatur in capite interfecti vel occisi, quod fuerit inventum in

Сходная круговая порука, общая отвѣтственность за убійство, а также за кражи, существовала въ древнѣйшее время и у германцевъ.

О ней ясно говоритъ Салическая Правда.

Отвѣтственность за убійство, совершенное на землѣ селенія (villa), падаетъ на жителей этого селенія. Ихъ призываетъ прежде всего судья, они дѣлаютъ насыпь въ 5 футовъ вышиною и въ присутствіи судьи кладутъ мертвое тѣло на насыпь, съ обязательствомъ оставить его на этомъ мѣстѣ.

Ихъ зоветъ судья къ отвѣту за это убійство на ближайшемъ судебномъ собраніи (de homicidium istud vos admallo). Отвѣтственность ихъ, однако, меньше той, которая падала на нашихъ вервниковъ и волощанъ. Сельчане у франковъ должны были только очистить себя отъ подозрѣнія присягою на судѣ, и въ такомъ случаѣ они не платили никакого взысканія. „Если же они дадутъ клятву и очистятъ себя присягой, то никакой виры съ нихъ не взыскивается“. Si vero jurant... et se per sacramentum idoniaverint, nulla eis compositio requiretur.

На трудномъ пути изъ XV вѣка къ X-му мы старались идти какъ можно осматрительнѣе, чтобы не сбиться съ дороги.

И мнѣ кажется, мы нашли много слѣдовъ глубокой древности волостной общины.

Ясныя указанія грамотъ, ведущія къ 1200-му году. Извѣстія Начальной лѣтописи о сотскихъ и старостахъ. Сотни, сотскіе, тысяцкіе одинаковые съ германскими, изъ одного арійскаго источника. Добрые люди — представители общины на судѣ, эти близкіе родственники германскихъ вѣщателей права. Наконецъ, круговая порука за преступленія, связывавшая вервь одинаково съ позднѣйшей волостью и съ древней германской общиной.

Древнее происхожденіе общины-волости XV вѣка и погоста XIII вѣка становится несомнѣннымъ, если свести вмѣстѣ всѣ эти различныя указанія. Но, мнѣ кажется, можно идти и нѣсколько дальше.

---

terminis eorum. (Изъ „Сборника“ Stenzel'я; *Собѣстіанскій*, с. 112). Книга польскаго обычнаго права ст. VIII: Helcel, Starodawne prawa polskiego pomniki, t. II. 1870, c. 18. Термина ополе здѣсь нѣтъ, оно переведено словомъ gegenote.

Мнѣ кажется, отъ погоста-общины XIII вѣка, можно сдѣлать шагъ къ верви-общинѣ X вѣка.

Что основные элементы общиннаго строя—сотскіе и старосты, сходъ и вѣщатели права, круговая порука за преступленія—въ это время существовали, это достаточно ясно изъ вышеизложеннаго. И въ цѣломъ эти элементы должны были составлять учрежденіе, очень близкое къ позднѣйшей волости-погосту.

И я полагаю, что волость-община существовала уже въ это древнѣйшее время, въ X вѣкѣ и раньше, и что вервью и стомъ въ это время на югѣ называлось какъ разъ то, что въ Новгородѣ называлось погостомъ.

Почему община и ея территорія были названы вервью, словомъ, означавшимъ веревку? Предполагаютъ, что община названа была такъ потому, что она вервью измѣряла границы своихъ земель. Несостоятельность этого объясненія замѣчена давно. Размежеванье земель, если и производилось въ ту отдаленную эпоху, то очень рѣдко, въ виду обилія свободныхъ земель; и нѣсколько столѣтій спустя, границы волостныхъ территорій оставались неразмежеванными, а если и размежевывались, то по разнымъ пограничнымъ признакамъ, безъ помощи веревки.

Недавно проф. Собѣстіанскій сдѣлалъ предположеніе, что слово вервь означало въ древности, въ переносномъ смыслѣ, родъ, подобно тому, какъ латинское linea и французское la ligne означаютъ не только веревку, но и связь родства [1]).

Но въ западныхъ терминахъ и порядкахъ можно найти и другое объясненіе, почему община-округъ получила свое названіе отъ верви-веревки.

Въ Англіи, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, судебный округъ (отъ древней судебной общины) называется гаре, а въ Голландіи reep, словомъ одного корня съ rêp, râp, что̀ значитъ веревка [2]).

Это объясняютъ тѣмъ, что мѣста древнихъ судебныхъ сходовъ (ding, mallus) торжественно при открытіи засѣданія ограждались протянутой на кольяхъ веревкой; отсюда у сѣверныхъ германскихъ племенъ мѣста собраній назывались „священные узы“ (Vébönd).

[1]) *Собѣстіанскій.* „Круговая порука у славянъ“, 1888, с, 115—116.

[2]) *Brunner*, Deutsche R. G., I т., 2-е изд., с. 197. Ср. Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgesch. (1880) IV, 237.

Можетъ быть вервью называлось собственно мѣсто схода, ограждавшееся веревкой, а съ него названіе перешло на общину и ея земли, подобно сѣверному названію погостъ, которое также означало собственно центральный пунктъ погостской территоріи, мѣсто мірскихъ сходовъ.

Но это, конечно, только предположеніе, на которомъ я не настаиваю [1]).

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Общинное уравнительное землевладѣніе.

I. Земельная собственность.

§ 26. Община и передѣлы.

Древнѣйшая вервь Кіевской эпохи представляется мнѣ въ формахъ, очень близкихъ къ волостной общинѣ XIII—XV вѣковъ. И такъ же, какъ въ погостѣ и волости, въ этой верви не было общиннаго передѣльнаго землевладѣнія.

На существующее у насъ доселѣ общинно-передѣльное землевладѣніе многіе смотрѣли и нѣкоторые смотрятъ еще, какъ на остатокъ первобытнаго коллективизма. Этотъ взглядъ развитъ въ извѣстномъ изслѣдованіи Лавеле, „Первобытная собственность“ [2]).

Ошибка этихъ изслѣдователей теперь очевидна. Общинно-передѣльное землевладѣніе нельзя связывать съ первобытными предками, такъ какъ въ волостной общинѣ XV—XVI вѣковъ передѣловъ несомнѣнно не было. Волость владѣла многими угодьями и пустошами сообща, но пашни и сѣнокосъ принадлежали воло-

[1]) Можно указать еще одинъ нашъ терминъ относящійся къ сходу и точно соотвѣтствующій нѣмецкому. Сходъ назывался sprächa отъ sprechen—говорить, какъ у насъ вѣче отъ вѣщать. *Brunner*, тамъ же, с. 196.

[2]) Соотвѣтственно этому и въ германской марковой общинѣ западные историки увидѣли остатки первобытнаго коллективизма. [Предполагавшійся обзоръ исторіи этого вопроса въ русской и иностранной литературѣ остался ненаписаннымъ].

щанамъ по праву собственности. Я привелъ уже выше достаточно данныхъ, доказывающихъ, что крестьяне распоряжались своими участками, какъ собственностью, продавали ихъ, дарили и т. д. Общино-передѣльное землевладѣніе несовмѣстимо съ этой свободой распоряженія крестьянъ своими участками.

Отсутствіе передѣловъ въ древней волостной общинѣ доказывается также отсутствіемъ въ древности условій, необходимыхъ для возникновенія передѣловъ. Этотъ аргументъ давно, еще въ 1858 г., приведенъ былъ Чичеринымъ. „Передѣлъ земли—писалъ онъ—можетъ установиться только тогда, когда земли становится мало, а люди не могутъ уходить съ мѣста и искать новыхъ поселеній. Но въ то время, о которомъ мы говоримъ, земли было вдоволь, люди же не только свободно уходили съ мѣста, но постоянно переходили съ мѣста на мѣсто. Какъ же тутъ образоваться передѣлу?“ [1]). А. А. Кауфманъ, хорошо изучившій на живой исторіи общины условія возникновенія уравнительнаго землепользованія и общинно-передѣльнаго землевладѣнія; вполнѣ признаетъ силу этого довода. „Передѣлъ—замѣчаетъ онъ—по очевидно справедливому мнѣнію Чичерина, былъ совершенно несовмѣстимъ съ условіями населенности и землевладѣнія въ XVI вѣкѣ“ [2]).

Изслѣдователи современной намъ общины согласно выясняютъ, что основное условіе возникновенія передѣла есть земельное *утѣсненіе*. Община приступаетъ къ передѣлу тогда, когда значительная часть крестьянъ начинаетъ страдать отъ малоземелья. Въ общинѣ уже нѣтъ свободныхъ земель, и она передѣляетъ всѣ участки, чтобы за счетъ многоземельныхъ помочь безземельнымъ. Эта земельная тѣснота вызываетъ періодическіе передѣлы земли, чрезъ разнообразные промежутки времени (отъ 2 до 30 и болѣе лѣтъ) въ тѣхъ общинахъ, гдѣ они бывали раньше. Ею же объясняется и возникновеніе передѣловъ въ той или другой общинѣ. Изслѣдователи общины въ Сибири, гдѣ во многихъ губерніяхъ передѣлы возникли впервые на глазахъ изслѣдователей, въ 80-хъ годахъ, согласно говорятъ, что переходъ къ общинно-уравнительному землепользованію начинается, когда „земельный просторъ сократился“, когда исчезъ „запасный фондъ земель“, что „урав-

[1]) *Чичеринъ*, „Опыты“, стр. 99.
[2]) *Кауфманъ*, „Русская община“, стр. 433.

неніе землепользованія возникаетъ при извѣстной густотѣ населенія", что „утѣсненіе было главнымъ двигателемъ развитія общинно-уравнительнаго землепользованія", что „земельная тѣснота является условіемъ sine qua non, необходимой причиной передѣловъ" [1]).

Гдѣ же въ древней волостной общинѣ это земельное утѣсненіе, условіе, безъ котораго нѣтъ передѣловъ? Сдѣланное выше (§ 3) описаніе большого запаснаго фонда земель, бывшаго въ распоряженіи волости Словѣнскій Волочекъ, въ XV вѣкѣ и не исчерпаннаго ею въ XVI вѣкѣ, даетъ на это ясный отвѣтъ

Между отдѣльными областями древней Руси XV—XVI вѣковъ были, конечно, большія различія въ отношеніи земельнаго простора. Бѣлозерскій край былъ менѣе населеннымъ въ XVI вѣкѣ, чѣмъ Московскій или Тверской, особенно поблизости отъ Москвы или Твери. Въ то время, какъ въ Словѣнскомъ Волочкѣ на деревню приходилось въ среднемъ $3^1/_2$ двора, въ Кушалинской волости, около гор. Твери, въ деревнѣ было въ среднемъ около $4^1/_2$ дворовъ, а въ московской Вохонской волости—5 дворовъ.

Въ этой Вохонской волости запасный фондъ лучшихъ удобныхъ земель къ 1585 году уже исчерпанъ, и здѣсь многія деревеньки стояли уже, какъ замѣчаетъ писцовая книга, „на болотѣ". Здѣсь, такимъ образомъ, уже явилось то земельное утѣсненіе, которое обусловливаетъ передѣлы земли. Оно могло возникнуть и раньше въ нѣкоторыхъ мѣстахъ центральныхъ поселеній Удѣльной Руси, около Москвы и Твери, гдѣ рано скучилось населеніе.

Это утѣсненіе, однако, должно было быть относительно меньшимъ въ сравненіи съ тѣмъ, напримѣръ, какое только въ 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія вызвало первые передѣлы въ Сибири. И оно, кромѣ того, парализовалось обиліемъ свободныхъ земель неподалеку, на окраинахъ того же Московскаго княжества или Тверского.

Какъ бы рано, однако, ни явилось земельное утѣсненіе въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Удѣльной Руси, все-таки оно могло возникнуть только въ *нѣкоторыхъ* мѣстностяхъ и въ немногихъ во-

---

[1]) *В. В.*, „Къ исторіи общины въ Россіи", стр. 4; *А. А. Кауфманъ*, „Крестьянская община въ Сибири", стр. 66 — 67; *Качоровскій*, „Русская община", т. I, стр. 209.

лостяхъ, и не ранѣе XIV-го вѣка. И тѣмъ болѣе нельзя допустить, чтобы оно встрѣчалось уже въ Кіевской Руси IX—XI вѣковъ. Для сѣверо-восточной Руси до XV-го, и тѣмъ болѣе для Кіевской Руси древнѣйшаго періода типично было, конечно, не утѣсненіе, а земельный просторъ, и для волостныхъ общинъ этого времени типиченъ тотъ запасный земельный фондъ, которымъ такъ богата была въ XV вѣкѣ волость Волочекъ Словѣнскій. При такихъ же условіяхъ въ древнихъ волостныхъ общинахъ, безъ сомнѣнія, не было общинно-передѣльнаго землевладѣнія.

§ 27. Вольное землепользованіе и вольный захватъ.

Какія же формы землевладѣнія господствовали въ древнѣйшей верви и волостной общинѣ, если общинно-уравнительнаго землепользованія въ нихъ не существовало? Какія формы землевладѣнія предшествуютъ предѣламъ и обусловливаютъ ихъ возникновеніе?

Для разъясненія этихъ вопросовъ собранъ и разработанъ богатѣйшій матеріалъ трудами земскихъ статистиковъ Россіи и правительственныхъ изслѣдованій Сибири. Сводныя работы В. В., Кауфмана и Качоровскаго, на основаніи этого матеріала, бросаютъ лучъ новаго яркаго свѣта въ темную даль первобытнаго времени. Онѣ освѣщаютъ по новому не только вопросъ о происхожденіи русской общины, но и важнѣйшій общій вопросъ соціологіи о происхожденіи земельной собственности и общиннаго землевладѣнія.

Русскіе изслѣдователи въ отношеніи этихъ вопросовъ поставлены въ наилучшія условія. „То, за чѣмъ западно-европейскому изслѣдователю—по замѣчанію А. А. Кауфмана—приходится отправляться къ индусамъ или американскимъ краснокожимъ, къ готтентотамъ или ботокудамъ, то, чего имъ приходится доискиваться въ первомъ вѣкѣ до или послѣ Рождества Христова, то у насъ въ Россіи можетъ быть наблюдаемо воочію или изучаемо по свѣжимъ воспоминаніямъ. На необъятномъ пространствѣ нашей страны еще посейчасъ можно наблюдать всевозможные бытовые и хозяйственные типы, начиная отъ бродячихъ охотниковъ и рыболововъ или отъ типичныхъ скотоводовъ-кочевниковъ и переходя къ первобытному земледѣлію“ [1]).

[1]) „Къ вопросу о происхожденіи общины“: „Русская Мысль“ 1907 г., ноябрь.

Для изученія первобытнаго землевладѣнія особенное значеніе имѣетъ появившаяся десять лѣтъ назадъ работа М. А. Кроля объ общинѣ въ Забайкальи. По своимъ наблюденіямъ въ Забайкальи онъ очень отчетливо рисуетъ любопытнѣйшій начальный моментъ развитія землевладѣнія, въ эпоху перехода отъ кочевого быта къ осѣдлому земледѣльческому. Эти наблюденія, сдѣланныя въ 90-хъ годахъ, переносятъ насъ, очевидно, въ глубокую древность.

Въ эту эпоху земледѣліе уже существуетъ, но права собственности на землю нѣтъ, нѣтъ ни личнаго, ни общиннаго *владѣнія* землею, и есть только вольное *пользованіе*. И совершенно ясно, почему нѣтъ земельной собственности. Потому что въ ней нѣтъ никакой нужды, нѣтъ условій для ея возникновенія. Въ эту эпоху перехода отъ скотоводства къ земледѣлію, когда только немногіе еще начинаютъ заводить пашню, земли—свободной и удобной для пахоты—чрезвычайное обиліе. На сѣверѣ нашемъ есть до сихъ поръ мѣстности, гдѣ также очень много свободныхъ, ни кѣмъ не занятыхъ земель; но здѣсь, въ лѣсистомъ и болотистомъ краю, обработка земли подъ пашни требуетъ, прежде всего, отысканія мѣстъ болѣе возвышенныхъ и удобныхъ, и значительной затраты труда.

Обработка земли подъ пашню стоитъ минимальной затраты труда, если цѣлина поднимается въ степи, а не въ лѣсу, гдѣ расчистка лѣса требуетъ большихъ усилій. Здѣсь избытокъ не только вообще свободной земли; но, при томъ, земли совершенно удобной для обработки. Какъ ведется хозяйство при этихъ условіяхъ? Пашня бросается черезъ 2—3 года, при первыхъ признакахъ истощенія земли, распахивается новый участокъ, черезъ 2—3 опять новый, и хозяинъ не заботится о брошенныхъ участкахъ, зная, что кругомъ еще много свободной земли. При этихъ условіяхъ нѣтъ основаній для охраны правъ на разъ занятую землю, и права эти не охраняются; землевладѣнія нѣтъ, а есть только вольное землепользованіе.

Эти теоретическіе выводы подтверждаются вполнѣ наблюденіями М. А. Кроля надъ инородцами Забайкалья. Отъ пашенъ, на разработку которыхъ затраченъ значительный трудъ, они отличаютъ „свѣтлыя“ или „гладкія“ пашни, распаханныя безъ предварительной расчистки земли отъ лѣса, камней или кустарника. Такія „гладкія“ пашни считаются за хозяевами только

въ теченіе того времени, пока стоитъ поставленная имъ городьба, и считаются общимъ достояніемъ, какъ только городьба снята, или по прошествіи немногихъ лѣтъ. Инородцы распахиваютъ здѣсь по преимуществу наиболѣе легкія для разработки пашни: земли эти очень скоро истощаются, и на нихъ, по оставленіи въ залежь, даже трава нѣсколько лѣтъ растетъ плохо. „При такой системѣ обработки земли, говоритъ Кроль, для хозяина не имѣетъ смысла содержать городьбу въ цѣлости, пока земля отдыхаетъ; бросая пашни, онъ тотчасъ же нерѣдко убираетъ городьбу и переноситъ ее на другое мѣсто; послѣ этого связь его со старою пашнею, чаще всего окончательно прерывается, а такъ какъ за сравнительно небольшой трудъ по поднятію цѣлины онъ вознаградилъ себя достаточно, то незанятая земля естественно дѣлается свободной для захвата“ [1]).

Это *вольное пользованіе*, или *вольница*. „Фактъ пользованія,—по опредѣленію г. Кроля, не создаетъ еще никакихъ длящихся отношеній къ землѣ; пользованіе начинается съ момента начала эксплоатаціи данной земельной площади и кончается съ ея прекращеніемъ“ [2]).

Ясныя указанія на такое вольное землепользованіе найдены только у инородцевъ Забайкалья, а также у киргизъ. Въ другихъ мѣстахъ Сибири при изученіи начальнаго заселенія страны изслѣдователи всюду находятъ частную *земельную собственность*. Источникомъ ея является ничѣмъ не ограниченный, или *вольный*

---

[1]) *М. А. Кроль* „Матеріалы для изслѣдованія Забайкальской области“, вып. X, стр. 46—49; *А. А. Кауфманъ*, „Земельныя отношенія и общинные порядки въ Забайкальи“, стр. 109.

[2]) *Кауфманъ*, „Забайкалье“, стр. 131. *А. А. Кауфманъ*, принимая „вольное землепользованіе“ *Кроля*, замѣчаетъ, что „указанія на существованіе подобной формы уже ранѣе имѣлись въ литературѣ вопроса: именно, въ работѣ г. Филимонова объ общинныхъ порядкахъ въ сѣверо-западной Барабѣ“ „Матеріалы по вопросу объ эволюціи землевладѣнія“, вып. I, Пермь 1895): „Земельныя отношенія и общинные порядки въ Забайкальѣ по мѣстному изслѣдованію 1897 г.“, отд. оттискъ изъ „Спб. Сборника“. Ирк. 1900, с. 94. Въ книгѣ „Русская община“, М. 1908, с. 259—260, *Кауфманъ* замѣчаетъ, что „подъ этотъ типъ несомнѣнно подходятъ нѣкоторыя формы пользованія у киргизъ“. Указываемыя имъ наблюденія, относящіяся къ нѣкоторымъ одесскимъ общинамъ и къ вологодскимъ зырянамъ слишкомъ неопредѣленны.

захватъ. Его такъ и называютъ крестьяне „захватомъ", „заимкой", „займанщиной", „вольницей", обозначая этимъ словомъ, однако, не свободу пользованія землей, а свободу ея захвата въ собственность: „расчисти и твое", „кто бере, тотъ и оре". К. Р. Качоровскій указываетъ, что это захватное или заимочное владѣніе „не только типично для всей Восточной и большей части Западной Сибири и Средней Азіи, но встрѣчается до сихъ поръ въ замѣтныхъ размѣрахъ и по сѣверной, восточной и южной окраинахъ Европейской Россіи" [1]).

Земля, освоенная по праву захвата, представляетъ собою полную собственность лица, ее захватившаго. Это отчетливо выясняетъ М. М. Дубенскій: 1) „Участокъ лѣса, какъ бы обширенъ онъ ни былъ, захваченный подъ пашню, разъ только лѣсъ уже зачерченъ, считается во владѣніи зачертившаго, хотя бы послѣдній не разрабатывалъ его многіе годы. 2) Участокъ пашни, оставленный въ залежь, считается во владѣніи своего хозяина, и сколько бы времени онъ не лежалъ безъ обработки, захватить его никто права не имѣетъ... 3) Каждый владѣлецъ пашни можетъ распорядиться ею по своему усмотрѣнію; онъ можетъ передать ее въ чье-либо пользованіе на любой срокъ и можетъ продать ее „навѣчно", не только своимъ односельчанамъ, но и постороннимъ" [2]).

[1]) *Качоровскій*, стр. 93—95.

[2]) *Кауфманъ*, „Рус. Общ.", стр. 250.—Что захватъ является источникомъ *полной собственности*, это признаютъ всѣ изслѣдователи сибирскаго землевладѣнія. Но такъ какъ главной задачей ихъ изслѣдованій было землевладѣніе общинное, то и всѣ они, каждый по своему, затушевываютъ этотъ ясный фактъ господства частной земельной собственности. Почему? Потому что для нихъ, по откровенному признанію *А. А. Кауфмана* „весь смыслъ исторіи развитія формъ землепользованія въ Сибири заключается именно въ побѣдѣ общиннаго начала надъ личнымъ". (*Кауфманъ*, Крест. общ. въ Сибири, с. 60). Эта ихъ спеціальная задача, эта предпосылка изслѣдованія ввела ихъ въ очевидное заблужденіе. Хорошо выясняя, съ одной стороны, право захвата, какъ источника собственности, они съ другой стороны, говорятъ о какой то особой „захватной формѣ землевладѣнія" (*Кауфманъ*, ib. с. 53—60). Другіе, всячески уклоняясь отъ признанія личной собственности, привлекаютъ родъ или семью. Такъ, *Дубенскій* утверждаетъ, что „субъектомъ" этой „формы" владѣнія является „родъ", и самъ уничтожаетъ себя слѣдующимъ поясненіемъ: „*не въ томъ*, однако, смыслѣ, что данною землей владѣютъ сообща всѣ родичи, а въ томъ, что владѣніе, возникшее изъ захвата, *передается по наслѣдству* изъ рода въ родъ".—Но вѣдь такъ

Но если это такъ, если захватъ есть источникъ *собственности*, что признаютъ всѣ изслѣдователи, то возможно ли говорить о какой то особой „формѣ захватнаго землевладѣнія“? Если первый заимщикъ имѣетъ право, какъ собственникъ, передать свою заимку по наслѣдству или ее продать, то, очевидно, уже во второмъ поколѣніи, послѣ первыхъ насельниковъ края, многіе будутъ владѣть землею не по праву захвата, а одни по праву наслѣдства, другіе по праву купли-продажи. Въ третьемъ поколѣніи, чрезъ какихъ-нибудь 50 лѣтъ, число лицъ, владѣющихъ землею, какъ наслѣд-

---

передается по наслѣдству всякая собственность! *К. Р. Качоровскій* вмѣсто рода беретъ семью, и выводитъ изъ права захвата „*семейно*-захватное владѣніе“, какъ особую форму землевладѣнія. Насколько искусственно сюда, вмѣсто „рода“ г. *Дубенскаго*, привлечена „семья“, это видно изъ слѣдующаго разсужденія г. *Качоровскаго*: „Заимщикъ, поселившійся вдали отъ селенія и представляющій нѣчто въ родѣ Робинзона на необитаемомъ островкѣ уютнаго мѣстоположенія и удобныхъ угодій, среди тайги или степи, безъ сомнѣнія, называетъ всю окрестъ лежащую землю: *моя* земля, *моя* заимка. *Затѣмъ, когда семья этого перваго заимщика разростется или когда къ ней приселятся* другія семьи..., тогда на вопросъ чужого человѣка: чья эта земля? каждый изъ хозяевъ отвѣтитъ *наша*“; отсюда—*семейно*-захватное владѣніе. Но если захватъ создаетъ собственность, которая передается по наслѣдству и дѣлится между наслѣдниками, то почему же каждый изъ наслѣдниковъ, какъ ихъ отецъ или дядя, первый заимщикъ, получившій свою долю наслѣдства, не скажетъ: это *моя* земля? И что бы онъ ни сказалъ о своей землѣ, семейная она собственность или личная, во всякомъ случаѣ до того момента, „когда семья этого перваго заимщика разростется“, и т. д. мы имѣемъ возникающую изъ захвата *личную* частную собственность, и ничего болѣе, и раньше „семейно-захватной формы“ должны поставить „лично-захватную форму“, если уже говорить о формахъ землевладѣнія. Какъ неточно все это разсужденіе *К. Р. Качоровскаго*, свидѣтельствуютъ еще слѣдующія его опредѣленія: „гдѣ каждая семья обрабатываетъ землю отдѣльно для себя одной, тамъ значитъ при отсутствіи границъ *и владѣніе ею личное, семейное*“ (с. 86) или „*личное право* семейно-захватнаго владѣнія“ (с. 99). Тутъ лицо совершенно отождествляется съ семьей. Если такъ, то и семейно-захватное владѣніе тождественно съ лично-захватнымъ?

Всячески уклоняясь отъ признанія, что захватъ создаетъ собственность, изслѣдователи стремятся провести грань между владѣніемъ по праву собственности и захватнымъ владѣніемъ. *Г. Дубенскій* признаетъ только, что „подворно-наслѣдственное владѣніе по содержанію своему вполнѣ *аналогично* захватно-родовому“. *Г. Кауфманъ* говоритъ не объ аналогіи, а о *сходствѣ*: „сходное съ правомъ собственности по своимъ основаніямъ, *заимочное право сходно* съ нимъ и по своимъ проявленіямъ“. *Г. Качоровскій* го-

ственной или пріобрѣтенной собственностью, еще болѣе увеличится. Все это будутъ собственники, рядомъ съ собственниками же, новыми заимщиками. Что же значатъ при этихъ условіяхъ слова „захватная форма землевладѣнія“? Такой особой формы землевладѣнія нѣтъ, а есть только владѣніе землей какъ собственностью, по праву перваго захвата, такъ же, какъ по праву наслѣдства, покупки, мѣны и такъ далѣе.

§ 28. Ограниченный захватъ и отрѣзки.

Разсуждая о развитіи формъ землевладѣнія, изучаемые изслѣдователи нерѣдко ставятъ въ началѣ развитія одинокаго поселенца въ „дикомъ полѣ“ или въ глуши тайги, являющагося „своего рода Робинзономъ на необитаемомъ клочкѣ земли“ [1]). Но Робинзонъ вообще мало пригоденъ въ вопросахъ соціологіи, потому что человѣкъ есть „животное общественное“ (ζῶον πολιτικόν). И одинокій поселенецъ не типиченъ для изучаемой эпохи начальной колонизаціи страны. Подселеніе постороннихъ лицъ охотно допускается первоначальными заимщиками, потому что одинокая жизнь представляетъ существенное неудобство, а въ тайгѣ нерѣдко оказывается „не безопасной“ [2]). Первые поселенцы должны были идти группами, тѣми или иными союзами, кровными или искусственными, „родами“ или „ватагами“. Это обусловливалось прежде всего необходимостью защиты.

Отъ такого разселенія ватагами и ведетъ свое начало та

воритъ, что „по объему личное право семейно-захватнаго владѣнія *врядъ-ли въ чемъ-либо уступаетъ* обыкновенной личной собственности“. Не находя различія по объему права, г. *Качоровскій* ищетъ „рѣзкаго отличія“ въ „основаніяхъ“ захватнаго права и находитъ здѣсь „нѣкоторыя своеобразныя черты, достаточно рѣзко отличающія его отъ чисто личной собственности“.

Каковы же эти основанія захватнаго владѣнія? „Главнымъ изъ этихъ основаній представляется мнѣ *трудъ*—говоритъ *Качоровскій*; но несомнѣнно имѣютъ замѣтное значеніе также захватъ и давность“ (с. 103). Ср. возраженія *А. А. Кауфмана*, „Рус. общ.“, стр. 250—257.

[1]) *Кауфманъ*, „Рус. Общ.“, стр. 245. *Качоровскій*, стр. 87.

[2]) *Кауфманъ*, „Сиб. Община“, стр. 49. Ср. *Л. Ивановъ*, „Поземельные союзы и передѣлы“, „Древности, Тр. археогр. ком. Моск. Ар. общест.“ II, в. 2. стр. 200.

власть союза лицъ на территоріи, территоріальная власть, которую я выяснилъ выше, какъ одинъ изъ элементовъ волостной общины.

Отдѣльные члены союза, домохозяева, занимали по праву вольнаго захвата каждый въ свою собственность обширную площадь земли. Крестьяне и теперь еще въ Сибири захватываютъ очень большіе участки; при залежномъ хозяйствѣ они распахиваютъ нѣсколько пашенъ одну за другой, но брошенныя въ залежь пашни остаются въ ихъ собственности: довольно разъ выкосить лугъ, чтобы навсегда пріобрѣсти на него права. Кромѣ такого дѣйствительнаго захвата въ пользованіе, право собственности создается и символическимъ захватомъ, символическимъ „опахиваніемъ“ луга или „зачерчиваньемъ“ лѣса: въ Сибири, „захватывая лѣсную землю, крестьянинъ, говоритъ А. А. Кауфманъ, сначала лишь „зачерчиваетъ“ деревья, т.-е. снимаетъ съ нихъ кольцомъ кору, или даже только дѣлаетъ на нихъ зарубки въ знакъ завладѣнія землею...; такой „чертежъ“ сразу поступаетъ въ исключительное владѣніе зачертившаго, и никто другой не имѣетъ права приступать къ его расчисткѣ, хотя бы чертежъ цѣлые десятки лѣтъ оставался безъ дальнѣйшей обработки“ [1]). При захватѣ пашни проводятъ кругомъ борозду (захватные „склады“—отвороченные сохою пласты земли) [2]).

Большіе участки, освоенные домохозяевами, всѣ вмѣстѣ составляли очень обширную площадь. Личныя связи домохозяевъ, кровнаго или искусственнаго союза, переносились и на ихъ земли. Эти земли связывались въ одно цѣлое, въ территорію союза-общины. Кромѣ земель, освоенныхъ отдѣльными хозяевами, въ территорію эту включалось и много незанятыхъ земель. Въ нее включались всѣ незанятыя земли внутри круга поселковъ, починковъ съ принадлежащими имъ пашнями и покосами; лѣсъ, въ которомъ двое или трое зачертили себѣ засѣки, считался весь уже принадлежащимъ союзу; и все озерко, на которомъ поселился одинъ, занявъ часть его береговъ, считалось все принадлежащимъ союзу.

Эта высшая территоріальная власть союза, общины или міра,

[1]) *Кауфманъ*, „Русская Община“, стр. 298.
[2]) *Качоровскій*, стр. 123.

лежащая надъ правомъ частной собственности, съ теченіемъ времени все усиливается. Сначала она ничѣмъ не стѣсняетъ частныхъ собственниковъ въ ихъ наслѣдственныхъ правахъ на земли и въ ихъ новыхъ заимкахъ по праву вольнаго захвата. Затѣмъ, во имя общаго блага союза, она ограничиваетъ это право захвата, усиливаясь въ отношеніи незанятыхъ земель, а на слѣдующей ступени развитія налагаетъ нѣкоторое ограниченіе и на занятыя земли, посягая на право собственности. Изъ этихъ ограниченій сначала захвата, затѣмъ собственности и выростаетъ высшее ограниченіе собственности, проявляющееся въ общемъ передѣлѣ земель. Эти важные моменты: ограниченіе захвата и ограниченіе собственности прекрасно выяснили изслѣдователи общины въ Россіи и Сибири, и даютъ новое болѣе глубокое объясненіе происхожденія общинно-уравнительнаго землевладѣнія.

Вольный захватъ смѣняется *захватомъ ограниченнымъ*[1]). Міръ ограничиваетъ право вольной заимки, захвата свободныхъ земель въ предѣлахъ территоріи общины. Эти ограниченія отчетливо выяснены изслѣдователями Сибири 1887—1892 гг., потому что тамъ въ большей части края они застали въ полномъ разгарѣ борьбу между вольнымъ и ограниченнымъ захватомъ.

Ограниченія эти вызываются той же причиной, какъ и позднѣйшіе передѣлы, утѣсненіемъ, хотя, конечно, въ иной, очень слабой степени, въ видѣ не безземелья, а только нѣкотораго сокращенія простора для заимокъ.

Ограниченія эти касаются прежде всего символическаго захвата, зачерчиванія и опахиванія. Когда зачертившій участокъ лѣса долго не приступаетъ къ расчисткѣ, онъ теряетъ право на свой „чертежъ“. Въ нѣкоторыхъ общинахъ устанавливаются даже опредѣленные сроки, послѣ которыхъ зачертившій лѣсъ и не приступившій къ его разработкѣ, теряетъ на него право, въ 15—

[1]) Этотъ терминъ, найденный *М. А. Кролемъ*, выработанъ въ сущности коллективнымъ трудомъ изслѣдователей. *А. А. Кауфманъ* и *Дубенскій*, опредѣливъ впервые сущность явленія, говорили не о чистомъ и ограниченномъ захватѣ, а о „чисто-захватной“ и „захватно-общинной“ формахъ владѣнія. *Г. Качоровскій*, тѣ же явленія обозначаетъ терминомъ „неограниченное и ограниченное семейно-захватное владѣніе“.—Предлагаю маленькую поправку къ терминамъ *М. А. Кроля „вольный* захватъ“ вмѣсто „чистый захватъ“, въ параллель его „*вольному* пользованію“.

10 лѣтъ; сроки эти сокращаются до 5, 4, 3 лѣтъ, и, наконецъ, совсѣмъ исчезаютъ; „на зачерчиваніе уже не глядятъ“ и смѣло въѣзжаютъ въ чужой чертежъ [1]).

Затѣмъ возникаютъ ограниченія собственности и не на символическій, а на дѣйствительный захватъ, на угодья, взятыя въ пользованіе. Права собственности на такія угодья ограничиваются извѣстнымъ срокомъ, а затѣмъ и вовсе отрицаются, если захватившій перестаетъ ими пользоваться. Это относится, главнымъ образомъ, къ пашнямъ, оставленнымъ „въ залежь“. Исключительное право на распашку отдохнувшихъ залежей ограничивается опредѣленнымъ срокомъ въ 20 или 15 лѣтъ, и этотъ срокъ постепенно сокращается [2]).

При ограниченіи права захвата на пашни, различаются пашни, потребовавшія предварительной затраты труда на ихъ разработку, въ видѣ корчеванія лѣса, напримѣръ, отъ пашенъ легко доступныхъ для обработки. Собственность, по праву захвата, на степныя пашни, не требующія предварительной расчистки, „свѣтлыя пашни“ Забакалья, отрицается вовсе, и признается право собственности только на земли, расчищенныя изъ-подъ лѣса [3]). Здѣсь, такимъ образомъ, вмѣсто права захвата основаніемъ собственности признается только право труда, право, основывающееся на затратѣ труда („чья рожь, того и земля“).

Дальнѣйшій шагъ на этомъ пути—совершенное отрицаніе права захвата. Для завладѣнія участкомъ требуется санкція общины, это такъ называемыя общинные *отводы*. Такъ же, какъ раньше право захвата, отводъ даетъ право собственности; участки отводятся по мірскимъ приговорамъ „въ потомственное владѣніе отнынѣ и навсегда“, „которымъ мѣстомъ онъ и его наслѣдники имѣютъ право владѣть, какъ своею собственностью“ [4]).

---

[1]) *Кауфманъ*, „Рус. Общ.“, стр. 298—299.

[2]) Срокъ владѣнія залежами, по словамъ *А. А. Кауфмана*, сокращается, и до 3 лѣтъ и до одного года; „въ концѣ концовъ исчезаютъ всѣ сроки, и пашня становится свободной для захвата, лишь только хозяинъ оставилъ ее безъ обработки“ (с. 300). Это уже не ограниченный захватъ, а отрицаніе захвата, это уже вольное землепользованіе.

[3]) Здѣсь, слѣдовательно, возникаетъ при другихъ условіяхъ тоже вольное землепользованіе.

[4]) *Качоровскій*, стр. 132.

При всѣхъ этихъ ограниченіяхъ захвата власть міра проявляется только въ отношеніи „ничьихъ", то-есть никѣмъ не освоенныхъ, или „мірскихъ" земель. Община отводитъ земли пустыя, или вымочныя (безродныя), но отводитъ имъ въ собственность. Это все еще ограниченія только права захвата, этого источника собственности, но не самой собственности, не правъ на наслѣдственные или купленные участки. Ограниченіе захвата свидѣтельствуетъ только объ усиленіи территоріальной власти міра.

Слѣдующая ступень—ограниченіе собственности. Въ трудахъ изслѣдователей общины эта ступень не выдѣляется, сливаясь съ ограниченнымъ захватомъ. Она, можетъ быть, не такъ рѣзко выдѣляется и въ самомъ сознаніи крестьянъ, какъ одинъ изъ моментовъ растущей власти міра. Но съ точки зрѣнія права оно представляется, какъ рѣзкая грань между господствомъ полной, неограниченной собственности и собственности, ограниченной властью міра. Это важнѣйшій моментъ происхожденія общинно-передѣльнаго землевладѣнія. Эти ограниченія земельной собственности, все увеличиваясь, приводятъ къ тому ея отрицанію, которое выражается въ уравнительномъ пользованіи, а не владѣніи землею.

На этой стадіи развитія, обусловливаемой уже значительнымъ утѣсненіемъ, возникаютъ: 1) ограниченія права распоряженія участками земли, 2) отрѣзки земли, частныя поравненія, т.-е. частичная экспропріація.

Въ Иркутской губерніи, напримѣръ, какъ говоритъ г. Качоровскій (по описаніямъ г. Личкова), „міръ послѣдовательно и постепенно ограничиваетъ разными условіями сначала право завѣщанія, потомъ продажи и, наконецъ, аренды: завѣщать, напримѣръ, міръ дозволяетъ лишь въ пользу своихъ членовъ, а въ пользу лицъ постороннихъ или вовсе запрещаетъ, или дозволяетъ лишь при отсутствіи наслѣдниковъ, или, наконецъ, при условіи своевременнаго на то согласія міра; для продажи тоже требуется согласіе общества или вообще міръ запрещаетъ продажу лицамъ постороннимъ" [1]).

Второе и болѣе сильное ограниченіе собственности составляютъ *отрѣзки* земли отъ одного собственника въ пользу другого [2]).

[1]) Русская Община", стр. 139.

[2]) Эти отрѣзки изслѣдователи называютъ *отрѣзками-отводами*, такъ какъ земля, отрѣзанная отъ одного, отводится другому. И этой терми-

Представляя собою, съ точки зрѣнія права, рѣзкій переломъ, они возникаютъ въ дѣйствительности мало замѣтно. Распространяются они, какъ говоритъ г. Кауфманъ, „медленно и съ большой постепенностью“. „Дѣло начинается съ отдѣльныхъ отрѣзокъ отъ тѣхъ, у кого земли слишкомъ много и отводовъ тѣмъ, у кого земли явно недостаточно или чаще—совершенно безземельнымъ“ [1]). „Во всѣхъ этихъ случаяхъ, замѣчаетъ г. Качоровскій, фигурируютъ два мотива: съ одной стороны, особенно острая нужда въ данномъ участкѣ, за невозможностью найти подходящій свободный участокъ, для того, кому отводятъ, и съ другой—сравнительная ненужность этого участка фактическому его владѣльцу“ [2]).

Отъ этихъ отрѣзковъ, иначе частичныхъ поравненій, уже не-

нологіей сближаютъ рѣзко различные порядки: отводъ земли ничьей или выморочной и отрѣзокъ земли отъ собственника. Въ виду этого для случаевъ перваго рода надо бы усвоить терминъ *отводъ*, для случаевъ второго рода — *отрѣзки*. *К. Р. Качоровскій* признаетъ рѣзкое отличіе отрѣзокъ отъ отводовъ: „Отводъ земли отъ однихъ хозяевъ другимъ представляетъ уже извѣстное *перераспредѣленіе* земли, т.-е. несомнѣнно является грубой зачаточной формой общинно-предѣльнаго землевладѣнія“. Онъ признаетъ, что „этотъ моментъ—такъ *существенно отличается* отъ предыдущихъ тѣмъ, что при немъ община прямо отбираетъ часть участка (почти никогда цѣлый) занищика, и тѣмъ и формально и по существу уничтожаетъ семейно-захватное владѣніе въ его принципѣ и проявленіи“ (с. 135). И тѣмъ не менѣе онъ тѣсно сближаетъ терминологически и теоретически эти отрѣзки съ отводами, онъ видитъ въ нихъ 4-ю ступень отводовъ, и наравнѣ съ отводами, „совершенно отличающимися“ отъ отрѣзокъ „формально и по существу“ вводитъ ихъ въ одну стадію „общинно-отводнаго владѣнія“. Онъ замѣчаетъ, что ступень отрѣзковъ „наступаетъ *по внѣшности* легко и мягко“. Но это же не резонъ для объединенія въ одно учрежденій, разныхъ по существу. *А. А. Кауфманъ* устанавливаетъ „постепенный переходъ отъ *ограниченнаго захвата* къ формѣ *общинно-уравнительной* или душевой, черезъ промежуточную форму *отводовъ*“. Въ одну форму (форму землевладѣнія?) объединяетъ онъ тѣ же, такъ же какъ Качоровскій, различные порядки, коренное различіе которыхъ самъ признаетъ. „Отводы, говоритъ онъ, имѣютъ двоякій характеръ“: 1) „*отводы земель никѣмъ не занятыхъ*“, 2) „отводы-отрѣзки, носящіе уже характеръ *частнаго поравненія*“ (курсивъ автора). При этомъ онъ замѣчаетъ, что „отводы перваго рода задолго предшествуютъ вторымъ“ („Р. Общ.“ с. 307—308). Коренное, такимъ образомъ, различіе „характера“ и сильное различіе во времени. Какъ же возможно при этихъ условіяхъ отводы и отрѣзки объединить въ одну „форму“?

[1]) „Русск. община“, стр. 309.

[2]) *Качоровскій*, стр. 135.

труденъ переходъ и къ общему поравненію или передѣлу. „Дѣйствіе послѣдовательныхъ отрѣзокъ, говоритъ г. Кауфманъ, можетъ быть уподоблено работѣ струга, который сначала срѣзываетъ только наиболѣе значительныя неровности, затѣмъ начинаетъ захватывать и болѣе мелкія и постепенно превращаетъ неровную поверхность въ совершенно гладкую... Постепенно, безъ рѣзкаго скачка устраняется всякій явный, бросающійся въ глаза избытокъ или недостатокъ въ землѣ. Производство правильнаго передѣла тогда является только вопросомъ времени“ [1]).

Эти наблюденія надъ формами землевладѣнія, предшествующими появленію общинно-уравнительнаго землепользованія, по живой исторіи общины, сходятся съ данными нашихъ историческихъ источниковъ.

Въ древнѣйшее время, въ Кіевской Руси, очень можетъ быть, существовало вольное землепользованіе. Но не вездѣ, а только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, гдѣ былъ не одинъ земельный просторъ, но и земля удобная для пашни безъ предварительной расчистки. Такихъ земель, не говоря о сѣверѣ, и на югѣ было въ древнѣйшую эпоху очень мало. Раіонъ лѣсовъ тогда шелъ къ югу несравненно дальше, чѣмъ теперь. При составленіи Начальной лѣтописи еще помнили, что раньше около города Кіева „бяше лѣсъ и боръ великъ“. Въ то время лѣса были не только на правомъ берегу Днѣпра и его правыхъ притокахъ, гдѣ жили древляне, но и на лѣвыхъ его притокахъ, въ позднѣйшей Черниговской области, по р. Деснѣ, гдѣ жили сѣверяне „въ лѣсѣхъ“, по замѣчанію лѣтописца, такъ же, какъ радимичи и вятичи. Въ этихъ лѣсныхъ раіонахъ, гдѣ пашню нельзя бросать съ легкимъ сердцемъ для другого, потому что на расчистку ея затраченъ большой трудъ, должна была рано утвердиться земельная собственность. На существованіе ея указываетъ Русская Правда, назначающая 12 гривенъ „иже межу переоретъ“.

На югѣ и на сѣверѣ долгое время долженъ былъ первоначально преобладать *вольный захватъ*, потому что свободныхъ земель было много [2]). На такой вольный захватъ указываетъ старинное обоснованіе собственности: „куда топоръ, коса и соха ходили“.

[1]) *Кауфманъ*, „Сибирская община“, стр. 85 и „Русская община“ стр. 310.

[2]) Между различными областями древней Руси, конечно, различіе въ господствующихъ формахъ землевладѣнія должно было быть очень велико, какъ велико оно и теперь, когда на окраинахъ сохраняются начальныя

Но въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ сгущалось населеніе, должны были рано появиться ограниченія захвата властью міра. Такой *ограниченный захватъ* находимъ мы въ бѣлозерскихъ волостяхъ XV вѣка. Здѣсь свободныя земли могутъ быть заняты только съ разрѣшенія волостной общины; свободные участки лѣса крестьянамъ „даетъ волость, староста со крестьяны". Здѣсь, слѣдовательно, въ XV вѣкѣ существуютъ тѣ самые общинные *отводы* земли, которые наблюдаются понынѣ въ Сибири.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, въ центральной области, наблюдаются въ XV вѣкѣ и передѣлы земли. О нихъ — въ слѣдующемъ параграфѣ.

II. Общинное землевладѣніе.

§ 29. [Возникновеніе общинно-передѣльнаго землевладѣнія].

Очень позднее возникновеніе этой формы землевладѣнія во многихъ областяхъ Россіи и Сибири доказывается точными свѣдѣніями о времени производства первыхъ передѣловъ.

Въ Сибири и на окраинахъ Россіи они появляются впервые въ XIX вѣкѣ.

Въ Сибири (въ губерніяхъ Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской), передѣлы распространились совсѣмъ недавно, въ 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія [1]). Толчекъ „волнѣ передѣловъ", прошедшей по этимъ губерніямъ, данъ былъ сенатскимъ указомъ 5 октября 1884 года. Мы имѣемъ объ этомъ точныя свѣдѣнія, собранныя изслѣдователями на мѣстахъ въ 1886—1892 годахъ.

До возникновенія въ этихъ губерніяхъ общинно-передѣльнаго землевладѣнія прошло, такимъ образомъ, со времени перваго заселенія Сибири, гдѣ 200, гдѣ 250 и болѣе лѣтъ [2]). Въ Туринскомъ округѣ, напримѣръ, гдѣ передѣлы возникли вслѣдъ за 1885 го-

стадіи вольнаго и ограниченнаго захвата, а въ центрѣ господствуетъ уравнительное землевладѣніе.

[1]) Бывали они и раньше, см. *Кауфмана*, „Сибир. общ.", стр. 67.

[2]) Начало колонизаціи слѣдовало за постройкой крѣпостей-остроговъ, зародышей нынѣшнихъ городовъ. Въ предѣлахъ Тобольской губерніи главные остроги построены въ концѣ XVI вѣка, до 1600 года; въ Томской губерніи въ 1600—1620 годахъ; въ Енисейской въ 1620—1640 годахъ и въ Иркутской въ 1640—1660 годахъ.

домъ, первые поселенцы наши пахали и сѣно косили, „на дикихъ поляхъ, на пустыхъ мѣстахъ“, въ иныхъ мѣстахъ въ 1626 году, какъ въ Усть-Ницынской слободѣ, въ другихъ и раньше [1]).

На южной окраинѣ Россіи, въ губерніи Таврической передѣлы распространялись также очень недавно, въ 40-хъ годахъ XIX вѣка. Здѣсь, однако, отъ перваго заселенія края ихъ отдѣляетъ значительно меньшій промежутокъ времени, чѣмъ въ Сибири, конечно, потому, что здѣсь гораздо скорѣе наступило земельное утѣсненіе. Систематическая колонизація Таврической губерніи „могла начаться, какъ замѣчаетъ В. В., только со времени покоренія Крыма, въ 1783 году; раньше этого времени здѣсь кочевали ногайцы, а русскіе проникали на время для занятія рыболовствомъ“. Передѣлы же распространяются здѣсь лѣтъ черезъ шестьдесятъ, съ 40-хъ годовъ прошлаго столѣтія. Въ трехъ сѣверныхъ уѣздахъ Таврической губерніи (внѣ Крыма, уѣзды Бердянскій, Мелитопольскій, Днѣпровскій) первые передѣлы произведены были еще въ 20-хъ и 30-хъ годахъ, но въ очень немногихъ, всего въ 5-ти, общинахъ. Они широко распространяются въ 40-хъ годахъ и особенно въ 50-хъ и 60-хъ годахъ,—охватывая 141 общину. Въ той же постепенности распространяются передѣлы въ примыкающей къ Таврической губерніи Екатеринославской. Первые передѣлы появляются здѣсь съ начала XIX вѣка, нѣсколько раньше, чѣмъ въ губерніи Таврической, при чемъ здѣсь „сообразно времени заселенія края, какъ замѣчаетъ В. В., передѣлы раньше начались въ сѣверо-западныхъ уѣздахъ и позже въ юго-восточныхъ“. Но широкое распространеніе передѣлы, въ губерніи Екатеринославской, такъ же, какъ въ Таврической, получаютъ съ половины XIX столѣтія, и въ нѣкоторыхъ общинахъ впервые производятся не такъ давно, въ 70-хъ и 80-хъ годахъ.

При совершенно другихъ условіяхъ хозяйства и черезъ много столѣтій послѣ заселенія края первые передѣлы возникли, такъ же, какъ на южной окраинѣ, только въ XIX столѣтіи и на сѣверѣ

[1]) „Какъ де они поселены... въ Ницынской слободѣ [тому] девятнадцать годовъ“. Отписка воеводы 1645 года, А. Ист. т. IV, № 5. Р. Ница, притокъ р. Туры. „Ирбитская слобода“ заселена въ 1631 году, тоже на р. Ницѣ, по Верхотурскаго уѣзда. *Е. Е. Замысловскій*, „Объясненія къ историческому атласу“, стр. 90—91.

Россіи, въ губерніи Архангельской и въ нѣкоторыхъ другихъ сѣверныхъ губерніяхъ.

Въ Архангельской губерніи на земляхъ государственныхъ черносошныхъ (иначе казенныхъ) крестьянъ, какъ выяснила А. Я. Ефименко, передѣлы были произведены впервые вслѣдствіе Высочайшаго указа 1831 года. Раньше крестьяне владѣли здѣсь землею на правѣ собственности, и среди нихъ распространено было также долевое землепользованіе, основанное на томъ же правѣ собственности, какъ мы выяснимъ это ниже. Указъ 1831 года категорически предписалъ „уравнять по Архангельской губерніи земли между крестьянами". Передѣлы земли, произведенные въ силу этого указа во множествѣ волостей, названы были крестьянами „генеральнымъ поравненіемъ". Такъ какъ здѣсь, на сѣверѣ, передѣлы раньше не производились, и очень распространена была купля-продажа земель, то крестьяне „имѣли владѣніе почти повсюду неуравнительное, въ одномъ и томъ же селеніи—одни болѣе, другіе менѣе" [1]); здѣсь было немало крестьянъ, владѣнія которыхъ во много разъ превосходили нормальный крестьянскій участокъ, равняясь цѣлому помѣстью; многими тяглыми волостными землями владѣли здѣсь купцы и чиновники, посадскіе и приказные люди, присвоившіе себѣ привилегію не участвовать въ мірскомъ тяглѣ. Указъ 1831 г. потребовалъ уравненія всѣхъ этихъ земель безъ изъятія. Это генеральное поравненіе было, такимъ образомъ, настоящимъ черпымъ передѣломъ. Оно было исполнено въ 30-хъ годахъ, хотя и съ большими затрудненіями. Передѣлы земли всегда проходятъ негладко, даже въ тѣхъ общинахъ, которыя къ нимъ привыкли, и нерѣдко сопровождаются столкновеніями, когда они производятся черезъ 20 — 30 лѣтъ, и богатые начинаютъ противиться экспропріаціи ихъ несоразмѣрно крупныхъ участковъ. Но въ Архангельской губерніи генеральное поравненіе вызвало, естественно, еще больше столкновеній. „Замѣшательства по дѣламъ о землѣ — говоритъ Ефименко — выходили безконечные... Столкновеній между отдѣльными крестьянами, столкновеній, часто рѣшавшихся коліемъ и дреколіемъ, нѣсть числа" [2]). Выборные одной волости докладывали начальству, что

[1]) *А. Я. Ефименко*, „Изслѣд. народной жизни", стр. 345.
[2]) Тамъ же, стр. 349.

они „въ теченіе осенняго времени чинили было о раздѣлѣ земель одиннадцать мірскихъ сходокъ, но превратить къ законному раздѣлу крестьянъ не могли“ [1]).

Нѣсколько раньше этого генеральнаго поравненія земель *государственныхъ* крестьянъ, а именно въ 1812 — 1818 годахъ произведены были въ той же Архангельской губерніи передѣлы земель крестьянъ *удѣльныхъ*, которыхъ было здѣсь свыше 20.000 душъ. Эти передѣлы также вызвали много недоразумѣній и споровъ между крестьянами, и департаментъ удѣловъ съ трудомъ приводилъ ихъ къ соглашенію [2]).

Такъ же точно, какъ въ Архангельской губерніи, первые передѣлы произведены были очень поздно, не раньше конца XVIII вѣка и главнымъ образомъ съ начала XIX вѣка, надо полагать, и въ другихъ сѣверныхъ губерніяхъ, въ тѣхъ частяхъ ихъ, въ которыхъ хозяйственныя условія одинаковы съ Архангельской губерніей.

Свѣдѣнія о началѣ передѣловъ на всемъ сѣверѣ, въ губерніяхъ Олонецкой, Вологодской, Пермской и Вятской еще не собраны полностью. Но данныя относительно удѣльныхъ крестьянъ губерній Вологодской и Пермской, собранныя В. П. Воронцовымъ (В. В.), рисуютъ ту же картину возникновенія передѣловъ на земляхъ крестьянъ собственниковъ въ началѣ XIX вѣка, что́ и въ губерніи Архангельской. Первые мірскіе приговоры о поравненіи земель сдѣланы были въ нѣсколькихъ волостяхъ Вологодской губерніи еще въ 1795—1797 гг. и въ слѣдующіе годы. Но эти приговоры вызваны были настойчивыми предписаніями удѣльнаго начальства, и земли, большею частью, были уравнены только на бумагѣ. Такъ было несомнѣнно въ нѣкоторыхъ волостяхъ, гдѣ сами крестьяне писали, что они только постановляли приговоры, но дѣйствительнаго уравненія не производили. Одинъ изъ волостныхъ старостъ, подчиняясь давленію начальства, заставлялъ крестьянъ насильно подписываться подъ приговоромъ, и несогласныхъ „билъ и сажалъ на цѣпь“. Затрудненіе здѣсь такъ же, какъ въ Архангельской губерніи, состояло въ томъ, что крестьяне были собственниками, и тѣ изъ нихъ, кому приходилось при передѣлѣ поступиться своей землей, никакъ не соглашались на это, и жаловались удѣльному начальству, что старосты заставляютъ ихъ „отдать въ надѣлъ

[1]) *А. Я. Ефименко*, стр. 347.
[2]) *В. В.*, стр. 50—58.

другимъ крестьянамъ печищныя и причистныя земли и сѣнные покосы, состоящіе, изъ древнихъ лѣтъ, какъ за предками ихними, такъ и за ними самими въ безспорномъ владѣніи, и вновь расчищенныя собственнымъ ихъ капиталомъ и трудами" (Верхотоемская волость, 1801 года). Послѣ этихъ первыхъ опытовъ, дѣйствительное и повсемѣстное уравненіе земель удѣльныхъ крестьянъ въ Вологодской губерніи произведено было въ 1812 — 1817 годахъ.

На земляхъ удѣльныхъ крестьянъ въ губерніи Пермской (8.000 душъ) первые передѣлы произведены были позже, въ 1830 году. Но здѣсь они прошли безъ особыхъ затрудненій, что̀ даетъ основаніе г. В. В. думать, что здѣсь „движеніе въ пользу уравнительнаго раздѣла земель" „самостоятельно" возникло среди удѣльныхъ крестьянъ и не было преждевременно вызвано настояніями администраціи.

Еще позже должны были возникнуть передѣлы въ губерніи Вятской, гдѣ, по замѣчанію того же автора, „еще въ первой половинѣ XIX вѣка продолжался процессъ колонизаціи и распространенія земледѣльческой культуры на новыя пространства, отвоевываемыя у лѣса".

Такъ же, какъ на сѣверѣ *и на восточной окраинѣ*, въ губерніяхъ Уфимской, Оренбургской, Саратовской, передѣлы должны были возникнуть, соотвѣтственно мѣстнымъ хозяйственнымъ условіямъ, поздно, въ XIX вѣкѣ. Изъ того же изслѣдованія В. В. видно, что на удѣльныхъ земляхъ въ губерніяхъ Уфимской и Оренбургской передѣлы въ 50-ти селеніяхъ произведены были впервые еще позже, чѣмъ на сѣверѣ, въ 40-хъ и 50-хъ годахъ прошлаго столѣтія.

Итакъ, въ Сибири и на окраинахъ Россіи, на сѣверѣ такъ же, какъ на югѣ и востокѣ, общинно-передѣльное землевладѣніе слагается впервые въ XIX вѣкѣ. Всюду здѣсь оно появляется черезъ сотню, двѣсти, триста и много больше лѣтъ послѣ начала колонизаціи страны, въ зависимости отъ того, когда наступаетъ земельное утѣсненіе. Изъ этого ясно, что общинно-передѣльное землевладѣніе не представляетъ собою нѣкоей исконной формы землевладѣнія, какъ неправильно думали раньше.

Въ центральной Россіи передѣлы начались за нѣсколько столѣтій раньше, чѣмъ на окраинахъ. Они широко распространены здѣсь въ XVIII и XVII вѣкахъ [1]); мы имѣемъ о нихъ много

[1]) Объ общемъ передѣлѣ земель въ XVII вѣкѣ *Н. Куплевасскій* при-

извѣстій изъ XVI-го вѣка, а древнѣйшее извѣстіе восходитъ къ 1500-му году. Но эта почтенная древность передѣловъ въ центральной Россіи все-таки не даетъ основаній полагать, что они здѣсь были искони. Исторія передѣловъ на окраинахъ исключаетъ возможность такого заключенія. Въ центральной Россіи въ древнѣйшее время былъ періодъ, когда хозяйственныя условія заселенія страны были одинаковы или сходны съ условіями колонизаціи Сибири, юга или востока въ послѣднія три столѣтія. Въ ней тоже былъ періодъ, когда болѣе или менѣе долго не могло быть и рѣчи о какомъ-либо земельномъ утѣсненіи—необходимомъ условіи возникновенія передѣловъ.

И если въ московскомъ княжествѣ передѣлы несомнѣнно существовали уже въ XV вѣкѣ, и если они, какъ можно предположить, существовали въ видѣ рѣдкихъ начатковъ здѣсь и въ XIV вѣкѣ, то отодвигать ихъ возникновеніе дальше къ XIII-му вѣку уже очень трудно, если принять во вниманіе рѣшающія условія колонизаціи. Въ этомъ XIII-мъ столѣтіи московское княжество только что еще заселялось, и сама Москва была до начала этого столѣтія окраиннымъ пунктомъ сѣверо-восточной Руси [1]). Если въ этомъ XIII-мъ столѣтіи и могла проявиться гдѣ-нибудь скученность населенія, около старыхъ городовъ Ростова и Суздаля, то такое утѣсненіе совершенно парализовалось обиліемъ свободныхъ земель по близости.

То же самое надо сказать и о южной Руси древнѣйшаго Кіевскаго періода. Нашего общинно-уравнительнаго землепользованія, конечно, не было въ Кіевской верви XI вѣка.

§ 30. [Вліяніе правительственныхъ мѣропріятій на возникновеніе передѣловъ].

Почти во всѣхъ указанныхъ мѣстностяхъ первые передѣлы появляются подъ болѣе или менѣе сильнымъ воздѣйствіемъ правительства.

водитъ только два свидѣтельства, найденное *Н. Калачевымъ* и изъ актовъ гор. Шуи, по „Исторіи Россіи“ *Соловьева* (с. 12, 13). Рядомъ съ этимъ онъ отмѣчаетъ „частныя освобожденія обезсилѣвшихъ семействъ отъ излишняго бремени“ по примѣрамъ, приведеннымъ *Бѣляевымъ* и *Забѣлинымъ* (с. 11—12). *Н. Куплевасскій*, „Сост. сельской общины въ XVII вѣкѣ“, Кіевъ, 1877.

[1]) *С. Ѳ Платоновъ*, Лекціи I, с. 127—128.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ это воздѣйствіе правительства является даже главной причиной возникновенія передѣловъ. Такъ было въ Архангельской губерніи, гдѣ указъ о генеральномъ поравненіи явился, по выраженію А. Я. Ефименко, какъ бы „декретомъ конвента", гдѣ населеніе явно не было къ нему подготовлено, и гдѣ поэтому, борьба двухъ партій, многоземельнаго меньшинства и малоземельнаго большинства, была очень острой и сопровождалась многими столкновеніями „съ коліемъ и дреколіемъ".

Также точно и въ Сибири нѣкоторыя общины передѣляли земли подъ давленіемъ, администраціи, даже тогда, когда онѣ совершенно не были подготовлены къ передѣламъ, и переходили къ общему поравненію прямо отъ вольнаго захвата, безъ промежуточныхъ сталій ограниченнаго захвата и частичныхъ поравненій или отрѣзокъ [1]).

Въ такихъ случаяхъ общины приступали къ передѣламъ послѣ неоднократныхъ настояній чиновниковъ, „по долгомъ между собою разсужденіи", или, постановляя приговоры на бумагѣ, не дѣлили земель, несмотря на всѣ настоянія администраціи [2]).

Въ этихъ случаяхъ передѣлы оказываются навязанными населенію, и усиленное давленіе администраціи является главною ихъ причиною. Но рядомъ съ этимъ, во множествѣ случаевъ, передѣлы возникаютъ не подъ давленіемъ администраціи, а только подъ нѣкоторымъ воздѣйствіемъ ея распоряженій. И во многихъ случаяхъ передѣлы возникаютъ даже не подъ прямымъ, а подъ косвеннымъ воздѣйствіемъ правительства, когда, напримѣръ, оно предписываетъ уравнять не земли, а податную раскладку, а общины въ связи съ этимъ приступаютъ къ уравненію земель.

Сенатскій указъ 5 октября 1884 года, съ которымъ связывается начало передѣловъ во многихъ общинахъ Сибири, не предписывалъ этихъ передѣловъ, а лишь разъяснялъ, что крестьянскимъ обществамъ принадлежитъ право самостоятельно устанавливать и измѣнять раскладку платежей. Указъ этотъ вызванъ былъ тѣмъ обстоятельствомъ, что въ общинахъ сохранялась до этого времени старая ревизская раскладка, по душамъ X-й ревизіи 1858 года, и, хотя наличный составъ „душъ" со времени этой ревизіи, за 26 лѣтъ, сильно измѣнился, крестьяне не приступали къ иной

[1]) *Кауфманъ*, „Спб. общ". с. 70.
[2]) Тамъ же, с. 69.

разверсткѣ податей, ожидая новой ревизіи. Вслѣдствіе этого крестьяне повсюду произвели „новую расположку платежей“, а вмѣстѣ съ тѣмъ во многихъ общинахъ, помимо воздѣйствія администраціи, и передѣлъ земель.

Въ нѣкоторыхъ общинахъ эти передѣлы были уже не первыми. И передѣлы пашенъ и особенно передѣлы сѣнокосовъ производились въ нихъ и раньше [1]).

Наконецъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ общины приступаютъ къ передѣламъ земли и безъ какого бы то ни было давленія или воздѣйствія администраціи, прямого или косвеннаго. Общее поравненіе земель происходитъ безъ рѣзкой борьбы, когда оно достаточно подготовлено частичными поравненіями, подъ давленіемъ земельнаго утѣсненія.

Въ тѣхъ, наиболѣе частыхъ случаяхъ, когда общее поравненіе земель происходитъ подъ нѣкоторымъ вліяніемъ администраціи, это вліяніе въ видѣ чиновничьяго циркуляра, обыкновенно, какъ замѣчаетъ А. А. Кауфманъ, даетъ „только послѣдній легкій толчекъ наступленію того переворота въ формахъ пользованія землей, который былъ уже достаточно подготовленъ предыдущимъ ходомъ развитія“. „Сыгравъ скромную роль этого толчка, добавляетъ М. А. Кроль, начальственное предписаніе перестаетъ имѣть какое бы то ни было значеніе: жизнь общины продолжаетъ идти своимъ путемъ, поравненія или передѣлы повторяются по мѣрѣ надобности, регулируемые согласно выработаннымъ общиною на этотъ счетъ обычно-правовымъ воззрѣніямъ. Тамъ же, гдѣ потребности въ уравнительномъ пользованіи еще нѣтъ, циркуляры очень рѣдко приводятъ къ дѣйствительнымъ поравненіямъ“. К. Р. Качоровскій, соотвѣтственно этому, опредѣляетъ значеніе циркуляровъ не какъ исторической *причины*, а только какъ *повода*, такъ какъ они „лишь вызываютъ въ дѣйствіе накопившуюся уже совершенно независимо отъ нихъ энергію, бывшую до того въ потенціальномъ состояніи“. Одинъ изъ изслѣдователей общины въ Тобольской губерніи, г. Осиповъ характеризуетъ значеніе правительственнаго воздѣйствія на передѣлы такимъ удачнымъ сравненіемъ: „въ спокойномъ состояніи жидкость можетъ дойти до—20° R

[1]) *Кауфманъ*, „Рус. Общ.“, стр. 446, *Качоровскій*, стр. 210.

и все-таки не замерзнуть: но достаточно малѣйшаго толчка, чтобы вода мгновенно превратилась въ ледъ“ [1]).

§ 31. [Передѣлы на владѣльческихъ земляхъ въ центральной Россіи].

Въ то время, какъ на сѣверѣ первые передѣлы вызываютъ острыя столкновенія, сажаніе несогласныхъ на цѣпь, драки съ

[1]) Цит. *Качоровскаго* ст. 211, изъ „Мат. Зап. Спб.“ в. XXI, с. 93. *А. А. Кауфманъ*, въ стараніяхъ доказать незначительность вліянія администраціи во всѣхъ случаяхъ передѣловъ, заходитъ нѣсколько далеко и самъ себѣ противорѣчитъ. Относительно воздѣйствій администраціи на передѣлы земли на сѣверѣ въ концѣ XVIII вѣка и въ первой половинѣ XIX вѣка, онъ говоритъ такъ: „Могло ли это воздѣйствіе привести къ дѣйствительной ломкѣ? Былъ ли, другими словами, правительственный аппаратъ XVIII вѣка достаточно силенъ, чтобы навязать крестьянской жизни новыя и, какъ думаютъ, чуждыя ей формы при томъ въ такихъ существенныхъ основахъ этой жизни, какъ распредѣленіе земли? Вѣдь даже и въ настоящее время, несмотря на всю сложность и сравнительное совершенство современнаго административнаго аппарата, правительственное воздѣйствіе нерѣдко оказывается безсильнымъ?“, и *Кауфманъ* напоминаетъ о безсиліи правительства остановить переселеніе въ Сибирь, о фіаско законодательной попытки ограничить семейные раздѣлы (с. 430). Затѣмъ г. *Кауфманъ* говоритъ, что воздѣйствіе правительства на сѣверѣ „въ пользу передѣловъ было преждевременнымъ, такъ какъ земельный просторъ былъ здѣсь еще достаточно великъ“. И вмѣстѣ съ тѣмъ все-таки не отрицаетъ также, что передѣлы здѣсь были введены; онъ только предполагаетъ, что настоянія правительства „во многихъ случаяхъ, вѣроятно въ большинствѣ, остались болѣе или менѣе безрезультатными“ (с. 434). Какъ бы не былъ слабъ правительственный механизмъ XVIII вѣка и начала XIX вѣка, онъ все-таки „навязалъ“ крестьянамъ передѣлы (хотя бы въ немногихъ общинахъ), несмотря на совершенное несоотвѣтствіе ихъ сохранявшемуся еще земельному простору. Какъ же это вышло? Вѣдь власть правительства на мѣстахъ, дѣйствительно, была слаба въ XVIII вѣкѣ и въ началѣ XIX-го, и ссылка *А. А. Кауфмана* на эту слабость власти на первый взглядъ представляется очень мѣткой. Но, на дѣлѣ, степень силы или слабости власти, тутъ не при чемъ, такъ же, какъ сравненіе съ безсиліемъ власти остановить переселеніе или ограничить семейные раздѣлы. Передѣлы совершаются не агентами правительства, а сильною мѣстною организаціей—міромъ. Въ средѣ крестьянъ всегда есть первенство, а когда есть хотя бы нѣкоторый недостатокъ въ землѣ, это первенство чувствуется очень сильно. Острый моментъ передѣла заключается въ томъ, что многоземельное меньшинство должно поступиться частью своихъ земель въ пользу малоземельнаго большинства, и вопросъ

коліемъ и дреколіемъ и тысячи, буквально, жалобъ начальству [1]), въ центральной Россіи и частью на востокѣ разверстка земли была произведена безъ затрудненій; столкновенія, нерѣдкія при передѣлахъ, бывали, должно быть, и здѣсь, но разрѣшались самими крестьянами на мѣстахъ.

Если на окраинахъ передѣлы земли распространяются впервые въ XIX вѣкѣ, то въ центральныхъ областяхъ они несомнѣнно имѣютъ широкое распространеніе въ XVIII вѣкѣ. Они несомнѣнно существуютъ здѣсь и раньше—и въ XVII и въ XVI столѣтіяхъ, порядки которыхъ вообще тѣсно связаны съ порядками XVIII вѣка,

---

о передѣлѣ рѣшается всегда борьбою этихъ двухъ партій на мірскомъ сходѣ. Въ чемъ проявляется воздѣйствіе правительства на передѣлы? Предлагая міру передѣлить земли, правительство отказывается отъ охраны права собственности. И при указанныхъ условіяхъ этотъ его отказъ оказываетъ могущественное вліяніе на исходъ борьбы двухъ партій, такъ какъ право собственности держится только охраною власти. Для такого пассивнаго воздѣйствія на передѣлы не нужно, чтобы правительство имѣло активную силу, какъ при воспрещеніи, напримѣръ, переселеній. Поэтому-то циркуляръ о передѣлахъ, въ противоположность сотнямъ другихъ циркуляровъ, и оказывается столь могущественнымъ, какъ „искра, упавшая на порохъ“. Но онъ само собой, какъ и искра, производитъ взрывъ, только тогда, когда есть порохъ, когда есть уже партія малоземельнаго большинства, когда у большинства есть болѣе или менѣе острая нужда въ землѣ, что обнаруживается на извѣстной степени земельнаго утѣсненія. И на сѣверѣ во многихъ мѣстахъ передѣлы были произведены, конечно, потому что здѣсь большинство испытывало нужду въ землѣ. *А. Я. Ефименко* точно показываетъ, что въ Архангельской губерніи въ эпоху передѣловъ множество крестьянъ страдало отъ малоземелья. *А. А. Кауфманъ* ссылается на „земельный просторъ“ сѣвера (434). Но это же просторъ земель негодныхъ для обработки или требующихъ большой затраты труда на предварительную расчистку. *А. Я. Ефименко* выясняетъ, что земли расчищаются въ Архангельской губерніи „далеко не пропорціонально приросту населенія“. „Деревня не могла по произволу расширять свой районъ, несмотря на полную свободу и безграничное многоземелье. Удобныя земли, вблизи, въ большинствѣ случаевъ, были уже цѣликомъ заняты; расчистка же отдаленныхъ новинъ, вѣроятно, представлялась слишкомъ неблагодарною затратой труда“ (Изслѣдованія, I, с. 301).

[1]) Послѣ передѣловъ, произведенныхъ въ связи съ 6-й ревизіей 1812 года, управляющій вологодскими удѣльными имѣніями нашелъ, что на земляныхъ мѣрщиковъ и сельскихъ начальниковъ подано было до 12000 жалобъ о неуравненіи между крестьянами надѣла. *В. В.*, Къ исторіи общины, стр. 48 (вѣроятно отъ 12000 лицъ, такъ какъ много жалобъ коллективныхъ).

но по найденнымъ доселѣ даннымъ трудно рѣшить, въ какой мѣрѣ широко были они распространены.

Всѣ наши свѣдѣнія о передѣлахъ въ XVI—XVIII вѣкахъ относятся къ землямъ помѣщичьимъ, монастырскимъ и дворцовымъ, или, вообще говоря—къ землямъ владѣльческимъ, такъ какъ и дворецъ, и монастыри, и помѣщики управляли своими вотчинами на одинаковыхъ основаніяхъ. Другихъ свѣдѣній, относящихся къ центральнымъ областямъ, мы имѣть не можемъ, потому что здѣсь уже съ XVI-го вѣка нѣтъ свободныхъ общинъ и всѣ земли разобраны частными владѣльцами указанныхъ разрядовъ

Изъ этого, однако, никакъ нельзя дѣлать вывода, что передѣлы этой эпохи были „прямымъ послѣдствіемъ вотчиннаго права“ [1]). Это „вотчинное право“ въ отношеніяхъ къ крестьянамъ нерѣдко было близко къ праву государственному. Въ большей части владѣльческихъ имѣній, дворцовыхъ, монастырскихъ, и крупныхъ помѣстій существовало крестьянское мірское самоуправленіе. въ разной степени ограниченное властью приказчика, а иногда и вполнѣ самостоятельное, какъ и на государственныхъ земляхъ. При этихъ же условіяхъ приведенныя выше наблюденія надъ возникновеніемъ передѣловъ на государственныхъ земляхъ приложимы и къ возникновенію ихъ на земляхъ владѣльческихъ. Владѣльческая община наравнѣ съ государственной можетъ приступить къ передѣлу земель: 1) самостоятельно, 2) подъ нѣкоторымъ воздѣйствіемъ господина, 3) по приказанію господина.

Мы имѣемъ много данныхъ о владѣльческихъ общинахъ, управлявшихся совершенно самостоятельно и въ XVIII вѣкѣ и раньше въ XVII—XVI вѣкахъ. Міръ и вотчинникъ иногда тоже, что міръ и государь. Это тѣ общины, гдѣ приказчика не было, всѣ дѣла вѣдалъ староста и мірской сходъ, и отношеніе міра къ господину ограничивалось ежегоднымъ взносомъ опредѣленной суммы оброка, положеннаго огульно на всѣхъ крестьянъ имѣнья. Въ нѣкоторыхъ такихъ общинахъ крестьяне, можетъ быть, приступали къ разверсткѣ земель столь же самостоятельно, сколь самостоятельно они разверстывали по тягламъ, дворамъ или душамъ круглую сумму оброка. Свѣдѣній о такихъ случаяхъ у насъ нѣтъ, но изъ

---

[1]) *Чичеринъ.* Областныя учрежденія, стр. 523.

этого не слѣдуетъ, что ихъ не было, такъ какъ архивный матеріалъ по этому вопросу едва-едва тронутъ разработкой.

Владѣльческая община большею частью, однако, была невполнѣ самостоятельна, а ограничена властью приказчика, представителя господина. Въ такихъ общинахъ передѣлы возникаютъ подъ нѣкоторымъ воздѣйствіемъ „вотчиннаго права“. Воздѣйствіе это иногда бывало рѣшающимъ, иногда же косвеннымъ, второстепеннымъ. Это ясно видно изъ данныхъ о передѣлахъ земли на владѣльческихъ земляхъ въ XVIII вѣкѣ, собранныхъ В. И. Семевскимъ.

Такъ, напримѣръ, въ Рязанской вотчинѣ князя А. М. Голицына въ 1795 году передѣлъ произведенъ былъ по собственной иниціативѣ крестьянскаго міра. „По просьбѣ всѣхъ крестьянъ“, какъ сказано въ документѣ, напечатанномъ В. И. Семевскимъ, „староста съ земскимъ представляютъ“ господину „о уравненіи раздѣломъ всей пашенной земли и сѣнныхъ покосовъ по душамъ“. Господинъ, князь Голицынъ, даетъ свое „повелѣніе“, точнѣе разрѣшеніе. Раздѣлъ производится *по душамъ*, согласно просьбѣ крестьянъ. Но это оказалось очень невыгодно для многихъ крестьянъ. Недовольные посылаютъ ходоковъ въ Москву и просятъ господина разрѣшить новый передѣлъ не по душамъ, въ числѣ которыхъ много престарѣлыхъ и малолѣтнихъ, а по тягловымъ работникамъ, или по тягламъ, изъ которыхъ неспособные къ работѣ исключались, соотвѣтственно тому, какъ платится оброкъ. Разсмотрѣвъ эту просьбу, господинъ нашелъ ее „справедливою и дѣльною“ и приказалъ, согласно съ этой просьбою, „оную землю вторично передѣлить такимъ образомъ, чтобы части оной браты были на однихъ только тягловыхъ крестьянъ и на тѣхъ, которые хотя мало оную обработывать могутъ“. Здѣсь, такимъ образомъ, воздѣйствіе господина проявляется только въ установленіи единицы для наиболѣе уравнительной разверстки земли, а самый передѣлъ совершается по просьбѣ самой общины.

Такъ же точно и въ одномъ изъ дворцовыхъ имѣній въ Коломенскомъ уѣздѣ, въ 1750 году, иниціатива передѣла исходитъ отъ крестьянъ. Въ прошеніи, поданномъ въ дворцовую контору, крестьяне заявляютъ, что они владѣютъ пашенною землею и всѣми угодьями по тягловой разверсткѣ, и указавъ на то, что подати и всякіе дворцовые поборы взимаются не по тягламъ, а по душамъ, просятъ соотвѣтственно этому „землю и сѣнные по-

косы и прочіе покосы раздѣлить по душамъ"; при этомъ они ссылаются на примѣръ сосѣднихъ двухъ дворцовыхъ селъ, гдѣ земля и всякіе угодья „раздѣлены" уже именно такъ, „по душамъ уравнительно".

Въ XVIII вѣкѣ передѣлы на помѣщичьихъ земляхъ, несомнѣнно, были широко распространены, какъ это видно изъ собранныхъ В. И. Семевскимъ общихъ замѣчаній современниковъ. Такъ, напримѣръ, Козминъ, въ докладѣ Екатеринѣ II, въ 1765 году, возбуждая вопросъ о введеніи передѣловъ земель на сѣверѣ, ссылается на примѣръ помѣщиковъ; онъ говоритъ, что на сѣверѣ слѣдовало бы „дѣлить земли и раздавать въ волостяхъ недостаточнымъ равномѣрно такъ, какъ и помѣщики своихъ крестьянъ по числу людей, кто что снести можетъ, уравниваютъ". Или путешественникъ по Россіи академикъ Гюльденштедтъ въ 1774 году также вообще говорилъ о Новгородской губерніи, что здѣсь „поля и сѣнокосы находятся въ общинномъ владѣніи деревень и крестьяне дѣлятъ ихъ между собою по жребію на 5 или на 10 лѣтъ" [1]).

Отъ XVII вѣка мы имѣемъ очень немного, 4—5 извѣстій о передѣлахъ земли. Но нашъ XVIII вѣкъ такъ глубоко уходитъ своими корнями въ XVII и частью въ XVI вѣка, что мы никакъ не можемъ сказать, что передѣлы были новостью XVIII вѣка. И немногочисленность извѣстій не можетъ служить доказательствомъ рѣдкости передѣловъ, разъ мы знаемъ, насколько случайны собранныя доселѣ извѣстія. Чичеринъ писалъ въ 1856 году, что „передѣлъ земель былъ прямымъ послѣдствіемъ вотчиннаго права *и подушной подати*" [2]), ведя, слѣдовательно, начало ихъ со времени введенія подушной подати. Но это несомнѣнная ошибка, такъ какъ „душа" явилась только новой единицей разверстки, замѣнивъ старое „тягло". И „душа" не вытѣсняетъ окончательно старое „тягло" въ XVIII вѣкѣ, такъ какъ уравненіе по тягламъ смѣняетъ иногда уравненіе по душамъ, какъ видно изъ вышеприведеннаго и другихъ извѣстій. И это замѣчаніе Чичерина опро-

[1]) *В. И. Семевскій.* Крестьяне въ царствованіе имп. Екатерины II, т. I, стр. 101—106, 114—116 и др.; т, II, стр. 32—33.

[2]) *Чичеринъ*, Обл. учр., стр. 523. „Прямое соотношеніе новаго порядка вещей съ подушною податью": Опыты, стр. 134.

вергается немногими, но очень опредѣленными извѣстіями о передѣлахъ въ XVII вѣкѣ и въ концѣ XVI-го.

Въ найденной Калачевымъ челобитной времени Алексѣя Михайловича находимъ ясное указаніе о крестьянахъ дворцоваго села Шаморги въ Шацкомъ уѣздѣ, что они „промежъ себя пашню дѣлятъ почасту“. Попъ этого села, дѣду котораго при Ѳедорѣ Ивановичѣ данъ былъ надѣлъ изъ земель этого села, жаловался, что при этихъ частыхъ передѣлахъ крестьяне ему „даютъ пашню худую на толокахъ, которая имъ негодна, и въ мѣрѣ меньше“ [1]).

Другое, найденное А. С. Лаппо-Данилевскимъ, извѣстіе относится также къ дворцовому имѣнію, въ Бѣлевскомъ уѣздѣ, и къ 1640 году. Дворцовый приказчикъ пишетъ, что крестьяне приступивъ къ мѣрѣ и верстанью земель по вытямъ, успѣли измѣрить землю „для своего верстанья“ только въ двухъ поляхъ, а въ третьемъ полѣ не мѣрили, потому что была къ новому году рожь сѣяна. „И межъ себя тое земли верстать и дѣлить противъ вытей не стали; отсрочили межъ себя сами, какъ послѣ ржанова жнитва въ третьемъ полѣ измѣряютъ“ [2]).

Третье извѣстіе, найденное И. Е. Забѣлинымъ, относится къ вотчинамъ боярина Морозова. Приказчикъ жалуется боярину, что когда крестьянинъ Мишка Козелъ просилъ „поверстать его въ землѣ противъ своей братьи въ усадьбѣ и въ полѣ“, то выборный Игнашка съ товарищами не соглашаются верстать его ровно съ собою, и отводятъ ему худую землю, „пометную“. Очень любопытны мотивы этого отказа крестьянъ. Они, по словамъ приказчика, говорили Мишкѣ Козлу: „ты паши тамъ, гдѣ навозилъ, а что нажилъ и ты съ нами подѣли; тогда мы тебя съ собою ровно и поверстаемъ“ [3]).

Ясныя указанія на частичные передѣлы, или на такъ называемую „свалку и навалку“ даетъ напечатанная въ послѣдніе годы Ю. В. Арсеньевымъ переписка князя Н. И. Одоевскаго съ его Галицкою вотчиною въ 1650 — 1684 годахъ. Здѣсь мы

---

[1]) Арх. Ист. и Пр. Свѣд. 1859, кн. III (№№ 5 и 6). Рец. *Н. В. Калачова* на Обл. учреж. Чичерина, с. 53.

[2]) *Лаппо-Данилевскій*, „Организація прямого обложенія“, стр. 77, пр. 1.

[3]) *Забѣлинъ*, „Большой боринъ въ своемъ вотчинномъ хозяйствѣ“, „Вѣстн. Евр.“ 1871, № 2, стр. 472.

имѣемъ рядъ челобитныхъ крестьянъ о сбавкѣ съ нихъ тяглой земли и нѣсколько резолюцій боярина, въ которыхъ онъ передаетъ эти дѣла на рѣшеніе міра. Крестьянинъ Костюнка Никитинъ, ссылаясь на то, что онъ овдовѣлъ и остался съ шестью малыми ребятишками, проситъ съ него „земли сбавить полдесятины“ (всего у него $2^1/_2$ десятины). Князь Одоевскій пишетъ на оборотѣ челобитной, обращаясь къ своему приказчику, старостамъ и выборнымъ крестьянамъ: „допросить всѣхъ крестьянъ, можно ль ему на томъ тягле быть, и будетъ не мочно, и съ него тягла сбавить и положить на кого міромъ укажутъ“. Въ мірскомъ приговорѣ по этой резолюціи сказано: „Приказной человѣкъ... старосты... и всѣ крестьяне сбавили земли съ Костюнки Никитина полдесятины и положили тоежъ деревни Пантелѣева на крестьянъ, на Θетку Аѳилина съ братьями четверть десятины, да на Акинку Осипова четверть же“. Другіе приговоры по такому же дѣлу записаны сокращенно, напримѣръ: „192-го году (т.-е. 1684), апрѣля въ 20 день, приговорили міромъ: тягла все[го] жеребья съ Емельки четверть снять; той же деревни на Груньку Панкратова положить“. Иногда міръ на просьбы о свалкѣ тягла, переданныя на его рѣшеніе бояриномъ, отвѣчаетъ отказомъ: „всѣ крестьяне сказали, что ему, Ивашкѣ, мочно на томъ тяглѣ быть“ [1]).

§ 32. [Передѣлъ земли и раскладка тягла].

Передѣлы земли, какъ выясняютъ изслѣдователи общины въ новое время, тѣсно связаны съ передѣломъ податей „Первые передѣлы земли, и особенно пашни, говоритъ Качоровскій, не составляютъ рѣзкаго скачка и небывалаго нововведенія прежде

---

[1]) *Ю. В. Арсеньевъ.* Ближній боярин князь Н. И. Одоевской и его переписка съ Галицкою вотчиной (1650—1684 гг.).—„Чтенія О. И. и Др Р.“, 1903 г., кн. II, № 48 (стр. 89), № 81 (стр. 108), № 66 (стр. 101), № 72 (стр. 104—105), № 74 (стр. 105).—*В. Борисовъ.* Акты о раздѣлахъ, промѣнахъ и передѣлахъ земли въ XVII и XVIII столѣтіяхъ, тамъ же, 1860 г., кн. III, № 8 (1691 г.), мірской приговоръ посадскихъ людей посада Шуя: „приговорили мы на сходкѣ въ Земской Избѣ раздѣлить по росписи пахотную землю во всѣхъ трехъ поляхъ по своимъ тягламъ впредь на десять лѣтъ“; ср. № 10 и 3.—*Лаппо-Данилевскій,* Организація прямого обложенія, стр. 118.

всего потому, что имъ обыкновенно предшествуютъ передѣлы податей“ [1]).

Но передѣлы податей не только *предшествуютъ* передѣламъ земли, они часто и прямо *вызываютъ* передѣлы земли, или связываются съ ними въ одно цѣлое, въ разверстку тягла, понимая подъ этимъ разверстку земли въ тѣснѣйшей зависимости отъ разверстки податей. Наблюдатели Сибирской общины выясняютъ, что здѣсь передѣлы земли въ 80-хъ годахъ были вызваны и тѣсно связаны съ передѣломъ податей, и А. А. Кауфманъ, тѣсно сближая тѣ и другіе, говоритъ о „земельно-податныхъ разверсткахъ“ [2]).

Тѣсная связь земельныхъ передѣловъ съ податными замѣчена давно В. И. Орловымъ, однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ земскихъ статистиковъ. „Личное обложеніе крестьяне обыкновенно переводятъ на землю“, и поэтому на того, кто получаетъ надѣлъ, падаетъ и соотвѣтствующая надѣлу доля податей. Такимъ образомъ „самый актъ передѣла земли является вмѣстѣ съ тѣмъ и моментомъ распредѣленія между членами общины податного бремени“ [3]).

Тѣсная связь земельнаго уравненія съ уравненіемъ податнымъ, соединяющая ихъ въ одно цѣлое, въ уравненіе тягла, рельефно выдѣляется при изученіи общины на владѣльческихъ земляхъ въ древнее время. И въ этомъ уравненіи главное значеніе для крестьянъ имѣетъ не уравненіе выгодъ пользованія землей, а уравненіе податного бремени.

---

[1]) „Русск. Общ.“, стр. 152. При передѣлѣ податей, продолжаетъ онъ, впервые складывается „общинно-передѣльный механизмъ“, „складываются практическіе навыки къ добросовѣстному и умѣлому веденію мірскихъ дѣлъ, къ мірскому распорядительству вообще“ (стр. 154—155).

[2]) „Мы выяснили основныя причины, побудившія общины къ измѣненію разверстокъ, а слѣдовательно—къ передѣлу пахотныхъ земель“, „Сиб. Общ.“, стр. 137.

[3]) При этомъ, говоритъ *В. В.*, „смотря по тому, насколько крестьяне дорожатъ землею и считаютъ платежи легкими или тяжелыми, иначе говоря, насколько доходъ отъ земли больше или меньше связанныхъ съ ея пользованіемъ повинностей, — въ актѣ передѣла на первый планъ выдвигается та или другая изъ характерныхъ для него сторонъ: онъ разсматривается крестьянами по преимуществу или какъ моментъ уравненія выгодъ пользованія землею, или какъ методъ равномѣрнаго распредѣленія податной тягости“, Къ исторіи Общины, с. 243.

Эти передѣлы на владѣльческой землѣ существенно отличаются отъ передѣловъ въ свободныхъ общинахъ, разсмотрѣнныхъ выше, и по своимъ основаніямъ и по своимъ цѣлямъ. Тамъ главное основаніе передѣла—земельное утѣсненіе, и главная цѣль—надѣлить землею лицъ, изнуренныхъ малоземеліемъ, за счетъ многоземельныхъ. Здѣсь обыкновенно земельное утѣсненіе ни при чемъ; земли нерѣдко есть большой запасъ. Здѣсь люди изнурены не малоземельемъ, а тяжестью налоговъ, и главная цѣль передѣла—достигнуть наиболѣе точнаго соотвѣтствія между налогами и трудовыми силами каждаго. Тамъ бѣдные ищутъ земли. Здѣсь бѣдные стремятся избавиться отъ земли, снять съ себя часть земельнаго надѣла, чтобы тѣмъ самымъ снять съ себя часть лежащаго на землѣ непосильнаго для нихъ тягла.

Такое различіе передѣловъ по основаніямъ и цѣлямъ наблюдается и въ свободныхъ общинахъ. Въ однихъ общинахъ передѣлъ, говоритъ В. В., „разсматривается крестьянами по преимуществу какъ моментъ уравненія выгодъ пользованія землею“, въ другихъ—какъ моментъ „равномѣрнаго распредѣленія податной тягости“ (с. 243). Такъ „задачей общины въ Московской губерніи является равномѣрное распредѣленіе между всѣми не столько преимуществъ, сколько тяготъ, связанныхъ съ пользованіемъ землею“ (с. 248).

Это объясняютъ различіемъ въ доходности земли. Тамъ, гдѣ, какъ въ Московской губерніи, земля малоплодородна и не окупаетъ платежей, тамъ, естественно, на первое мѣсто выступаетъ моментъ разверстки платежей. Тамъ же, гдѣ земля плодородна и окупаетъ платежи, тамъ главное значеніе имѣетъ разверстка земли.

Это условіе степени плодородности земли не имѣетъ значенія при передѣлахъ во владѣльческой общинѣ. Типическая владѣльческая община находится въ иныхъ условіяхъ, чѣмъ община свободная. Свободная община подчинена общимъ нормамъ закона, общимъ для всѣхъ налогамъ и, поэтому, тамъ отношеніе между доходностью земли и тягостью налога различно въ разныхъ общинахъ. Въ типичной же владѣльческой общинѣ (оставляя въ сторонѣ указанныя выше владѣльческія общины, почти равныя свободнымъ) тягость налога всегда пропорціональна доходности земли, какъ бы она ни была велика. Для каждой общины устанавливаются поборы по особой расцѣнкѣ, всегда приближаясь къ

maximum'у того, что можетъ дать крестьянинъ съ земли, а иногда и превосходя этотъ maximum. Извѣстна циническая поговорка помѣщиковъ XVIII вѣка: мужика стриги какъ овцу, не давай ему обрости. Кромѣ того, въ свободной общинѣ даже при полномъ развитіи „общиннаго землевладѣнія" крестьянинъ сохраняетъ нѣкоторыя права распоряженія землею, онъ можетъ ее отдать въ наемъ, и поэтому земля сама по себѣ, независимо отъ пользованія ею, представляетъ для него извѣстную цѣнность, если она плодородна и съ избыткомъ окупаетъ трудъ, затраченный на ея обработку. Во владѣльческой же общинѣ для крестьянина возможно только пользованіе ею, онъ не можетъ ею распоряжаться, не можетъ даже отдать ее въ наемъ, и поэтому земля сама по себѣ не представляетъ для него цѣнности.

Понятно, какъ при такомъ различіи въ положеніи свободныхъ и владѣльческихъ общинъ отличается въ нихъ и существенный моментъ передѣла. Въ одномъ случаѣ борьба за землю малоземельныхъ съ безземельными. Въ другомъ — борьба за размѣры податного бремени. Каждый старается сбросить съ себя хоть часть наваливаемой ему земли въ размѣрѣ, превышающемъ его силы.

Этотъ характеръ передѣловъ явственно виденъ во владѣльческихъ общинахъ XVIII—XVI вѣковъ.

Изъ памятниковъ, касающихся вотчиннаго хозяйства XVIII вѣка, возьмемъ одинъ изъ наиболѣе древнихъ и наиболѣе любопытныхъ, инструкцію дворецкому о управленіи дому и деревень, написанную въ 1725 году извѣстнымъ Артеміемъ Волынскимъ, будущимъ кабинетъ-министромъ Анны Ивановны. Его крестьяне, по этой инструкціи, не столько самостоятельные хозяева, болѣе или менѣе самостоятельно ведущіе свое хозяйство на господской землѣ, а скорѣе работники, работающіе подъ надзоромъ приказчика на отведенныхъ имъ надѣлахъ. Всѣхъ крестьянъ имѣнья Волынскій приказываетъ одинаково „писать тяглами", „исчисляя людей въ цѣлое тягло, чтобъ было два человѣка работниковъ мужского полу, и два — женскаго; а работниковъ счислять мужескъ полъ отъ двадцати лѣтъ, а женской, какъ замужъ выйдетъ". На каждое такое тягло изъ двухъ паръ „работниковъ" мужского и женскаго полу возлагается прежде всего обязанность вспахать господской земли по 2 десятины въ трехъ поляхъ. Въ связи съ этимъ уравниваются и „собственныя" земли крестьянъ: „на каждое цѣлое

тягло уравнять земли крестьяномъ ихъ собственныя во всѣхъ деревняхъ; когда на тягло вспашетъ на меня двѣ десятины въ полѣ, то надобно, чтобъ собственной ему земли было на всякое тягло противъ того вдвое". Это уравниваніе земли или передѣлъ тѣсно связывается съ накладкой тягла на каждую пару, какъ одна, по существу, операція.

Острый моментъ такого передѣла состоитъ не въ томъ, что отъ многоземельныхъ отрѣзываются земли малоземельнымъ, а въ томъ, что на крестьянина-работника накладывается тягло, какъ на вола—ярмо.

И крестьяне-работники не ищутъ земли, а бѣгутъ отъ нея, изъ боязни тѣсно связаннаго съ нею тягла. Хозяинъ этихъ работниковъ, вотчинникъ Волынскій, заботится не о томъ, чтобы всѣхъ уравнять землею,—земли хватитъ,—а о томъ, чтобы всѣхъ уравнять тягломъ, чтобы кто-либо не ушелъ отъ тягловой запряжки. „Понеже мужики, пишетъ онъ, не хотя на себя брать участія тягла, для того долго не женятся, — однакожъ женатъ онъ, или нѣтъ, несмотря на то, токмо когда которому двадцать лѣтъ, накладывать на него полтягла". Одни, убѣгая отъ тягла, не женятся, другіе „плуты мужики", жалуется вотчинникъ, нарочно держатъ одну только лошадь, „и ту бездѣльную", тогда какъ для обработки всѣхъ тягловыхъ десятинъ надо имѣть не меньше двухъ лошадей; третьи „отговариваются", что „имъ посѣять нечѣмъ", несмотря на то, что „имъ опредѣляется ссуда" отъ вотчинника. И своему дворецкому Волынскій поручаетъ „такихъ лѣнивцевъ и плутовъ „всѣми мѣрами принуждать" и „накрѣпко того за ними смотрѣть, чтобы у нихъ земля напрасно пуста не лежала" [1]).

Такой же точно характеръ имѣютъ передѣлы земли въ вотчинѣ князя Н. И. Одоевскаго въ 1650 — 1684 годахъ. Въ челобитныхъ крестьянъ князю и въ мірскихъ приговорахъ подать и земля объединяются въ выраженіи тяглой жеребей, и слова тягло и земля значатъ одно и то же. Одни крестьяне просятъ сбавить съ нихъ „десятину тяглова жеребья" (с. 104 № 72, с. 105 № 73, с. 106 № 77), другіе просятъ „тягла сбавить десятину" (№ 82,

[1]) Пам. древней письменности, 1881, № XXIV, изд. по рукописи изъ собранія *П. Н. Тихонова*, с. 14—15.

с. 106), третьи просятъ „земли сбавить двѣ десятины“ (№ 60, с. 97) или „снять четверть десятины“ (№ 66, с. 100) и всѣ говорятъ объ одномъ и томъ же, для всѣхъ тягло и земля одно и то же.

Въ нѣсколькихъ десяткахъ челобитныхъ крестьяне просятъ своего господина не прибавлять имъ земли, а наоборотъ, снять съ нихъ часть ихъ земли, ихъ тяглого жеребья. Нѣкоторые, которыхъ Волынскій называлъ „лѣнивцами и плутами“, просятъ снять съ нихъ тяглый жеребей, безъ крайней необходимости, и міръ обличаетъ ихъ, рѣшая, что имъ „мочно на томъ тяглѣ быть“ (с. 105, № 72, 74). Но большинство пишетъ слезныя челобитныя только тогда, когда тяглые жеребьи становятся дѣйствительно непосильною тягостью, и міръ обыкновенно находитъ ихъ просьбы основательными. Крестьянинъ Максимко Гордѣевъ, напримѣръ, такъ бьетъ челомъ своему государю князю Якову Никитичу Одоевскому: „Умилостивись, государь, князь Яковъ Никитичъ, пожалуй меня, сироту своего, вели, государь, съ меня тяглова жеребья сбавить полдесятины; для того, что я скуденъ и бѣденъ, и мнѣ тяглый жеребей не въ силу, владѣть имъ не въ моготу; а за мною останется тяглова жеребья десятина. Государь, смилуйся, пожалуй“. Князь передаетъ эту челобитную на рѣшеніе міра, и „мірскіе люди“ приговариваютъ „тяглова жеребья съ Максимка полдесятины снять“. Съ этой „свалкой“ тягла съ одного связывается „навалка“ его на другого. Снимая часть тягла съ Емельки Васильева, міръ приговариваетъ положить ее „той же деревни на Гуньку Панкратова, потому что онъ въ противоположность захудавшему одинокому Емелькѣ, „человѣкъ семьянистый и скотомъ и всякимъ прожиткомъ исправленъ“ [1]).

[1]) *Ю. В. Арсеньевъ*, Ближній боярин Никита Ивановичъ Одоевскій и его переписка съ Галицкою вотчиной (1650—1684 гг.), „Чтенія О. И. и Др. Р.“, 1903 г., кн. 2, № 66 (стр. 100), № 71 (№ 104). Такія же данныя о частичной свалкѣ и навалкѣ земли въ 1680—1687 гг. у *И. Бѣляева*, „Крестьяне на Руси“, изд. 1851 г., стр. 210—211. Такія же отношенія крестьянъ къ тяглу-землѣ имѣетъ въ виду наказъ приказчику Обонежскихъ дворцовыхъ волостей, Нехорошему Вельяшеву, 1612 года, въ слѣдующей статьѣ: „Да и того Нехорошему беречи накрѣпко, чтобъ въ тѣхъ погостѣхъ сильные прожиточные и семьянистые люди воеводствомъ и заговоромъ пашенъ своихъ участковъ съ себя не сбавливали, и на молодчихъ людей не накладывали“: Д. А. Ист. I, № 167, с. 236. Этотъ наказъ данъ во время войны

§ 33. [Вытная разверстка].

Такой же характеръ имѣютъ передѣлы земель въ концѣ XVI вѣка и въ тверскихъ дворцовыхъ вотчинахъ, которыя даны были Иваномъ Грознымъ его „потѣшному“ царю и великому князю Семіону Бекбулатовичу. Каждая изъ этихъ вотчинъ представляетъ собою волостную общину съ довольно обширной территоріей, и въ каждой изъ этихъ вотчинъ, писцовая книга 1580 года, предписываетъ „землями, и луга и лѣсомъ, и всякими угодья *верстатися крестьяномъ межъ себя самимъ полосами или десятинами на всякую выть поровну*, а не черезъ землю, чтобы...“.

Но это не общій передѣлъ земель между всѣми крестьянами волости и основанія его и цѣли заключаются не въ утѣсненіи. Земли передѣляются здѣсь особо между 3—7 дворами каждой маленькой деревеньки (среднимъ числомъ въ этихъ деревняхъ было 4 двора) [1]). И этотъ передѣлъ явно имѣетъ цѣлью не „уравненіе выгодъ пользованія землею“, а земельно-податную разверстку тягости, соотвѣтственно трудовымъ силамъ каждаго работника.

Въ одной изъ этихъ тверскихъ дворцовыхъ вотчинъ, въ селѣ Кушалинѣ съ деревнями, о которомъ я уже говорилъ выше (§ 5), было 160 деревень, разбросанныхъ на большомъ пространствѣ, въ каждой среднимъ числомъ 4 двора. Свободной земли здѣсь было полное изобиліе, недостатка въ немъ, конечно, не было и раньше, а въ 1580-мъ году, когда велась перепись, тверское княжество, какъ и всѣ центральныя области переживали острый періодъ запустѣнія,—вслѣдствіе массоваго отлива населенія на окраины. На 160 деревень и починковъ „живущихъ“ въ Кушалинской волости было до 300 „пустыхъ“; и въ живущихъ деревняхъ часть дворовъ (80) также была „впустѣ“. Подъ пашней было 1342 десятины, а впустѣ пашенной земли было почти втрое больше—3555 десятинъ.

Яковомъ Делагарди и кн. Иваномъ Одоевскимъ, и, кажется, безъ достаточнаго знакомства съ особыми условіями хозяйства и землевладѣнія на Олонцѣ и въ Заонежьи.

[1]) *Рожковъ*, Сельское хозяйство Моск. Руси въ XVI в.“, стр. 305; *И. И. Лаппо*, „Тверской уѣздъ въ XVI в.“, стр. 204—205.

Земля этихъ запустѣвшихъ поселковъ не идетъ въ передѣлъ; она неприкосновенна для сосѣднихъ „живущихъ“ деревень; волостному міру вмѣняется въ обязанность на пустыя выти называть новыхъ жильцовъ. Не могутъ крестьяне той или другой деревни свободно распоряжаться и запустѣвшими участками даже въ предѣлахъ своей деревеньки. Для того, чтобы взять ту или другую запустѣвшую долю, нужно разрѣшеніе приказчика или писца.

Эти порядки совершенно ясны изъ писцовой книги: „Деревня Обухово, читаемъ въ этой книгѣ, да къ той же деревнѣ припущено въ пашню починокъ Кулаково, да починокъ Обухово“; или: „Деревня Высокуша, да къ той же деревнѣ приписано въ угодья подъ селищемъ подъ Кастихинымъ сѣна 50 копенъ“. Точно также пропускаются писцомъ и запустѣвшія доли деревни — только въ случаяхъ малоземелья: „и та пустая доля дана въ пашню на всю деревню, потому что у нихъ угодья мало“, и потому, замѣчаетъ писецъ, что крестьяне этой деревни несутъ еще особую повинность: „да они жъ съ великаго князя острову лоси и медвѣди сочатъ“. Большею частью, однако, пустоши и пустые дома деревни даются крестьянамъ той или другой деревни только за особый оброкъ: „да къ той же деревнѣ къ Давыдневу припущено въ пашню селищо Иванково... и дер. Давыднева крестьяномъ на селищѣ Иванковѣ пашня пахать и сѣно косить, а оброку имъ платить въ великаго князя казну съ пашни и съ покосу на годъ по полуполтинѣ“ и, кромѣ оброку, еще пошлины (с. 370); или: „Да къ той же деревнѣ приписано селищо Радилово ...а оброку съ того селища платити въ великого князя казну на годъ по 10 алтынъ, пошлинъ 3 деньги“ (с. 368). Иногда пустоши даются изъ оброку только подъ сѣнокосъ: „а то имъ сѣно косити, а пашня не пахати“. Иногда пустоши придаются къ деревнѣ только временно, „докуды на тѣ пустоши жильцы изъ поспу будутъ, или изъ оброку кто возьметъ“. Всѣ эти пустоши, какъ ни много ихъ было, были недоступны крестьянамъ, наряду съ „заповѣднымъ лѣсомъ“, или „заповѣдниками“, которые описываются въ этихъ дворцовыхъ имѣньяхъ. Общій волостной передѣлъ, такимъ образомъ, несомнѣнно въ этихъ дворцовыхъ имѣньяхъ не производился. И если уставныя грамоты, включенныя въ писцовую книгу, предписываютъ крестьянамъ „землями, и луги, и лѣсомъ и всякими угодьи верстатися межъ собя самимъ полосами или

десятинами", то опѣ имѣютъ въ виду передѣлы между крестьянами отдѣльныхъ маленькихъ деревень.

Каждая изъ такихъ деревень, съ числомъ дворовъ отъ 3 до 7, представляетъ собою маленькую землевладѣльческую общину. Приписывая пустоши и пустыя доли къ той или другой „деревнѣ", какъ къ цѣлому, писецъ нерѣдко отмѣчаетъ, что онѣ даются „на всю деревню": „и та пустая доля дана имъ же въ пашню въ угодія *на всю деревню*"; или „и на тѣхъ пустошахъ *Юшь Лапенкову съ товарищи* пашни пахать и сѣно косить" [1]). На всю деревню возлагалась въ Троице-Сергіевыхъ вотчинахъ барщинная обработка монастырской пашни: въ концѣ описанія деревень писецъ отмѣчаетъ, сколько „они пашутъ сопча на мѣрѣ" вытей земли.

Передѣлы между сосѣдями каждой деревни производятся „на каждую выть поровну". Подъ этими словами разумѣются, собственно, не цѣлыя выти, но тѣ доли выти, которыя налагались на каждое дворохозяйство. Доли эти были очень различны, отъ $^1/_3$ выти до $^1/_{32}$-й. Различія эти обусловливались частью семейнымъ положеніемъ, частью имущественной состоятельностью каждаго дворохозяина.

Волынскій въ своей инструкціи, какъ мы видѣли, очень прямолинейно рѣшалъ вопросъ о тягольной раскладкѣ. Онъ клалъ одинаковое тягло въ 18 десятинъ на двѣ пары работниковъ и работницъ, или на два вѣнца, какъ такая пара мужа и жены называлась иногда въ вотчинномъ хозяйствѣ XVIII вѣка. Въ основаніе земельно-податной (или, точнѣе, барщинной и оброчной) разверстки онъ бралъ единственно рабочія силы крестьянъ. Но у крестьянъ, въ XVIII вѣкѣ и раньше, господствовала другая система тягла, при которой, на ряду съ трудовыми силами работниковъ, принималось во вниманіе и ихъ семейное положеніе, и ихъ хозяйство. Владѣльческій крестьянинъ—не только работникъ, но онъ еще и самостоятельный хозяинъ на своемъ надѣлѣ; у него есть семья; у одного нѣсколько малыхъ ребятъ, малъ-мала меньше, у другого нѣсколько мальчиковъ-подростковъ; одинъ крестьянинъ болѣе или менѣе зажиточный, другой—захудалый; у одного двѣ лошади, у другого одна, и такъ далѣе. Всѣ эти различія въ семейномъ и хозяйственномъ положеніи каждаго дворохозяина и принимаются во вни-

[1]) „Писцовыя книги XVI в.", отд. II, стр. 362—377.

маніе при разверсткѣ тягла. И такая истинно-уравнительная раскладка не только по трудовымъ, но и по семейнымъ и хозяйственнымъ силамъ каждаго „работника“ создаетъ очень дробныя единицы разверстки; она ведетъ къ дѣленію „тягла“ на полутягло, четверть и осьмуху; эти дѣленія тягла, соотвѣтственно слѣдующимъ съ нихъ денежнымъ сборамъ, назывались въ нѣкоторыхъ мѣстахъ мордкой, деньгой, алтыномъ, полушкой [1]).

Этимъ дѣленіямъ тягла соотвѣтствуютъ дробныя дѣленія выти въ тверскихъ дворцовыхъ вотчинахъ. На отдѣльные дворы падаютъ всегда доли выти, начиная отъ трети выти въ слѣдующей градаціи: 1) Двѣ высшія окладныя единицы составляютъ *треть выти* и *четь выти*. Имъ соотвѣтствуютъ земельные надѣлы въ 8 и 6 десятинъ. Это наиболѣе состоятельныя хозяйства, въ которыхъ обыкновенно есть два взрослыхъ работника. 2) Вторая ступень— половины этихъ надѣловъ: полъ-трети и полъ-чети; въ 4 и 3 десятины. Это самый распространенный надѣлъ средне-состоятельной семьи изъ мужа и жены, соотвѣтствующій „вѣнцу“ XVIII вѣка. Дворохозяева нѣкоторыхъ деревенекъ всѣ равномѣрно верстаются полъ-третью выти, какъ, напримѣръ, въ трехъ-дворной деревни Голтнево, или полъ-четью выти, какъ въ шести-дворной деревнѣ Ильино. 3) Двѣ низшія окладныя единицы — надѣлы отъ 2 до $1^1/_2$ десятинъ, и въ 1 или $^3/_4$ десятины. Они составляютъ $^1/_4$ и $^1/_8$ части высшихъ окладныхъ единицъ: трети и чети выти. По этимъ окладамъ верстались захудавшіе дворохозяева и одинокіе, вдовцы и вдовы. Такъ, напримѣръ, вдова Орина была съ высшаго надѣла переведена на надѣлъ въ 2 десятины (полъ-полъ-трети выти), „потому что охудала“, какъ отмѣтилъ писецъ.

Все это даетъ намъ ясное понятіе о существѣ передѣла въ тверскихъ дворцовыхъ вотчинахъ. Писецъ или дворцовый приказчикъ, не безъ участія, конечно, волостного міра, опредѣляетъ вытный окладъ каждаго дворохозяина, по его тягловымъ силамъ. Разверстка же или передѣлъ земли, соотвѣтственно этому окладу,

---

[1]) „Понеже у насъ въ деревняхъ тягла именуются не однимъ званіемъ, гдѣ называются деньги да полушки, а индѣ осмаки и протчіе званія, что все во всѣхъ деревняхъ отставить, а называть и писать тяглами“. Такъ распорядился Волынскій въ 1725 году, но, надо думать, дробныя дѣленія тягла на осмаки и проч. все же сохранились въ его деревняхъ.

предоставляется самимъ крестьянамъ, но не всей волости, а крестьянамъ дворохозяевамъ каждой деревни особо [1]).

Такая вытная разверстка податей, а вмѣстѣ съ ними и земли, была широко распространена въ концѣ XVI-го вѣка. Она существовала во всѣхъ тверскихъ дворцовыхъ вотчинахъ князя Семіона Бекбулатовича, въ которыхъ было свыше 2.000 дворовъ крестьянъ. Введена она была и почти во всѣхъ вотчинахъ Троицкаго-Сергіева монастыря, въ Московскомъ, Дмитровскомъ и Звенигородскомъ уѣздахъ, судя по писцовымъ книгамъ 1592—1593 годовъ. Находимъ мы ее и въ Бѣлозерской дворцовой волости Ѳедосьинъ Городокъ въ 1585 году и въ Волоколамскомъ уѣздѣ—въ 1544 году. Но нельзя сказать, чтобы вытная раскладка существовала повсемѣстно. Такъ, въ описаніи села Танищи въ Бѣлозерскомъ уѣздѣ (на р. Судѣ) въ 1594 году, принадлежавшаго Троицкому-Сергіеву монастырю, сдѣлана отмѣтка: „а вытей въ селѣ Танищахъ съ деревнями по крестьянской сказкѣ прежъ сего не бывало, и вытей не знаютъ“. И въ описаніи волости Вохна въ Московскомъ уѣздѣ, которая до перехода ея къ тому же Троицкому монастырю была дворцовой волостью князя Владиміра Андреевича, находимъ подобную отмѣтку: „а въ выти у нихъ волость Вохна не положена, складываютъ деньгами“ [2]).

[1]) Такъ, напримѣръ, и въ вотчинѣ князя Одоевскаго крестьянинъ Костюшка Никитинъ тянулъ тягло съ 2½ десятинъ; но когда онъ овдовѣлъ и у него „ребятишекъ осталося шестеро малы“, съ него міръ по его просьбѣ сбавилъ тягла полдесятины. Съ „однокаго“ крестьянина міръ, по его просьбѣ, снимаетъ четверть десятины, оставляя ему полторы, и перекладываетъ ее на крестьянина той же деревни, потому что онъ „семьянистый“. Съ крестьянки, когда у нея умеръ мужъ и всѣ четыре сына, міръ „сбавляетъ“ двѣ десятины и оставляетъ ей десятину „на прокормленіе“. „Чтенія“, 1903 г., кн. 2, № 48 (стр. 89), № 66 (стр. 100), № 60 (стр. 97).

[2]) „Писцовыя книги XVI вѣка“, отд. I, стр. 95; отд. II, стр. 420.

Въ вотчинахъ Троицкаго Сергіева монастыря, судя по итогамъ, тамъ же, I, на стр. 732, 742, 756 на выть клалось крестьянской и монастырской худой земли отъ 6 до 6½ десятинъ. Относительно одной деревни отмѣчено: „а вытей въ живущемъ полъ—5 выти, а на выть пашни дано по 10 четьи“, т.-е. по 5 десятинъ. Здѣсь вытная раскладка крупнѣе, чѣмъ въ Тверскихъ вотчинахъ. Здѣсь находимъ надѣлы въ цѣлую выть и полъ-выти на дворъ, затѣмъ и треть и четь вытей и ½ трети, ½ четь. Въ Рузскомъ уѣздѣ встрѣчается также и ½ ½ трети (1/12) (с. 656).—Слово выть, какъ замѣтилъ *Миклашевскій*, имѣло „двоякій смыслъ“: „съ одной стороны оно означало платежный участокъ, съ другой группу крестьянъ или крестьянскихъ дворовъ плательщиковъ“.

О такой же вытной раскладкѣ говоритъ и древнѣйшая грамота о перемѣрѣ-передѣлѣ земли, 1496—1510 годовъ, хотя она и не употребляетъ термина выть. Передѣлъ или перемѣръ земель властью вотчинника-митрополита мотивируется въ этой грамотѣ тѣмъ, что „монастырскіе крестьяне пашутъ пашни на себя много, а монастырскія пашни пашутъ мало". Митрополитъ Симонъ приказываетъ въ виду этого землю крестьянъ „во всѣхъ трехъ полѣхъ перемѣрить", дать имъ по пяти десятинъ и указать шестую десятину пахать на монастырь. Этотъ надѣлъ въ 6 десятинъ одинаковъ съ обычнымъ надѣломъ на выть отъ 6 до 8 десятинъ. И такъ же, какъ при вытной раскладкѣ, этотъ надѣлъ уменьшается соотвѣтственно силамъ дворохозяина, и сохраняется только пропорція между собственной запашкой крестьянина и его барщиной: „А будетъ земли обильно, читаемъ въ грамотѣ, а кому будетъ земли надобно болѣ того, и онъ бы по тому же пахалъ и монастырю пашню—шестой жеребей. А кому не будетъ силы пахати пяти десятинъ, и онъ бы по тому пахалъ и монастырскую пашню".

Это, слѣдовательно, какъ и при вытной раскладкѣ въ владѣльческихъ имѣніяхъ, не уравненіе выгодъ пользованія землей, а лишь уравненіе повинностей.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Долевое землевладѣніе.

§ 34. [Долевое землевладѣніе на сѣверѣ].

Первые насельники края шли не въ разбродъ, не въ одиночку, а ватагами; и осѣдая на землю они сохраняли общественную связь—источникъ общиннаго мірского строя.

съ другой группы крестьянъ или крестьянскихъ дворовъ плательщиковъ". „Да они жъ пашутъ сопча по мѣрѣ полвыти". Эта барщинная запашка возлагалась по расчету на выть 2 десятины, въ иныхъ мѣстахъ 1½ десятины. Дмитровскій уѣздъ, 1592—1593. Тамъ же, I, стр. 731—770, и др.

О выти см. *А. С. Лаппо-Данилевскій*, „Организація прям. оброк"., стр. 228—232. *П. Милюковъ*„ Спорн. вопр. финанс. ист. Моск. госуд.", 1892, с. 32—33. *И. Миклашевскій*. „Др.-русскіе позем. кадастры", „Зап. И. Акад. Н"., т. VI, № 4, 1903, с. 31—33.

Но землю для своего хозяйства занимали они каждый въ собственность по праву вольнаго захвата и селились особо своимъ дворомъ, въ отдаленіи одинъ отъ другого, каждый на своей обширной заимкѣ. При обиліи земли каждый выбиралъ наиболѣе удобныя мѣста для пашни; первоначальное подсѣчное и переложное хозяйство требовало большого количества земли на каждый дворъ: и при такихъ условіяхъ каждый селился тамъ, гдѣ нашелъ удобное мѣсто, иной разъ за 5 и больше верстъ отъ своего сосѣда.

Современные намъ большіе поселки, многодворныя деревни—возникли очень поздно, и въ древности несомнѣнно господствовало разселеніе хуторами, какъ говорятъ теперь. Это одно изъ твердо установленныхъ положеній нашей науки. Селомъ и деревней первоначально, а на сѣверѣ до XVI вѣка, называлось несомнѣнно отдѣльное дворохозяйство.

Къ деревнѣ-двору тянутъ пашни, луга, воды, лѣсъ, по праву захвата, куда топоръ, коса и соха ходили, и она представляетъ собою, говоря словами А. Я. Ефименки, „обособленную земельную единицу“. Съ нея ведетъ свое начало исторія землевладѣнія.

Въ писцовыхъ книгахъ до XVI вѣка мы видимъ еще множество однодворныхъ деревень. Пока есть свободныя земли, ищутъ простора, одинокой заимки. „Отъ отцовъ дѣти, отъ братьи братья, отъ дядь племянники“ постоянно уходятъ на новыя мѣста, въ той же волости, пока въ ней есть незанятыя мѣста, или дальше въ чужія волости, и всюду на нашихъ глазахъ возникаютъ новые однодворные деревни-починки.

Изъ братьевъ и племянниковъ, конечно, не всѣ уходятъ на заимки-починки; послѣ смерти отца часто двое сыновей остаются на „селѣ“ своего отца, а если его топоръ, какъ и соха захватили много доброй земли, то и трое сыновей остаются на старомъ печищѣ. Иногда они продолжаютъ вести хозяйство сообща, какъ вели его при отцѣ, вмѣстѣ работаютъ и „ѣдятъ и пьютъ вмѣстѣ“, и только сидятъ въ отдѣльныхъ клѣтяхъ на общемъ дворѣ. Но чаще братья дѣлятся послѣ смерти отца, и въ деревнѣ появляется два или три особыхъ двора.

Деревня-дворъ при этомъ превращается въ маленькій поселокъ двухъ-дворный или трехъ-дворный. Она, однако, при этомъ большею частью сохраняетъ прежній характеръ поземельнаго цѣлаго, единаго хозяйства.

Деревня при раздѣлѣ между братьями не расходилась на два совершенно обособленныхъ и точно размежеванныхъ имѣнья. Земли одного крестьянскаго дворохозяйства, хотя бы и очень большого, трудно раздѣлить такъ, какъ дѣлятъ большое имѣнье, дѣля его на части пограничной чертой.

Крестьянское дворохозяйство слагается изъ разнообразныхъ небольшихъ угодій, изъ небольшихъ пашенъ и поженъ (сѣнокосовъ), въ поляхъ и лугахъ разнаго качества. И эти условія хозяйства диктуютъ особый порядокъ раздѣла. Когда два брата дѣлятъ „печище“ или „село“ своего отца, они, чтобы уравнять свои части, дѣлятъ пополамъ каждое угодье, дѣлятъ пополамъ пашни въ поляхъ разнаго качества и пожни въ разныхъ лугахъ. Участокъ лѣса они не дѣлятъ на двѣ части межою, они дѣлятъ въ немъ только „ловища“ или „перевѣсы“—большія сѣти для ловли птицъ или звѣрей, которыя подвѣшивались въ лѣсу на деревьяхъ; они дѣлятъ въ немъ мѣста, гдѣ водились дикія пчелы (бортные ухожаи). Вмѣстѣ съ лѣсомъ, нераздѣленнымъ остается и озерко или рѣчка, и такъ, какъ при отцѣ, братья вмѣстѣ закидываютъ тоню и дѣлятъ только уловъ.

Деревня сохраняетъ прежнее значеніе хозяйственнаго цѣлаго: къ ней по прежнему тянутъ извѣстныя поля, луга, лѣса и воды. И братья послѣ раздѣла владѣютъ долями этихъ различныхъ угодій: „полосами“ и „лоскутами“ земли въ различныхъ поляхъ, и „участками“ въ различныхъ „ловищахъ“ рыбы и звѣря.

Такой порядокъ дѣлежа деревни находимъ мы въ новгородскихъ или двинскихъ купчихъ XV вѣка. Такъ, напримѣръ, одинъ крестьянинъ продаетъ „полъ села земли... отчину его, дворъ и дворище и гуменникъ, и орамые земли, пожни и съ притеребы (росчисть) и лѣсы, и перевѣсища и въ водахъ ловища и въ хмельникахъ половина и гдѣ ему ни досталося въ отдѣлѣ отъ братьевъ своихъ“. Другой завѣщаетъ монастырю принадлежавшую ему „четверть“ „въ орамой земли, въ пожняхъ и въ лѣсѣ и въ водахъ“. Третьи подробно отмѣчаютъ всѣ принадлежавшіе имъ „полосы“ и „лоскуты“ земли въ разныхъ угодьяхъ [1]).

Характерная черта этихъ порядковъ черезполосность и дробность лоскутовъ земли. Это землевладѣніе—лоскутное.

[1]) *Шахматовъ*, „Изслѣд. о двинскихъ грамотахъ XV в.“, № 45, № 9; А. Юр. № 71, XXX; ср. Р. И. Б., т. XIV, № 5 (1517), № 9 (1523).

Земельное единство деревни сохраняется еще больше, когда братья, послѣ смерти отца, не производятъ раздѣла имущества, а оставляютъ всѣ земли въ общемъ владѣніи и только берутъ въ пользованіе полосы и лоскуты земли, соотвѣтственно наслѣдственной долѣ каждаго. Это вызывалось тѣми же особыми условіями небольшого крестьянскаго хозяйства, о которыхъ я говорилъ. Наслѣдники не производили окончательнаго раздѣла въ виду того, что хозяйственное значеніе различныхъ участковъ измѣнялось съ теченіемъ времени; и, чтобы никому не нанести ущерба, время отъ времени передѣляли свои полосы или нѣкоторыми угодьями пользовались поочереди. Иную пашню или пожню, на низкомъ мѣстѣ могло, напримѣръ, залить водой при сильномъ разливѣ рѣкъ, что случалось тогда еще чаще, чѣмъ теперь; иную пашню на берегу рѣки могло „смыть или засыпать“, какъ предусматриваетъ одна раздѣльная грамота [1]). Въ виду этого наслѣдники, не раздѣляя окончательно своего печища, дѣлили его условно, съ тѣмъ, чтобы затѣмъ уравнивать и передѣлять свои полосы и лоскуты, по мѣрѣ надобности, чтобы реальная доля каждаго всегда точно соотвѣтствовала идеальной долѣ его наслѣдства.

Въ этомъ и заключается существо *долевого* или *складническаго* землевладѣнія или, точнѣе, землепользованія. Оно открыто А. Я. Ефименко, и ея основныя наблюденія вполнѣ подтвердились дальнѣйшими изслѣдованіями, въ особенности трудомъ П. И. Иванова. „Владѣя реально своею долей, говоритъ Ефименко, каждый членъ разложившагося печища не переставалъ быть идеальнымъ представителемъ извѣстной доли когда то общаго цѣлаго... Несмотря на то, что при дѣлежѣ земли участокъ каждаго опредѣлялся реально: полоса тамъ то, польцо такое то,—доля каждаго не теряла своего первоначальнаго идеальнаго характера права на такую то часть цѣлаго. Дѣлежъ не разбивалъ цѣлаго безповоротно. Каждый соучастникъ дѣлежа могъ найти, что реальный участокъ,

[1]) Въ одной изъ раздѣльныхъ грамотъ, напримѣръ, предусматривается случай, что какой-либо изъ выдѣленныхъ участковъ на берегу рѣки сдѣлается негоднымъ для пашни: „а которое мѣсто въ коей трети (въ одной изъ третей дѣлежа) смоетъ или засыплетъ, а пахать негодно“; и на этотъ случай всѣ участники дѣлежа обязуются помочь потерпѣвшему (*Ивановъ*, „Древности“, т. II, в. 2, с. 269).

доставшійся ему, не соотвѣтствуетъ его праву, его идеальной долѣ и могъ требовать передѣла, уравниванья".

„Какъ идеально деревня дѣлилась на доли,—добавляетъ къ этому П. И. Ивановъ,—такъ матеріально всѣ ея земли и угодья дѣлились на жеребьи, число которыхъ и размѣры соотвѣтствовали числу и размѣрамъ долей. Каждый жеребій состоялъ изъ участковъ въ земляхъ и угодьяхъ всѣхъ качествъ и назначеній, усадебныхъ, полевыхъ, сѣнокосныхъ и пр... Каждымъ даннымъ жеребьемъ складникъ пользовался только отъ передѣла до передѣла. Въ опредѣленные сроки вся земля отбиралась отъ ихъ пользователей, дѣлилась вновь на полосы, числомъ и размѣрами соотвѣтствовавшія числу и размѣрамъ долей, „дѣлилась и вервилась" и распредѣлялась, „жеребьевалась по долямъ" между складниками". Кромѣ передѣла, время отъ времени производилось поравненіе или „ровня". Цѣлью поравненія было выяснить, соотвѣтствуетъ ли участокъ складника его идеальной долѣ; участокъ его измѣрялся, и если оказывалось, что у него „по его долѣ мало, неполна", то ему прибавлялось изъ земель тѣхъ складниковъ, у кого оказались лишки [1]).

Въ этихъ „равненіяхъ" раздѣленныхъ полосъ и проявляется основная черта долевого землевладѣнія. По дѣльной грамотѣ 1601 года деревня Камчинская дѣлится на четыре части, дѣлится ея „дворъ и дворища и земли орамыя и пожни по четвертямъ" и указывается точно, какія „полосы" въ какомъ полѣ „достались" на каждую четверть. И тутъ же участники дѣлежа условливаются: „а землями намъ полосами равнятись межъ собою ровно, чтобъ ни у кого лишка земли ни въ которой четверти или въ полосѣ не было" [2]).

На ряду съ условнымъ дѣлежомъ земель по долямъ, въ сѣверныхъ деревняхъ очень часто производились и окончательные раздѣлы. Привыкши къ частымъ передѣламъ и уравниваніямъ земли, складники закрѣпляли такой окончательный раздѣлъ осо-

---

[1]) А. Юр. Б. № 107. (Цит. тоже у *И. Иванова*, с. 216).

[2]) При обозначеніи межей и при ихъ измѣреніи втыкались колья. Отсюда перестановка межей называлась „межное переколотье" и идти на поравненіе называлось „итти на уколоть" (а передѣлъ всѣхъ участковъ назывался жеребьевкой). Цѣль поравненія—„въ лишкѣ землею не владѣть, а у кого лишекъ будетъ, то оттыкать" (*И. Ивановъ*).

бымъ обязательствомъ, вносившимся въ раздѣльныя грамоты: „а что есми подѣлили по своей любовѣ, а то намъ послѣ сего дѣлу тѣхъ земель не верстати“ (1592); или: „а ту есмя деревню, дворъ и поля и логи подѣлили по своей любовѣ, а впредь намъ... не передѣливати, и съ полосъ другъ друга не сживати“ (1595). Чтобы придать болѣе крѣпости этому обязательству, складники иногда назначали даже за нарушеніе его особую пеню: „а будетъ изъ насъ изнова который взачнетъ передѣливать или его дѣти, и на томъ взяти или на его дѣтяхъ... 10 рублевъ денегъ“.

Дѣля и размежевывая полосы и лоскуты земли, соотвѣтственно долѣ владѣнія каждаго, складники постоянно оставляли нѣкоторыя угодья нераздѣленными, неразмежеванными, не только въ общемъ владѣніи, но и въ общемъ пользованіи. Дѣлилась и размежевывалась обыкновенно только пашня, а въ общемъ пользованіи оставлялись сѣнокосы, выгоны, лѣса и воды [1]). „А та моя четверть деревни, читаемъ въ купчей 1625 года, вся пашенная земля съ братіею въ дѣлу и за межами окромя сѣнныхъ покосовъ, а *сѣнные покосы* вмѣстѣ съ братіею, не въ дѣлу“. Или въ другой купчей: „а *орамая земля* со складниками съ Иваномъ да съ Григорьемъ въ раздѣлѣ и за межами; а *поскотина и пожни и озера и истоки* и всѣ угодьи съ складниками вмѣстѣ, не въ раздѣлѣ“ [2]).

Нераздѣленныя угодья назывались на сѣверѣ „обчихами“ „вопчихами“, „вопчими землями“. И складники обязывались „за ту пашу вопчую землю... стоять въ отвѣтѣ всѣмъ вмѣстѣ“. Въ отношеніи земель, выдѣленныхъ каждому въ отдѣльное владѣніе, напротивъ, условливались, что свои права на нихъ каждый долженъ охранять самъ: „Тимофею и Ивану самимъ стояти за свои

---

[1]) На сѣверѣ лучшія пашенныя земли, находившіяся на возвышенныхъ мѣстахъ, назывались обыкновенно *горною* землей, въ отличіе отъ другихъ угодій на низкихъ мѣстахъ, называвшихся землей *луговой*; и дѣля между собою горную землю, складники большею частью оставляютъ нераздѣленною землю луговую.

[2]) При условномъ дѣлежѣ размежеванье производилось такъ же, какъ при окончательномъ раздѣлѣ. Поэтому, въ грамотахъ встрѣчается выраженіе: „*земля за межами, а не въ дѣлу*“. При окончательномъ „дѣлѣ“, земля не только размежевывалась, но и доставшіеся каждому участки описывались или „расписывались“ въ дѣльныхъ грамотахъ. Поэтому „окончательный „дѣлъ“ обозначается въ актахъ словами: земля „*за межами и въ дѣлу и въ росписи*“.

полянки". Иногда, однако, привыкши при долевомъ владѣніи къ общей его охранѣ, складники, и раздѣливъ окончательно земли, и обязавшись впредь ихъ не передѣливати, вмѣстѣ съ тѣмъ, условливались: „а отъ стороннихъ людей за землю стояти намъ вмѣстѣ" (1595).

Всѣ эти черты долевого или складническаго землепользованія, всѣ эти „вопчихи" или общія угодья, и частые передѣлы и уравниванія на первый взглядъ дѣлаютъ его очень похожимъ на общинное землевладѣніе. Но это сходство — внѣшнее и по существу своему долевое землепользованіе рѣзко отличается отъ общинно-уравнительнаго.

Между „уравненіемъ" складническимъ и „уравненіемъ" общиннымъ нѣтъ ничего общаго, кромѣ одного и того же слова, имѣющаго въ этихъ двухъ случаяхъ совершенно различный смыслъ. Уравненіе въ долевой деревнѣ есть уравненіе полосъ и лоскутовъ соотвѣтственно долѣ, принадлежащей каждому по праву собственности. Общинное же землевладѣніе не признаетъ права собственности; община уравниваетъ и передѣллетъ земли соотвѣтственно трудовымъ силамъ или семейному положенію каждаго дворохозяина. Въ одномъ случаѣ уравненіе — размежеваніе земель по правамъ собственника: уравненіе „по купчимъ и инымъ крѣпостямъ", по письменнымъ „крѣпостямъ, по купчимъ и дѣльнымъ"; въ другомъ случаѣ — дѣйствительное уравненіе, частью по силамъ, частью по потребностямъ каждаго. Это существенное различіе между долевымъ и общиннымъ землевладѣніемъ точно указано А. Я. Ефименко. „Деревенскій дольщикъ, говоритъ она, былъ полнымъ собственникомъ своей доли... Онъ могъ покупать и продавать, завѣщать и наслѣдовать, отдавать и получать въ приданое, могъ дробить и даже разрывать на куски свою долю. Естественно, что при этомъ условіи не могло быть равенства въ земельномъ владѣніи — этого безусловно необходимаго элемента современной поземельной общины". Подворное землевладѣніе, утвердившееся въ Архангельской губерніи въ XVII вѣкѣ, сохраняется здѣсь до начала XIX вѣка, до „генеральнаго поравненія" 1831 года, о которомъ я уже говорилъ. Оно прошло здѣсь съ большими затрудненіями. Складническіе передѣлы-„поравненія" къ этому времени здѣсь уже не существовали; и генеральное „поравненіе по душамъ" не имѣло ничего общаго съ долевымъ „поравненіемъ по крѣпостямъ".

Долевое землевладѣніе есть, такимъ образомъ, не что иное, какъ совладѣніе собственниковъ. Возникаетъ оно изъ дробленія деревни, принадлежащей одному хозяину, также на правѣ собственности. И разрушаясь, оно переходитъ не въ общинное землевладѣніе, а въ подворное, на томъ же правѣ собственности. Фактъ перехода долевого землевладѣнія въ подворное, выясняемый Ефименко и Ивановымъ, показываетъ наглядно, какъ далеки были по существу своему „уравненія по крѣпостямъ“ отъ общинно-уравнительнаго землевладѣнія.

Долевое землевладѣніе, столь развитое на сѣверѣ въ XVI вѣкѣ, переходитъ въ подворное уже къ серединѣ XVII вѣка. А. Я. Ефименко полагаетъ, что въ половинѣ XVII вѣка „общихъ передѣловъ по деревнямъ уже не существовало, или если они и существовали, то въ видѣ исключенія“. П. И. Ивановъ также утверждаетъ, что складническое землевладѣніе разлагается, переходя въ подворно-участковое, въ первой половинѣ XVII вѣка. Передѣлы пашенной земли или горной исчезаютъ и „только принадлежности пашни“ (луговая земля) остаются „въ XVII вѣкѣ, въ коллективномъ складническомъ владѣніи“ [1]).

---

[1]) Акты, касающіеся долевого землевладѣнія на сѣверѣ:

1) Новгородскія и двинскія купчія XV в.: „Акты Юридическіе“ и *А. Шахматовъ*, „Двинскія грамоты XV вѣка“.

2) Акты, относ. до юридич. быта.

3) Дѣльныя и явки на складниковъ XVI—XVII вв.: Акты Холмог. и Уст. Еп., „Русск. Истор. Библ.“, т. XII, XIV, XXV.

4) Судебникъ 1589 года; редакція *С. К. Богоявленскаго*: „Сборн. Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ“.

5) Извлеченіе изъ актовъ въ книгахъ *А. Ефименки* и *П. Иванова*. Во второй изъ этихъ книгъ напечатана цѣликомъ „поскотина дѣльная“ 1624 г. Акты троицкихъ складниковъ: *П. Ивановъ*, „Сябры-помѣщики“: „Журн. Мин. Нар. Просв.“, 1903, № 12.

6) Большія цитаты изъ неизданныхъ актовъ, собранныхъ *М. А. Дьяконовымъ* въ цѣнной статьѣ *М. Клочкова*, „Къ вопросу о складникахъ“: „Журн. Мин. Нар. Просв.“, 1901, ноябрь, ч. 338, с. 29—51.

7) Дѣльная грамота Сольвычегодскихъ складниковъ 1572 года: *Н. Рожковъ*, „Сельское хозяйство Моск. Руси“, 1899, с. 494—495.

8) Судный списокъ по дѣлу складниковъ Устьянской волости 1641 года: *М. Богословскій*, „Къ вопросу о судебникѣ 1589 года“, „Ж. Мин. Нар. Просв.“ 1905, дек., ч. 362, с. 265—275.

О сябрахъ и складникахъ:

А. С. Лаппо-Данилевскій, „Критич. замѣтки по ист. народн. хоз. въ Вел.

§ 35. [Долевое землепользованіе—въ исторіи землевладѣнія].

Описанныя черты долевого землевладѣнія выяснены по документамъ, относящимся къ деревнямъ крайняго нашего сѣвера XVI—XVII вѣковъ. Но можетъ ли деревня на рѣкѣ Двинѣ въ Архангельской губерніи, съ ея долевымъ землепользованіемъ, служить типомъ древней деревни во всѣхъ другихъ областяхъ, столь отличающихся по своимъ хозяйственнымъ условіямъ отъ крайняго сѣвера?

А. Я. Ефименко, конечно, отвѣчаетъ на этотъ вопросъ утвердительно. Новыя идеи всегда ослѣпляютъ изслѣдователей, всегда увлекаютъ ихъ на нѣсколько шаговъ дальше за предѣлы линіи

Новгородѣ": „Журн. Мин. Нар. Просв." 1895 г., № 12, с. 364—368 и отд. отт., с. 24—28, и статья въ Сборникѣ „Крестьянскій строй", т. I, 1905, с. 19—21.

И. Лучицкій, „Сябры и сябринное землевладѣніе въ Малороссіи": „Сѣверн. Вѣстникъ", 1889, № 1 и 2.

М. Ф. Владимірскій-Будановъ, „Обзоръ истор. русск. права", изд. 4-ое, 1905, с. 558—561, и 693.

В. И. Сергѣевичъ, „Древн. русск. права", т. III, 1903, с. 59—63, 386—408.

А. Я. Ефименко, „Изслѣдованія народной жизни".

П. И. Ивановъ, „Къ исторіи крест. землевлад. на сѣверѣ въ XVII в." „Древности, труды археографич. ком. моск. археол. общ.", т. I, вып. III, 1899, с. 413—440. „Позем. союзы и передѣлы на сѣверѣ Россіи въ XVII в." ib. т. II, вып. II, 1902, с. 194—278.

В. И. Сергѣевичъ признаетъ существованіе у насъ долевого землепользованія: долевыхъ совладѣльцевъ онъ узнаетъ въ новгородскихъ и псковскихъ сябрахъ. Общее владѣніе, вопчія деревни обозначаются, по его мнѣнію, терминомъ „вопчее". Общіе владѣльцы-„собственники", они „распоряжаются своими долями по собственному усмотрѣнію". Доли сябровъ — „доли идеальныя; продаются они по усмотрѣнію дольщика" (с. 69—71). И въ отношеніи Малороссійскихъ сябровъ XVIII вѣка, *Сергѣевичъ* упрекаетъ *Лучицкаго* въ томъ, что онъ „не различаетъ идеальной части отъ части, отведенной въ натурѣ" и „говоритъ о раздѣлѣ, гдѣ раздѣла еще не было, а продолжалось общее владѣніе идеальными частями" (с. 398). Эти заключенія *Сергѣевича* относительно сябровъ основаны на очень ограниченномъ числѣ данныхъ. Выводъ *А. Я. Ефименко* относительно сѣверныхъ складниковъ обоснованъ гораздо болѣе солидно на очень богатомъ матеріалѣ. Но *Сергѣевичъ* очень рѣшительно, безъ критическаго разбора, отвергаетъ основной выводъ ея работы, что складники были общими владѣльцами, дольщиками какъ и псковскіе сябры. *Сергѣевичъ*, конечно, много возражаетъ г-жѣ *Ефименкъ*, но тщательно обходитъ въ своихъ возраженіяхъ этотъ основной

точно доказаннаго. И г-жа Ефименко, увлеченная открытой ею долевою деревней, естественно, придала ей преувеличенное значеніе, какъ особой всеобщей стадіи развитія землевладѣнія. Она утверждаетъ, что „долевая деревенская поземельная организація была общимъ типомъ старой русской поземельной организаціи"—для Новгородскаго района, и предполагаетъ, что эта организація имѣла тоже значеніе „и внѣ района Новгородской области" [1]).

Выростаетъ эта организація „на развалинахъ той послѣдней стадіи родового быта, которая называется у юго-западныхъ славянъ задругою, а на сѣверѣ „нечищемъ". Далѣе изъ этой долевой организаціи, какъ изъ „материнской формы", развивается съ одной стороны подворно-участковое, съ другой—общинное землевладѣніе [2]). Долевое складническое землевладѣніе представляется г-жѣ Ефименко, какъ одинъ изъ трехъ основныхъ „фазисовъ" развитія: 1. задруга, 2. складники, 3. дворъ или община.

пунктъ, а все толкуетъ о ея теоріи *происхожденія* складничества и его дальнѣйшаго развитія, при нѣкоторыхъ условіяхъ, въ общинное землевладѣніе (с. 390—395). *Сергѣевичъ* очень рѣдко признаетъ чужіе выводы, даже если они, какъ въ данномъ случаѣ, твердо доказаны. Его point d'honneur—собственныя оригинальныя объясненія. И на основаніи очень искусственнаго объясненія двухъ-трехъ текстовъ онъ даетъ такое, дѣйствительно, оригинальное объясненіе складничества: „Складство"—это „положеніе въ одну податную единицу (соху) для исчисленія государева тягла". Слово „складство"—товарищество могло обозначать, какъ это видно изъ документовъ, разныя товарищескія отношенія. Но, истолковавъ одинъ документъ о складникахъ, какъ о „складникахъ въ тяглѣ", *Сергѣевичъ* совершенно произвольно утверждаетъ, что „*въ этомъ же смыслѣ надо понимать и всѣ другіе документы*, въ которыхъ рѣчь идетъ о жителяхъ одной деревни, которые называютъ себя складниками" (с. 60—61). А какъ надо понимать слѣдующія ясныя выраженія актовъ: „*сложился* я сирота съ нимъ Петромъ, онъ два пуда мѣди, а я положилъ пудъ мѣди, и тою мѣдью промышлять"; или „а тотъ у насъ цренъ *въ складствѣ*" съ такими-то; или: „язъ Никита Стафіевъ складывался съ Ѳедорою съ Ортемьевою дочерью вмѣстѣ жити" (см. *М. Клочковъ*, къ вопросу о складникахъ; „Журн. Мин. Нар. Просв"., 1901, ноябрь, с. 35—36). Это тоже складство въ тяглѣ? Сябры—дольщики, по двумъ-тремъ намекамъ на ихъ вончія земли и доли. А складники, о вончихъ земляхъ которыхъ, доляхъ и передѣлахъ документы, можно сказать, кричатъ,—не дольщики, а только „складники въ тяглѣ" (!). Что это, какъ не капризъ почтеннаго ученаго?

[1]) „Изслѣд. народ. жизни" стр. 225 и 373.

[2]) Тамъ же, стр. 225—226.

Все это, несомнѣнно, нѣсколько лишнихъ шаговъ далеко за черту доказаннаго. Даже для крайняго сѣвера, гдѣ складническое землевладѣніе было широко распространено, въ немъ трудно видѣть особый „фазисъ“ развитія.

Долевое землепользованіе слишкомъ неустойчиво для того, чтобы ему придавать такое общее значеніе. Оно появляется въ той или другой деревнѣ, когда отъ одного дворохозяина деревня переходитъ въ руки двухъ или трехъ, и оно очень скоро исчезаетъ въ ней, какъ только отношенія дворохозяевъ усложнились, и они, вмѣсто владѣнія по долямъ, рѣшаютъ окончательно раздѣлить между собою земли такъ, чтобы впредь уже не передѣливаться. Только что возникши изъ деревни-двора, долевая деревня быстро превращается въ деревню съ подворнымъ личнымъ владѣніемъ.

Эта неустойчивость долевой деревни ведетъ къ тому, что мы всюду, въ каждомъ небольшомъ раіонѣ, въ каждой волости рядомъ съ долевыми деревнями находимъ и деревни—дворохозяйства, и многодворныя деревни, въ которыхъ складники раздѣлили уже свои земли, окончательно размежевавъ ихъ и расписавъ. На сѣверѣ въ XVI—XVII вѣкахъ, когда здѣсь наблюдаются порядки долевого землепользованія, поселки-деревни были такъ же, какъ и повсюду въ Россіи, очень небольшихъ размѣровъ, и большею частью преобладали маленькія деревни въ одинъ и два двора. Ефименко указываетъ, напримѣръ, что въ 17-ти деревняхъ Спасскаго стана въ 1651 году было 8 деревень одподворныхъ, 5 двухдворныхъ и только 4 деревни съ тремя и четырьмя дворами. Развитое долевое землепользованіе съ передѣлами и уравниваніемъ могло здѣсь существовать только въ этихъ немногихъ многодворныхъ деревняхъ, и то въ нѣкоторыхъ изъ нихъ складники могли уже размежевать и расписать земли. Долевое землепользованіе, такимъ образомъ, въ каждомъ данномъ раіонѣ сосуществуетъ съ другою формою: съ подворнымъ личнымъ владѣніемъ.

Каждая долевая деревня разлагается очень быстро не отъ внѣшнихъ причинъ, а отъ внутреннихъ, отъ естественнаго роста населенія, она въ самой себѣ носитъ зерно быстраго разложенія. А. Я. Ефименко сама указываетъ, что „увеличеніе народонаселенія“ является „самымъ существеннымъ изъ внутреннихъ условій, вліявшихъ на разложеніе деревни“ (с. 301—302). Какъ только

число совладѣльцевъ увеличивается, „возникаетъ такая спутанность, которая устраняетъ всякую мысль о передѣлахъ или уравниваніяхъ“, и складники производятъ окончательный раздѣлъ земли.

На неустойчивость этого землепользованія, на его переходный характеръ указываютъ и частыя столкновенія между складниками. Мы имѣемъ цѣлый рядъ извѣстій о такихъ столкновеніяхъ въ двухъ небольшихъ волостяхъ за короткое время. Такъ, напримѣръ, въ небольшихъ волостяхъ Шевденицкой и Усть-Уфтюжской за 1606 годъ мы находимъ два вооруженныхъ нападенія однихъ складниковъ на другихъ. Въ одномъ случаѣ, когда пущены были въ ходъ ножи и рогатины, одинъ изъ складниковъ былъ убитъ на смерть, другой изувѣченъ и ограбленъ. Въ слѣдующемъ 1607 году мы, опять въ той же мѣстности, находимъ жалобы крестьянъ на своихъ складниковъ о бою, грабежѣ и въ насильственномъ завладѣніи полосами земли [1]).

И я полагаю, что это долевое землепользованіе, столь неустойчивое, столь быстро разлагающееся и всегда сосуществующее съ землевладѣніемъ подворнымъ, нельзя принимать за какой-то особый „фазисъ“ или какую-то „стадію“ развитія, соотвѣтствующую стадіямъ родового владѣнія или общиннаго.

Въ основѣ долевого пользованія лежитъ тоже право собственности, какъ и въ подворномъ владѣніи. Основная ячейка древняго поземельнаго устройства деревня-дворъ, деревня-однохозяйное цѣлое. Деревня долевая или складническая есть разновидность этой деревни-двора. Это общее владѣніе нѣсколькихъ собственниковъ одною деревней, при чемъ эта деревня сохраняетъ до нѣкоторой степени свое прежнее хозяйственное единство.

Долевое землепользованіе получило особенное развитіе на сѣверѣ, на рѣкѣ Двинѣ, въ Архангельской и Вологодской губерніяхъ въ XVI вѣкѣ и до половины XVII вѣка. Здѣсь были нѣкоторыя особыя мѣстныя условія, которыя заставляли крестьянъ, не дѣля окончательно деревни, пользоваться полосами и мелкими лоскутами земли, передѣливая ихъ и уравнивая время отъ времени. Здѣсь было очень мало удобной для пашни земли, а расчистка новинъ требуетъ большой затраты труда. Въ каждой деревнѣ было мало лучшей, такъ называемой здѣсь „горной“

[1]) „Р. И. Б.“, т. XIV, №№ 242, 243, 247, 248 и др.

земли, находящейся на возвышенныхъ мѣстахъ, и болѣе удобной, чѣмъ низкія мѣста (луговая земля), на которыхъ посѣвы больше страдаютъ отъ морозовъ, вслѣдствіе близости болотъ. Недостатокъ „горной“ земли заставлялъ складниковъ цѣнить и небольшіе полосы ея и лоскуты и велъ къ тому, что въ деревнѣ являлось много совладѣльцевъ, владѣвшихъ очень мелкими ея долями.

Въ другихъ мѣстахъ, гдѣ удобной земли было больше, деревня, надо полагать, не дробилась на такія мелкія доли, и по мѣрѣ увеличенія въ деревнѣ числа дворовъ, владѣльцы ихъ распахивали новые участки земли. И при этомъ условіи долевое землевладѣніе не могло получить такого развитія, съ постоянными передѣлами и уравненіями, какое мы видимъ на сѣверѣ.

Но основныя черты долевого землевладѣнія, надо полагать, были свойственны не только сѣверной деревнѣ, но и вообще древней деревнѣ. По всей вѣроятности и въ другихъ мѣстахъ, такъ же, какъ на сѣверѣ, братья послѣ смерти отца часто не дѣлили земель деревни окончательно, а оставляли ее въ общемъ владѣніи и пользовались землею, соотвѣтственно долямъ наслѣдства. При этомъ они, по всей вѣроятности, дѣлили деревню не такъ, какъ дѣлятъ имѣнье, разрѣзывая его пограничной чертой, а такъ же, какъ сѣверные складники: дѣлили разныя угодья полосами, а нѣкоторыя угодья оставляли въ общемъ пользованіи. Такая черезполосность и общія угодья, (сѣверныя обчихи), должны были оставаться здѣсь, какъ и на сѣверѣ, и послѣ окончательнаго раздѣла земель между наслѣдниками, и многодворная деревня сохраняла нѣкоторое хозяйственное единство, подобно деревнѣ-двору, этой основной ячейкѣ древнаго поземельнаго строя.

Мнѣ кажется, поэтому, что складниковъ сѣвера изслѣдователи не безъ основанія сближаютъ съ сябрами псковской судной грамоты и съ сябрами Малороссіи.

§ 36. [Долевое землевладѣніе въ Западной Европѣ].

Существовало-ли долевое землевладѣніе на Западѣ?

А. Я. Ефименко, открывъ сѣверную долевую деревню, начала искать ее и въ Германіи, но, ограничившись книгами Маурера, она нашла въ нихъ только нѣкоторые неопредѣленные намеки на существованіе въ Германіи „такой же долевой поземельной

организаціи". Между тѣмъ ей слѣдовало взять не Маурера, а статьи Ганссена, чтобы найти въ нихъ ясное описаніе долевого землевладѣнія, сохранявшагося въ нѣкоторыхъ нѣмецкихъ областяхъ до прошлаго столѣтія.

Въ предисловіи къ своей книгѣ Ефименко писала, что устанавливая свои положенія, она не мало смущалась, что не могла „сослаться ни на какого нѣмца", и радовалась, что нашла потомъ въ нѣмецкой литературѣ единомышленника по другому вопросу, о трудовой основѣ права собственности. И въ этомъ вопросѣ, о долевомъ землевладѣніи, у ней былъ нѣмецъ-единомышленникъ, Ганссенъ. Онъ открылъ для нѣмецкой науки долевое землепользованіе еще раньше Ефименко, въ 1863 году. Но надо сказать, что этотъ нѣмецъ, статья котораго имѣла такой же большой успѣхъ, какъ и статья Ефименки, исполнилъ свою задачу хуже ея.

Въ то время, какъ Ефименко выяснила тѣсную связь долевой деревни съ деревней-дворомъ, выяснила частное право собственности, лежащее въ основѣ владѣнія деревни цѣлой или раздѣленной на доли, и въ силу этого провела отчетливую грань между долевымъ и общиннымъ землевладѣніемъ, ея нѣмецкій коллега Ганссенъ увидѣлъ въ долевомъ землевладѣніи остатокъ первобытной общины, о которой говорятъ Цезарь и Тацитъ. Эта ошибочная теорія происхожденія долевой деревни не помѣшала, однако, Ганссену отчетливо описать ея существо, по точнымъ даннымъ и наблюденіямъ недавняго времени: XVIII и XIX вѣка.

Данныя его относятся, главнымъ образомъ, къ общинамъ на рѣкѣ Мозелѣ, по ея притоку, рѣкѣ Саару, въ нынѣшней Рейнской провинціи Германской имперіи, въ горныхъ округахъ Триръ, Мерцигъ, Оттвейлеръ, Вендель и Саарбургъ. Долевой совладѣлецъ назывался здѣсь Gehöfer, буквально „подворникъ" и долевая деревня—Gehöferchaft, въ буквальномъ переводѣ—„подворщина" [1]).

Что эта „подворщина" рейнской провинціи одинакова съ складнической деревней Архангельской губерніи, это совершенно ясно изъ описанія Ганссена. И тамъ и здѣсь общее владѣніе; и тамъ и здѣсь пользованіе полосами и лоскутами земли по идеальнымъ

[1]) Слово подворникъ означало у насъ нѣчто совершенно иное: человѣка, живущаго на чужомъ дворѣ. Но я буду пользоваться имъ здѣсь въ указанномъ нѣмецкомъ смыслѣ. Слово подворщина въ нашемъ древнемъ языкѣ неизвѣстно.

долямъ совладѣльцевъ; и тамъ и здѣсь передѣлы—жеребьевки, но не общинное уравненіе, а отводъ жеребьевъ по идеальнымъ долямъ.

Каждому „подворнику“ (Gehöfer) принадлежитъ извѣстная „доля“ въ общемъ владѣніи [Ганссенъ такъ и называетъ ее „долей“ (Quote) и „идеальной долей“ (ideelle Quote)] и эта доля принадлежитъ ему по праву собственности; онъ можетъ ее отчуждать по частямъ или цѣликомъ. Поэтому Gehöferchaften называются также Erbschaften—наслѣдственными владѣніями—„вотчинами“ и Erbgenossenschaften—„вотчинными общинами“. Этотъ терминъ „вотчинная община“ прекрасно характеризуетъ существо долевого землевладѣнія, соединеніе общины съ собственностью, съ „вотчиной“.

Вслѣдствіе раздѣла долей между наслѣдниками и отчужденія ихъ по частямъ они здѣсь, на р. Мозелѣ, дробятся на все болѣе мелкія части, какъ и доли нашихъ складниковъ. И участки различныхъ владѣльцевъ отличаются чрезвычайнымъ неравенствомъ; наименьшее владѣніе въ такихъ общинахъ равняется только $^5/_8$ моргена, наивысшее—35 моргенамъ.

Порядокъ раздѣла земель по долямъ каждаго поразительно совпадаетъ съ порядками сѣверной русской деревни, какъ это ясно изъ слѣдующаго описанія Ганссена: „Подлежащія жеребьевкѣ (Verloosung) земельныя угодья разнаго рода (пашни, дикія земли и т. д.), соотвѣтственно различнымъ свойствамъ почвы, ихъ расположенію на возвышенности или на низменности, ихъ большей или меньшей отдаленности и т. д., дѣлятся на четыреугольники, которые составляютъ большое число спеціальныхъ отдѣловъ жеребьевки (speciélle Verloosungsdistrikte). Въ каждомъ такомъ отдѣлѣ приходится каждому подворнику (Gehöfer) соотвѣтствующая часть. Опредѣленіе этихъ частей каждаго подворная община упрощаетъ и облегчаетъ себѣ тѣмъ, что она не приступаетъ непосредственно къ дѣлежу всѣхъ подлежащихъ жеребьевкѣ отдѣловъ на большое число жеребьевъ самыхъ разнообразныхъ размѣровъ, какъ то требуется по разнообразнымъ долямъ владѣнія (Quotenbesitz) каждаго, а сначала дѣлитъ ихъ на опредѣленное число большихъ жеребьевъ равной величины. Для каждаго такого большого жеребья соединяются вмѣстѣ нѣсколько долей, и этимъ соединеннымъ группамъ подворниковъ предоставляется произвести дальнѣйшій раздѣлъ между собою“.

Чтобы яснѣе представить читателю близость этихъ порядковъ

къ долевому землевладѣнію нашей складнической деревни, я приведу еще слѣдующую цитату изъ Ганссена, въ которой онъ объясняетъ причины и цѣли передѣла земель въ подворщинахъ. Онъ основывается на письменномъ документѣ, а именно на приговорѣ общины Лосгеймъ, 1724 года, которымъ эта община рѣшила возобновить передѣлы, не производившіеся въ ней долгое время, съ *1655 года*. „Вслѣдствіе раздѣловъ земли здѣсь (въ Лосгеймѣ) говоритъ онъ—возникло безпорядочное раздробленіе полосъ до того, что хозяйственное пользованіе ими стало невозможнымъ и затемнились межи собственниковъ. Отъ этого страдали даже тѣ, кто покупкою или по наслѣдству снова соединяли въ своихъ рукахъ болѣе значительное земельное владѣніе, такъ какъ они не могли объединить своихъ разбросанныхъ полосъ и полосокъ, и у нихъ повсюду возникали недоразумѣнія и столкновенія съ сосѣдними владѣльцами. Въ ту эпоху еще не могло быть и мысли объ объединеніи земель (Consolidationen), какъ оно дѣлается въ наше время, и для того, чтобы по возможности упорядочить аграрныя отношенія, представлялось наиболѣе простымъ средствомъ: свести пахотныя и луговыя владѣнія всѣхъ снова къ *идеальнымъ долямъ* (ideelle Quoten) и возстановить 12-лѣтнія жеребьевки (Verloosung).

Одинаково съ Ганссеномъ и Маурером, К. Бюхеръ полагаетъ, что подворныя общины представляютъ собою остатокъ очень глубокой древности временъ Тацита и Цезаря, но это не помѣшало ему дать вѣрное опредѣленіе существа долевого землевладѣнія: „Gehöferschaften—это аграрныя общества, владѣющія пашнями, лугами и лѣсами, въ которыхъ каждый членъ общества пользуется участками по жребію соотвѣтственно тѣмъ различнымъ правамъ, которыя ему принадлежатъ... Части каждаго сочлена могутъ быть отчуждаемы и свободно дѣлимы между наслѣдниками“...

Долевое землевладѣніе было широко распространено въ XVIII в. въ указанной мною выше мѣстности, въ горахъ Гунсрюка и по берегамъ Мозеля и Саара. Многія подворныя общины окончательно раздѣлили здѣсь свои земли въ 1795—1796 годахъ; массовые раздѣлы произведены были въ связи съ первымъ прусскимъ кадастромъ на рубежѣ 30-хъ и 40-хъ годовъ и затѣмъ по закону объ общинныхъ раздѣлахъ 1851 года. Но въ небольшомъ числѣ онѣ сохранились до конца XIX вѣка; по свѣдѣніямъ Лампрехта, въ округѣ Трира въ 1883 году было еще 26 Gehöferchaften.

Подворныя или вотчинныя общины съ долевымъ раздѣломъ земель извѣстны въ нѣмецкой наукѣ по наблюденіямъ надъ общинами указанной мѣстности. Но нѣмецкіе историки доказываютъ, что онѣ существовали въ болѣе древнее время и въ другихъ мѣстахъ.

Соглашаясь съ этимъ, Лампрехтъ возражаетъ только противъ увлеченія тѣхъ, кто „въ каждомъ сельскомъ полѣ готовъ видѣть подворщину“ [1]).

---

[1]) *Georg Hanssen.* „Agrarhistorishe Abhandlungen“, 1880. Статья Die Gehöferschaften im Regierungsbezirk Trier, с. 99—122 (она напечатана была раньше въ Abhandlungen der Königl. Akad. der Wissenschaften zu Berlin, 1863). Въ текстѣ моемъ цитируются стр. 108, 112—113 и др. Во второмъ томѣ тѣхъ же „Agrarhist. Abhandlungen“, 1884, помѣщена дополнительная статья по тому же вопросу: Kommentar zu der Abhandlung über die Trierschen Gehöferschafsen. (Нѣкоторыя цитаты изъ этихъ статей приведены въ книгѣ *А. Посникова*, „Общ. Землевлад.“, вып. II, 1878, с. 161, 164 и др.).

Статья *К. Бюхера*: „Derniers vestiges de l'ancien régime agraire en Allemagne“, въ книгѣ *E. de Laveleye*, „De la propriété“, 4-е изд., 1891, с. 107, 108—109 и др.—*K. Lamprecht*, „Deutsches Wirtschaftsleben im Mittelalter“, с. 442—445.—*Авг. Мейценъ*, „Формы разселенія“, въ книгѣ „Очерки изъ экономи и соц. исторіи“, Спб. 1889. *Г. Мауреръ*, Введеніе, русск. перев., 1880, с. 7. *М. Ковалевскій*, „Эконом. ростъ Европы“, т. I, с. 363, 462, т. II, с. 151. *Ганссенъ* даетъ слѣдующее опредѣленіе Gehöferschaften, къ которому присоединяется *Лампрехтъ*: „аграрныя товарищества съ общей собственностью на всѣ ихъ земельныя владѣнія, поля, пашни, луга, такъ называемыя дикія угодья (Wildländerei) и лѣса, и съ періодической смѣной членовъ въ частномъ пользованіи угодьями на основѣ возобновляемыхъ жеребьевокъ, за исключеніемъ земель, „оставляемыхъ въ общемъ пользованіи“: „Agrarhist. Abhandl.“, I, 100, *Lamprecht* с. 442. Но въ этомъ опредѣленіи нѣтъ важнаго признака, что члены товарищества имѣли неравныя права на земли. Поэтому я предпочитаю опредѣленіе *Бюхера*, приведенное въ текстѣ. *К. Лампрехтъ* возражаетъ противъ „общаго воззрѣнія на историческій характеръ Gehöferschaften, которое клонится къ тому, что въ нихъ сохранились остатки первобытнаго аграрнаго строя, а именно полной общности полей“. Но онъ, въ свою очередь, ошибочно полагаетъ, что долевая деревня слагается подъ владѣльческимъ вліяніемъ. „Gehöferschaft — говоритъ онъ — представляетъ собою общину, выросшую на владѣльческой землѣ и изъ нея, и никоимъ образомъ не продолженіе и не остатокъ германской полевой общины, но скорѣе относительно недавнее учрежденіе“ (с. 445). *Г-жа Ефименко* признаки долевого землевладѣнія въ Германіи нашла въ извѣстіяхъ о гуфахъ, раздѣленныхъ на 8, 9, 14 и болѣе частей: выраженіе германскихъ памятниковъ: „половина и восьмая часть mansi“ живо напомнили ей выраженія нашихъ актовъ: „полъ-деревни и жеребій деревни“. („Изслѣд. народной

§ 37. Полицкая вервь.

Полицкая вервь отнюдь не можетъ быть приравниваема къ семейной общинѣ, такъ называемой задругѣ [1]).

Единственныя указанія на связь верви съ семейными или родовыми отношеніями можно бы видѣть въ терминахъ, относящихся къ верви. Члены задруги называются „братьями" вервными и ихъ общее владѣніе „племенщиной". Но эти термины, идущіе изъ

жизни", стр. 236, 237). Эти извѣстія, однако, недостаточны для аналогіи между раздѣленной гуфой и долевой деревней потому, что гуфа имѣла двойственное значеніе; она обозначала деревню, въ обѣихъ ея составныхъ частяхъ, двора и земли, и въ то же время податной участокъ, совпадавшій первоначально съ нормальнымъ размѣромъ деревни, какъ дворохозяйства. У насъ такое двойственное значеніе первоначально имѣла *обжа*. Обжа, какъ и германское хоба (huobe, hufe), соотвѣтствовала деревнѣ, и иногда употреблялась какъ равнозначущее выраженіе, но обжей назывался податный участокъ. Такимъ образомъ, выраженіе полъ-гуфы соотвѣтствуетъ выраженію полъ-обжи, полъ-податного участка. Указанія на чрезвычайную дѣлимость гуфы, до 32 частей (и до $^1/_{160}$) могутъ указывать на то, что древній размѣръ окладного участка уже не соотвѣтствовалъ нормальному размѣру дворохозяйства, подобно тому, какъ наша *соха*, древнѣйшая большая окладная единица, съ теченіемъ времени далеко разошлась съ размѣромъ дворохозяйства, и каждое дворохозяйство выражалось въ мелкихъ дробяхъ сохи. Выраженія памятниковъ: „38 полныхъ гуфъ съ половиною" указываютъ на число окладныхъ единицъ и должны быть сопоставлены съ выраженіями нашихъ памятниковъ: столько то обжъ и столько то сохъ съ дробями; обжъ и сохъ, какъ окладныхъ единицъ. Подобно нашей сохѣ, гуфа, какъ окладная единица, превращается съ теченіемъ времени въ земельную мѣру, отъ 30 до 60 моргеновъ. (*Lamprecht*, стр. 367). Въ XIII столѣтіи гуфу въ качествѣ окладной единицы смѣняетъ плугъ (aratrum), или земельная мѣра моргенъ, или четверть (Quartar, das Viertel) (Idem, стр. 371, 327), какъ у насъ обжу смѣняетъ соха. Окладъ по гуфамъ сохраняется въ господскихъ имѣніяхъ. Раздробленныя части гуфъ объединяются въ одно цѣлое, но не такъ, какъ объединялись доли деревни при совладѣніи, а единственно въ податномъ отношеніи. „Тамъ, гдѣ удержалось старое обложеніе по гуфамъ, говоритъ *Лампрехтъ*, владѣльцы обрывковъ гуфы составляли особый, самостоятельный податный союзъ, главой котораго былъ владѣлецъ старыхъ дворовыхъ построекъ гуфы" (*Lamprecht*, стр. 370).

[1]) Задруга или заединъ также не была семейной общиной, см. выписки изъ Ткалаца у *Леонтовича*: „О значеніи верви по Русской Правдѣ и Полицкому статуту, сравнительно съ задругою юго-западныхъ славянъ", „Ж. М. Н. Пр.", 1867 г., т. 134, стр. 12.

древности, могутъ дать указаніе лишь на происхожденіе верви изъ родовыхъ отношеній, и въ историческое время они уже не соотвѣтствуютъ дѣйствительности.

Вервь Полицкаго статута 1400 года представляетъ собою ни что иное какъ марковую, волостную общину.

Братья вервные иначе называются сосѣдями (сусѣди) такъ же, какъ члены русской волости и германской марки (vicini). Они составляютъ вмѣстѣ вервную дружину-общину, Genossenschaft.

Вервь-волость слагается изъ нѣсколькихъ селъ (соотвѣтствующихъ нашимъ „деревнямъ“). Въ каждомъ селѣ живетъ по нѣсколько дольщиковъ-дионіковъ. Дионики владѣютъ участками пашни соотвѣтственно доставшимся имъ долямъ по наслѣдству (по бащинѣ). Вмѣстѣ съ тѣмъ они пользуются и общими угодьями волости-верви, носящими названіе „племенщины“.

Полицкій статутъ касается характернѣйшаго момента жизни волостныхъ общинъ — раздѣла общихъ угодій-племенщины. Раздѣлъ этотъ совершается такъ же, какъ въ маркѣ, по долямъ, по жеребьямъ вервниковъ.

„А гдѣ есть лѣсъ, то онъ дѣлится слѣдующимъ образомъ: во-первыхъ, когда извѣстны (разводъ) вервь и доли (дио), какія слѣдуютъ изъ общинныхъ угодій (племенщины) селамъ по мѣрѣ и по разводу (верви) соотвѣтственно отчинѣ (по бащинѣ), тогда не требуется изыскивать никакого иного дѣлежа лѣса, какъ по точному разводу и мѣрѣ, по хозяевамъ и дворамъ и угодьямъ: какъ гдѣ идетъ разводъ по отчинѣ, такъ пойдутъ и доли лѣса.

„Если же неизвѣстенъ и не можетъ быть извѣстенъ разводъ между собою изъ угодій, какъ бываетъ, гдѣ въ селѣ много дольщиковъ, тамъ слѣдуетъ дѣлить лѣсъ такимъ образомъ: прежде всего, въ особенности, какъ пошло искони, доли лѣса должны пойти по старымъ законнымъ жребіямъ, а также и по дворамъ“.

Ѳ. И. Леонтовичъ въ своей статьѣ о Полицкой верви, столь часто цитируемой нашими изслѣдователями, сдѣлалъ изъ этой ясной статьи ошибочные выводы. Ошибка его произошла отъ того, что онъ не зналъ существа того вервленія, развода, дѣлежа по верзи-веревкѣ, какое мы хорошо знаемъ изъ изслѣдованія А. Я. Ефименки [1]). Онъ не замѣтилъ, что слово вервь

[1]) „Изслѣд. народ. жизни“, стр. 213 и слѣд.

употребляется въ этой статьѣ въ двухъ значеніяхъ: вервь—община и вервь—веревка. Такимъ образомъ, слова статута о доляхъ (дио), какія слѣдуютъ изъ племенщины селамъ по мѣрѣ и по *верви*, по отчинѣ,—онъ принялъ за указаніе на дѣлежъ „по вервямъ—частямъ селъ“ [1]).

На возникшемъ по той же причинѣ ошибочномъ пониманіи статьи основанъ и слѣдующій изъ нея выводъ: „Вервь, владѣющая племенщиною сообща по бащинѣ, отличается отъ верви, состоящей изъ отдѣльныхъ участниковъ (дионикоръ), владѣющихъ отдѣльными жребіями (участками, ждрибове)“. Этотъ выводъ ни малѣйше не соотвѣтствуетъ изложенной статьѣ. Статья различаетъ не двѣ формы верви, а два случая, одинъ, когда въ селѣ немного дольщиковъ, и доли, причитающіяся каждому изъ общихъ угодій совершенно ясны, и другой, когда въ селѣ дольщиковъ много, и ихъ долевые разсчеты запутаны [2]).

Этотъ ошибочный выводъ изъ указанной статьи статута лежитъ въ основѣ всѣхъ разсужденій проф. Леонтовича о двухъ формахъ верви, изъ которыхъ одна представляетъ собою семейную общину: „Братья вервные могутъ жить на общей племенщинѣ, владѣя ею сообща, безъ раздѣла по хозяевамъ и дворамъ, подобно семьѣ въ строгомъ смыслѣ“ (стр. 9).

Какая связь соединяла членовъ вервнаго территоріальнаго союза? На этотъ вопросъ изслѣдователи наши даютъ два гипотетическихъ отвѣта. Одни предполагаютъ, что вервь была семейной общиной, подобной славянской задругѣ. Другіе, по моему болѣе правильно, полагаютъ, что вервь была сосѣдской общиной, подобной позднѣйшей волостной общинѣ и германской маркѣ.

Никакихъ, ни прямыхъ, ни косвенныхъ указаній на родственныя отношенія между членами верви разсмотрѣнныя выше статьи Русской Правды не даютъ. И изслѣдователи, связывающіе вервь съ семейной общиной, находятъ собственно возможнымъ изъ анализа этихъ статей вывести единственно то, что вервь *когда-то*, первоначально была кровнымъ союзомъ. Они предполагаютъ, что

---

[1]) „Въ приведенной статьѣ развиваются правила о порядкѣ раздѣла лѣсовъ. Они дѣлятся по вервямъ—частямъ, селамъ, а въ ней (а въ нихъ?) по жеребьямъ или числу хозяевъ (!)“. Тамъ же, стр. 7.

[2]) См. примѣры у *А. Я. Ефименки.*

круговая отвѣтственность членовъ верви возникла изъ древнѣйшихъ родственныхъ отношеній, изъ того, что они „*когда-то* были связаны между собою узами родства“ [1]). Ѳ. И. Леонтовичъ идетъ дальше въ этомъ направленіи. Онъ полагаетъ, что вервь и въ историческое время Русской Правды была союзомъ родственниковъ, семейной общиной, онъ утверждаетъ, что „сущность ея, по многимъ признакамъ, одна и та же, что и задруги“, что „верви и задруги представляютъ собственно переходную ступень къ чистообщиннымъ формамъ жизни“ [2]). Онъ основывается въ этомъ случаѣ на сближеніи нашей верви съ Полицкой вервью. Но ниже я покажу, что Полицкій уставъ 1400 года даетъ ясныя указанія, что Полицкая вервь такъ же, какъ наша, была не семейной, а сосѣдской общиной.

Можетъ быть, происхожденіе нашей верви, какъ и Полицкой, дѣйствительно идетъ отъ древнихъ родовыхъ и семейныхъ отношеній. Но источники не даютъ указаній на то, чтобы они представляли собою семейные союзы въ историческое время. Вервь Русской Правды, по всѣмъ признакамъ представляетъ собою значительный территоріальный союзъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ предусматриваемая Русской Правдою возможность убійства виднаго княжа мужа на землѣ верви, безъ вѣдома ея членовъ, возможность тайнаго нарушенія ролейной межи и безуспѣшнаго розысканія „по верви“ „татя“, совершившаго это преступленіе,—наконецъ, высокая цифра дикой виры, которая раскладывается на ея членовъ.

„Въ верви—замѣчаетъ Лешковъ—надо предполагать значительную массу населенія, которая удобно могла вынести на своей шеѣ такую общественную повинность [3]).

---

[1]) *Н. Рожковъ*, „Историч. и соціологич. очерки“, ч. I, М. 1906, стр. 110. *С. Капустинъ*, которому въ своихъ разсужденіяхъ отчасти слѣдуетъ г. *Рожковъ*, также родовыя отношенія относилъ къ древнѣйшей эпохѣ происхожденія верви; онъ писалъ, что „жители верви, очень вѣроятно полагать, принадлежали къ одному *разросшемуся* роду“: Юридич. сборникъ *Д. Мейера*, 1855, стр. 285.

[2]) „О значеніи верви сравнительно съ задругою“, „Журн. Мин. Нар. Просв.“ 1867, ч. 134, стр. 17, 18.

[3]) *Лешковъ* правильно полагаетъ, что „древняя вервь была почти тоже, что впослѣдствіи погостъ и другія аналогичныя раздѣленія Россіи“. Но подробно описывая вервь, онъ допускаетъ нѣсколько слишкомъ произвольныхъ предположеній“: „Русскій народъ и государство“, М. 1858, стр. 110, 111.

Вервь времени Русской Правды, по всей видимости, была не семейной, а сосѣдской волостной общиной, о существованіи которой въ это время свидѣтельствуютъ другія, разсмотрѣнныя выше извѣстія. Недаромъ же дикую виру, которую въ Кіевское время платила „вервь", впослѣдствіи платила „волость".

§ 38. Складническая деревня и волостной міръ.

Въ деревнѣ тѣ самыя общинныя угодья, которыя составляютъ одно изъ основаній марки-волостной общины, находились также въ общемъ владѣніи и пользованіи.

Небольшая деревня въ 2—5 дворовъ изъ-за этого, однако, не превращалась еще въ марку, но по прежнему входила въ составъ большой марки-волости. Сверхъ своихъ общинныхъ угодій владѣльцы деревни могли пользоваться также и общинными угодьями волости, гдѣ они были, какъ иногда у нѣсколькихъ волостей даже бывали общія угодья въ общемъ владѣніи и пользованіи. Складническая деревня такъ же, какъ деревня, составлявшая одно нераздѣльное дворохозяйство, входила въ составъ самоуправляющагося волостного союза, съ его выборными властями, общинной данью (податной развесткой), судомъ, церковью и проч.

Міръ съ его выборными властями, съ мірскими приговорами, во всемъ объемѣ своего значенія, является предъ нами въ актахъ, касающихся тѣхъ самыхъ сѣверныхъ деревень, въ которыхъ широко развито было складническое, долевое или лоскутное землевладѣніе. Земли здѣсь для выясненія податной отвѣтственности каждаго члена волости, будь то складникъ или нѣтъ, „вервились *мірскою волостною* ровностью и веревью".

„Каждая волость, говоритъ г-жа Ефименко, будь то волость черносошныхъ крестьянъ или волость владѣльческая, т.-е. совокупность земель одного владѣльца, напр., монастыря,—вервила землю особо одной, „общей", „большой" „волостною веревкой", въ первомъ случаѣ по приговору *волостного міра*, во второмъ—по приговору вотчинника... Общее вервленіе предпринималось въ нѣсколько десятковъ лѣтъ разъ (большій срокъ, что мы знаемъ, 25 лѣтъ), когда видъ земельной собственности значительно уклонялся отъ того, чѣмъ онъ являлся по веревнымъ, такъ что требовалось писать новыя веревныя книги. Волостной міръ, съ зем-

скими судейками, судейскими цѣловальниками, сотскими и т. под. своимъ выборнымъ начальствомъ во главѣ, постановлялъ приговоръ о вервленіи и затѣмъ съ какого-нибудь лѣтняго праздника, напр., Семена-лѣтопроводца или Николы вешняго, въ свободное отъ работъ время приступалъ къ операціи. Во главѣ дѣла стоялъ веревщикъ, котораго волость нанимала по общему мірскому совѣту и согласью" [1]).

Не обходится дѣло безъ міра, безъ представителей общины, сотскаго и добрыхъ людей и въ области спеціально-складническихъ отношеній. Міръ, частью рѣшавшій самостоятельно тяжбы волощанъ, частью участвовавшій въ судебномъ слѣдствіи, выступалъ на сцену и тогда, когда разбирались споры складниковъ о границахъ ихъ владѣній, о возстановленіи границъ ихъ участковъ соотвѣтственно ихъ наслѣдственнымъ правамъ. А. Я. Ефименко разсказываетъ, какъ, при равненіи владѣній складниковъ по старымъ крѣпостямъ, изъ съѣзжей избы посылались памяти земскому судейкѣ и сотскому, чтобы они „взяли съ собою веревшика, человѣка добра, да старожиловъ и волостныхъ крестьянъ сколько пригоже человѣкъ, и съ тѣми людьми... въ Настасьинской деревни по всякимъ письмянымъ крѣпостямъ орамые земли и сѣнные покосы и всякія угодья сравнили въ правду по евангельской заповѣди Господни" [2]).

А. Я. Ефименко не отрицаетъ существованія волости, какъ самоуправляющейся общины, не отрицаетъ и ея „органическаго" происхожденія. Но она, насколько возможно, принижаетъ ея значеніе, выдвигая въ противовѣсъ долевую деревню, какъ особую форму землевладѣнія, какъ основное учрежденіе древняго поземельнаго строя.

Ограничившись при изученіи волости только тѣми неизданными актами, которые были въ ея распоряженіи, притомъ поздняго времени, конца XVII и начала XVIII-го вѣка, г-жа Ефименко извлекаетъ изъ нихъ далеко не всѣ тѣ основныя черты волостного самоуправленія, какія указаны мною выше на основаніи болѣе

---

[1]) „Изслѣдов. народ. жизни", стр. 245—246. О мірѣ еще стр. 287: „отъ мірскаго усмотрѣнія зависило, какъ дѣлать раскладку, по сошкамъ и обжамъ, по вытямъ, по веревкамъ".

[2]) Актъ конца XVII в. „Изслѣдов.", стр. 227.

обширнаго и разнообразнаго круга источниковъ. Однако, и по этимъ неполно отмѣченнымъ ею чертамъ, мы легко угадываемъ основной отчетливый рисунокъ мірского самоуправленія, недорисованный вслѣдствіе неполнаго изученія источниковъ.

Деревни складническія (съ долевымъ землевладѣніемъ) и однохозяйныя, однодворныя, какъ указываетъ г-жа Ефименко, входили въ составъ волостей. Въ описываемой ею Папиловской волости на Двинѣ, деревень было 7, съ числомъ дворовъ отъ 1-го до 5-ти (стр. 212).

Крестьяне этихъ деревень составляли „волостной міръ", съ выборными представителями во главѣ. Г-жа Ефименко вскользь отмѣчаетъ существованіе въ волостяхъ „мірскихъ избъ, которыя были органами волостного міра" и „разныхъ сотскихъ и старостъ и т. под. волостныхъ должностныхъ лицъ".

Она говоритъ далѣе о волостномъ тяглѣ, о „государевомъ тяглѣ, сдавливавшемъ волость", и въ связи съ этимъ о „мірской землѣ", о земляхъ, состоявшихъ въ распоряженіи міра. Она указываетъ, что въ распоряженіе міра поступали всѣ запустѣвшіе участки, что „волость, какъ юридическое лицо, могла брать у казны на оброкъ свободныя земли", что, кромѣ того, „въ распоряженіи волости находились церковныя земли, которыя вѣдалъ всегда волостной міръ съ выборнымъ церковнымъ приказчикомъ". Она подробно описываетъ „волостное вервленіе"—измѣреніе тяглой земли съ цѣлью податного уравненія, производившееся „по приговору волостного міра", съ участіемъ старостъ и добрыхъ людей.

Во всѣхъ этихъ наблюденіяхъ отмѣчена значительная часть важныхъ сторонъ волостного самоуправленія: мірскія власти, сотскій и міръ, мірская земля, мірская дань съ самостоятельной раскладкой и вервленіемъ. Одни эти неполныя черты даютъ возможность судить о важномъ значеніи волости. Но г-жа Ефименко, описавъ разныя категоріи мірскихъ земель, описавъ волостное вервленіе по приговору міра, указавъ, что міръ въ отношеніи оклада имѣлъ власть не только надъ крестьянскими, но и надъ господскими, монастырскими землями, и т. д., неожиданно утверждаетъ, что волость является въ ея документахъ „блѣдною тѣнью" и, ослабляя значеніе своихъ наблюденій, говоритъ неожиданно: „вотъ все, что мы могли выжать изъ нашего матеріала о поземельномъ значеніи волости", а къ выборнымъ представите-

лямъ волости относится очень невнимательно, упоминая вскользь о „*разныхъ* сотскихъ и старостахъ“ [1]).

Такое отношеніе г-жи Ефименки къ волостному міру объясняется отчасти неполнотою собранныхъ ею данныхъ, а главнымъ образомъ, полемическимъ характеромъ ея работы. Эта работа направлена противъ Маурера, противъ приложенія его теоріи къ русской древности. Г-жа Ефименко горячо оспариваетъ Соколовскаго, который полагалъ, что русская волость такъ же, какъ германская марка, ведетъ свое начало изъ родового общиннаго землевладѣнія и что въ ея поземельномъ устройствѣ сохраняются слѣды этого ея происхожденія. Оспаривая эту теорію, г-жа Ефименко поземельныя владѣнія волости старается объяснить исключительно „тягловымъ ея характеромъ“, и въ то же время признаетъ что „нѣкоторыя стороны старой родовой единицы (верви, которую она приравниваетъ къ родовой маркѣ) продолжали существовать въ сѣверной верви-волости, напоминая о ея старомъ поземельномъ характерѣ“, признаетъ за волостью „органическое происхожденіе“, признаетъ, что „волость удержала за собой по отношенію къ землѣ одну функцію, которая въ архаическомъ обликѣ сохраняетъ слѣды стараго поземельнаго значенія волости“, именно мірское вервленіе [2]).

Тутъ въ полемическомъ увлеченіи г-жа Ефименко впадаетъ въ явное противорѣчіе. Надо выбрать что-нибудь одно, тяглое происхожденіе волости не вяжется съ ея органическимъ происхожденіемъ, съ архаическимъ обликомъ такой важной функціи, какъ вервленіе.

Отрицая существованіе волостныхъ общинныхъ угодій, г-жа Ефименко упускаетъ изъ виду цѣлый рядъ извѣстій (приведенныхъ выше) и, утверждая, что „пастбища и выгоны организованы“ на сѣверѣ такъ, что „волость тутъ совсѣмъ не при чемъ“, вслѣдъ затѣмъ сама указываетъ, что на сѣверѣ „скотъ пасутъ гдѣ какъ удобнѣе, *или нѣсколько деревень вмѣстѣ, или цѣлая волость*, или даже нѣсколько сосѣднихъ волостей“.

Утверждая, что связь клѣточекъ, составляющихъ волость деревень „была связью внѣшней“, г-жа Ефименко вслѣдъ затѣмъ

---

[1]) „Изслѣд. народ. жизни“, стр. 241—244.

[2]) Тамъ же стр. 208, 210, 239 и 244.

говоритъ: „мы, конечно, не хотимъ сказать, что между этими клѣточками не было никакой внутренней связи, совсѣмъ напротивъ: *такая связь была не только тяловая, но и нравственная, и очень крѣпкая*“ [1]).

Такъ, сколько ни старается г-жа Ефименко уничтожить или принизить значеніе волости, эта волость, „органическаго происхожденія“, связанная не только тягломъ, но и „очень крѣпкой нравственной связью“, имѣющая поземельное значеніе и сохраняющая въ немъ „архаическій обликъ“,—противъ желанія автора, несмотря на всѣ его уничтожительныя оговорки, вырисовывается въ чертахъ важнаго самостоятельнаго органа мірского самоуправленія.

Въ этомъ рисункѣ волости не хватаетъ, однако, нѣкоторыхъ важныхъ линій. Въ статьѣ о „Крестьянскомъ землевладѣніи на крайнемъ сѣверѣ“ (до 1884 г.) г-жа Ефименко, говоря о волости, вовсе не касалась ея функцій въ области суда. На эту важную сторону волостного самоуправленія она обратила вниманіе въ позднѣйшей своей работѣ о „Народномъ судѣ въ Западной Руси“ (1893), хотя и не поставила ея въ связь съ прежними своими соображеніями о волости.

На основаніи новыхъ любопытныхъ документовъ г-жа Ефименко изображаетъ здѣсь въ яркихъ краскахъ народный судъ въ Западной Руси XVI вѣка, судъ народнаго собранія—вѣча, громады, въ копномъ округѣ, соотвѣтствующемъ нашей волости. И въ связи съ описаніемъ этого суда въ Литвѣ, она кратко говоритъ и о народномъ судѣ въ древней Руси. „Московское государство—говоритъ она—рѣшительно встало на дорогу централизаціи и автократизма, и правосудіе перешло въ руки верховной власти. Тѣмъ не менѣе въ эпоху перваго судебника великокняжескіе намѣстники, все-таки, не судятъ безъ „добрыхъ людей“, безъ „лучшихъ людей“, и даже во второмъ судебникѣ упоминаются „судные мужи“, а на демократизацію суда Иваномъ Грознымъ едва ли слѣдуетъ смотрѣть какъ на какую-нибудь новую и смѣлую реформу... Остатки народнаго суда на территоріи восточнаго и южнаго славянскихъ племенъ дожили до сихъ поръ. Конечно, и волостные суды не привились бы у насъ съ такою легкостью, если бы за ними не стояли многовѣковыя традиціи.

---

[1]) Тамъ же, стр. 208, 241, 242 и 206.

Но и помимо волостныхъ судовъ, дѣйствующихъ на основаніи обычнаго права, можно найти остатки настоящаго архаическаго народнаго суда по разнымъ глухимъ угламъ Русской земли. Деревенскій судъ или судъ стариковъ есть кое-гдѣ въ великой Россіи еще живое, дѣйствующее учрежденіе“ [1]).

Все это вѣрно. И къ этому надо только прибавить, что участіе въ судѣ „добрыхъ людей“ по судебнику у насъ ясно связывается съ волостной организаціей. Эта новая черта дѣятельности волостного міра, той волости, которую г-жа Ефименко въ полемическомъ увлеченіи тщетно старалась превратить въ „блѣдную тѣнь“. Эта тѣнь была на самомъ дѣлѣ полна жизни, она была основнымъ учрежденіемъ въ строѣ народной жизни древности [2]).

---

[1]) „Южная Русь“, т. I, 1905, стр. 367—368 и пред.

[2]) Какъ *А. Я. Ефименко* расширяетъ значеніе складническаго землевладѣнія до особой стадіи развитія, такъ и *П. И. Ивановъ*, подобно ей, выходя далеко за линію доказаннаго, видитъ въ складничествѣ начало всѣхъ *мірскихъ* владѣній. Онъ говоритъ о „переходѣ складническаго землевладѣнія въ мірское“. Изъ деревенскихъ „складней“, по его мнѣнію, возникаютъ болѣе значительные союзы: „союзы волостокъ, тяглыя волости и союзы волостей“, то есть „мірское совладѣніе“. Мірское владѣніе землями въ предѣлахъ волости или волостки основано, по его мнѣнію, на такомъ же договорѣ, какъ и совладѣніе складниковъ одной деревни. И авторъ рисуетъ широкую картину нѣсколькихъ „концентрическихъ круговъ“ складническаго землевладѣнія. „Всѣ указанные союзы (деревни, волостки, волости и союзы волостей), говоритъ онъ, представляютъ рядъ концентрическихъ круговъ: въ центрѣ стоитъ дворъ, группа дворовъ образуетъ деревню: послѣднія, соединяясь, составляютъ волостку; изъ нѣсколькихъ волостокъ состоитъ волость или станъ; наконецъ, всѣхъ ихъ объединяетъ союзъ волостей“. Эти „концентрическіе круги“ *Иванова*, несомнѣнно, такая же крайность, какъ „стадіи“ и „фазисы“ *Ефименки*.

Что говорятъ намъ тѣ акты, на которые ссылается *Ивановъ* въ подтвержденіе своей широкой картины? Онъ говоритъ не о *возникновеніи* мірскихъ угодій по складническому договору, а о *раздѣлѣ* такихъ угодій, ранѣе существовавшихъ. Возьмемъ найденную авторомъ дѣльную 1624 года. Здѣсь „всѣ крестьяне Труфаногорскіе волости“ дѣлятъ между собой волостной поскотинный лугъ. Дѣлятъ они его между тремя складническими союзами, предварительно раздѣливъ лугъ на пять частей, и изъ каждой части даютъ полосу каждому изъ трехъ складническихъ союзовъ; „всѣ крестьяне“ волости „велѣли... тотъ поскотинный лугъ раздѣлить на 5 удѣловъ, всякій удѣлъ на трое“. „И въ томъ... поскотинномъ лугу въ трехъ третяхъ коему жъ въ своей трети: Василью со складники въ первой трети

землею владѣть, а другой трети Онтону со складники землею владѣть, а третьей третью Павлу съ складники землею владѣть, противо своихъ горныхъ участковъ земли: и другъ другу никому изъ трети въ треть никоторому не вступаться и не зачищать... И будетъ въ Перемскомъ во всемъ стану пойдетъ мірская веревка и на которую деревню наложатъ потугу, и въ поскотинномъ лугу прибавить, съ межъ подвигаться во всѣхъ удѣлахъ; а въ которой деревнѣ потугу убавятъ, ино съ поскотины убавить. А которое мѣсто въ которой трети смоеть или засыплетъ, а пахать не годно, и то мѣсто за симъ письмомъ сдѣлять всѣми тремя участки... А веревкою ровнить по потугу... И впредь не передѣливать тое земли никоторыми дѣлы" (с. 275, 276).. — Совершенно ясно, что долевой раздѣлъ поскотиннаго луга, соотвѣтственно долямъ горной земли, не создаетъ „мірского владѣнія", а наоборотъ свидѣтельствуетъ о существованіи мірскихъ угодій раньше, до этого раздѣла, ибо „всѣ крестьяне" волости могли дѣлить то, что имъ принадлежало. И до этой дѣльной 1624 года поскотинный лугъ былъ настоящимъ мірскимъ—общимъ владѣніемъ; теперь же онъ дѣлится на доли, и его мірское единство сохраняется уже слабѣе, въ обязательствѣ передѣлять его соотвѣтственно измѣненіямъ потуга—тягла, по „мірской" веревкѣ. Это „мірское владѣніе" существовало до его долевого дѣлежа, какъ существовала до этого дѣлежа издревле и „мірская веревка".

То же самое говорятъ намъ и другіе акты, на которые ссылается Ивановъ (с. 224). Такова, напримѣръ, дѣльная 1563 года. Здѣсь также прежнія общія — мірскія угодья дѣлятся на двѣ половины, соотвѣтственно двумъ половинамъ пашенной земли. Дѣлится островъ пополамъ и на каждую половину приходится по 9 вервей земли и по 3 верви лѣса. Но и послѣ этого раздѣла часть острова остается въ общемъ владѣніи: „А что у насъ останется лѣсу за тремя веревками послѣ дѣлу, и тотъ у насъ лѣсъ *вмѣстѣ* пополамъ. А который у насъ лѣсъ съ головы острова и по сторонамъ отъ Двины, и того намъ лѣсу не чистити, и дровъ не сѣчи, и лыкъ не драти, а тотъ у насъ лѣсъ затулою отъ леду и отъ воды. А кто будетъ сильной человѣкъ станетъ тутo дрова сѣчи или лыко драти, и намъ *на того стояти всѣмъ заодно*" (А. Х. и У. Е., XIV, с. 66—70). То же самое говорятъ и другія грамоты, на которыя ссылается *Ивановъ* (с. 234) и именно раздѣльная 1583—1587 и мировая 1651 (ib., с. 122 и 405).

Ивановъ разсматриваетъ мірскія владѣнія внѣ связи ихъ съ мірскимъ самоуправленіемъ. Поэтому только и сводитъ онъ возникновеніе ихъ къ тому моменту, когда пишутся эти раздѣльныя грамоты, когда „заинтересованые союзы вступаютъ между собою въ договоръ и имъ опредѣляютъ свои дальнѣйшія отношенія къ такимъ угодьямъ" (с. 235). Совершенно естественно, что изслѣдователь, сосредоточившій свое вниманіе на договорныхъ складническихъ отношеніяхъ, умаляетъ значеніе всего, что лежитъ внѣ этихъ отношеній, и не хочетъ видѣть силы „міра" внѣ складничества. Это неизбѣжная для каждаго изслѣдователя односторонность, это особая логика научныхъ розысканій.

И. Ивановъ упускаетъ волость — міръ и ея мірскія угодья, (или отрицаетъ ее безъ критики). Но онъ самъ подходитъ къ мысли, что мірскія угодья существовали и до ихъ раздѣловъ на долевыхъ основаніяхъ. Группы дворовъ и поселковъ первопачально, какъ предполагаетъ онъ, пользовались нѣкоторыми угодьями (будущими мірскими) „совершенно свободно", но имѣли право не допускать къ пользованію ихъ постороннихъ лицъ. „Въ этой власти—говоритъ онъ—кроются элементы будущихъ урегулированныхъ положительныхъ отношеній между ними" (с. 235). Сначала, слѣдовательно, то или другое угодье состоитъ въ нераздѣльномъ пользованіи группы дворовъ, охраняющей свое владѣніе отъ постороннихъ, затѣмъ — въ раздѣльномъ. Какъ же возможно начало „мірского владѣнія" вести отъ складнической раздѣльной записи? Мірскія угодья тѣсно связаны съ волостью-міромъ. И начало ихъ надо вести отъ начальной колонизаціи, когда, какъ вѣрно предполагаетъ самъ же *Ивановъ*, „шли цѣлыя дружины, военныя артели *и занимали землю*: всегда готовыя къ оборонѣ, осаживались онѣ на нее такимъ же группами, какими пришли, и образовали такимъ путемъ сразу не отдѣльныя печища, а тѣ небольшія группы деревень, какія мы встрѣчаемъ на сѣверѣ въ XVI—XVII вѣкахъ" (с. 200).

КНИГА II.

БОЯРЩИНА

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Боярщина.

§ 39. Основныя черты боярщины—сеньеріи.

(Соединеніе крупнаго землевладѣнія съ властью и съ мелкимъ хозяйствомъ).

Крупный землевладѣлецъ въ средніе вѣка имѣлъ на свою землю не только частное право собственности, но и нѣкоторыя государственныя права. Онъ былъ не только собственникомъ, но и до нѣкоторой степени государемъ своей земли. Въ его земельной собственности сливались воедино имущество и власть.

Въ отличіе отъ римскаго понятія собственности (dominium), какъ частнаго права на вещь, въ средневѣковой земельной собственности, какъ указываетъ Гирке, тѣсно соединяются элементы частнаго и публичнаго права. Древняя „германская собственность была одновременно земельнымъ господствомъ (Grundherrschaft) и земельнымъ имуществомъ (Grundvermögen) и таила въ одномъ зернѣ зародыши какъ территоріальнаго верховенства, такъ и собственности нашего времени“.

Это особенное свойство средневѣковаго крупнаго землевладѣнія имѣло чрезвычайно важное значеніе въ общемъ государственномъ

строѣ среднихъ вѣковъ. Когда крупное землевладѣніе развилось, когда крупные вотчинники постепенно освоили, гдѣ всѣ, гдѣ почти всѣ земли страны, то свойственная имъ публичная власть, естественно, получила значеніе одного изъ главныхъ устоевъ государственнаго строя. То раздробленіе верховной власти, которое составляетъ основную черту феодальнаго строя, возникло отчасти вслѣдствіе перехода нѣкоторыхъ государственныхъ правъ изъ рукъ короля въ руки его чиновниковъ графовъ и вице-графовъ. Но его главнымъ источникомъ было указанное соединеніе въ крупномъ землевладѣніи элементовъ частнаго и публичнаго права. И къ этому именно свойству средневѣковой земельной собственности относятся главнымъ образомъ слова Гизо: „сплавъ верховной власти съ собственностью“, la fusion de la souveraineté et de la propriété, которыми онъ опредѣляетъ одно изъ трехъ основныхъ началъ феодальнаго порядка [1]).

Этотъ сплавъ, это тѣсное слiяніе началъ частнаго и публичнаго права рѣзко отличаетъ крупное имѣніе среднихъ вѣковъ и отъ римскихъ латифундій и отъ крупныхъ имѣній нашихъ дней. Это крупное имѣніе представляетъ собою особенное своеобразное учрежденіе среднихъ вѣковъ, наряду съ другими такими же важнѣйшими учрежденіями эпохи, какъ марковая община, вассальная служба и бенефицій. И оно должно быть признано основнымъ учрежденіемъ феодальнаго порядка, если изучая этотъ по-

---

[1]) *Guizot*, „Hist. de la civilisation en France“, v. III, leçon III. Ср. характеристику этого явленія Гирке: „Vor allem endlich unterschied sich das germanische Grundeigenthum vom römishen dominium durch seinen viel umfassenderen stofflichen Gehalt. Denn während das letztere als rein privatrechtlicher Begriff die Sache nur als Vermögensbestandtheil setzte, war das germanische Eigen von je gleichzeitig Grundherrshaft und Grundvermögen und barg in einer Hülle die Keime der heutigen Gebietshoheit und die Keime des heutigen Eigenthums. Bevor daher mit der Entwickelung der Staatsidee die Scheidung öffentlicher und privater Rechte am Boden ermöglicht ward, umfasste der eine Begriff des räumlich—dinglichen Rechts gleichzeitig die ökonomischen Nutzungsbefugnisse des Bauern und die territoriale Gewalt des Königs oder der Gesagmtheit, gleichvie undekehrt kein Gattungsunterrchied irgend welcher Art zwischen Grundsteuern und Grundzinsen oder zwischen den von Lehen geschuldeten Kriegs—und Amtsdiensten und den bäuerlichen Realfrohnen bestand“. *Otto Gierke*, „Das Deutsche Genossenschaftsrecht“, t. II, 1873, § 9, c. 141.

рядокъ, не упускать изъ виду его тѣсной связи съ хозяйственными условіями и отношеніями времени.

Это учрежденіе обозначается спеціальными терминами: во Франціи — сеньерія (seigneurie), въ Англіи — мэноръ (manor), въ Германіи — Grundherrschaft, „земельное господство". Французскій терминъ отъ слова seigneur — господинъ, и нѣмецкій отъ слова Grundherr — господинъ земли, мѣтко характеризуютъ основную черту учрежденія: соединеніе господства, власти съ землевладѣніемъ.

Средневѣковое крупное имѣніе, средневѣковая сеньерія — господство представляетъ собою своеобразное учрежденіе также и съ хозяйственной своей стороны. И какъ хозяйственное учрежденіе, она рѣзко отличается отъ крупнаго имѣнія нашего времени. Въ наше время обыкновенно вся обширная площадь земли крупнаго имѣнія или большая ея часть, если часть земли сдается въ аренду, состоитъ въ непосредственномъ хозяйственномъ пользованіи самого землевладѣльца. Онъ самъ ведетъ хозяйство на своей землѣ, хотя бы она была и очень велика, трудомъ наемныхъ рабочихъ, а въ послѣднее время и при помощи сельскохозяйственныхъ машинъ, усовершенствованныхъ плуговъ, паровыхъ сѣнокосилокъ и молотилокъ.

Въ средніе вѣка, наоборотъ, обыкновенно только небольшая часть имѣнья состояла въ непосредственномъ хозяйственномъ пользованіи землевладѣльца, а значительно большая часть его обрабатывалась крестьянами, какъ самостоятельными хозяевами. Крупное землевладѣніе феодальной эпохи, такимъ образомъ, соединяется съ очень мелкимъ хозяйствомъ. Въ отношеніи средневѣковаго хозяйства, это—столь же основная черта, какъ въ отношеніи государственнаго порядка—соединеніе частнаго и публичнаго права. Это мелкое хозяйство крупнаго имѣнья составляетъ основную отличительную черту, феодальнаго производства отъ производства капиталистическаго. „Во всей Европѣ—говоритъ Карлъ Марксъ—феодальное производство характеризуется раздѣленіемъ земли между возможно большимъ числомъ подчиненныхъ поселянъ. Могущество феодальнаго барона, какъ и всякаго государя, основывалось не на величинѣ его ренты, но на числѣ его подданныхъ, послѣднее же зависѣло отъ числа самостоятельныхъ хозяевъ-крестьянъ" [1]).

[1]) *Марксъ*, „Капиталъ", т. I, стр. 518—519 (перев. подъ ред. П. Струве, 1906 г.). *Лампрехтъ* указываетъ слѣдующія условія, мѣшавшія въ средніе

Обѣ эти основныя черты средневѣковаго землевладѣнія находимъ мы и въ древней Руси удѣльной эпохи. Русская боярщина несомнѣнно представляетъ собою одно учрежденіе съ западной сеньеріей. Это одно и то же учрежденіе въ двухъ его основныхъ чертахъ, политической и хозяйственной, въ тѣсномъ соединеніи крупнаго землевладѣнія 1) съ государственной властью, 2) съ мелкимъ крестьянскимъ хозяйствомъ [1]).

Если западный феодальный баронъ и аббатъ былъ государемъ въ своей сеньеріи, то нашъ удѣльный бояринъ и игуменъ нисколько не уступалъ ему въ правахъ государственной власти. Какъ ясно изъ множества жалованныхъ грамотъ, льготныхъ и несудимыхъ, наши крупныя боярскія и монастырскія имѣнія пользовались такою же независимостью „государства въ государствѣ“, такимъ же иммунитетомъ и правомъ самосуда, какъ и западныя сеньеріи. Княжескіе волостели и тіуны не имѣли права „въѣзжать“ въ боярщины для суда и сбора налоговъ; бояре и игумены сами „вѣдали и судили своихъ людей“, при чемъ въ удѣльное время это право суда принадлежало имъ по всѣмъ дѣламъ безъ изъятія, до разбоя и душегубства, и многіе изъ нихъ такъ же могли вѣшать татей и разбойниковъ, какъ и западные феодалы. Они имѣли право суда и расправы не только въ отношеніи своихъ холоповъ, но и въ отношеніи свободныхъ крестьянъ, жившихъ на ихъ земляхъ. Они имѣли власть въ границахъ своихъ владѣній, какъ государство имѣетъ власть въ предѣлахъ своей территоріи.

вѣка „осуществить проблему централизованнаго управленія крупными имѣніями“: „отсутствіе квалифицированныхъ силъ труда, отсутствіе существеннаго раздѣленія труда и его объединенія, отсутствіе сильнаго капитала и испытаннаго централистическаго управленія, которое выгодно лишь при болѣе густомъ населеніи“, с. 755.

[1]) На русскій языкъ терминъ „Grundherrschaft“ переводятъ обыкновенно словомъ „помѣстье“. Но это слово „помѣстье“ здѣсь самое неподходящее, потому что оно только въ XVIII вѣкѣ получило значеніе крупнаго земельнаго владѣнія, земельной собственности. Въ древности же оно имѣло спеціальный смыслъ условнаго владѣнія и строго отличалось отъ вотчины, земельной собственности. Слово вотчина у насъ первоначально означало вообще всякую наслѣдственную собственность, но съ теченіемъ времени за этимъ словомъ утвердился смыслъ: крупное имѣніе. Спеціально же для обозначенія крупнаго господскаго владѣнія (Grundherrschaft) у насъ существовало слово, хорошо характеризующее его существо: боярщина.

Названіе *боярщина* такъ же хорошо характеризуетъ эту черту средневѣковой вотчины, какъ и западные термины сеньерія и Grundherrschaft—земельное господство. Оно обозначаетъ особыя боярскія права, особую власть боярина-господина, соединенную съ его частнымъ правомъ собственности на землю.

И по хозяйственному своему устройству наша боярщина представляетъ собою одно учрежденіе съ сеньеріей. У насъ въ средніе вѣка, конечно, такъ же, какъ на западѣ, господствовало не новое капиталистическое, а средневѣковое феодальное производство. „Даже въ новое время—говоритъ Лампрехтъ—оказалось труднымъ успѣшно разрѣшить проблему централизованнаго управленія крупными имѣніями. Возможна ли была однородная организація хозяйства крупныхъ имѣній въ раннее, какъ и въ позднее средневѣковье, при несравненно менѣе совершенныхъ средствахъ этой эпохи?“ Въ нашихъ средневѣковыхъ крупныхъ имѣніяхъ, конечно, повсюду мы находимъ то же мелкое крестьянское хозяйство, составляющее характерную черту западныхъ сеньерій. Такъ же, какъ тамъ, собственное хозяйство господина, его барская запашка крайне незначительна, и несравненно большая часть имѣнія обрабатывается крестьянами, какъ самостоятельными хозяевами.

§ 40. Боярскій дворъ, curtis dominica, и боярская земля, terra salica.

Центромъ крупнаго имѣнія была господская усадьба, стягивавшая всѣ нити управленія и хозяйства владѣній господина, нерѣдко очень обширныхъ. Называлась она дворомъ—curtis, Hof. Также точно, дворомъ, называлась и крестьянская изба съ ея службами. Они отличались только прилагательными: господскій и крестьянскій дворъ (curtis dominica и villicana; Fronhof и Bauernhof).

Центральнымъ пунктомъ господскаго владѣнія (Grundherrschaft) былъ господскій дворъ — Fronhof, curtis dominica. Въ русской средневѣковой боярщинѣ этотъ Fron-hof назывался соотвѣтствующимъ спеціальнымъ терминомъ: *дворъ боярскій*. Слово боярскій не означало принадлежности этого двора боярину, какъ высшему сановнику, потому что боярскимъ дворомъ, боярщиной, боярской пожней назывались дворы, имѣнья и пожни, принадлежавшіе также и мелкимъ землевладѣльцамъ, въ томъ числѣ и тѣмъ послужиль-

цамъ, которыхъ Иванъ III надѣлилъ помѣстьями въ новгородскихъ владѣніяхъ. Слово „боярскій“ значитъ: господскій, dominicus, въ смыслѣ особыхъ господскихъ правъ на дворъ, пашни и пожни.

Господская усадьба у насъ такъ же, какъ въ Германіи, называлась дворомъ, Hof, curtis, одинаково съ крестьянской; дворы боярскіе отличались отъ дворовъ крестьянскихъ только этими прилагательными, какъ curtes dominicales и curtes villicanae. Несмотря на все внѣшнее отличіе строеній, отличіе боярскихъ хоромъ отъ хоромъ крестьянскихъ, усадьбы боярина и крестьянина назывались одинаково дворами, потому что слово дворъ имѣло особое значеніе владѣльческаго центра, тѣсно связаннаго съ принадлежавшей къ нему, „тянувшей“ къ нему, землею.

Новгородскіе писцы описаніе боярщины начинали обыкновенно съ этого боярскаго двора: село такое-то или деревня такая-то, „во дворѣ въ большомъ самъ Ѳедоръ“, или „самъ Иванъ“, то-есть самъ вотчинникъ [1]).

Затѣмъ они описывали стоявшіе около этого двора дворы людскіе и далѣе дворы крестьянскіе. Господскіе дворы они строго отличаютъ отъ крестьянскихъ, какъ свободные отъ податей. „Дохода съ него (села) не было—отмѣчаютъ писцы—изъ старины былъ дворъ боярскій“ [2]).

Въ новгородскихъ писцовыхъ книгахъ 1495—1500 г.г. мы не находимъ описанія „большихъ“ или боярскихъ дворовъ; такія описанія встрѣчаются иногда въ писцовыхъ описяхъ нѣсколько болѣе поздняго времени, второй половины XVI вѣка. Несмотря на свою краткость они все же даютъ нѣкоторое представленіе о средневѣковой боярской усадьбѣ. Таково, напримѣръ, описаніе двора богатаго бѣлозерскаго вотчинника Ивана Петровича Ѳедорова. На поминовеніе душъ своихъ родителей онъ въ 1568 году далъ Кириловскому монастырю половину своей вотчины, село Воскресенское, да къ селу 38 деревень, въ нихъ 144 человѣка крестьянъ. Въ селѣ было двѣ церкви, довольно богато убранныхъ: образа съ вѣнцами серебряными на золотѣ, на образѣ Пречистой „подъ брадою сажено жемчугомъ, четыре камня, одинъ червленъ,

[1]) Эти дворы называются боярскими въ итогахъ: „сельцо... а въ немъ дворъ боярскій“, „Новг. писц. кн.“, I, 473.

[2]) „Новг. писц. кн.“ I, с. 78, 1495 г.

а три бѣлы", харатейное евангеліе и проч. Въ селѣ же находился и „дворъ" вотчинника, съ разными „хоромами": горница, изба воротная, погребъ съ шушиломъ, поварня, мылня, два сѣнника, двѣ конюшни; горница въ длину была трехъ саженъ, изба около 4-хъ, и службы отъ 2 до 4-хъ, а одна конюшня—семи саженъ. Дворъ былъ огороженъ кругомъ высокимъ частоколомъ съ дощатыми воротами: „около двора тынъ вострый дву саженъ" [1]).

Земля, принадлежавшая къ барскому двору, состоявшая въ непосредственномъ владѣніи и пользованіи господина, носила названіе terra salica (Salland). Первоначально terra salica, по-нѣмецки Sala, имѣло смыслъ: наслѣдственная, отцовская, дѣдовская земля, по древне-русскому выраженію отчина, дѣдина [2]). Впослѣдствіи, очень рано, терминъ Sala (Salland) получилъ иной смыслъ: земли, состоящей въ непосредственномъ хозяйственномъ обладаніи господина; онъ сталъ, какъ замѣчаетъ Лампрехтъ, не столько терминомъ юридическимъ, сколько экономическимъ. Землею салической называли въ средніе вѣка по преимуществу землю непосредственно принадлежавшую къ барскому двору, состоявшую въ непосредственномъ хозяйствѣ господина. О ихъ связи свидѣтельствуетъ обычное выраженіе грамотъ: „господскій дворъ съ землею салической" [3]).

Отличительный признакъ господской или салической земли—ея свобода отъ поземельнаго тягла, въ противоположность землѣ крестьянской [4]).

Салическая земля, въ основномъ, тѣсномъ смыслѣ слова, земля принадлежащая къ господскому двору, была очень незначительныхъ размѣровъ; она равнялась среднему крестьянскому участку, гуфѣ. Господскій дворъ (Fronhof) называется иначе дворъ (крестьянскій дворъ), состоящій во владѣніи господина (mansus indominicatus), и подъ выраженіемъ господскій дворъ (curtis dominica) разумѣется участокъ равный гуфѣ. Лампрехтъ доказываетъ, что въ IX, X вѣкахъ господскій дворъ представлялъ собою не что

---

[1]) *С. Шумаковъ*, „Обзоръ грамотъ коллегіи экономіи", вып. II, с. 128—129.

[2]) *Lamprecht*, „Deutsches Wirtschaftsleben", т. I, 2, стр. 745.

[3]) Curtis или mansus dominicus cum terra salaritia или salica, тамъ же, стр. 746.

[4]) „Die Freiheit von gundhörigen Lasten im gegensatz zum Gehöferland", тамъ же, стр. 747.

иное, какъ крестьянскую гуфу, взятую въ хозяйственное распоряженіе господина, что на рубежѣ XII—XIII вѣковъ земля господскаго двора также приблизительно равняется гуфѣ и сохраняетъ тѣ же размѣры въ теченіе слѣдующихъ трехъ столѣтій [1]).

Отъ спеціально господской земли, состоявшей въ хозяйственномъ пользованіи господина, отличалась господская земля, которая сдавалась въ аренду, подъ хозяйственнымъ наблюденіемъ господина. Эта земля также считалась салической, господской, потому что она такъ же, какъ собственно господская земля, была свободна отъ тягла, и этимъ существенно отличалась отъ массы земель имѣнья, состоявшихъ въ тягломъ владѣніи и самостоятельномъ хозяйственномъ пользованіи крестьянъ [2]).

Господская салическая земля образовывалась путемъ заимокъ, роспаши незанятой земли людьми господина или крестьянами подъ его хозяйственнымъ наблюденіемъ. Въ составѣ господской салической земли различаютъ два рода земель: 1) землю, которая непосредственно обрабатывалась плугомъ барскаго двора и, такимъ образомъ, составляла площадь его собственнаго хозяйства, и 2) землю, которая распахивалась, какъ заимка, и обрабатывалась крестьянами подъ наблюденіемъ управителей барскаго двора и, такимъ образомъ, только присоединялась къ землѣ этого двора [3]).

Эта господская земля возникала, между прочимъ, вслѣдствіе перехода всѣхъ запустѣвшихъ покинутыхъ крестьянскихъ участковъ въ ближайшее распоряженіе господина. О переходѣ такихъ участковъ въ составъ салической земли свидѣтельствуютъ ясныя указанія источниковъ [4]).

Собственное хозяйство вотчинника у насъ такъ же, какъ въ Германіи, было невелико. Громадная часть имѣнія состояла во владѣніи крестьянъ, какъ самостоятельныхъ хозяевъ, и господинъ

---

[1]) „Damit steht es nun fest, dass der Fronhof der Karolinger-und Ottonenzeit durchschnittlich weiter nichts als eine dem grundherrlichen Betrieb speciell vorbehaltene Hufe war“; тамъ же, стр. 756.

[2]) Тамъ же, стр. 746—747.

[3]) „... Land, welches von den Gehöfern unter Aufsicht der Fronhofsverwaltung im Beundebau bestellt und abgeerntet wurde, also dem Fronhof nicht ein sondern nur angereiht war“ *Lamprecht*, тамъ же, стр. 755.

[4]) „Mansi absi sunt, qui non habent cultores, sed dominus eos habet in sua potestate, qui vulgariter appellantur wronide“; запустѣвшая земля „transit in salicam terram archiepiscopi“, тамъ же, стр. 750.

довольствовался взиманіемъ съ нихъ дохода, оброковъ и поборовъ разнаго рода, а частью натуральными повинностями, барщиной. Въ составѣ же господскаго хозяйства у насъ также легко различить тѣ два рода господскихъ земель, которые различаются историками германской вотчины: 1) землю, собственно господскую (салическую), обрабатываемую плугомъ господскаго двора, принадлежащую къ этому двору и 2) землю, обрабатываемую подъ хозяйственнымъ наблюденіемъ господина.

Возьмемъ, напримѣръ, въ писцовой книгѣ Деревской пятины 1495 года описаніе боярщины Я. Л. Шухнова, которая Иваномъ III отдана была въ помѣстье И. М. Горбатово: Сельцо Горка, въ немъ церковь Великій Егорей, около церкви дворы церковнаго причта: попа, дьяка, пономаря, проскурницы. Тутъ же „въ селѣ же во дворѣ самъ Иванъ Микитинъ (Горбатово), а людей его“ три двора, въ одномъ Зуй, въ другомъ Ѳедко, въ третьемъ Олекъ. Они „сѣютъ ржи на Ивана 6 коробей, а сѣна косятъ 60 копенъ“. Все это хозяйство вотчинника превосходитъ лишь втрое средній размѣръ однодворнаго крестьянскаго хозяйства; оно равняется тремъ такимъ хозяйствамъ, какъ окладнымъ единицамъ,—тремъ обжамъ. (Въ тѣ же три обжи положена стоящая вблизи этого села деревня Раменье, въ которой было три крестьянскихъ двора). Это „боярскія пашни и пожни“ въ собственномъ смыслѣ слова. Это земля, принадлежащая непосредственно къ боярскому двору, какъ хозяйственному цѣлому [1]).

[1]) Сбивчивое изложеніе *Лампрехта* ввело въ заблужденіе г. *Рожкова*. Передавая выводъ *Лампрехта*, г. *Рожковъ* относитъ „почти совершенное исчезновеніе“ барской пашни въ Германіи къ XII—XIII вѣкамъ и противопоставляетъ этому исчезновенію—увеличеніе барской пашни въ Россіи въ концѣ XVI вѣка, („Сельское хозяйство Моск. Руси“, 1899, с. 133). Выводъ г. *Рожкова* объ увеличеніи барской пашни въ Московскомъ центрѣ, и абсолютно, и относительно, къ концу XVI вѣка, основанъ на недостаточномъ статистическомъ матеріалѣ, и кажется мнѣ такъ же недостаточно твердымъ, какъ и соотвѣтствующій выводъ *Лампрехта*.

Но допустимъ, что выводы обоихъ этихъ историковъ экономистовъ основательны. Допустимъ, что въ Германіи барская пашня (не вся, а только замочная) почти совершенно исчезла къ концу среднихъ вѣковъ, т.-е. къ концу XV вѣка, а у насъ къ соотвѣтствующему историческому моменту, къ концу XVI вѣка она увеличилась. Это не мѣняетъ того факта, что германская и русская вотчины среднихъ вѣковъ одинаковы по своей природѣ, что въ теченіе среднихъ вѣковъ основною чертою ихъ была незначитель-

Отъ этой собственно боярской (салической) земли отличается боярская земля, обрабатывавшаяся людьми господина или крестьянскою барщиной, внѣ непосредственной связи съ господскимъ дворомъ, съ его плугомъ и косою. Такъ, изъ разсматриваемаго описанія сельца Горки видно, что въ отдаленіи отъ него, въ деревнѣ Подъяблонье, жилъ холопъ вотчинника „Ивановъ человѣкъ Якушъ“: „сѣетъ ржи на Ивана 3 коробьи, а сѣна коситъ 20 копенъ, обжа“. Изъ дальнѣйшаго описанія этой деревни видно, что въ ней прежде жилъ крестьянинъ, платившій доходъ и ключничьи пошлины. Здѣсь, слѣдовательно, холопъ замѣнилъ крестьянина, сѣлъ на

ность барской пашни, незначительность собственнаго хозяйства господина. Процессъ экономическаго развитія во всѣхъ его деталяхъ пока не дается наблюденію вслѣдствіе ограниченности числа источниковъ и недостаточнаго ихъ изученія. И я здѣсь изучаю не процессъ экономическаго развитія, а юридическую природу экономическихъ учрежденій, изучаю статику, а не динамику явленій. И природа русской вотчины среднихъ вѣковъ, какъ выяснено выше, была одинакова съ германской.

Земля собственно господскаго двора (Salland) была, какъ указано, незначительныхъ размѣровъ и приближалась къ крестьянской гуфѣ. Размѣры господской запомочной земли (Beunde) измѣнялись въ зависимости отъ мѣстныхъ условій и сократились къ концу средневѣковья. Таковъ выводъ, который можно сдѣлать на основаніи наблюденій Лампрехта. Его соображенія объ измѣненіи размѣровъ господской запомочной земли по столѣтіямъ и объ исчезновеніи ея въ XIII вѣкѣ не могутъ быть признаны твердо установленными, такъ какъ они опираются на слишкомъ незначительномъ для столь важнаго вывода числѣ отрывочныхъ статистическихъ данныхъ. Къ тому же этотъ выводъ формулированъ имъ невполнѣ отчетливо. Въ одномъ мѣстѣ *Лампрехтъ* говоритъ, что „съ XIII столѣтія запомочныя земли все болѣе теряли значеніе вслѣдствіе отчужденія отъ барскаго двора или вслѣдствіе перехода въ салическую землю“; въ другомъ мѣстѣ онъ утверждаетъ, что „запомочная пашня господскаго двора съ начала XII столѣтія отчуждалась въ постоянно увеличивавшихся размѣрахъ до почти полнаго исчезновенія господской запашки въ запомкахъ къ концу средневѣковья“.

Что касается собственной барской запашки на землю тѣсно принадлежавшей къ барскому двору (на собственно салической землѣ), то эта запашка, по мнѣнію *Лампрехта*, также потеряла отчасти въ своемъ значеніи. Но самая формулировка этого его вывода ясно свидѣтельствуетъ о недостаточности данныхъ, бывшихъ въ его распоряженіи. „Позднее средневѣковье — говоритъ онъ—показываетъ намъ рядомъ съ барскими дворами, сохранившимися приблизительно въ прежнемъ видѣ, большое число раздробленныхъ и разорванныхъ барскихъ дворовъ, которые не имѣютъ большого хозяйственнаго значенія и почти непроизводительны“.

его хозяйство; земля считается господской, она сосчитана въ числѣ тѣхъ обежъ, которые вотчинникъ „пашетъ на себя и съ своими людьми“, и доходъ съ нея и пошлины въ писцовой книгѣ не указаны. И тѣмъ не менѣе эта господская земля не сливается съ собственнымъ хозяйствомъ господскаго двора.—Другая деревня той же вотчины частью обрабатывается холопами, частью крестьянами: въ двухъ дворахъ Ивановы люди, обжа, и въ двухъ дворахъ крестьяне, двѣ обжи. Но холопы являются въ этой деревнѣ пришельцами; въ прежнее время вся деревня была крестьянской, какъ видно изъ отмѣтки писца о „старомъ доходѣ со всей деревни“; новый доходъ указанъ имъ только съ части ея, съ двухъ обежъ крестьянскихъ. — Всего изъ числа 35 обежъ въ этой вотчинѣ крестьяне обрабатывали 28, и только 7 вотчинникъ Иванъ „пахалъ на себя и съ своими людьми“ [1]).

Не принадлежали непосредственно къ боярскому двору и тѣ боярскія земли, которыя обрабатывались барщиннымъ трудомъ крестьянъ, тѣ пашни, которыя крестьяне „пахали на господина „волостью“, и тѣ пожни, которыя они на него „косили волостью“, по частымъ указаніямъ писцовыхъ книгъ. Такія пашни и пожни были обыкновенно запустѣвшими крестьянскими участками. На Западѣ запустѣвшая земля обыкновенно переходила въ ближайшее обладаніе господина (transit in salicam terram). Наши писцовыя книги даютъ ясныя указанія на такой же точно порядокъ. Такъ, напримѣръ, перечисляя въ концѣ описанія волостки Ѳедора Тушина „пустыя деревни“ и „пустоши“, писецъ замѣчаетъ: „а коситъ тѣ деревни и пустошки Ѳедоръ на себя“. Или въ другой вотчинѣ: „пустоши Шилово да Деменкина, а ставится на нихъ 200 копенъ сѣна, а коситъ ихъ Иванъ на себя; а въ старомъ письмѣ были 2 обжи“.

Господская земля обыкновенно была значительно или въ нѣсколько разъ меньше земли крестьянскихъ хозяйствъ. Собственная запашка господина была обыкновенно очень незначительныхъ размѣровъ, иногда еще довольно значительна была холопская, слу́жня запашка, которую надо отличать отъ собственно господской запашки. Такъ, напримѣръ, въ сельцѣ Островнѣ Деревской пятины, Ѳедько Дмитріевъ на себя пахалъ съ своими людьми $7^1/_2$; всего

[1]) Дер. пят., „Новг. писц. кн.“ I, ст. 470—473.

у него было 17½ обежъ. Въ сосѣднемъ имѣніи помѣщикъ Сомъ Ивановъ Линевъ пахалъ на себя съ своими людьми 11 обежъ; но эта запашка была очень незначительна въ сравненіи съ крестьянской, въ размѣрѣ 60½ обежъ. Въ большомъ имѣніи Ивана Захарьича Лятцкого въ той же Деревской пятинѣ барская запашка была совсѣмъ ничтожныхъ размѣровъ. Въ этомъ имѣніи было 113 человѣкъ крестьянъ и людей, по податной раскладкѣ всего 82½ обжи; изъ нихъ только двѣ обжи принадлежали къ боярской землѣ: „двѣ обжи пашутъ на Ивана“ (Лятцкого).

Запустѣвшія деревни-пустоши иногда обрабатывались барщиной, иногда же присоединялись къ собственному хозяйству господскаго двора, „припускались“ къ этому двору. Въ описаніи сельца Гора, принадлежавшаго князю Борису Семенову Горбатово, вслѣдъ за указаніемъ боярскаго двора и 6 дворовъ его людей, отмѣчено: „Да князь же припустилъ къ себѣ въ поле деревню Плужниково, да деревню Ключино: пашетъ на себя князь съ своими людьми, сѣетъ ржи 6 коробей, а сѣна коситъ 100 копенъ“. Здѣсь мы имѣемъ рѣдкій примѣръ большого хозяйства господскаго двора, въ 6 обежъ. Подобныя извѣстія о „припускѣ“ деревень къ боярскому двору не разъ встрѣчаются въ писцовыхъ книгахъ.

Другой путь образованія господской земли — роспашь холопскимъ трудомъ новины. Въ писцовыхъ книгахъ встрѣчаются отмѣтки о деревняхъ, въ которыхъ живутъ „люди“, съ отмѣткою „сѣлъ ново“ [1]).

§ 41. Посельскій—villicus.

Управленіе и хозяйство вотчины было въ рукахъ уполномоченнаго господиномъ приказчика—*мейера*. Соотвѣтственно указанному выше хозяйственному устройству вотчины, обязанности мейера были двухъ родовъ: 1) Онъ завѣдывалъ собственнымъ хозяйствомъ господина на господской салической землѣ; при этомъ на землѣ господскаго двора онъ непосредственно завѣдывалъ сельскими работами, а на остальной господской землѣ лишь наблюдалъ за

[1]) „Новгородскія писцовыя книги“, т. I, стр. 768 („Да въ той деревнѣ дворъ пустъ, и пашетъ его Андрей (вотчинникъ Андрей Кокорь) на себя наѣздомъ“); т. II, стр. 25, 28, 30, 36, 211, 272—273; т. IV, стр. 95, 147. Ср. *Рожкова*, „Сельское хозяйство Московской Руси въ XVI в.“, стр. 186—188.

хозяйствомъ. 2) Въ отношеніи къ бо́льшей части земель вотчины, состоявшей въ самостоятельномъ хозяйственномъ пользованіи крестьянъ, онъ являлся сборщикомъ господскихъ доходовъ разнаго рода, оброковъ и податей [1]). Въ виду указанной выше незначительности собственнаго хозяйства господина, главное значеніе имѣли обязанности мейера второго рода, сборъ доходовъ. Мейеръ былъ, какъ замѣчаетъ Лампрехтъ, скорѣе финансовымъ чиновникомъ эпохи натуральнаго хозяйства, чѣмъ сельскимъ хозяиномъ господскаго двора; его главнымъ дѣломъ было взиманіе оброка [2]).

По своему общественному положенію мейеръ былъ иногда свободнымъ человѣкомъ. Обыкновенно же онъ былъ зависимымъ отъ господина человѣкомъ, поземельно-зависимымъ, какъ и крестьяне. Вознагражденіемъ мейеру служило, съ одной стороны, пользованіе землею, пожалованною ему господиномъ, съ другой стороны — особые поборы съ крестьянъ, которые онъ сбиралъ въ свою пользу [3]).

Уполномоченные господина, нѣмецкіе *мейеры*, у насъ назывались *приказчиками*, *ключниками* и *посельскими*.

Слово Meier въ латинскихъ актахъ переводили словомъ villicus. Нашъ терминъ *посельскій*, отъ слова село—частное боярское имѣніе, точно совпадаетъ съ этимъ терминомъ, *villicus*, отъ слова villa въ смыслѣ господское имѣніе.

Наши ключники такъ же, какъ нѣмецкіе мейеры, являются главными управителями господскихъ имѣній, уполномоченными господина, его приказчиками,—„кому прикажетъ“, кого уполномочитъ.

---

[1]) *Лампрехтъ* говоритъ, что Meier былъ: 1) Bewirtschafter des spezifischen Sallandes, 2) Beaufsichtiger des Beundebaues, 3) Einnehmer der Intraden vom Gehöferlande 4) Zehnteinnehmer, тамъ же, стр. 761.

[2]) „Der Meier ist demnach unter allen Umständen um vieles mehr naturalwirtschaftlicher Finanzbeamter als Fronhofslandwirt; er besorgt als Hauptgeschäft die Zinshebung...“ тамъ же, стр. 771.

[3]) *Лампрехтъ* говоритъ, что вознагражденіемъ мейеру служили или пользованіе пожалованной ему землей (Benefizium als Besoldung) *или* оброки и поборы (Zinsen und Renten), но онъ отмѣчаетъ также и смѣшанныя формы вознагражденія (Mischformen) (стр. 767—768). Но нѣкоторая неопредѣленность его наблюденій даетъ основаніе поставить вопросъ: не были ли и въ Германіи, какъ у насъ, особыя ключничьи пошлины постояннымъ доходомъ мейера, независимо отъ того, владѣлъ ли онъ пожалованнымъ ему участкомъ (бенефиціемъ) или нѣтъ? Это характерная черта средневѣковаго строя: не опредѣленный доходъ, а доходъ съ управленія...

Они завѣдывали хозяйствомъ на господской землѣ, и такъ какъ это хозяйство у насъ такъ же, какъ въ Германіи, было незначительно, они были главнымъ образомъ сборщиками оброковъ и поборовъ разнаго рода, были, примѣняя къ нимъ замѣчанія Лампрехта о мейерахъ, „натурально-хозяйственными финансовыми чиновниками“.

Въ Германіи мейеръ входилъ въ разрядъ слугъ господина — министеріаловъ. Терминъ ministeriales точно соотвѣтствовалъ нѣмецкимъ Dienstmannen, Dienstleute, или русскимъ слуги, служебники. Юридическое состояніе министеріаловъ вообще, и въ частности мейеровъ было различно; они бывали свободными, несвободными, и полусвободными—поземельно-зависимыми [1]).

У насъ ключники по преимуществу были несвободными. Въ древнѣйшее время, какъ видно изъ Русской Правды, самое принятіе должности ключника дѣлало человѣка холопомъ. Только особымъ договоромъ, рядомъ, можно было предотвратить эти непріятныя послѣдствія принятія изъ рукъ господина хозяйскихъ ключей: „А се третье холопство — говоритъ Русская Правда, перечисляя источники рабства—тивуньство безъ ряду, или „привяжеть ключь къ собѣ безъ ряду“ (статья 104).

Отъ хозяйскихъ ключей и самое управленіе хозяйствомъ называлось ключемъ, ключемъ сельскимъ и городскимъ. Строгое правило Русской Правды съ теченіемъ времени смягчилось. Судебникъ 1550 года опредѣлилъ, что сельскій ключъ, какъ и городской, самъ по себѣ не устанавливаетъ холопской зависимости, что для этого необходимъ особый актъ продажи въ холопство, притомъ съ соблюденіемъ особой формальности доклада намѣстнику: „А по городскому ключю не холопъ... а по сельскому ключю безъ докладныя не холопъ“ (статья 76).

„Докладныя“, докладныя грамоты, о которыхъ говоритъ эта статья судебника, сохранились въ довольно большомъ числѣ. Въ грамотахъ этихъ опредѣленно указывается, въ какое именно сельцо на ключъ дается человѣкъ, продающійся по ключю въ холопы: „А за тѣ деньги дался ему въ сельцо въ Совкины Горы на ключъ, а по ключю и въ холопи“ (1494 г.) [2]).

---

[1]) *G. Waitz*, т. IV, с. 346, т. V, с. 322 и прим. 2.

[2]) Записная книга *Д. Алябьева*, „Русск. Истор. Библ.“, т. XVII, с. 58,

Слово холопъ у насъ вообще, и въ особенности въ примѣненіи къ господскимъ управителямъ, не имѣло того значенія, какъ римскій рабъ, котораго римскіе юристы приравнивали къ вещи. Холопъ, какъ у нѣмцевъ въ средніе вѣка servus и knecht, былъ не столько рабомъ, сколько зависимымъ человѣкомъ, безъ права порвать эту зависимость. Servitium, какъ у насъ холопство, означало неразрывную зависимость въ противоположность зависимости свободной, добровольной, служебной. Слово „холопъ“ употреблялось главнымъ образомъ въ законодательныхъ памятникахъ, гдѣ требовалось точно опредѣлить неразрывность зависимости яснымъ въ этомъ отношеніи терминомъ холопъ. Въ жизни же холопы назывались обыкновенно менѣе опредѣленнымъ юридически терминомъ *слуги* и *люди*, люди такого-то господина, „слуга“, „человѣкъ“ такого-то. „Человѣкъ его“ означало человѣкъ зависимый; но въ древности не всякій зависимый человѣкъ былъ холопомъ. Рядомъ съ неразрывной холопской зависимостью существовали формы зависимости добровольной, временной, и условной, защитной. Боярскіе люди значительно различались между собою не только по имущественному своему положенію, но и по юридическому состоянію. Судебникъ назначаетъ особую, высокую плату за безчестіе, нанесенное *„боярскому человѣку доброму“*.

Въ новгородскихъ боярщинахъ, извѣстныхъ намъ по писцовымъ книгамъ съ конца XV вѣка, мы встрѣчаемъ въ большомъ числѣ „ключниковъ“, такихъ же, которые по цитированнымъ выше новгородскимъ же докладнымъ того же времени (конца XV вѣка) продавались въ сельцо на ключъ, а по ключю и въ холопи.

Дворъ ключника стоялъ обыкновенно рядомъ съ большимъ боярскимъ дворомъ. Вслѣдъ за дворомъ господина писцы обыкновенно описывали дворъ ключника. О сельцѣ Быковѣ, Деревской пятины, принадлежавшемъ Ивану Васильевичу Захарьичю-Ляцкого писцы записали: „Сельцо Быково: а въ немъ дворъ Ивановъ, пустъ: а людей Ивановыхъ: въ дворѣ ключникъ Куземка Олеховъ“ [1]).

Ключникъ такъ же, какъ всѣ люди господина, отличался отъ крестьянъ тѣмъ, что не платилъ дохода господину. Описывая

№ 164.—„Въ сельцо въ Полбицы“: № 337 (1497) и др. О существѣ холопства по ключу см. мою статью: „Люди кабальные и докладные“ „Ж. М. Н. Пр.“ 1895, янв. [Вошла въ I т. Сочин.].

[1]) „Новг. писц. кн.“ II, с. 273.

дворы ключниковъ, писцы не отмѣчаютъ дохода съ нихъ, какъ съ дворовъ крестьянскихъ, и указывая размѣръ стараго дохода съ крестьянъ, часто о дворахъ, прежде занятыхъ ключниками, отмѣчаютъ: „стараго дохода не было, жилъ въ немъ ключникъ“ [1]).

Часть дохода, который собирался съ крестьянъ, шла въ пользу ключника. Подробно описывая доходы господина, писцы тщательно перечисляли также и ключничи пошлины съ каждой крестьянской деревни. Доходъ господина: „гривна, 2 коробьи ржи, 3 коробьи овса, 20 яицъ, горсть льну; а ключнику — деньга, сыръ, горсть льну“ [2]).

Въ имѣньи Ѳ. М. Тушина, въ сельцѣ Крицы, Шелопской пятины, рядомъ съ боярскимъ „большимъ дворомъ“ стояли два двора его людей и дворъ ключника Онисима. Ключникъ завѣдывалъ собственнымъ хозяйствомъ господина, „боярской пашней“, принадлежавшей къ господскому двору, и его садоводствомъ: „у двора (большого) садъ, а въ немъ 90 яблоней“; онъ же долженъ былъ наблюдать за обработкой пустошей, которыя господинъ его „косилъ на себя“. Въ имѣньи было 50 человѣкъ крестьянъ, кромѣ четырехъ человѣкъ слугъ-людей. И главные обязанности ключника состояли въ сборѣ доходовъ съ крестьянъ. Онъ собиралъ всего съ крестьянъ „дохода“ 4 рубля новгородскихъ и 5 гривенъ съ деньгою: кромѣ того „мелкаго дохода“: 11 барановъ, 16 куръ, 18 сыровъ, 500 яицъ и т. д. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ свою пользу онъ собиралъ „доходъ ключнику“: „денегъ гривна съ деньгою, 2 коробьи безъ четвертки ржи, 14 овчинъ, 14 лопатокъ бараньихъ, 14 сыровъ, 140 яицъ, 3 пятка безъ горстки льну“ [3]).

Въ небольшихъ имѣніяхъ все хозяйство велось обыкновенно однимъ ключникомъ. „Ключникъ“, „ключничъ доходъ“—наиболѣе часто встрѣчающіяся въ писцовыхъ книгахъ названія господскихъ управителей. Но въ крупныхъ имѣніяхъ мы находимъ цѣлый штатъ такихъ управителей, кромѣ ключника, еще посельника, бирича, доводчика.

Посельникъ или *посельскій*, иначе *приказчикъ*, былъ высшимъ управителемъ въ отношеніи къ ключнику. Въ большихъ имѣніяхъ

---

[1]) Тамъ же, I, с. 56, 84, 118, 137, 143, 306 и др.
[2]) Тамъ же, II, стр. 273.
[3]) Тамъ же, т. IV, с. 93—95.

бывало по нѣсколько ключниковъ: особый ключникъ для каждой обособленной волостки. Въ лицѣ посельника, начальника надъ разными ключниками, соединялось управленіе надъ отдѣльными волостками, надъ отдѣльными частями имѣнія. Въ нѣкоторыхъ волосткахъ доходы посельника вдвое превышали доходы ключника: въ другихъ они были одинаковы съ доходами ключника [1]).

Но такъ какъ доходы посельника слагались изъ поборовъ съ разныхъ волостокъ, то въ общемъ они всегда, вѣроятно, превышали доходы его подчиненнаго.

Низшіе управители, подчиненные ключнику, назывались въ однихъ имѣніяхъ биричами [2]), въ другихъ доводчиками.

Большею частью ключники жили въ особыхъ дворахъ въ сельцѣ, рядомъ съ боярскимъ дворомъ, въ центрѣ собственныхъ пашенъ и поженъ господина; они наблюдали за ихъ обработкой, не имѣя собственнаго хозяйства. Но нерѣдко ключники жили въ особыхъ деревняхъ, самостоятельно ведя хозяйство на землѣ, пожалованной имъ господиномъ. Въ сельцѣ Козлово Поле было два „двора большихъ“, въ которыхъ жили сами вотчинники; рядомъ стояли 9 дворовъ ихъ людей; къ сельцу принадлежала „боярская пашня“ на 6 обежъ. И въ отдаленіи отъ этого сельца жилъ ключникъ, самостоятельно ведя хозяйство въ пожалованной ему деревнѣ, съ двумя своими половниками: „Дер. Заборовье, *за* Кузьминымъ человѣкомъ Оомкою за ключникомъ: дворъ Оомка ключникъ; а *половниковъ* его: дв. Мосейко Ивашковъ, дв. Оеремко,... двѣ обжы“ [3]).

Въ большомъ имѣніи Ивана Кузьмина въ 120 дворовъ (129 человѣкъ) было два ключника: они самостоятельно вели свое хозяйство въ пожалованныхъ имъ деревняхъ, при помощи своихъ подворниковъ. Когда имѣніе у ихъ господина было конфисковано при Иванѣ III, они остались жить въ этихъ деревняхъ: „Дер. Цыбицыно—читаемъ въ писцовой книгѣ, дв. Ондрейко Цыбицынъ, а подворники его: дв. Сысойко, дв. Палка, сѣютъ ржи 10 коробей, а сѣна косятъ 40 копенъ, 4 обжи; стараго дохода съ нее не было:

---

[1]) Тамъ же, II, стр. 273—276.

[2]) Тамъ же, II, с. 265. Здѣсь исчисляются доходы 1) посельнику, 2) ключнику, тому и другому въ одинаковомъ размѣрѣ, 3) биричу—въ размѣрѣ вдвое меньшемъ.

[3]) Тамъ же, т. IV, с. 172—174.

былъ тотъ Ондрейко при Иванѣ ключникомъ". Такая же отмѣтка сдѣлана о жившемъ въ другой деревнѣ съ подворникомъ, на двухъ обжахъ, бывшемъ ключникѣ Ондрѣйкѣ Савинѣ. Эти 6 обежъ „пахали Ивановы ключники на себя" [1]).

Въ этихъ случаяхъ ключники ведутъ собственное хозяйство при помощи половниковъ и подворниковъ. Въ нѣкоторыхъ, рѣдкихъ случаяхъ господскіе управители хозяйничаютъ при помощи собственныхъ своихъ людей-холоповъ. Помѣщикъ М. Я. Русалка свое большое помѣстье сельцо Глинянецъ съ деревнями, съ 145 крестьянами, ввѣрилъ всецѣло своему „человѣку", приказчику Васюку Борѣеву [2]). Самъ помѣщикъ въ имѣніи этомъ не жилъ, и приказчикъ его помѣстился въ господскихъ хоромахъ, въ боярскомъ дворѣ; въ сосѣднихъ дворахъ жили „люди" этого приказчика и пахали на своего господина: „На погостѣ же дворъ Михайловъ (помѣщика), а въ немъ *человѣкъ его* Васюкъ Борѣевъ. *А людей Борѣевыхъ*: дв. Дорожка, дв. Ивашко; *на Борѣева* сѣютъ ржи 12 коробей, а сѣна косятъ 300 копенъ, 4 обжи". Въ итогѣ писцы замѣтили: „дворъ Михайловъ, а въ немъ приказчикъ его, а приказчиковыхъ людей на 2 двора". Борѣевъ собиралъ доходъ деньгами, а мелкій доходъ шелъ посельнику, состоявшему подъ его начальствомъ. Этотъ приказчикъ—человѣкъ-холопъ, очевидно, принадлежалъ къ числу тѣхъ „боярскихъ людей добрыхъ", честь которыхъ ограждалась по судебнику повышенной пеней.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Сельчане.

I. Право перехода.

§ 42. Свободные крестьяне. Право перехода. Отказъ—désaveu.

Холопы на пашнѣ, черные люди и страдные люди, какъ видно изъ вышеизложеннаго, были во многихъ господскихъ вотчинахъ.

[1]) Тамъ же, I, с. 391—392, 395.
[2]) Тамъ же, I, с. 457, 467.

Но пашенное холопство не развилось у насъ въ особое состояніе холопской крестьянской зависимости, подобно французскому серважу. Холопы на пашнѣ всегда оставались холопами въ собственномъ смыслѣ слова; хотя, конечно, фактически, живя на крестьянскомъ участкѣ и ведя самостоятельное хозяйство, они были близки къ французскимъ сервамъ [1]).

Не образовалось у насъ въ удѣльное время особой холопской крестьянской зависимости и изъ древнѣйшихъ господскихъ полусвободныхъ смердовъ. Эти смерды кіевскаго времени по нашимъ памятникамъ рѣзко отличаются отъ крестьянъ сѣверной Руси XIV вѣка. Нить развитія крестьянской зависимости какъ будто была порвана особыми условіями господскаго хозяйства, особыми условіями колонизаціи края на сѣверѣ. Самое названіе смердъ сохраняется только въ Новгородскихъ источникахъ, едва ли не въ качествѣ архаическаго термина.

Въ грамотахъ XIV вѣка мы находимъ новыя названія для крестьянъ: *люди* и *сироты*, затѣмъ съ XV вѣка *христіане*, откуда хрестьяне и крестьяне, сельчане, деревенщики (виллапы). Господскіе крестьяне называются людьми такого-то господина или монастыря, сиротами.

По свѣдѣніямъ, начинающимся съ XIV вѣка, они — люди свободные. Свобода ихъ выражается прежде всего въ правѣ перехода, въ правѣ выхода съ земли господина. Въ этомъ отношеніи положеніе ихъ одинаково съ положеніемъ бо́льшей части крестьянъ на Западѣ во вторую половину среднихъ вѣковъ, съ XIII вѣка. Въ это время во Франціи преобладаютъ свободные виллапы, и сервы, также съ XIII вѣка, пользуются правомъ перехода. Въ Германіи также преобладаютъ свободные арендаторы и грундгольды, пользующіеся правомъ перехода.

При этомъ на Западѣ точно такъ, какъ у насъ, необходимымъ условіемъ выхода крестьянина былъ формальный *отказъ*, открытый разрывъ отношеній его къ господину.

Во Франціи такой *отказъ* серва назывался *désaveu*, отъ *désavouer*, отречься, отказаться. „Открытымъ заявленіемъ предъ лицомъ самого сеньера или его представителя, уходящій отказывался

[1]) По новгородскимъ писцовымъ книгамъ господинъ, однако, не беретъ съ нихъ оброка.

отъ своего сеньера и объявлялъ себя человѣкомъ другой сеньеріи [1]). При неисполненіи этой формальности, которая одна только давала ему возможность получить свободу, ему грозила опасность, что его отъѣздъ будетъ сочтенъ бѣгствомъ (fuite) и что его постигнутъ всѣ послѣдствія такого положенія [2]).

Въ Германіи также „при выходѣ изъ вотчины прежде всего требовалось, чтобы это дѣлалось совершенно открыто, и обыкновенно опредѣлялось, чтобы выходъ былъ возвѣщенъ предъ церковнымъ алтаремъ или въ другомъ мѣстѣ, заранѣе, за три или за шесть недѣль".

Одна изъ позднихъ уставныхъ грамотъ (1476 г.) разъясняетъ, что открытый, явный выходъ съ объявленіемъ о немъ заранѣе, требовался между прочимъ для того, чтобы всѣ заимодавцы могли истребовать съ уходящаго свои долги. Уходящій крестьянинъ долженъ былъ передъ выходомъ расчитаться съ господиномъ по своимъ оброчнымъ обязательствамъ и уплатить ему особую пошлину—курмедъ (Kurmede) [3]).

Такой же точно формальный *„отказъ"*, или *„отрѣкъ"*, (désaveu) былъ и у насъ непремѣннымъ условіемъ выхода крестьянина съ владѣльческой земли. Наши судебники и грамоты ясно говорятъ о немъ, какъ о формальномъ актѣ. „А которой государь захочетъ *отрокъ дати* своему изорнику или огороднику, или кочетнику (рыболову), ино отрокъ быти о Филипповѣ заговеньѣ; такожъ захочетъ изорникъ *отречися съ села*,... ино тому жъ отроку быти" (Псковская судная грамота, ст. 42).

„А христіаномъ *отказыватися* изъ волости, изъ села въ село, одинъ срокъ въ году, за недѣлю до Юрьева дня осеннего и недѣля послѣ Юрьева дня осеннего" (Судебникъ 1497 г., ст. 57).

Этотъ формальный отказъ имѣютъ въ виду и писцовыя книги и другія грамоты, когда говоря о вышедшихъ крестьянахъ, отмѣ-

---

[1]) „Par déclaration publique faite à la personne du seigneur ou à son représentant, l'émigrant désavouait son seigneur et s'avouait l'homme d'une autre seigneurie". *A. Luchaire*, „Manuel", стр. 304.

[2]) Тамъ же.

[3]) Der freie Zug der Grundholden, der Abzug aus einer Grundherrschaft— см. *Lamprecht*, указ. соч., стр. 1209—1210, („ich will von diesem Hern, hinder den andern hern"). Ср. „отказъ" въ Англіи: *Д. М. Петрушевскій*, „Возстаніе Уота Тайлера", т. II, стр. 89—90.

чаютъ: „*вышелъ по отказу*“ или „выбѣжалъ *безъ отказу*, безпошлинно“. Несоблюденіе этой формальности у насъ такъ же, какъ на Западѣ, ставило ушедшаго крестьянина въ положеніе бѣглаго, и онъ, какъ незаконно выбѣжавшій, подлежалъ возвращенію къ господину.

Отказъ уходящаго крестьянина былъ связанъ съ отреченіемъ его отъ части имущества въ пользу господина.

Говоря о правѣ выхода серва, Люшеръ указываетъ два условія: актъ отказа (désaveu) и отреченіе отъ имущества (renonciation). Первоначально, когда рабскія отношенія серважа только что начали смягчаться [1]), серву разрѣшалось покинуть сеньорію подъ условіемъ формальнаго отреченія отъ всего своего имущества недвижимаго и движимаго. Онъ могъ уйти только *голымъ*. Но это правило рано смягчилось и серву разрѣшалось брать съ собою часть своего движимаго имущества [2]). Въ Германіи по общему правилу въ позднѣйшее время отъ грундгольдовъ требовалось при отказѣ, чтобы они заплатили господину всѣ оброчныя деньги и еще особую пошлину, взимавшуюся предъ выходомъ и называвшуюся курмедъ (Kurmede).

У насъ уходящій крестьянинъ такъ же, какъ на Западѣ, теряетъ всякія права на свое недвижимое имущество, на свой земельный участокъ. Значительная часть крестьянъ, сидѣвшихъ на владѣльческихъ земляхъ, имѣла право собственности на свои участки, хотя и неполное. Крестьянинъ могъ передать свое „владѣніе“ по наслѣдству, могъ переуступить его пришельцу съ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ принялъ на себя его обязательства по отношенію къ господину. Уходя изъ вотчины, крестьянинъ теряетъ всѣ права на свой участокъ. Это правило, въ отношеніи сельско-хозяйственныхъ промышленниковъ (бортниковъ, садовниковъ, бобровниковъ), было выражено въ духовной грамотѣ 1410 года: кто „не всхочетъ жити на тѣхъ земляхъ, инъ земли лишенъ, пойди прочь [3]). Впослѣдствіи, когда права господина на вотчину окрѣпли, это правило не нуждалось уже въ подтвержденіи, и всегда подразумѣвалось уже само собою, что крестьянинъ, хотя бы онъ сидѣлъ на наслѣдственномъ участкѣ, которымъ владѣли его отецъ и дѣды, терялъ всякія права на землю, разъ онъ отказывался отъ своего господина.

[1]) „По меньшей мѣрѣ съ XII вѣка“, говоритъ *Люшеръ*.

[2]) *A. Luchaire*, „Manuel“, стр. 303—304. *P. Viollet*, „Précis de l'histoire du droit français“, стр. 276.

[3]) Собр. гос. гр. и дог. I, № 40, стр. 74—75.

Лишаясь земли, крестьянинъ, при отказѣ отъ господина, лишался также и части своего движимаго имущества.

Въ Псковской судной грамотѣ XV вѣка есть слѣдующая статья: „А который изорникъ отречется у государя села, или государь его отречетъ, и *государю взять у него все половину своего изорника*, а изорникъ половину“ (ст. 63).

Прямой смыслъ этой статьи казался нашимъ изслѣдователямъ неправдоподобнымъ, и они предполагали, что здѣсь разумѣется не половина имущества изорника, а половина урожая, и тому подобное [1]). Для такихъ толкованій ни текстъ, ни другія статьи не даютъ никакой опоры. И ничего неправдоподобнаго въ отнятіи у уходящаго крестьянина половины имущества нѣтъ. У сервовъ въ древности при отказѣ отнимали все, отпускали ихъ голыми. У насъ впослѣдствіи, если не по закону, то фактически господа отнимали у крестьянъ при отказѣ значительную часть имущества.

Въ Германіи въ XIV—XV в.в. взысканіе части имущества уходящихъ крестьянъ замѣнено было пошлиной, курмедомъ. У насъ судебникъ 1497 года опредѣлилъ, что съ крестьянъ при отказѣ взимается *пожилое* отъ четверти рубля до рубля, смотря по тому, сколько времени прожилъ крестьянинъ (отъ одного года до четырехъ лѣтъ, ст. 57). Но въ этотъ судебникъ записаны были не всѣ условія обычнаго права отказа. Второй судебникъ, 1550 года, пополнилъ пробѣлы судебника 1497 года. Къ статьѣ о пожиломъ онъ добавилъ еще опредѣленіе о *повозѣ*: „А за повозъ имати съ двора по два алтына“.

На практикѣ господа далеко не удовлетворялись взысканіемъ этихъ пошлинъ: пожилое и повозъ. Пожилое они взыскивали не съ двора, а съ воротъ (въ большомъ „дворѣ“ бывало нѣсколько воротъ), брали съ крестьянъ и другія какія-то пошлины. Въ виду этого второй судебникъ, приходя на помощь крестьянамъ, нѣсколько увеличивъ цифру сбора пожилого, опредѣлилъ, что пожилое надо имать съ двора, а не съ воротъ, установилъ размѣръ сбора за повозъ и „боранъ два алтына“ съ хлѣба, и заключилъ эти постановленія словами: „*а опричь того на немъ пошлинъ нѣтъ*“ (ст. 88).

---

[1]) *В. И. Сергѣевичъ*, „Р. Юр. Др.“, I², стр. 246; *М. Ф. Владимірскій-Будановъ*, „Хрестоматія“, вып. I, стр. 157, прим. 136.

§ 43. Стѣсненія выхода.

Наши историки видятъ въ правѣ выхода господскихъ крестьянъ признакъ ихъ полной свободы. Западно-европейскіе историки, напротивъ, и болѣе правильно, полагаютъ, что это право обезпечивало крестьянамъ лишь относительную свободу. „Нѣтъ сомнѣнія, говоритъ Лампрехтъ, что правомъ свободнаго выхода (freien Zuges), регулируемымъ описаннымъ образомъ, еще не достигалась та личная свобода, которая такъ въ наше время кажется необходимой“ [1]). Характеризуя относительность этой свободы, нѣмецкіе крестьяне шутили, что запряженную шестеркой нагруженную повозку уѣзжающаго крестьянина приказчикъ господина можетъ остановить мизинцемъ [2]).

При сильно развитой господской вотчинной власти крестьянину очень трудно было добиться разрѣшенія на выходъ, къ чему часто сводилось его право отказа, потому что съ отказомъ связывалась необходимость вполнѣ разсчитаться съ господиномъ по всѣмъ запутаннымъ денежнымъ счетамъ. Трудно было бѣдному крестьянину уплатить всѣ недоимки и высокія выходныя пошлины. Трудно было найти ему защиту и отъ насилій господина, если онъ не соглашался отпустить крестьянина, даже вполнѣ съ нимъ разсчитавшагося.

Въ нашихъ источникахъ есть любопытная грамота, живо рисующая намъ, какъ трудно было крестьянину осуществить свое право выхода. Грамота эта относится къ 1555 году, когда только что былъ изданъ новый судебникъ (1551 года), подтверждавшій право отказа и запретившій взимать съ выходящихъ крестьянъ какія бы то ни было пошлины, кромѣ пожилого и повоза. Черныя волости жалуются въ челобитной царю, что помѣщики Псковскіе, Ржевскіе и Луцкіе совершенно не признаютъ за своими крестьянами права отказа. Когда въ ихъ имѣніе пріѣзжаютъ изъ черныхъ волостей люди, чтобы помочь господскимъ крестьянамъ выйти изъ за помѣщика въ волость (изъ за нихъ отказать въ черныя деревни), то эти помѣщики,—„тѣ дѣти боярскіе тѣхъ отказчиковъ

---

[1]) *K. Lamprecht*, указ. соч., стр. 1212.

[2]) *H. Zöpfl*, „Alterthümer“, 1860, т. II, с. 137.

бьютъ и въ желѣза куютъ, а *крестьянъ де изъ за себя не выпущаютъ, да поимавъ де ихъ мучатъ, и грабятъ, и въ желѣза куютъ, и пожилое де емлютъ на нихъ не по судебнику, рублевъ по пяти и по десяти*“ [1]).

Позднѣе, въ 1602 году, разрѣшая выходъ крестьянъ въ теченіе двухъ недѣль послѣ Юрьева дня, съ уплатой пожилого, правительство предписывало, чтобы помѣщики „крестьянъ изъ за себя выпускали *безъ всякія зацѣпки*, и во крестьянской бы возкѣ промежъ всѣхъ людей боевъ и грабежей не было, и сильно бы дѣти боярскіе крестьянъ за собой не держали и продажъ имъ никоторыхъ не дѣлали“ [2]).

Свобода выхода крестьянина ограничивалась съ двухъ сторонъ. Съ одной стороны ее стѣсняли условія отказа и насилія господъ, съ другой стороны—распоряженія о непріемѣ въ вотчину чужихъ крестьянъ.

Свобода перехода крестьянъ ограничивалась или регулировалась на Западѣ путемъ взаимныхъ соглашеній вотчинниковъ. Сосѣдніе землевладѣльцы взаимно обязывались не принимать крестьянъ другъ отъ друга. Такъ, напримѣръ, въ 1276 году отмѣненъ былъ по взаимному соглашенію графа Сарбрюкена (Saarbrücken) съ сосѣднимъ владѣльцемъ дозволявшійся раньше переходъ людей съ земель одного на земли другого (intercursus) [3]). Другіе владѣльцы въ то же время, въ XIII вѣкѣ, какъ и позднѣе, наоборотъ, уславливались между собою, чтобы такой переходъ совершался безпрепятственно [4]).

Такимъ же путемъ стѣснялся переходъ крестьянъ и у насъ. Князья взаимно обязывались не принимать чужихъ людей на свои земли. Великій князь Тверской по договору 1270 года обязался предъ Новгородомъ изъ Бѣжецка (Бѣжичи), принадлежавшаго

---

[1]) Доп. къ А. И., т. I, № 56 (стр. 120). Пожилое по 5 р.: А. И., т. I № 191; „Ист. Рос. Іер.“ т. VI, стр. 535—539.

[2]) А. А. Э., II, № 23, с. 72. Указъ 1601 года также приказываетъ „*отъ налога и продажъ* крестьянамъ давати выходъ“; тамъ же, № 20, с. 70.

[3]) „Intercursus qui solet esse inter homines nostros... laude et assensu dicti Simonis et nostro est adnullatus et destructus, ita quod dictus Simon vel heredes sui non debent vel possunt de cetero retinere homines nostros, nec nos“... *K. Lamprecht*, с. 1207, прим. 2.

[4]) Тамъ же, с. 1207 и 1208.

Новгороду, людей „нѣ выводити въ свою волость, ни изъ иной волости Новгородской". Крестьянинъ-половникъ, вышедшій изъ Новгородскихъ владѣній въ Тверскія, подлежитъ выдачѣ наравнѣ съ холопомъ [1]). Въ междукняжескихъ договорахъ часто встрѣчается распоряженіе о непріемѣ „черныхъ людей": „А которые слуги потягли къ дворьскому, а черные люди къ сотцкому... и тѣхъ вамъ и мнѣ не приимати" (1433) [2]).

Въ предѣлахъ собственнаго княжества князья обязывали вотчинниковъ не принимать на свои земли крестьянъ тяглыхъ, данскихъ, письменныхъ [3]).

Эти распоряженія, конечно, не отмѣняютъ права перехода крестьянъ вообще, но они существенно стѣсняютъ для нихъ пользованіе этимъ правомъ. Переходъ на отдаленныя земли для крестьянъ былъ болѣе затруднителенъ, чѣмъ на сосѣднія. И именно въ свободѣ перехода на близкія земли могла бы и выразиться свобода крестьянина. Запрещеніе такого перехода, поэтому, существенно ограничивало крестьянскую свободу.

§ 44. Ограниченная свобода.

Право отказа, при указанныхъ условіяхъ, далеко не обезпечивало свободы крестьянина въ ея существенной сторонѣ, правѣ свободнаго переселенія.

Отказъ, подъ непремѣннымъ условіемъ привести въ порядокъ всѣ денежные счеты съ господиномъ, былъ очень затруднителенъ для крестьянъ вообще, въ виду ихъ бѣдности и задолженности господину.

Многихъ крестьянъ должна была затруднять при этомъ необходимость уплатить недоимки за прежніе годы. Приведеніе въ порядокъ всѣхъ счетовъ съ господиномъ затруднялось также тѣмъ, что многіе крестьяне, поселяясь на его землѣ, въ первое время пользовались льготой отъ даней и пошлинъ. Льгота давалась на три года, и до 15-ти. Три года крестьянинъ сидитъ на льготѣ,

---

[1]) „А холопъ или половникъ забѣжитъ въ Тверскую волость, и тѣхъ, княже, выдавати", 1307, № 10.

[2]) Собр. гос. гр. и дог. I, № 3, (1270), № 45 (1433), с. 92 и др.

[3]) А. Э. I, № 17 и др. См. *Сергѣевичъ*, „Р. Юр. Др." I, 2 изд., с. 210.

но это связываетъ его надолго. Уходя вскорѣ послѣ льготныхъ лѣтъ онъ наноситъ большой ущербъ господину и, конечно, не получитъ отъ него согласія на „отказъ“.

Кромѣ недоимокъ и льготъ, крестьянъ связывала по рукамъ и погамъ также ихъ непосредственная задолженность. Крестьяне, вновь селившіеся въ вотчинѣ, очень часто получали денежныя ссуды и подмоги отъ господина.

О распространенности этого обыкновенія въ XVI вѣкѣ мы знаемъ изъ порядныхъ записей. Отъ древнѣйшаго же времени сохранились многочисленныя извѣстія о крестьянскомъ серебрѣ, о крестьянахъ серебреникахъ и людяхъ окупленыхъ. Необходимость уплатить этотъ долгъ при отказѣ ставила крестьянина въ „безвыходное“ положеніе. Долгъ обязывалъ его жить на землѣ господина, приравнивалъ его къ кабальному человѣку, который былъ крѣпокъ господину, условно, до уплаты долга [1]).

Разныя „зацѣпки“ со стороны господина, доходившія „до боевъ и грабежей“, и эта задолженность крайне затрудняли крестьянъ въ свободномъ пользованіи правомъ перехода, правомъ отказа. Уйти къ другому помѣщику крестьянинъ большею частью могъ только тогда, когда этотъ помѣщикъ поможетъ ему расплатиться съ долгами и охранитъ его отъ насилій, отъ разныхъ „зацѣпокъ“, со стороны его господина. Активный *выходъ* такимъ образомъ превращался въ пассивный *вывозъ*.

Грамота 1555 года говоритъ не о выходѣ, а о вывозѣ крестьянъ: „дѣти боярскіе вывозятъ за себя въ крестьяне“ крестьянъ изъ черныхъ деревень. Для вывоза же крестьянъ изъ-за помѣщиковъ къ нимъ пріѣзжаютъ изъ черныхъ деревень „отказщики“, которые „крестьянъ изъ-за нихъ отказываютъ“ въ черныя деревни. Грамота 1602 года также говоритъ объ отказѣ и вывозѣ крестьянъ: „промежъ себя крестьянъ отказывати и вывозити“ [2]).

Въ 1580 году вывозъ крестьянъ помѣщиками превосходитъ выходъ болѣе чѣмъ втрое. Изъ 305 вышедшихъ крестьянъ: 1) 59 сбѣжали безъ отказу, 2) 53 вышли по отказу и съ уплатой пошлинъ

[1]) Бѣлозерскій князь разрѣшаетъ старостѣ Волоцкому принимать „монастырскихъ половниковъ въ серебрѣ“ съ тѣмъ условіемъ, чтобы они при выходѣ заплатили монастырю долгъ: „и которой пойдетъ о Юрьевѣ дни... въ твой путь, и онъ тогды и деньги заплатитъ“. А. А. Э. I. № 48.

[2]) Д. къ А. Ист. I, № 56. А. А. Э. I, № 22.

и 3) 188 были вывезены сосѣдними помѣщиками, частью съ отказомъ, частью безъ отказа [1]).

Все это показываетъ, до какой степени затруднителенъ былъ самостоятельный выходъ крестьянина изъ вотчины. Въ этой трудности выхода нѣтъ основанія видѣть явленіе новое, непосредственно предшествующее прикрѣпленію крестьянъ. Возможно, что въ это время задолженность крестьянъ, стѣснявшая ихъ выходъ, усилилась. Но она несомнѣнно существовала и раньше. Отказъ и самъ по себѣ, помимо задолженности, связанный съ уплатой пожилого, повоза и недоимокъ, былъ весьма затруднителенъ для крестьянъ.

Наши изслѣдователи несовсѣмъ правильно настаиваютъ на томъ, что владѣльческіе крестьяне удѣльнаго времени были людьми свободными. Первый настаивалъ на этомъ Бѣляевъ; но онъ говорилъ это тенденціозно, по политическимъ соображеніямъ. Онъ писалъ свою книгу „Крестьяне на Руси“, когда рѣшалась великая реформа освобожденія крестьянъ и ему надо было показать, что крестьяне въ древности долгое время были свободными. Другіе изслѣдователи говорятъ о свободѣ крестьянъ безъ оговорокъ, основываясь на формальныхъ юридическихъ схемахъ современнаго намъ права, невполнѣ приложимыхъ къ древности.

„Отказъ“ несомнѣнно и формально, и еще болѣе на дѣлѣ сильно ограничивалъ свободу крестьянъ.

Права ихъ, какъ свободныхъ людей, значительно ограничивались также вотчиннымъ судомъ и управой землевладѣльца. Вотчинникъ въ отношеніи ихъ былъ не только землевладѣльцемъ, сдавшимъ имъ участокъ земли, но и господиномъ. По грамотамъ XV и XVI в. они обязаны были ему послушаніемъ, должны были его „слушать во всемъ“.

Крестьяне, далѣе, не только платили оброкъ землевладѣльцу, какъ бы арендную плату за снятую землю, но и исполняли барщинныя работы, и платили пошлины и поборы изъ категоріи тѣхъ, которыя называются на западѣ „droits seigneuriaux“.

Свобода ихъ была ограниченной, и положеніе ихъ уже въ удѣльное время въ существѣ было близко къ положенію крѣпостныхъ крестьянъ въ XVII вѣкѣ.

---

[1]) *М. А. Дьяконовъ*, „Очерки“, т. I, 1898, стр. 26.

II. Свадебныя пошлины.

§ 45. Forismaritagium—выводная куница.

Въ числѣ важнѣйшихъ признаковъ серважа французскіе историки указываютъ на брачныя пошлины, которыя сервы должны были платить своимъ господамъ. Эти пошлины пользуются большою извѣстностью, потому что нѣкоторые историки связываютъ ихъ съ феодальнымъ jus primae noctis, видя въ нихъ какъ бы денежный выкупъ этого права [1]).

Когда оба новобрачные принадлежали одному господину, пошлина называлась maritagium, mariage. Когда же мужъ и жена принадлежали разнымъ господамъ, пошлина называлась forismaritagium (буквально: внѣбрачное), откуда французскій терминъ formariage. Эта „внѣбрачная“ пошлина была обыкновенно выше простой „брачной“, такъ какъ уходъ женщины изъ имѣнія, вслѣдствіе брака съ чужимъ сервомъ, наносилъ ущербъ господину. Первоначально пошлина forismaritagium была довольно высока, но съ конца XII вѣка она понизилась и не превышала пяти су [2]).

Брачныя пошлины не составляли особенности французскаго серважа. Онѣ распространены были въ равной мѣрѣ и въ Германіи въ феодальное время. Нѣмецкіе историки также считаютъ ихъ однимъ изъ признаковъ состоянія поземельно-зависимыхъ крестьянъ. Эти пошлины обозначались въ Германіи обыкновенно нѣмецкимъ словомъ Bumede, соотвѣтствующимъ латинскому maritagium [3]).

Совершенно такія же, называвшіяся *свадебными*, пошлины существовали и у насъ, въ удѣльное время и позднѣе. Совершенно такъ же, какъ на Западѣ, у насъ различались пошлины съ браковъ

---

[1]) *П. Крыжановскій*, „Вѣнечныя памяти и пошлины“. „Изв. И. Р. Арх. Общ.“, 1859, вып. II.

[2]) *A. Luchaire*, „Manuel“, с. 301—302.

[3]) Значеніе слова Bumede, Burmede неясно. Mede, какъ и въ Kurmede, значитъ плата, Miethe. Слово Bu прежде объясняли, какъ Bau, отсюда Bumede, плата за помѣщеніе (Baumiethe). (*Grimm*, с. 384 и др.). Но это Bu, отнюдь не въ смыслѣ Bau встрѣчается въ цѣломъ рядѣ словъ: Butheic, Buding, Bumann: *Waitz*, т. V, с. 260, 281—282. Bumede иначе называлось Baitemund и Beddemund, см. *Waitz*, V, 259.

между лицами одной волости, одного имѣнія, и между лицами изъ разныхъ волостей. Пошлина перваго рода, maritagium, называлась у насъ *новоженый убрусъ*, пошлина второго рода, forismaritagium—*выводная куница*. Какъ видно изъ этихъ названій, первоначально пошлины не были денежными; съ новоженовъ одной волости взимался убрусъ; при выходѣ замужъ въ чужую волость взималась выводная куница. Впослѣдствіи (по нашимъ свѣдѣніямъ, съ XV вѣка, но вѣроятно и гораздо раньше), взамѣнъ убруса и куницы взимали деньги, какъ это видно изъ слѣдующихъ извѣстій:

„А кто за кого въ стольничѣ пути дочерь дастъ замужъ, и онъ волостелю дастъ *за новоженой убрусъ четыре деньги;* а кто дочерь дастъ замужъ изъ стольнича пути на посадъ или въ волость, и онъ дастъ *за выводную куницу два алтына*“ (1506 годъ [1]).

„Да приказщику монастырскому даютъ... за выводную куницу по гривнѣ, да за новоженой убрусъ по алтыну“ (1573—1574 г. [2]).

„Новоженая куница“ упоминается и въ болѣе раннихъ грамотахъ XV и XIV вѣка [3]).

Сходство нашихъ порядковъ съ нѣмецкими въ этой области не ограничивается существованіемъ одинаковыхъ свадебныхъ пошлинъ. Замѣчательно, что и у насъ, и въ Германіи эти пошлины первоначально взимались вещами; у насъ взимали *убрусъ* и *куницу*, въ Германіи *рубашку* и *козій мѣхъ* (pellis hircina). Сохранились вполнѣ опредѣленныя извѣстія XII и XIII вѣковъ, что монастыри предоставляли своимъ людямъ при вступленіи въ бракъ уплачивать солидъ или козій мѣхъ: solidum dabit vel pellem hirci [4]).

Очевидно, мы здѣсь имѣемъ дѣло съ обыкновеніемъ, идущимъ изъ глубокой древности. Одинаковый свойственный славянамъ и германцамъ обычай платить свадебную пошлину мѣхомъ коренится,

---

[1]) Стольничій путь—Переяславская рыболовная слобода. Уставная грамота Переясл. рыбол. 1506 г. А. А. Э., I, № 143; „за куницу 10 денегъ и за убрусъ 4 деньги“: „Писц. книги XVI в.“, отд. II, стр. 294.

[2]) „Писцовыя книги“, изд. *Н. Калачова*, I, с. 65 (Московскій уѣздъ). Тутъ цѣлый рядъ такихъ извѣстій, I, с. 58, 610 и др.

[3]) Жалов. грамота около 1400 года: „ненадобѣ моя дань, ни тамга, ни новоженая куница, ни кормъ данной“. А. А. Э. I, № 15. Тоже, 1479 года: Д. А. И., I, № 17. Запись до 1400 года: *Срезневскій*, „Матеріалы для словаря“, I, ст. 1368. „Выводная куница и новоженый алтынъ“ 1560 г. А. А. Э. I, № 255.

[4]) *Grimm*, 379, изъ книги *Kindlinger*, „Hörigkeit“; извѣстія 1166 и 1294 г.

вѣроятно, въ общихъ свадебныхъ обрядахъ, унаслѣдованныхъ изъ общаго арійскаго источника [1]).

Нѣкоторые историки предполагаютъ, что свадебныя пошлины происходятъ отъ древняго права первой ночи. Въ одномъ нѣмецкомъ извѣстіи, дѣйствительно, говорится, что брачная пошлина платится какъ „цѣна невинности“ (pro pretio pudiciae); въ другомъ, въ поздней сельской уставной грамотѣ (Weisthum) сказано, что женихъ долженъ или позволить старостѣ (Meier) спать на своей постели первую ночь, или же выкупить ее за небольшую (5 шиллинговъ 4 пфеннига) пошлину [2]). Но эти извѣстія представляютъ собою не указанія на реальныя отношенія, а лишь позднѣйшее осмысливаніе свадебной пошлины [3]).

Совершенно также объясняли значеніе свадебной пошлины въ народѣ и у насъ. Такое объясненіе ея записано въ прошломъ вѣкѣ въ Малороссіи [4]).

Еще раньше Татищевъ нашелъ такое же объясненіе ея въ одномъ изъ списковъ лѣтописи: „Отрѣши Олга княжее, а уложила брать отъ жениха по чернѣ кунѣ какъ князю, такъ боярину отъ его подданнаго“. Подъ словомъ „княжее“ здѣсь, повидимому, разумѣется именно jus primae noctis. „Что оно значитъ—писалъ Татищивъ—подлинно неизвѣстно, развѣ не было-ль обычая, какъ у древнихъ, невѣстъ рабовъ на растлѣніе къ господамъ приводили, яко Геродотъ, кн. 4, гл. 34“. Извѣстія этого нѣтъ въ начальной лѣтописи (судя по сохранившимся ея спискамъ), и оно, по всей видимости, представляетъ одну изъ позднѣйшихъ вставокъ [5]). Эверсъ напрасно увидѣлъ въ этомъ извѣстіи историческій фактъ отмѣны княгинею Ольгою права первой ночи [6]). Оно пред-

---

[1]) О мѣхахъ и кожахъ въ связи съ брачными повѣрьями, см. *Афанасьевъ*, „Поэтич. воззрѣнія славянъ“, т. I, с. 689 и др.

[2]) *Waitz*, т. V, с. 263, *Grimm*, с. 384, прим. 2-е.

[3]) *Gierke*, „Der Humor im Deutschen Recht“, 2 Aufl., с. 35, см. *Waitz*, V, 264, прим.

[4]) Словарь *Линде*, ч. II, отд. I, с. 1183 см. *Эверсъ*, с. 86.

[5]) *В. Татищевъ*, „Ист. Росс.“, кн. II, с. 45 и 329. „Княжее написано въ одномъ раскольничьемъ (спискѣ), а въ прочихъ не упомянуто“.

[6]) Для объясненія этого факта *Эверсъ* долженъ былъ предложить: 1) что это не было право государя, а право родоначальника, 2) что „Ольга при сей отмѣнѣ ограничилась однимп собственными владѣніями, а можетъ быть еще и владѣніями своего семейства, гдѣ она легко могла убѣдить родона-

ставляетъ собою лишь позднее народное преданіе, возникшее изъ осмысливанія свадебной пошлины, новоженой куницы, послѣ того, какъ древнее обрядовое ея значеніе стало уже непонятнымъ. Исторія знаетъ много такихъ народныхъ преданій, которыя возникли въ древности, но не имѣютъ ничего общаго съ реальными отношеніями древности, еще болѣе отдаленной.

Французскіе историки, считая свадебныя пошлины отличительной чертой серважа, связываютъ возникновеніе ихъ съ обширными правами господина надъ сервомъ. „Сервъ, говоритъ Люшеръ, не пользующійся правомъ полной собственности, не имѣетъ также совершенной свободы брака“. Первоначально, объясняетъ далѣе этотъ историкъ, на браки сервовъ смотрѣли скорѣе какъ на сожительства. Только въ XII вѣкѣ папство провозгласило абсолютную неразрывность брака сервовъ. Но „если брачный союзъ серва въ феодальную эпоху имѣетъ одинаковую силу съ бракомъ свободнаго и благороднаго, тѣмъ не менѣе признакомъ болѣе низкаго состоянія серва служитъ тотъ фактъ, что на вступленіе въ бракъ онъ долженъ испрашивать разрѣшеніе господина и за такое разрѣшеніе долженъ платить небольшую пошлину (maritagium, licencia matrimonii) [1]).

На основаніи сравнительнаго изученія этого вопроса можно сказать съ увѣренностью, что это объясненіе неосновательно, что свадебныя пошлины отнюдь не имѣютъ связи съ тѣмъ рабствомъ, изъ котораго возникъ серважъ. Это объясненіе правильно лишь въ той мѣрѣ, въ какой оно приложимо къ фактическому значенію свадебныхъ пошлинъ въ феодальное время во Франціи. Дѣйствительно, maritagium тогда взимался преимущественно (но, кажется, не исключительно) съ сервовъ; и въ то время, соотвѣтственно фактическому положенію дѣлъ, эта пошлина разсматри-

---

чальниковъ отказаться отъ помянутаго личнаго права и вмѣсто его брать опредѣленный выкупъ“. Свѣдѣнія *Эверса* о нѣмецкой свадебной пошлинѣ были недостаточны. Онъ писалъ такъ: „Въ нѣкоторыхъ нѣмецкихъ провинціяхъ также, *кажется*, существовала сія пошлина подъ именемъ Klauenthaler, Hemdsschilling и пр.“. „Древн. русское право“, пер. *Платонова*, с. 79—86.— *Шлецеръ* отвергалъ достовѣрность извѣстія, считая, что „jus primae noctis есть шотландская басня“: „Несторъ“, ч. III, с. 493. Ср. *Владимірскаго-Буданова*, „Хрестоматія“, II[3], стр. 29, прим. 14.

[1]) *Luchaire*, „Manuel“, с. 301.

валась уже по новому, какъ разрѣшеніе на вступленіе въ бракъ, какъ „licentia matrimonii“ (другое названіе maritagium). Это—позднѣйшее осмысливаніе древняго обычая, подобное указанному народному преданію о выкупѣ первой ночи.

Наше объясненіе подтверждается порядками, существовавшими въ Германіи. Здѣсь свадебныя пошлины взимались, какъ указываетъ Вайцъ, съ *различныхъ* разрядовъ зависимыхъ людей, и онѣ имѣли различное значеніе. Иногда Bumede взималось въ видѣ штрафа и довольно высокаго: это было тамъ, гдѣ браки съ людьми чужого господина считались недозволенными или стѣснялись. Иногда пошлина разсматривалась, какъ плата за дозволеніе жениться, такъ же, какъ во Франціи (pro licentia maritali, licentia maritandi); иногда, очень рѣдко, какъ цѣна невинности (pretium pudiciae). Иногда же источники прямо указываютъ, что зависимые люди уплачиваютъ пошлину, но ни у кого не испрашиваютъ разрѣшенія жениться [1]).

Наши русскіе источники вполнѣ объясняютъ первоначальное значеніе свадебныхъ пошлинъ. Изъ нихъ видно, что онѣ возникли отнюдь не изъ власти господина надъ рабомъ или надъ сервомъ, или же изъ власти его, защитной, какъ предполагаетъ Вайцъ, надъ зависимыми людьми вообще. У насъ свадебныя пошлины взимались одинаково, какъ во владѣльческихъ имѣніяхъ, такъ и въ волостяхъ и городахъ, пользовавшихся (общиннымъ) самоуправленіемъ. Это ясно изъ слѣдующихъ постановленій уставной Бѣлозерской грамоты 1488 года:

„А кто дасть дочерь замужъ, изъ города въ волость, или изъ волости въ городъ, или изъ волости въ волость, и онъ дасть за выводную куницю алтынъ. А кто дасть дочерь замужъ за рубежъ, въ Московскую землю или въ Ноугородскую, и онъ дасть за выводную куницю два алтына; а въ городѣ, и во стану, и въ волости въ одной, ино свадебного за убрусъ двѣ деньги. А десятиннику владычню знамени три денги“ [2]).

---

[1]) *G. Waitz*, т. V, с. 261—263. Вайцъ неосновательно полагаетъ, что „право господина на взиманіе свадебной пошлины „основывается *безъ сомнѣнія* на защитной власти (Schutzgewalt), которая принадлежала господину“ (с. 263).

[2]) А. А. Э., I, № 123; „Случится у кого свадьба выдастъ за волость дочерь и *приказщику куница*—10 денегъ да съ *отводинъ* хлѣбъ да колачь, а довод-

Въ отношеніи владѣльческихъ людей эти пошлины имѣли у насъ то же значеніе, что и на Западѣ, а именно служили средствомъ для стѣсненія выхода женщинъ въ чужія вотчины. Для этого господа повышали иногда размѣры этой пошлины. Такъ, напримѣръ, въ Бѣлозерскихъ волостяхъ въ 1488 году за убрусъ взыскивались двѣ деньги, и за куницу алтынъ; въ княжеской же Переяславской слободѣ, около того же времени, въ 1506 году,— вдвое больше (четыре деньги и два алтына). Во второй половинѣ XVI вѣка монастырскіе приказчики взыскивали еще больше, за куницу гривну, и за убрусъ по алтыну. Эти пошлины довольно высоки въ сравненіи съ Франціей, гдѣ въ XII вѣкѣ платили обыкновенно только 5 су [1]).

Въ эпоху крѣпостного права размѣръ этихъ пошлинъ значительно увеличился. Во второй половинѣ XVII вѣка платили „выводную куницу“ въ размѣрѣ рубля [2]).

III. Повинности и пошлины.

§ 46. [Барщина, оброкъ—servitium, census].

Повинности крестьянъ въ пользу господина въ средніе вѣка такъ же, какъ и позднѣе, до послѣднихъ дней крѣпостного права, дѣлились на два разряда: оброки и барщины. Тѣ и другія были чрезвычайно разнообразны.

чику двѣ деньги; а женитъ сына и приказщику алтынъ *новоженой* да хлѣбъ да колачъ а доводчику двѣ же деньги. А. А. Э., I, № 258 (1561 г.), № 181 (1536 г.) № 183 (1537 г.), № 201 (1544 г.), № 208 (1546 г.).

Тоже въ волости по старинѣ взимаютъ выборные судьи: А. А. Э., I, № 257 (1558).

Эти пошлины сохранились до XIX вѣка. Въ XVII вѣкѣ „убрусное“ и „выводъ“: *И. Забѣлинъ*, „Большой боярринъ“: „Вѣстн. Евр.“ 1871 г., № 1, с. 22—23.

Выводъ въ XVIII вѣкѣ иногда вовсе не допускался помѣщиками: иногда взимались выводныя деньги въ небольшомъ размѣрѣ 1—5 рублей, иногда же выводныя деньги имѣли значеніе покупки невѣсты, такъ какъ онѣ достигали 30 и 100 р. См. *В. Семевскій*, „Крестьяне“, т. I, с. 315 и 316 и др., т. II, с. 218.

[1]) См. выше, стр.

[2]) Память 1662 года: Староста съ отца крестьянки „выводныя куницы по приказу государя своего взялъ рубль“ *С. Шумаковъ*, „Обзоръ грамотъ колл. экон.“, II, с. 30.

Въ Германіи барщинныя работы крестьянъ въ средніе вѣка представляли собою, замѣчаетъ Лампрехтъ, „чрезвычайно пеструю картину“, а различные оброки отличались едва ли не бо́льшимъ разнообразіемъ [1]). Столь же многообразны были повинности крестьянъ и у насъ. И я, поэтому, не буду останавливаться на детальномъ ихъ разсмотрѣніи и выясню только нѣкоторыя ихъ основныя черты.

Оброки или доходы у насъ такъ же, какъ въ Германіи, вносились частью деньгами, частью натурою, въ особенности зерновымъ хлѣбомъ. Кромѣ зерна, господа брали у крестьянъ все, что только можно было найти въ ихъ хозяйствѣ—домашній скотъ, домашнюю птицу и всякіе продукты—печеный хлѣбъ, сыръ, куриныя яйца и проч. Первоначально у насъ такъ же, какъ въ Германіи, преобладали поборы натурою; въ теченіе среднихъ вѣковъ эти поборы постепенно замѣняются денежными и только въ позднѣйшее время встрѣчаются одни денежные оброки. Въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ оброки сбираются, то натурою, то деньгами, по усмотрѣнію господина [2]). Въ нѣкоторыхъ германскихъ аббатствахъ, по современному извѣстію: „гдѣ лососи, или свиньи, или подводы, или какой-либо доходъ переложенъ на деньги, тамъ зависитъ отъ усмотрѣнія монастыря принять или самые предметы, или замѣняющій ихъ сборъ“. Такое же точно правило встрѣчается и въ русскихъ источникахъ: въ уставной грамотѣ тверскихъ дворцовыхъ селъ послѣ перечисленія разныхъ предметовъ мелкаго дохода замѣчено: „А коли князь великій не велитъ у нихъ (крестьянъ) мелкимъ доходомъ имати и крестьяномъ платити въ великого князя казну въ дворцовый приказъ деньгами: за яловицу съ вымя по 7 денегъ; за баранъ съ вымя по гривнѣ“ и т. д. [3]).

Въ виду путаницы разныхъ видовъ оброковъ и поборовъ, ихъ обыкновенно дѣлили, какъ указываетъ Лампрехтъ, на двѣ большихъ категоріи: оброки большіе и малые, при чемъ эти послѣдніе назывались по-латыни jus minutum или parvum [4]).

Этотъ малый оброкъ состоялъ иногда изъ мелкихъ поборовъ,

---

[1]) Fronden, servitium; Zins, census, *Lamprecht*, стр. 786—787.

[2]) До поздняго средневѣковья часто встрѣчаются сборы всѣхъ почти оброковъ натурой, *Lamprecht*, стр. 795.

[3]) „Писцовыя книги XVI в.“, отд. II, стр. 293.

[4]) Jus parvum, minutum: Hühner und Eierzins, *Lamprecht*, 788, прим. 6.

напримѣръ, курицами и яйцами, а большой—противополагался ему какъ оброкъ зерновымъ хлѣбомъ, или разсматривался какъ связанный съ пользованіемъ землею, какъ главный поземельный оброкъ. Но всѣ эти отличія, замѣчаетъ тотъ же авторъ, были неясными, „болѣе или менѣе текучими“, такъ какъ единообразія въ обложеніи и раскладкѣ не установилось.

Такое же раздѣленіе всѣхъ разнообразныхъ господскихъ поборовъ на два разряда: *доходъ* и *мелкій доходъ* находимъ мы въ нашихъ писцовыхъ книгахъ. Доходъ взимался деньгами и хлѣбомъ въ снопахъ или въ зернѣ; мелкій доходъ—мелкимъ скотомъ, печенымъ хлѣбомъ, и всякими продуктами сельскаго хозяйства: „А старого *дохода* съ тое волостки деньгами рубль Новогородцкой; а хлѣба поспомъ ржы 17 коробей, а овса 17 коробей; *а мелкого дохода* двое хлѣбовъ, двѣ горсти льну“; или: „дохода деньгами полъ-пяты (т. е. $4^1/_2$) гривны, а изъ хлѣба пятина; а *мелкого дохода* 9 барановъ, 9 сыровъ, 9 пятковъ льну“; въ другихъ имѣніяхъ кромѣ барановъ, сыра, льну, брали мелкій доходъ также курами, яйцами, масломъ, окороками мяса, бараньими лопатками, колачами, овчинами, хмелемъ, дровами. Иногда, кромѣ нѣсколькихъ возовъ дровъ, требовались съ крестьянъ особо также „2 воза лучины“. Цитаты эти взяты изъ новгородскихъ писцовыхъ книгъ; но такое же различіе между главнымъ доходомъ, или оброкомъ и мелкимъ доходомъ встрѣчается и въ тверскихъ книгахъ [1]).

Оброкъ и мелкій доходъ взимался съ каждаго дворохозяина въ разномъ количествѣ, соотвѣтственно размѣрамъ его запашки. Это главное начало обложенія было одно у насъ и въ Германіи; обложеніе было не личнымъ, не поголовнымъ, а поземельнымъ или, еще точнѣе, похозяйственнымъ. Первоначально въ Германіи господствовала система раскладки по гуфамъ; затѣмъ по четвертямъ (quartalia), въ которыхъ считалось по 16 моргеновъ (jugera), и, наконецъ, по моргенамъ. Гуфа, четверть, моргенъ были единицами обложенія. У насъ соотвѣтствующими единицами были сначала соха, затѣмъ обжа, и, наконецъ, выть. Общею мѣрою обложенія служили поборы, установленные съ обжи или съ выти.

---

[1]) „Писцовыя книги XVI в.“, отд. I, стр. 6, отд. II, стр. 332 (тутъ же ключничъ доходъ), стр. 337, 374, 381, 482, 293 (здѣсь мелкому доходу противополагается денежный *оброкъ* и посопный хлѣбъ).

Отъ разнообразныхъ оброковъ и доходовъ, взимавшихся по этой системѣ обложенія, отличался особый сборъ, взимавшійся съ очага, или съ жилища крестьянина. Во Франціи и въ Германіи этотъ сборъ назывался поочажнымъ (focagium) или подымнымъ (fumagium). Онъ былъ очень незначительнымъ, подобно другимъ мелкимъ доходамъ, въ размѣрѣ пфеннига, курицы или печенаго хлѣба. Въ германскихъ источникахъ такой поочажный пфеннигъ (Herdpfennig), пѣтухъ или хлѣбъ съ дыма (Rauchhuhn, Rauchbrot) объясняется, какъ знакъ признанія господской власти землевладѣльца: „кто тамъ разводитъ огонь, за господиномъ землевладѣльцемъ, тотъ долженъ господину, какъ господину земли, дать два печеныхъ хлѣба“.

Такой же точно „*подымный*“ сборъ (fumagium), и такъ же рѣзко отличающійся отъ другихъ доходовъ, взимавшихся съ обжи или съ выти, находимъ мы и въ нашихъ источникахъ. Несмотря на свою незначительность, сборъ этотъ у насъ, какъ и въ Германіи, выдѣляется источниками изъ другихъ „мелкихъ доходовъ“: „Оброку *съ выти* по полтинѣ, да за сыры и за московскіе дрова по 4 алтына, да *съ выти жъ* по овчинѣ, да по 24 аршина холстовъ, *да съ 35 дымовъ по деньгѣ съ дыма*“.

Одинаковое значеніе съ подымнымъ сборомъ имѣлъ сборъ *поклонный*, также выражавшій подчиненіе господину земли — боярину. Этотъ сборъ такъ же, какъ подымный, особо указывается въ новгородскихъ писцовыхъ книгахъ, рядомъ съ главнымъ доходомъ, денежнымъ и хлѣбнымъ, и мелкимъ доходомъ. Взимался онъ обыкновенно въ томъ же размѣрѣ, какъ и подымное, по деньгѣ съ дворохозяина; указывая главный доходъ въ размѣрѣ полъ-гривны, писецъ замѣчаетъ: „поклонная деньга“; въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ „поклонное“, иначе „поклонъ“ платили и въ нѣсколько большемъ размѣрѣ, $1^1/_2$ и 2-хъ денегъ.

Рядомъ съ поклоннымъ, въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ указывается особо *даръ*. Этотъ сборъ, повидимому, не имѣлъ того значенія, какъ поклонъ, и былъ просто доходной статьей, какъ и всѣ составныя части доходовъ главнаго и мелкаго. Съ трехъ обежъ въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ платили „дару четка гороху, четка конопель, 6 копенъ сѣна“. Даръ, какъ и другіе натуральные сборы, переводился на деньги и въ писцовыхъ книгахъ присоединялся къ главному денежному доходу: „А дохода 6 гривенъ 4 деньги и съ поклономъ

и съ даромъ". Такъ же, какъ для другихъ господскихъ поборовъ, и для дара мы можемъ указать въ иностранныхъ источникахъ сборъ, точно ему соотвѣтствовавшій и называвшійся одинаково: *donum*.

Особый разрядъ у насъ и на Западѣ составляли мелкіе поборы, взимавшіеся въ пользу господскихъ приказчиковъ, такъ называвшійся у насъ ключничъ доходъ. На всякомъ шагу хозяйственной дѣятельности крестьянина его подстерегалъ не только господинъ, но еще и его приказчикъ. Доходы его были столь же разнообразны, какъ и доходы господина и только были во много разъ меньше; гдѣ господинъ бралъ 11 барановъ, тамъ ключнику доставалось 14 бараньихъ лопатокъ; гдѣ господинъ бралъ изъ всякаго хлѣба треть, тамъ въ пользу ключника шло „отъ всякаго овина всякаго жита по четверткѣ" [1]).

Барщинныя работы господскихъ крестьянъ были столь же

---

[1]) *Подымное. K. Lamprecht*, „D. Wirtschaftsleben", c. 799—800, 1181.—Weistum Nospelt 1542 г.: wer da feuret und flammet hinder dem grundherrn, der muss eim hern apt als grundhern geben 2 rockenbroet, der funf ein sester duent, ib., 800, прим. 2.—Оброкъ tot pullorum quot sunt ibidem loca ignium, sive foci, ib., 799, прим. 6.

Писцов. книги *Калачова*, I, с. 914 (1592), Костромской уѣздъ. Такъ же послѣ перечисленія доходовъ съ вытей, „да съ 300 дымовъ по деньгѣ съ дыма", тоже, с. 896, тоже, с. 910. Бобыли безпашенные и мелкіе люди, промышляющіе у варницъ „оброку даютъ съ дыму въ монастырь по 4 алтына", тамъ же, с. 924. При переходѣ къ повытному обложенію, когда всякіе доходы раскладывались вновь на выти, и старый подымный сборъ, съ утратою прежняго его значенія, былъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ положенъ на выти: „подымного съ выти", Писцов. кн., I, с. 16, 22.

Поклонъ и даръ. „Новгор. писцов. книги", I, с. 794 — 803: въ двухъ имѣніяхъ, до конфискаціи принадлежавшихъ Селезеневу. Во многихъ случаяхъ здѣсь число поклонныхъ денегъ соотвѣтствуетъ числу обежъ, но далеко не вездѣ: иногда съ двухъ обежъ 4 деньги; иногда съ 3 обежъ 2 деньги.—Въ имѣніи, бывшемъ Телятева: съ 5 обежъ поклону 8 денегъ; съ 2 обежъ $3^1/_2$ деньги и 4 деньги; съ 3 обежъ 6 денегъ. „Новгор. писцов. кн.", II, с. 334—335.—О дарѣ цитировано: тоже, I, 9, 10, IV, 203. Еще о поклонѣ и дарѣ: I, 199, 202, II, 701, 702, 735, IV, 190, 191.

Извѣстія объ этихъ сборахъ рѣдки потому, что писцы обыкновенно не интересовались названіями сборовъ и довольствовались общими указаніями дохода; да и сами господа часто сводили разные сборы въ общіе денежные; указанные сборы именовываются большею частью только въ „старомъ доходѣ"; а въ исчисленіи „новаго дохода" опускаются.

Ключничъ доходъ. Новгор. писц. кн., II, 889.

разнообразны, какъ и описанные выше поборы, доходы или оброки. Подстерегая крестьянина на каждомъ шагу въ его собственномъ хозяйствѣ, господа вмѣстѣ съ тѣмъ пользовались его трудомъ для всѣхъ надобностей своего господскаго хозяйства. Яркій примѣръ разнообразія барщинныхъ работъ даетъ одна изъ древнѣйшихъ нашихъ уставныхъ грамотъ, 1391 года. Въ митрополичьемъ Константиновскомъ монастырѣ барщиннымъ трудомъ крестьянъ пользовались: 1) *для монастырскихъ строеній*: „церковь наряжати, монастырь и дворъ тынити, хоромы ставить", 2) *для пашни*: „игумновъ жеребей весь ольи (пашни) орать взгономъ, и сѣяти и пожати и свезти", 3) *для сѣнокоса*: „сѣно косити десятинами и въ дворъ ввезти", 4) *для рыбнай ловли*: „ѣзъ бити и вешней, и зимней, сады (садки) оплетати, на неводъ ходити, пруды прудити" и *для ловли бобровъ*: „на бобры имъ осенинѣ ходити и истоки забивать". Таковы были работы, исполнявшіяся „большими людьми изъ монастырскихъ селъ"; меньшіе же люди, не имѣвшіе собственныхъ коней, „пѣшеходцы изъ селъ" должны были: 5) на сѣмя рожь молотить, 6) „рожь молоти и хлѣбы печи", 7) солодъ молоть, пива варить, 8) прясть ленъ, 9) дѣлать неводы.

Крестьяне по этой грамотѣ должны были обрабатывать монастырскую пашню (игумновъ жеребей ольи) *взгономъ*, то-есть общими силами всѣхъ крестьянъ, собранныхъ (согнанныхъ) для этой работы. Съ тѣмъ же „взгономъ" встрѣчаемся мы въ писцовыхъ книгахъ конца XVI вѣка. Это была барщина въ тѣснѣйшемъ, позднѣйшемъ смыслѣ слова: обработка господской земли крестьянами подъ наблюденіемъ приказчика. Отъ такой пашни отличалась монастырская же такъ наз. десятинная пашня, обрабатываемая самостоятельно крестьянами по расчету извѣстнаго числа десятинъ на выть: „на выть пашутъ по 3 десятины пашни, да взгономъ пашутъ 35 десятинъ"; засѣвались эти пашни „монастырскими сѣмены".

Въ новгородскихъ писцовыхъ книгахъ такія барщинныя работы крестьянъ обозначаются словами: пахать или косить на монастырь или на боярина *волостью*, то-есть общиной всѣхъ крестьянъ имѣнія: „пашутъ на нихъ (бояръ) то село волостью", или „косятъ боярскую пожню волостью" [1]).

[1]) Впослѣдствіи эти работы назывались „боярщиной", откуда современное намъ слово „барщина".

Такія же барщины широко развиты были и въ Германіи. Описавъ нѣсколько случаевъ коллективной барщины, Лампрехтъ дѣлаетъ выводъ, что „всякая служба на господской заимкѣ была службою общей руки (gesamter Hand) и приводила къ образованію изъ крестьянъ, обязанныхъ барщиною, особаго общества обработки заимки (Beundenbetriebsgemeinschaft). Такое устройство заимочныхъ барщинъ впрочемъ не представляетъ собою одинокаго явленія въ исторіи боярщины; въ существѣ дѣла скорѣе всѣ повинности поземельно-зависимыхъ понимались въ такомъ именно смыслѣ. Община обязана, гласитъ уставъ общины (Weistum) Шепфельсъ 1682 года, § 21, господину мыть его овецъ и ягнятъ, также и стричь, и принято издревле, какъ учитъ этотъ уставъ, овецъ и ягнятъ стричь „общею рукою“. Нѣмцы говорили о такой общинной барщинѣ: общей или сборной рукою (gesamter, samender Hand), у насъ говорили: взгономъ или волостью.

Въ числѣ разныхъ барщинныхъ работъ въ германскихъ источникахъ часто упоминается обязанность крестьянъ поставлять подводы и возить господскіе товары изъ одного имѣнія въ другое, или въ городъ на продажу. Эта транспортная служба называлась греческимъ словомъ αγγαρεια, въ латинской транскрипціи angaria или по-нѣмецки Fronfuhren, барщинная повозка. Та же повинность часто встрѣчалась и у насъ; она называлась *подводой*, или *повозомъ*.

Такъ, напримѣръ, крестьяне дер. Поповской, принадлежавшей Троицкому монастырю въ концѣ XVI вѣка, должны были „давать въ монастырь для дровяные возки съ выти по подводѣ“: они жъ должны были монастырскую рыбу, которая приходила съ Бѣлоозера, возить въ Троицкое же село Коприно дважды въ годъ, „а ставятся имъ тѣ провозы въ годъ по 12 рублей“; „да они жъ возятъ мережи рыбные съ Мологи на Ярославль на рыбные ловли“. „Да монастырскихъ повозовъ съ выти въ годъ по 5 повозовъ, опричь рыбныхъ повозовъ для государева пріѣзду“ [1]).

[1]) *Барщина.* Уст. грам. 1391 г.: А. А. Э., I, № 11. *Взгонъ*: Писц. кн. *Калачова*, II, с. 16. Иногда часть крестьянъ вмѣсто десятинной пашни платила болѣе высокій доходъ; десятинная пашня всегда отличается отъ взгона: „А монастырскихъ доходовъ имали съ нихъ съ 5 вытей съ жилыхъ (иначе: живущихъ) по рублю и по 5 алтынъ, да съ 35 вытей живущихъ же по 26 алтынъ, по 4 деньги, да съ тѣхъ же 35 вытей пашни пашутъ на мона-

Кромѣ оброковъ или доходовъ разнаго рода, обусловленныхъ пользованіемъ господской землею, и кромѣ пошлинъ выходныхъ и свадебныхъ, обусловленныхъ личной зависимостью отъ господина, крестьяне платили въ пользу господина также пошлины торговыя, таможенныя и судебныя, въ силу принадлежавшихъ ему правъ государственнаго порядка. Средневѣковая боярщина, сеньерія или Grundherrschaft, какъ я уже говорилъ, была не только частновладѣльческимъ имѣніемъ, но въ большей или меньшей степени также и государственнымъ владѣніемъ; права частныя и государственныя въ то время не разграничивались такъ, какъ въ позднѣйшую эпоху новой исторіи, и тѣсно сливались въ понятіи боярскаго владѣнія. Описывая систематически сеньеріальныя права, Люшеръ перечисляетъ сначала поборы съ лицъ, (поголовщина, марьяжъ и формарьяжъ), съ движимости (талія), съ недвижимости

стырь 8 десятинъ, да взгономъ 2 десятины, а сѣютъ монастырскими сѣмены", тамъ же, II, 6—7. Съ 17 вытей по полтинѣ, „съ 31 вытей пашутъ пашню по полъ-2 десятины, да взгономъ пашутъ 18 десятинъ": II, 14. „Пашни па выть по 2 десятины, да взгономъ 54 десят., а сѣютъ на десятину по 2 чети ржи монастырскими сѣмены": I, 896. Пашутъ *волостью*: „Новг. писцов. кн.", I, 78. „Да па Митю косятъ боярскую пожню волостью, а ставится на ней 100 копенъ сѣна"; тамъ же, IV, 125; „косятъ волостью", тамъ же, с. 103, 144, 193, 210.—„Aus ihnen [Einzelangaben] ist für alle Orte und Zeiten grundherrschaftlicher Thätigkeit die allgemeine Anschauung begründet, dass jeder Beundedienst Dienst gesamter Hand war und für die Frondeverpflichteten eine Beundebetriebsgemeinschaft involvierte. Die Konstruktion der Beundefronden ist übrigens keine allein dastehende Erscheinung in der Geschichte der Grundherrschaft: im Grunde waren vielmehr alle grundhörigen Leistungen in diesem Sinne gedacht. Die Gemeinde ist schuldig, heisst es noch im W. Schönfels 1682 § 21, dem herrn seine schäf und lämmer zu weschen, auch zu scheren, und von alters flegt man, wie sie erlernet, schâf und lemmer samender hand zu scheren": *Lamprecht*, с. 435.

Angaria также называлась scara, но этотъ терминъ, по мнѣнію *Лампрехта*, обозначалъ преимущественно не Transportdienst, а Botendienst. О томъ и другомъ см. *Lamprecht*, с. 810—812. Кромѣ повозокъ, крестьяне иногда должны были давать также и суда, Schifdienst: scaram facit cum nave, или in nave (тамъ же, с. 810, примѣч. 3).—Особые денежные поборы, замѣнившіе натуральную повинность повоза: „за повозъ": „Новгор. писц. кп.", I, 199, 202. О провозахъ дер. Поповской: Писц. кн. *Калач.*, II, 39, „Да для дровяные возки въ монастырь давали съ выти по 4 подводы, а ставится подвода по 15 алтынъ;... возка съ выти": Писц. кн. *Калач.*, II, 35. Повозы, цитиров. въ текстѣ: Писц. кн. *Калач.*, I, 903.

(цензъ, оброкъ и подымное), съ жатвы (шампаръ), затѣмъ въ одномъ ряду съ этими сборами—*сборы торговые*: съ продажи припасовъ и всякихъ товаровъ, въ томъ числѣ особыя пошлины съ рынковъ и ярмарокъ; *сборы съ передвиженія лицъ и товаровъ*: таможенныя пошлины съ дорогъ, мостовъ, пристаней; *сборы съ отчужденія недвижимости*: продажи, залога, дара, въ томъ числѣ и пошлины наслѣдственныя (рельефъ); наконецъ, *судебныя права* сеньеровъ, судебныя пени и пошлины.

Всѣ эти сеньеріальныя права, права на пошлины торговыя, таможенныя и на судебныя пени и пошлины составляли и у насъ принадлежность крупнаго землевладѣнія въ формахъ боярщины—земельнаго господства (Grundherrschaft). Объ этомъ у насъ сохранилось достаточно свѣдѣній въ жалованныхъ и уставныхъ грамотахъ.

По жалованнымъ грамотамъ многимъ монастырямъ принадлежало право взимать:

1) *проѣзжія пошлины* съ товаровъ: мыто и пеню за проѣздъ мимо заставы, промыту; пошлину за причалъ къ берегу—*побережное* (rivagium); пошлину съ переправы черезъ рѣку на монастырскомъ плоту — *перевозъ* (traversum); пошлину съ пріѣзжающихъ купцовъ (гостей) и съ объявляемыхъ ими товаровъ: *явленое* и *явку*.

2) *Торговыя пошлины: тамгу*: „А который крестьянинъ монастырской продаетъ въ торгу или въ селѣ, и они тамгу платятъ игумену; а которой... протамжится, монастырскій игуменъ вину возьметъ на монастырь“; особую пошлину съ купли лошадей, взимавшуюся при ихъ клейменьи, такъ назыв. *пятно*, или пятенное: „А кто изъ людей купитъ лошадь въ городѣ или въ волости, и они тѣ кони пятнятъ своимъ пятномъ монастырскимъ и пошлину даютъ монастырскому прикащику“ (1470).

3) *Судебныя пени и пошлины*. По жалованнымъ грамотамъ крестьяне и люди монастырей и боляръ освобождались отъ подсудности княжескимъ властямъ или всецѣло, въ древнѣйшее время, или за изъятіемъ дѣлъ уголовныхъ (опричь душегубства или опричь душегубства, разбоя и татьбы съ поличнымъ). Право суда надъ нимъ переходило къ землевладѣльцу или къ его уполномоченному, кому прикажетъ. Вмѣстѣ съ судомъ къ нему переходило и право взимать въ свою пользу судебныя пени и пошлины: игуменъ или его „приказникъ“ вѣдаетъ своего монастырскаго

человѣка праваго и виноватаго, или „въ правдѣ и въ винѣ“; или, какъ сказано въ одной грамотѣ 1471 года: „игуменъ съ братьею и ихъ приказникъ... знаютъ себѣ своего человѣка монастырьсково и въ правдѣ и въ винѣ и въ посулѣхъ и въ пересудѣ и въ всѣхъ судовыхъ (судебныхъ) пошлинахъ“.

Также какъ въ цитированныхъ жалованныхъ грамотахъ XIV—XV вѣковъ, указанія на различныя торговыя и прохожія пошлины встрѣчаемъ мы и въ уставныхъ грамотахъ. Такъ, въ уставѣ тверскихъ дворцовыхъ селъ старосты и цѣловальники взимали пошлины съ продажи или съ мѣны лошадей и коровъ: купецъ и продавецъ должны были платить съ лошади, каждый по деньгѣ, а „съ коровы *съ рога* по деньгѣ“ (cornagium); съ продажи хоромины взималось *поугольное*, съ угла по деньгѣ. Они же взимали присудныя пошлины. Въ монастырскомъ селѣ Прилукахъ, гдѣ было торжишко—„а торгуютъ съѣзжаяся изъ селъ и изъ деревень съ мелкими товаришки по овторникомъ“—тамгу сбирали на государя таможники, а „*пятенную* пошлину съ лошадей и съ животины *явку*“ сбирали доводчики на монастырь. Здѣсь же монастырскіе доводчики взимали пошлину „*съ перевозу* съ рѣки съ Волги“ [1]).

IV. Холопы на пашнѣ.

§ 47. Страдные и черные люди.

„Холопское держаніе“, tenure servile, было несомнѣнно хорошо извѣсто Удѣльной Руси.

Начнемъ съ извѣстій позднѣйшихъ, конца удѣльной эпохи, съ извѣстій половины XVI вѣка, потому что они лучше освѣщаютъ дѣло, чѣмъ краткія замѣчанія памятниковъ ранняго времени.

Въ духовной грамотѣ 1545—1546 гг. богатый вотчинникъ го-

---

[1]) *Пошлины. Achille Luchaire*, „Manuel des institutions françaises“, 1892, с. 335—344: classification des droits seigneuriaux: 1 redevances. *А. Горбуновъ*, „Льготныя грамоты“: „Арх. Ист. и Практ. Свѣд.“ 1860—1861, № 5, с. 59—64 (на стр. 61 ошибочно цитирована грамота № 24 по списку, А. Ист. I № 25: мыть держать на пошломъ мѣстѣ намѣстники, а не „монастырскіе люди“). О томъ же моя статья объ иммунитетѣ.

Грамоты, цитированныя въ текстѣ: А. Юр. Б. № 31, XVIII, XIX. Писцов. кн. *Калачова*, II, 35, 294.

воритъ о своихъ „людяхъ деревенскихъ и дворныхъ“; эти люди были его холопами, потому что часть ихъ онъ отпускаетъ на свободу, часть ихъ завѣщаетъ наслѣдникамъ. Подъ *людьми деревенскими* онъ разумѣетъ холоповъ, посаженныхъ на пашню или работавшихъ на господской землѣ, въ противоположность *людямъ дворнымъ*, то-есть дворовымъ. Кромѣ того завѣщатель отпускаетъ на волю *дѣловыхъ* [1]) *страдныхъ* людей. „А что мои люди дѣловые страдные, и изъ тѣхъ людей женѣ моей Ограѳенѣ десять семей, а дочери моей Оринѣ десять же семей, а дочери моей Ѳедорѣ десять же семей. А досталь тѣхъ людей з женами и з дѣтьми отпустилъ на слободу по своей души“.

По другой духовной (1560 г.) также отпускаются на волю: 1) „люди дворные“, то-есть дворовые, 2) „*слуги деревенскіе*, полные, и докладные и кабальные“, 3) „*люди страдные*“. Часть этихъ страдныхъ людей, какъ видно изъ грамоты, имѣла собственное свое хозяйство; у нихъ были коровы, данныя имъ господиномъ, и отпуская ихъ на волю, завѣщатель приказываетъ оставить имъ коровъ, а другимъ велитъ дать денегъ на покупку коровъ. Всѣ эти слуги и люди, холопы, строго отличаются отъ крестьянъ: первые отпускаются на волю, вторымъ же господинъ приказываетъ выдать безденежно кабалы, на кого онѣ были взяты.

Въ третьей духовной того же времени (1555 — 1556) различаются: 1) „*страдные слуги*“, отпускаемые на волю, 2) „*страдные люди, кабальные и некабальные*“ и 3) „*черные люди*“. Эти черные люди, несомнѣнно, были также холопами, потому что завѣщатель предоставляетъ своему зятю и дочери выбрать „изъ черныхъ людей, которые будутъ пригожи, шесть головъ людей“. Если въ страдныхъ людяхъ, особенно въ тѣхъ, которые называются дѣловыми — рабочими, надо видѣть сельско-хозяйственныхъ работниковъ, то въ черныхъ людяхъ слѣдуетъ признать холоповъ, посаженныхъ на пашню, ведшихъ самостоятельное крестьянское хозяйство.

Такихъ „черныхъ людей“ (крестьянъ-холоповъ) встрѣчаемъ и въ другой духовной, 1547—1548 гг.: „А что отца моего и мои

---

[1]) Дѣловые—рабочіе. Ср. лошади дѣловыя, „дѣловая земля“: „куды соха ходила по дѣловую землю, по вражокъ“ Правая до 1472 г. *Д. Лебедевъ*, Собр. ист. Юр. Актовъ *И. Д. Бѣляева*, № 13, с. 6.

люди, *холопи и робы, слуги и черные люди*, и язъ всѣхъ людей отпустилъ на слободу, и з женами и з дѣтьми". Завѣщатель оставляетъ за ними данныхъ имъ лошадей и имущество: „А что у людей моихъ лошади и доспѣхъ мое данье, и господа мои приказщики того у нихъ лошадей и доспѣху не возьмутъ" [1]).

Отъ того же времени, когда писались эти духовныя грамоты, мы имѣемъ большое число извѣстій о холопахъ на пашнѣ въ Тверской писцовой книгѣ 1540 года. Здѣсь въ деревняхъ, рядомъ съ „крестьянами", свободными, мы находимъ большое число „людей", холоповъ.

Въ большомъ имѣніи дочери князя Микулинскаго, селѣ Введенскомъ, около боярскаго двора жила въ нѣсколькихъ дворахъ княжеская челядь, конюхи, псари, сокольники; тутъ же жили въ особыхъ дворахъ попъ, дьяконъ, ключникъ; рядомъ съ этими дворами перечислены 3 двора „людей ея" (княгини), дворовой челяди [2]). Далѣе особо сказано: „а людей страдныхъ 29 дворовъ" [3]). Страдными людьми здѣсь называются сельскіе работники, холопы, работавшіе на господской пашнѣ.

Но въ другихъ имѣніяхъ часто встрѣчаются холопы, посаженные на крестьянскую пашню и имѣвшіе самостоятельное хозяйство. Вотъ, напримѣръ, село Никольское Шескаго уѣзда за помѣщикомъ Кутузовымъ. Около боярскаго двора живутъ въ двухъ дворахъ „люди его", они работаютъ на барской пашнѣ (25 четей). Въ деревняхъ же, тянущихъ къ селу, живутъ холопы уже не въ общихъ челяденныхъ дворахъ, а каждый въ своемъ дворѣ, съ самостоятельной запашкой, на крестьянскомъ участкѣ: „Дер. Палкино: во дворѣ человѣкъ его; пашни въ полѣ 6 четьи, сѣна 11 копенъ". Изъ 12 деревень, тянущихъ къ селу, въ 4-хъ сидятъ холопы на крестьянскихъ участкахъ [4]).

Въ другомъ имѣніи, И. А. Нащокина, въ селѣ рядомъ съ дво-

---

[1]) *Н. Лихачевъ.* „Сборникъ актовъ", Спб. 1895, с. 16—17, 46, 29, 20.

[2]) Эти дворы иногда называются *челядennыми.* Писц. кн. *Калачова*, отд. II, с. 117. Тоже „Новгор. писц. кн.", т. I, с. 889.

[3]) Писц. кн. *Качалова*, отд. II, с. 140.

[4]) Писцовая книга систематически обозначаетъ такихъ холоповъ: „*Деревня. Во дворѣ человѣкъ его*". Относительно же людей-работниковъ, жившихъ около боярскаго двора: „Дворъ боярской. *А людей его 2 двора*". Писц. кн. *Калачова*, отд. II, с. 81.

ромъ боярскимъ и съ дворомъ попа стоитъ *„дворъ людей его, страдные“*. Въ трехъ же деревняхъ сидятъ холопы, въ перемежку съ 7-ю деревнями крестьянскими [1]).

Нерѣдко дворъ пашеннаго холопа стоитъ въ одной деревнѣ, въ близкомъ сосѣдствѣ, съ дворомъ крестьянина: деревня Гришино, два двора, въ одномъ Ондрѣевъ человѣкъ, въ другомъ крестьянинъ [2]).

Особаго наименованія для такихъ холоповъ на пашнѣ въ писцовой книгѣ мы не находимъ. Но въ духовныхъ грамотахъ, какъ указано выше, они назывались *черными людьми*. Холопы же, работавшіе на господской пашнѣ, и въ писцовой книгѣ и въ духовныхъ одинаково называются *людьми страдными* [3]).

Отъ XV вѣка мы имѣемъ нѣсколько извѣстій о холопахъ на пашнѣ.

Въ 1482 году крестьянинъ Васька Телибановъ, 75 лѣтъ отъ роду, помнившій время князя Андрея Дмитріевича, разсказывалъ про вотчинника Есипа Пикина на Бѣлоозерѣ:

„А Сущево, господине, да Таилицу Есипъ *роздѣлалъ на лѣсъ своими людьми*, да посажалъ половниковъ. Да сказывалъ ми, господине, отецъ мой Гаврило: Щолковскую пустошь купилъ Есипъ у Григорья Монастырева. А *живалъ*, господине, *на Щолковѣ Григорьевъ холопъ Яковъ*“ [4]).

Въ раздѣльной грамотѣ XV вѣка (Кострома) „на Ивашковскомъ лугу покосы, кои косили при отцѣ нашемъ изъ села Якольсково *слуги и хрьстьяне*“ [5]).

Эти же два разряда сельскихъ холоповъ, страдныхъ и черныхъ людей, находимъ мы и въ древнѣйшее время, въ новгородскихъ писцовыхъ книгахъ 1495—1500 гг.

Въ деревнѣ Озерцѣ въ „большомъ“ дворѣ живетъ помѣщикъ

---

[1]) Писц. кн. II, с. 56. Та же терминологія: „Деревня. Во дворѣ человѣкъ его“. Тоже с. 57 и др.

[2]) Тамъ же с. 44, примѣч. 4. Такіе же случаи: с. 54, примѣч. 5, с. 77 и др.

[3]) „Мои лошади страдныя“, 1518 г.: А. Юр. № 417, с. 448. „Тѣхъ селъ пожни и страдныя земли“, „тѣхъ земель и страдныя земли и пожни... и ловища“, XV в.: А. Юр. № 409, II, с. 431.

[4]) *С. Шумаковъ*, „Обзоръ грамотъ коллегіи экономіи“, вып. II, с. 116 (Тоже, *Мейчикъ*, с. 112).

[5]) *Д. Мейчикъ*, Грамоты XIV и XV вв. с. 119.

Данило Нелединскій; возлѣ въ трехъ дворахъ живутъ его „люди"; землю „пашетъ Данило на себя своими людьми". Это — люди на господской пашнѣ, страдные люди.

Въ другомъ имѣніи среди крестьянскихъ деревень находимъ деревню, въ которой живетъ „Стригинъ человѣкъ Степанко, сѣетъ ржы 4 коробьи, а сѣна коситъ 30 копенъ;... пашетъ человѣкъ его на себя" [1]). Это—холопы на пашнѣ, черные люди.

Писцовая книга иногда замѣчаетъ о такихъ людяхъ, что они занимаютъ крестьянскіе участки: „а люди его живутъ въ христіанскихъ дворѣхъ, а земли подъ ними было на 2 обжи" [2]).

Въ 1452 году упоминаются *„полные люди въ селахъ"*. Княгиня Евпраксія въ духовной грамотѣ пишетъ: „И мои казначеи, и тивуни, и посельскіе, и ключники, и хто въ селехъ во всѣхъ полныхъ людей, или хто ся у нихъ женилъ, и язъ тѣхъ людей всѣхъ отпустила на слободу з женами и дѣтьми" [3]).

Въ 1410 году князь Владиміръ Андреевичъ, разрѣшая бортникамъ, садовникамъ, псарямъ, бобровникамъ, барашамъ и дѣлюямъ выходъ подъ условіемъ лишенія земли, дѣлаетъ оговорку: „на котораго грамоты полныя не будетъ".

Въ договорной грамотѣ 1368 года встрѣчаемъ статью: „А на полныхъ холопехъ не взяти (дани), на которыхъ ключники цѣлуютъ" [4]). Вопроса о взиманіи дани съ холоповъ дворовыхъ возникнуть не могло; холопы вообще никогда не облагались данью. Безъ сомнѣнія здѣсь имѣются въ виду холопы на пашнѣ, которые были такъ близки къ крестьянамъ, что о нихъ, какъ это бывало и позднѣе [5]), естественно возникалъ вопросъ, не слѣдуетъ ли ихъ обложить данью. На такихъ холоповъ указываютъ

---

[1]) Писцов. книга Водской пятины 1500 г. „Временникъ", XI, с. 15, 19.

[2]) „Новгор. писцов. книги", т. I, Деревск. пятины 1495 г., с. 285.

[3]) Собр. гос. гр. и дог., I, № 82, с. 191. Въ духовной 1483 года отпускаются на свободу съ одной стороны *„слуги"*, съ другой *„мои люди страдные"*: этихъ послѣднихъ должны отпустить съ женами и дѣтьми приказчики. А. Юр., № 413, с. 440. Въ духовной 1486 г.: „Страдные мои люди, съ женами и дѣтьми... на слободу. А что у страдныхъ у моихъ людей моя животина, и у кого, что будетъ моей животины, тому то и есть". С. Г. Гр. и Дог. I, № 121, с. 301.

[4]) Тоже, № 40, с. 75, № 28, с. 48. „А на холопахъ дани не имати, на которыхъ ключники цѣлуютъ": 1484 г., С. Г. Г. и Д. № 119, с. 296.

[5]) Ср. обложеніе задворныхъ людей въ XVII вѣкѣ.

и слова: „на которыхъ ключники цѣлуютъ“. Ключники обыкновенно были сельскими приказчиками.

V. Смерды и закупы.

§ 48. Сервы и грундгольды.

Между владѣльческими крестьянами у насъ въ удѣльное время, и на Западѣ во время господства феодализма на первый взглядъ нѣтъ ничего общаго. Въ феодальной Франціи господствовалъ серважъ-крѣпостничество. У насъ крестьяне были свободными. На первый взглядъ ничего общаго, двѣ противоположныхъ крайности [1]). Но эти крайности сойдутся очень близко, какъ только мы всмотримся пристальнѣе въ положеніе крестьянъ на Западѣ и у насъ.

Главнымъ источникомъ французскаго серважа было древнее рабство (esclavage); предшественниками сервовъ были рабы, надѣленные землею. Въ IX вѣкѣ распространены были господскіе оброчные участки трехъ родовъ: 1) mansi serviles—на которыхъ сидѣли рабы, 2) mansi lidiles—занятые полусвободными 3) mansi ingenuiles — занятые свободными людьми. Изъ этихъ трехъ состояній постепенно къ XI-му вѣку образовалось среднее состояніе серважа. Рабство, съ одной стороны, постепенно смягчилось; свободные же люди, сидѣвшіе на господскихъ земляхъ, утратили значительную часть своихъ правъ. Въ наиболѣе рѣзкомъ своемъ выраженіи серважъ стоялъ близко къ рабству. Сервы не только были прикрѣплены къ землѣ (adscriptio glebae); они кромѣ того не имѣли права распоряженія на свой участокъ (main morte), не имѣли права на судебную защиту и по части податей и повинностей зависѣли отъ воли господина (taillables á merci).

Но ни въ этомъ, наиболѣе рѣзкомъ, ни въ смягченномъ видѣ серважъ никогда не имѣлъ исключительнаго господства, такого, напримѣръ, какъ у насъ до недавняго времени крѣпостное право, онъ вовсе не существовалъ въ Германіи, и поэтому никакъ не можетъ быть признанъ однимъ изъ основныхъ элементовъ феодальнаго строя.

---

[1]) Это противоположеніе сдѣлалъ и я въ одной изъ своихъ статей когда еще не вникъ въ существо этого вопроса.

Временемъ господства серважа, какъ рабскаго крѣпостничества, могутъ быть признаны только X, XI вѣка. Уже въ XII вѣкѣ серважъ существенно ослабляется; исчезаетъ его важный признакъ—строгое adscriptio glebae; сервъ получаетъ право перехода, подъ условіемъ отреченія отъ своего имущества и формальнаго отказа. Ослабляются и другія его черты: main morte и taille à merci [1]).

Рядомъ съ серважемъ во время его полнаго развитія всегда сохранялись также и другія свободныя держанія, древніе mansi ingenuiles. Съ XII-го же вѣка, когда рабскій серважъ значительно ослабляется, пріобрѣтаютъ значительное распространеніе другія свободныя формы крестьянской зависимости.

Свободные владѣльческіе крестьяне называются вилланами, и ихъ участки называются tenure en villenage, въ противоположность tenure servile или en mainmorte. Они представляютъ собою свободныхъ съемщиковъ земли по безсрочному договору. Одни изъ нихъ платятъ господину опредѣленный денежный оброкъ, другіе отдаютъ ему часть продуктовъ земледѣлія (tenures en champart) [2]). Съ XIII-го вѣка, во время разцвѣта феодализма, это свободное вилланство беретъ верхъ надъ серважемъ.

Въ Германіи отношенія крестьянъ къ землевладѣльцамъ развивались въ общихъ чертахъ такъ же, какъ во Франціи. Здѣсь вначалѣ мы также находимъ три различныхъ состоянія: 1) рабовъ, посаженныхъ на крестьянскіе участки, 2) полусвободныхъ (Laten и Barschalke) и 3) свободныхъ (liberi mansionarii). Они въ IX—X вѣкахъ сливаются въ одно состояніе, сходное съ серважемъ, поземельно-зависимыхъ, грундгольдовъ (Grundhörige или Grunholde). Отличительныя черты его: прикрѣпленіе къ землѣ, затѣмъ подчиненіе господскому суду и личный оброкъ (kopfzins) [3]).

Это нѣмецкое крѣпостное право не пріобрѣтаетъ рабскихъ чертъ французскаго серважа. Поземельно-зависимые крестьяне раньше сервовъ, съ X—XI вѣковъ, становятся въ болѣе свободныя отношенія къ помѣщику. Во Франціи послѣ смерти серва его имущество переходитъ во власть господина. Въ Германіи же это право (main-morte) раньше смягчается въ право господина взять

---

[1]) *A. Luchaire*, „Manuel“, стр. 297—309.
[2]) *A. Luchaire*, „Manuel“, с. 329.
[3]) *H. Brunner*, „Grundriss der Deutschen Rechtsgeschichte“. с. 87—88.

послѣ смерти крестьянина часть его имущества, лучшую голову скота (Beste haupt, Kurmede). Права господина въ Германіи смягчались широко распространенными общинными (марковыми) организаціями крестьянъ на владѣльческихъ земляхъ [1]).

Съ XIII вѣка, когда во Франціи начало господствовать свободное вилланство, въ Германіи получили преобладаніе свободные арендаторы. „Поземельно-зависимое состояніе уничтожилось,—говоритъ Лампрехтъ—въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ совершенно, въ другихъ отчасти, и свелось къ нѣкоторымъ формальностямъ; явилась свобода перехода, и бывшій зависимый крестьянинъ остался въ качествѣ свободнаго арендатора на своемъ прежнемъ участкѣ“ [2]).

Положеніе крестьянъ снова ухудшается въ исходѣ среднихъ вѣковъ, когда распространяется крѣпостничество (Leibeigenschaft). Это закрѣпощеніе крестьянъ въ связи съ ухудшеніемъ ихъ экономическаго положенія вызвало ихъ возстаніе 1524 года [3]).

§ 49. Господскіе смерды.

Таковы основныя черты положенія владѣльческихъ крестьянъ на Западѣ въ средніе вѣка. Въ какой мѣрѣ соотвѣтствуетъ имъ положеніе владѣльческихъ крестьянъ въ Россіи въ эпохи дружинную (кіевскую) и удѣльную?

Крестьяне въ Кіевской Руси назывались *смердами*. Слово это по своему значенію соотвѣтствуетъ слову крестьянинъ, потому что смердами назывались вообще всѣ поселяне, сельскіе жители, какъ жившіе на волостныхъ земляхъ, такъ и на частно-владѣльческихъ. Въ общемъ смыслѣ сельскаго жителя слово смердъ употреблено въ слѣдующихъ извѣстіяхъ: „Бояринъ боярина плѣнивше, смердъ смерда, градъ (горожанинъ) града, якоже не остатися ни единой веси не плѣненѣй“ (Ипат. лѣтоп. 1221 г.); и: „кто купець

[1]) „Schon bis zum Schluss der Karolingerzeit eine Fusion ursprünglich freier und ursprünglich unfreier Elemente innerhalb des Grossgrundbesitzes stattgefunden hatte, deren Charakter durch die Entwicklung grundherrschaftlichen Obereigentums und grundherrschaftlicher Vertretungsgewalt vor Gericht bestimmt ist“, *Lamprecht*, указ. соч., I, 2, стр. 1177.

[2]) *К. Лампрехтъ*, Статьи изъ „Handwörterbuch der Staaswissenschaften“, въ сборникѣ „Освобожденіе крестьянъ на Западѣ“, изд. *М. Водовозовой*. М. 1897, с. 22—23, 68—69,

[3]) *К. Лампрехтъ*, тамъ же, с. 71. *H. Brunner*, „Grundriss“, с. 223.

поидетъ въ свое сто, а кто смердъ, тотъ потягнетъ въ свой погостъ", т.-е. волость (Догов. грам.).

Для смердовъ, жившихъ на частновладѣльческихъ земляхъ, особаго названія не было. Но, называясь одинаково, смердами, они, по своему состоянію, значительно отличались отъ другихъ смердовъ, подобно тому, какъ позднѣе крестьяне владѣльческіе, крѣпостные, отличались отъ крестьянъ волостныхъ, хотя и тѣ и другіе назывались одинаково крестьянами.

О смердахъ владѣльческихъ говоритъ Русская Правда такъ называемой второй редакціи, узаконенная между 1054—1078 годами. Этотъ памятникъ представляетъ собою небольшой наказъ изъ 25 статей, уставленный, какъ сказано въ ея заголовкѣ, на съѣздѣ трехъ князей Изяслава, Святослава и Всеволода, сыновей Ярослава Мудраго, въ присутствіи четырехъ ихъ дружинниковъ. Этотъ наказъ касается узкаго круга отношеній, особо интересовавшихъ князей. Онъ говоритъ, съ одной стороны, о княжеской дружинѣ: о дружинникахъ-огнищанахъ, княжескихъ тивунахъ, мечникахъ, вирникахъ, и съ другой стороны, содержитъ въ себѣ рядъ постановленій, интересовавшихъ князей, какъ сельскихъ хозяевъ. Здѣсь въ качествѣ новаго общаго правила устанавливается очень высокая вира за убійство княжескаго конюха, въ 80 гривенъ, со ссылкою на виру въ этомъ размѣрѣ, взысканную княземъ Изяславомъ, когда Дорогобужцы убили его конюха. Затѣмъ идетъ рѣчь о сельскомъ старостѣ княжѣ, рядовичахъ, смердахъ, и цѣлый рядъ статей о наказаніяхъ за кражу коней, княжескихъ и смердьихъ, вола, коровы, тели, барана, утки, гуся и т. д., о сожженіи или поврежденіи княжеской борти, о порчѣ межи, о покражѣ сѣна и дровъ.

Это небольшое уложеніе о наказаніяхъ, касающееся спеціально княжеской дружины и княжескихъ доменовъ. Въ немъ установлена пеня за поврежденіе *княжеской* борти („а въ *княжи* борти 3 гривны, или пожгутъ или издерутъ"), и ничего не сказано о поврежденіи борти другихъ лицъ. Въ немъ установлена вира за убійство *княжескаго* сельскаго старосты, и не упомянуто о боярскомъ сельскомъ старостѣ; только въ позднѣйшей сводной Русской Правдѣ [1]) къ этой статьѣ, взятой изъ разсматриваемаго устава

[1]) *В. И. Сергѣевичъ* говоритъ о четырехъ редакціяхъ Русской Правды, („Русская Правда", Спб. 1904). Ближе къ существу дѣла надо различать:

XI вѣка, сдѣлано поясненіе: „также и за боярескъ“, т.-е. та же вира за убійство боярскаго старосты и рядовича.

Вслѣдъ за статьями о княжескомъ сельскомъ старостѣ и княжескомъ рядовичѣ (порядчикѣ-управителѣ) въ этомъ уложеніи упоминается и смердъ, очевидно, тоже княжескій, живущій въ княжескомъ имѣніи—доменѣ. Правовое положеніе такого княжескаго (частновладѣльческаго) смерда довольно ясно видно, какъ изъ этой Русской Правды второй половины XI вѣка, такъ и изъ позднѣйшей, сводной. Княжескій смердъ не рабъ, потому что онъ владѣетъ имуществомъ; Правда говоритъ о смердьемъ конѣ, наряду съ коиемъ княжимъ; не рабъ онъ и потому, что Правда назначаетъ ему вознагражденіе за обиду въ томъ же значеніи, какъ и за обиду дружинника, только въ меньшемъ размѣрѣ (смерду „за обиду 3 гривны; а въ огнищанинѣ и въ тиуници и въ въ мечницѣ 12 гривнѣ“).

Но вмѣстѣ съ тѣмъ княжескій смердъ и не свободный человѣкъ въ полномъ смыслѣ слова. Правда устанавливаетъ за его убійство одинаковую виру, какъ и за холопа, 5 гривенъ [1]).

Въ сводной Русской Правдѣ находится статья, также указывающая на то, что владѣльческіе смерды были очень близки къ холопамъ, или же по меньшей мѣрѣ были въ тѣсной зависимости отъ господъ, какъ полусвободные. Въ древнѣйшихъ спискахъ сводной Правды эта статья читается такъ:

---

1) Правду Ярослава, (1019—1054), небольшой уставъ о мести и вирахъ; 2) Правду сыновей Ярослава (1054—1078), уставъ о княжеской дружинѣ и княжескихъ вотчинахъ; 3) сводную Русскую Правду, въ которую вошли какъ эти два устава, такъ и другіе, несохранившіеся. Такъ называемая четвертая редакція представляетъ собою вторую редакцію этого своднаго текста.

[1]) „А въ смердѣ и въ хо[ло]пѣ 5 гривенъ“. Чтеніе, принимаемое *В. И. Сергѣевичемъ*, „а въ смердьи холопѣ“, т.-е. въ принадлежащемъ смерду холопѣ, недопустимо: 1) потому что если бы слово „смердьи“ имѣло значеніе прилагательнаго, тогда бы за нимъ не было предлога въ (въ смердьи *въ* холопѣ; повтореніе предлога *въ* указываетъ, что здѣсь соединены два имени существительныхъ); 2) потому что странно допустить назначеніе особой виры за смердьяго холопа, когда не указано виры за смерда, и когда холопы у смердовъ должны были быть во всякомъ случаѣ рѣдкимъ явленіемъ. (Р. Юр. Др. I, с. 172 — 173). Сводная Русская Правда не упоминаетъ о смердьихъ холопахъ, говоря обстоятельно о холопахъ татяхъ: „любо княжи, любо боярьстіи, любо черпечь“ (ст. 57, пзд. *Сергѣевича*).

„Аже смердъ умреть, то задницю князю. Аже будутъ дщери у него дома, то даяти часть на нѣ; аже будутъ замужемь, то не даяти части имъ“ (ст. 117, 118).

„Аже смердъ умреть, то задницю князю“—послѣ смерти смерда, имущество его переходитъ къ князю. Это—правило, хорошо извѣстное на Западѣ, это manus mortua древняго французскаго серважа. Эта manus mortua объясняетъ намъ значеніе статьи, которая казалась столь странной нашимъ изслѣдователямъ, что они считали текстъ испорченнымъ и для объясненія его пользовались позднѣйшими списками, въ которыхъ статья читается совершенно иначе: „аже смердъ умреть безъ дѣти, то задницю князю“, то-есть имущество смерда переходитъ къ князю только тогда, когда оно является выморочнымъ. Но даже и такое пониманіе этой статьи явно указываетъ на особое приниженное положеніе смерда, и, конечно, смерда княжескаго, частновладѣльческаго. Статья эта не можетъ касаться всѣхъ смердовъ-крестьянъ. При слабости княжеской власти въ то время, при громадномъ значеніи самоуправляющихся общинъ, никакъ нельзя допустить, чтобы выморочныя имущества всѣхъ смердовъ-сельчанъ-вервниковъ поступали въ обладаніе князя. Такого порядка не было даже и въ позднѣйшее время, когда власть князя-вотчинника пріобрѣла несравненно бо̀льшее значеніе.

§ 50. Ролейные закупы.

Правда второй половины XI вѣка говоря о людяхъ, причастныхъ къ княжескому сельскому хозяйству, называетъ только смердовъ. Очевидно княжескія земли обрабатывались по преимуществу трудомъ полусвободныхъ владѣльческихъ крестьянъ. Послѣ составленія этой Правды записано было особое маленькое уложеніе о другомъ разрядѣ лицъ, работавшихъ на частновладѣльческихъ земляхъ, о *ролейныхъ закупахъ*. Уложенію этому придана была общая форма; оно говоритъ не спеціально о княжескихъ закупахъ, но вообще о закупахъ разной „господы“.

Какъ видно изъ этого уложенія, вошедшаго въ составъ сводной правды (ст. 71—86), закупы вообще, въ томъ числѣ и ролейные такъ же, какъ господскіе смерды, должны быть отнесены къ *полусвободнымъ*. Закупы—тоже что позднѣйшіе серебряники (въ томъ

числѣ также и серебряники-крестьяне) и кабальные холопы. Закупить буквально значитъ купить впередъ, отсюда въ древности закупить значило заложить.

В. И. Сергѣевичъ настаиваетъ на томъ, что закупъ былъ *наймитомъ*, служилъ за наемную плату, иногда бралъ плату впередъ и погашалъ ее работой. Но онъ опирается на статью Р. Правды о наймѣ, которую нѣтъ основаній примѣнять къ закупамъ, потому что сама правда этого не дѣлаетъ. Закупъ, по всей вѣроятности, былъ человѣкомъ закупленнымъ ссудою, которую онъ долженъ былъ вернуть господину, чтобы получить свободу. Въ этомъ смыслѣ Правда говоритъ, что закупу — „свобода во всѣхъ кунахъ", если господинъ продастъ его въ обѣльные холопы. Только такія долговыя отношенія закупа допускаютъ возможность перепродажи господами закупа и продажи его въ обѣльные холопы (какъ неоплатнаго должника), противъ которыхъ настойчиво вооружается Р. Правда, приходя на помощь низшему безправному населенію, и своей настойчивостью указывая, что такіе случаи были нерѣдки [1]).

Должникъ, служащій въ домѣ господина, конечно, въ то время обширной домашней власти господина, приравнивался къ холопу. И даже Р. Правда, при всемъ своемъ гуманномъ отношеніи къ закупу, разрѣшаетъ господину бить его за дѣло. Она не разрѣшаетъ только бить его безъ вины въ пьяномъ видѣ. За бѣгство закупу грозитъ обѣльное холопство, и не только за бѣгство, но даже за самовольную отлучку изъ дома, которую такъ легко было признать за попытку бѣжать. Правда разрѣшаетъ закупу такую самовольную отлучку только въ томъ случаѣ, если закупъ „ко князю или къ судіямъ бѣжить обиды дѣля своего господина" [2]).

---

[1]) Мы тутъ имѣемъ очевидно столкновеніе стараго права съ новымъ. Въ этомъ отношеніи чрезвычайно любопытна слѣдующая статья: „Продастъ ли господинъ *закупа* обѣль, то *наймиту* свобода во всѣхъ кунахъ" (ст. 80). Здѣсь очень рѣдкій въ древнихъ памятникахъ случай замѣны одного термина другимъ. Слово наймитъ здѣсь имѣетъ очевидно пояснительное значеніе. Закупу, *какъ наймиту*, свобода въ кунахъ. Этимъ оправдывается новое право, охраняющее интересы слабѣйшаго, закупа; оно приравниваетъ закупа къ наймиту, тогда какъ старое право приравнивало его къ рабу.

[2]) Другое постановленіе этой статьи: „идетъ ли искать кунъ, а *явлено* ходитъ" относится также къ спеціальному случаю самовольной отлучки съ формальнымъ заявленіемъ господину (явлено ходить), что закупъ идетъ искать кунъ, чтобы выкупиться.

Любопытно, что въ другихъ статьяхъ Правда, говоря о несвободныхъ, называетъ ихъ просто „холопами“, но говоря о закупахъ она систематически противопоставляетъ ихъ не просто холопамъ, но „обѣльнымъ холопамъ“. Очевидно, закупничество въ общемъ сознаніи было такъ близко къ холопству (какъ и позднѣйшее кабальное, долговое холопство), что закупа можно было противополагать только холопу обѣльному, то есть полному, безусловному. На безправное холопское положеніе закупа яснѣе всего указываетъ статья Р. Правды, допускающая его къ свидѣтельству на судѣ лишь „въ малой тяжѣ, по нужи“, то-есть въ малыхъ искахъ, и въ случаѣ особой надобности (ст. 90).

Ролейные закупы существенно отличались отъ смердовъ-крестьянъ тѣмъ, что не имѣли собственнаго хозяйства. Они были сельскохозяйственными работниками. Они работаютъ съ господскимъ плугомъ и бороной (ст. 74). Они пасутъ и загоняютъ въ хлѣвъ господскій скотъ (ст. 76, 77). Они работаютъ съ господскими конями и за всякое поврежденіе хозяйскаго инвентаря подлежатъ денежнымъ взысканіямъ [1]).

Мы не знаемъ, насколько многочисленны были ролейные закупы и насколько важную роль играли они въ имѣньяхъ князей и бояръ. Но надо полагать, что господскія земли обрабатывались главнымъ образомъ не закупленными людьми, не безхозяйными батраками должниками, а такъ же, какъ и въ позднѣйшее время, смердами крестьянами.

[1]) „Аже у господина ролейный закупъ, а погубить войскій конь, то не платити ему“ (ст. 73). Объясненіе слова войскій въ смыслѣ воинскій не годится, какъ показалъ *Сергѣевичъ*; нельзя его объяснять и въ смыслѣ свойскій — свой. (Въ Р. Правдѣ свой всегда означается тѣмъ же словомъ свой, а не свойскій. Другіе доводы у *Сергѣевича*). Но слово свойскій по Далю значитъ домашній. Этотъ смыслъ слова сюда вполнѣ подходитъ. Статья предусматриваетъ наиболѣе обычный въ житейской практикѣ случай: конь палъ, а господинъ взыскиваетъ съ закупа. Болѣе рѣдкаго случая, что конь палъ по небреженію закупа, Правда не предусматриваетъ. Само собой разумѣлось, что если это будетъ доказано, то закупъ отвѣтитъ за свое небреженіе, примѣнительно къ другимъ статьямъ того же уложенія.— *В. И. Сергѣевичъ* только въ новомъ изданіи въ примѣчаніи отмѣтилъ это значеніе слова свойскій (домашній „такъ и теперь въ Литвѣ“), но въ текстѣ по старому оставилъ вопросъ о значеніи слова свойскій открытымъ. „Рус. Юр. Др.“, I², стр. 193.

Рядомъ съ этими смердами, полусвободными, близкими къ полусвободнымъ летамъ, на господскихъ земляхъ должно было быть немало и несвободныхъ людей. Въ позднѣйшее время мы встрѣчаемъ много „холоповъ на пашнѣ“, холоповъ, посаженныхъ на крестьянскіе участки. Весьма вѣроятно, что и въ Кіевской Руси, гдѣ рабство было развито гораздо значительнѣе, чѣмъ въ Сѣверной Руси удѣльнаго періода, господа нерѣдко сажали на пашню своихъ холоповъ. Законодательные памятники Кіевской Руси не содержатъ особыхъ опредѣленій о такихъ пашенныхъ холопахъ, servi casati, tenure servile, вѣроятно потому, что юридически они ничѣмъ не отличались отъ другихъ холоповъ, дворовыхъ.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Община въ боярщинѣ.

§ 51. [Сельскій міръ въ вотчинномъ управленіи].

Господскій приказчикъ дѣлилъ свою власть съ крестьянскимъ міромъ, сохранявшимъ свое значеніе на господскихъ земляхъ.

Крупныя господскія владѣнія, какъ полагаютъ германскіе историки, возникли на основѣ подчиненія господамъ древнихъ самостоятельныхъ марковыхъ общинъ. Различными путями господа пріобрѣтали власть надъ общинами; нерѣдко эта власть развивалась изъ покровительства, изъ отношеній защиты, и первой ступенью въ развитіи ея было пріобрѣтеніе господиномъ права высшей собственности на общинныя угодья (Allmendeobereigentum). Въ управленіи господскими имѣньями сохранялись остатки древняго общиннаго самоуправленія. Рядомъ съ господскимъ приказчикомъ (Meier) сохранялъ свое значеніе въ большей или меньшей степени выборный староста (Zender) и другія мірскія власти. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ „исконное управленіе марковой общины сохранялось почти совершенно неизмѣннымъ подъ господской властью, связанной съ властью надъ альмендой (unter Allmendeobereigentum)“. „Обыкновенно же общинное управленіе марки подверга-

лось различнымъ измѣненіямъ, во всѣхъ оттѣнкахъ, начиная отъ мало замѣтнаго господскаго вліянія до совершеннаго поглощенія общинныхъ должностей вотчиннымъ управленіемъ и до полнаго ихъ разрушенія“ [1]). Существованіе общинныхъ властей на частновладѣльческихъ земляхъ въ Германіи представляетъ собою несомнѣнный фактъ, подтверждаемый множествомъ извѣстій. Въ большей части имѣній рядомъ съ приказчикомъ (Meier, villicus) были также и выборные представители общины: староста (Schultheiss, centurio, scultetus), и присяжные (Geschworene, jurati) [2]). Власть господина проявлялась въ утвержденіи этихъ выборныхъ властей. Иногда при этомъ даже и должность приказчика была выборной. Такъ, по одному извѣстію 1321 года о городской общинѣ, горожане выбирали ежегодно 8 человѣкъ; изъ нихъ графъ утверждалъ одного приказчикомъ (Meier), другого старостой (Heimburg) и шестерыхъ—присяжными (Schöffen) [3]).

Въ нѣкоторыхъ общинахъ, кромѣ обычныхъ выборныхъ властей, существовалъ еще особый общинный совѣтъ. Здѣсь создавалась болѣе сложная система постоянныхъ представительныхъ учрежденій общины: Schultheiss и при немъ 14 судебныхъ засѣдателей шеффеновъ, затѣмъ Heimburge и при немъ совѣтъ присяжныхъ, наконецъ, мірская сходка [4]). Такая система учрежденій встрѣчалась рѣдко, но выборные старосты, судебные засѣдатели и мірскія сходки были широко распространены въ господскихъ имѣніяхъ.

Власть господскаго приказчика обыкновенно была болѣе или менѣе ограничена этими выборными властями общины во всѣхъ дѣлахъ: и въ судѣ, и въ раскладкѣ податей и въ распоряженіи общинными угодьями.

Такой порядокъ вотчиннаго управленія, связаннаго съ крестьянскимъ самоуправленіемъ, существовалъ въ Германіи не только въ средніе вѣка, но и гораздо позже, въ XVI и XVII столѣтіяхъ. Мауреръ и Лампрехтъ приводятъ много извѣстій этого поздняго

---

[1]) *K. Lamprecht*, „Deut. Wirtschaftsleben“, стр. 1006.

[2]) *G. Maurer*, „Gerch. der. Dorfverfassung“, т. II, стр. 35—37, стр. 65—67 и др.

[3]) *K. Lamprecht*, стр. 1009.

[4]) „Schultheiss, 14 Scheffen, Heimburge und Geschwornen sampt der ganzen Gemeinde“ *G. Maurer*, „Dorfverf.“, II 66.

времени. Средневѣковые порядки отличаются въ этомъ случаѣ, какъ и въ другихъ, чрезвычайной устойчивостью.

У насъ крестьянское самоуправленіе на вотчинныхъ земляхъ развито было такъ же, какъ въ Германіи, и такъ же, какъ тамъ, существовало, какъ въ древности, такъ и въ позднѣйшее время. Мы начнемъ съ болѣе поздняго времени, съ XVII вѣка, потому, что источники этого времени даютъ болѣе ясную картину отношеній крестьянскаго міра къ господину, картину *общины въ боярщинѣ*.

Описывая вотчинное хозяйство боярина Морозова въ XVII вѣкѣ, Забѣлинъ говоритъ слѣдующее о власти приказчика и власти міра въ боярской вотчинѣ: приказчикъ имѣлъ право судить крестьянъ; „судить, однакожъ, онъ долженъ былъ по старому обычаю, вмѣстѣ со старостою, съ цѣловальниками и съ выборными крестьянами, для чего бояринъ приказывалъ, чтобы крестьяне всею вотчиною съ приселками, деревнями и починками выбрали изъ своей среды 10 человѣкъ, кого излюбятъ, крестьянъ добрыхъ, разумныхъ, правдивыхъ, которымъ (съ приказчикомъ) у дѣла моего быть, и дали бы помѣщику на тѣхъ выборныхъ письменное удостовѣреніе, выборъ, за поповою рукою. Эти выборные составляли необходмое, по понятіямъ того времени, деревенское вотчинное представительство, которое существовало не для одного только суда, но и для всякихъ дѣлъ вотчины, какъ крестьянскихъ, такъ и помѣщичьихъ, какія вотчинникъ почиталъ необходимымъ отдавать на рѣшеніе вотчиннаго міра, конечно, съ главною цѣлью ограничить имъ произволъ приказчика и тѣмъ охранить свои интересы“.

Староста имѣлъ обязанность „наряжать крестьянъ ко всякому дѣлу“. При спорахъ о землѣ приказчикъ долженъ былъ „итить на землю“ „со старостою, цѣловальниками и выборными“ [1]). Когда между крестьянами, по ихъ собственнымъ дѣламъ, возникали какіе-либо споры, счеты и т. под. и они за судомъ обращались къ самому вотчиннику, то разбирательство такихъ дѣлъ боярин (Морозовъ) всегда отдавалъ ихъ же міру... „А мнѣ холопу твоему— писалъ приказчикъ, — до того счету и дѣла не было; по твоему государеву указу и по грамотѣ считали ихъ староста и выборные“ [2]).

---

[1]) *И. Забѣлинъ*, „Большой боярин въ своемъ вотчинномъ хозяйствѣ“ „Вѣстн. Европы“, 1871, № 1, с. 17—18.

[2]) Тамъ же, № 2, с. 501.

Эти выводы Забѣлина подтверждаются напечатанными недавно актами о Галицкой вотчинѣ на р. Унжѣ князя П. И. Одоевскаго, 1650—1684 гг. Боярскій приказчикъ управлялъ вотчиннымъ селомъ Покровскимъ вмѣстѣ съ „старостами и выборными крестьянами", представителями „міра" [1]). На челобитной одного изъ крестьянъ о сбавкѣ съ него тягла князь Одоевскій написалъ слѣдующую резолюцію: „Афанасью Агафонову да села Покровскаго старостамъ и выборнымъ крестьяномъ: розыскать крестьяны, будетъ у него братъ ево умре, а тягла ему тянуть не въ мочь, и съ него тягла сбавить и положить, *на кого миромъ укажутъ*" [2]).

Это устройство вотчиннаго управленія, конечно, не было новостью XVII вѣка. Оно у насъ такъ же, какъ въ Германіи, возникло въ древности на основѣ подчиненія самостоятельныхъ общинъ господской власти. Въ источникахъ XVI и XV столѣтій мы находимъ цѣлый рядъ указаній на участіе мірскихъ властей въ вотчинномъ управленіи.

Соловецкій игуменъ, давая уставную грамоту соловецкимъ крестьянамъ Сумской волости, обращается „*въ волость* нашу въ Суму, *старостѣ и цѣловальникомъ* и всѣмъ волощаномъ и хрестьяномъ деревенскимъ". Въ волости управленіе принадлежало монастырскому тіуну, доводчикамъ, приказчикамъ. Но рядомъ съ ними были и выборныя мірскія власти. Раскладка (розрубъ) податей предоставлялась всецѣло выборнымъ окладчикамъ. Церковныя деньги хранились „въ волости у человѣка добра" за тремя печатями: тіуновой, священниковой и особой волостною печатью (1564) [3]).

Участіе міра въ вотчинномъ управленіи въ различныхъ вот-

---

[1]) А когда эта вотчина въ 20-хъ годахъ XVII в. принадлежала боярину Ѳ. И. Шереметеву, то при немъ она нѣкоторое время „управлялась безъ приказчика чрезъ однихъ старостъ и выборныхъ".

[2]) „Приговорили миромъ", „приговорили мирскіе люди" и т. п.

Ю. П. Арсеньевъ. „Боярин кн. Н. И. Одоевскій и его переписка съ Галицкою вотчиною" (1650—1684). „Чт. Об. Ист. и Др." 1903, кн. II с. 89, № 48, с. 108, № 81. Покровская вотчина по р. Неѣ, притокѣ Унжи въ Макарьевскомъ уѣздѣ Костромской губ.

[3]) А. Э. I, № 268, 1564 г. Троицкій Сергіевъ монастырь такъ же, какъ монастырь Соловецкій, устанавливая размѣръ оброка и дохода приказчика въ селѣ Соболевѣ, обращается къ крестьянскому міру этого села, къ „*старостѣ и всѣмъ крестьянамъ*". А. Э. I. № 307, около 1580 г.

чинахъ было, конечно, весьма различно. Въ этомъ отношеніи наши порядки также не отличались отъ германскихъ. Иногда міру принадлежала большая власть, ограничивавшая приказчика, иногда же его значеніе сводилось почти на нѣтъ.

Изъ уставныхъ грамотъ Соловецкаго монастыря видно, что въ разныхъ вотчинахъ его мірскія власти имѣли неодинаковое значеніе. Въ Сумской волости этого монастыря, какъ только что указано, староста и міръ принимали видное участіе въ вотчиномъ управленіи. Въ селѣ же Пузыревѣ принадлежавшемъ тому же монастырю, приказчикъ, повидимому, былъ полновластнымъ хозяиномъ. Уставная грамота этого села написана почти одновременно съ грамотой Сумской волости (1561 г.), но не упоминаетъ о старостѣ и отличается вообще по содержанію. Крестьяне этого села несли тяжелую барщину; пахали пашню на монастырь, засѣвая „сѣмены монастырскими“, и монастырь требовалъ отъ нихъ полнаго послушанія приказчику. Только послѣ жалобъ крестьянъ монастырь далъ имъ то право участія въ приказчичьемъ судѣ, какимъ пользовалась большая часть владѣльческихъ крестьянъ: „такожъ есмя васъ благословилъ и пожаловали о судѣ и о пошлинахъ: судити приказщику, а съ нимъ быти въ судѣ священнику, да крестьяномъ пятмя или шестмя добрымъ и середнимъ“ [1]).

О крестьянской общинѣ на владѣльческой землѣ даетъ ясныя свѣдѣнія судное дѣло 1540 года. Здѣсь разбирается тяжба о спорныхъ лугахъ на рѣкѣ Кестьмѣ въ Бѣжецкомъ верхѣ, между крестьянами двухъ владѣльческихъ селъ: села Шипина, княжескаго, подклѣтнаго, и села Вежскаго, принадлежавшаго Симоновскому монастырю.

Во главѣ управленія Вежскимъ селомъ, со всѣми тянущими къ нему деревнями, стоялъ монастырскій *посельскій*, старецъ Ѳедоръ Бекетъ. Но рядомъ съ этимъ посельскимъ — господскимъ приказчикомъ, въ селѣ былъ и выборный представитель общины— *сотникъ*, такой же, какъ и въ сосѣднихъ черныхъ волостяхъ, сотники которыхъ сидѣли въ мужехъ на судѣ по этому дѣлу.

Крестьяне сосѣдняго села съ своимъ искомъ о пожняхъ обращаются не къ одному монастырскому посельскому, но и къ Симоновскимъ крестьянамъ Вежскаго села, 63 человѣкамъ, въ числѣ

[1]) А. Э. I, № 259 (1561 г.).

которыхъ на первомъ мѣстѣ они называютъ ихъ сотника Михалку Иванова и „стараго сотника“ Ондрейку. Когда дѣло было перенесено затѣмъ на судъ къ дворецкому, то въ качествѣ отвѣтчиковъ явились къ нему двое монастырскихъ слугъ; они явились, однако, представителями своихъ товарищей слугъ и 63 крестьянъ монастырскаго села. Оправдательный приговоръ былъ формулированъ такъ: „Дворецкій велѣлъ судіямъ отвѣтчиковъ Симоновскаго монастыря слугъ Ивашка Косово да Каблука и въ товарищевъ ихъ мѣсто и во крестьянъ оправити“ [1]).

§ 52. Села дворцовыя или подклѣтныя.

Одинаково съ частновладѣльческими боярскими и монастырскими вотчинами управлялись и великокняжескія вотчины, которыми великіе князья владѣли на частномъ правѣ, а именно села *дворцовыя* или *подклѣтныя*. Лицо, завѣдывавшее управленіемъ такихъ селъ, называлось иногда такъ же, какъ въ крупныхъ боярскихъ и монастырскихъ вотчинахъ, *посельскимъ*. Такъ же, какъ боярскіе и монастырскіе ключники, приказчики и посельскіе, великокняжескіе посельскіе дѣлили управленіе въ селахъ съ крестьянскимъ міромъ. Въ грамотѣ, данной въ 1544 году крестьянамъ дворцоваго села Андреевскаго, въ Звенигородскомъ уѣздѣ, великій князь жалуетъ „сельчанъ и деревенщиковъ пашенныхъ и оброчныхъ, *старосту*, Мокѣйка Алексѣева сына, *и всѣхъ крестьянъ*“. Это дворцовое село, наравнѣ съ боярскими и монастырскими, издавна было освобождено отъ вмѣшательства въ управленіе великокняжескихъ властей, намѣстниковъ и волостелей, за исключеніемъ дѣлъ уголовныхъ. Управленіе селомъ принадлежало *посельскому*; такъ же, какъ боярскій приказчикъ, посельскій имѣлъ права суда надъ крестьянами, но долженъ былъ судить вмѣстѣ съ выборными представителями общины: „а безъ старосты ему и безъ лутчихъ людей—сказано въ грамотѣ—суда не судити“ [2]).

[1]) Акты *Ѳедотова-Чеховскаго*, № 53.

[2]) А. Э. I, № 201, 1544 г. Эта грамота дана въ 1544 году, но она утверждаетъ старые порядки, такъ какъ представляетъ собой подтвержденіе сгорѣвшей грамоты, данной княземъ Юріемъ Ивановичемъ, умершимъ въ 1536 году. „Староста“ и „посельскій“ также въ дворцовыхъ селахъ Афанасьевскомъ и Васильевскомъ Московскаго уѣзда: А. Э. I, № 240, 1554 г.

Старосты дворцовыхъ волостей назывались *дворскими*. Дворскіе были дворскими, т.-е. дворцовыми, *старостами*, и положеніе ихъ было совершенно одинаково съ положеніемъ старостъ черныхъ волостей. Это ясно видно изъ уставной грамоты, данной въ 1509 г. Дмитровскимъ княземъ бобровникамъ, подвѣдомственнымъ дворцовому управителю-ловчему. Все то, что другія грамоты говорятъ о старостахъ и сотскихъ, эта грамота относитъ къ дворскому. Охраняя мірское самоуправленіе бобровниковъ, грамота запрещаетъ ловчему, его тіуну и доводчикамъ вмѣшиваться въ мірскую раскладку податей и представляетъ ее вѣдѣнію дворскаго, десятскихъ и добрыхъ людей, какъ другія грамоты представляютъ ее старостѣ и всѣмъ крестьянамъ: „А тѣ кормы ловчего и тіуновъ, и доводчиковъ поборъ *дворской* съ десятскими и съ добрыми людьми межъ себя мечутъ съ стольца по дани и по пашнѣ“. Въ слѣдующей статьѣ грамота называетъ дворскаго старостой: „Да собравъ тѣ кормы, староста съ десятскими да платятъ ловчему и его тіуну, и доводчиковъ поборъ, въ городѣ въ Дмитровѣ по праздникомъ; а тіуну у нихъ и доводчику по деревнямъ самимъ не ѣздити, ни кормовъ ни побору не брати“.

Какъ въ черныхъ волостяхъ—староста, такъ въ этомъ дворцовомъ селѣ представителемъ общины въ судѣ является дворскій съ добрыми людьми, судными мужами: „А безъ дворьского и безъ лутчихъ людей ловчему и его тіуну суда не судити никакова“ [1]).

Какъ и старосты, дворскіе были крестьянами, какъ это видно изъ одного суднаго дѣла, въ которомъ истцы заявили судьѣ: „Вѣдомо то, господине, у насъ великаго князя *крестьяномъ* Берендѣевскіе волости: *дворьскому* Гаврилѣ, да Ѳедору Неронову“... [2]).

Посельскій митрополичь и посельскій села Вонславцы, принадлежавшаго князю Андрею Васильевичу (владѣтельному) 1462—1464 гг. А. Юр. Б., т. I, № 103, I.—Староста безъ посельскаго въ подклѣтномъ селѣ: Ак. *Ѳед.-Чех.*, т. I, № 56. („Тягалися В. Князя хрестьяне изъ Володимерскаго уѣзда Борисовскаго села подклѣтново староста Ѳомка Ондреевъ да Горянко Семеновъ и во всѣхъ хрестьянъ мѣсто“). Тоже въ дворцовой волости Аргуново: „отъ великаго князя Василья Васильевича въ Аргуново дворьскому и всѣмъ волостнымъ людемъ“—„Чтенія О. И. и Др. Рос.“, 1903, кн. II, смѣсь, стр. 16.

[1]) А. А. Э. I. № 150.

[2]) Правая грамота 1490—1494 г.: *Д. Лебедевъ*, Собр. истор.-юрид. актовъ *И. Д. Бѣляева*, № 15, с. 8.

Отъ этихъ дворскихъ, повидимому, отличались дворскіе городскіе. Во главѣ самоуправленія городскихъ общинъ стояли, какъ мы видѣли, сотскіе или сотники, которые иногда такъ и называются въ грамотскихъ „сотскими городскими“. Въ тѣхъ же городахъ, гдѣ были „дворцы“ и гдѣ горожане „тянули ко дворцу“ и назывались поэтому „дворчанами“,—кромѣ сотниковъ находимъ еще и дворскихъ [1]).

Такъ, на судномъ дѣлѣ 1464 года въ качествѣ свидѣтелей являются: „дворской Звенигородской старой (бывшій) Ларіонъ Слинковъ, да дворской нынѣшней Ермола“. Въ качествѣ же суднаго мужа на разбирательствѣ присутствовалъ „сотникъ Звенигородскій Найденъ“ и одинъ десятскій.

Городскіе дворскіе, повидимому, завѣдывали нѣкоторыми особыми сборами и особыми повинностями на дворецъ. Жалованныя грамоты, освобождая отъ податей монастырскихъ людей, постановляютъ: „ни къ сотскому, ни къ дворскому не тянутъ ни во что“. По правилу волостные люди всѣми сборами тянули къ сотскому или къ волости. Но нѣкоторыми сборами, и, вѣроятно, главнымъ образомъ, нѣкоторыми натуральными повинностями они тянули къ дворскому, ко дворцу или къ городу. Такъ, напримѣръ, дворскій могъ спеціально завѣдывать постройкой дворовъ княжескаго, намѣстника и волостеля; и въ грамотѣ 1439 года съ постановленіемъ „не тянутъ къ дворскому“ можно поставить въ связь постановленія: „ни двора моего, ни волостныхъ дворовъ не ставятъ“.

Выраженія „ни къ сотскому, ни къ дворскому не тянути“ замѣняются иногда выраженіями, „ни къ городу, ни къ волости не тянутъ никоторыми пошлинами“. Изъ этого можно заключить, что какъ старосты и сотскіе завѣдывали общимъ тягломъ волостнымъ, къ волости, тамъ дворскіе завѣдывали особыми пошлинами и повинностями,—„къ городу“ [2]).

---

[1]) „А что люди митрополичи живутъ въ городѣ, а тянутъ ко дворцу, а тѣхъ описавъ, да положить на нихъ оброкъ, какъ и на тѣхъ великаго князя дворчанъ“, 1389—1404 г., А. Э. I, № 9.

[2]) А. Юр. Б., т. I, № 103, I. (Дворскіе свидѣтельствовали: Харя Лагирь „жилъ у насъ въ городѣ“); А. Юр. Б., т. I, № 31, V (1439); *Горбуновъ*, „Льготныя грамоты“ („Архивъ Юр. и Пр. Свѣдѣній“, 1860—61 г., № 5), стр. 80.

Въ подклѣтномъ селѣ Шипинскомъ, въ Бѣжецкомъ верхѣ, на р. Клязьмѣ, не замѣтно того же общиннаго самоуправленія, съ сотскимъ во главѣ и съ общей отвѣтственностью всѣхъ сельчанъ. Во главѣ управленія селомъ стоитъ княжескій посельскій. Но старосты или сотника здѣсь не упоминается. Искъ къ сосѣднему селу Вежскому [1]) предъявляется крестьянами пяти Шипинскихъ деревень; крестьянинъ каждой изъ этихъ деревень выступаетъ отъ лица „всѣхъ товарищевъ", сосѣдей своей деревни; но все Шипинское село не поддерживаетъ иска этихъ крестьянъ, какъ то обыкновенно бывало въ волостяхъ.

Здѣсь, повидимому, не было развитого общиннаго устройства. И не было его здѣсь, повидимому потому, что Шипинское село было лѣтъ за 50 передъ тѣмъ образовано искусственно княземъ, соединившимъ въ одно цѣлое нѣсколько деревень принадлежавшимъ разнымъ владѣльцамъ. Исторія образованія этого дворцоваго села подробно разсказана въ судной грамотѣ.

Оно устроено было княземъ Андреемъ Васильевичемъ по прозванію Горлемъ, роднымъ братомъ великаго князя Ивана Васильевича III, когда онъ послѣ смерти своего отца въ 1462 году получилъ по завѣщанію въ удѣлъ Угличъ и Бѣжицкій верхъ [2]). „Коли государь князь Андрей Васильевичъ, показывали Шипинскіе крестьяне на судѣ, въѣхалъ на свою вотчину на Углечь и на Бѣжицкой верхъ, и тогда, господине, у государя того села не было въ Шипинѣ". Князь вымѣнилъ село Шипино „у сына у боярскаго, Есипомъ звали, Лубяная Сабля", давъ ему въ обмѣнъ „черныя деревни въ княжской волости".

Для устройства села, „въ то село пашню наряжати" присланъ былъ дьякъ княжескій Митя Демидовъ. Онъ вымѣнялъ у сосѣднихъ вотчинниковъ Мануилова и Зиновьева двѣ деревни и „припустилъ тѣ деревни къ селу къ пашнѣ". Кромѣ того онъ припустилъ къ селу въ пашню также нѣсколько черныхъ деревень. И всѣмъ этимъ деревнямъ онъ отвелъ луга по рѣкѣ Кестьмѣ, причемъ луга были отведены не сообща волости-селу, а каждой деревнѣ особая пожня. „И сколько, господине,—говорили судьѣ

[1]) Село Вежское принадлежало Симоновскому монастырю. О немъ см. выше, изъ суднаго дѣла 1540 года.

[2]) *А. Экземплярскій*, „Великіе и удѣльные князья", т. I, с. 142.

крестьяне—къ селу онъ припустилъ деревень въ пашню, и тѣмъ, господине, всѣмъ деревнямъ, давалъ діякъ княжъ Ондреевъ, Митя Демидовъ, траву по рѣкѣ по Кестьмѣ; а и нашимъ деревнямъ тѣ пожни далъ по именомъ“ [1]).

§ 53. Община въ новгородскихъ писцовыхъ книгахъ XV в.

О существованіи общины на боярскихъ земляхъ въ древнѣйшее время даютъ ясныя, хотя и отрывочныя, указанія новгородскія писцовыя книги конца XV вѣка.

Отыскивая слѣды существованія марковой общины на владѣльческихъ земляхъ, Лампрехтъ, какъ и Мауреръ, находятъ эти слѣды прежде всего въ извѣстіяхъ о выборныхъ общинныхъ властяхъ, цендерѣ и его подчиненныхъ. Идя тѣмъ же путемъ, мы въ новгородскихъ писцовыхъ книгахъ будемъ искать *старостъ*, которые отличаются отъ *ключниковъ*, какъ нѣмецкіе цендеры отъ мейеровъ [2]).

Ключники, о которыхъ мы говорили выше, были несвободными или зависимыми людьми господина, и какъ всѣ люди, отличались отъ крестьянъ тѣмъ, что не платили дохода господину; они обыкновенно сбирали въ свою пользу особые ключничи пошлины; жили они большею частью около боярскаго двора.

Въ *старостахъ* же, которые упоминаются въ новгородскихъ книгахъ, не трудно узнать крестьянъ. Старосты живутъ въ деревняхъ, въ отдаленіи отъ боярскаго двора, ведутъ самостоятельное хозяйство и платятъ доходъ господину, наравнѣ со всѣми крестьянами.

Возьмемъ, напримѣръ, маленькую волостку, принадлежавшую

---

[1]) Выше въ грамотѣ указано, какъ назвались эти пожни, отведенныя особо каждой деревнѣ.

„А подъ дворомъ, господине, у пашенныхъ деревень ни у одное травы нѣтъ“... „А тѣ, господине, пожни отъ нашихъ деревень 8 верстъ“, Акты *Θед.-Чех.*, № 53, с. 69—70.

[2]) „Der entscheidende Kennzeichen in dieser Hinsicht ist in der Alternative gegeben, ob sich das alte markgenössische Beamtentum—vor allem Zender, ferner aber auch die Subalternen, Feldschützen, Förster u. a. m,—neben dem Allmendeobereigentum frei und selbständig erhielt oder nicht“ *Lamprecht*, указ. соч., I, 2, стр. 1906.

Богоявленскому монастырю. Въ 9 деревняхъ этой волостки жили 31 человѣкъ крестьянъ, дворохозяевъ. Въ концѣ описанія названа деревня Савино въ три двора. Въ одномъ изъ дворовъ жилъ „староста Савка". Съ этой деревни такъ же, какъ съ другихъ, взимался „доходъ: гривна и двѣ деньги, 3 коробьи ржи, 3 коробьи овса".

Въ маленькомъ имѣніи Хутынскаго монастыря, изъ 14-ти всего дворохозяевъ, старосты, повидимому, не было; здѣсь всѣмъ распоряжался ключникъ, жившій въ особомъ монастырскомъ дворѣ: „дер. Соболево", а въ немъ дворъ монастырской, а въ немъ ключникъ ихъ монастырской Костя". Въ другомъ же большомъ имѣніи того же монастыря, волосткѣ въ 66 деревень, съ 138 дворохозяевами,—вмѣсто ключника находимъ старосту. Этотъ староста, Климко, живетъ не на монастырскомъ дворѣ, а въ отдаленіи отъ средоточія волости—погоста, на которомъ стояла церковь и жилъ церковный причтъ,—въ деревнѣ Думино, и вмѣстѣ съ другими четырьмя дворохозяевами этой деревни платитъ положенный на нее доходъ (8 денегъ, 3 четки ржи и столько же овса). [1]).

Въ большой волости, принадлежавшей новгородскому владыкѣ, также находимъ старосту-крестьянина, Ермолку Осташова. Онъ жилъ въ деревнѣ Бѣлъ-Боръ и, кромѣ пашни въ этой деревнѣ, пахалъ еще пашню двора тіуна; но онъ снималъ эту землю, какъ частный хозяинъ, „изъ пятины" [2]).

Въ маленькомъ имѣніи, въ 43 двора и 20 деревень, которое принадлежало Никольскому монастырю, а раньше бояришку Ивану Кислякову, находимъ и ключника и старосту, Данилку Карникова, (который жилъ въ дер. Плесо и вмѣстѣ съ четырьмя другими дворохозяевами этой деревни платилъ доходъ владѣльцу-монастырю). Въ описаніи этого имѣнья обозначено, сколько староста получаетъ съ каждой деревни, особо отъ ключника: съ дер. Дерягино: „старостѣ четка ржи, четка овса, сыръ, горсть льну", столько же съ этой деревни получалъ и ключникъ. Староста этотъ жилъ въ пятой дворной деревнѣ Плесо; съ этой деревни шелъ

---

[1]) „Новгородскія писц. книги", т. I, стр. 99, 17, 43.

[2]) „На владычнѣ землѣ дворъ тивуновъ, а пашню того двора пашетъ староста владычнь Ермолка изъ пятины, сѣетъ ржи 3 коробьи, а сѣна коситъ 15 копенъ, обжа". Тамъ же I, стр. 786; о немъ же, стр. 781.

общій „доходъ“, но не указано особыхъ поборовъ въ пользу ключника и старосты [1]).

На ряду съ извѣстіями о старостахъ-крестьянахъ существованіе міра на владѣльческой землѣ подтверждается извѣстіями объ угодьяхъ и пашняхъ, принадлежащихъ не отдѣльнымъ деревнямъ, а всей „волости“, о поборахъ, уплачиваемыхъ всею „волостью“, и о барщинныхъ работахъ, исполняемыхъ всею волостью или всѣми крестьянами.

Въ описаніи маленькой волостки, принадлежавшей Воскресенскому монастырю (9 деревень, 16 человѣкъ крестьянъ), въ числѣ крестьянъ встрѣчаемъ „старосту“, и здѣсь же находимъ упоминаніе о пустой деревнѣ, состоящей въ общинномъ владѣніи: „Деревня Островитъ, пуста; пашетъ ее волость наѣздомъ“ [2]).

Въ описаніи упомянутой выше волостки Богоявленскаго монастыря, кромѣ старосты, находимъ также общинныя угодья. Въ концѣ описанія ея, послѣ отдѣльныхъ замѣчаній о хозяйствѣ каждой деревни и о доходѣ съ каждой деревни, писецъ отмѣтилъ доходъ, который взыскивался со всей волостки за рыбную ловлю: „да съ озеръ съ Коломенскихъ давали за рыбную ловлю гривну поугородскую и полшесты деньги“ [3]).

Въ концѣ описанія большой волости Смерда, принадлежавшей раньше Архангельскимъ попамъ, перечислено 7 пустыхъ деревень и о всѣхъ нихъ замѣчено: „а пашутъ ихъ таже Смерда всею волостью“ [4]).

Въ общинѣ владѣльческихъ крестьянъ мы, такимъ образомъ, находимъ тотъ же порядокъ перехода запустѣвшихъ участковъ въ общинное владѣніе,—что и въ общинѣ свободныхъ крестьянъ. Но если въ этой послѣдней, свободной общинѣ, пустые жеребьи переходили въ общинное владѣніе *по праву*, то въ общинѣ владѣльческой это дѣлалось не по праву, а лишь съ соизволенія господина. Какъ мы видѣли выше, господинъ часто присоединялъ пустыя деревни къ своей собственной боярской запашкѣ, къ своей салической землѣ, по германской средневѣковой терминологіи.

---

[1]) „Новг. писц. кн.“ I, стр. 526—529.

[2]) Тамъ же, I, стр. 210. Тоже: „д. Пахомова пуста, а пашетъ ее волость наѣздомъ“, стр. 211.

[3]) Тамъ же, I, стр. 99.

[4]) Тамъ же, стр. 176.

На новгородскихъ дворцовыхъ земляхъ, взятыхъ у новгородскихъ монастырей, бояръ и бояришекъ во дворецъ, всюду почти было общинное самоуправленіе. Переходъ отъ владѣльческаго управленія къ общинному самоуправленію былъ несложенъ и нетруденъ, потому что община существовала и раньше на владѣльческихъ земляхъ, съ большей или меньшей самостоятельностью. Община на новгородскихъ земляхъ, взятыхъ отъ бояръ Иваномъ III въ концѣ XV вѣка, конечно, не была создана изъ ничего. Реформы такого рода, въ такомъ крупномъ масштабѣ коренного перелома въ соціальномъ устройствѣ, не подъ силу даже правительству нашего времени; еще менѣе допустимы они для правительства среднихъ вѣковъ, которое въ соціальномъ законодательствѣ было въ рабской зависимости отъ обычныхъ учрежденій, и всегда слѣдовало за медленнымъ стихійнымъ развитіемъ жизненныхъ отношеній. При конфискаціи земель у частныхъ собственниковъ около 1480 года, община не была создана, какъ не была она создана въ 1861 году, при освобожденіи крестьянъ. Въ томъ и другомъ случаѣ община лишь *возродилась*; она получила самостоятельность, тогда какъ раньше она была подавлена господскою властью. Подъ верхнимъ слоемъ господской власти въ XV вѣкѣ, какъ и въ XIX, всегда лежалъ древній основной пластъ общиннаго самоуправленія, крестьянскаго міра. Этотъ пластъ явственно выступалъ наружу, когда правительство снимало съ крестьянъ господскую власть, какъ то было въ Новгородѣ на значительной части земель при Иванѣ III, и по всей Россіи при Александрѣ II.

Во многихъ боярщинкахъ, отнятыхъ у ихъ владѣльцевъ, мы видимъ, что бывшіе здѣсь ключники и посельскіе исчезли, и не были замѣнены соотвѣтствующими великокняжескими управителями; это видно изъ отмѣны взимавшихся раньше съ крестьянъ особыхъ ключничихъ и посельничихъ пошлинъ. Во многихъ такихъ боярщинкахъ ключниковъ нѣтъ, а есть только старосты. Староста и міръ непосредственно подчинены представителю государственной власти, волостелю и тіуну, и платятъ имъ кормы [1]).

Не знаемъ, былъ ли въ этой волосткѣ раньше староста. Но мы знаемъ, что старосты бывали во многихъ имѣніяхъ рядомъ съ

[1]) „Новг. писцов. кн.“ I, с. 100, 106—107. Волость оброчная, принадлежавшая раньше купцамъ Шалимовымъ.

ключниками. Для такихъ имѣній освобожденіе отъ помѣщика означало лишь то, что староста, представитель міра, раньше подчиненный ключнику, теперь получалъ самостоятельное значеніе.

Во многихъ же имѣніяхъ ключниковъ и при господахъ не было, и староста и міръ были непосредственно подчинены господину. Для такихъ имѣній переходъ въ дворцовое вѣдомство былъ еще менѣе замѣтной перемѣной. Въ особенности относится это къ крупнымъ имѣніямъ новгородскаго архіепископа. Въ двухъ обширныхъ волостяхъ великаго князя, описанныхъ отъ владыки, находимъ по нѣсколько старостъ: въ одной—4-хъ старостъ (на 611 дворовъ), въ другой двухъ старостъ (на 549 дворовъ) [1]). Но здѣсь, по всей вѣроятности, и раньше управленіе было въ рукахъ старостъ, потому что въ другихъ волостяхъ, оставшихся за владыкой, находимъ такихъ же старостъ, какъ и въ этихъ волостяхъ, конфискованныхъ [2]). Въ волости Жабнѣ на погостѣ стояли два двора волостелины: „а въ нихъ живутъ тіуны", сказано въ писцовой книгѣ [3]). Это были тіуны великокняжескіе; они поселились, вѣроятно, въ тѣхъ самыхъ дворахъ, въ которыхъ жили тіуны владычни. Такъ мало замѣтенъ былъ въ общемъ переходъ многихъ волостокъ отъ частныхъ владѣльцевъ въ дворцовое вѣдомство.

Взамѣнъ дани и разныхъ податей, взимавшихся въ пользу господъ, дворцовое вѣдомство облагало крестьянъ оброкомъ. Оброкъ этотъ такъ же, какъ волостелинъ кормъ, налагался въ общей суммѣ на всю волость, на всю общину, которая затѣмъ самостоятельно разверстывала сборъ между волощанами. Но такая общинная раскладка также не составляла крупнаго нововведенія дворцоваго вѣдомства. Она существовала и въ боярщинахъ, въ которыхъ сохранялось общинное управленіе. Такъ, напримѣръ, въ Стержской волости, конфискованной отъ Аркажскаго монастыря, и въ то время, когда она принадлежала монастырю, за нѣкоторыя угодья взыскивался общій сборъ съ волости: „Да въ Стержской же волости въ большомъ озерѣ въ Селигери 14 тонь; а за рыбную ловлю давали съ озеръ полъ-2 рубля новгородцкіе". Относительно нѣ-

[1]) Волость Молвятицы: „Новгород. писц. книги" I, 652—663, и Жабна, тамъ же, I, 612—619.

[2]) См. тамъ же, I, с. 756 и 786 и др.

[3]) Тамъ же с. 612.

которыхъ сборовъ ясно сказано, что они взимаются со всей волости въ общей суммѣ: „Да игумену жъ давали *со всей* волости дару 7 коробей пшеницы“ [1]).

Старый доходъ, шедшій владѣльцамъ и ихъ приказчикамъ, обыкновенно указывается особо для каждой деревни. Но эти указанія, повидимому, служили лишь для вычисленія общей суммы податей, которая накладывалась на волость и потомъ собиралась волостью по общинной раскладкѣ. Дворцовое вѣдомство также иногда указывало, кромѣ общей суммы оброка, наложеннаго на волостную общину, также отдѣльныя цыфры для каждой деревни. Такъ, напримѣръ, въ описаніи волости Стержъ, о каждой деревнѣ отмѣчено, сколько съ нея шло раньше „стараго дохода“ и сколько крестьяне каждой деревни „нынѣчъ даютъ оброку“ [2]).

Въ новгородскихъ дворцовыхъ имѣніяхъ угодья часто отдавались въ общее пользованіе крестьянъ волостной общины. Но это опять-таки по существу не было нововведеніемъ. Въ частновладѣльческихъ имѣньяхъ, какъ указано выше, угодья часто также состояли въ общинномъ пользованіи.

Переходъ волостки отъ частнаго собственника въ дворцовое вѣдомство не всегда былъ связанъ съ предоставленіемъ полной самостоятельности общинному самоуправленію. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ это вѣдомство подчиняло общины власти приказчика такъ же, какъ то было у частныхъ владѣльцевъ. Такъ, напримѣръ, въ описаніи одной небольшой волостки (въ 25 дворовъ), конфискованной у Григорія Тучина, мы находимъ нѣсколько указаній на общинныя угодья: „лугъ далъ крестьянамъ косить въ тотъ же оброкъ... И тѣ озерка даны крестьянамъ въ тотъ же оброкъ... И въ тѣхъ деревняхъ въ пустыхъ содятъ крестьяне людей собѣ въ тягль въ тотъ же оброкъ“. И рядомъ съ этимъ въ описаніи этой волостки староста не названъ, и названы два приказчика, живущіе рядомъ съ пустымъ дворомъ вотчинника [3]).

---

[1]) „Новгородск. писц. кн.“, т. II, с. 701.

[2]) Тамъ же, т. II, с. 690—700. Тоже, т. I, с. 847: старый доходъ и новый доходъ указанъ особо для каждой деревни. Тоже I, с. 762. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ и старый доходъ и новый одинаково указанъ лишь въ общихъ итогахъ: I, с. 213—216.

[3]) Тамъ же, т. IV, с. 130—132. Ср. ключникъ въ дворцовомъ селѣ: т. I, с. 7. Изъ всего вышеизложеннаго ясно видна ошибочность мнѣнія

Управленіе княжескихъ дворцовыхъ или подклѣтныхъ селъ было одинаково съ управленіемъ боярскихъ и монастырскихъ имѣній.

Въ обширномъ имѣніи, въ составъ котораго входила цѣлая волость или нѣсколько волостей, община сохраняла всѣ свои права. Староста и міръ завѣдывали дѣлами общины такъ же, какъ въ черныхъ волостяхъ. Но во владѣльческихъ волостяхъ или волосткахъ полновластіе мірского самоуправленія ограничивалось представителемъ господина, приказчикомъ. Приказчикъ обыкновенно управлялъ не единовластно, но вмѣстѣ съ старостой и міромъ. Дѣйствительная власть принадлежала, конечно, приказчику, по уполномочію собственника господина; но, на дѣлѣ, по волѣ господина существовало мірское самоуправленіе общины подъ наблюденіемъ приказчика. Приказчики въ древнее время назывались обыкновенно ключниками и посельскими.

Слѣдующую ступень подчиненія общины господину представляли тѣ имѣнія, гдѣ выборныхъ представителей, старостъ, замѣняли старосты, назначенные господиномъ. Въ лицѣ такого назначеннаго старосты функціи приказчика соединялись съ функціями выборнаго представителя общины. Они назывались старостами, а не приказчиками, потому что управляли такъ же, какъ старосты, вмѣстѣ съ міромъ, хотя и по уполномочію господина, а не міра.

Въ дворцовыхъ великокняжескихъ селахъ этотъ порядокъ управленія былъ наиболѣе распространеннымъ. Великіе князья въ духовныхъ грамотахъ отпускаютъ на волю сельскихъ старостъ. Эти старосты были, слѣдовательно, холопами, ключниками, но назывались они старостами, потому что исполняли обязанности выборныхъ старостъ, управляли владѣльческою вотчиною-общиной совмѣстно съ міромъ.

Такими же назначенными старостами-приказчиками были дворскіе. Дворскіе иначе называются старостами. Это были старосты дворцовыхъ волостей, совмѣщавшіе обязанности старостъ и ключниковъ-приказчиковъ.

В. И. Сергѣевичъ о возникновеніи общины впервые на земляхъ конфискованныхъ у новгородскихъ бояръ. На этихъ земляхъ—говоритъ онъ, „оброкъ назначается огульно на цѣлое имѣніе. *Этимъ* создается у насъ впервые крестьянская волостная община... Иванъ Васильевичъ создалъ въ Новгородѣ крестьянскую общину". („Др. русск. пр.", т. III, с. 122—123).

Наконецъ, третью ступень подчиненія общины господину, подчиненія крестьянъ до совершенной утраты ими общиннаго самоуправленія, представляли тѣ имѣнія, гдѣ вся власть принадлежала приказчику, гдѣ отдѣльныя деревни были разъединены, и каждая особо подчинялась власти приказчика, гдѣ міра не было. Такіе полновластные приказчики, управлявшіе помимо міра, назывались не старостами или дворскими старостами, а посельскими.

Нѣмецкіе историки нашли ясные слѣды существованія *марковой общины на владѣльческихъ земляхъ*. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, въ видѣ исключенія „первоначальное управленіе марковой общины сохранялось почти совершенно неизмѣннымъ (auch unter Allmendeobereigenthum), хотя альменда была во власти господина". Большею частью, однако, управленіе марковой общины подвергалось измѣненіямъ, начиная отъ простого воздѣйствія господина до совершеннаго поглощенія марковыхъ должностей вотчиннымъ управленіемъ и до полнаго ихъ уничтоженія.

Иногда вотчинныя управители дѣйствуютъ вмѣстѣ съ выборными управителями марковой общины. Иногда выборные управители общины сохраняются, но господину принадлежитъ право утвержденія ихъ въ должности. Уже при Каролингахъ встрѣчаются десятскіе (Zender) въ качествѣ господскихъ управителей, впослѣдствіи, съ начала позднѣйшаго средневѣковья, они преобладаютъ.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Ростъ боярщины.

§ 54. Боярщина и община.

Община и боярщина были двумя основными учрежденіями государственнаго устройства среднихъ вѣковъ. Рядомъ съ волостною общиной стояло крупное единоличное землевладѣніе, господская, боярская вотчина, или боярщина. Они были учрежденіями параллельными, соотвѣтствующими одно другому по началамъ своего устройства.

Средневѣковая боярщина существенно отличается отъ совре-

мелкаго намъ крупнаго господскаго имѣнія. Господское, боярское землевладѣніе по существу своему было не только институтомъ землевладѣнія, подобно такому имѣнію.

Въ средніе вѣка съ крупнымъ боярскимъ землевладѣніемъ связаны были нѣкоторыя права государственнаго порядка. Крупный землевладѣлецъ не только владѣлъ землею, нерѣдко очень значительныхъ размѣровъ, но и имѣлъ права суда и управленія, въ той или иной мѣрѣ, надъ населеніемъ въ предѣлахъ своихъ владѣній. Боярщина была институтомъ не только землевладѣнія, но и управленія. И въ этомъ отношеніи она представляетъ собою учрежденіе, соотвѣтствующее волостной общинѣ.

Даже въ самихъ землевладѣльческихъ правахъ боярина заключался элементъ государственнаго права. Значительная часть земель его стояла обыкновенно внѣ не только его пользованія, но и вообще какого-либо хозяйственнаго наблюденія, находясь въ наслѣдственномъ владѣніи крестьянъ. Его отношенія къ землѣ проявлялись въ осуществленіи своихъ правъ государственнаго управленія въ отношеніи къ населенію его земли, и, такимъ образомъ, должны быть отнесены скорѣе къ категоріи территоріальнаго господства, чѣмъ частнаго землевладѣнія въ точномъ значеніи этого термина. Въ этомъ отношеніи, какъ территоріальный по преимуществу округъ, боярщина представляетъ собою учрежденіе, соотвѣтствующее волостной общинѣ, поземельныя права которой заключались такъ же, какъ выяснено выше, въ территоріальномъ правѣ на всѣ земли волости.

Полное соотвѣтствіе боярщины и общины, какъ двухъ учрежденій одного порядка, заключалось, съ одной стороны, въ этихъ территоріальныхъ правахъ на извѣстный земельный округъ, съ другой стороны, въ правахъ суда и управленія. Въ волостной общинѣ эти права принадлежали міру, обществу лицъ, владѣвшихъ участками земли въ предѣлахъ волостной территоріи. Въ боярщинѣ тѣ же права принадлежали одному лицу, боярину-землевладѣльцу или, точнѣе, — господину извѣстнаго земельнаго округа. Община была институтомъ самоуправленія на территоріальной основѣ. Соотвѣтственно этому боярщина была институтомъ единоличнаго управленія на основѣ той же территоріальной власти.

Эти два учрежденія, община и боярщина, основныя учрежденія средневѣковаго строя, у насъ такъ же, какъ на западѣ, рано вступаютъ

между собою въ борьбу, и въ результатѣ историческаго процесса среднихъ вѣковъ крупное землевладѣніе типа боярщины въ удѣльной Руси такъ же, какъ въ феодальныхъ странахъ запада, всюду одерживаетъ верхъ надъ крестьянскими свободными общинными союзами.

Развитіе крупнаго землевладѣнія, въ указанной формѣ земельнаго господства (Grundherrschaft), какъ выяснено новыми нѣмецкими историками-экономистами, лежало въ основѣ всего государственнаго развитія среднихъ вѣковъ. Крупное землевладѣніе вступаетъ въ борьбу съ марковой общиной и, поглощая и разрушая ее, рано торжествуетъ надъ ней. Крупное землевладѣніе лежитъ въ основѣ феодализма, такъ какъ оно именно давало силу и значеніе феодалу, какъ въ отношеніи подвластнаго ему населенія, такъ и въ отношеніи къ его сюзерену. Это же крупное землевладѣніе, въ дальнѣйшемъ развитіи его средневѣковой формы земельнаго господства, повело къ образованію территоріальной государственной власти новаго времени. Это значеніе вотчины—Grundherrschaft Лампрехтъ характеризуетъ въ слѣдующихъ словахъ:

„Между тѣмъ какъ универсальное государство распалось, а національное не могло правильно сложиться, изъ различныхъ частей и членовъ государственной области, которые получали изъ центра только слабую жизненную энергію, проистекли источники собственныхъ псевдогосударственныхъ силъ. Институтъ, въ которомъ собирались эти силы, былъ вотчина.

„Вотчина была послѣ паденія государства рядомъ съ древними автономными союзами единственнымъ авторитетнымъ (autoritäre) институтомъ страны, а вначалѣ также и городского развитія. Какъ таковому, ему предстояла большая будущность при все увеличивающемся упадкѣ всеобщаго національнаго строя. Вскорѣ крупнѣйшія вотчины въ соревнованіи со многими другими меньшими возвысились до особаго значенія; они стали зерномъ кристаллизаціи княжескихъ территорій, основою перваго территоріальнаго управленія и вмѣстѣ съ тѣмъ базисомъ развитія самостоятельнаго княжескаго могущества, которое въ концѣ концовъ нашло послѣднее свое выраженіе въ системѣ абсолютной монархіи. Средневѣковое государство погибло; тогда изъ корня вотчины, сбросивъ всѣ первоначально частноправныя отношенія, выросло новое государство“ [1]).

[1]) *Lamprecht*, указ. соч., I[1], стр. 668—669.

§ 55. [Торжество боярщины надъ общиной.]

Крупное землевладѣніе растетъ, вслѣдствіе естественнаго процесса накопленія капитала и приложенія его къ землѣ, разными путями. Крупные землевладѣльцы захватываютъ пустующія невоздѣланныя земли, обрабатываютъ ихъ частью силами своихъ холоповъ, частью силами крестьянъ, которыхъ привлекаютъ на свои земли денежными ссудами и льготами въ уплатѣ налоговъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ они скупаютъ участки воздѣланныхъ земель отъ членовъ свободныхъ волостныхъ общинъ, а иногда и захватываютъ такіе участки силою. Съ другой стороны, росту крупнаго землевладѣнія оказываетъ могущественное содѣйствіе княжеская власть. Князья съ теченіемъ времени упрочиваютъ свою высшую власть надъ территоріями общинъ, которая первоначально была вполнѣ номинальной, и распоряжаются общинными землями, отдавая ихъ во владѣніе своимъ слугамъ, боярамъ и монастырямъ. Они раздаютъ общинныя земли цѣлыми волостями и отдѣльными селами „въ жалованье“ (помѣстье, бенефицій) боярамъ и на вкладъ монастырямъ, „своего ради спасенія и на поминокъ душъ своихъ родителей“. На волостныя земли, пріобрѣтенныя боярами или монастырями отъ волощанъ, князья выдаютъ жалованныя грамоты, выдѣляя эти участки изъ общинной организаціи, обѣляя ихъ отъ волостного тягла. Нѣкоторыя общины и отдѣльные крестьяне добровольно отдавались въ владѣніе боярамъ, съ цѣлью снискать ихъ защиту и покровительство во время частыхъ смутъ, междоусобій и разбойныхъ „наѣздовъ“ удѣльной эпохи. На западѣ такая отдача себя подъ защиту называлась коммендаціей, у насъ — закладничествомъ, отъ слова закладываться, въ смыслѣ укрываться, задаваться.

Въ результатѣ этого процесса освоенія крупными землевладѣльцами общинныхъ земель во Франціи самостоятельныя общины, коммуны, исчезли почти совершенно; остатки древняго общиннаго строя сохранились только на владѣльческихъ земляхъ; и въ большей части Франціи утвердилось даже правило, требовавшее, чтобы у каждой земли былъ господинъ: „нѣтъ земли безъ господина“, nulle terre sans seigneur. Въ Германіи крупное землевладѣніе также получило преобладаніе во вторую половину среднихъ вѣ-

ковъ, но самостоятельныя марки все же уцѣлѣли во многихъ мѣстахъ, а въ Швейцаріи онѣ сохранили даже самостоятельность государственную.

У насъ, во вторую половину удѣльнаго періода, въ средней Россіи боярщина столь же рѣшительно торжествуетъ надъ общиной, какъ и на западѣ. Но въ древнѣйшее время въ центральной Руси боярщина не торжествовала надъ общиной. Свободныхъ общинъ вездѣ было много, какъ въ Бѣлоозерьи. Боярскія вотчины были невелики въ сравненіи съ общинами. Боярщина восторжествовала только тогда, когда развилось, какъ и на западѣ, монастырское землевладѣніе, и—вслѣдствіе раздачи земель въ жалованье, позднѣе въ помѣстье, и вслѣдствіе развитія дворцоваго землевладѣнія великихъ и удѣльныхъ князей, позднѣйшихъ княжатъ.

Значительныя части волостныхъ территорій переходили во владѣніе бояръ и монастырей, въ качествѣ *заимокъ* или *роздѣлей* невоздѣланныхъ земель.

Въ руки монастырей, кромѣ того, волостныя земли переходили по многочисленнымъ, большею частью мелкимъ, вкладамъ крестьянъ. Въ примѣръ того, какъ сильно страдали волости отъ такого обоярепья ихъ земель, мы возьмемъ Волочекъ Словѣнскій, о которомъ раньше не разъ уже говорили.

Къ южной оконечности этой волости, Милобудью, примыкалъ принадлежавшій ей до начала XV вѣка обширный лѣсъ, за рѣкою Ягрышемъ. Въ началѣ XV вѣка при князѣ Андреѣ Дмитріевичѣ (умершемъ въ 1432 году), тіунъ Есипъ Ивановъ Пикинъ нашелъ здѣсь возвышенныя, удобныя для поселеній мѣста и поставилъ нѣсколько деревень. Сначала ему принадлежала здѣсь деревенька Колкачъ, въ которой жили его крестьяне половники. Эту деревеньку онъ „разставилъ на двое“. Затѣмъ онъ „раздѣлалъ на лѣсѣ своими людьми“ еще нѣсколько деревень, посадивъ въ нихъ своихъ половниковъ. Одна изъ этихъ деревень, Талица, была поставлена въ лѣсу за 6 верстъ къ югу отъ Колкача. Свободно расширяя здѣсь свою заимку, онъ косилъ южнѣе за 20 верстъ отъ деревни Колкача на рѣкѣ Шекснѣ. Между 1448 и 1469 годами Есипъ Пикинъ далъ часть своей земли въ этой мѣстности, деревни Колкачъ и Талицу и двѣ пустоши южнѣе на Шекснѣ, Кирило-Бѣлозерскому монастырю, а часть оставилъ за собою съ женою „до живота“. Не удовольствовавшись этимъ вкладомъ, мо-

настырь, съ разрѣшенія князя, купилъ за 5 рублей у сына Пикина Юрія еще полъ деревни Телибашова въ этой же мѣстности на Колкачѣ.

Во владѣніе монастырю перешла обширная площадь лѣса между рр. Ягрышемъ и Сизьмою, и онъ поспѣшилъ закрѣпить его за собою рядомъ дальнѣйшихъ заимокъ; къ 1480-му году здѣсь появилось 10 новыхъ деревень-починковъ, что „чернецы на лѣсехъ ставили“. Волость Словѣнскаго Волочка въ 1482 году заявила свои притязанія на всѣ монастырскія деревни на Колкачѣ (числомъ 15), въ этой мѣстности, основываясь на томъ, что она нѣкогда принадлежала къ Милобудью; но монастырь выигралъ дѣло, представивъ вкладныя грамоты Пикина и жалованныя льготныя грамоты князя, закрѣплявшія этотъ вкладъ. Эти земли на Колкачѣ, оторванныя отъ Словѣнскаго Волочка сначала боярской и затѣмъ монастырской заимкой, составляютъ территорію волости Талицкой, до 275 кв. верстъ, съ населеніемъ въ 3.000 слишкомъ душъ мужского пола.

Деревенька Талица, которую Есипъ Пикинъ въ началѣ XV в. раздѣлалъ на лѣсѣ, посадивъ въ ней своего половника, представляетъ собою теперь главное селеніе волости; въ 1882 году въ ней было 37 дворовъ и 200 человѣкъ жителей. Кромѣ Талицы, еще 8 деревень этой волости до сихъ поръ носятъ тѣ самыя названія, которыя даны были имъ около 500 лѣтъ назадъ, когда онѣ были еще починками-роздѣлями (два Колкача, Пепелъ, Сущово, Щелково, Рогово, Лопошилово, Доръ, Елники) [1]).

Значительная часть земель Словѣнскаго Волочка на востокъ отъ Словѣнскаго озера до рѣки Порозобицы также перешла во владѣніе Кириловскаго монастыря посредствомъ вкладовъ, заимки и захвата. Въ началѣ XV вѣка князь Андрей Дмитріевичъ далъ монастырю село Великое на Волоцкомъ озерѣ близъ истока Порозобицы; затѣмъ въ 1432—1435 гг. его сынъ князь Михаилъ Андреевичъ далъ монастырю слободку Рукину недалеко отъ впаденія той же рѣки въ Кубенское озеро. Въ этой же мѣстности

---

[1]) Елники—„починокъ на Ельникѣ“. Доръ—„починокъ на Дору“. Недалеко отъ Сущова теперь двѣ деревни: Пепелъ и Малый Пепелъ; во вкладной грамотѣ Юрія Пикина: Пепелъ-Сущовская пустошь (*Дебольскій.* „Изъ актовъ и грамотъ Кирило-Бѣлозерскаго монастыря“, № XVI).

на восточной окраинѣ Волоцкой волости монастырь получилъ около 1430 года двѣ деревеньки (Осникъ и Панкову) по завѣщаніямъ двухъ волощанъ. Близъ этихъ деревень скоро появились монастырскіе починки: такъ, „на лѣсѣ“ близъ Великаго села старцы „поставили“ деревню Кожино; въ результатѣ, къ 1482 году монастырю принадлежало на Волочкѣ уже 40 деревень и 5 пустошей. Волость начала тяжбу противъ монастыря о 7 изъ этихъ деревень, но судьи признали права волости только на двѣ деревни, очевидно, насильственно захваченныя монастыремъ, да и эти деревни великій князь Иванъ Васильевичъ оставилъ за монастыремъ по давности владѣнія, потому что „искали христіане за 40 лѣтъ“.

Игуменъ Кириловскаго Бѣлозерскаго монастыря, на котораго староста Волоцкой съ крестьяны Волочаны много разъ билъ челомъ князьямъ [1]), въ XV вѣкѣ, какъ и позднѣе, велъ постоянныя тяжбы и съ другими волостными общинами, которыя большею частью тщетно отстаивали свои права на разныя деревни, пустоши и пожни. На основаніи вкладныхъ и жалованныхъ княжескихъ грамотъ судьи большею частью рѣшали споръ въ пользу старцевъ.

Такія же нескончаемыя тяжбы о земляхъ вели и другіе монастыри, напримѣръ, Троицко-Сергіевъ.

Въ 1651 году Троицкій келарь Симонъ Азарьинъ писалъ: „мнози отчины Сергіевъ монастырь имѣетъ, мнози и ссоры прилучаются отъ сосѣдствующихъ“; по его словамъ въ „Расправныхъ палатахъ“ можно было найти тогда не менѣе 100 статей о спорныхъ земляхъ монастыря, „въ разныхъ градахъ и уѣздахъ“ [2]).

Эти „ссоры“ начались задолго до XVII вѣка, едва ли не съ самаго основанія монастыря. Объ этомъ свидѣтельствуютъ правыя грамоты удѣльнаго времени.

Залѣсская волость Костромскаго уѣзда много разъ судилась съ Троицкимъ монастыремъ, протестуя противъ захвата волостныхъ земель игуменами этого монастыря. „Тягался староста Залѣсскій Ондрей—читаемъ въ судномъ спискѣ конца XV вѣка—и всѣ крестьяне Залѣсскіе (съ) старцемъ съ Троицкимъ Сергіева монастыря, съ Касьяномъ. Тако рекъ Ондрейко и всѣ крестьяне: „Жалоба намъ, господине, на того старца на Касьяна: отнялъ у

[1]) *Дебольскій*, тамъ-же, № XIV.

[2]) *Іер. Арсеній*. Чт. 1867 № 3, с. 19. (*Блюменфельдъ*, с. 203).

насъ, господине, ту пустошь Тевликовскую: а та пустошь наша тяглая, черная, волостная". Въ другомъ судномъ спискѣ до 1490 года, тотъ же староста Ондрейко и всѣ крестьяне тягаются съ тѣмъ же старцемъ Касьяномъ о двухъ отнятыхъ имъ у волости паволокахъ, объясняя, что „тѣ паволоки тянутъ къ нашей землѣ къ Овсяниковской, къ тяглой, къ черной изстарины". Нѣсколько позже, въ началѣ XVI вѣка, та же волость вела еще три тяжбы съ тѣмъ же монастыремъ о пустоши Кашинѣ, о пустоши Подболотной и о землѣ Оглоблино [1]).

Быстрый ростъ монастырскихъ земель создавалъ дурную славу монастырямъ и во многихъ мѣстахъ крестьяне настойчиво противились образованію новыхъ обителей. Въ житіяхъ русскихъ святыхъ встрѣчается нѣсколько разсказовъ о томъ, какъ крестьяне изгоняли подъ угрозою смерти святыхъ угодниковъ, устраивавшихъ обители, изгоняли изъ опасенія, чтобы они не завладѣли ихъ землями. Преподобному Димитрію Прилуцкому или Вологодскому не сразу удалось устроить монастырь около Вологды. Онъ выбралъ сначала пустынное мѣсто на рѣкѣ Лежѣ (притокъ р. Сухоны, въ окрестностяхъ Вологды) и поставилъ здѣсь маленькую церковь; но скоро долженъ былъ удалиться отсюда. „Завистникъ діаволъ" началъ „подстрекать люди невѣгласи отъ прилежащія ту веси, зовомые Авнега". Среди жителей этой веси начался „ропотъ велій". Они боялись, что старецъ „по малѣ времени одолѣетъ нами и селы нашими". Ихъ „ропотъ" и ихъ „ненависть" заставили Димитрія „уклониться отъ зла", покинувъ выбранное для обители мѣсто. Онъ ушелъ въ Вологду и здѣсь ему удалось получить отъ одного изъ горожанъ небольшой участокъ для поставленія обители на Прилуцѣ въ трехъ поприщахъ отъ города.

Такъ же, какъ Дмитрій Прилуцкій прогнанъ былъ крестьянами съ р. Луки Макарій Желтоводскій. Макарію Калязинскому сосѣдній землевладѣлецъ Каляга грозилъ смертью, изъ опасенія, чтобы онъ не присоединилъ его земли къ своей пустыни [2]).

---

[1]) Акты *Оед.-Чех.* № 34, с. 35. Судный списокъ конца XV вѣка приведенъ въ позднѣйшемъ спискѣ 1505—1533 гг., относящемся къ тяжбѣ между крестьянами той же волости и съ тѣмъ же Троицкимъ Сергіевымъ монастыремъ. А. Юр. № 4. Акты *Оед.-Чех.* № 15 и 34 (1505—1533).

[2]) Житіе игумена Дмитрія Прилуцкаго, Моск. Главн. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ, № 751/1280, л. 410, 411—*І. Вѣрюжскій.* „Ист. сказанія о жизни свя-

Крупная земельная собственность растетъ сама по себѣ, путемъ накопленіи капитала и приложенія его къ землѣ.

Если въ древнѣйшій Кіевскій періодъ боярскія земли увеличивались, какъ можно думать, главнымъ образомъ, за счетъ труда несвободныхъ, то въ удѣльное время онѣ растутъ, главнымъ образомъ, за счетъ капитала. Бояре привлекаютъ на свои заимки, на занятыя или пустующія земли поселенцевъ и посредствомъ денежныхъ ссудъ разнаго рода, въ томъ числѣ и льготъ въ уплатѣ налоговъ. „На пустыя выти“ они „позываютъ“ крестьянъ, обѣщая имъ льготные годы и давая ссуды и подмоги. Въ грамотахъ удѣльнаго времени встрѣчается много упоминаній о крестьянахъ „*окупленныхъ*“ [1]) и крестьянахъ „серебряникахъ“; въ крестьянскихъ порядныхъ постоянно встрѣчается условіе о ссудѣ и подмогѣ [2]).

Съ другой стороны, крупные землевладѣльцы увеличиваютъ свои имѣнія, осваивая разнымъ путемъ волостныя земли. Они въ большомъ количествѣ покупаютъ воздѣланныя земли отъ волостныхъ крестьянъ, скупаютъ волостныя деревни и пустоши. Монастырскія вотчины растутъ путемъ покупокъ и въ особенности благодаря добровольнымъ земельнымъ вкладамъ разныхъ лицъ для спасенія души. Бояре и монастыри, вмѣстѣ съ тѣмъ, не довольствуясь такими легальными средствами, насильственно, по праву сильнаго, завладѣваютъ участками волостныхъ земель для округленія своихъ имѣній.

Въ одномъ судномъ дѣлѣ, около 1500 года, разсказанъ любо-

тыхъ, подвизавшихся въ Вологодской епархіи“.—*Блюменфельдъ*, „О формахъ землевладѣнія въ древней Россіи“, стр. 203.—*Перетяковичъ*, „Поволжье въ XV и XVI вѣкахъ“, стр. 103, 111.—*Соколовскій*, „Очеркъ исторіи сельской общины на сѣверѣ Россіи“, стр. 68.—*Павловъ*, „Ист. очеркъ секуляризаціи“ и т. д., стр. 20—21.—*Ефименко*, „Изслѣд. народной жизни“, стр. 263.

[1]) Ср. извѣстія о „приходцахъ“, „людяхъ пришлыхъ“, „прихожихъ людяхъ“, напримѣръ — въ „Писцовыхъ книгахъ“ *Калачова*, II, стр. 370, 377, 384; *В. Сторожевъ*, „Писцов. книги Рязанск. края“, т. I, вып. II, стр. 473, 485 и мн. др.

[2]) „Кого къ себѣ призоветъ или кого искупитъ... да посадитъ (1435 г.), А. Юр. № 5; А. Э., т. I, № 31 (1437 г.); № 36 (1438 г.): „и тѣмъ людемъ пришлымъ и окупленнымъ...“; № 53 (1453 г.); № 374 (1455 г.), № 379 (1484 г.). Ср. „гостей“ (hôtes) средневѣковой Европы. [Предполагавшаяся *Н. П. Павловымъ-Сильванскимъ* подробная разработка этихъ извѣстій—русскихъ и западныхъ—осталась неосуществленной].

пытный случай захвата боярами большого количества земель, принадлежавшихъ Ликуржской волости въ Костромскомъ уѣздѣ.

Крестьяне этой волости предъявили къ митрополичьимъ дѣтямъ боярскимъ (Некрасу и Дрозду Юрьевымъ) искъ о 22-хъ деревняхъ и починкахъ. На судѣ выяснилось, что эти деревни давно уже состоятъ во владѣніи слугъ митрополита. Крестьяне истцы объяснили, что эти волостныя деревни были расхищены боярами и слугами митрополита за 40 лѣтъ назадъ (около 1450 г.), когда Ликуржская волость запустѣла отъ мора. До того же времени въ волости митополиту принадлежало только три сельца. „Волость Ликуржская—говорили крестьяне судьѣ—запустѣла отъ великаго повѣтрія, а тѣ, господине, *деревни и пустоши волостные разоймали бояре и митрополиты*, не вѣдаемъ которые, за себя тому лѣтъ съ сорокъ". Волость не могла въ то время отстаивать свои владѣнія отъ захвата, потому что послѣ повѣтрія въ живыхъ осталась $^1/_6$ часть населенія: „а волостныхъ, господине, деревень Ликуржскихъ тогда осталось одна шесть деревень съ людьми; и намъ, господине, тогда было не до земель, людей было мало, искати некому" [1]). Этотъ фактъ захвата волостныхъ земель не былъ опровергнутъ на судѣ, и крестьяне проиграли дѣло только потому, что „искали тѣхъ земель за 40 лѣтъ".

Мелкій вологодскій вотчинникъ Левонтій-Злоба Васильевъ Львовъ, владѣвшій двумя деревнями около Вологды въ окологородьѣ и одною деревнею въ Масленской волости (на р. Масленѣ), около 1478 г. покупаетъ отъ двухъ крестьянъ Лоскомской волости въ той же мѣстности двѣ ихъ пустоши (Михалеву и Минейцову), одну за 50 алтынъ съ придачей овцы, другую за рубль. Въ силу жалованной грамоты Вологодскаго князя Андрея Васильевича около 1478 г., которая была подтверждена грамотой Ивана III, (1481—1500 г.), эти деревни были выдѣлены изъ Лоскомской волости, къ которой онѣ раньше тянули. Въ 1503 году староста Лоскомской волости Оброско Кузминъ отъ лица всѣхъ крестьянъ волости предъявилъ искъ сыну названнаго Злобы Львова, Ивану, собственно къ его приказчику Овсянику: „Жалоба ми, господине,—говорилъ онъ судьѣ—на того Овсяника. Живетъ, господине, у насъ въ великаго князя деревняхъ въ черныхъ, а называетъ тѣ деревни

[1]) А. Юр. № 8. (1458—1505).

государя своего отчиною Ивановою Злобина, а не вѣдаемъ почему“ [1]). Но староста напрасно отстаиваетъ права волости на эти деревни, оторванныя отъ нея вотчинникомъ Злобою. Иванъ Злобинъ представилъ судьямъ купчія крѣпости своего сына и данныя ему князьями жалованныя грамоты, и судьи оправили его, присудивъ ему деревни на основаніи этихъ документовъ.

Споры волостей съ сосѣдними вотчинниками возникали большею частью вслѣдствіе перехода волостныхъ земель въ руки вотчинниковъ по частнымъ сдѣлкамъ ихъ съ членами волости. Волощане владѣли землею на частномъ правѣ собственности; они имѣли право отчуждать ихъ не только своимъ сосѣдямъ, но и сторонимъ вотчинникамъ. Когда староста и міръ жаловались на игумена или боярина, что онъ отнялъ у нихъ землю, „сильно“ или, что онъ владѣетъ землею „не вѣдаемъ почему“, то отвѣтчики большею частью объясняли судьямъ, что спорная земля была ими куплена отъ волощанина и представляли суду купчія и иныя грамоты. Судьи въ такихъ случаяхъ всегда рѣшали тяжбу въ пользу отвѣтчика.

Въ еще болѣе широкихъ размѣрахъ содѣйствовали разрушенію волостей и ихъ обояренью князья—путемъ раздачи черныхъ земель монастырямъ и боярамъ, въ вотчины и въ помѣстья.

Во второй половинѣ XIII столѣтія рязанскій великій князь Ингваръ съ другими князьями и съ боярами далъ обширныя земли рязанскому Ольгову монастырю. Монастырю дано было сразу 5 погостовъ—волостныхъ общинъ, въ которыхъ было въ общей сложности 1010 семей, кромѣ того „9 земель бортныхъ“; тогда же бояре дали нѣсколько селъ, а „мужи“—„Ольговскую околицу“—уѣздъ, который они купили у муромскихъ князей за 300 гривенъ. Въ XIV вѣкѣ великій князь Олегъ Ивановичъ пожаловалъ еще монастырю Арестовское село [2]).

Въ грамотахъ сохранилось много свѣдѣній о селахъ и деревняхъ, данныхъ князьями монастырямъ [3]).

---

[1]) А. Юр. № 9. Судный списокъ 1503 г.

[2]) А. Ист., т. I, № 2 (1356—1387 г.); *Экземплярскій* „Вел. и уд. князья на сѣв. Руси“, т. II, стр. 571, 575.

[3]) [*Н. И. Павловъ-Сильванскій* предполагалъ дополнить изложеніе рядомъ примѣровъ].

Княжеская власть, въ отношеніи общинъ, проявлялась также въ *обѣльніи* волостныхъ земель, освоенныхъ тѣмъ или инымъ путемъ привилегированными крупными землевладѣльцами.

Когда такіе землевладѣльцы пріобрѣтали участки волостной земли, то по общему правилу они въ качествѣ владѣльцевъ такой земли становились членами волостной общины и должны были платить подати, падавшія на нихъ по общей податной разверсткѣ [1]). По общему правилу, права общины на ея территорію торжествовали надъ правомъ боярина, надъ независимостью его боярщины. Но въ жизни, наоборотъ, бояре, или насиліемъ, или властью князя, совершенно обоярывали освоенные ими участки волостной земли, освобождая ихъ отъ какого-либо подчиненія общинѣ.

Великіе князья вообще старались о сохраненіи общинной организаціи и даже, предупреждая обояренье общинныхъ земель, воспрещали покупку ихъ крупными землевладѣльцами. Но, съ другой стороны, они рядомъ частныхъ распоряженій постоянно разрушали цѣлость волостей, обѣляя особыми жалованными грамотами деревни, пріобрѣтенныя крупными землевладѣльцами. Въ какихъ широкихъ размѣрахъ практиковалось такое обѣленіе участковъ волостной земли, разрушавшее общинную организацію, объ этомъ свидѣтельствуетъ тотъ фактъ, что число сохранившихся жалованныхъ грамотъ XV вѣка весьма значительно.

Жалованной грамотой 1421 года великій князь Василій Дмитріевичъ, разрѣшивъ—„ослободивъ“ митрополиту Фотію „купити въ Тальшѣ деревнѣ Яковльскую волостную“, вмѣстѣ съ тѣмъ изъялъ ее изъ общины, освободилъ ее отъ общиннаго тягла: „а что доселе та деревня тянула судомъ и всѣми пошлинами къ волости къ Тальшѣ, а нынѣчь та деревня потянетъ судомъ и всѣми пошлинами къ отцу моему Фотію митрополиту Кіевскому и всея Руси; опрочь дани моей и яму къ волости ей не тянути ничѣмъ“ [2]).

Освобождая боярскія и монастырскія деревни отъ власти своихъ чиновниковъ, намѣстниковъ, волостелей и тіуновъ, князья вмѣстѣ съ тѣмъ освобождали ихъ и отъ подчиненія представителей общинъ, сотниковъ, старостъ и дворскихъ: „ненадобѣ имъ (людямъ мона-

[1]) См. выше.
[2]) А. Э. I, № 20.

стыря) никоторая дань... ни пошлины къ городу, ни къ волости... ни дворьскіи, ни старосты атъ не займаютъ ихъ ни про что“ [1]).

Въ результатѣ крупное землевладѣніе быстро увеличивается; территоріи волостей дробятся, переходя по частямъ въ руки бояръ и монастырей,—и боярщина торжествуетъ надъ общиной [2]).

§ 56. Окняженіе волости.

Волостная община была основнымъ учрежденіемъ древнѣйшаго государственнаго строя. Весь этотъ строй покоился на сложившемся органически, территоріальномъ мірскомъ самоуправленіи. Власть князя отличалась чрезвычайной слабостью и представляла собою такъ сказать надстройку надъ древними самоуправляющимися общинными союзами.

Въ теченіе среднихъ вѣковъ княжеская власть постепенно усиливается. Съ теченіемъ времени въ волостяхъ появляются княжескіе чиновники, болѣе близкіе къ населенію, а именно *волостели*, завѣдывавшіе каждый отдѣльной волостью. Основанія управленія остаются старыя; мірское самоуправленіе сохраняется. Но

---

[1]) А. Э. I, № 5, 1361—1365.

[2]) [Изъ примѣровъ, какими *Н. П. Павловъ-Сильванскій* предполагалъ иллюстрировать процессъ „обоярѣнья волостей“ въ рукописномъ его наслѣдіи сохранился лишь слѣд.]:

„Тверская волость Суземье уже въ первой половинѣ XVI вѣка представляетъ собою не волостную общину, а только правительственный округъ, объединяющій множество мелкихъ помѣстій, монастырскихъ вотчинъ, дворцовыхъ селъ и ничтожное число черныхъ деревень. Слѣдъ древней волостной общины сохранился только въ наименованіи принадлежавшей ей нѣкогда территоріи „волостью“. По писцовымъ книгамъ 1540—1548 г.г. ясно виденъ процессъ обоярѣнья земель этой волости путемъ раздачи ихъ въ помѣстья. Въ писцовой книгѣ 1540 года послѣ ряда дворцовыхъ селъ и деревень „розданныхъ помѣщикамъ“, отмѣчены „въ той же волости великаго князя деревни черные“, всего 40 деревень и 6 пустошей съ населеніемъ въ 80 человѣкъ дворохозяевъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ (между 1540 и 1548 г.г.) послѣдній клочекъ древней черной волости переходитъ во власть помѣщика: въ писцовой книгѣ 1548 года отмѣчено объ указанныхъ деревняхъ: „нынѣча тѣ деревни въ помѣстьѣ за княземъ И. М. за Шуйскимъ“; „Писцовыя книги“ *Калачова*, II, стр. 64—65 и 177; ср. „Великаго князя деревня Суково, а бывала черная, 2 двора... а служитъ съ неѣ Жюкъ Суковъ“. Волость Воловичи, 1540; тамъ-же, стр. 59.

ограниченный округъ давалъ возможность волостелю болѣе дѣйствительнаго контроля за управленіемъ общины. Всѣ новости въ управленіи совершались въ древнемъ обществѣ, гдѣ обычное право было всевластнымъ, въ рядѣ частичныхъ малозамѣтныхъ измѣненій. Назначая волостеля, великій князь сохраняетъ общину; онъ сохраняетъ и даже подтверждаетъ ея права; онъ только переноситъ на волостеля функціи намѣстника въ его отношеніи къ общинѣ. Назначеніе волостеля имѣетъ даже сначала видъ милости населенію, освобожденія волости отъ намѣстника, ставшаго ненавистнымъ вслѣдствіе своихъ корыстныхъ вымогательствъ, „налогъ и продажъ“. Но крестьяне скоро должны были замѣтить, что они попали изъ огня въ полымя. Волостель, господинъ волости, легче могъ вторгаться въ жизнь общины и, оставаясь государственнымъ чиновникомъ, присвоить права частно-владѣльческаго приказчика-посельскаго. Посельскій также управлялъ селомъ вмѣстѣ съ мірскимъ старостой, но имѣлъ только право низшаго суда. Волостелю принадлежалъ высшій судъ и управленіе. По высшему судьѣ и управителю нетрудно было присвоить себѣ часть функцій низшихъ чиновниковъ.

Появленіе волостеля въ общинѣ рисуетъ грамота 1506 года, уставная грамота рыболовамъ, жившимъ въ городѣ Переяславлѣ. Великій князь „жалуетъ“ „старосту рыболовля Гридку и всѣхъ рыболовей Переяславскихъ“, назначая имъ волостеля и установляя, что они впредь будутъ неподсудны намѣстнику и тіунамъ, „опричь одного душегубства и вобчихъ дѣлъ“. Тягло съ городскими людьми замѣняется оброкомъ. Права общины охраняются; волостель долженъ судить не иначе, какъ съ старостой и съ лучшими людьми, по общему правилу, какъ судилъ намѣстникъ и какъ судили частно-владѣльческіе приказчики. Порядокъ управленія остается старый, и новость только въ томъ, что вмѣсто болѣе далекаго намѣстника, вѣдавшаго болѣе обширный округъ, изъ многихъ волостей, составлявшихъ нѣсколько становъ, является чиновникъ, который долженъ кормиться только съ одной волости или въ данномъ случаѣ съ одной общины рыболововъ. У намѣстника были тіуны, но и волостель, какъ видно изъ грамоты, является къ рыболовамъ не одинъ, а съ своимъ тіуномъ [1]).

[1]) Волостелнымъ людямъ (такъ же, какъ намѣстничьимъ) запрещается ѣздить на пиры незваннымъ. А. Э. I № 143.

Другія грамоты показываютъ намъ, какъ эти волостели съ ихъ тіунами, близкіе къ населенію, вторгались въ управленіе общинъ, спеціально ввѣренныхъ ихъ попеченію. Къ нимъ прежде всего переходитъ право распоряженія общинными угодьями, или альмендой по нѣмецкой терминологіи.

Право распоряженія альмендой, какъ мы видѣли, составляло одно изъ основныхъ началъ общинной „конституціи“. Чтобы дать возможность монастырю сѣчь дрова и бревна на хоромы въ волостномъ лѣсу, князь обращался съ соотвѣтствующимъ распоряженіемъ къ волостной общинѣ, къ „старостѣ и всѣмъ христіанамъ“. Такъ дѣлалось, гдѣ волости были самостоятельны, какъ это видно изъ цитированной раньше грамоты, обращенной къ Бѣлозерской волости Угла. Тамъ же, гдѣ въ волости былъ волостель съ тіунами, онъ въ такихъ дѣлахъ заслонялъ собою выборное общинное начальство. Такъ, Углицкій князь, въ 1487 году, предоставляя монастырскимъ крестьянамъ право „ѣздить по дрова и по бревна“ въ лѣсъ, принадлежавшій Передольской волости, обращается въ своей грамотѣ не къ старостѣ и крестьянамъ, а къ „волостелемъ и тіуномъ“. Монастырскіе крестьяне должны „являть“ эту разрѣшительную грамоту волостелямъ и тіунамъ. „И вы бы — обращается князь къ своимъ чиновникамъ—съ тѣхъ крестьянъ явки и мыта, никоторыхъ пошлинъ не имали“ [1]).

Вмѣстѣ съ правомъ распоряженія общинными угодьями къ волостелю переходитъ и право распоряженія или контроль надъ распоряженіями общины въ отношеніи запустѣвшихъ участковъ и другихъ общинныхъ владѣній. Въ томъ же XV вѣкѣ, къ которому относятся два указанные факта, волостель Гороховской волости Константинъ Симанскій распоряжается запустѣвшимъ селищемъ Дубровки, давая его крестьянамъ братьямъ Кухмыревымъ во владѣніе со льготою на 10 лѣтъ. Этотъ волостель дѣйствуетъ съ согласія выборныхъ общинныхъ властей, онъ „жалуетъ“ крестьянъ Кухмыревыхъ селищемъ, „поговоря съ со Ороломъ съ сотскимъ да съ сусѣды волостными“ (1498). Но раньше волостная община, какъ видно изъ той же грамоты, распоряжалась общинными вла-

[1]) А. А. Э. I, № 121 (1487). Ср. цитированную выше грамоту, относящуюся также къ XV вѣку (1448—1469), гдѣ князь обращается къ старостѣ и крестьянамъ: „И вы бы ему за то не стояли“.

дѣніями совершенно самостоятельно, безъ вмѣшательства волостеля: селище Объѣздъ дано было такъ же, какъ въ данномъ случаѣ, на десятилѣтнюю льготу, сотскимъ Ворошиловымъ, „*поговоря* со своею братьею и *со всею волостью* Гороховскою“ [1]).

Эти факты распоряженія волостеля общинными угодьями указываютъ на тотъ же процессъ постепеннаго подчиненія общины частновладѣльческой власти, который подробно, на основаніи источниковъ сохранившихся въ большемъ изобиліи, описывается нѣмецкими историками. Средневѣковые крупные землевладѣльцы, подчиняя своей власти общины, прежде всего накладывали свою тяжелую руку на общинныя угодья, лѣса, поля и другія земли. Въ ихъ власть, какъ указываетъ Лампрехтъ, прежде всего переходила альменда, при чемъ власть эту они пріобрѣтали различными путями, постепенно, гдѣ раньше, гдѣ позже [2]). У насъ, какъ видно изъ цитированныхъ грамотъ, захватъ альменды князьями совершался чрезъ посредство волостелей.

---

[1]) *Н. Лихачевъ*, „Сборникъ актовъ“, с. 168 и 167. *Соколовскій* не зналъ, кто былъ этотъ К. Симанскій. Въ судномъ спискѣ, напечатанномъ *Н. Лихачевымъ*, Симанскій названъ волостелемъ (Сборн., с. 168). Волостелемъ же былъ, повидимому, и князь Давидъ Ивановичъ, который въ 1491 году, „поговоря (съ) старостою съ Михайломъ Гойтуровичемъ и съ волостными добрыми людьми со всѣми... пожаловалъ Ѳому Ѳедорова сына... поженкою“ въ Кеврольскомъ уѣздѣ (нынѣшнемъ Пинежскомъ уѣздѣ Архангельской губерніи): См. грамоту, напечатанную *П. Ивановымъ*, въ „Древн. Археогр. Ком. Моск. Археол. Общ.“, т. II, 1900, с. 155—156.

[2]) *K. Lamprecht*, „Deutsches Wirtschaftleben“, I, 2, стр. 996.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ФЕОДАЛЬНЫЯ УЧРЕЖДЕНІЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Боярскій самосудъ.

(Иммунитетъ.)

Русскій иммунитетъ—это тѣ обширнѣйшія судебныя и податныя привилегіи, которыя обезпечивались вотчинникамъ жалованными грамотами, льготными и несудимыми, XIII—XVI столѣтій. Эти привилегіи несомнѣнно составляютъ учрежденіе, по существу тожественное съ западно-европейскимъ иммунитетомъ.

Жалованныя грамоты, сохранившіяся въ громадномъ количествѣ, у насъ неоднократно изучались весьма обстоятельно; но всѣ изслѣдователи, за исключеніемъ одного профессора Владимірскаго-Буданова, избѣгали даже намека на существованіе тожественнаго съ русскимъ, германскаго иммунитета. Какъ я уже замѣтилъ, у насъ вообще не принято говорить о сходствѣ русскихъ учрежденій съ феодальными. М. Ф. Владимірскій-Будановъ ограничился бѣглымъ сопоставленіемъ русскаго иммунитета съ западнымъ и по преимуществу съ литовскимъ и польскимъ [1]).

---

[1]) Податныя и судебныя преимущества церквей и монастырей наилучшимъ образомъ, систематически и полно описаны *В. Милютинымъ*, „О недвижимыхъ имуществахъ духовенства въ Россіи“, М. 1861 г., гл. V. (Тоже, „Чтен. Моск. Общ. Ист. и Древн.“, 1859 г. IV, 1860 г. III, 1861 г. I—II). Одновременно съ этимъ изслѣдованіемъ появился сводный текстъ церковныхъ и монастырскихъ, льготныхъ и несудимыхъ грамотъ XIII—XV вѣковъ, составленный тщательно, но по неудачной, слишкомъ дробной системѣ *А. И. Горбуновымъ*: Льготныя грамоты, жалованныя церквамъ и монастырямъ, „Арх. Истор. и Практ. Свѣд.“, кн. I, 1860 г. (статья I), кн. V,

Детальное же сравненіе русскихъ жалованныхъ грамотъ съ иммунитетными дипломами покажетъ, что иммунитетные порядки въ Россіи и на западѣ совпадали во многихъ частностяхъ, и что въ отличительныхъ чертахъ русскаго иммунитета только яснѣе выражается его общая основа съ иммунитетомъ германскимъ. Латинскіе дипломы, при этомъ, помогутъ намъ понять нѣкоторыя неясныя черты порядковъ удѣльнаго времени, а наши льготныя и несудимыя грамоты дадутъ матеріалъ для разъясненія нѣкоторыхъ темныхъ сторонъ иммунитета германскаго.

§ 57. Воспрещеніе княжескимъ властямъ доступа въ частное имѣніе.

Въ дипломахъ франкскихъ королей на иммунитеты, указываетъ Фюстель-де-Куланжъ, одно постановленіе обращаетъ на себя особенное вниманіе, какъ господствующее надъ всѣми другими; это—полное воспрещеніе королевскимъ чиновникамъ вступать въ предѣлы иммунитетнаго имѣнья. Король объявляетъ, что данный монастырь или свѣтскій собственникъ будетъ владѣть своими землями въ полномъ иммунитетѣ, свободный отъ входа судей, *absque introitu judicum*. „Весь иммунитетъ выраженъ въ этихъ трехъ словахъ“—восклицаетъ знаменитый французскій историкъ [1]).

1861 г. (статья II), кн. VI, 1863 г. (гл. III).—Черезъ двадцать лѣтъ эти грамоты были вновь подвергнуты изученію одновременно двумя изслѣдователями. *И. Лаппе* разобралъ судебныя привилегіи духовныхъ и свѣтскихъ землевладѣльцевъ: „Древне-русскіе смѣсные суды“, М. 1882 г. *Д. Мейчикъ* описалъ внѣшнюю форму жалованныхъ грамотъ: „Грамоты XIV—XV вѣка въ Моск. Архивѣ Минист. Юстиціи“, М. 1883 г., гл. II. Отмѣчу далѣе общіе труды по исторіи права и затѣмъ нѣкоторыя монографіи, касающіяся жалованныхъ грамотъ: *К. Неволинъ*, „Истор. росс. гражд. закон.“, т. II, § 272. *М. Ф. Владимірскій-Будановъ*, „Обзоръ истр. русск. пр“., 2-е изд., с. 196—197, 3-е изд., с. 229—230. *В. И. Сергѣевичъ*, „Русск. юрид. древн.“, кн. I, с. 328—330. *К. Неволинъ*, „О пространствѣ церковнаго суда въ Россіи“, Спб. 1847 г., с. 202—206. *К. Аксаковъ*, „Полн. собр. сочин.“, т. I, с. 396, 458—468, 519—556. *Ѳ. Дмитріевъ*, „Истор. судебн. инстанцій“, 1859 г., с. 91—119 *Митр. Макарій*, „Истор. русск. церкви“, кн. II, 1886 г. с. 47—70. *Н. Л. Дювернуа*, „Источники права и судъ въ древней Россіи“, М. 1869 г. *М. Горчаковъ*, „О земск. владѣніяхъ всер. митропол.“, Спб. 1871, с. 249—264.

[1]) *Fustel de Coulanges*, „Les origines du système féodal: le bénéfice et

Это же самое постановленіе, сразу открывающее намъ все своеобразіе государственныхъ отношеній древности, лежитъ въ основѣ русскихъ жалованныхъ грамотъ. Частныя владѣльческія земли здѣсь также объявляются недоступными для властей великаго князя. Княжескіе намѣстники, волостели и низшіе провинціальные чиновники: тіуны, доводчики, пошлинники, таможники, лишаются права *въѣзжать въ околицу* монастыря или свѣтскаго вотчинника.

Дипломы франкскихъ королей гласятъ слѣдующее:

„Ни одинъ представитель государственной власти да не осмѣлится вступить въ эти владѣнія“; или „ни одинъ государственный чиновникъ не долженъ имѣть сюда доступа, въ села монастыря“ [1]).

Въ нашихъ жалованныхъ грамотахъ читаемъ:

„А волостели мои въ околицу его (игумена) не въѣзжаютъ; — а волостели мои и ихъ тіуны и доводщики въ тѣ деревни не въѣзжаютъ;—а намѣстницы мои и волостели и ихъ тіуны не въѣзжаютъ къ NN, ни къ ихъ людямъ ни по что“ [2]).

Въ постановленіи о невъѣздѣ мѣстныхъ властей во владѣнія частнаго собственника ярко выражается сущность иммунитета.

---

le patronat“, c. 367—368. То же отмѣтилъ *G. L. Maurer*, „Gesch. der Fronhöfe, der Baurnhöfe und der Hofverf. in Deutschland“, т. I, c. 284.

[1]) In illas possessiones nulla umquam judiciaria potestas praesumat ingredi (Дипломъ 661 г.). Nullus judex publicus ibidem introitum nec ingressum habere debeat (дипломъ 696 г.), in villas eclesiae... non praesumat ingredire (Formulae Marculfi, I, № 3). *Fustel de Culanges*, op. cit., c. 368. Такія же выраженія въ каролингскихъ дипломахъ см. *G. Waitz*, „Deutsche Verfassungsgeschichte“, т. IV, изд. 2, 302.

[2]) А. Ист., I, № 81 (1430 — 1456, рязанская грамота), А. Арх. Эксп. I, № 47 (1450, *Бѣлоозеро*), idem, № 44 (*Москва*).—Формула: „волостель въ околицу (или въ уѣздъ) не въѣзжаетъ“ постоянно встрѣчается въ *рязанскихъ* жалов. грамотахъ: А. Ист. I, № 36, 81. Грамота 1419 г. у *Д. Иловайскаго*, Сочиненія, стр. 216. Акты А. Юшкова, №№ 8, 11 и другіе. Та же формула въ *тверской* грамотѣ 1361—1365 г.: „намѣстники наши и волостели, данщицы, пошлинники... ать не въѣздятъ, не всылаютъ къ монастырскимъ людямъ ни по что“: А. А. Э. I, № 5. Она встрѣчается также въ нѣсколькихъ грамотахъ *можайскихъ* князей: „Р. Истор. Библ.“, т. II, № 12. Эта формула во многихъ грамотахъ—а въ *московскихъ* постоянно (кромѣ рѣдкихъ исключеній) замѣняется тождественнымъ по смыслу выраженіемъ: „а волостели мои къ тѣмъ людямъ *не всылаютъ* ни по что“ (Р. И. Б. II, № 9).

Королевскіе чиновники, лишенные доступа въ частное имѣніе, теряютъ возможность проявлять свою власть на его населеніи. Вмѣстѣ съ тѣмъ привилегированный землевладѣлецъ и всѣ люди, живущіе на его землѣ, освобождаются въ большей или меньшей степени: 1) отъ подчиненія мѣстной судебной власти и 2) отъ налоговъ, пошлинъ и повинностей въ пользу казны или въ пользу чиновниковъ. Освобожденный отъ подвѣдомственности мѣстнымъ властямъ, землевладѣлецъ становится въ непосредственную зависимость отъ высшей государственной власти, отъ короля. По отношенію же къ населенію своей вотчины онъ самъ занимаетъ то мѣсто, которое освободилось съ устраненіемъ королевскихъ чиновниковъ; въ его руки переходятъ функціи судьи и сборщика налоговъ.

Въ одной изъ грамотъ Пипина постановляется, что монастырь будетъ владѣть своею землею „въ полномъ иммунитетѣ, свободный отъ въѣзда судей и поборовъ казны: sub integra immunitate, absque introitu judicum vel fisci publici repetitionibus possidere“. Въ этихъ словахъ, замѣчаетъ Вайцъ, сжато указаны рядомъ обѣ главныя стороны иммунитета [1]). Существенное его содержаніе составляютъ привилегіи двухъ родовъ, судебныя и податныя.

Тѣ же самыя привилегіи лежатъ въ основѣ и русскаго иммунитета. Къ нему приложимо все то, что я сказалъ выше о существѣ иммунитета германскаго. Вотчинникъ, духовный или свѣтскій и его люди по жалованнымъ грамотамъ свободны отъ даней и пошлинъ. Для населенія вотчины княжескаго волостеля и данщика замѣняетъ вотчинникъ; для него же ихъ замѣняетъ самъ князь. Жалованныя грамоты сообразно съ этимъ назывались въ древности *несудимыми* и *льготными*. Можайскій и Бѣлозерскій князь Андрей Дмитріевичъ въ одной грамотѣ, около 1400 г., слѣдующимъ образомъ кратко формулировалъ основныя положенія иммунитета: 1) людямъ игумена Кирила „непадобѣ моя дань, ни иная никоторая пошлина, 2) волостели мои къ тѣмъ людямъ не всылаютъ ни по что, ни судятъ, 3) а тѣхъ людей вѣдаетъ и судитъ игуменъ Кирило самъ“ [2]).

---

[1]) *G. Waitz*, „Deutsche Verfassungsgeschichte“, т. IV, изд. 2, с. 302, прим. 2.

[2]) „Р. Ист. Библ.“, т. II, № 9.

§ 58. Судебныя привилегіи.

Я сопоставилъ русскій иммунитетъ съ западнымъ въ общихъ чертахъ. Это только начало длиннаго изслѣдованія. Въ русскихъ жалованныхъ грамотахъ мы нашли такое же, какъ въ западныхъ дипломахъ, чрезвычайно характерное постановленіе о невъѣздѣ княжескихъ волостелей въ частновладѣльческую вотчину. Русскій иммунитетъ такъ же, какъ германскій, состоялъ изъ извѣстнаго рода судебныхъ и податныхъ привилегій. Необходимо выяснить точнѣе характеръ и объемъ этихъ привилегій. Населеніе привилегированной вотчины, какъ я сказалъ, освобождалось отъ суда княжескихъ властей; но было ли это освобожденіе отъ мѣстной юрисдикціи полнымъ и безусловнымъ, или же оно ограничивалось только дѣлами извѣстнаго рода, и въ такомъ случаѣ, какими именно?

Дипломы меровинговъ и каролинговъ, несмотря на то, что они написаны длинно, краснорѣчивыми латинскими фразами, даютъ сравнительно мало данныхъ для разрѣшенія этихъ вопросовъ. Только одна сторона судебныхъ привилегій иммуниста опредѣлена въ нихъ точно и вполнѣ ясно: королевскія власти ни въ какомъ случаѣ не имѣютъ права производить судебныя дѣйствія въ его владѣніяхъ; они не имѣютъ права въѣзжать сюда ни для суда, ни для расправы. Въ дипломы постоянно включалось слѣдующее стереотипное постановленіе: „ни одинъ судья да не войдетъ въ это имѣнье ни для судебнаго разбирательства, ни для взысканія виръ, ни для задержанія поручниковъ“ [1]). Мѣстные судьи безусловно лишаются исполнительной судебной власти по отношенію къ людямъ привилегированнаго землевладѣльца. Если бы они и судили этихъ людей, то должны бы были обращаться къ его посредничеству, чтобы подвергнуть наказанію виновнаго, или чтобы обезпечить явку отвѣтчика въ судъ, посредствомъ задержанія поручниковъ.

Передача иммунисту исполнительной судебной власти разсматривается, какъ самая важная сторона его судебныхъ преимуществъ, какъ основа его власти въ отношеніи людей, живу-

[1]) Nullus judex publicus non praesumat ingredi ad causas (altercationes) audiendas, aut freta exigenda, aut fideijussores tollendos.

щихъ на его землѣ. Дипломы не настаиваютъ на томъ, чтобы графъ не судилъ вообще людей иммуниста, но онъ не долженъ касаться ихъ помимо ихъ господина, не имѣетъ права заставить ихъ подчиниться своему судебному приговору.

Тѣмъ же самымъ взглядомъ проникнуты постановленія и нашихъ жалованныхъ грамотъ. Любопытно совпаденіе этихъ оригинальныхъ точекъ зрѣнія, чуждыхъ нашему времени. Наши грамоты также особенно настаиваютъ не на томъ, чтобы намѣстники и волостели не судили монастырскихъ людей, но чтобы они не вступались въ нихъ самостоятельно, помимо игумена, чтобы они не всылали къ нимъ своихъ приставовъ, доводчиковъ, праветчиковъ, дворянъ (такъ назывались тогда иначе пристава), не взыскивали съ нихъ судебныхъ пошлинъ или пени [1]).

Исполнительная судебная власть принадлежала привилегированному землевладѣльцу даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ судилъ своихъ людей не единолично, но совмѣстно съ княжескимъ намѣстникомъ или волостелемъ. Такіе совмѣстные, „смѣсные“ суды могли дать поводъ намѣстнику проявить свою власть на людяхъ игумена-иммуниста; поэтому грамоты настойчиво повторяютъ, что и въ случаяхъ смѣснаго суда личность подчиненнаго игумену человѣка остается неприкосновенной для княжескихъ властей, что они не имѣютъ права взыскивать съ него пеню, „вину“. „А правъ ли будетъ или виноватъ монастырскій человѣкъ, и онъ правъ и виноватъ монастырю, игумену съ братьею, а намѣстники мои, волостели и ихъ тіуни въ монастырскаго человѣка не вступаются ни въ праваго, ни въ виноватаго (не емлютъ по немъ ничего), а вѣдаетъ игуменъ въ правдѣ и въ винѣ своего человѣка самъ. А правъ ли и виноватъ ли городской или волостной человѣкъ будетъ, и онъ въ правдѣ и въ винѣ намѣстникомъ моимъ и волостелемъ и ихъ тіуномъ, и имъ истцево заплотятъ“ [2]). Наиболѣе обычная позднѣйшая, краткая формула

---

[1]) „А волостели мои и ихъ тіуни доводчиковъ своихъ не всылаютъ къ Ивану (Петелину) и ко всѣмъ его людемъ ни по что“ (А. А. Э., I, № 46, 1450. Тоже, Р. И. Б. II, № 21). „А намѣстники мои и ихъ тіуни не всылаютъ дворянъ своихъ въ то село и въ деревни ни по что“ (А. А. Э., I, № 37, 1440).—„Ни праветчики, ни доводчики къ тѣмъ людямъ не въѣзжаютъ, ни поборовъ у нихъ не берутъ“ (Р. И. Б. II, № 23, 1447).

[2]) Ак. Ист. I, № 15 (1404). Слова въ скобкахъ: изъ № 28 (1425). „А

этихъ постановленій: „А правъ ли будетъ, виноватъ ли монастырскій человѣкъ, и онъ въ правдѣ и въ винѣ игумену съ братьею или ихъ приказчику“ [1]).

Западные иммунитетные дипломы, какъ указано выше, говорятъ обыкновенно лишь о предоставленіи землевладѣльцу исполнительной судебной власти. Но судебныя привилегіи его этимъ не ограничивались. Иммунисту принадлежало не только право приводить въ исполненіе судебныя рѣшенія королевскаго судьи, графа, но и право самому судить своихъ людей по извѣстнаго рода дѣламъ. Люди, жившіе въ иммунитетномъ имѣньи, подлежали суду графа въ тѣхъ случаяхъ, когда они привлекались къ отвѣтственности посторонними лицами; взаимныя же ихъ тяжбы разбирались и разрѣшались единолично ихъ господиномъ—вотчиннымъ судьей. Принадлежность иммунисту права судить его людей, т.-е. людей, жившихъ на его землѣ,—по ихъ взаимнымъ претензіямъ, признается единогласно западно-европейскими историками.

Обычная редакція дипломовъ не даетъ, однако, безспорной опоры этому взгляду, и поэтому Фюстель-де-Куланжъ высказываетъ его лишь въ видѣ предположенія: „намъ кажется, что суду иммуниста подлежали дѣла такого рода, въ которыхъ обѣ стороны принадлежали одинаково привилегированному домену“ [2]).

будетъ виноватъ монастырскій человѣкъ и онъ поѣдетъ [пойдетъ] и въ винѣ и въ продажѣ къ архимандриту, и во всѣхъ пошлинахъ, а намѣстники мои и волостели въ то ся не вступаютъ“ (А. А. Э. I, № 18, 1417, Н.-Новгор.). „А будетъ судъ смѣсной, ино правъ ли будетъ, виноватъ ли архимандричь человѣкъ, ино возьметъ своего человѣка архимандритъ и въ правдѣ и въ винѣ, а намѣстники мои и ихъ тіуни въ монастырского человѣка не вступаются“ (А. А. Э. I, № 39, 1446).

[1]) Напр., А. Ист. I, № 125 (1518). Варіанты этой формулы:—„Правъ ли виноватъ ли монастырскій человѣкъ—монастырю въ винѣ и въ посулѣхъ, а волостной—волостелю“ (А. А. Э. I, № 35, 1461, Тверь). (Тоже, „Р. Ист. Б.“, II, № 21, Бѣлоозеро). „А правый и виноватый волостной человѣкъ—волостелю, а монастырскій правый и виноватый—игумену. А праваго и виноватаго, волостного и монастырскаго—который же судья собѣ знаетъ своего праваго и виноватаго“ (А. Юр. Б. № 31, 1433, Звенигородъ). „А кто волостной человѣкъ въ чемъ утяжетъ игумнова человѣка, ино на игумновыхъ людяхъ волостелю вины не имать“ (Р. И. Б., II, № 8, до 1432, Можайскъ). Сводъ этихъ постановленій (кромѣ текстовъ „Р. Ист. Библ.“) см. *П. Ланге*, Др.-р. смѣсные суды, стр. 138—144.

[2]) „Les origines du syst. féodal“, с. 379.

Наши жалованныя грамоты, въ противоположность западнымъ, даютъ опредѣленный точный отвѣтъ по этому вопросу, косвеннымъ образомъ вполнѣ подтверждая предположенія западно-европейскихъ историковъ. Въ тверской грамотѣ XVI вѣка сказано ясно: „который судъ будетъ *межи монастырскихъ людей*, судитъ ихъ и дворянъ даетъ монастырскій тивунъ одинъ, а нашимъ судьямъ ненадобѣ ни по что“ [1]). Содержащіяся въ большей части грамотъ постановленія о смѣсномъ судѣ точно опредѣляютъ объемъ власти вотчиннаго судьи. Великіе князья постановляютъ иногда слишкомъ категорически: „намѣстники наши и ихъ тіуны не судятъ тѣхъ людей *ни въ чемъ*, а судитъ свои люди игуменъ самъ или кому прикажетъ“. Но говоря такъ, князья имѣютъ въ виду единственно „судъ межъ монастырскихъ людей“, такъ какъ вслѣдъ затѣмъ они постановляютъ, что если „монастырскіе люди смѣшаются судомъ съ волостными людьми“, то ихъ судитъ игуменъ не единолично, а совмѣстно съ княжескимъ волостелемъ или намѣстникомъ.

Итакъ, у насъ, совершенно такъ же, какъ на западѣ, иммунитетнымъ землевладѣльцамъ предоставлялись: 1) исполнительная судебная власть вообще, 2) право судить своихъ людей по ихъ взаимнымъ распрямъ. Посмотримъ теперь, какой порядокъ установленъ былъ на западѣ для рѣшенія дѣлъ, возникавшихъ между людьми привилегированнаго домена и посторонними лицами, и въ какой мѣрѣ соотвѣтствовали этому порядку существовавшіе въ Россіи для дѣлъ этого рода и упомянутые уже нами, смѣсные или вобчіе суды.

Дипломы времени каролинговъ установляли два различныхъ порядка рѣшенія этихъ дѣлъ. По нѣкоторымъ дипломамъ, какъ указываетъ Вайцъ, люди привилегированнаго имѣнья не могли быть вообще вызываемы въ обычные суды, не могли быть судимы графомъ даже и въ томъ случаѣ, когда они являлись отвѣтчиками передъ посторонними лицами; они подвѣдомственны были единственно иммунитетному вотчинному суду свѣтскаго землевладѣльца и епископа или его замѣстителя, монастырскаго судьи-фохта [2]).

---

[1]) А. А. Э., I, № 5 (1361—1365).

[2]) Nullus judex publicus neque ulla potestas eos in quoquam constringere audeat... Si vero aliquis fuerit, qui contra istis hominibus... aliquas justicias requirere aut exactare voluerit, tunc advocati et ministri ipsius

По другимъ грамотамъ, монастырскіе люди, привлекаемые къ отвѣтственности посторонними лицами, обязаны были являться на судъ къ графу, но не иначе, какъ въ сопровожденіи фохта, и судебное разбирательство должно было производиться въ присутствіи этого представителя власти иммунитетнаго монастыря. „Да будутъ они судимы властями, сказано въ одной изъ грамотъ этого рода, не иначе, какъ предъ адвокатомъ (фохтомъ), нами установленнымъ“ [1]).

Въ удѣльной Руси существовалъ нѣсколько отличный отъ этого порядокъ рѣшенія дѣлъ между людьми, жившими на частновладѣльческихъ, и людьми, жившими на государственныхъ земляхъ. Такія дѣла во всѣхъ удѣльныхъ княжествахъ рѣшались, какъ сказано, смѣснымъ или вобчимъ судомъ, на которомъ игуменъ или его приказчикъ судилъ вмѣстѣ съ намѣстникомъ или волостелемъ, какъ равноправные представители власти. Въ тверской грамотѣ XIV вѣка читаемъ: „А смѣшаются судомъ монастырскіе люди съ волостными людьми, судитъ монастырскій тивунъ, съ посельскимъ вмѣстѣ съ нашими судьями“. Наиболѣе часто встрѣчается въ грамотахъ слѣдующая редакція этихъ постановленій: „А случится судъ смѣсный (судъ вобчей) городскимъ людямъ или волостнымъ съ монастырскими людьми, и намѣстники мои и ихъ тіуны тѣхъ людей судятъ, а игуменъ съ ними судитъ, или кому прикажетъ въ свое мѣсто (или его приказчикъ)“ [2]).

---

monasterii illud, prout justum est, diligenter rei veritatem inquirere studeant et emendant... Дипломъ 18-го января 853 г.: *W. Altmann und Ern. Bernheim*, „Ausgewählte Urkunden“, 2 изд., № 116 (изъ „Monum. Boica“, t. XXVIII). *Waitz*, „D. Verfassungsgeschichte“, т. IV, с. 451, 453.

[1]) Non alio modo a judiciariis potestatibus distringantus nisi coram advocato a nobis constituto.—Ibi (in mallum legitimum comitis) una cum advocato ecclesiae venire non differant. *Waitz*, т. IV, с. 453, прим. 1 и с. 451, прим. 2.

[2]) А. А. Э. I. № 5—А. Ист., I, № 15, (1404, Звенигор.), А. А. Э., I, № 99 (1473) и др.—„А смѣшается судъ монмъ людямъ волостнымъ съ игумновыми людьми и намѣстники мои судятъ, а игуменъ съ ними“ (Бѣлооз. 1435—1447): Р. Ист. Б., II, № 21. „А сведется судъ монастырскимъ людямъ съ волостными и *игуменъ судитъ*, а намѣстникъ съ нимъ“ (тоже, № 23). Эта редакція, я думаю, равнозначуща по смыслу съ предыдущей.—Кромѣ выраженій: „случится, смѣшается, сведется судъ“, встрѣчается еще слѣдующее: „а сплетется монастырскій человѣкъ съ городскимъ или волостнымъ (и игуменья судитъ съ намѣстникомъ вмѣстѣ)“: А. А. Э. I, № 35 (Тверь, до

На западѣ, такимъ образомъ, смѣстныя дѣла разбирались и рѣшались или монастырскими властями, или королевскими въ присутствіи представителя монастыря; у насъ—княжескими властями совмѣстно съ монастырскими. На западѣ судилъ или фохтъ единолично, или графъ въ присутствіи фохта, у насъ—намѣстникъ вмѣстѣ съ игуменомъ.

Отличіе замѣтное, но отнюдь не существенное, не измѣняющее существа учрежденія. Въ порядкѣ русскаго смѣснаго суда вполнѣ ясно выразился основной принципъ иммунитета, принципъ подвластности лица землевладѣльцу-господину. Смѣсный судъ представлялъ собою удачное примиреніе интересовъ двухъ сталкивавшихся властей—иммуниста землевладѣльца и княжескаго намѣстника. Онъ не нарушалъ обширной судебной власти, предоставлявшейся землевладѣльцу, и ограничивалъ ее гораздо менѣе, чѣмъ нѣкоторые западные дипломы, по которымъ люди иммуниста, по искамъ постороннихъ лицъ, подлежали юрисдикціи графа. Смѣсные суды не умаляли судебной власти игумена надъ его людьми, но, напротивъ того, были полнымъ ея признаніемъ. Игуменъ являлся въ судъ, какъ равноправный представитель власти, онъ судилъ вмѣстѣ съ княжескимъ намѣстникомъ и не только тѣ дѣла, въ которыхъ отвѣтчиками были подвластные ему монастырскіе люди, но и тогда, когда отвѣтчикомъ былъ независимый отъ него волостной человѣкъ. Нѣкоторыя грамоты до такой степени охраняли самостоятельность монастырской власти и ненарушимость монастырской территоріи, что даже опредѣляли, что смѣсный судъ долженъ засѣдать на нейтральной территоріи, на границѣ между владѣніями монастыря и княжескими землями, какъ если бы дѣло шло о территоріяхъ двухъ независимыхъ государствъ. Княжескіе намѣстники должны были „чинить исправу“ по смѣснымъ дѣламъ, „съѣхався на рубежъ“ съ митрополичьими волостелями и приказчиками [1]).

1461).—Въ нѣкоторыхъ грамотахъ XVI вѣка встрѣчаемъ слѣдующіе интересные варіанты: „а игуменъ съ братьею или ихъ приказчикъ тутo жъ въ судѣ сидятъ“,—„у намѣстниковъ и у ихъ тіуновъ своихъ людей въ судѣ берегутъ“. См. *Н. Лаше*, о. с., с. 119.

[1]) А. Ист. I, 215. (Грамота митр. Кипріану, 1331—1409). — „Судъ имъ изстарины на рубежи, на нихъ кто чего взыщетъ, или они на комъ чего взыщутъ“ (1465—73): *Д. Мейчикъ*, Грамоты, с. 24, прим. О началахъ смѣс-

Говоря раньше о правѣ привилегированнаго землевладѣльца судить взаимныя тяжбы его людей, я не касался вопроса о томъ, насколько полнымъ было это право, простиралось ли оно на всѣ дѣла, какъ гражданскія, такъ и уголовныя. Переходя теперь къ разсмотрѣнію этого вопроса, я обращусь сначала къ русскимъ жалованнымъ грамотамъ, такъ какъ онѣ даютъ на него точный отвѣтъ, тогда какъ западные дипломы въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, оставляютъ мѣсто для сомнѣній.

Въ Тверскомъ княжествѣ монастырямъ предоставлялось судить судъ межъ монастырскихъ людей по всѣмъ дѣламъ безъ изъятія, какъ уголовнымъ, такъ и гражданскимъ: „А что ся учинитъ или разбой, или душегубство, или татьба, который судъ будетъ межи монастырскихъ людей, судитъ ихъ и дворянъ даетъ монастырскій тивунъ одинъ, а нашимъ судьямъ ненадобѣ ни по что“ [1]). Какъ видно изъ грамотъ, тверскіе князья, а также, можетъ быть, и рязанскіе предоставляли монастырямъ право суда надъ ихъ людьми въ полномъ объемѣ не только въ XIV, но и въ XV вѣкѣ [2]). Надо думать, что такой же порядокъ дѣйствовалъ въ древнѣйшее время и въ Московскомъ и въ другихъ княжествахъ Ростово-Суздальской земли.

Но въ Московскомъ княжествѣ уже въ первой половинѣ XIV сто-

наго суда вообще, см. *Н. Дювернуа*, „Источн. права и судъ въ др. Россіи“ Для смѣсныхъ судовъ между княжествами встрѣчались особыя *„судебни на рубежи“* („судебня на рубежи на бѣлоозерскомъ и на вологодскомъ, гдѣ съѣзжались судьи вопчіе судити“, 1482): *С. Шумаковъ*, „Обз. грам. колл. экон.“, в. II, с. 113. („Чт. М. О. И. и Др.“, 1900, III).

[1]) А. Арх. Эксп., I, № 5 (1361—1365).

[2]) Цитированная въ текстѣ тверская грамота была подтверждена въ 1437 — 1461 гг.: А. А. Э., I, № 34. Въ другой тверской грамотѣ XV вѣка также предоставленъ судъ въ полномъ объемѣ: А. А. Э., I, № 35. Въ рязанскихъ грамотахъ повторяется одна и та же, отличавшаяся отъ другихъ грамотъ, формула: „волостель мой въ его уѣздъ не въѣзжаетъ... а рѣзанка (рѣзанью и съ), 60, вина, поличное и татинъ рубль волостелю моему не идетъ, что учинится татьба въ его уѣздѣ промежъ его людей“. (А. Ист., I, № 36, 1430 — 1456, I, № 81, 1464—1501). Та же формула во вновь напечатанныхъ рязанскихъ грамотахъ свѣтскимъ землевладѣльцамъ: Акты Юшкова, № 8 (1422—1456), № 11 (Пронскъ). *Лаппе* думаетъ, что эта формула предоставляетъ судъ въ полномъ объемѣ. Но такъ какъ въ ней особо упоминается одна лишь татьба, то можно полагать, что судъ о душегубствѣ исключался изъ вѣдѣнія вотчинниковъ.

лѣтія важнѣйшія уголовныя дѣла, *дѣла о душегубствѣ* начали исключаться изъ вѣдѣнія монастырскаго суда [1]). Въ XV столѣтіи какъ въ Московскомъ великомъ княжествѣ, такъ и въ мелкихъ княжествахъ Ростово-Суздальской области (Угличскомъ, Бѣлозерскомъ, Нижегородскомъ, и др.) вотчинный судъ духовныхъ и свѣтскихъ землевладѣльцевъ обыкновенно стѣснялся изъятіемъ изъ его вѣдѣнія дѣлъ о душегубствѣ, а иногда и другихъ уголовныхъ дѣлъ [2]). Наконецъ, въ XVI столѣтіи въ Московскомъ государствѣ права вотчинныхъ судей были еще болѣе стѣснены; по общему правилу имъ предоставлялось судить своихъ людей лишь по гражданскимъ дѣламъ, *„опричь душегубства, татьбы и разбоя съ поличнымъ“*.

Переходя теперь отъ этихъ ясныхъ постановленій нашихъ грамотъ къ западнымъ дипломамъ, мы встрѣчаемся въ нихъ все съ той же неопредѣленной статьей о невъѣздѣ королевскихъ

---

[1]) Дмитрій Донской постановилъ (1363—1389) въ грамотѣ Троице-Сергіеву монастырю: „въ разбоѣ и въ татьбѣ ихъ бояря мои не судятъ“ (А. А. Э., № 7). Позднѣйшая формула „опрочѣ татьбы и разбоя и душегубства“ встрѣчается уже въ грамотѣ Іоанна Калиты. А. А. Э., I, № 4, 1338—1340.

[2]) Въ трехъ *бѣлозерскихъ* грамотахъ 1437, 1438, 1450 гг. игуменъ судитъ своихъ людей „опричь одного душегубства“ (А. А. Э., I, №№ 31, 36, 47). Тоже въ *угличскихъ* грамотахъ 1414, 1440 гг. (А. Э., № 19, 37, А. Юр. Б., № 31, IV); но въ угличской же грамотѣ, позднѣйшей, 1486 г., вмѣстѣ съ душегубствомъ изъемлется изъ вотчиннаго суда также „разбой съ поличнымъ“ (А. Э., I, № 119). Иногда князья одновременно различнымъ монастырямъ предоставляли различныя судебныя права; иногда, по какимъ-то особымъ соображеніямъ, одному и тому же монастырю одновременно давали различныя права на разныя земли. Такъ, *бѣлозерскій* князь, въ двухъ грамотахъ, данныхъ имъ въ 1435 — 1447 гг. Кирилову монастырю, даетъ право суда безъ ограниченій, а въ третьей, данной тому же монастырю, въ тѣ же годы, включаетъ оговорку: опричь душегубства. (Р. Ист. Б., II, № 21, 22, 23). Грамоты 1397—1432 гг., данныя игумену Кирилу,—двѣ безъ ограниченій, двѣ съ ограниченіемъ: опричь душегубства (Р. Ист. Б., II, №№ 8, 9 и 6, 15). Въ грамотѣ, данной преемнику игумена Кирила (Христофору),—уже полное ограниченіе суда: „опричь душегубства, разбоя и татьбы съ поличнымъ“ (ib., № 12). Между тѣмъ, въ грамотѣ, данной около того же времени тѣмъ же, можайскимъ и бѣлозерскимъ княземъ другому, Троице-Сергіеву монастырю,—нѣтъ никакихъ ограниченій права суда (А. А. Э., I, № 38, 1443). Въ *нижегородскихъ* грамотахъ весьма рано, въ 1410—1417 гг., находимъ полное ограниченіе (А. А. Э., № 17, 18). О *московскихъ* грамотахъ см. ниже, § 61.

чиновниковъ на земли иммуниста для производства здѣсь какихъ-либо судебныхъ дѣйствій (ad causas audiendas vel freda exigenda aut fideijussores tollendos etc.) и только.

Въ нѣкоторыхъ дипломахъ и другихъ актахъ времени Карла Великаго и его преемниковъ встрѣчаются, однако, данныя, заставляющія Вайца признать, что въ это время уголовныя дѣла были, по общему правилу, изъяты изъ вѣдѣнія иммунистовъ. Такъ, напримѣръ, въ дипломѣ на иммунитетъ, данномъ королевскимъ лѣсничимъ, было опредѣлено, что графы и другіе королевскіе чиновники не имѣютъ права судить ихъ ни въ чемъ, кромѣ криминальныхъ дѣлъ: nullus comes aut judiciaria potestas eos de quibuslibet rebus distringere praesumat *excepto criminalibus causis* [1]). Вайцъ не соглашается съ мнѣніемъ, что уголовныя дѣла лишь съ теченіемъ времени, съ усиленіемъ королевской власти при Карлѣ Великомъ, были изъяты изъ вѣдѣнія землевладѣльцевъ. Онъ полагаетъ, какъ и нѣкоторые другіе историки, что постановленія Карла выражали собою практику, дѣйствовавшую съ древнѣйшаго времени, съ эпохи меровинговъ.

Если это мнѣніе правильно, то въ такомъ случаѣ слѣдуетъ признать, что русскій иммунитетъ въ XIV столѣтіи имѣлъ большій объемъ и большее значеніе, чѣмъ иммунитетъ времени меровинговъ. Замѣтное по русскимъ грамотамъ XIV—XVI вѣковъ постепенное ограниченіе судебныхъ правъ вотчинниковъ убѣждаетъ насъ, что въ древнѣйшее время вотчинники вообще такъ же, какъ въ Тверскомъ княжествѣ еще въ XIV и XV вѣкахъ, пользовались правомъ судить своихъ людей по всѣмъ дѣламъ, какъ гражданскимъ, такъ и уголовнымъ. Можно заключить, по аналогіи, что и на западѣ, при меровингахъ, объемъ власти вотчинныхъ судей былъ шире, чѣмъ въ позднѣйшее время и что,—такъ же какъ у насъ въ XV—XVI вѣкахъ,—онъ былъ ограниченъ исключеніемъ изъ его вѣдѣнія криминальныхъ дѣлъ при Карлѣ Великомъ, съ усиленіемъ центральной государственной власти [2]).

---

[1]) *G. Waitz*, D. „Verfassungsgesch", т. VI, 454, 457. Ср. *Fustel de Coulanges* o. c., c. 379—380.

[2]) *Laferrière* и *Walter* полагаютъ, что и при Карлѣ В. церковный судъ простирался на уголовныя дѣла. И, дѣйствительно, капитулярій 803 г. постановляетъ, ut habeant ecclesiae eorum justitias, *tam in vita illorum,*

§ 59. Податныя привилегіи.

Отъ судебныхъ привилегій иммунистовъ я перейду къ ихъ привилегіямъ податнымъ. Сравненіе русскихъ и западныхъ иммунитетовъ, со стороны ихъ податныхъ привилегій, не представляетъ затрудненій, такъ какъ въ этомъ отношеніи западные дипломы столь же ясны и опредѣленны, какъ и русскія жалованныя грамоты.

Королевскіе дипломы такъ же, какъ наши княжескія грамоты, большею частью совершенно освобождаютъ населеніе монастырскихъ земель отъ платежа какихъ бы то ни было податей, пошлинъ или повинностей. „Ни одинъ изъ нашихъ чиновниковъ да не вступитъ на эти земли для производства какихъ-либо взысканій, для сбора налоговъ, которыя до этого времени взимались въ казну“ [1]). Нерѣдко при этомъ король прямо поясняетъ, что онъ уступаетъ монахамъ все то, что раньше взималось съ монастырскихъ людей въ пользу казны [2]). Иногда же, устраняя чиновниковъ отъ сбора налоговъ въ монастырскихъ владѣніяхъ, король постановляетъ, что взамѣнъ обычныхъ налоговъ аббатъ долженъ вносить въ казну извѣстную сумму денегъ за своихъ людей [3]). Въ этомъ случаѣ монастырскіе люди не освобождались собственно отъ податей, но они, согласно съ основнымъ принципомъ иммунитета, безусловно освобождались отъ податной отвѣтственности предъ общими властями. Королевскіе чиновники (judices) во всякихъ

qui habitant in ipsis ecclesiis, quamque in pecuniis et substantiis eorum. См. Waitz, т. IV, с. 455, прим. 1.

[1]) Nulla judiciaria potestas ...ad aliquid exactandum ingredi audeat (Dipl. a. 635),—quidquid fiscus undecunque poterat sperare (exactare) (Marculfus I, 3. Dipl. a. 716). См. *F. de Coulanges*, „Les origines“, с. 392. Соотвѣтствующія выраженія изъ грамотъ Карла В, см. *G. Waitz*, т. IV, с. 302, пр. 2.

[2]) Formulae Marculfi, I, 3: in luminaribus sancti ecclesiae ...per manu agentium eorum proficiat in perpetuum. Большая часть дипломовъ говоритъ лишь объ устраненіи королевскихъ чиновниковъ отъ сбора налоговъ на монастырскихъ земляхъ, но, какъ поясняетъ *Вайцъ*, эту статью надо понимать въ смыслѣ полнаго освобожденія монастырскихъ людей отъ налоговъ: „D. Verfassungsgesch.“, т. IV, с. 312, 313.

[3]) *F. de Coulanges*, op. cit., с. 394.

комъ случаѣ отстранялись отъ сбора налоговъ; аббатъ взыскивалъ налоги по своему усмотрѣнію и отвѣчалъ за своихъ людей передъ королевскимъ фискомъ.

Совершенно такіе же порядки установляются русскими грамотами удѣльнаго періода. Монастырскіе люди бо̀льшею частью безусловно освобождаются отъ уплаты какихъ бы то ни было налоговъ. „Тѣмъ людемъ ненадобѣ имъ моя дань, ни иная никоторая пошлина“ — кратко и опредѣленно постановляютъ можайскіе и бѣлозерскіе князья (въ началѣ XV вѣка) [1]). Обыкновенно же грамоты, указывая, что съ монастырскихъ людей слагаются всякія подати (дани), пошлины и натуральныя повинности, перечисляютъ, для примѣра, налоги разнаго рода: „тѣмъ людемъ ненадобѣ моя дань, ни писчая бѣлка, ни ямъ, ни подвода, ни мытъ, ни тамга, ни иная никоторая пошлина“ [2]).

Иногда наши князья такъ же, какъ короли франковъ, слагая съ монастырскихъ людей общіе налоги, обязываютъ монастырь взамѣнъ того платить князю опредѣленный ежегодный взносъ — оброкъ: „Дастъ (игуменъ) оброку въ мою казну на всякой годъ три рубля, а, опричь того оброку, ненадобѣ имъ никоторая моя

---

[1]) „Р. Ист. Библ.“, II, №№ 6, 9, (1397—1432), № 22 (1435) А. А. Э. I. № 47 (1450).

[2]) Бѣлозерская грамота 1435—1447: Р. И. Б., II. № 21. Подобный же текстъ: А. А. Э., I, № 38 (1443, Можайскъ). — Тверская грамота 1361—1365 г.: „ненадобѣ имъ никоторая дань, ни ямъ, ни подвода, ни тамга, ни осьмничее, ни иныя которыя пошлины, къ городу, ни къ волостямъ,... ни служба, ни дѣло княже“ А. А. Э., I, № 5. Московская грамота 1338—1340: „далъ есмь имъ волю, ненадобѣ имъ потягнути, ни къ городу, ни въ которую дань, ни въ подводы, ни въ кормы, ни въ станъ, ни въ которой проторъ“: А. Э. I, № 4. Полное освобожденіе отъ налоговъ, безъ указанія срока льготы, см. кромѣ только что цитированныхъ грамотъ: А. А. Э., I, № 15 (1400, Ярославль), № 47 (1450, Москва). „Р. Ист. Библ.“ II, №№ 6, 7, 8, 9, (1397—1432), № 22 (1435—1447). А. Юр. Б. № 31, XIV (1463, Москва). Въ XV вѣкѣ на ряду съ безсрочнымъ освобожденіемъ отъ налоговъ весьма часто крестьянамъ духовныхъ, какъ и свѣтскихъ землевладѣльцевъ дается свобода отъ податей лишь на извѣстное время, большею частью на 10 лѣтъ, а также на 2, 3 года, на 5 лѣтъ, рѣже на 15—20 лѣтъ. См. *Горбуновъ*, „Арх. Ист.-Практ. Свѣд.“, кн. V, с. 39. *Милютинъ*, „О недвиж. имущ.-духов.“ с. 228, и ниже, § 61. Въ этихъ же сочиненіяхъ см., въ дополненіе къ приведеннымъ выше, цитаты изъ позднѣйшихъ грамотъ, относящіяся къ податнымъ привилегіямъ.

дань,... ни пошлина“ [1]). При этомъ, согласно съ указаннымъ выше основнымъ принципомъ иммунитета, княжескіе даньщики совершенно устраняются отъ сбора оброка, и игумену предоставляется вносить деньги въ княжескую казну, помимо мѣстныхъ властей. Предоставляя братіи Кириловскаго монастыря платить, за ихъ слободки и деревни, 10 руб. оброку-дани въ годъ, Бѣлозерскій князь говоритъ: „*а привозятъ то серебро сами*, да отдаютъ моему казначею, а даньщики мои въ тѣ ихъ слободки и деревни къ нимъ не въѣзжаютъ, ни дани съ нихъ не емлютъ, ни писецъ мой ихъ не пишетъ“ (1468) [2]).

Освобождая монастыри отъ общихъ постоянныхъ налоговъ, князья нерѣдко взыскивали съ нихъ чрезвычайные сборы, напримѣръ, татарскую дань; но и въ отношеніи уплаты этихъ сборовъ монастырскіе люди также не были подчинены княжескимъ властямъ. „А придетъ моя великаго князя дань неминучая, и *игумена сберетъ сама дань* съ тыхъ людей, да пришлетъ къ моей казнѣ“, — „а намъ и тогда (какъ сказано въ другой грамотѣ) не послати къ монастырскимъ людямъ ни по что“ [3]).

Я не буду сопоставлять детально статьи русскихъ и западныхъ грамотъ, относящіяся къ податнымъ привилегіямъ и содержащія болѣе или менѣе подробное перечисленіе податей и пошлинъ, слагавшихся съ монастырскихъ людей. Такое сопоставленіе дало бы матеріалъ для исторіи финансоваго права и администраціи, но не для исторіи иммунитетовъ. Для иллюстраціи близкаго сходства русскихъ и западныхъ иммунитетныхъ порядковъ вообще не лишнимъ, однако, будетъ остановиться на нѣкоторыхъ изъ привилегій разсматриваемой категоріи и прежде всего, на освобожденіи иммунистовъ отъ *таможенныхъ* и *торговыхъ пошлинъ*.

---

[1]) Угличская грамота 1434—1447, А. Юр. Б., № 31, IV (тоже А. А. Э. № 28). Тоже, 1414 г., А. А. Э. I, № 19. Можайская грамота: Р. И. Б. II, № 15.

[2]) Доп. къ А. Ист. I, № 201. (Это спеціально „оброчная“ грамота, какъ она и названа въ текстѣ ея; „оброкъ“ въ ней названъ также „данью“). Установивъ такой оброкъ, князья иногда по особой милости слагали его съ монастыря: А. А. Э. I, № 152 (1509).

[3]) Тверскія грамоты: А. А. Э. I, № 35 („придетъ къ намъ коли изъ Орды посолъ силенъ, а не мочно будетъ его опровадити, ино тогда архимандритъ съ тѣхъ сиротъ пособитъ въ ту тяготу, съ половника дастъ по десятку тверскими купами“...). Тоже въ нижегородской грамотѣ 1410—1417 г.: А. А. Э. I, № 17.

Фюстель-де-Куланжъ различаетъ три вида привилегій этого рода:

а) „Иногда, говоритъ онъ, король довольствуется тѣмъ, что запрещаетъ своимъ чиновникамъ входить въ привилегированныя владѣнія для сбора торговыхъ пошлинъ (Nullus judex publicus ad thelonea exigenda ingredi audeat)". Наши князья точно также запрещаютъ сборщикамъ пошлинъ, „пошлинникамъ" „въѣзжать" къ монастырскимъ людямъ и объявляютъ, что этимъ послѣднимъ „не надобѣ *ни мыть* (таможенныя, заставныя, проѣздныя пошлины), *ни тамга* (торговая, съ купли-продажи) [1]).

b) „Въ другихъ случаяхъ, продолжаетъ названный историкъ, король освобождаетъ иммуниста и всѣхъ его людей, чиновниковъ и служителей, отъ уплаты какихъ бы то ни было торговыхъ и проѣздныхъ пошлинъ (личныхъ или товарныхъ) — *по всему королевству*" [2]). Наши князья также давали такія льготы монастырямъ, хотя и не въ столь неограниченной формѣ, а именно, освобождая монастырскихъ купчинъ отъ всякихъ пошлинъ при поѣздкахъ ихъ „сквозѣ княженіе",—чрезъ все княжество, они обыкновенно при этомъ указывали извѣстный путь движенія монастырскихъ товаровъ, а иногда также число судовъ и возовъ, для льготнаго провоза товаровъ [3]).

с) Третій видъ разсматриваемыхъ привилегій существенно отличался отъ только что указанныхъ. „Король даритъ монастырю

---

[1]) Напримѣръ, А. А. Э. I, № 34, 38. „Который крестьянинъ монастырскій продастъ съ торгу или въ селѣ и онъ тамгу платитъ игумену".—*Д. Горбуновъ*, о. с., „Арх. Ист. Пр. Св." V, с. 63. „И вы бы нынѣча по старинѣ на ихъ людѣхъ на монастырскихъ тамги и никакихъ пошлинъ не имывали и по селомъ бы есте по нихъ не посылали поборовъ братп". — Спеціальное предписаніе таможникамъ 1465: А. А. Э. № 76. *Е. Осокинъ*, „Изслѣдов. о внутр. тамож. пошлинахъ въ Россіи", 1850, и „Нѣсколько спорн. вопр. по ист. р. фин. права"; въ „Юрид. Сборн." *Мейера*. 1855. с. 539 и сл.

[2]) *Fustel de Coulanges*, op. cit., с. 396.

[3]) „Что суды монастырскіе ходятъ торговлею, два навозка ходятъ на рѣку на Угру, по соль монастырскую, а два навозка ходятъ у нихъ на Бѣлоозеро по рыбу... ино имъ ненадобѣ съ тѣхъ навозковъ давати по всей моей вотчинѣ вел. княженія, во всѣхъ моихъ городѣхъ и въ волостѣхъ, мыта, ни тамги, ни восминничее, ни вѣсчее, ни побережное... ни иныя имъ никоторыя пошлины ненадобѣ, опричь церковныхъ пошлинъ; также съ ихъ купчинъ монастырскихъ и съ ихъ наймитовъ ненадобѣ никоторая пошлина" (1465): А. А. Э., № 77, idem № 78, I, II, III; Д. къ А. Ист., I, № 184 (1428—1434; Тверь) и др.

или церкви право взимать въ ихъ пользу theloneum и всѣ проѣздныя пошлины, установленныя, въ извѣстномъ мѣстѣ, на дорогѣ, рѣкѣ, или на мосту. Въ этомъ случаѣ налогъ остается, но онъ переходитъ въ частную собственность церкви или монастыря". Такія пожалованія давали иногда монастырямъ и русскіе князья. Они предоставляли монастырямъ сбирать въ ихъ пользу „на воскъ и темьянъ" пошлины съ торговыхъ людей, установленныя въ различныхъ мѣстахъ за причалъ къ берегу (побережное), за перевозъ черезъ рѣку, за привозъ въ городъ на продажу товаровъ (восмничее и помѣрное) и т. под. [1]).

Вмѣстѣ съ освобожденіемъ отъ уплаты налоговъ, поступавшихъ въ королевскую казну, иммунисты получали также льготу отъ сборовъ, шедшихъ въ пользу мѣстныхъ властей. Королевскіе дипломы, между прочимъ, упоминаютъ о томъ, что монастырскіе люди освобождаются отъ обязанности давать постой и продовольствіе королевскимъ чиновникамъ (neque mansiones neque paratas facere). Право чиновниковъ останавливаться на постой и брать дорожное довольствіе въ монастырскихъ селахъ было весьма обременительнымъ для населенія, и поэтому указанное постановленіе постоянно повторяется въ западныхъ дипломахъ.

Въ древнѣйшихъ нашихъ грамотахъ мы не находимъ вполнѣ соотвѣтствующей статьи; тѣмъ не менѣе княжескіе намѣстники, волостели, пошлинники несомнѣнно не имѣли права постоя и продовольствія въ привилегированныхъ монастырскихъ селахъ, такъ какъ они лишались вообще права въѣзжать въ эти села и взыскивать здѣсь какіе-либо выборы въ свою пользу („ни кормовъ своихъ не емлютъ"). Въ грамотахъ же XV вѣка появляются спеціальныя постановленія, такія же, какъ въ западныхъ грамотахъ, касающіяся права постоя. Нарушая монастырскія привилегіи, княжескіе волостели „проѣздомъ ставились сильно у монастырскихъ крестьянъ и кормы у нихъ имали сильно" [2]). Поэтому князья особо оговаривали въ грамотахъ: „у тѣхъ людей монастырскихъ мои князи и

[1]) *F. de Coulanges*, op. cit., c. 397. *А. Горбуновъ*, цит. соч., с. 59—63.—„Лодьи, которыя нибуди ходятъ на Бѣлоозеро торговать, и они у нихъ емлютъ пошлинъ восмничую съ 1 р. по деньгѣ, а съ жита емлютъ помѣрнаго съ дву бочекъ по деньгѣ... А сія пошлина придана Великому Воскресенью на воскъ на темьянъ".

[2]) А. А. Э., I, № 61 (1457), (о митрополичьихъ крестьянахъ).

бояре и дѣти боярскіе и всякіе ѣздоки не ставятся никто, ни кормовъ, ни подводъ, ни проводниковъ не емлютъ“ [1]).—*Не ставятся, ни кормовъ не емлютъ*, это русскій переводъ статьи: *mansiones neque paratas facere*. Совпаденіе маловажное, но любопытное. Подобныя сходства постановленій русскихъ и западныхъ грамотъ не относятся прямо къ моей задачѣ, но я отмѣчаю ихъ какъ любопытныя черты общихъ Россіи и западу древняго времени условій жизни, общихъ порядковъ управленія.

Укажу, между прочимъ, еще одно совпаденіе такого рода, мелкое, но характерное. Освобождая монастыри, кромѣ налоговъ, также отъ натуральныхъ повинностей, какъ франкскіе короли, такъ и русскіе князья, при этомъ иногда оставляли за ними обязанность исполнять нѣкоторыя повинности, особенно важныя по обстоятельствамъ времени. Въ каролингской монархіи, напримѣръ, привилегированные монастыри обязывались иногда участвовать въ постройкѣ мостовъ для общественныхъ надобностей, у насъ—въ сооруженіи крѣпостей [2]). За нѣкоторыми монастырями у насъ сохранялась, при общемъ освобожденіи ихъ отъ податей, спеціальная ямская повинность—„татарскій ямъ“. Такое же изъятіе изъ общихъ податныхъ льготъ находимъ въ одной изъ грамотъ, данныхъ Сенъ-Бертинскому монастырю; грамота эта 682 г. освобождаетъ отъ повинностей всѣхъ людей монастыря за исключеніемъ тѣхъ, которые отправляютъ ямскую повинность, поставляютъ повозки: praeter illos mansos, unde carpenta (opera carraria) exeunt [3]).

§ 60. Условія пожалованія иммунитета.

Какъ видно изъ вышеизложеннаго, русскій и западный иммунитеты представляютъ несомнѣнно одинъ и тотъ же институтъ

[1]) А. Юр. Б., № 31, XIV, 1463. То же, А. А. Э., I, № 51, (1453), № 89 (1471—77). Особыя грамоты по этому предмету: А. Э., №№ 96, 98 (1473). По грамотѣ 1457 г., монастырскіе крестьяне должны были такихъ ѣздоковъ къ себѣ „*не пускати и бити*“: А. Э., I, № 61.—„Также проѣзднымъ судомъ (проѣздомъ по судебнымъ дѣламъ) намѣстники мои къ нимъ не ѣздятъ, ни корму у нихъ проѣзднаго не емютъ“: А. Э. № 37 (1440) и 131. См. *Ланге*, о. ос. 77, 78.

[2]) *Waitz*, op. cit., т. IV, с. 315. А. Юр. Б., № 31, с. 94.

[3]) А. Юр. Б. № 31, XIV (1463). *Guérard*, „Cartulaire de l'abbaye de Saint Bertin“, (privilegium a. 682), стр. 28.

по существу и объему составляющихъ ихъ правъ и преимуществъ. Продолжая сравненіе иммунитетныхъ хартій съ жалованными грамотами, мы обнаружимъ любопытныя черты сходства въ условіяхъ пожалованія иммунитетныхъ привилегій на западѣ и въ Удѣльной Руси.

„Иммунитетъ — говоритъ Фюстель-де-Куланжъ — никогда не представляется въ видѣ права церквей. Онъ всегда—милость, beneficium. Онъ проистекаетъ единственно изъ доброй воли короля: ex nostra indulgentia, ex nostra munificentia. Редакторы актовъ намѣренно умножаютъ выраженія, которыми они обозначаютъ собственную инціативу короля и его добрую волю даровать милость. Часто король указываетъ, какъ на поводъ пожалованія, на свое благочестіе или заботу о своемъ спасеніи... Иммунитетъ всегда, по общепринятой формулѣ, не что иное, какъ милость".

Эти слова всецѣло приложимы и къ русскимъ иммунитетамъ, конечно, не свѣтскимъ, а церковнымъ и монастырскимъ. Дарованіе иммунитета опредѣлилось на западѣ словомъ *beneficium*, у насъ—тожественными выраженіями *милостыня*, *пожалованіе*: „Се милостыня князя великаго Василія Михайловича и его братаничевъ... церкви Святой Богородицы Отроча монастыря"—„дали есмя съ милостыню", „а кто нибуди чрезъ сіе наше пожалованіе... возьметъ что хотя малое на монастырскихъ людяхъ"... [1]).

Короли франковъ говорятъ въ дипломахъ, что они даруютъ привилегіи „ради имени Господа и спасенія нашей души": „propter nomen Domini et animae nostrae remedium". Въ тверской грамотѣ находимъ почти буквальный переводъ этихъ словъ: „Се... Бога дѣля и своего ради спасенія пожаловали есмя". Въ другой грамотѣ тверской князь даетъ льготы Срѣтенскому монастырю „милости ради Устрѣтенья и своего ради спасенія" [2]).

---

[1]) Жалов. грамота тверского князя Бориса Александровича, 1432—1461 А. А. Э. I, № 35. (Подтвержденіе грамоты 1361—1365 А. А. Э. I, № 5). Милостыня дается здѣсь кромѣ того „на память преставльшимся отъ сего житія роду нашему, а намъ пребывающимъ въ житьи семъ за вздоровіе".

[2]) Та же формула въ нижегородской грамотѣ (подтвержденіе 1418 г.): „Милости ради Св. Спаса и преподобнаго Еуѳимія молитвы и своего ради спасенія, се язъ пожаловалъ": А. Ист., I, № 25. „Своего ради спасенія"—въ бѣлозерской грамотѣ 1468 г.: Доп. къ А. Ист., I, № 201.

Тверскія грамоты отличаются отъ всѣхъ другихъ своею многорѣчивостью и поэтому ближе всего подходятъ къ западнымъ грамотамъ, которыя обыкновенно писались витіеватыми, хотя и нескладными латинскими фразами. Обычная редакція нашихъ грамотъ отличается чрезвычайной сжатостью. Но въ этихъ грамотахъ краткой редакціи мы также встрѣчаемъ признаки указанныхъ условій пожалованія иммунитета. Церковный иммунитетъ разсматривается въ нихъ всегда какъ милость, *пожалованіе—beneficium*... „Се язъ, князь великій *пожаловалъ* есмь архимандрита съ братьею“— таково обычное начало грамотъ, которыя поэтому и назывались „жаловальными“ и „жалованными“ [1]). Въ этихъ грамотахъ мы не встрѣчаемъ указаннаго выше мотива пожалованія—заботы о вѣчномъ спасеніи, но находимъ другой мотивъ, который также весьма часто приводится въ западныхъ дипломахъ,—почтеніе къ святому мѣсту, уваженіе къ монастырю, которому дается иммунитетъ,—reverentia sancti loci [2]). Эта reverentia выражается въ указаніи на то, что льготы жалуются архимандриту съ братьею ради того святого, или того священнаго событія, въ честь коихъ построенъ монастырь: „Святыя дѣля Благовѣщенья“, „Святыя дѣля Троицы“, „Пречистыя ради милости“ и пр. [3]).

На какой срокъ имѣло силу пожалованіе иммунитета? было ли оно преходящимъ или постояннымъ?—спрашиваетъ Фюстель-де-Куланжъ и въ отвѣтъ указываетъ на противорѣчіе между практикой и заявленіями королей въ дипломахъ. „Съ одной стороны, говоритъ онъ, мы видимъ, что дипломы наполнены выраженіями, указывающими на неотъемлемость, постоянство пожалованія: „Мы желаемъ, чтобы наше пожалованіе навсегда было на пользу церкви (ecclesiae proficiat in perpetuum), чтобы наше постановленіе оста-

[1]) Изъ множества сохранившихся жалованныхъ грамотъ только въ одной дарованіе иммунитета разсматривается одновременно какъ пожалованіе и какъ договоръ: „Се язъ князь Василій Давидовичъ Ярославскій *докончалъ есмь* съ архимандритомъ съ Пименомъ про домъ Святого Спаса, по дѣда своего грамотѣ *пожаловалъ есмь*, что людей Святого Спаса въ городѣ и въ селѣхъ *урекъ есмь*“... (Василій Давидовичъ † 1345). *Карамзинъ*. „Ист. гос. рос.“, т. IV, пр. 328. Та же грамота по поздн. списку: „Историч. акты Ярославскаго Спасскаго монаст.“ изд. *И. А. Вахрамѣевъ*, т. I, № 1 (М. 1896).

[2]) „Cartulaire de l'abbaye de Saint Bertin“, a. 691, c. 35. „Cartulaire de l'abbaye de Saint Père de Chartres“, publ. par. *M. Guérard*, a. 985, c. 82.

[3]) *Горбуновъ*, op. cit., c. 11.

валось въ силѣ при всѣхъ послѣдующихъ корольхъ“... Но, съ другой стороны, рядъ дипломовъ показываетъ намъ, что пожалованія возобновлялись съ каждымъ поколѣніемъ. Едва ли можно сказать, что это дѣлалось по строгой обязанности, но несомнѣнно, что таковъ былъ обычай [1]).

То же противорѣчіе между постановленіями грамотъ и жизненной практикой находимъ мы и въ удѣльной Руси. Тверскіе князья въ неоднократно цитированной нами грамотѣ объявляютъ: „дали есмя сю милостыню... монастырю неподвижно, никакимъ дѣломъ не порушити намъ сея милостыни ни нашимъ дѣтямъ, ни нашимъ внучатомъ“ [2]). Въ другихъ грамотахъ читаемъ: „а то есми далъ имъ грамоту не въ отъимку и въ прокъ, ни мои дѣти не отъимаютъ у нихъ тое грамоты“, или „далъ есмь имъ грамоту вѣвѣки“.

Льготное пожалованіе является, такимъ образомъ, по прямому смыслу грамотъ, неотъемлемымъ, постояннымъ, *прочнымъ*. И, несмотря на это, пожалованія возобновляются, подтверждаются съ каждымъ новымъ поколѣніемъ князей. Подтвержденія грамотъ стали обычаемъ: безъ подтвержденія грамота какъ бы теряла свою силу. Тверской князь Василій Михайловичъ, давая грамоту тверскому Отрочю монастырю, запретилъ нарушать ее своимъ внучатамъ. Тверской монастырь, однако, черезъ 70 лѣтъ счелъ необходимымъ выхлопотать себѣ подтвержденіе грамоты отъ внука этого князя Бориса Александровича (около 1440 г.) [3]). Грамоты, данныя Троице-Сергіеву монастырю, возобновлялись три раза въ теченіе полувѣка [4]). Иммунитетъ, данный С.-Бертинскому монастырю, былъ возобновленъ 8 разъ на протяженіи одного столѣтія. Въ древнѣйшее время жалованныя грамоты у насъ совер-

[1]) *Fustel de Coulanges*, op. cit., с. 362—363.

[2]) Эти слова имѣются въ грамотѣ 1461 г., представляющей собою подтвердительную копію грамоты 1361—1365 г. По всей вѣроятности, они имѣлись также и въ недошедшемъ до насъ концѣ грамоты 1361—1365 г. (Грамоты 1461 и 1361—65 г. тожественны до словъ: „занеже дали есмя сю милостыню“). А. А. Э. I, №№ 5 и 34.

[3]) А. А. Э., I, № 34. Годъ написанія этой подтвердительной грамоты неизвѣстенъ, но она относится, по всей вѣроятности, къ первымъ годамъ княженія Бориса Александровича, вступившаго на престолъ въ 1437 г.

[4]) Грамоты, данныя Іоанномъ III въ 1488, подтверждаются Василіемъ III въ 1506 г. и Іоанномъ IV въ 1532 г. А. А. Э., I, № 124, ср. № 131 и др.

шенно такъ же, какъ на западѣ, при подтвержденіяхъ обыкновенно переписывались отъ имени новаго князя. Западные короли при этомъ указывали прямо, что они подтверждаютъ привилегіи, дарованныя ихъ отцами и дѣдами. Русскіе князья такъ же давали грамоты, „по отца своего грамотѣ“, „воззрѣвъ въ грамоту, въ жалованье бабы своея... и отца своего грамоту“ [1]). Впослѣдствіи у насъ установился упрощенный порядокъ подтвержденія грамотъ. Онѣ не переписывались, а только подписывались на оборотѣ [2]).

§ 61. Иммунитетъ свѣтскихъ землевладѣльцевъ.

Въ предшествовавшемъ изложеніи я цитировалъ преимущественно жалованныя грамоты монастырямъ. О жалованныхъ грамотахъ свѣтскимъ землевладѣльцамъ необходимо вести рѣчь особо, ибо для оцѣнки значенія русскаго иммунитета весьма важно показать, что онъ отнюдь не былъ исключительно или преимущественно церковнымъ учрежденіемъ.

Монастырскія жалованныя грамоты сохранились въ несравненно большемъ количествѣ, чѣмъ грамоты, данныя свѣтскимъ вотчинникамъ. Всѣ дошедшія до насъ древнѣйшія жалованныя грамоты XII—XIV вѣковъ принадлежатъ монастырямъ; древнѣйшая, извѣстная намъ грамота, данная свѣтскому вотчиннику, относится къ 1419 г. Но изъ этого никакъ нельзя дѣлать заключеній о позднемъ возникновеніи и малой распространенности свѣтскихъ иммунитетовъ. Древнія грамоты и древнѣйшія въ особенности сохранились вообще въ немногихъ, случайныхъ образцахъ. Монастырскихъ жалованныхъ грамотъ сохранилось больше только потому, что монастыри лучше берегли свои архивы.

На западѣ совершенно такъ же, какъ у насъ, монастырскихъ иммунитетныхъ дипломовъ сохранилось несравненно больше, чѣмъ

---

[1]) См. *Горбуновъ*, op. cit., I, с. 11—12. Особенно характерно начало грамоты Ив. Петелину: А. А. Э. I. № 46. Западные дипломы въ этомъ пунктѣ отличаются отъ нашихъ грамотъ только своимъ велерѣчіемъ: ср. „С. Бертинскій картулярій“, с. 34.

[2]) Перечисленіе случаевъ подтвержденія грамотъ, начиная съ Ивана III, см. *В. Милютинъ*, с. 176—186. Особая форма подтвержденія съ царствованія Алексѣя Михайловича, тамъ же, с. 207, 208 и прилож. 851.

свѣтскихъ; древнѣйшіе дипломы VII вѣка тамъ—также дипломы монастырскіе. Но на западѣ возможность всякихъ ошибочныхъ заключеній изъ этого обстоятельства предупреждаетъ извѣстный сборникъ формулъ Маркульфа, конца VII вѣка, въ которомъ на ряду съ образцомъ монастырскаго иммунитетнаго диплома помѣщенъ образецъ такого же диплома свѣтскому землевладѣльцу [1]).

Точно также и въ Сербіи льготныя грамоты — хрисовулы, данные монастырямъ, имѣются и отъ XIII и отъ XII столѣтій; хрисовулы же свѣтскихъ вотчинниковъ-властелей относятся къ болѣе позднему времени — второй половинѣ XIV столѣтія. Но отсутствіе древнѣйшихъ хрисовуловъ властелямъ не помѣшало историкамъ сербскаго права установить положеніе, что властели и въ древнѣйшее время пользовались иммунитетомъ на ряду съ монастырями, что хрисовулы выдавались имъ и ранѣе XIV столѣтія, но не сохранились до нашего времени. „Причина исчезновенія большей части хрисовуловъ властелямъ и городамъ—говоритъ проф. Т. Флоринскій — весьма понятна: документы могли сохраниться въ большой полнотѣ только тамъ, гдѣ ихъ сберегали, а такія условія представляли главнымъ образомъ монастырскія ризницы“... [2]).

Русскихъ жалованныхъ грамотъ свѣтскимъ вотчинникамъ до послѣдняго времени было извѣстно очень немного. Проф. Сергѣевичъ насчиталъ ихъ въ 1890 г. только 19 №№ [3]). Отмѣтивъ полную случайность сохранившихся грамотъ, В. И. Сергѣевичъ полагалъ, что „пожалованія составляли общее правило, а не исключеніе“. „Среди пожалованныхъ—говоритъ онъ—встрѣчаются

---

[1]) Formulae Marculfi, lib. I, № 14: Monum. German. histor. legum sectio V, ed. *E. Zeumer.*

[2]) *Т. Флоринскій*, „Памятн. законод. дѣят. Душана“, К. 1888, с. 27.

[3]) *В. Сергѣевичъ*, „Р. Юр. Древн.“, т. I, с. 329—330. *Н. Ланге* насчиталъ 23 лица, получившихъ право вотчиннаго суда въ XV—XVI вѣкѣ. Къ свѣтскимъ вотчинникамъ онъ присоединилъ и двухъ инокинь, получившихъ право суда въ качествѣ вотчинницъ, независимо отъ ихъ монашескаго званія, а также *помѣщика* Б. Бороздина (1505): „Древн. русск. смѣсные или вобчіе суды“, с. 101—109. Оба названные изслѣдователи упускали изъ виду жалованную грамоту Сенкѣ Писарю, 21 стр. 1441 г. въ книгѣ *Н. Иванчинъ-Писаревъ*, „Прогулка по древнему Коломенскому уѣзду“, М. 1843,—а также рязанскую жалованную грамоту Григ. Дм. Кобякову, 1419 г. въ трудѣ *Иловайскаго*, „Истор. рязан. княж.“, прилож. № 5. (Сочиненія, с. 216)

Ивашки и Оедьки. Можно ли допустить, что большіе люди, имена которыхъ писались съ „вичемъ", имѣли менѣе правъ и привилегій, чѣмъ эти Ивашки, жалованныя грамоты которыхъ случайно сохранились до нашихъ дней?"

Это предположеніе оправдала недавняя находка г. Юшкова. Изъ дѣлъ московскаго архива министерства юстиціи г. Юшковъ извлекъ цѣлый кладъ древнихъ грамотъ въ копіяхъ конца XVII вѣка, представленныхъ въ палату родословныхъ дѣлъ, и въ томъ числѣ множество жалованныхъ грамотъ, несудимыхъ и льготныхъ, свѣтскимъ вотчинникамъ и помѣщикамъ. Къ двумъ десяткамъ съ небольшимъ грамотъ этого рода, извѣстнымъ до послѣдняго времени, прибавилось сразу еще 58; изъ нихъ 16—XV вѣка и 42—первой половины XVI (до 1554 г.) [1]). Для изученія древнѣйшихъ формъ русскаго иммунитета эти грамоты даютъ мало новаго, но онѣ очень цѣнны въ своей совокупности, показывая, что свѣтскіе иммунитеты въ удѣльной Руси были распространены отнюдь не меньше, чѣмъ церковные.

Привилегіи свѣтскихъ землевладѣльцевъ ничѣмъ не отличались отъ привилегій монастырей и духовенства. Жалованныя грамоты тѣмъ и другимъ писались по однимъ и тѣмъ же образцамъ. Объемъ судебныхъ и податныхъ преимуществъ равномѣрно колебался для свѣтскихъ и церковныхъ вотчинниковъ.

Въ XVI вѣкѣ права вотчинныхъ судей, какъ мы говорили, были уменьшены: свѣтскимъ вотчинникамъ такъ же, какъ монастырямъ, предоставлялось право суда только по дѣламъ гражданскимъ: „опричь душегубства, разбоя и татьбы съ поличнымъ". Въ XV же вѣкѣ имъ обыкновенно предоставлялось судить всѣхъ людей также и по дѣламъ уголовнымъ, кромѣ дѣлъ о смертоубійствѣ: „опроче душегубства" или „опричь одного душегубства" [2]).

---

[1]) Акты XIII—XVII вѣковъ, представленные въ разрядный приказъ, сост. и изд. *А. Юшковъ*, „Чтен. Моск. Общ. Ист. и Др. Росс." 1898 г., кн. II, III, IV. Въ числѣ этихъ грамотъ, сохранившихся въ неисправныхъ спискахъ, есть нѣсколько сомнительныхъ, но такихъ немного; См. *Н. П. Лихачевъ*, „По нов. Сборн. А. Юшкова", „Сборн. Археол. Инст." кн. VI, 1898.

[2]) Грамоты Гридкѣ Свиньину, 1434 г., Сенкѣ Писарю, 1441 г., Марьѣ Коппиной, 1449 г.: Акты Юшкова, № 9. *Н. Иванчинъ-Писаревъ*, о. с., А. Арх. Экс., I. № 44. „А намѣстницы мои коломенскіе и ихъ тіуны... не судятъ ихъ ни въ чемъ опричь душегубства". (С. Писарю). Намѣ-

Насколько можно судить по сохранившимся грамотамъ, право суда въ столь широкомъ объемѣ предоставлялось въ московскомъ княжествѣ только въ первой половинѣ XV вѣка и постоянно ограничивалось одними дѣлами гражданскими со второй половины того же столѣтія [1]). Въ виду случайности дошедшихъ до насъ грамотъ, соображенія о постоянствѣ этихъ ограниченій не могутъ быть, однако, вполнѣ достовѣрными. Какъ видно изъ жалованной грамоты кн. Козловскимъ 1510 г. московскіе государи даже въ началѣ XVI вѣка предоставляли знатнымъ вотчинникамъ право суда въ полномъ объемѣ „опричь одного душегубства“ [2]). Но что у московскихъ князей вообще было стремленіе ограничивать объемъ вотчинной юрисдикціи, видно изъ слѣдующаго факта. Въ 1441 г. великій князь Василій Васильевичъ пожаловалъ вотчиннику Сенкѣ Писарю (Семену Писареву) право суда по дѣламъ гражданскимъ и уголовнымъ, за исключеніемъ одного душегубства. Іоаннъ же III, въ 1464 г., подтверждая жалованную грамоту своего отца, исключилъ изъ вѣдѣнія названнаго вотчинника, кромѣ душегубства, также дѣла о разбоѣ и о татьбѣ съ поличнымъ [3]).

Въ другихъ удѣльныхъ княжествахъ, насколько можно судить по сохранившимся грамотамъ, иммунитетныя привилегіи ограничивались меньше, чѣмъ въ московскомъ. Въ двухъ *бѣлозерскихъ* грамотахъ 1455 и 1484 гг. вотчинникамъ представляется право суда по всѣмъ дѣламъ, кромѣ душегубства: „а судитъ и вѣдаетъ Гридя свои люди въ разбои, въ татьбѣ съ поличнымъ, опрочь

стницы, волостели и ихъ тивуни „не судятъ ихъ, ни ихъ людей ни въ чемъ, опрочѣ душегубства“ (Марьѣ Кошкиной).

[1]) Московскія грамоты Алексѣю Краснослѣпу, 1461 г., Ларѣ Хотетовскому, 1461 г., Племянниковымъ, 1462—1505 г., Сенкѣ Писарю, 1464 г. (Акты Юшкова, №№ 14, 15, 20, 27), Злобѣ Львову, 1484 г., Ивашку Глядящему, 1487 г., Дм. Бобру, 1462—1472 г. (А. Арх. Эксп., I, №№ 111, 120, А. Юр. Б., № 31, XX).

[2]) Акты Юшкова, № 79 и 80. Во всѣхъ другихъ грамотахъ, XVI вѣка такъ же, какъ второй половины XV вѣка, постоянно встрѣчаемъ ограниченіе: „опричь душегубства, разбоя и татьбы съ поличнымъ“: Акты Юшкова, №№ 81, 82, 83, 1511 г. и слѣдующіе.

[3]) *Н. Иванчинъ-Писаревъ*, цит. соч., с. 125. А. Юшковъ, Акты, № 27. (тоже, въ № 31, 1485 г.).

душегубства [1]). *Рузкій* князь въ 1498 г. предоставилъ Аѳанасію Елчанинову судить своихъ людей, опрочь душегубства „и въ разбоѣ и въ татьбѣ съ поличнымъ, промежъ своихъ людей", но вслѣдъ затѣмъ въ 1502 г. изъялъ изъ его вѣдѣнія дѣла о разбоѣ, оставивъ только дѣла о татьбѣ съ поличнымъ [2]).

Весьма интересна жалованная грамота *рязанской* великой княгини Аграфены боярину П. В. Верхдеревскому 1504 г. Великая княгиня освобождаетъ людей своего боярина отъ подсудности мѣстнымъ властямъ по всѣмъ дѣламъ безъ изъятья. Вмѣстѣ съ тѣмъ она беретъ ихъ всѣхъ подъ особое свое покровительство, объявляя, что по искамъ посторонникъ лицъ они будутъ подлежать единственно личному суду ея, великой княгини: „А намѣстницы мои ростиславскіе и ихъ тіуни и ихъ доводщики къ Павлу (Верхдеревского) въ то село не въѣзжаютъ, ни всылаютъ ни по что, ни судятъ его людей. А кому будетъ до его людей дѣло, ино ихъ сужу язъ сама, великая княгиня" [3]).

Древнѣйшая извѣстная намъ грамота свѣтскому землавладѣльцу написана въ 1419 г. (Рязанскому вотчиннику Григ. Дм. Кобякову) [4]). Но одна жалованная грамота 1450 г., *Ивану Петелину*, возмѣщаетъ отчасти утрату такихъ грамотъ XIV вѣка. Великій князь Василій Васильевичъ говоритъ въ ней, что онъ пожаловалъ Ивана Петелина „по прадѣда своего грамотѣ Ивана Даниловича", какъ и по грамотамъ стрыя своего (Семена Ивановича), дѣда и отца [5]). Грамота великаго князя Василія Василье-

[1]) А. Арх. Эксп. I, № 374 и 379; Афанасью Внукову, 1455 г. и Гридѣ Степанову, 1484 г.

[2]) Акты Юшкова, №№ 42 и 55. Такой же порядокъ установленъ *Волоцкимъ* княземъ въ 1505 г.: А. Истор. I, № 115. Въ другихъ грамотахъ этого княжества, 1462 и 1495 гг. изъемлются всѣ уголовныя дѣла (Конст. Елчанинову: Акты Юшкова, № 25 и Оринѣ Баламутовой: А. А. Э., I, № 132). Въ *Кашинскихъ* и *Дмитровскихъ* грамотахъ 1506—1507 гг. уголовныя дѣла также исключаются: Акты Юшкова, №№ 66, 67, 70.

[3]) Акты Юшкова, № 57. Въ ярославской грамотѣ начала XV вѣка вотчиннику Александру Рудину также предоставляется судъ по всѣмъ дѣламъ безъ ограниченій. Къ сожалѣнію, эта грамота сохранилась въ столь неисправной копіи, что опираться на нее очень опасно: тамъ же, № 3.

[4]) *Д. Иловайскій*, Сочиненія, с. 216.

[5]) А. Арх. Эксп. I, № 46. Жалов. грам., неизданная, Михаилу Яковлевичу 1435 г. также ссылается на пожалованье Іоанна Калиты: *Д. Мейчикъ*, о. с., с. 131, № 51.

вича, повидимому, однако, не воспроизводитъ вполнѣ текста древнѣйшаго пожалованія Іоанна Калиты. Право суда въ ней ограничено изъятіемъ дѣлъ уголовныхъ. Только что указанное ограниченіе правъ другого вотчинника, С. Писарева, при подтвержденіи его льготъ въ 1464 г., даетъ основаніе заключить, что и въ грамотѣ Ив. Петелину слова „опричь душегубства и татьбы съ поличнымъ“ вставлены были въ 1450 г., при подтвержденіи старой грамоты Іоанна Калиты.

Что касается *податныхъ льготъ*, то въ этомъ отношеніи жалованныя грамоты свѣтскимъ вотчинникамъ также не отличаются отъ грамотъ, данныхъ церковнымъ учрежденіямъ. Въ нѣсколькихъ грамотахъ встрѣчается полное освобожденіе людей вотчинника отъ дани и всѣхъ пошлинъ и повинностей на неопредѣленное время: „И язъ князь великій Ивашку пожаловалъ тѣмъ его половиною селомъ Глядячимъ со всѣмъ съ тѣмъ, что къ его половинѣ изстарины по тому-жъ потягло: и кто у него иметь жити людей на его половинѣ села Глядячаго, и тѣмъ его людемъ ненадобѣ моя дань великаго князя никоторая, ни ямъ, ни подводы, ни мытъ, ни тамга, ни явка, ни осминичее, ни свадебная куница, ни убрусъ, ни коня моего не кормятъ, ни сѣнъ моихъ не косятъ, ни къ сотскимъ, ни къ дворскимъ, ни къ десятскимъ съ тяглыми людьми не тянутъ ни въ какіе проторы, ни въ розметы, ни въ посошное: тако-жъ ни ѣзовъ моихъ великаго князя, ни поледнего не бьютъ, ни иныя никоторыя пошлины ненадобѣ: и намѣстницы мои муромскіе и ихъ тіуны у Ивашка и у его людей кормовъ не емлютъ“... [1]).

Въ большей части сохранившихся грамотъ люди свѣтскихъ вотчинниковъ освобождаются отъ налоговъ лишь на нѣкоторое

[1]) Жалованная грамота Ивашкѣ Глядящему, 1487 г.: А. А. Э., I, № 120.— Въ другихъ грамотахъ съ безсрочнымъ освобожденіемъ отъ налоговъ, перечисляются разныя подати и повинности, но *дань* не упоминается: Ив. Петелину, 1450 г., Злобѣ Львову, 1484 г., Дм. Бобру, 1462—1472 г. (А. А. Э., I, №№ 46, 111, А. Юр. Б., № 31, XX), Оринѣ Баламутовой, 1495 г. (Волоцкая, А. А. Э., I, № 132), Конст. Елчанинову, 1498 г. (Рузская, Ак. Юшк., № 42), Ивану Сусѣду, 1462—1492 г. (Углицкая, Ак. Юшк , № 23). Бѣлозерскій князь, освобождая людей Гриди Степанова отъ уплаты податей по земской раскладкѣ, обязываетъ ихъ платить дань: „но даютъ съ тое деревни и съ тѣхъ пустошей моему данщику Бѣлозерскому, въ мою дань по четверти“; А. А. Э., I. № 379, 1484 г.

время, отъ 3 до 20 лѣтъ. Большею частью льгота эта дается только новымъ поселенцамъ, для привлеченія ихъ на запустѣвшія земли вотчинника: „А отсидятъ тѣ люди свои урочныя лѣта и они потянутъ въ мою дань по силѣ“ [1]). Такія же льготы на извѣстный срокъ, наряду съ безсрочными, весьма часто давались и монастырямъ [2]).

§ 62. Происхожденіе иммунитета.

Фюстель-де-Куланжъ отказывается разъяснить, какъ возникъ иммунитетъ, и ограничивается только намекомъ. Онъ не находитъ возможнымъ признать ни чтобы иммунитетъ былъ заимствованъ изъ римскаго права, ни чтобы онъ былъ исконнымъ германскимъ учрежденіемъ. Онъ беретъ его какъ фактъ, возникшій изъ смуты VI вѣка, постепенно развившійся затѣмъ и принявшій законченныя формы въ VII столѣтіи. Источникъ иммунитета — неограниченный произволъ королевскихъ властей. „Въ лицѣ чиновника, говоритъ Фюстель-де-Куланжъ, населеніе видитъ не покровителя, а грабителя, который обогащается на его счетъ; вотъ тѣ обстоятельства, которыя предшествуютъ иммунитету, окружаютъ его, и можетъ быть рождаютъ. Изъ этой именно среды онъ возникаетъ“ [3]).

Не отступая передъ трудностью задачи, Вайцъ пытается объяснить происхожденіе иммунитета, но очень осторожно и довольно искусственно. Прежде всего онъ указываетъ на существовавшія въ римской имперіи льготы отъ податей и повинностей. Онѣ могли дать первое начало развитію иммунитета, но только первое начало, потому что иммунитетъ по существу отличается отъ обык-

[1]) А. А. Э., I, № 44 (1449 г.). Въ томъ же объемѣ дана была податная льгота Сенкѣ Писарю въ 1441 г. Другому московскому вотчиннику, Алексѣю Краснослѣпу, съ 1461 г. дана льгота на 6 лѣтъ (Акты Юшкова № 14). Бѣлозерскій князь въ 1454 г. освободилъ людей Афанасія Внукова отъ дани и пошлинъ на 20 лѣтъ (А. А. Э., I, № 374).—Отмѣтимъ единственную въ своемъ родѣ и сомнительную грамоту Ив. Кафтыреву 1424 г., въ которой судебная льгота, на ряду съ податной, дается только на урочные годы: Акты Юшк., № 4.

[2]) См. *Горбуновъ*, „Льготныя грамоты“, ст. II, с. 28—31.

[3]) *Fustel de Coulanges*, „Les origines“, с. 353 и 422.

повенныхъ податныхъ льготъ, давая землевладѣльцу не только льготы, но и важныя права по отношенію къ его людямъ—право сбора налоговъ и право суда. Льготы отъ податей и повинностей, встрѣчающіяся въ римской имперіи, „отсюда именно, говоритъ Вайцъ, вѣроятно проникли къ германцамъ и послужили исходнымъ пунктомъ для своеобразнаго и важнаго развитія". Дальнѣйшее развитіе иммунитету дали частыя пожалованія частнымъ лицамъ королевскихъ имѣній. Эти послѣднія „могли не платить никакихъ податей и не нести повинностей, такъ какъ доходъ съ нихъ и подати должны были поступать въ одну и ту же кассу. Когда такое имѣніе жаловалось кому-либо, то было естественно сохранить за нимъ тѣ же льготы; но король пошелъ дальше и передалъ всѣ свои права новому владѣльцу... Иммунитетъ въ этомъ смыслѣ уже не только льгота, но и право, и не имѣетъ болѣе ничего общаго съ римскими отношеніями, но объясняется единственно свойственнымъ германцамъ смѣшеніемъ началъ публичнаго и частнаго права" [1]).

Существенный исходный пунктъ гипотезы Вайца, раздѣляемый многими изслѣдователями, заключается въ предположеніи, что иммунитетъ ведетъ свое начало отъ королевскихъ пожалованій. Спачала короли давали иммунитетныя права частнымъ лицамъ при передачѣ имъ собственныхъ своихъ королевскихъ имѣній; затѣмъ начали жаловать тѣ же права на всякія частныя земли. Иммунитетъ, такимъ образомъ, въ сущности созданъ былъ волею верховной власти, при чемъ общій законодательный актъ замѣненъ былъ длиннымъ рядомъ отдѣльныхъ частныхъ актовъ—иммунитетныхъ дипломовъ. Слабая сторона этой гипотезы заключается въ томъ, что она не развязываетъ, а разрубаетъ спутанный узелъ проблемы. Иммунитетъ является, по объясненію Вайца, созданіемъ королей. Но мы знаемъ, что всѣ важнѣйшія учрежде-

[1]) *G. Waitz*, „Deutsche Verfassungsgesch.", т. II, ч. 2, изд. 3, с. 338—340. *Мауреръ*, возражая противъ мысли Вайца о происхожденіи иммунитета изъ податныхъ льготъ, справедливо указываетъ, что иммунитетъ „besteht ihrer Wesenheit nach nicht in einer Freiheit von Leistungen, sondern in einer mehr oder weniger grossen Freiheit von der öffentlichen Gewalt und von den öffentlichen Beamten. In den meisten Immunitätsprivilegien ist sogar von einer Freiheit von Abgaben und von anderen Leistungen gar keine Rede": *G. L. Maurer*, „Geschichte der Fronhöfe", т. I, § 96, с. 283.

нія древности,—къ каковымъ несомнѣнно принадлежитъ иммунитетъ, — не создавались властью, а постепенно развивались, и что власть обыкновенно только закрѣпляла и оформливала обычное право.

Вторая слабая сторона этой гипотезы въ томъ, что ей противорѣчатъ какъ всеобщность иммунитетныхъ привилегій, такъ и ихъ повсемѣстность—одинаковая распространенность во всѣхъ концахъ Европы. По актамъ болѣе поздняго времени видно, что иммунитетныя привилегіи принадлежатъ крупнымъ землевладѣльцамъ по общему правилу. Съ другой стороны, мы видимъ, что иммунитетъ развился одинаково, какъ у франковъ, такъ и у англо-саксовъ, а также и у русскихъ славянъ. [Въ виду трудности вывести эту всеобщность и повсемѣстность иммунитета изъ королевскихъ и княжескихъ пожалованій, остается допустить, что иммунитетъ возникъ независимо отъ нихъ, что онъ составляетъ исконное обычное право крупныхъ землевладѣльцевъ [1]). Иммунитетные дипломы только закрѣпляли обычное право. Короли давали монастырямъ, какъ милость, то, чѣмъ изстари пользовались свѣтскіе землевладѣльцы и на что и монастыри, какъ землевладѣльцы, имѣли право по обычаямъ древности. Они начали давать иммунитетные дипломы также и свѣтскимъ землевладѣльцамъ, при пожалованіи имъ земель, чтобъ оградить ихъ отъ притязаній графовъ. Стремленіе землевладѣльцевъ укрѣпить свои обычныя права королевскою хартіей создало обыкновеніе выдачи иммунитѣтныхъ дипломовъ на всѣ вновь пріобрѣтенныя ими или расчищенныя въ лѣсу имѣнья (заимки—aprisio).

Что иммунитетъ существовалъ ранѣе королевскихъ пожалованій, что онъ составлялъ исконное обычное право крупныхъ землевладѣльцевъ вообще, или только королевскихъ дружинниковъ, это мнѣніе раздѣляется многими историками, преимущественно нѣмецкой школы. Такъ, Цёпфль, указывая, что иммунитетныя права въ позднѣйшее время пріобрѣтались по королевскимъ пожалованіямъ, видитъ въ нихъ старый обычай и въ подтвержденіе этого ссылается на англійскіе законы XI вѣка, короля

[1]) При такой постановкѣ вопроса теряетъ силу возраженіе *Рота*, сдѣланное *Эйхгорну*: „Aber es giebt gewiss keinen gefährlicheren Schluss, als von dem späteren Zustand auf die Gleichheit der früheren“, *Paul Roth*, „Geschicte des Beneficialwesens“, Erlangen 1850, c. 118—119.

Эдуарда Исповѣдника, въ которыхъ иммунитетныя права епископовъ и бароновъ названы consuetudines [1]).

Но какъ же возникли эти consuetudines? Признавая, что иммунитетъ составляетъ старый обычай, мы отодвигаемъ въ болѣе раннее время задачу происхожденія иммунитета. Необходимо попытаться выяснить, какъ возникъ этотъ обычай или чѣмъ онъ былъ обусловленъ. Историки, согласно признающіе обычную древность иммунитета, весьма различно рѣшаютъ этотъ трудный вопросъ. Цепфль связываетъ происхожденіе иммунитета съ исконной неприкосновенностью частнаго жилища, дома и двора, съ правомъ убѣжища [2]). Сначала, де, для королевскихъ властей былъ недоступенъ только домъ и дворъ частнаго лица, затѣмъ для нихъ стали недоступны и вся его земля и, жившіе на ней, его люди. Эйхгорнъ связываетъ иммунитетъ съ особыми отношеніями дружинниковъ къ королю и считаетъ его преимуществомъ антрустіоновъ [3]). Наконецъ, Мауреръ видитъ начало иммунитета въ исконной свободѣ крупныхъ имѣній отъ общинныхъ узъ. Барскій дворъ издревле пользовался свободой отъ доступа государственныхъ властей и свободой отъ государственныхъ судовъ. „И то и другое было необходимымъ слѣдствіемъ выхода изъ марковой общины и тѣсной связи, существовавшей между господиномъ и зависимыми людьми“, а также, связанной съ этимъ, замкнутостью обитаемаго ими округа [4]). Вопросъ о началѣ иммунитета далеко еще

---

[1]) *Heinr. Zöpfl*, „Deutsche Rechtsgeschichte“, 1872, 4 изд., с. 226, § 41.

[2]) Die Freiheit des Hauses, Asylrecht. § 41, I, с. 224—225.

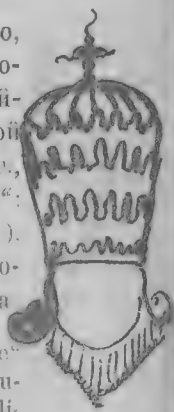
[3]) *K. F. Eichhorn*, „Deutsche Staats-und Rechtsgeschichte“, 2 изд, 1818, § 47, с. 127, 128. Подобно этому *Флакъ* полагаетъ, что дружинники, *вѣрные* короля, принадлежавшіе къ его mundium'у, будучи непосредственно подчинены королю, освобождались отъ подчиненія его чиновникамъ, иначе говоря, пользовались иммунитетомъ. Онъ думаетъ, что еще въ Галліи римскаго времени владѣнія крупныхъ собственниковъ представляли „une potestas franche et libre, une terre inaccessible aux agents de la force publique“... со всѣми иммунитетными правами, и что mundium короля, а позднѣе иммунитетный дипломъ нуженъ былъ такому землевладѣльцу только для того, чтобы охранить его права отъ нарушеній. „Le mundium accordé au grand propriétaire *protégeait* son immunité“. *Jacques Flach*, „Les origines de l'ancienne France“, I, с. 98—101.

[4]) „Auch wurde,—продолжаетъ *Мауреръ*,—diese Immunität bereits zur fränkischen Zeit in den Immunitätsprivilegien von der öffentlichen Gewalt selbst anerkannt“: „Geschichte der Fronhöfe“, § 764, т. IV, с. 384. Ср. его же

не разъяснено, но мнѣ кажется, что рѣшеніе его надо искать въ направленіи, указанномъ Маурером, именно въ отношеніяхъ вотчинъ къ маркамъ-волостямъ.

Нѣкоторую опору разсмотрѣнному взгляду на иммунитетъ, какъ на право, по обычаю издревле принадлежавшее крупнымъ землевладѣльцамъ, даетъ фактъ существованія иммунитета, по существу тожественнаго съ западнымъ, въ Удѣльной Руси. Русскій иммунитетъ имѣетъ нѣкоторыя особенности, но въ этихъ особенностяхъ, какъ, напримѣръ, въ порядкахъ смѣснаго суда, ярко выражаются основныя начала института, менѣе опредѣленно выраженныя въ западныхъ грамотахъ. Въ то же время онъ не обнаруживаетъ никакихъ признаковъ заимствованія; напротивъ того, своимъ полнымъ соотвѣтствіемъ современному общественному строю свидѣтельствуетъ о самобытномъ развитіи.

Въ нашихъ грамотахъ можно найти цѣнныя указанія на то, что права суда и дани съ древнѣйшаго времени составляли постоянную принадлежность крупнаго землевладѣнія. Въ древнѣйшей, сохранившейся въ пергаминномъ подлинникѣ, жалованной грамотѣ великаго князя Мстислава Владиміровича, 1128—1132 г., село дается монастырю „съ данію, съ вирами и съ продажами“: съ данью и съ судебными пошлинами, т.-е. съ правомъ суда [1]). Права дани и суда не являются по этой грамотѣ предметомъ особаго пожалованія, но составляютъ какъ бы естественный прида-



Введеніе, перев. Корша, §§ 83, 111. Въ той же „Geschichte der Fronhöfe“ *Маурер*ъ, нѣсколько противорѣча себѣ, строго разграничиваетъ „Immunität von der Feld-und Markgemeinschaft“ и „Imm. von der öffentlichen Gewalt“ и ведетъ начало послѣдняго отъ королевскихъ пожалованій. Такъ же, какъ *Вайцъ*, онъ утверждаетъ, что иммунитетъ, принадлежавшій королевскимъ имѣньямъ, распространенъ былъ на церковныя и свѣтскія земли: § 101, т. I, с. 303 — 304. *K. Lamprecht* находитъ ложнымъ мнѣніе *Маурера* о происхожденіи иммунитета изъ свободы барскихъ дворовъ отъ марковыхъ узъ. Но въ то же время признаетъ, что „die Markverbänden bestanden vor den lokalen Verbänden der öffentlichen Gewalt: *die Gerichts-und Heeresverfassung organisiert sich räumlich in den Marken*“: „Deutsches Wirtschaftsleben im Mittelalter“, с. 282, прим. 2 и с. 1015, прим. 2. Этотъ-то фактъ и является, по моему мнѣнію, главной опорой гипотезы *Маурера*.

[1]) Доп. къ Акт. Истор., т. I, №, 2. Подобно этому, давали людей съ правомъ суда надъ ними: „А се даю Святый Богородицѣ и епископу прощеники, съ медомъ, и съ купами, и съ вирою и съ продажами, и не надобѣ ихъ судити никакому жъ человѣку“ 1150 г., Уст. грам., Д. А. И., I, № 4.

токъ къ праву собственности на село. Здѣсь, говоря словами Флака „l'immunité apparait comme un simple exercice du droit de propriété“. Точно также въ XIV вѣкѣ рязанскій великій князь Олегъ Ивановичъ даетъ Ольгову монастырю „Арестовское село съ винами и съ поличьнымъ и съ рязанькою, и съ шестьюдесять и со всѣми пошлинами, и съ бортники, и съ бортными землями, и съ поземомъ, и съ озеры, и съ бобры и съ перевѣсьищи“ [1]). Судебныя пени (вины и поличьное), пошлины таможенныя (рѣзанка и 60), оброкъ (поземъ), промышленныя угодья (бортныя земли, бобры, перевѣсьищи)—все перечисляется подъ рядъ, все составляетъ одинаковую принадлежность села. Подобно этому, въ XV вѣкѣ нижегородская княгиня дала „свое село Омуцкое Святому Спасу въ домъ такъ, какъ было при моемъ князи и при мнѣ, и съ судомъ, и съ татьбою, и съ поличнымъ, и съ тамгою, и со всѣми пошлинами“ [2]).

Драгоцѣнныя указанія на принадлежность свѣтскимъ вотчинникамъ иммунитетныхъ привилегій по обычному праву, независимо отъ пожалованій, даетъ одинъ судный списокъ первой половины XV вѣка, отчетливо являющій вмѣстѣ съ тѣмъ феодальныя черты нашихъ удѣльныхъ бояръ [3]). Приведу цѣликомъ его начало:

„Си судъ судилъ князь Михаилъ Андреевичъ. Тягался Левъ Ивановичъ, и за свою невѣстку, и за своего брата Дмитрія Ивановича, съ Игнатьемъ старцемъ Кирилова монастыря. Тако рекъ

[1]) Доп. къ А. Ист., I, № 2 (1356 — 1387). Всѣ эти пошлины и угодья перечислены въ той же грамотѣ еще и въ другомъ порядкѣ; таможенные пошлины послѣ перевѣсьищъ, и вслѣдъ за ними судебныя.

[2]) А. Ист., I, № 29 (вскорѣ послѣ 1425). Въ данныхъ грамотахъ на вотчины до позднѣйшаго времени писали: „А пожаловалъ есми Василья (Алексѣева) и сына его Ортема тѣми деревнями *въ вотчину, и съ судомъ*, опричь душегубства и разбоя съ поличнымъ, *впрокъ ему* и его дѣтямъ“ (1516), А. Юр. Б., № 30, III, (тоже въ А. А. Э., I. № 162). Тоже вотчинная грамота кн. Козловскимъ 1510 г., Акты Юшкова, № 80, и Дмитрію Мирославичу, 1515, А. А. Э. I, № 160.

[3]) *Ѳедотовъ-Чеховскій*, „Акты гражд. расправы“, т. I, с. 1. Раньше того, въ 1855 г., она помѣщена была въ статьѣ *И. Бѣляева*: „Образцы списковъ судныхъ, докладныхъ и пр.“ въ „Арх. Ист.-Юрид. Свѣд.“ кн. II, полов. 1, с. 130. Здѣсь время ея написанія опредѣлено болѣе правильно 1435 — 1447, чѣмъ *Ѳедотовымъ-Чеховскимъ* (1403—1447). Князь Михаилъ Андреевичъ верейскій и бѣлозерскій не могъ судить этого суда раньше смерти своего отца Андрея Дмитріевича, умершаго въ 1435 г.

Левъ: жалоба намъ, господине, на игумена на Трифона Кирилова монастыря и на его братью; *отнимаютъ*, г-не, *у насъ отъ суда да отъ дани въ нашей отчинѣ, въ Кистемѣ деревню* Михалевскую Гарькавого; *а та деревня изъ старины тянетъ судомъ къ намъ*; еще, г-не, отецъ нашъ Иванъ судилъ ту деревню, и дань на ней ималъ, а послѣ отца нашего судили мы ту деревню съ своею братьею и дань на ней имали есмя".

Завленіе истца, что спорная деревня *изстарины* была подвластна, въ отношеніи суда и дани, кистемскимъ боярамъ, никѣмъ не оспаривалось и даже было подтверждено представленной суду жалованной грамотой. Отвѣтчикъ игуменъ объявилъ, что спорная Михалевская деревня еще до перехода ея къ монастырю была освобождена отъ суда и дани кистемскихъ бояръ. Деревню эту далъ монастырю въ домъ Пречистыя Богородицы чернецъ Арсеній. Но еще дѣдъ и отецъ этого черпеца (Ондрей и Никита Кормилицыны) получили отъ бѣлозерскаго князя Андрея Дмитріевича жалованную грамоту, въ которой было сказано: „*тое деревни бѣлозерскимъ намѣстникомъ и кистемскимъ бояромъ не судити ни въ чемъ, ни дани съ тое деревни не имати, ни всылати въ ту деревню ни по что*". На основаніи этой грамоты, князь-судья боярина Льва Ивановича обвинилъ, а игумена Трифона оправилъ и „придалъ ту деревню къ Кирилову монастырю съ судомъ и данью".

Б. Н. Чичеринъ и Ѳ. Дмитріевъ, авторъ „Исторіи судебныхъ инстанцій", давно обратили вниманіе на изложенную грамоту. Чтобы объяснить *изстаринныя* права суда и дани кистемскихъ бояръ на ихъ вотчину Кистему, они предположили, что эти права возникли изъ пожалованія предкамъ ихъ Кистемской округи въ кормленіе, которое затѣмъ стало наслѣдственнымъ и „за давностію времени называлось уже вотчиною" [1]). Въ принципѣ я никакъ не

[1]) *Чичеринъ*, ссылаясь на разсматриваемую грамоту, говоритъ: „наслѣдственное кормленіе называлось иногда вотчиною и защищалось въ судѣ противъ притязаній посторонпихъ лицъ": „Областныя учрежденія Россіи въ XVII вѣкѣ", с. 7. *Дмитріевъ* повторяетъ ту же мысль, говоря о нашей грамотѣ, что „изъ нея видно (?), что кормленіе могло принадлежать не только боярамъ, но ихъ вдовамъ, однимъ словомъ цѣлой семьѣ, точно также какъ всякое частное владѣніе": „Исторія судебныхъ инстанцій", с. 76. *Д. Мейчикъ* предполагаетъ источникъ правъ кистемскихъ бояръ въ жалованныхъ грамотахъ (?) или въ молчаливомъ согласіи князей (?), Грамоты XIV—XV вв. ковъ, с. 18.

буду отрицать возможности превращенія намѣстника-кормленщика въ наслѣдственнаго иммунитетнаго вотчинника. Такія превращенія въ Удѣльной Руси могли случаться такъ же, какъ на западѣ, гдѣ многіе графы-управители-кормленщики превратились въ наслѣдственныхъ собственниковъ ввѣреннаго имъ округа управленія. Но въ данномъ случаѣ гипотеза о кормленіи представляется мнѣ совершенно излишней. Зачѣмъ непремѣнно предполагать, что всякій иммунитетъ исходитъ отъ пожалованія князя въ томъ или другомъ видѣ? Отчего не принять словъ боярина Льва Ивановича въ ихъ прямомъ, вполнѣ опредѣленномъ значеніи: „та деревня *изстарины* тянетъ судомъ (и данью) къ намъ“? Я не могу видѣть въ этихъ словахъ ничего другого, кромѣ довода въ пользу предположенія, что иммунитетныя права проистекаютъ не изъ отдѣльныхъ княжескихъ пожалованій, а изъ общаго обычнаго права [1]).

Я полагаю, вмѣстѣ съ Неволинымъ, что жалованныя грамоты только „подтверждали тотъ порядокъ вещей, который въ древнѣйшія времена существовалъ самъ собою и по общему правилу“, что „въ древнѣйшія времена права вотчинника были не тѣснѣе, а напротивъ еще обширнѣе, чѣмъ они были во времена позднѣйшія. Власть княжеская постепенно распространялась, а не уменьшалась. При слабой власти общественной сильный вотчинникъ въ предѣлахъ своей земли былъ самовластнымъ господиномъ“ [2]).

§ 63. Повсемѣстность иммунитета.

Въ подтвержденіе гипотезы о самобытномъ происхожденіи иммунитета, о его естественномъ развитіи изъ общихъ началъ древнѣйшаго общественнаго строя слѣдуетъ указать, какъ я уже

[1]) *H. L. Bordier*, излагая книгу *Championnière*'а, говоритъ о феодальномъ droit de justice: „à quelque époque qu'on remonte c'est toujours sur la coutume que s'appuie son existence, et son origine remonte ainsi au délà des temps féodaux“, „Bibliothèque de l'ecole des chartes“, t. VI, sér. II, 1847—48, c. 216.

[2]) „Исторія росс. гражд. зак.“, т. II, с. 149, § 272. *В. И. Сергѣевичъ* не высказывается по разбираемому вопросу. *Возникновеніе* иммунитетныхъ привилегій онъ относитъ *„къ самой отдаленной* древности“, но въ то же время замѣчаетъ, что „привилегіи вольныхъ слугъ возникаютъ *каждый разъ* въ силу особой жалованной грамоты“, „Русскія Юрид. Древн.“, т. I, с. 328 и 331.

говорилъ, на его повсемѣстность. Иммунитетъ развился одинаково не только во всѣхъ германскихъ государствахъ западной Европы, но равнымъ образомъ во всѣхъ славянскихъ государствахъ Европы восточной. Чтобы не выходить за предѣлы моей задачи, я ограничусь здѣсь нѣсколькими замѣчаніями объ иммунитетныхъ привилегіяхъ въ Литвѣ, Чехіи, Болгаріи, Сербіи и Византіи.

Въ литовско-русскомъ государствѣ судебный иммунитетъ имѣній дворянскихъ (княжатъ, рыцарей, шляхтичей, бояръ, мѣстичей, а также прелатовъ) былъ подтвержденъ общей жалованной грамотой короля Казиміра Ягелловича 1457 г. и его же литовскимъ судебникомъ 1468 г. Исконное право господъ судить живущихъ на ихъ земляхъ людей, по ихъ взаимнымъ тяжбамъ, являлось столь безспорнымъ, что король Казиміръ не счелъ даже нужнымъ подтверждать его. Судебникъ содержитъ въ себѣ постановленіе только объ *обчемъ судѣ* (или смѣсномъ, какъ онъ назывался въ Руси), т.-е. о судѣ между великокняжескими и господскими (князьскими, панскими или боярскими) людьми, или между людьми разныхъ господъ. Въ случаѣ спора между людьми разныхъ господъ истецъ долженъ „ѣхати искати права предъ осподаремъ“ отвѣтчика, „а не удѣлаетъ ли права, ино обчій судъ“. Въ случаѣ спора между людьми великокняжескими и господскими, обчій судъ назначается только въ томъ случаѣ, если отвѣтчиками являются эти послѣдніе; великокняжескаго же человѣка судятъ намѣстники и тіуны безъ участія того пана или боярина, на землѣ котораго живетъ истецъ [1]). Это ограниченіе компетенціи

[1]) Акты Зап. Россіи, т. I, № 67, с. 81. Въ жалованной грамотѣ Казиміра 1457 г. читаемъ: „А такожъ на подданыхъ предреченныхъ княжатъ, рытеревъ, шляхтичовъ, бояръ, мѣстичовъ — дѣцкыхъ не дамы, олижь бы первѣй отъ пана, которому же тотъ подданъ, который кривду чинилъ, правда пожадана была“. Дѣцкій посылается только въ томъ случаѣ, если господинъ не захочетъ судить дѣла. А. З. Р., I, № 61 (ср. тутъ же разночтенія по списку Дялынскаго). Постановленія эти, конечно, не составляли нововведенія, какъ думаетъ *И. Новицкій:* „Арх. Ю.-Зап. Россіи“, ч. VI, т. I, с. 17—19. Тожество судебныхъ привилегій русскихъ съ литовскими, за указаннымъ въ текстѣ ограниченіемъ, особенно ясно видно изъ слѣдующей жалованной грамоты литовскаго великаго князя Александра кіевской землѣ конца XV вѣка: 1) „врядникъ нашъ не маетъ слугъ и людей князьскихъ и паньскихъ и боярьскихъ ни судити, ни рядити, а ни винъ, ни пересудовъ на нихъ брати; 2) нижьли, коли съ нашимъ чоловѣкомъ прого-

литовскихъ обчихъ судовъ составляетъ единственное ихъ отличіе отъ русскихъ.

Литовскіе князья въ XIV и XV вѣкахъ, жалуя земли монастырямъ или своимъ слугамъ, обыкновенно не оговаривали ихъ иммунитетныхъ привилегій, или оговаривали ихъ неопредѣленно: „а кого коли испрячють людій къ себѣ у томъ мѣстѣ, у млина, тые люди дали есмо имъ *со всимъ правомъ*“; или: „дали есмо тотъ дворъ... *со всимъ правомъ, и панствомъ, и пожиткомъ*“ [1]). Но въ нѣкоторыхъ грамотахъ эти слова поясняются такъ: „воеводы и намѣстники въ людей его, рыцаря, и не мають уступовати, ни судити, ни рядити, онъ самъ маеть свои люди судити и рядити“ [2]). Отмѣтимъ также грамоту 1456—1471 гг., въ которой иммунитетность имѣнья подтверждается ссылкой на старину: „ино, коли тое имѣнье *изъ вѣка боярское, а не тяглое*, и мы ему тое имѣнье подтверждаемъ симъ нашимъ листомъ“ [3]).

Жалованныя грамоты князей полоцкихъ и мстиславскихъ XIV—XV вѣковъ по изложенію и терминологіи наиболѣе близки къ грамотамъ сѣверо-восточной Руси, нѣкоторыя даже ближе къ московскимъ грамотамъ, чѣмъ грамоты князей рязанскихъ. Въ нихъ мы находимъ совершенно опредѣленныя постановленія объ освобожденія отъ даней и пошлинъ, отъ суда и управленія намѣстниковъ и тивуновъ, а также о смѣсномъ судѣ [4]).

Изъ русской Литвы перейдемъ на Балканскій полуостровъ и прежде всего въ Болгарію. Хрисовулы болгарскихъ царей XIII, XIV вѣковъ интересны по опредѣленности формулъ пожалованія иммунитета. Доступъ царскимъ „владѣльцамъ“ (севасти, прахтори,

---

диться князьскому або паньскому, а любо боярьскому право мѣть, ино тогда врядинку нашому судити его чоловѣка зъ его судьею; 3) а коли будетъ нашъ чоловѣкъ виненъ, ино зъ него намъ вина, а коли князьскій... ино вина тому чій человѣкъ“. А. З. Р., I, № 130.

[1]) А. З. Р., I, № 4, 1375. Жалованная грамота подольскаго князя Александра Коріатовича. Также А. Ю. и З. Р., т. I, № 10, 1408 г., № 37 (1502) и № 45 (1507).

[2]) Акты Южной и Зап. Россіи, т. I, № 33, 1500. Въ этой грамотѣ также сказано: „дали тое имѣнье со всимъ правомъ и паньствомъ“.

[3]) А. З. Р., I, № 59. Грамота короля Казиміра Луцкому ключнику.

[4]) Грамота полоцкаго князя, около 1399 г.; А. З. Р., I, № 14. Грамоты мстиславскихъ князей, 1443, 1468, 1483, 1499, 1511, А. З. Р., I, №№ 43, 82, 177, А. Ю. и З. Р., I, № 58. Акты Литовской метрики, I, № 21.

кефаліи), отъ высшихъ управителей до низшихъ сборщиковъ податей, въ иммунитетное имѣнье воспрещается по этимъ грамотамъ въ слѣдующихъ яркихъ выраженіяхъ: никто изъ царскихъ чиновниковъ „да не смѣеть насиліомъ вьлѣсти въ села и въ люди того монастирѣ... насиліомъ хлѣба възяти, ни курета убити, ни погою бъхма стати на дворѣ ихъ, но въси да отгоними бывають и да отстоять далече явленіемь сего златопечатлѣннаго слова царства ми". Управители не должны „имѣть области" надъ монастырскими людьми „ни до единаго власа" [1]). Царь Константинъ Асѣня въ хрисовулѣ второй половины XIII вѣка говоритъ: „никотори владалецъ царства ми... да не има вьлѣсти въ село Рѣчици, и ни судити ни связати, ни глобу взяти, ни кои доходокъ вьзяти... си взима церква"; — „о всякомъ длъгу да судитъ игумень"; — „кто ли се найде судивь человѣку святаго Георгия посилиемь, и отрока да обинитъ... связавъ безъ игуменева суда, буди на немъ клятва Божия" [2]). Что касается до податныхъ привилегій, то въ болгарскихъ хрисовулахъ подробно исчисляются всѣ, слагаемыя съ монастырскихъ людей, подати, пошлины и повинности.

Сербскіе хрисовулы XIII—XIV вѣковъ отличаются отъ болгарскихъ формулировкой пожалованій. Постановленія относительно податныхъ привилегій совершенно опредѣлительны, такъ же, какъ въ только что разсмотрѣнныхъ болгарскихъ грамотахъ. Сербскіе крали, такъ же, какъ болгарскіе, какъ и германскіе государи, подробно исчисляютъ всѣ налоги, отъ которыхъ они освобождаютъ монастырскихъ людей. Податныя привилегіи давались обыкновенно въ полномъ объемѣ: „оть всѣхь работь великыхь и малыхь и всякаго поданька" [3]). Столь же опредѣленны постановленія о неподвластности монастырскихъ людей королевскимъ

[1]) Грамота Іоанна Шишмана, 1379 г., *И. Срезневскій*, „Свѣд. и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ". Прилож. къ XXXIV т. „Зап. И. Ак. Н.", с. 38.—„Отъ сихъ въсѣхъ да не имать власти никто испакостити, ни ногы поставити насилу въ сія села" 1348, ib., с. 32.

[2]) *И. Срезневскій*, Idem, с. 19, 20. Опредѣленіе объ уголовныхъ дѣлахъ невполнѣ ясно, тамъ же, с. 20.

[3]) Хрисовулъ 1349 г. Аѳонскому монаст. св. Пантелеймона: Аѳонскіе акты мон. св. Пантелеймона. Подобныя формулы см. *Т. Флоринскій*, „Цам. законод. дѣятельности Душана", 1888, с. 38, 39 и др. „Отъ всѣхъ работъ и поданькь велихь и малихь", ib., с. 47.

властямъ: „да не има никто области надъ ними тькмо калоугерь, коего постави игоумьнь“; „никто да не метеха ни да обладаеть, ни кефалия, ни воевода, ни кнезь, ни севасть, никто же одь владущихь въ землы царьства ми“ [1]). Что же касается судебныхъ привилегій, то сербскіе короли говорятъ о нихъ большею частью довольно неопредѣленно. Видно, однако, что дѣла, возникавшія между монастырскими людьми, какъ уголовныя, такъ и гражданскія, всѣ подлежали суду игумена. Смѣсныхъ судовъ, какъ кажется, въ Сербіи не знали; по крайней мѣрѣ, въ сербскихъ хрисовулахъ на такіе суды нѣтъ никакихъ указаній. Дѣла же, возникавшія между людьми монастыря и посторонними лицами, разрѣшались, по нѣкоторымъ хрисовуламъ, королемъ, а также мѣстными властями. Суду короля подлежали важнѣйшія дѣла, уголовныя и нѣкоторыя другія; менѣе важныя дѣла, по нѣкоторымъ хрисовуламъ, подлежали суду игумена даже и въ случаѣ столкновенія монастырскихъ людей съ посторонними лицами. Но пени, даже и по уголовнымъ дѣламъ, шли въ пользу игумена [2]).

Въ Сербіи, какъ мы упоминали, на ряду съ церковнымъ иммунитетомъ, существовалъ и иммунитетъ свѣтскихъ землевладѣльцевъ. Объ объемѣ властельскихъ иммунитетныхъ привилегій трудно судить за недостаткомъ властельскихъ хрисовуловъ и за неполнотою относящихся къ этому предмету статей законника Стефана Душана. Въ сохранившемся властельскомъ хрисофулѣ (Георгію

[1]) *Т. Флоринскій*, „Пам. Зак. дѣят. Стеф.“, с. 51. Ср. с. 46, 91, 120 и др.

[2]) „И да имъ нѣсть суда, развѣ прѣдь кралемъ и прѣдь икономомъ настоящимъ“ (1335—1345, пиргу св. Вознесенія). „И кьдисе пре сами людие црковніи да имь никто не судіи, развѣ игоумнь; а що се пре съ инѣми людми за враждоу, за землю, за конь, за проводь, да идоу прѣдь цара, а за ние соудове да идоу прѣдь митрополита и прѣдь игоумна“ (Призрѣнскій хрисовулъ). „И що се учини вражда (убійство) мегоу црьковными людьми, да оузима црьковь, такожде и дѣвичь разбой. И що се пре црьковны людіе на двороу кралевьства ми или прѣдь иными людьми, или е роука, или е послухь, или о глоба (пеня) коя либо, да оузыма вьсе црькьвь, рекше игоумень“ (хрисов. Степана Уроша IV церкви въ Хтѣтовѣ). Въ греческомъ хрисовулѣ Стефана Душана 1346 г. люди монастыря освобождаются „отъ судебнаго слѣдствія и рѣшенія“. *Т. Флоринскій*, назв. соч., сс. 39, 56, 71. *Ѳ. Зигель*, „Законникъ Стефана Душана“, 1872, с. 73 (Призрѣнскій хрисовулъ) и вообще объ судебномъ иммунитетѣ, с. 72—75.

Фокопулу, 1352 г.) мы, однако, находимъ основное постановленіе всѣхъ иммунитетныхъ грамотъ: полное воспрещеніе королевскимъ властямъ доступа въ частное имѣнье: „никто изъ царскихъ властелей или властеличичей да не посмѣетъ войти въ домы его или наложить свою хищническую и несправедливую руку на его имѣнье“ [1]).

Иммунитетъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими феодальными учрежденіями, развился также и въ Византіи въ послѣдній періодъ ея исторіи. Редакція хрисовуловъ византійскихъ императоровъ XI—XIV вѣковъ въ общемъ весьма близка въ редакціи сербскихъ хрисовуловъ, особенно тѣхъ, которые были написаны по-гречески. Но византійскіе хрисовулы отличаются отъ сербскихъ совершенной ясностью судебныхъ привилегій. Освобождая монастырь отъ разнообразныхъ налоговъ, поборовъ и всякаго отягощенія, императоры при этомъ обыкновенно оговариваютъ четыре статьи: убійство, дѣворастлѣніе (παροενοφθορία), находку клада и гуменный (житный) сборъ. Изъ этой оговорки о томъ, что монастырскіе люди не освобождаются отъ уплаты пошлинъ и пеней за уголовныя преступленія, можно заключить, что они пользовались судебною льготой въ отношеніи гражданскихъ дѣлъ [2]). Византійскіе хрисовулы по формулировкѣ льготъ отстоятъ отъ русскихъ жалованныхъ грамотъ еще дальше, чѣмъ „златопечатлѣнныя слова“ королей болгарскихъ и сербскихъ. Характерная черта редакціи всѣхъ южныхъ хрисовуловъ, отличающая ихъ отъ русскихъ грамотъ, это длиннѣйшія, благочестивыя, витіеватыя вступленія. Одна изъ дарственныхъ грамотъ Стефана Нѣмани начинается буквально отъ сотворенія міра: „Искони сотвори Богъ небо и землю и человѣкы на ней и благослови е“, etc. etc. [3]).

§ 64. Значеніе иммунитета.

Фюстель-де-Куланжъ слѣдующимъ образомъ рисуетъ то громадное значеніе, какое имѣлъ иммунитетъ въ государственныхъ

---

[1]) *Т. Флоринскій*, назв. соч., с. 142 (перев. греч. грамоты). Ср. *Θ. Зигель*, назв. соч., с. 76—84 (о хрисовулѣ на островъ Млѣтъ, 1357 г.).

[2]) О византійскихъ хрисовулахъ см. *В. Г. Васильевскій*, „Мат. для истор. Визант. госуд.“, „Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія“, т. CCX, 1880, августъ, с. 374 и сл.

[3]) *Fr. Miklosich*, „Monumenta serbica“, Viennae, 1858, № IX (1198—1199).

отношеніяхъ древности: „Частный собственникъ, лишивъ власти государственнаго чиновника, сталъ безусловнымъ господиномъ надъ своими землями. По отношенію къ людямъ, свободнымъ и рабамъ, живущимъ на его землѣ, онъ уже не только собственникъ, онъ дѣлается тѣмъ, чѣмъ раньше былъ графъ; въ его рукахъ все, что принадлежало государственной власти. Онъ—единственный глава, единственный судья, какъ и единственный покровитель. Люди его земли не имѣютъ иного правительства надъ собою. Конечно, по отношенію къ королю онъ остается подданнымъ, или, говоря точнѣе, вѣрнымъ; но у себя дома онъ самъ—король“ [1]).

Такими же феодальными „королями“ были и русскіе иммунитетные землевладѣльцы. Внимательно изучивъ льготныя жалованныя грамоты, В. Милютинъ говоритъ: „большая часть правъ, предоставлявшихся духовенству имѣли не столько гражданскій, сколько политическій характеръ. Поэтому и слѣдствіемъ ихъ было образованіе изъ каждой монастырской или церковной вотчины особаго полунезависимаго и сомкнутаго въ себѣ міра, государства въ государствѣ“. Неволинъ столь же опредѣленно характеризуетъ объемъ и значеніе „чрезвычайно обширныхъ правъ“, предоставлявшихся свѣтскимъ вотчинникамъ по жалованнымъ грамотамъ: „на основаніи этихъ грамотъ поземельный владѣлецъ получалъ многія права державной власти и становился въ своей вотчинѣ какъ бы княземъ“ [2]).

Державное значеніе иммунитета ярко выражается въ порядкѣ русскихъ смѣсныхъ судовъ: на этихъ судахъ вотчинникъ, какъ мы говорили, судитъ вмѣстѣ съ княжескимъ намѣстникомъ, какъ равноправный представитель власти. Политическое значеніе иммунитета зиждется на томъ, что онъ разрываетъ связь подданства между государемъ и населеніемъ. Государственное подданство замѣняется подданствомъ частному лицу—льготному вотчиннику. Западные акты противополагаютъ епископскихъ и монастырскихъ людей—королевскимъ и графскимъ, такъ же какъ наши грамоты игуменовыхъ людей—намѣстничьимъ [3]).

[1]) *Fustel de Coulanges*, „Les origines du syst. féod.“, с. 419.

[2]) *В. Милютинъ*, Чтенія, кн. III, с. 220 (ср. 244). *Неволинъ*, „Ист. росс. гражд. зак.“ § 272, с. 148.

[3]) Aut regius, aut abbatialis, aut comitalis homo: *Waitz*, IV, 320.

Политическое значеніе иммунитета сильно измѣнялось въ зависимости отъ фактическихъ, матерьяльныхъ отношеній. Въ рукахъ мелкаго свѣтскаго или духовнаго вотчинника, особенно при наличности сильной княжеской власти, политическое значеніе иммунитетныхъ правъ могло сводиться къ нулю. Мелкаго землевладѣльца право суда интересовало, какъ право взимать въ свою пользу судебныя пошлины и пени. Не обладая достаточной силой власти, онъ далеко не всякаго преступника могъ заставить уважать свой авторитетъ, и дорожилъ поэтому правомъ суда, не какъ важной прерогативой, а какъ доходной статьей. Во многихъ грамотахъ мы встрѣчаемъ особыя постановленія на случай, если игуменъ, пожалованный правомъ суда, „не похочетъ судити“ какого-либо дѣла.

Напротивъ того, когда иммунитетными правами владѣлъ крупный землевладѣлецъ, они пріобрѣтали важное политическое значеніе. Въ XII вѣкѣ рязанскій Ольговъ монастырь владѣлъ пятью волостями (погостами) съ населеніемъ болѣе, чѣмъ въ 1000 семей, т.-е. въ нѣсколько тысячъ душъ. Этому монастырю предоставлены были иммунитетныя права въ полномъ объемѣ: княжескіе волостели и намѣстники не смѣли въѣзжать въ околицу его обширныхъ земельныхъ владѣній [1]). Такой монастырь представлялъ собою для того времени крупную политическую силу и благодаря иммунитету, дѣйствительно, становился государствомъ въ государствѣ.

Проф. Ключевскій мѣтко указалъ въ условіяхъ колонизаціи Заволжскаго края основы раздѣленія его на рядъ мелкихъ удѣловъ: „небольшіе бассейны рѣкъ того края, Суды, Кемы, Андоги, Ухтомы... представляли въ XIV, XV вѣкахъ недавно заселенные или только что еще заселявшіеся острова, открытыя и сухія прогалины среди моря лѣсовъ и болотъ;... эти рѣчные округа и области служили готовымъ основаніемъ для удѣльныхъ дѣленій и подраздѣленій“ [2]). Та же самая географическая обособленность эпохи колонизаціи, усиливаемая экономической обособленностью господствовавшаго тогда натуральнаго хозяйства, служила опорой самостоятельности боярскихъ вотчинъ. Обособленное, уединенное положеніе боярскихъ владѣній въ бассейнѣ маленькой рѣчки

[1]) А. Истор. I, № 2.

[2]) *В. Ключевскій*, „Боярская дума“, 2 изд. с. 87.

вдали отъ торныхъ путей, вдали отъ стана княжескаго намѣстника или волостеля, давало особое значеніе и силу иммунитетнымъ привилегіямъ, принадлежавшимъ боярину по древнему обычному праву или по особому княжескому пожалованію.

Кистемскій бояринъ, владѣвшій изстарины, съ правами суда и дани, своей вотчиной Кистемой на Бѣлоозерѣ, ничѣмъ не отличался отъ мелкаго служебнаго князя, въ томъ же Бѣлоозерскомъ краю, князька Кубенскаго или Карголомскаго [1]). Мелкіе вотчинники Кормилицыны, владѣвшіе, по купчей ихъ бабки, въ концѣ XIV вѣка, деревней Михалевской въ Кистемѣ, были подвластны въ отношеніи суда и дани боярину Кистемской округи. Только особая княжеская жалованная грамота освободила ихъ отъ власти боярина. Когда деревня перешла въ монастырь, бояринъ Левъ Ивановичъ вновь заявилъ на нее свои притязанія, и началъ судебное дѣло противъ игумена [2]).

Важное значеніе землевладѣльческаго боярства удѣльнаго времени указано давно. Напомнимъ о томъ руководящемъ вліяніи, какое ростовскіе земскіе бояре имѣли въ борьбѣ князей Ростиславичей, Мстислава и Ярополка, противъ Юрьевичей, братьевъ Андрея Боголюбскаго, послѣ смерти послѣдняго. Они дѣйствуютъ во время этой междоусобицы такъ же, какъ галицкіе бояре-феодалы. Московскія преданія, несомнѣнно отразившія историческую дѣй-

---

[1]) Принизившееся положеніе мелкихъ удѣльныхъ князьковъ видно, между прочимъ, изъ ихъ жалованныхъ грамотъ. Бохтюжскій князь (волость Бохтюга къ сѣв. отъ Вологды въ 40 в.), въ XV вѣкѣ давая льготную и несудимую грамоту игумену Глушицкаго монастыря, выговариваетъ себѣ, т. сказ., ключничій доходъ: „А дастъ ми игуменъ корму со всѣхъ своихъ людей на Рождество Христово полоть мяса и десятеро хлѣбовъ; а на Петровъ день дадутъ мнѣ десятеро хлѣбовъ да баранъ“: *Арх. Амвросій*, „Истор. Росс. Іерархіи“, ч. III, с. 704—706.

[2]) См. выше. *Кистема-Кистинема-Киснема* находилась на берегу Бѣлоозера, близъ рѣки Кіуй. Князь Михаилъ Андреевичъ, присудившій Михалевскую деревню игумену Касьяну, впослѣдствіи взялъ ее себѣ въ 1448—1449 гг.; см. *С. Шумаковъ*, „Обзоръ грам. колл. экономіи“: „Чт. М. О. Ист. и Др“., 1900, кн. III, с. 114. Ср. Описи земель Кирило-Бѣлозерскаго монастыря 1413 и 1556 г., А. А. Э., I. № 377, с. 474, и А. Ист., I, № 163, с. 301. Въ 1486—1505 г. въ Кистьнемѣ уже является отвѣтственнымъ лицомъ староста: А. А. Э., I, № 73. Въ XVII вѣкѣ упоминаются Киснемская пристань, Киснемскіе — мысъ и заповѣдныя топи: Д. къ А. Ист., VII, 186, 278. — Ср. *Кистьма* въ Бѣжецкомъ Верхѣ: С. Г. Г. Д., № 42, II. С. Л., XI, 17.

ствительность, рисуютъ намъ типичный образъ могущественнаго боярина Степана Ивановича Кучки, который владѣлъ обширными землями по обоимъ берегамъ рѣки Москвы, на глухой въ то время окраинѣ Ростовской земли, „возгордился зѣло“ предъ княземъ Юріемъ Долгорукимъ и велъ съ нимъ вооруженную борьбу [1]). Въ XIV вѣкѣ бояре, благодаря своимъ крупнымъ земельнымъ владѣніямъ, пріобрѣтали такую силу, что становились опасны великимъ князьямъ. Бояринъ Алексѣй Петровичъ Хвостъ, московскій тысяцкій, поднялъ крамолу противъ великаго князя Симеона Гордаго, былъ изгнанъ и лишенъ своихъ волостей, и вслѣдъ затѣмъ въ княженіе Іоанна II снова занялъ должность тысяцкаго, несмотря на то, что Іоаннъ клятвенно обѣщался брату Симеону не принимать мятежнаго боярина. Извѣстный воевода Дмитрія Донского, Ѳедоръ Андреевичъ Свибловъ владѣлъ 15-ю селами со множествомъ тянувшихъ къ нимъ деревень. Великій князь Василій Дмитріевичъ подвергъ его опалѣ и въ своей духовной 1406 г. перечислилъ всѣ конфискованныя „села Свибловы“, въ числѣ главныхъ своихъ земельныхъ владѣній [2]).

Государственныя права древнѣйшихъ бояръ на ихъ вотчины хорошо характеризуетъ жалованная грамота, данная новгородскимъ бояриномъ Василіемъ Степановичемъ игумену Пѣшешскаго монастыря, въ 1450 г. Василій Степановичъ былъ въ это время посадникомъ новгородскимъ, но грамоту эту онъ далъ не какъ посадникъ, а какъ частное лицо. Написана она по образцу княжескихъ и великокняжескихъ грамотъ: „ни прикащикомъ посадницимъ Васильевымъ, ни слугамъ, ни христіаномъ не вступатись ни во что жъ монастырское, ни обидѣти. А кто почнетъ вступатись или обидѣти, ...на того Богъ и св. Іоаннъ Богословъ. А слуцится дѣло монастырскому человѣку съ посадницимъ человѣкомъ съ Васильевымъ, ино судитъ игуменъ съ посадницимъ съ Васильевымъ прикащикомъ“... Въ другой подобной грамотѣ читаемъ: „а кунщики мои съ тѣхъ селянъ кунъ не берутъ, и иныхъ никоторыхъ пошлинъ; ни прикащикъ мой къ нимъ не въѣзжаетъ“... [3]).

---

[1]) Историческая основа сказанія о боярынѣ Кучкѣ выяснена *И. Бѣляевымъ*, „Лекціи по истор. русск. законод.“, 2 изд., с. 304—310.

[2]) „Собр. Госуд. Грам. и Догов.“, т. I, № 39. *Соловьевъ*, „Ист. Росс.“, кн. I, с. 1004, 1049 и др.

[3]) Ак. Юрид. № 110, VI. Ср. № 10, VII, 1470, Ивана Васильевича (уже

Частныя лица, такимъ образомъ, не только сами пользуются иммунитетомъ, но даютъ иммунитетъ монастырямъ, освобождая ихъ отъ подчиненія своимъ властямъ — приказчикамъ и кунщикамъ. Послѣдствіемъ иммунитета на западѣ, какъ извѣстно, былъ захватъ крупнѣйшими землевладѣльцами верховной власти; иммунитетъ послужилъ опорой для узурпаціи суверенитета и для образованія средневѣковыхъ княжествъ-государствъ. Этого послѣдствія у насъ иммунитетъ не имѣлъ. Ни одинъ удѣльный бояринъ не превратился въ князя-государя, въ собственномъ смыслѣ слова. Но это произошло по совершенно случайной причинѣ—вслѣдствіе быстраго размноженія рода владѣтельныхъ князей рюриковичей. Родъ каролинговъ рано угасъ. У насъ же въ моментъ назрѣвшаго раздѣленія страны оказалось на лицо множество потомковъ Всеволода Большого Гнѣзда. Для каждаго обособленнаго округа находился князь претендентъ, съ наслѣдственными суверенными правами. Наслѣдственные князья заняли у насъ то мѣсто, какое на западѣ заняли графы-управители и вотчинники, возвысившіеся до положенія владѣтельныхъ государей. Небольшіе размѣры удѣловъ дали нашимъ князьямъ возможность упрочить свою власть и предотвратить узурпацію власти со стороны бояръ. У насъ такъ же, какъ на западѣ, вслѣдствіе одинаковыхъ причинъ, земля неудержимо распадалась, раздѣлялась на мелкіе, самостоятельные мірки. Но „окняженье“ земли у насъ, въ противоположность западу, предупредило ея „обояренье“.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Защита — патронатъ.

Различныя формы защитной зависимости имѣли громадное значеніе въ развитіи феодализма. Разсматривая значеніе и видоизмѣненіе исторіи патроната со времени упадка римской имперіи,

---

не посадника). Также жаловали иммунитетъ митрополиты: А. А. Э., I, № 45, 105, (1476). Ср. Грам. Карголомскаго князька, 1471—1475 г.: *Н. Н. Дебольскій*, „Изъ актовъ и грамотъ Кирило-Бѣлозерскаго монастыря“, № LXIII, (пожалованіе деревни, „съ судомъ и съ данью и со всѣми пошлинами“); и другая подобная: № LXVI (стр. 30).

историки феодализма, особенно историки-романисты видятъ въ немъ одно изъ главныхъ зиждущихъ началъ перехода къ феодальному порядку.

Одна изъ формъ патроната, коммендація личная и земельная имѣла большое значеніе не только въ начальную эпоху образованія феодализма, но не утратила его и впослѣдствіи. Ростъ крупнаго землевладѣнія въ извѣстной степени связанъ былъ съ этою коммендаціей. Различныя формы защитной зависимости существовали и въ послѣдніе вѣка феодальной эпохи.

Особенное значеніе получаетъ и патронатъ въ его различныхъ видахъ, при воззрѣніи на феодализмъ, какъ на систему по преимуществу личныхъ договорныхъ отношеній, отношеній частнаго права. Вассальная связь при этомъ разсматривается такъ же, какъ одно изъ отношеній защиты, такъ какъ по условіямъ вассальнаго договора сеньеръ обѣщалъ своему вассалу помощь и покровительство (aide et assistance). И весь феодализмъ съ этой точки зрѣнія, разсматривается, какъ напримѣръ Соловьевымъ, какъ господство частныхъ союзовъ защиты: раздробляя страну на множество почти независимыхъ владѣній, феодализмъ, этими союзами, „связываетъ владѣльцевъ цѣпью собственно однихъ только нравственныхъ отношеній“. Въ наше время подобная этой точка зрѣнія на феодализмъ развита была въ изслѣдованіи Флака [1]).

Существованіе у насъ двухъ основныхъ формъ средневѣковаго патроната или защиты, коммендаціи личной и коммендаціи лица съ землею, доказывается столь же твердо, какъ существованіе разсмотрѣннаго въ предыдущей главѣ иммунитета. Вмѣстѣ съ этой коммендаціей-закладничествомъ выясняется существованіе у насъ и лежащаго въ основѣ коммендаціи мундебура.

I. Закладничество—коммендація.

§ 65. Два пониманія закладничества.

Взглядъ на закладничество, какъ на коммендацію, какъ на защитную зависимость вполнѣ опредѣленно выраженъ былъ Соловьевымъ [2]). — „Во все продолженіе древней русской исторіи—

[1]) *Jacques Flach*, „Les origines de l'ancienne France“.

[2]) „Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ“, книга I, ст. 1214—1215.

писалъ онъ — мы видимъ стремленіе менѣе богатыхъ, менѣе значительныхъ людей закладываться за людей болѣе богатыхъ, болѣе значительныхъ, пользующихся особыми правами, чтобы подъ ихъ покровительствомъ найти облегченіе отъ повинностей и безопасность. Стремленіе это мы видимъ и въ другихъ европейскихъ государствахъ въ средніе вѣка". „Тяглый человѣкъ—писалъ онъ въ другомъ мѣстѣ—бѣжалъ отъ невыносимой тягости, укрывался, вступалъ въ зависимость отъ частныхъ сильныхъ и богатыхъ людей, чтобъ найти въ ней льготу и покровительство". Это явленіе „составляетъ характеристическую черту первобытныхъ, неразвитыхъ государствъ". „Здѣсь естественно стремленіе бѣднаго, слабаго входить въ зависимость отъ богатаго, сильнаго, чтобъ найти у нихъ помощь и покровительство, найти защиту, какъ отъ насилій другихъ сильныхъ, какой не можетъ дать государство еще слабое, такъ и отъ требованій самого государства". „Извѣстно,— прибавляетъ Соловьевъ—что такъ называемая феодальная система на западѣ... основывалась на этомъ стремленіи слабыхъ войти въ зависимость отъ ближайшихъ сильныхъ, съ цѣлію найти въ нихъ защиту и покровительство" [1]).

Соловьевъ много разъ и въ своей „Исторіи Россіи", и въ различныхъ статьяхъ касался закладничества и вездѣ говорилъ о немъ въ томъ же смыслѣ, какъ о вступленіи въ защитную зависимость. Но онъ вездѣ ограничивался такой общей характеристикой существа закладничества и не нашелъ нужнымъ его сколько нибудь обосновать. Бѣляевъ сходно съ Соловьевымъ говорилъ о закладничествѣ для „защиты и покровительства", но также не привелъ въ пользу этого мнѣнія никакихъ данныхъ. И въ результатѣ это объясненіе не только не было принято нашими историками, но даже совершенно забыто; изъ послѣдующихъ изслѣдователей, писавшихъ о закладничествѣ, никто не упоминаетъ объ этомъ мнѣніи Соловьева.

Старое мнѣніе о закладничествѣ, какъ личномъ закладѣ, какъ о самозалогѣ, о залоговой зависимости по закладному контракту, высказанное впервые еще въ 20-хъ годахъ, продолжало у насъ господствовать до послѣдняго времени. Историки, болѣе или менѣе

---

[1]) „Публичныя чтенія о Петрѣ Великомъ": „Собр. Соч. С. М. Соловьева" стр. 986—987.

согласно увѣренно доказывали, что закладничество было сдѣлкою залога, или личнымъ закладомъ, или вещнымъ закладомъ, или тѣмъ и другимъ вмѣстѣ. Противъ Соловьева и Бѣляева въ этомъ вопросѣ стоялъ согласный рядъ до 20-ти изслѣдователей, по преимуществу историковъ права: Карамзинъ, Рейцъ, Неволинъ, Мейеръ, Чичеринъ, Побѣдоносцевъ, Ѳ. Устряловъ, Н. Аристовъ, В. Милютинъ, Никитскій, Костомаровъ, Ключевскій, Сергѣевичъ, Лаппо-Данилевскій, Милюковъ, и другіе, высказавшіеся менѣе опредѣленно или съ чужихъ словъ.

Это столь утвердившееся мнѣніе не имѣетъ, однако, за собой никакой опоры въ источникахъ. Его исходнымъ пунктомъ и въ то же время главнымъ аргументомъ было очень элементарное и всегда ненадежное объясненіе древнихъ терминовъ „закладываться“ и „закладчикъ“ по современному намъ значенію этихъ словъ. Совершенно не имѣя въ виду другого пониманія этихъ терминовъ (укрываться, задаваться), изслѣдователи были убѣждены, что „закладываться“ значило въ древности „отдавать себя въ залогъ“ и что „закладчикомъ“ назывался тогда такъ же, какъ въ наше время, человѣкъ что-либо заложившій, отдавшій въ залогъ самого себя. Въ этомъ убѣжденіи они не различали актовъ, касающихся закладничества, отъ актовъ, относящихся къ залогу вещному и личному, хотя терминологія тѣхъ и другихъ весьма различна и очень выдержана въ этомъ различіи.

§ 66. Закладываться-задаваться.

„Точный смыслъ извѣстныхъ терминовъ въ каждую эпоху очень поучителенъ для историка“, замѣчаетъ Фюстель-де-Куланжъ, который, изучая исторію учрежденій, такъ внимательно слѣдилъ за исторіей словъ. Ошибка въ объясненіи закладничества вся коренится въ ошибочномъ пониманіи термина „закладываться“, и достаточно возстановить истинное древнее его значеніе, чтобы наполовину выяснить вопросъ и устранить возможность прежняго смѣшенія узаконеній, касающихся защиты съ одной стороны и залога—съ другой.

Глаголъ „закладываться“ въ древности никогда не употреблялся въ приписываемомъ ему теперь смыслѣ. Въ сочетаніяхъ „зало-

житься чѣмъ-нибудь“ и „заложиться за кого-нибудь“ это слово значило: заслониться, укрыться, защититься, предаться на защиту.

Въ Ипатьевской лѣтописи нѣсколько разъ находимъ это слово въ смыслѣ заслониться: заложиться ночью, лѣсомъ, рѣкою: „есть рѣка у Любча и пришедше сташа, заложившеся ею“; „а еще стоить заложивъся лѣсомъ“ [1]).

Въ актахъ XV—XVI столѣтій терминъ „заложиться за кого-нибудь“ употребляется для обозначенія государственнаго подчиненія съ тѣмъ же оттѣнкомъ защиты, обереганья. Такъ, на соборѣ 1566 г. духовенство, разсуждая о захватѣ польскимъ королемъ ливонскихъ городовъ, говорило: „а достальные нѣмцы, видя свое неизможеніе, заложилися за короля и со своими городы, и король тѣ городы ливонскіе держитъ за собою въ обереганьѣ неподѣльно“. Такъ, въ 1471 году, митрополитъ Филиппъ, укоряя новгородцевъ, что они „отступаютъ отъ господаря русскаго“, писалъ: „и вы... за латинскаго господаря хотите закладываться“. Точно также казанскій лѣтописецъ писалъ: „нагорныя Черемиса отступиша отъ нихъ (казанцевъ) вся и заложися за московскаго царя“.

Соотвѣтственно порядкамъ средневѣковья, когда государственное подчиненіе-подданство не отличалось по существу отъ соотвѣтствующаго подчиненія частному лицу, отъ дружинной службы ему и отъ защитной зависимости, терминомъ заложиться пользовались равно для обозначенія тѣхъ и другихъ отношеній. Такъ, въ былинѣ: заложиться за князя — значитъ вступить въ дружинную службу ему:

„Я поѣду въ славный стольный Кіевъ-градъ
Помолиться чудотворцамъ кіевскимъ,
Заложиться за князя Владиміра,
Послужить ему вѣрой-правдою“.

А въ порядныхъ и поручныхъ грамотахъ XVI — XVII вв. заложиться значитъ—укрыться, уйти подъ защиту: „за князя или за боярина, или за дьяка, или за монастырь, или за какого сильнаго человѣка“ не заложиться, или „ни за кою державу не заложиться и не сбѣжать“ [2]).

---

[1]) Ипат. лѣт., подъ 6656, 6658, 6688, 6699 г.г.: изд. 2-е, стр. 361, 412, 621, 673.

[2]) А. Юр. № 304, III, (1641 г.) № 309, II (1650 г.).

Что это выраженіе отнюдь не обозначало отношеній личнаго заклада, это ясно видно изъ того, что во многихъ порядныхъ и поручныхъ слова: „ни за кого не заложиться“ замѣняются выраженіями „ни за кого не вытти, ни за кого не переходить, не сойти и не сбѣжати“ (а въ нѣкоторыхъ грамотахъ употребляются плеонастически всѣ эти термины вмѣстѣ: „изъ за Вознесенскаго монастыря ни въ дворецъ, ни за архіепископы, ни за церкви и т. д. не закладываться, и не поряжатися, и не сойти, и не сбѣжати“); этого не было бы, если бы существо закладничества состояло въ закладномъ контрактѣ, а не въ выходѣ на привилегированную землю подъ защиту. Старому объясненію слова заложиться—рѣзко противорѣчатъ также встрѣчающіяся въ актахъ выраженія: „за бояръ и въ посады не закладываться“, „въ холопство и во крестьянство ни за кого не заложиться“, „изъ слободы въ слободу не закладываться“,—очевидно, въ смыслѣ „укрываться“, а не отдавать себя въ залогъ.

Наиболѣе близкимъ по смыслу слову закладываться было слово *задаваться*, правильное пониманіе котораго не можетъ быть извращено путемъ перенесенія въ древность позднѣйшаго значенія слова. Слово задаваться значило такъ же, какъ закладываться,—отдаваться подъ власть государя (въ подданство), какъ и подъ власть частнаго лица; оно отличалось отъ соотвѣтствующаго термина только тѣмъ, что не выражало оттѣнка укрывательства, защиты.

Словомъ „задаться“ и противоположнымъ ему „отъяться“, такъ же, какъ „закладываться“ и „отступать“ лѣтописцы пользуются разсказывая о подчиненіи князьямъ и отпаденіи отъ нихъ областей: „А князь Василій Юрьевичъ поѣха изъ Новагорода съ Городища на Заволочье, и Заволочане *задашася за него* и крестъ къ нему цѣловаша, а отъ Новагорода отъяшася“ [1]), или „Двиняне за великаго князя *задалися*“. И точно такъ же, какъ слово закладываться, соотвѣтствующее слово „задаваться“ обозначаетъ также и вступленіе во власть частнаго лица: „во крестьяне и въ бобыли ни за кого не рядиться и *не задаваться*“, или, какъ писали въ Новгородскихъ поручныхъ, „ни въ какія задачи не вытти“.

[1]) П. С. Р. Л., т. IV, стр. 209.

Итакъ, „закладчики“, люди „заложившіеся въ закладчики“ это никакъ не люди, отдавшія себя въ залогъ, а люди „задавшіеся“, заложившіеся—укрывшіеся „за сильнаго человѣка“, за „его державу“, отдавшіеся подъ его защиту. Закладчики — задавшіеся люди — это люди подзащитные, *люди заступные*, какъ иначе называетъ ихъ одинъ изъ правительственныхъ актовъ середины XVII вѣка. Въ юго-западной Руси ихъ называли *„протекціальными людьми“*.

Въ современномъ намъ русскомъ языкѣ нѣтъ терминовъ, соотвѣтствующихъ по смыслу терминамъ закладываться-задаваться и закладничество, потому что нашему времени чужды обозначаемыя ими отношенія. Соотвѣтствующіе термины мы находимъ только на западѣ въ средніе вѣка, когда тамъ существовалъ режимъ, одинаковый съ нашимъ удѣльнымъ порядкомъ. Слово задаваться точно соотвѣтствуетъ по смыслу термину se commendare (буквально: вручиться), такъ какъ онъ одинаково обозначаетъ вступленіе въ частную защитную зависимость. И слово *„закладничество“* не можетъ быть переведено на современный русскій языкъ никакимъ другимъ словомъ, кромѣ заимствованнаго изъ средневѣковой латыни термина *коммендація* (commendatio).

§ 67. Выдержанная терминологія узаконеній.

Въ узаконеніяхъ XVII в., касающихся закладчиковъ, въ Соборномъ Уложеніи 1649 г. и въ царскихъ наказахъ воеводамъ и писцамъ, мы найдемъ рядъ указаній на то, что сущность закладничества отнюдь не заключалась въ сдѣлкѣ займа съ залогомъ лица. Обратимъ вниманіе, прежде всего, на терминологію такихъ узаконеній. XIX глава Уложенія говоритъ о людяхъ, „живущихъ въ закладчикахъ за патріархомъ... и за всякихъ чиновъ людьми“, повелѣваетъ „ни за кого въ закладчики не записываться и ничьими крестьяны и людьми не называтися“, грозитъ наказаньемъ закладчикамъ, „будетъ они впредь учнутъ за кого закладываться“, и господамъ, „которые ихъ учнутъ впредь за себя пріимати въ закладчики“ [1]). Едва ли можно приписать простой случайности то обстоятельство, что ни составители Уложенія, ни авторы на-

[1]) Ст. 13, гл. XIX.

казовъ и челобитныхъ, говоря о закладчикахъ, вмѣсто всѣхъ такихъ разнообразныхъ опредѣленій, ни разу не употребили того, которое само собой подвернулось бы подъ ихъ перо, если бы сущность закладничества состояла, какъ полагаютъ, въ дачѣ лицомъ на себя закладной кабалы: „и впредь тѣмъ всѣмъ людемъ никому закладныхъ кабалъ на себя не давати",—такого законодательнаго постановленія мы не найдемъ ни въ одномъ изъ актовъ, относящихся къ *закладчикамъ*.

Напротивъ, лишь только въ Уложеніи зайдетъ рѣчь о дѣйствительномъ закладѣ—залогѣ, тотчасъ же упоминаются и письменные акты сдѣлокъ этого рода: „а будетъ кто кому вотчину свою заложитъ... и закладную кабалу на себя дастъ" [1]). При этомъ человѣкъ, заложившій что-либо, — что особенно знаменательно,—и въ Уложеніи, и въ актахъ систематически называется уже не закладчикомъ (какъ можно было бы ожидать), но *заимщикомъ* [2]). Залогодатели въ XVII в. обыкновенно назывались заимщиками; договоръ займа съ залогомъ не отличался въ этомъ отношеніи отъ простого займа. Напомню стереотипное выраженіе: „къ сей закладной своей заимщикъ такой-то руку приложилъ" [3]). Въ XVII в. для обозначенія лица, заложившаго что-либо, нерѣдко пользовались неловкими перифразами, избѣгая слова закладчикъ, имѣвшаго спеціальное значеніе: „тѣ люди, *чьи закладишка*, и по ся мѣстъ не выкупаютъ своихъ закладовъ" [4]).

Это былъ пунктъ моей аргументаціи, болѣе слабый потому,

---

[1]) Ст. 32, гл. XVII.

[2]) „И тому, у кого тотъ закладъ былъ, взяти на заимщикѣ": Уложеніе, гл. X, ст. 197; гл. XVII, ст. 32. То же: Указъ 1558, янв. 11: „Христ." *Влад.-Буданова*, III, 16. — Въ тѣхъ статьяхъ, гдѣ идетъ рѣчь о закладѣ и о закладныхъ кабалахъ, нѣтъ слова закладчикъ: гл. XVI, ст. 69, гл. XVII, ст. 35—40, гл. X, ст. 196. „Кто продалъ или заложилъ вотчину", называется „продавцомъ".

[3]) „А. отн. до Юр. Быта", т. II, № 126, IX, № 126, VIII, X, XII. А. Юрид. №№ 244, 249, 248 (XVI стол.). „Р. Ист. Библ.", т. XII, № CIX (1612). Закладная 1700 г. въ ст. *А. Спицына*, „Оброчн. земли на Вяткѣ", стр. 43. Въ Уложеніи и въ грамотахъ эта терминологія строго выдержана; я знаю только два исключенія: П. С. З. II, № 163 (1679, с. 208) и „Р. Ист. Библ.", т. XII, № XLIII (1641), гдѣ люди, закладывающіе недвижимости, называются и заимщиками и закладчиками.

[4]) „Р. Ист. Библ.", т. II, № 179, с. 757.

что я опирался тутъ на толкованіи смысла слова; онъ не имѣлъ самъ по себѣ значенія при множествѣ другихъ аргументовъ, но все-таки оставлялъ выходъ для защитниковъ стараго взгляда, которымъ и воспользовался В. И. Сергѣевичъ. Признавъ послѣ моей статьи, что въ закладничествѣ былъ элементъ покровительства, онъ продолжаетъ настаивать, что закладничество возникаетъ изъ разнообразныхъ договоровъ займа, что закладчики были какъ заступными людьми, такъ и заимщиками. Въ приложеніи къ этой главѣ я выясняю, сколь скользкой оказалась эта попытка В. И. Сергѣевича примирить старое и новое, взаимно исключающія другъ друга объясненія закладничества, а здѣсь не считаю нужнымъ останавливаться на этомъ, потому, что споръ на этой почвѣ является совершенно устарѣлымъ и лишнимъ послѣ изданныхъ мною, неизвѣстныхъ доселѣ, актовъ о закладчикахъ.

Грамота о сыскѣ закладчиковъ 1638 года предусматривала возможность, какъ я говорилъ, что у господъ *объявятся* на нихъ кабалы. Въ указанныхъ „Актахъ“ я напечаталъ цѣликомъ всю переписку приказа сыскныхъ дѣлъ о сыскѣ закладчиковъ по городу Твери, произведенномъ на основаніи этой именно грамоты 1638 года. Никакихъ, ни закладныхъ, ни заемныхъ, ни ссудныхъ кабалъ и записей здѣсь на закладниковъ не „объявилось“. Я разсмотрѣлъ переписку приказа о сыскѣ закладчиковъ и по другимъ городамъ, и нигдѣ не нашелъ ни малѣйшихъ намековъ на какія-либо денежныя обязательства закладчиковъ къ господамъ. Единственные документы, какіе въ нѣкоторыхъ городахъ монастыри и господа могли представить въ доказательство своихъ правъ на закладчиковъ, это порядныя записи; при этомъ, какъ нарочно для устраненія всякихъ кривотолковъ, въ этихъ порядныхъ мы не находимъ часто встрѣчающихся въ крестьянскихъ порядныхъ указаній на денежную ссуду или подмогу. Въ напечатанныхъ мною актахъ встрѣчаются иногда указанія на служилыя кабалы и даже на личный залогъ, но всегда при такихъ условіяхъ, которыя наглядно подчеркиваютъ, что эти денежныя сдѣлки не имѣли ни малѣйшей связи съ закладничествомъ-коммендаціей. Такъ, напримѣръ, Нижегородскій Печерскій монастырь, отстаивая всячески свои права на нѣсколько человѣкъ, о которыхъ нижегородскіе посадскіе люди говорили, что они уйдя изъ посаду отъ тягла заложились за монастырь, заявилъ воеводѣ, что у него на двухъ

такихъ мнимыхъ закладчиковъ есть крѣпости. Какія же крѣпости? Служилая кабала—на ихъ отцовъ.

Такъ, Ѳеонька Крюковъ, жившій въ закладчикахъ за Тверскимъ архіепископомъ, говорилъ на распросѣ, что онъ прежде, чѣмъ сталъ жить за архіепископомъ, прежде, чѣмъ „билъ челомъ въ Спасовъ домъ въ бобыли",—жилъ больше 10-ти лѣтъ по „служивой кабалѣ" у одного посадскаго человѣка [1]).

Кромѣ такихъ отрицательныхъ доказательствъ, окончательно разрушающихъ старую теорію, эти новые акты даютъ и нѣсколько положительныхъ, ясныхъ доказательствъ того, что закладничество по существу своему было защитной зависимостью, что понятіе закладничества тожественно съ коммендаціей. Эти доказательства, вмѣстѣ съ другими, мы приведемъ нѣсколько дальше. А теперь разсмотримъ въ общихъ чертахъ существо различныхъ формъ защитной зависимости, извѣстной на Западѣ, главнымъ образомъ, подъ терминомъ патронатъ, а также подъ терминами: коммендація и защитныя отношенія.

§ 68. Патронатъ на западѣ.

Историки западно-европейскаго патроната справедливо сближаютъ различныя разновидности этого института, существовавшія въ римскомъ государствѣ, въ первые вѣка, въ эпоху разцвѣта римской имперіи и въ эпоху ея упадка, у галловъ во время Цезаря, у франковъ во время Меровинговъ, у англо-саксовъ до норманскаго завоеванія, и затѣмъ всюду на западѣ, въ эпоху феодализма. „Подъ различными наименованіями, говоритъ Фюстель-де-Куланжъ, рѣчь идетъ объ одномъ и томъ же институтѣ, который, измѣняясь, передается изъ вѣка въ вѣкъ. Сущность этого института состоитъ въ томъ, что одинъ человѣкъ отдается въ зависимость другому. Этотъ родъ зависимости не слѣдуетъ смѣшивать ни съ зависимостью раба отъ господина, ни съ отношеніями вольноотпущенника къ патрону. Рѣчь идетъ здѣсь о подчиненіи человѣка свободнаго, о подчиненіи добровольномъ. Древнія общества знали послушаніе гражданина государству, или подданнаго государю, который олицетворялъ государство. Мы же будемъ

[1]) *Н. П. Сильванскій*, „Акты о посадскихъ людяхъ-закладчикахъ", с. 12.

вести рѣчь о томъ послушаніи, которое человѣкъ добровольно оказываетъ личности другого человѣка. Это подданство индивидуальное и личное. Причина его возникновенія заключается въ томъ, что человѣкъ слабый или бѣдный нуждается въ человѣкѣ сильномъ или богатомъ. Онъ проситъ у него покровительства и подчиняется ему, чтобы достичь покровительства. Два лица заключаютъ обязательство: одинъ долженъ будетъ покровительствовать, другой повиноваться“ [1]).

Въ эпоху разцвѣта римскаго государства, патронатъ (clientela, patrocinium) былъ въ моментѣ переживанія; онъ не имѣлъ существеннаго вліянія на общественный строй, не измѣнялъ отношенія лицъ къ государству. Окрѣпшее государство съумѣло отнять у патроната его антигосударственный характеръ [2]). Но въ отношеніяхъ кліентовъ этого времени къ патронатамъ сохранялась сущность этого учрежденія, добровольнаго союза двухъ лицъ, основаннаго на взаимномъ довѣріи (fidem inter se dare) [3]).

Тотъ или иной характеръ патроната зависитъ отъ состоянія государства. Въ IV вѣкѣ, въ силу ослабленія государственной власти, обусловившаго возможность противодѣйствія ея требованіямъ, патронатъ значительно развился въ римской имперіи, особенно въ удаленныхъ отъ центра провинціяхъ, получивъ важное общественное значеніе. Commendatio этого времени ведетъ къ нѣкоторой независимости кліента („susceptus“, особый терминъ этого періода) отъ государства. Владѣнія знатныхъ лицъ пользуются податными привилегіями; они платятъ налоги въ меньшемъ размѣрѣ, а нѣкоторые совершенно свободны отъ уплаты налоговъ [4]). Благодаря защитѣ патрона, человѣкъ освобождался отъ части своихъ податныхъ обязанностей по отношенію къ государ-

---

[1]) *Fustel de Coulanges*, „Les origines du système féodal: le bénéfice et le patronat pendant l'époque mérovingienne“. 1890. p. 192—193.

[2]) *Flach*, „Les origines de l'ancienne France“, t. I: „Le régime seigneurial“, p. 55: „A la belle époque de Rome le patronage ne fut plus une institution mais un état de moeurs“.

[3]) *F. de Coulanges*, op. cit., p. 218. Этотъ писатель нѣсколько преувеличиваетъ значеніе кліентелы въ указанное время. Ему не удалось вполнѣ парировать то возраженіе, которое онъ предвидѣлъ: „n'allons pas croire qu'il s'agisse ici d'un *vague patronage* comme l'on imaginerait de nos jours“, p. 239.

[4]) *F. de Coulanges*, op. cit., p. 243 и 422.

ству; во всеобщемъ стремленіи освободиться отъ непомѣрнаго бремени налоговъ заключается главная причина развитія commendatio въ эту эпоху. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ виду ослабленія государственной власти, патронатъ и въ это время уже имѣетъ значеніе, какъ частный союзъ для защиты отъ насилія, какъ замѣна неудовлетворительной государственной защиты фактической оборо ной сильнаго патрона [1]). Хотя villae знатныхъ собственниковъ не пользуются еще судебнымъ иммунитетомъ, но на дѣлѣ сильный патронъ нерѣдко охраняетъ своего *человѣка* (homo) отъ государственнаго суда; онъ считаетъ себя стоящимъ „выше закона и внѣ закона", и судъ уступаетъ передъ нимъ [2]).

Полное развитіе патронату даетъ иммунитетъ. Когда во время Меровинговъ (VI — VIII вв.) богатые землевладѣльцы окончательно дѣлаются государями въ предѣлахъ своихъ владѣній, когда право суда, сбора налоговъ и военнаго набора переходитъ въ руки землевладѣльца, то „по отношенію къ людямъ свободнымъ (кліентамъ) и рабамъ, живущимъ на его землѣ, онъ дѣлается единственнымъ главой, судьей и покровителемъ" [3]). Въ это время патронатъ ведетъ къ крайнему, самому важному послѣдствію: полному освобожденію лица отъ власти государства. Государственныя права на лицо присваиваетъ патронъ, который заслоняетъ собою кліента отъ государственной власти такъ же, какъ раба. Но кліента нельзя приравнивать къ рабу—частной собственности господина. Для кліента такъ же, какъ для раба, господинъ есть государь; но для раба господинъ въ то же время—частный собственникъ съ правомъ распоряженія; для кліента же патронъ—только государь. Добровольная связь покровительства, патроната, по существу своему, ближе всего къ связи подданства [4]). Когда патронъ вотчинникъ, какъ въ средніе вѣка, обладаетъ государственными правами, сущность отношеній кліента къ па-

---

[1]) По мнѣнію *Flach'a*, патронатъ и въ это время имѣетъ главное значеніе, какъ частный союзъ для защиты: „le bésoin de sécurité prime tout", op. cit., p. 77.

[2]) *Flach*, op. cit. I, 72.

[3]) *F. de Coulanges*, op. cit.; L'immunité, ch. XVI, p. 419 и др.

[4]) Словомъ *sujétion* опредѣляетъ сущность патроната иногда и *Ф.-де-Куланжъ*.. „Связь патроната, покровительства, *подданства*, возникшаго изъ добровольнаго соглашенія сторонъ". Op. cit., c. 205.

трону еще болѣе приравнивается къ отношеніямъ подданства лица къ государству.

Въ Англіи, въ саксонское время, патронатъ—личное покровительство—строго отличался отъ подчиненія одному изъ такихъ правъ вотчинника, сокѣ—праву суда надъ человѣкомъ.

„Послѣ норманнскаго завоеванія, замѣчаетъ П. Г. Виноградовъ, обѣ формы начинаютъ смѣшиваться подобно тому, какъ было во франкской монархіи: покровительство и частная юрисдикція соединяются и образуютъ основу феодальнаго строя“ [1]), патронатъ превращается въ подданство.

II. Закладчики-заступные люди XVI—XVII вв.

§ 69. Добровольная зависимость. Бить челомъ для береженья.

Источникомъ и основой закладничества-коммендаціи у насъ такъ же, какъ на Западѣ, была та независимость отъ государственныхъ властей, какою пользовались всѣ зависимые люди привилегированныхъ землевладѣльцевъ.

Въ качествѣ боярскаго, монастырскаго или церковнаго *человѣка*, закладчикъ выходилъ изъ подъ вѣдомства государственной власти, освобождался отъ уплаты налоговъ и отъ общей судебной и административной отвѣтственности, за исключеніемъ уголовныхъ преступленій (убійство, разбой и татьба съ поличнымъ). Посадскіе люди жаловались въ челобитной 1648 г., что закладчики „съ промысловъ своихъ и съ вотчинъ государевыхъ податей не платятъ и службъ не служатъ, *а живутъ всегда во лготѣ*“; тоже говорило соборное постановленіе 1619 г.: закладчики „податей никакихъ съ своею братьею, съ посадскими и уѣздными людьми не платятъ и живутъ себѣ въ покоѣ“. Съ другой стороны, дворяне и дѣти боярскія, жалуясь въ челобитьѣ на насильства, чинимыя „посадскими людьми, живущими за сильными людьми и за монастыри въ закладчикахъ“, указывали, между прочимъ, что „въ городѣхъ воеводы и приказные люди на тѣхъ

[1]) „Изслѣдованія по соц. ист. Англіи въ средніе вѣка, Domesday book“, „Ж. М. Нар. Пр.“, 1887, № 4, стр. 212—213.

людей въ *ихъ насильствахъ суда не даютъ*, отказываютъ имъ, что имъ ихъ въ городѣхъ судити не указано" [1]).

Оборотной стороной этой независимости отъ государственной власти, естественно, было полное подчиненіе закладчика господину, землевладѣльцу. Освободиться отъ власти государства лицо могло только отдавшись во власть частновладѣльца, сдѣлавшись изъ государева человѣка—боярскимъ [2]). Констатируя такую зависимость закладчика отъ господина, изслѣдователи объясняли ее тѣмъ, что закладчикъ былъ крѣпокъ господину, какъ его неоплатный должникъ [3]). Но, закладчикъ-заступной человѣкъ, не будучи „неоплатнымъ должникомъ" и не будучи крѣпкимъ господину, тѣмъ не менѣе, подчиняясь ему, дѣйствительно, становился въ положеніе, близкое къ холопству. Но между закладничествомъ-коммендаціей и холопствомъ была громадная разница: холопъ былъ человѣкъ крѣпкій господину, составлявшій его полную собственность, на котораго господинъ имѣлъ, кромѣ правъ владѣнія и пользованія, также и право распоряженія; закладчикъ же не связывалъ себя никакой крѣпостью; въ юридическомъ отношеніи, съ точки зрѣнія права, признаваемаго и охраняемаго государствомъ, онъ оставался свободнымъ человѣкомъ. Если, поселяясь въ частновладѣльческой вотчинѣ, закладчикъ становился въ зависимыя отношенія къ вотчиннику, за освобожденіе отъ государственныхъ обязанностей платился временнымъ лишеніемъ свободы, подчиненіемъ суду и управѣ господина или его приказчика, то онъ все-таки сохранялъ за собою право порвать во всякое время свою зависимость. Въ этой временной, добровольной зависимости—существенная черта закладничества-коммендаціи.

Зависимость отъ сильнаго человѣка создавала для закладчика, живущаго на посадѣ, привилегированное положеніе въ сравненіи съ государевыми посадскими людьми. Именемъ своего боя-

---

[1]) Уст. кн. земскаго приказа, XXXI, п. 10. Христом. *Влад.-Буданова*, III, с. 158.

[2]) Посадскіе люди просятъ государя взять закладчиковъ въ посадъ, чтобъ „вездѣ были все его *государевы люди*", „чтобъ вездѣ было все его В. Государя государство". А. Арх. Эксп., IV, № 36.

[3]) С. Гос. и Дог., I, № 148 (1514). На этотъ текстъ ссылается проф. *Сергѣевичъ*, op. cit. I, 270.

рина онъ успѣшно защищалъ себя отъ попытокъ посадскихъ старостъ заставить его платить тягло.

Нижегородскіе посадскіе люди такъ жаловались на закладчиковъ: „живетъ на посадѣ... и не хотя тягла тянуть, называется Троицкимъ закладчикомъ“ или: „торгуетъ всякими промыслы и живетъ въ посадѣ на тяглой землѣ, сидитъ въ лавкѣ, называется закадчикомъ“ Ивана Михайлова сына Гаврепева. Часто при этомъ они не употребляли этого термина закладчикъ, а указывая на существо дѣла, на укрывательство отъ тягла именемъ сильнаго человѣка, признаніемъ своей отъ него зависимости, говорили: „живетъ на посадѣ, въ тягломъ дворѣ... отъ тягла называется боярина князя Юрья Яншеевича Сулешева“, или: „отъ тягла называется боярина Ѳедора Ивановича Шереметева“. Но эти общія выраженія относились къ тому же закладничеству, потому что Игнашко Черникъ въ отвѣтъ на такое заявленіе посадскихъ людей, что онъ „*называется* крайчевъ князя Семена Ондрѣевича Урусова“, отвѣтилъ, что „въ закладчикахъ де онъ за кн. С. О. Урусовымъ не бывалъ“ [1]).

Договоръ закладничества - защитной зависимости, какъ и на западѣ, совершался устно и связанъ былъ въ древности, повидимому, съ обрядомъ челобитья, какъ на западѣ патронатъ связанъ былъ съ обрядомъ врученія—коммендаціи. Закладчики Тверского архіепископа всѣ говорили, что они „били челомъ архіепископу“. Такъ, Ондрюшка Юла сказалъ въ роспросѣ, что онъ раньше кормился по миру, „да тѣмъ не прокормился и... билъ челомъ въ Спасовъ домъ Ѳеоктисту архіепископу“; другой, закладчикъ Луковкинъ, сказалъ, что онъ раньше „кормился по людемъ“, „пожилъ въ наймѣхъ“ у своего дяди, посадскаго человѣка, Алексѣя Луковкина, „а отъ Олексѣя отшодъ, билъ челомъ архіепископу въ бобыли“. Янка да Михалко Селедкины сказали, что они „послѣ отца своего скитались межъ дворъ, и прибрели въ Тверь и били челомъ въ Спасовъ домъ“. Посадскіе люди къ этому прибавили, что ихъ закладничество за архіепископа было вызвано тѣмъ, что одинъ изъ нихъ убилъ архіепископскаго крестьянина: „покололъ

[1]) „Акты о закладчикахъ“, стр. 165 (Овдѣйко Юдинъ), 149 (Андрюшка Ѳедоровъ), 136 (Ѳедотка Ивановъ), 136 (Савка Екимовъ, 141—2 (Игнашко Черникъ).

де ножемъ Михалко Селедкинъ архіепископля крестьянина Другана Проскурнина, и въ тѣ поры они заложились за архіепископа, тому лѣтъ съ пять". По суду М. Селедкину все равно грозила выдача его архіепископу, и онъ предпочелъ добровольно отдаться въ его власть.

Замѣчательное выраженіе „*битъ челомъ для береженья*", характеризующее существо закладничества, какъ защитной зависимости, находимъ въ сказкѣ (показаніи) Ивашки Уса. Нижегородскіе посадскіе люди заявили, что онъ старинной посадскій человѣкъ, и въ тяглѣ написанъ и живетъ на посадѣ у своего тестя, а „отъ тягла называется стольника Никиты Ивановича Романова". Ивашко Усъ признался, что онъ „*билъ челомъ боярину Ивану Никитичу Романову для береженья* [1]).

§ 70. Защита отъ тягла и отъ „сильныхъ людей насильства".

Особая черта сходства между закладничествомъ XVII в. и римскимъ патронатомъ IV в. заключается въ одной и той же главной причинѣ развитія этого института. Въ московскомъ государствѣ точно такъ же, какъ въ римской имперіи въ эпоху ея упадка, главнымъ побужденіемъ къ закладничеству было обыкновенно стремленіе освободиться, подъ защитой патрона, отъ непосильнаго бремени налоговъ. Царскія грамоты замѣчаютъ, что тяглые люди дѣлаются закладчиками, „не хотя тягла и податей платити" [2]); законы кодекса императора Оеодосія, преслѣдующіе патронатъ, говорятъ о людяхъ, „qui fraudandorum tributorum causa ad patrocinia confugerint" [3]). Какъ московское, такъ и римское правительство издаютъ рядъ узаконеній противъ закладничества (patrocinium), одинаково грозятъ наказаніями, конфискаціей земель, штрафами патронамъ и кліентамъ (suscepti) и, какъ кажется, одинаково не достигаютъ цѣли [4]).

[1]) „Акты о закладчикахъ", стр. 12, 17, 14, 196.

[2]) А. Арх. Эксп., т. IV, № 158, и выше.

[3]) *F. de Coulanges*, op. cit., c. 244, прим. 1. Законъ 399 г.

[4]) Ibidem., c. 242, и *Flach*, op. cit, c. 77: „Confiscations et amendes doivent frapper ensemble le patron et le client. Mais les menaces demeurent stériles, les peines inefficaces: la fréquence des dispositions prohibitives le prouverait à elle seule ". — „Строгія мѣры (противъ закладничества) нерѣдко не достигали цѣли", *Лаппо-Данилевскій*, op. cit., c. 154.

Правительство преслѣдовало закладничество по фискальнымъ соображеніямъ; землевладѣльцы нуждались въ людяхъ, дорожили платежной единицей не менѣе правительства и поэтому принимали дѣятельное активное участіе въ развитіи закладничества, привлекая тяглыхъ людей болѣе легкимъ оброкомъ. Между государственными властями и вотчинниками въ XVII в. шла непрерывная борьба за тяглеца, посадскаго человѣка. Переселяя съ вотчинъ избылыхъ посадскихъ людей на старыя ихъ тяглыя мѣста, правительство предписываетъ воеводамъ „беречь накрѣпко“, чтобъ землевладѣльцы отписанныхъ отъ нихъ въ посадъ закладчиковъ „не развозили и насильства имъ никакого не чинили“. Господа оказывали сопротивленіе чиновникамъ, отписывавшимъ закладчиковъ, и на тѣхъ „ослушниковъ и сильныхъ людей“ воеводы должны были давать, въ помощь писцамъ, пушкарей [1]).

Въ борьбѣ съ закладничествомъ правительству оказывали живое содѣйствіе посадскіе люди, остававшіеся на своихъ тяглыхъ мѣстахъ. Уходъ тяглаго человѣка подъ защиту бѣломѣстца ложился бременемъ на тяглую общину, отвѣчавшую передъ правительствомъ за избылыхъ людей; „за пустыя мѣста платили оставшіеся на посадѣ“ [2]). Посадскіе люди обращались къ правительству съ челобитными, прося уничтожить закладничество, и по ихъ иниціативѣ изданы были главныя узаконенія противъ закладчиковъ 1619—1648 г. „Иногда городскіе тяглецы,—говоритъ Соловьевъ, — платились за свое торжество, когда по ихъ челобитью возвращали въ нимъ ихъ бѣглыхъ собратій съ земель богатыхъ сосѣднихъ вотчинниковъ“. Приказчикъ кн. Репнина, мстя за взятыхъ въ посадъ закладчиковъ („отписныхъ“), съ вооруженными людьми нападалъ на жителей гор. Луха, убивалъ ихъ и грабилъ [3]). Пока не было закладчиковъ, замѣчаетъ одна изъ грамотъ, „и мятежу никакого и междуусобія не бывало-жъ“ [4]).

Въ удѣльный періодъ на Руси, точно такъ, какъ во Франціи въ Меровингскую эпоху, главной причиной развитія закладничества

---

[1]) А. Арх. Эксп., IV, № 34 (1648) и III, № 141 (1623).

[2]) „Тягло падало на всю общину такъ, какъ она представлялась правительству по послѣдней переписи“. *Лаппо-Данилевкій*, op. cit., с. 117.

[3]) *Соловьевъ*, „Ист. Россіи“, т. XIII, нов. изд., кн. III, с. 703; Дополненіе къ Актамъ гор. Тулы, *Я. Гарелина*.

[4]) А. Арх. Эксп., IV, № 32, с. 15.

была слабость государственной власти; въ подчиненіи частному лицу, сильному господину люди стремились найти ту защиту, ту общественную безопасность, которую въ то время не обезпечивало еще вполнѣ государство. До нѣкоторой степени эта причина, стремленіе лицъ оградить себя „*отъ сильныхъ людей насильства*“, вліяла на развитіе закладничества и въ Московскомъ государствѣ, въ XVII в. Вліяніе ея должно было быть особенно значительнымъ въ первое время послѣ смутной этохи, когда многіе люди „били челомъ государю на бояръ и всякихъ чиновъ людей, чтобъ ихъ пожаловать, велѣть отъ сильныхъ людей оборонить“ [1]). Представители государственной власти и въ позднѣйшее время нерѣдко оказывались безсильными передъ самоуправствомъ могущественныхъ вотчинниковъ или ихъ приказчиковъ; иногда, замѣчаетъ П. Н. Милюковъ, „правительство должно было, послѣ троекратной повѣстки, устраивать правильную осаду жилища, чтобы привести въ судъ сколько-нибудь вліятельнаго обвиняемаго“ [2]). Насилія и злоупотребленія правительственныхъ агентовъ дѣлали еще болѣе тяжелымъ безправное положеніе государевыхъ людей, заставляли ихъ, изъ боязни быть „замученнымъ на смерть на правежѣ“, „брести розно“, и закладываться за бояръ и монастыри.

„За хребтомъ“ сильнаго боярина жить было болѣе безопасно и здѣсь скорѣе можно было найти относительно праведный судъ и управу [3]). Вмѣсто насилія воеводъ и откупщиковъ, закладчика ждали на частновладѣльческой землѣ насилія боярскихъ приказчиковъ, но произволъ послѣднихъ сдерживался тѣмъ, что они дорожили рабочими людьми болѣе посадскихъ властей, и тѣмъ, что закладчикъ оставался свободнымъ человѣкомъ и могъ бѣжать отъ ихъ злоупотребленій. Защита же отъ насилія сторонніхъ людей была болѣе дѣйствительной на частновладѣльческой землѣ. Господа заботились о безопасности своихъ людей и вмѣняли въ обязанность приказчикамъ „въ обиду ихъ никому не давать и отъ сторонніхъ людей оберегать и во всемъ за нихъ стоять и самому съ своими людьми сторонніхъ людей никого не из-

---

[1]) А. Арх. Эксп., III, № 105.

[2]) *П. Милюковъ*, „Очерки по исторіи р. культуры“, 1896, с. 157.

[3]) См. *И. Забѣлинъ*, „Большой бояринъ въ своемъ вотчинномъ хозяйствѣ“, ст. въ „Вѣстн. Евр.“, 1871, № 2, с. 490.

обижать [1]). Землевладѣльцы защищали „живущихъ за ними людей", нерѣдко даже въ случаѣ ихъ виновности „во всякомъ разбойномъ и татебномъ воровствѣ", „хоронили ихъ у себя и отбивали у приставовъ" [2]). Подъ защитой сильнаго человѣка, закладчики, не боясь насилія надъ собой, въ свою очередь, чинили насилія другимъ. Дворяне и дѣти боярскія жаловались государю, что отъ закладчиковъ, живущихъ за сильными людьми и за монастыри, „имъ и людемъ ихъ и крестьяномъ обиды и насильство многое въ городѣхъ и по торжкомъ и по слободамъ и на посадахъ: людей ихъ и крестьянъ грабятъ и побиваютъ, по мытамъ и на перевозахъ перевозы и мостовщину емлютъ мимо государева указу" [3]). Къ тому же самому слѣдствію вело закладничество и въ римской имперіи; по свидѣтельству современника императора Ѳеодосія Великаго, люди иногда становились подъ защиту могущественнаго человѣка „не для того, чтобы не терпѣть насилій, но чтобы самимъ насильничать", οὐχ ἵνα μὴ πάθωσι κακῶς, ἀλλ' ἵνα ἔχωσι ποιεῖν [4]).

§ 71. Поселеніе на владѣльческой землѣ.

Упомянутый выше нижегородецъ Ивашко Усъ, заложившись за стольника Н. И. Романова, остался жить на посадѣ. И нѣкоторые другіе закладчики также до такой степени умѣли пользоваться именемъ своего господина, что успѣшно отбывали тягла, даже живя на посадѣ на тяглыхъ мѣстахъ и занимаясь всякими промыслами. Такъ нижегородскимъ посадскимъ людямъ долго не удавалось до сыска 1640 года привлечь въ тягло Игнатку Артемьева; раньше онъ „назывался боярскимъ закладчикомъ" боярина Ѳ. И. Шереметева; но бояринъ отдалъ его въ посадъ, тогда онъ, чтобы избыть тягла, заложился за нѣмца И. Ю. Морцова. „Живетъ на посадѣ и торгуетъ всякимъ промысломъ — жаловались на него посадскіе люди — и отданъ былъ въ посадъ изъ-за боярина Ѳедора Ивановича Шереметева, а пока называется нѣмецкой закладчикъ розныхъ нѣмецъ" [5]).

---

[1]) *И. Забѣлинъ*, l. cit., № 1, с. 21.
[2]) Уложеніе 1649, ст. 77 и 81, гл. XXI.
[3]) Уст. кн. земскаго приказа, № XXXI, п. 9. Христ. *Вл.-Буданова*, с. 158.
[4]) *F. de Coulanges*, op. cit., с. 242, прим. 1.
[5]) „Акты о закладчикахъ", стр. 165.

Однако, обыкновенно закладчикамъ удавалось отбывать тягла только при томъ условіи, что они поселялись на привилегированной владѣльческой землѣ, монастырской, церковной или боярской. Обыкновенно заступу давала закладчику вотчина.

Преслѣдуя закладничество этого рода, правительственные акты вѣка царей Михаила и Алексѣя не говорятъ ни о займѣ съ залогомъ лица, ни о закладѣ дворовъ, но исключительно о переходѣ, о бѣгствѣ тяглыхъ людей на земли вотчинниковъ... „А которые московскіе и городовые посадскіе люди, — читаемъ въ уложеніи 1649 г.,—сами, или отцы ихъ, въ прошлыхъ годѣхъ живали на Москвѣ и въ городѣхъ и на посадѣхъ въ тяглѣ,... а нынѣ они живутъ въ закладчикахъ... за всякихъ чиновъ людьми на Москвѣ и въ городѣхъ, *на ихъ дворѣхъ и въ вотчинахъ и въ помѣстьяхъ и церковныхъ земляхъ*, и тѣхъ всѣхъ сыскивати и *свозить на старыя ихъ посадскія мѣста* [1]). Будучи связано съ поселеніемъ на частновладѣльческой землѣ, состояніе закладничества, такимъ образомъ, прекращается при возвращеніи лица на землю государственную, въ посадъ. Одна изъ грамотъ 1630 г. прямо указываетъ, что посадскіе люди... живутъ въ монастырскихъ слободахъ и на церковныхъ земляхъ въ закладчикахъ, *„вышедъ изъ посадовъ“* [2]).

Въ грамотѣ 1667 года читаемъ: „и нынѣ тѣ отписные *закладчики* и крестьяне на Москвѣ *вышли за тѣхъ же*, за кѣмъ они прежъ сего жили, а иные вновь *поселились за иныхъ* помѣщиковъ и вотчинниковъ“.

Глаголъ закладываться-задаваться имѣлъ въ позднѣйшее время широкій смыслъ, употреблялся для обозначенія всякаго выхода лица подъ заступу частнаго лица, какимъ бы путемъ ни достигалось покровительство господина. Такой общій смыслъ имѣетъ этотъ глаголъ въ указанныхъ мною раньше выраженіяхъ: закладываться въ крестьянство или въ холопство. Терминъ „закладчикъ“ имѣетъ болѣе узкій смыслъ. Этимъ словомъ въ XVII в. пользовались почти исключительно для обозначенія заложившихся, путемъ выхода изъ посада на частно-владѣльческія земли, тяглыхъ посадскихъ людей, торговцевъ и ремесленниковъ, которые и на боярской или монастырской землѣ продолжали свою торговую и промышленную дѣя-

[1]) Ст. 13, гл. XIX.
[2]) А. Арх. Эксп., III, № 188, с. 274.

тельность, которые „монастырскихъ, боярскихъ и всякихъ чиновъ люди въ слободахъ и на церковныхъ земляхъ“ — „всякими торговыми промыслами промышляли, а государевыхъ податей не платили, и службъ не служили, и издѣлей не дѣлали“ [1]).

Поселяясь на частновладѣльческой землѣ, часть закладчиковъ сохраняла свою хозяйственную самостоятельность; одни изъ задававшихся людей этого разряда занимали особые дворовые участки, поселяясь въ готовыхъ дворахъ и избенкахъ или строя новые; другіе вели самостоятельныя хозяйства, живя на боярскихъ дворахъ, состоявшихъ въ личномъ пользованіи владѣльца—боярина.

Поселяясь на владѣльческой землѣ, закладчики нерѣдко платили своимъ господамъ оброкъ. Въ XVII вѣкѣ, когда письменныя сдѣлки имѣли широкое распространеніе, они при этомъ иногда давали на себя и оброчныя записи.

По нѣкоторымъ показаніямъ закладчиковъ можно замѣтить, что они давали на себя оброчныя записи съ цѣлью закрѣпить внѣшнимъ признакомъ свою зависимость, такъ какъ правительство въ это время не признавало закладнической зависимости, какъ и добровольнаго холопства. Ивашко Усъ, „бившій челомъ боярину И. Н. Романову для береженья“, сказалъ въ распросѣ, что онъ „оброку даетъ боярину въ Стародубъ Вотской на погостъ по рублю на годъ, и запись де на него у боярина въ оброкѣ взята“. Небольшой рублевый оброкъ, какъ у другихъ оброкъ въ полтину, служилъ знакомъ зависимости, а запись онъ далъ на себя, чтобы при случаѣ сослаться на этотъ документъ. Приказъ сыскныхъ дѣлъ не придалъ никакого значенія этой записи и велѣлъ „взять Ивашка въ тягло въ посадъ“ [2]).

Многіе закладчики селились не на особыхъ дворовыхъ мѣстахъ, въ обыкновенныхъ дворахъ и избенкахъ мелкихъ ремесленниковъ, но на боярскихъ дворахъ, имѣвшихъ какое-либо спеціальное назначеніе, удовлетворявшихъ хозяйственнымъ надобностямъ собственника или состоявшихъ въ его личномъ пользованіи. Закладчики, поселявшіеся на такихъ дворахъ съ боярскими хоромами, осадныхъ дворахъ, загородныхъ, монастырскихъ подворьяхъ, „дворахъ для пріѣзду“ и т. под., назывались *дворниками*, наравнѣ

[1]) Изъ ст. 1, 3, 4, гл. XIX Уложенія.

[2]) „Акты о закладчикахъ“, стр. 195—196.

со всякими людьми, крестьянами, холопами и наймитами, жившими на такихъ дворахъ; дворниками назывались не только люди, жившіе на дворахъ этого рода, для ихъ „обереганья", но и для самостоятельнаго занятія промысломъ и торговлей. Статья Уложенія, запрещающая господамъ держать на своихъ дворахъ болѣе двухъ дворниковъ, очевидно, направлена противъ закладчиковъ, нерѣдко въ большомъ числѣ тѣснившихся на господскихъ дворахъ, подъ видомъ, или въ качествѣ дворниковъ [1]).

Закладчиками далѣе слѣдуетъ признать и тѣхъ лицъ, которые, задаваясь за господина (не нанимаясь и не продаваясь въ рабство), находили себѣ пріютъ среди дворовыхъ людей господина, на его дворѣ съ челядью, для личныхъ услугъ или непосредственной работы на него. Такіе „добровольные люди", „добровольные послужильцы", „*вольные холопы*" отнюдь не были холопами-рабами, потому что господинъ не имѣлъ на нихъ права распоряженія, составляющаго существенный признакъ рабства. Ихъ отношенія къ господину были именно добровольной и временной, закладнической зависимостью [2]). Такая вольная служба была очень распространеннымъ явленіемъ: вольные холопы иногда очень долго, 5—20 лѣтъ служили господамъ, непродаваясь въ рабство [3]); они сохранили право уйти отъ господина, право от-

---

[1]) Данныя писцовыхъ книгъ и актовъ вполнѣ подтверждаютъ, по моему мнѣнію, правильность опредѣленія дворничества, предложеннаго *С. Ѳ. Платоновымъ*: „Дворничество само по себѣ въ XVI в. могло быть только фактическимъ занятіемъ, не будучи юридическимъ состояніемъ... Зависимость могла быть только фактической или же она вытекала изъ условій, посторонннихъ дворничеству: изъ холопьей кабалы, изъ крестьянской порядной, изъ закладнической сдѣлки", „Ж. М. Н. Пр" 1890, № 5, с. 152. Та же мысль въ менѣе опредѣленной формулировкѣ одновременно высказана *А. С. Лаппо-Данилевскимъ*, op. cit., с. 146—147. Мнѣніе о дворничествѣ *И. Н. Миклашевскаго*, „Къ ист. хоз. быта Моск. госуд.", ч. I, с. 100, 101,—представляетъ собою шагъ назадъ.

[2]) *Неволинъ* безъ всякаго основанія усматриваетъ въ добровольныхъ холопахъ „добровольныхъ наймитовъ", „Исторія росс. законовъ", § 462 (Собр. соч., т. V). Отношенія найма регулируются особыми постановленіями и совершенно иначе. Ср. Цар. Суд., ст. 83. Затѣмъ, какіе это добровольные наймиты, точно не всякая сдѣлка найма есть добровольное соглашеніе?

[3]) См. мою статью „Люди кабальные и докладные" („Ж. М. Н. Пр." 1895 г., № 1).

каза, и уходили при первомъ же покушеніи на ихъ свободу: одинъ изъ такихъ закладчиковъ заявлялъ, что онъ „послужилъ у Михайла Лазорева съ полгоду добровольно, и Михайло хотѣлъ его окабалить, и онъ отъ него сшелъ“ [1]). Правительство не признавало такого вольнаго холопства, какъ и всякаго другого вида закладничества. Въ 1551 г. государь указалъ: господамъ, у которыхъ служили „добровольные люди“, на тѣхъ людей суда не давать, „а что у него пропало, то у себя самъ потерялъ, того для, что добровольному человѣку вѣритъ и у себя его держитъ безъ крѣпости“ [2]). Такую добровольную службу несли нерѣдко вольноотпущенные люди, „холопы съ отпускными“, также преслѣдуемые за это правительствомъ [3]). Въ вольное холопство закладывались нерѣдко бѣдные люди, для пропитанія, малолѣтніе и взрослые нищіе и бродяги [4]). Въ исторіи западно-европейскаго патроната тоже извѣстны такіе закладчики, „qui se commendent parce qu'ils n'ont de quoi se nourrir et vêtir“, которые „obsequuntur divitibus causa saturitatis“ [5]).

III. Закладни удѣльнаго времени.

§ 72. [Закладничество въ договорахъ XIII—XV вв.].

Отъ закладчиковъ XVI—XVII вв. мы перейдемъ къ древнѣйшимъ удѣльнымъ *закладнямъ* [6]). Я вынужденъ нарушить хронологическій порядокъ изложенія, потому что извѣстія источниковъ

---

[1]) Новгор. кабальныя книги, 7108 г., стр. 28. (Р. И. Б. т. XV). Добровольные люди уходятъ, какъ и крестьяне, съ отказомъ и безъ отказа: см. Ук. кн. вѣд. казнач., № IV (Христ. *Влад.-Буданова*, III, стр. 5).

[2]) Ук. кн. вѣд. казнач., № IV, 7064 г., окт. 11. Узаконеніе это почти безъ измѣненій вошло въ уложеніе 1649 г., ст. 17, гл. XX.

[3]) Ук. кн. вѣд. казнач., № V, п. 16 (1556 г.), № VIII (1558 г.). „Съ отпускною у того государя не служити“.

[4]) См. данныя изъ Кабальныхъ книгъ въ вышеуказанной моей статьѣ.

[5]) *Fustel de Coulanges*, Les origines du système féodal, стр. 245 и гл. XII.

[6]) Терминъ закладень былъ наиболѣе употребительнымъ. Кромѣ того, часто встрѣчается слово *закладникъ*: С. Г. Гр. и Дог., т. I, №№ 1, 2, 3, 10, 15. Оба эти слова употребляются безразлично въ договорныхъ грамотахъ 1305 г.: №№ 7, 8. Терминъ *закладьщикъ* встрѣчается только въ № 14 (1318) и № 18 (1426).

удѣльнаго времени о закладничествѣ скуднѣе и неопредѣленнѣе разсмотрѣнныхъ выше позднѣйшихъ данныхъ; только выяснивъ сущность закладничества-коммендаціи при помощи актовъ XVII ст., можно перейти къ изученію закладней XIII—XV вѣковъ.

Какъ мы выяснили выше, этотъ терминъ употреблялся въ древности не въ смыслѣ „отдаваться въ залогъ", какъ думаютъ обыкновенно, но въ смыслѣ „задаваться". Договорныя грамоты князей, изъ которыхъ мы беремъ почти всѣ наши свѣдѣнія о закладняхъ, не только не подтверждаютъ мнѣнія о томъ, что закладни, заложившіеся люди, были людьми, отдавшими себя въ залогъ, но и даютъ нѣсколько свидѣтельствъ противъ этого мнѣнія. Говоря о лицахъ, дѣйствительно, связанныхъ долговыми обязательствами: одерноватыхъ холопахъ, купленныхъ полоняникахъ и пр., княжескіе договоры выражаются вполнѣ опредѣленно на этотъ счетъ, такъ что не оставляютъ никакихъ сомнѣній о характерѣ отношеній такихъ лицъ къ господамъ: „А кто ти ся продалъ пословицею одернь,—читаемъ въ договорахъ,—или будешь серебро на комъ далъ пословицею, тѣхъ ти отпустити, по цѣлованью, а грамоты дерноватыя подрати". „А кто купилъ полоняника и онъ возьметъ цѣну по цѣлованью" [1]). Напротивъ, въ статьяхъ договоровъ, относящихся къ закладнямъ, мы не найдемъ никакихъ указаній на денежныя сдѣлки; князья ограничиваются соглашеніемъ о недержаніи, непріемѣ или отпускѣ закладней, и не упоминаютъ ни о покупкѣ ихъ, ни о закладныхъ грамотахъ, ни о возвращеніи закладнями денегъ, займа.

Если бы закладники были должниками, заложившими самихъ себя въ обезпеченіе уплаты долга, то заимодавцы имѣли бы на нихъ право распоряженія, какъ на купленныхъ людей и всякихъ неоплатныхъ должниковъ. Въ духовныхъ грамотахъ князей мы находимъ ихъ распоряженія о людяхъ „купленыхъ, грамотныхъ, полныхъ"; лишь только возникаетъ институтъ служилой кабалы—личнаго залога, тотчасъ же и въ духовныхъ появляются распоряженія завѣщателей о кабальныхъ людяхъ, кабальныхъ серебряникахъ (№ 112, 1481) [2]). Между тѣмъ, о закладникахъ

[1]) Собр. Гос. Гр. и Дог., т. I, № 28 (1368 г.). А. Арх. Эксп., т. I, № 14 (1398 г.).

[2]) Собр. Гос. Гр. и Дог., т. I. При дальнѣйшихъ ссылкахъ на грамоты этого тома мы будемъ отмѣчать лишь ихъ № и годъ.

не говоритъ ни одна изъ духовныхъ грамотъ, несмотря на то, что закладничество было болѣе древнимъ и болѣе распространеннымъ институтомъ.

Это вполнѣ понятно, такъ какъ закладничество не было ни рабской, ни кабальной зависимостью, но было зависимостью подданства. На исключительно подданническія отношенія закладней къ князьямъ-патронамъ указываетъ вся относящаяся къ нимъ терминологія договорныхъ грамотъ. Князья не покупаютъ, но *принимаютъ* и *держатъ* закладней такъ же, какъ они держатъ города [1]), наконецъ, не отпускаютъ ихъ на волю, но *отступаются* отъ нихъ. Закладники, съ своей стороны, *позоруютъ* къ князю какъ его подданные, и даже иногда не къ князю лично, но къ городу, какъ къ государству, къ Твери или Кашину.

Для правильнаго пониманія закладничества имѣютъ весьма важное значеніе слѣдующія статьи договора, заключеннаго въ 1295 г. вел. княземъ тверскимъ, Михаиломъ Ярославичемъ съ Новгородомъ: „А кто будеть закладень позоровалъ ко мнѣ, а жива въ Новъгородьской волости, тѣхъ всѣхъ отступилъся есмь Новугороду. А кто будетъ давнихъ людий въ Торъжьку и въ Волоцѣ, а позоровалъ ко Тфѣри при Александрѣ и при Ярославѣ, тѣмъ тако и сѣдѣти, а позоровати имъ ко мнѣ“ (№ 4). Вполнѣ очевидно, что закладническая зависимость разсматривается здѣсь договаривающимися сторонами, не какъ зависимость кабальная, но какъ связь подданства, которая гарантируется политическимъ договоромъ; о прекращеніи этой зависимости путемъ частной сдѣлки, путемъ выкупа залогодателя, нѣтъ и рѣчи. О долговыхъ отношеніяхъ лицъ къ князьямъ и боярамъ говорятъ иныя статьи разбираемаго трактата, въ которыхъ идетъ рѣчь о денежныхъ искахъ, о должникахъ и поручникахъ. Постановленія этихъ статей о должникахъ несомнѣнно относятся и къ залогодателямъ (но не къ *закладнямъ*): мы видѣли, что еще и долгое время спустя, залогодатель назывался должникомъ, заимщикомъ одинаково съ заемщикомъ, не обезпечившимъ долга залогомъ. И эти статьи существеннымъ образомъ отличаются отъ соглашенія о закладняхъ; онѣ, естественно, говорятъ не о подданствѣ должниковъ (и зало-

[1]) №№ 27, 84 и др. Ср. „держатъ Ростовъ“, № 86, „держати царевича изъ Орды“, № 97.

годателей), но только о выдачѣ ихъ истцамъ „по исправѣ“ [1]), и о порядкѣ суда по денежнымъ искамъ.

Закладываясь-задаваясь за князя другого удѣла, его княгиню, боярина или слугу, человѣкъ оставался жить на своемъ участкѣ земли, но, несмотря на это, порывалъ свою подданническую зависимость отъ мѣстной государственной власти. Новгородецъ, задаваясь за тверского князя или его боярина, выходилъ изъ-подъ вѣдомства власти Великаго Новгорода, изъ состава той административной единицы, сотни или погоста, къ которой раньше принадлежалъ, не платилъ налоговъ со своей сотней, освобождался отъ подчиненія мѣстной судебной власти; Новоторжецъ *отнимался* отъ прежняго своего государя, не *тянулъ* судомъ и данью къ Торжку. „А кто закладниковъ въ Торжку или индѣ, — говорятъ новгородцы тверскому князю въ договорной грамотѣ,— или за тобою, или за княгинею, или за мужи твоими, кто купецъ поидетъ въ свое сто, а смердъ потягнетъ въ свой погостъ, тако пошло въ Новѣгородѣ, отпусти всѣхъ прочь“ (1305) [2]).

Въ другой грамотѣ 1307 г. между Новгородомъ и тѣмъ же тверскимъ княземъ, Михаиломъ Ярославичемъ, находимъ слѣдующую статью, относящуюся къ закладнямъ [3]): „А кто живетъ въ Торжку, на Новоторжской землѣ, а къ Святому Спасу не тягнетъ къ Торжку, княземъ отъемся, а тии идутъ съ Торжку, куда имъ годно“ (№ 10). Выраженіе этой грамоты „не тянетъ къ Торжку“ указываетъ одновременно на независимость закладника отъ мѣстнаго тягла и суда; какъ видно изъ другихъ грамотъ, терминъ „тянути“ употреблялся для обозначенія какъ податной, такъ и судебной отвѣтственности [4]). На ту же полную независимость закладника отъ мѣстной власти указываетъ другой терминъ цитированнаго текста: отъяться. Отняться отъ князя значило отло-

---

[1]) „А холопы и долъжники и поручники выдавати по исправѣ“.—„А чего будетъ искати мнѣ и моимъ бояромъ и моимъ слугамъ у Новгородьцевъ и у Новоторъжьцевъ и у Волочанъ, а тому всему судъ дати безъ перевода“ (№ 4, с. 5).

[2]) № 7, 1305, id. № 3, 1270.

[3]) Что эта статья относится къ закладнямъ, видно изъ того, что она замѣняетъ цитированную выше статью договора 1305 г.

[4]) „Судомъ и данью потянути по удѣломъ, кто гдѣ живетъ“: № 40, 1410, и др.

житься отъ него, отказаться отъ подчиненія ему, подобно тому, какъ „задаться-заложиться“ значило отдаться въ подданство, въ обладаніе князя, какъ государя. Этими именно словами (задаться и отъяться) пользуются лѣтописцы, разсказывая о подчиненіи князьямъ и отпаденіи отъ нихъ областей. „А князь Василій Юрьевичъ поѣха изъ Новагорода съ Городища на Заволочье, и заволочане задашася за него, а отъ Новгорода отъяшася“ [1]). Право *отказа*, право возстанія было въ удѣльное время обычнымъ правомъ не только областей, но и отдѣльныхъ лицъ, землевладѣльцевъ. Отдѣльные собственники такъ же, какъ цѣлыя волости, закладываясь-задаваясь за другого князя, отнимались отъ власти прежняго своего государя.

Рядомъ съ закладничествомъ отдѣльныхъ лицъ-собственниковъ существовало въ удѣльное время и *закладничество селъ*, какъ совокупности землевладѣльцевъ. Грамоты говорятъ не о заложенной землѣ, или заложенномъ селѣ, но о „заложившихся селахъ“, о „селахъ, зашедшихъ безъ кунъ“ за другого князя [2]). По отношенію къ селамъ, князья лишь въ видѣ исключенія пользуются въ договорахъ терминомъ закладываться; договаривающіяся стороны обыкновенно обязуются въ чужихъ владѣніяхъ „селъ не держати, не купити, ни *даромъ пріимати*“ [3]). Это послѣднее обязательство, по всей вѣроятности, направлено именно противъ закладничества селъ. Отдавая даромъ свои села князьямъ, владѣльцы, само собой разумѣется, едва-ли передавали безмездно имъ свои права собственности и пользованія на землю; трудно было бы понять причины распространенности обычая дѣлать такіе подарки князьямъ. Надо полагать, владѣльцы селъ сохраняли свои частныя права на нихъ, и только закладывались за князей другого

[1]) П. С. Р. Л., III, 111, 1434. Тоже о Двинянахъ, ib. в. IV, 209. Цитир. у *А. Никитскаго*, „Очеркъ внутр. ист. Пскова“, с. 82, прим.

[2]) № 12 (1317), № 7 (1305), 8, 9. Ср. извѣстіе о задавшихся *волосткахъ*: „А учнутъ говорити о Пуповичахъ и иныхъ волосткахъ, что задавалися къ Лукамъ, и боярамъ молвити“... (1494). „Сб. И. Ист. Об.“, т. 35, с. 141.

[3]) №№ 1 (1265), 6 (1305), 7, 20 (1471). „А кто будетъ купилъ села во всей волости погородской, . .кто будетъ *даромъ отъялъ*, или сильно“: № 15 (1327). О селахъ, принимаемыхъ даромъ, говорятъ только новгородскія грамоты; въ другихъ находимъ лишь соглашенія: „селъ не купити, не держати“: № 97 и слѣд.; и „селъ не купити, закладней не держати“: № 27 (1362), № 29 и слѣд.

удѣла, отдавались въ подданство князьямъ, подъ ихъ покровительство, вмѣстѣ со своими селами. Когда князья говорятъ, что они не будутъ принимать даромъ селъ чужого удѣла, они обязуются не принимать такихъ селъ въ свое обладаніе, въ свое подданство. Тотъ же смыслъ имѣетъ обязательство князей *„не держать селъ“* въ чужихъ удѣлахъ. Что касается пріобрѣтенія селъ чужого удѣла въ частную собственность, то оно воспрещается особымъ соглашеніемъ: „селъ не купити“.

Точно такъ же, какъ въ удѣльной Россіи, закладничество селъ (vicus) практиковалось и въ римской имперіи, въ IV вѣкѣ. Законъ 395 г. воспрещаетъ коммендацію селеній: vicos in patrocinium suscipere [1]).

Соглашенія князей о *заложившихся*, зашедшихъ (задавшихся) селахъ обнаруживаютъ существенную черту закладничества удѣльнаго времени. Это закладничество было одновременно личнымъ и реальнымъ, поземельнымъ. Заложившіяся села — это сельчане, лица, заложившіяся вмѣстѣ со своей землей [2]). Словомъ „закладни“ грамоты обозначаютъ исключительно заложившихся лицъ [3]). Но

---

[1]) Cod. Theodos., XI, 24: Quicumque vicos in suum detecti fuerint patrocinium suscepisse, constitutas luent poenas. *F. de Coulanges*. Le bènéfice et le patronat, p. 102. Id. *Flach*, op. cit., t. I, p. 75.

[2]) Ср. терминъ „земля“, которымъ обозначались какъ территорія, такъ и населеніе: *Владимірскій-Будановъ*, Обзоръ, с. 12—13.

[3]) *В. И. Сергѣевичъ* полагаетъ, что слово закладень обозначало одинаково, „какъ землю, такъ и человѣка, служащаго обезпеченіемъ долга“ и въ подтвержденіе этого ссылается на соборную грамоту 1580 г., I, № 200 (Юр. Др. I, с. 269). При этомъ, однако, профессоръ самъ же указываетъ на непадежность цитированнаго имъ текста: „а кто послѣ сего уложенья купитъ землю, или *закладня* учнетъ за собою держати“... Онъ допускаетъ, что это мѣсто невѣрно „передаетъ рукопись“. Но если даже этотъ текстъ напечатанъ вѣрно, то, во всякомъ случаѣ слово закладень имѣетъ въ немъ необычный смыслъ. Древнѣйшій смыслъ этого слова временъ удѣловъ былъ уже невполнѣ ясенъ для 1580 года. Составитель соборной грамоты рядомъ съ другими, необычными для актовъ, архаичными формами воспользовался и словомъ закладень, обозначавшимъ явленіе, чуждое уже концу XVI вѣка, но придалъ ему особый смыслъ. Въ указѣ 1580 г., ноября 21, изданномъ на основаніи соборнаго приговора, 15 января, не было его непонятнаго для современниковъ слова закладень; вмѣсто „земель не покупать и закладней не держати“, въ немъ было сказано: „земель не покупать и *въ закладь* не держать“: см. правая 1625 г. Акты *Оедотова-Чеховскаго*, т. I, № 94, с. 284. Idem: А. Арх. Эксп. т. I, № 308.

лица, задаваясь за чужого князя, остаются жить на своей землѣ, во владѣніяхъ удѣла, не принадлежащаго ихъ патрону [1]). Закладничество лица, при такомъ условіи, должно было неизбѣжно влечь за собою и закладничество земли. Отдаваясь подъ покровительство чужого князя, закладникъ отдавалъ подъ его покровительство и свою землю; вмѣстѣ со своей поземельною собственностью онъ освобождался отъ подчиненія мѣстной власти. Такимъ же образомъ объясняется и „коммендація замли“ (terra in commendatione), существовавшая въ Англіи, въ эпоху книги страшнаго суда. „Тотъ, кто ищетъ покровительства, становится въ зависимость и тѣмъ самымъ приводитъ въ зависимость свое (земельное) имущество“ [2]).

Свободное развитіе такого, личнаго и одновременно реальнаго, междукняжескаго закладничества въ удѣльной Руси древнѣйшаго времени, до XIV вѣка, обусловливалось отсутствіемъ той государственной территоріальной власти, которая составляетъ необходимый элементъ современнаго государства. Существованіе закладничества того же рода въ позднѣйшее время обнаруживаетъ слабость возникающей власти государства надъ территоріей, — устанавливаемой упорною борьбою князей со стариной и медленно усваиваемой общимъ сознаніемъ. Власть эта, обусловливающая государственную неотчуждаемость отдѣльныхъ участковъ территоріи по волѣ ихъ частныхъ собственниковъ, создалась не сразу. Съ теченіемъ времени „начало суверенаго территоріальнаго господства одержало верхъ надъ частнымъ имущественнымъ правомъ“, начало политическое возобладало надъ частнымъ правомъ, но „въ этомъ случаѣ обошлось не безъ борьбы и признаніе правъ территоріальнаго господства было только результатомъ ея“ [3]). Весь ходъ этой борьбы совершенно ясенъ изъ междукняжескихъ договоровъ. Посредствомъ взаимныхъ соглашеній князья устанавливаютъ новыя начала территоріальной власти, невыхода частныхъ земель изъ государственнаго обладанія удѣльнаго владѣтеля; по-

[1]) См. вышеприведенныя цитаты и другія соглашенія о недержаніи закладней въ *чужихъ* волостяхъ, удѣлахъ и вотчинахъ: №№ 20 (1471), № 27 (1362), 52 (1434), и 88 др.

[2]) *П. Виноградовъ*, „Изслѣдов. по соц. ист. Англіи въ средніе вѣка“, „Ж. М. Нар. Пр.“, 1887, № 4, стр. 212.

[3]) *А. Приѣара*, „Опытъ ист. сост. гор. обыват.“, 1868, с. 15.

стоянныя нарушенія самими же договаривающимися сторонами этихъ новыхъ началъ свидѣтельствуютъ о жизненной силѣ стараго порядка.

Старый порядокъ государственныхъ отношеній прямо противорѣчилъ этимъ новымъ началамъ. Въ древнѣйшее время князь-государь владѣлъ территоріей, исключая часть, принадлежавшую ему на правѣ частной собственности, лишь въ силу подчиненія ему лицъ, частныхъ собственниковъ земли. Отношенія личныя преобладаютъ надъ отношеніями поземельными на Руси, до XIV вѣка, такъ же, какъ на западѣ до XII вѣка.

Личныя отношенія не только преобладали, но и обусловливали отношенія поземельныя. Съ прекращеніемъ личной связи землевладѣльца съ княземъ оканчивалась и государственная власть князя на вотчину частнаго собственника. Древнее вотчинное право, въ его полномъ развитіи, исключало территоріальную власть князя-государя.

Борьба князей съ закладничествомъ находится въ тѣсной связи съ общей борьбою противъ экстерриторіальности частныхъ владѣній. Первый, въ XIII ст., начинаетъ эту борьбу Великій Новгородъ, ревниво оберегавшій свою самостоятельность отъ притязаній сосѣднихъ тверскихъ князей. Въ 1265 г. вел. кн. тверской Ярославъ Ярославичъ обязался предъ Новгородомъ не принимать впредь закладниковъ въ новгородскихъ волостяхъ, обязался за себя, свою княгиню, бояръ и дворянъ [1]). Особое соглашеніе о лицахъ, ранѣе заложившихся за тверского князя, включено было впервые въ третью договорную грамоту того же князя съ Новгородомъ, 1270 года. Въ этомъ году вел. кн. Ярославъ, условившись съ Новгородомъ о непринятіи впредь новгородскихъ закладниковъ, вмѣстѣ съ тѣмъ обязался *отпустить прочь* всѣхъ своихъ, княгининыхъ и боярскихъ закладней, жившихъ за ними, подъ ихъ властью, въ новгородскомъ Торжкѣ [2]). Въ оправданіе этихъ

[1]) „А изъ Бежицъ, княже, людий не выводити въ свою землю, ни изъ иной волости Новгородской; ни грамотъ имъ даяти, ни закладниковъ приимати, ни Княгыни твоей, ни Бояромъ твоимъ, ни Дворяномъ твоимъ, ни смерда, ни купцины“, № 1 (1265).

[2]) „А что закладниковъ за Гюргомъ на Торжку, или за тобою, или за Княгынею, или за мужи твоими, кто купецъ, тотъ въ сто, а кто смердъ, а тотъ потягнетъ въ свой погостъ; тако пошло въ Новѣгородѣ, отпусти всѣхъ проць“, № 3 (1270).

соглашеній, вносившихся въ грамоты по иниціативѣ новгородцевъ. Новгородъ ссылался на свою старину: „тако пошло въ Новѣгородѣ"; изъ этого видно, что борьба съ закладничествомъ началась въ Новгородѣ еще раньше этихъ договоровъ 1265—1270 гг., но что для другихъ княжествъ такое отрицаніе закладничества было еще новостью. Обязательство, данное кн. Ярославомъ въ 1270 г. объ отпускѣ торжковскихъ закладниковъ, повидимому, исполнено не было. Какъ видно изъ позднѣйшихъ договоровъ, тверской князь сохранилъ надъ ними свою власть и они перешли по наслѣдству въ обладаніе его сына, Михаила. Вел. кн. Михаилъ Ярославичъ обязался, въ 1295 г., отпустить только тѣхъ закладней, которые подчинились ему лично, и сохранилъ по договору съ Новгородомъ, свою власть надъ „давними людьми (въ Торжкѣ и Волокѣ), которые позоровали къ Твери при Александрѣ и *при Ярославѣ*" [1]). Въ послѣдующихъ договорахъ, однако, мы не находимъ уже этого, льготнаго для тверского князя, соглашенія о давнихъ закладняхъ въ пограничныхъ волостяхъ. Черезъ десять лѣтъ послѣ указаннаго соглашенія, тотъ же тверской князь Михаилъ Ярославичъ, заключая новый договоръ съ Новгородомъ (1305 г.), долженъ былъ согласиться отпустить всѣхъ новгородцевъ, „въ Торжку или индѣ", заложившихся за него, его княгиню, или мужей (№ 7, id. № 8, 9).

Особенно строгое соглашеніе о закладникахъ включено было въ договоръ Новгорода съ Тверью, 1307 г. Новгородъ вообще не останавливался предъ чрезвычайными мѣрами въ защиту своей территоріи; такъ, нѣсколько позднѣе, какъ упомянуто выше, онъ рѣшился на исключительное мѣропріятіе, конфискацію вотчинъ у отъѣзжавшихъ бояръ. Та же мѣра принята была въ 1307 г. по отношенію къ закладнямъ. Новоторжцамъ, отнявшимся отъ Новгорода подъ власть тверского князя, предложено было „идти съ Торжку, куда имъ годно", покинувъ ихъ „новоторзскія земли" (№ 10).

Въ позднѣйшихъ новгородскихъ грамотахъ не встрѣчается другихъ соглашеній о закладничествѣ, кромѣ стереотипной статьи: „закладниковъ не приимати". Въ договорахъ великихъ князей съ удѣльными постоянно употребляется иная формула: „закладней

[1]) № 4, 1295.

не держати“ [1]). Соглашеніе о недержаніи закладней въ чужихъ владѣніяхъ внесено, за немногими исключеніями [2]), почти во всѣ княжескіе договоры, начиная съ 1362 г. по 1531 г. Оно находится и въ записяхъ кн. Владиміра Андреевича (Іоанну Грозному) 1553 и 1554 г., въ которыя внесенъ былъ съ нѣкоторыми измѣненіями обычный, древній текстъ договорныхъ грамотъ.

Во многихъ договорахъ статьи, направленныя противъ закладничества, слѣдуютъ непосредственно послѣ соглашеній о невсыланіи въ чужой удѣлъ даньщиковъ и приставовъ: „а въ твой ми удѣлъ даньщиковъ своихъ, ни приставовъ не всылати, тако же и тобѣ во все мое великое княженіе, ни грамотъ (жаловальныхъ) не давати, ни закладней не держати“ [3]). Сопоставленіе этихъ статей не было случайнымъ; онѣ постоянно ставились рядомъ не въ одной только, но въ нѣсколькихъ различныхъ редакціяхъ договорныхъ грамотъ и имѣютъ между собой тѣсную логическую связь. Связь эта совершенно ясна. Закладники, отдаваясь въ подданство чужому князю, подчинялись не мѣстной правительственной власти, но даньщикамъ и приставамъ того князя, за котораго они заложились. Поэтому статья, запрещающая въѣздъ въ чужой удѣлъ даньщикамъ и приставамъ другого князя, преслѣдуетъ ту же самую цѣль, что и статья, воспрещающая держаніе закладней въ чужомъ удѣлѣ, а именно, охрану территоріи удѣла. Соглашеніе, объявлявшее территорію княжества недоступной для правительственныхъ агентовъ сосѣднихъ князей, лишало ихъ возможности осуществленія своей власти въ чужомъ удѣлѣ и тѣмъ самымъ уничтожало въ корнѣ закладничество.

Рядомъ съ обязательствомъ о недержаніи закладней ставится въ договорахъ обязательство не давать въ чужой удѣлъ жалованныхъ грамотъ. Обязательства эти также имѣютъ тѣсную связь одно съ другимъ. Отдаваясь въ подданство чужому князю, закладники выговаривали себѣ извѣстныя льготы и привилегіи, которыя обезпечивались имъ жалованными грамотами. Статья о такихъ

---

[1]) Въ договорахъ съ Новгородомъ 1456 и 1471 гг. сказано: „закладней не держати, не приимати“, А. Арх. Эксп., т. I, № 57. С. Г. Г. и Д., т. I, № 20.

[2]) См. ниже.

[3]) № 33 (1388), № 29 (1371).

грамотахъ, очевидно, направлена противъ закладничества. Обязуясь не давать въ чужой удѣлъ жалованныхъ грамотъ, князья обязуются тѣмъ самымъ не привлекать въ свою власть чужихъ подданныхъ путемъ различныхъ пожалованій.

Съ обязательствами о закладняхъ, жалованныхъ грамотахъ, данщикахъ и приставахъ тѣсно соединяется во многихъ договорахъ соглашеніе о непокупкѣ князьями и боярами селъ въ чужихъ удѣлахъ: „А въ твой ми удѣлъ и въ отчину данщиковъ своихъ не всылати, ни приставовъ не давати, ни селъ не купити, ни нашимъ бояромъ безъ твоего вѣданья, ни закладней, ни оброчниковъ не держати, ни грамотъ ны не давати“ (№ 35, 1389). Соединеніе этихъ статей показываетъ, что онѣ имѣли одинаковый смыслъ, преслѣдовали одну и ту же цѣль. Освоеніе князьями и ихъ боярами земель чужого удѣла въ частную собственность выводило эти земли изъ-подъ вѣдомства власти мѣстнаго князя. Соглашеніе о непокупкѣ селъ, одинаково съ соглашеніемъ о недержаніи закладней, направлено къ сохраненію территоріи за княземъ удѣла, оно предотвращаетъ образованіе, въ предѣлахъ княжества, новыхъ экстерриторіальныхъ владѣній.

Указанный общій смыслъ соглашеній о закладняхъ и другихъ, тѣсно связанныхъ съ ними, ясно выраженъ въ нѣкоторыхъ договорахъ особой статьей: въ чужой удѣлъ *не вступатися никоторыми дѣлы*, т.-е. не присваивать правъ на территорію и населеніе, принадлежащихъ владѣльцу княжества. Соглашенія о закладняхъ, приставахъ и жалованныхъ грамотахъ приводятся прямо въ видѣ конкретнаго поясненія указаннаго общаго соглашенія. Такъ, кн. Владиміръ Андреевичъ завѣщаетъ своимъ сыновьямъ: „Дѣти мои въ материнъ удѣлъ и въ села не вступаются никоторыми дѣлы, и въ Медькино село съ деревнями, и въ Дьяково село съ деревнями: ни приставовъ своихъ не всылаютъ, ни судовъ имъ не судити, ни закладней не держати, ни грамотъ имъ жаловальныхъ не давати“ (№ 40, 1410). Въ томъ же самомъ, знаменательномъ порядкѣ слѣдуютъ указанныя соглашенія въ позднѣйшей редакціи договоровъ (1473—1504): „Въ тотъ мой удѣлъ тобѣ, моему господину, великому князю не вступатися подо мною, и твоему сыну, князю Ивану, ни вашимъ дѣтямъ подъ моими дѣтьми, и блюсти, а не обидѣти: ни приставовъ въ мою отчину, ни грамотъ жалованныхъ не давати, ни земель вамъ не купити, ни закладней не

держати“ [1]). Этими обязательствами устанавливается территоріальная власть князя, удѣлъ, въ качествѣ опредѣленной территоріи, объявляется недоступнымъ для власти сосѣдняго князя, отрицается власть князей надъ закладниками, основанная на личныхъ связяхъ. Это новое начало государственнаго права, въ иной, положительной формѣ, выражено въ цитированной выше духовной грамотѣ такъ: „судомъ и данью потянути *по удѣломъ, гдѣ кто живетъ*“; оно было формулировано впервые въ концѣ XIV вѣка: „а судомъ и данью потянути по землѣ и по водѣ“ (1368) [2]). Въ основу государственной власти князя кладется не личная служба, не личное подчиненіе подданныхъ, но обладаніе территоріей; обладаніе землей, удѣломъ, обусловливаетъ власть надъ населеніемъ; принадлежность лица опредѣляется принадлежностью земли. Древній обычай закладничества, отрицавшій мѣстную, княжескую власть, признается нарушеніемъ новыхъ началъ государственнаго права.

Вопреки этимъ новымъ началамъ, вопреки договорамъ, междуудѣльное закладничество, въ древнѣйшей формѣ, личное и реальное вмѣстѣ, существуетъ до XVI вѣка. Оно существовало до тѣхъ поръ, пока не было устранено главное условіе его жизнеспособности, черезполосность княжескихъ владѣній. Если бы древній удѣлъ былъ непрерывною площадью, строго отграниченной отъ сосѣднихъ княжествъ, то князьямъ трудно было бы осуществлять свою узурпаторскую власть надъ лицами и землями въ чужомъ удѣлѣ, и закладничество скоро бы уничтожилось съ развитіемъ территоріальной власти князей. Между тѣмъ удѣлъ до XVI в., въ большинствѣ случаевъ, представлялъ изъ себя совокупность черезполосныхъ разбросанныхъ владѣній. Князья сами постоянными раздѣлами поддерживали чрезполосность, наслѣдіе старины, когда принадлежность владѣній опредѣлялась подданствомъ лица, ея частнаго собственника. Великій князь Василій Васильевичъ выдѣлилъ своей женѣ волости и села въ предѣлахъ владѣній

[1]) № 97 — 98 (1473). Та же редакція: № 99 — 100 (dpl. № 101 — 102), № 106 — 107 (1481), (dpl. № 108 — 109), № 110 — 111 (1481), № 123 — 124 и 125—126 (1486), № 133—134 (1504), № 167 (1553).

[2]) № 28. Та же формула въ № 76 (1451) и въ позднѣйшихъ договорахъ гожественной редакціи: № 88 (1462), № 119—120 (1484) Ср. № 90—91 (1462), № 97 (1473), № 106—107 (1481).

(въ удѣлахъ) своихъ сыновей и завѣщалъ: „тѣ волости и села данью и судомъ потягнутъ къ моей княгинѣ, а дѣти мои въ то не вступаются“ (№ 86, 1462); давши волость Плѣснь можайскому князю (Михаилу Андреевичу) онъ оставилъ себѣ Плѣсенское село и деревни этого села [1]). Въ 1504 г. вел. князь Іоаннъ Васильевичъ пожаловалъ младшему сыну своему Юрію Дмитровъ и Кашинъ, опредѣлилъ границу его владѣній, но при этомъ, борясь со стариной, обстоятельно и очень неловко разъяснялъ значеніе этой границы [2]), и тутъ же самъ нарушилъ новое начало, нарушилъ территоріальный рубежъ, опредѣливъ, что часть населенія въ удѣлѣ кн. Юрія (численныя земли и ордынскія) будетъ подвластна не ему, но старшему князю Василію: „Тѣмъ численнымъ людемъ и ординцомъ тянути по старинѣ всякое тягло съ числяки и съ ординцы къ сыну моему къ Василью, а сыну моему Юрью въ численыя земли и въ Ординскія *не вступатися ничьмъ*“ (№ 138).

Благодаря соглашеніямъ такого рода, рубежъ не былъ неприкосновеннымъ для властей сосѣдняго княжества; территорія удѣла была легко доступной для приставовъ и даньщиковъ сосѣдняго князя. Нарушая рубежъ, въѣзжая въ удѣлъ кн. Юрія для управленія численными и ордынскими землями, принадлежавшими кн. Василію, его волостели легко могли осуществлять свою власть и по отношенію къ подданнымъ мѣстнаго князя Юрія, искавшимъ у нихъ защиты, закладывавшимся за ихъ господина, кн. Василія. По договорнымъ грамотамъ можно замѣтить, что закладничество вообще развивалось тамъ, гдѣ власть чужого князя была близка и легко осуществима. Въ договорахъ Новгорода съ Тверью рѣчь идетъ преимущественно о закладняхъ въ пограничныхъ областяхъ, Торжкѣ и Волокѣ, которыя были доступнѣе для управы воло-

---

[1]) № 90 (1463), с. 216. Другіе примѣры см. у *Чичерина*, „Опыты“, с. 308, 309.

[2]) „А которыя села и деревни монастырскія и боярскія по сему списку изъ Переславскихъ становъ и изъ волостей перешли въ Дмитровскіе и въ Кашинскіе станы и волости, и тѣмъ монастырямъ и бояромъ и дѣтемъ боярскимъ тѣ свои земли вѣдати по старинѣ, а данью и судомъ тѣмъ землямъ тянути къ Дмитрову и къ Кашину и къ волостямъ Дмитровскимъ и къ Кашинскимъ, кудѣ которая земля перешла“ и пр. № 138. с. 367.

стелей сосѣдняго тверского князя. Напротивъ, гдѣ владѣнія князей не перекрещивались, были удалены одно отъ другого, или же раздѣлены естественной границей, тамъ не было мѣста закладничеству. Жителямъ рязанскаго княжества, отдѣленнаго отъ Москвы ясной границей, р. Окой, трудно было разсчитывать на скорую защиту московскихъ волостелей, и не было, такимъ образомъ, основаній для закладничества за московскаго князя. Въ договорѣ кн. Дмитрія Іоанновича съ Олегомъ рязанскимъ, установившемъ между ихъ владѣніями „раздѣлъ по р. Оку", мы не находимъ обычныхъ обязательствъ не держать закладней, не покупать селъ, не всылать приставовъ въ чужой удѣлъ [1]).

Договоры князей сохранили для насъ извѣстія лишь о междуудѣльномъ закладничествѣ. Но нѣтъ сомнѣнія, что рядомъ съ междуудѣльнымъ, междукняжескимъ — существовало въ древнее время и закладничество внутреннее, ограниченное предѣлами извѣстнаго княжества. Если лица могли закладываться за боярина чужого удѣла, то еще легче они могли отдаваться подъ защиту какого-либо сильнаго землевладѣльца того же самаго княжества, въ которомъ они жили [2]).

Разсмотрѣнный мною въ этой главѣ древнѣйшій видъ закладничества личнаго и поземельнаго вмѣстѣ, коммендація лица съ

---

[1]) № 32, 1381. То же въ договорѣ кн. рязанскаго съ кн. Юріемъ Галицкимъ: № 47, 1433 и въ договорѣ князей московскаго (Василія Васильевича) и можайскаго съ княземъ рязанскимъ: № 65, 1447.—Въ нѣкоторыхъ договорахъ первой половины XV в., особой краткой редакціи, находимъ обычное соглашеніе: „въ чужой удѣлъ не вступаться, блюсти, а не обидѣти"; но въ нихъ нѣтъ вытекавшихъ изъ этого соглашенія постановленій о закладняхъ, селахъ, и приставахъ; эти постановленія, повидимому, сами собой подразумѣваются и выпущены лишь для сокращенія текста грамотъ: № 37, 1405, № 46, 1433, №№ 47, 49, 61 (1445). — Въ нѣкоторыхъ договорахъ интересующія насъ соглашенія пропущены, повидимому, случайно: ср. двѣ договорныя грамоты в. кн. Василія Васильевича съ Михаиломъ Андреевичемъ и съ Иваномъ Андреевичемъ, кн. можайскими: 1447 г.; №№ 64 и 66 (ib. № 69, 1448).—Соглашеніе о закладняхъ и пр. пропущены также въ договорахъ исключительно политическихъ; какъ въ № 67, 1448. Ихъ нѣтъ, кромѣ того, въ грамотахъ №№ 60 и 62 (1440) и №№ 52—59.

[2]) Къ такому закладничеству относятся, какъ кажется, обязательства лицъ, получившихъ землю во временное владѣніе: „не окняжить, не обояритъ" этой земли и „не отдати никому": А. Арх. Эксп., т. I, № 74, III, VI. А. отн. до Юр. Б., т. I, № 118, II, VIII—X.

землей, исчезаетъ въ XVI вѣкѣ. Междуудѣльное закладничество этого рода уничтожено было объединеніемъ Руси. Въ предѣлахъ одного княжества, московскаго государства, оно исчезло постепенно, съ установленіемъ строгаго правительственнаго контроля надъ правами лицъ на поземельную собственность. Этотъ контроль осуществлялся частыми переписями XV—XVI ст. Право лица на землю признавалось лишь въ томъ случаѣ, если оно было закрѣплено письменными актами, купчими, данными, раздѣльными грамотами. Принадлежность земли не могла уже болѣе опредѣляться, какъ въ древнѣйшее время, принадлежностью лица. Закладничество лица не могло уже болѣе влечь за собою перехода земли подъ власть патрона.

Съ середины XVI вѣка акты говорятъ объ иномъ видѣ закладничества, о патронатѣ исключительно личномъ. Этотъ видъ закладничества-патроната не былъ связанъ съ коммендаціей земельной собственности задавшагося человѣка, но какъ выяснено выше, въ первой главѣ, былъ обусловленъ поселеніемъ кліента-закладчика на землѣ патрона.

IV. Княжеская защита въ связи съ иммунитетомъ.

§ 73. Защитныя письма и мундебуръ.

Освобождаясь отъ подчиненія графу, иммунистъ становился въ непосредственное подчиненіе королю. Король бралъ его подъ свою личную защиту.

Непосредственная зависимость лица отъ короля обозначалась въ грамотахъ германскимъ терминомъ mundeburdis, mundebour. Этотъ терминъ переводили на латинскій языкъ соотвѣтствующими латинскими словами: defensio, auxilium, tuitio (защита, помощь, „соблюденіе“). Быть подъ мундебурдомъ это значило быть подъ защитой: *sub mundeburde vel defensione*. Король бралъ подъ свою защиту знатныхъ людей, вассаловъ, аббатовъ, а иногда также и лицъ низшаго общественнаго положенія, но особенно нуждавшихся въ защитѣ, женщинъ, евреевъ, купцовъ; этихъ послѣднихъ—иногда только на опредѣленный срокъ, такъ напримѣръ, купцовъ на время ихъ торговаго путешествія. Взявъ кого-либо подъ свою

защиту, король, особой грамотой, защитнымъ письмомъ (Schutzbrief), запрещалъ своимъ чиновникамъ наносить ему въ чемъ-либо вредъ и повелѣвалъ вмѣстѣ съ тѣмъ оказывать ему всякое покровительство и содѣйствіе. За преступленіе, совершенное противъ подзащитнаго человѣка, виновные должны были платить болѣе высокую пеню.

Отношенія защиты составляли, такимъ образомъ: 1) дѣятельное покровительство подзащитному человѣку (homo in mundio) со стороны королевскихъ властей, 2) усиленная охрана его личныхъ правъ высокой пеней и 3) непосредственная подсудность его королю. Въ тѣхъ случаяхъ, когда подзащитный человѣкъ не находилъ управы у графа или не былъ удовлетворенъ судебнымъ рѣшеніемъ графа, онъ имѣлъ право перенести свое дѣло на судъ короля; дѣло его разсматривалось или самимъ королемъ или близкимъ къ королю, довѣреннымъ сановникомъ, дворцовымъ графомъ (comes palatii) [1]).

Эти отношенія защиты, институтъ мундебурдія во всей его цѣлости, существовали и въ удѣльной Руси. Ясныя указанія на нихъ даютъ жалованныя грамоты; иммунитетъ у насъ, какъ и на западѣ, соединялся съ княжеской защитой.

Къ сожалѣнію, у насъ не сохранилось образца древней защитной грамоты чистаго типа, которая рельефно обрисовала бы намъ самостоятельное значеніе института княжеской защиты, внѣ связи его съ иммунитетомъ. Впрочемъ, этотъ недостатокъ можетъ возмѣстить одна своеобразная новгородская жалованная грамота; въ ней, вслѣдъ за обычными статьями жалованныхъ грамотъ, находимъ особое постановленіе, ярко выражающее отношенія защиты и, можетъ быть, взятое цѣликомъ изъ спеціальныхъ защитныхъ грамотъ.

Въ этой грамотѣ Великій Новгородъ даетъ привилегіи купцамъ Троице-Сергіева монастыря, на время ихъ путешествія въ принадлежавшій Новгороду Двинскій край: свободу отъ таможенныхъ и торговыхъ пошлинъ и отъ суда мѣстныхъ посадниковъ, и затѣмъ объявляетъ: „А вы, бояре Двинскіе, и житьи люди, и купци, бороните купчину Сергѣева монастыря, хотя коли будетъ

[1]) Ср. *H. Zöpfl*, „Deutsche Rechtsgeschichte“, т. II, § 10, 4 изд. 1872 г., с. 57—58. *G. Waitz*, „D. Verfassungsgesch.“, т. IV, с. 235—239, 483.

Новгородъ Великій съ которыми сторонами немиренъ, а вы *блюдите* монастырскаго купчину и его людей, *какъ своихъ*, занежъ весь господинъ Великій Новгородъ *жаловалъ Сергіевъ монастырь держать своимъ*; и вы посадники и бояре и ихъ приказники и всѣ пошлинники сей грамоты Новгородскія не ослышьтеся“ [1]).

Свой монастырь, свой человѣкъ—это человѣкъ in mundio, homo regis, подзащитный человѣкъ. Новгородскія власти должны оборонить его даже въ томъ случаѣ, если Новгородъ будетъ вести войну съ московскимъ княземъ, во владѣніяхъ котораго находился Троицкій монастырь, взятый подъ защиту [2]). Повелѣніе мѣстнымъ властямъ заканчивается внушительнымъ: „вы сей грамоты новгородскія не ослышьтеся“. Отношенія защиты установляются здѣсь вообще въ болѣе сильныхъ и характерныхъ выраженіяхъ, чѣмъ въ соотвѣтствующемъ защитномъ письмѣ Людовика Благочестиваго, гдѣ король говоритъ, обращаясь къ своимъ чиновникамъ: „вы должны оказывать имъ (купцамъ) помощь или мундебурдій все время, пока они будутъ исполнять свои дѣла, чтобы, благодаря намъ, они возвратились здравы и невредимы“ [3]).

Великій князь Іоаннъ Калита, такъ же, какъ Новгородъ въ только что разсмотрѣнной грамотѣ, даруя привилегіи монастырю, беретъ его подъ особую свою защиту: „а по великому князю слову волостелемъ ихъ волоцкимъ *блюсти, а не обидѣти*, Бога дѣля и святаго дѣла Юрья“; „а коли розмирье князю великому съ Новымъ городомъ, а тогда ихъ въ безадщину не ставити, не обидѣти ихъ въ то время, но живутъ опрись въ брезѣ князя великаго“: живутъ опрись — особо, въ брезѣ — бреженьѣ (береженьѣ)—подъ защитой великаго князя [4]). Эта фраза: „жить опрись въ брезѣ великаго князя“ выдѣляется явнымъ архаизмомъ въ грамотѣ XIV вѣка. Не представляетъ ли она древнѣйшей формулы, обозначавшей отношенія защиты? Позднѣйшія защитныя

---

[1]) А. А. Э., I, № 42 (1448—1454).

[2]) Въ другой, подобной грамотѣ, Соловецкому монастырю, сказано: „боронити игумена и всѣхъ старцевъ всимъ Великимъ Новгородомъ“: А. А. Э., № 62 (1470).

[3]) Auxilium vel mundeburdium praebeatis, quatinus negotium eorum exerceant et per nos salvi et illesi eant et redeant: см. *Waitz*, т. IV, с. 239, пр. 5.

[4]) Грамота 1338–1340 года, А. Э., I, № 4.

грамоты иного, новаго типа назывались береженными. Не сохранилось ли въ этомъ названіи отзвука старой защитной формулы?

Въ только что разсмотрѣнныхъ текстахъ ясно выраженъ одинъ элементъ института защиты, или мундебурдія: особое покровительство, дѣятельная оборона, оказываемая подзащитному человѣку княземъ-государемъ и его властями. Другой элементъ отношеній защиты, а именно право подзащитнаго человѣка на личный, непосредственный судъ князя — не менѣе ясно обнаруживается изъ русскихъ жалованныхъ грамотъ. Наши грамоты установляютъ порядокъ осуществленія этого права, нѣсколько отличающійся отъ западнаго, но тожественный съ нимъ по существу и, болѣе того, выражающій еще прямолинейнѣе основное начало института. На западѣ подзащитный землевладѣлецъ-иммунистъ обыкновенно не освобождался вовсе отъ мѣстной подсудности, но ему предоставлялось обращаться къ личному суду короля въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ будетъ неудовлетворенъ судебнымъ рѣшеніемъ мѣстныхъ управителей-графовъ: ему давалось только право апелляціи къ королю. У насъ же привилегированный вотчинникъ совершенно освобождался отъ подсудности мѣстнымъ властямъ и подлежалъ единственно суду великаго князя. „А кому будетъ каково дѣло до игумена, ино его сужу язъ самъ князь великій“ [1]).

Личный судъ короля замѣнялся при этомъ на западѣ судомъ его довѣреннаго сановника-дворцоваго графа, comes palatii. У насъ точно также въ разбирательствѣ тяжебныхъ дѣлъ иммуниста князя замѣнялъ бояринъ введеный. „А кому будетъ чего искать на NN или на ихъ приказчикѣ, ино ихъ сужу язъ самъ, князь великій, или мой бояринъ введеный“ — aut ante regem aut ante comitem palatii [2]).

---

[1]) Бѣлозерская грамота 1435—1447 г. „Р. Ист. Библ.“, т. II, № 21. Отличіе, объясняющееся большей близостью князя къ иммунистамъ вслѣдствіе меньшихъ размѣровъ его владѣній.

[2]) Московская грамота (М. Коппина), А. Э., I, № 44, № 46 (1450), № 141 (1505). То же во множествѣ другихъ грамотъ. Боярина введеного замѣняетъ иногда дворецкій или казначей. Иногда великій князь выражается неопредѣленно: „или кому прикажу“. См. сводный текстъ у *Лаппе*, „Др. рус. смѣсные суды“, стр. 182—185. *G. Waitz*, „Deutsche Verfassungsgeschichte“, т. IV, стр. 487.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Боярская служба

I. Дружина.

§ 74. [Германская и русская дружина].

Германскому вассалитету соотвѣтствуетъ *боярская служба* удѣльнаго времени. И совершенно одинаково съ вассалитетомъ она развивается изъ отношеній *дружинныхъ*. Прежде чѣмъ приступить къ изученію позднѣйшей боярской службы, необходимо описать предшествующую ей дружину, при чемъ нетрудно будетъ показать, что она имѣетъ корни тѣ же самые, что и вассалитетъ.

Близкое сходство русскихъ дружинъ кіевскаго времени съ дружинами германскихъ конунговъ замѣчено давно. Погодинъ еще въ 1846 г. сопоставилъ лѣтописныя извѣстія о дружинахъ съ описаніемъ норманской дружины, и Кавелинъ, разбирая трудъ Погодина, писалъ: „изображеніе норманской дружины по Стрингольму, дѣйствительно, *разительно сходно* съ отрывочными извѣстіями лѣтописи и авторъ правъ, говоря: не кажется ли, что оно сдѣлано по Нестору?“ [1]). Если же мы, пользуясь новыми изслѣдованіями Вайца или Брунпера, ближе сравнимъ основныя черты русскихъ и германскихъ дружинъ, то должны будемъ признать въ нихъ не только разительно сходные, но и тожественные по существу институты.

Въ Кіевской Руси такъ же, какъ у франковъ или лонгобардовъ, англо-саксовъ или норманновъ, княжеская дружина представляетъ собою вольное военное товарищество. Дружинники воины—не холопы, не подданные и не наемники: это свободные люди, клятвенно обязавшіеся вѣрно служить своему вождю-господину на полѣ брани. Отношенія дружинника къ князю опредѣляются свободною связью службы и вѣрности.

[1]) *М. Погодинъ*, „Изслѣдованія, замѣчанія и лекціи о русской исторіи“, т. III, с. 228 — 232. *К. Кавелинъ*, Собраніе сочиненій, т. I, с. 173 (1897).

Нравственная связь [1]), отвлеченная принадлежность дружинника къ дому князя поддерживается въ древнѣйшее время реальной близостью къ княжескому дому, сожительствомъ дружинниковъ съ княземъ. На войнѣ дружинники близко сопутствуютъ князю, составляя какъ бы его тѣлохранительный отрядъ. Въ мирное время большая часть ихъ живетъ во дворѣ князя. Въ принадлежности къ домашнему товариществу (Hausgenossenschaft) князя Бруннеръ видитъ отличительный признакъ дружинниковъ: они „ѣдятъ, пируютъ и спятъ въ палатахъ господина“ [2]). На такую же близость русскихъ дружинниковъ къ княжескому дому указываютъ извѣстія нашей лѣтописи. Желая охарактеризовать любовь князя Мстислава Тмутараканскаго къ дружинѣ, лѣтописецъ говоритъ, что онъ для дружины „имѣнья не щадяше, ни питья, ни яденья браняше“ (1036). Во дворѣ князя были особыя палаты, служившія жилищемъ или столовой для дружины; они назывались *гридницей* отъ слова *гридь* — дружина. На близость дружинниковъ къ княжескому дому указываетъ, повидимому, и терминъ огнищанинъ, обозначающій, по мнѣнію Соловьева, человѣка, принадлежащаго къ княжескому огнищу—очагу—дому (подобно тому, какъ терминъ дворянинъ обозначалъ человѣка, принадлежащаго къ княжескому двору [3]).

Сожительство дружины съ княземъ весьма рано начинаетъ разрушаться. Въ меровингское время многіе дружинники, сохраняя принадлежность къ княжескому дому, мундіуму (огнищу), живутъ уже въ отдаленіи отъ князя на пожалованной имъ землѣ или во ввѣренномъ ихъ управленію округѣ. Въ Кіевской Руси мы также видимъ многихъ дружинниковъ, управляющихъ городами въ качествѣ посадниковъ, въ отдаленіи отъ князя, или живущихъ въ своихъ болярскихъ селахъ. У насъ, совершенно такъ

[1]) „Сребромъ и златомъ не имамъ налѣзти дружины“ (Лѣтопись); „мужей златомъ не добыти“ (Даніилъ Заточникъ).

[2]) *H. Brunner*, „Deutsche Rechtsgeschichte (System. Handbuch K. Binging's)“ т. I, § 19, с. 133—143. Въ дальнѣйшемъ сравненіи я буду держаться *Бруннера*, не дѣлая на него ссылокъ. Дополнительныя свѣдѣнія о русскихъ дружинныхъ порядкахъ см. въ моей книгѣ: „Государевы служилые люди“, гл. I.

[3]) Сходное съ мнѣніемъ *Соловьева* объясненіе даютъ *М. Ф. Владимірскій-Будановъ* и *Костомаровъ* („Сѣв.-рус. народоправства“, II, стр. 20). О другихъ толкованіяхъ см. пазванную мою книгу, с. 296, и приложеніе 2-е.

же, какъ на западѣ, съ теченіемъ времени дружина все больше отдаляется отъ князя, пріобрѣтая земельную осѣдлость. Но близость сохраняется въ пріѣздахъ къ княжескому двору: раньше жили вмѣстѣ, теперь съѣзжаются.

Несмотря на большую близость къ князю, на тѣсную нравственную связь вѣрности, дружинники пользуются большой самостоятельностью въ своихъ отношеніяхъ къ нему. Князь — ихъ вождь, но не господинъ и не государь. Вольные вѣрные мужи, они вѣрны ему, они слѣдуютъ за нимъ только до тѣхъ поръ, пока одобряютъ его дѣйствія. Воля дружины, поэтому, связывала волю князя. Эта сторона отношеній дружины къ князю ярко обрисована въ нашей лѣтописи. Мы видимъ въ ней, что князья предпринимаютъ всѣ важныя дѣйствія, „сдумавше съ дружиною". Лѣтопись даетъ намъ даже живое описаніе одного совѣщанія князей съ дружинами, разсказываетъ, какъ князья Владиміръ Мономахъ и Святополкъ-Михаилъ „сѣли думать" съ своими дружинами „въ единомъ шатрѣ" (конечно, только съ виднѣйшими мужами, какъ представителями остальныхъ) и какъ Владиміръ Мономахъ убѣждалъ дружинниковъ въ необходимости начать войну съ половцами (1103 годъ). О совѣщаніяхъ королей съ дружиной свидѣтельствуютъ также и западно-европейскіе источники. „Антрустіоны,—говоритъ Брунперъ,—играютъ значительную роль въ совѣтѣ короля, въ особенности они принимаютъ участіе въ обсужденіи узаконеній". „Въ совѣтѣ короля,—съ своей стороны, замѣчаетъ Вайцъ,—сидятъ слуги короля и его дружина и оказываютъ свое вліяніе на политику" [1]). Безыскусственныя отмѣтки лѣтописи Фредегарія объ отношеніи дружинниковъ-левдовъ (leudes) къ тѣмъ или инымъ дѣйствіямъ королей вполнѣ сходятся съ такими же отмѣтками нашей лѣтописи: „Теодориха убѣждали левды его заключить миръ съ Теодебертомъ"; „Андреева же дружина пріѣздяче къ нему жаловаху, глаголюще: что твориши княже? поѣди прочь"... [2]).

[1]) *H. Brunner*, „D. Rechtsgesch.", т. II, с. 100. *G. Waitz*, „D. Verfassungsgesch.", т. II, с. 103. Эта сторона отношеній дружины къ князю выяснена и сопоставлена съ германскими отношеніями *В. И. Сергѣевичемъ*, Р. Юр. Др., т. II, вып. II, с. 342, 467 и слѣд.

[2]) *G. Waitz*, т. II, с. 354 (выписка изъ Фредегарія). Лавр. лѣт., 1149 (с. 307).

Наши источники совершенно такъ же, какъ германскіе, не даютъ возможности выяснить ближе разряды, степени и чины дружинниковъ, кромѣ дѣленія дружины на высшую и низшую, или старшую и младшую. Точное значеніе различныхъ наименованій дружинниковъ: „гридь, отроки, дѣтскіе, пасынки, болярцы“ такъ же, какъ германскихъ: „Degen, Gasindi, Gafolgi, Austaldi“ и проч., трудно поддается объясненію. Любопытно, однако, что у насъ встрѣчаются наименованія, совершенно соотвѣтствующія германскимъ. Наши *отроки* соотвѣтствуютъ выраженію Degen (degan, thegan), слову, родственному съ греческимъ teknon и обозначающимъ *отрока* (Knabe) и слугу (Diener), а также витязя (Held). Нашей дружинѣ — друзьямъ соотвѣтствуетъ выраженіе austaldi, hagustaldi (сакс. и франк.)—друзья. О низшихъ членахъ дружины слѣдуетъ замѣтить, что нѣкоторые изъ нихъ исполняли обязанности по домашнему хозяйству князя, сближаясь съ его невольными слугами. Это обстоятельство давало нѣкоторымъ германскимъ историкамъ основаніе сближать вообще дружинниковъ съ княжеской челядью. Къ такому же неправильному заключенію приходили, независимо отъ германскихъ, и нѣкоторые наши историки.

Высшій разрядъ дружинниковъ у насъ такъ же, какъ на западѣ, пользуется особыми преимуществами. Жизнь старшихъ дружинниковъ охраняется или особой пеней, сверхъ обычной виры за убійство, какъ у англо-саксовъ и норманновъ, или повышенной вирой, въ тройномъ размѣрѣ, какъ у франковъ. По Салической правдѣ за убійство человѣка, состоящаго in truste dominica, взималось 600 солидовъ, вмѣсто 200, взимавшихся за убійство свободнаго франка (ст. 41). Точно также по Русской правдѣ за убійство огнищанина назначена была вира въ 80 гривенъ, вмѣсто обычныхъ 40 (ст. 18). Эта высшая вира охраняла жизнь не всѣхъ членовъ дружины, а только высшій ея разрядъ, у насъ— огнищанъ, у франковъ — антрустіоновъ, которые такъ же, какъ наши огнищане, составляютъ „eine hervorragende Klasse des königlichen Gefolges“.

Отъ королевской дружины германскіе историки строго отличаютъ древнѣйшую германскую знать (Adel). Вайцъ ясно показалъ, что у всѣхъ германскихъ племенъ были древніе знатные роды, не входившіе въ составъ дружинниковъ и пользовавшіеся

извѣстными преимуществами, независимо отъ дружинной службы королю или герцогу. „О связи между знатью и дружиной,—говоритъ онъ о лонгобардахъ,—не можетъ быть и рѣчи: обѣ стоятъ совершенно отдѣльно, одна подлѣ другой“ [1]). Въ нашей исторіографіи точно также давно уже установлено существованіе въ Кіевской Руси рядомъ съ княжескими боярами-дружинниками такъ называемыхъ бояръ земскихъ. Лѣтопись называетъ ихъ старцами, старѣйшинами, боярами, нарочитыми мужами [2]). Представители старой земской знати, конечно, нерѣдко вступали въ ряды княжескихъ дружинниковъ, но дружины отнюдь не были аристократическимъ учрежденіемъ. Доступъ въ нихъ, какъ у насъ, такъ и на западѣ, открытъ былъ для всѣхъ свободныхъ людей и даже полусвободныхъ. Въ Салической правдѣ (дополненія къ ней) упоминаются римляне и *литы*—полусвободные дружинники (in truste dominica) [3]). Подобное указаніе на отсутствіе въ нашихъ дружинахъ аристократической замкнутости даетъ наша первоначальная лѣтопись, разсказывая, какъ Владиміръ Святой „сотвори великимъ мужемъ“ сына кожевника въ награду за то, что онъ побѣдилъ въ единоборствѣ печенѣжскаго богатыря (992).

Отличая дружину отъ древней знати, нѣмецкіе историки съ другой стороны, въ военномъ отношеніи строго отличаютъ дружину отъ *народнаго ополченія*. Германскія дружины были обыкновенно немногочисленны, отъ 15 до 240 человѣкъ. Наша лѣтопись даетъ безспорныя данныя для отличія дружины отъ народнаго

---

[1]) *G. Waitz*, „D. Verfassungsgesch.“, т. I, с. 393 и др. *Брунеръ* также отличаетъ древнюю Adel отъ Gefolgschaft: т. I, с. 107, 247 и слѣд.

[2]) *И. Бѣляевъ*, „Жители московскаго государства“, „Временникъ“, кн. 3, 1849. *М. Владимірскій-Будановъ*, „Обзоръ ист. р. пр.“, изд. 3, с. 19—30. „Государевы служилые люди“, с. 1—3. *Брунеръ* считаетъ наиболѣе вѣроятнымъ мнѣніе, что „Die Adeligen der Urzeit“ принадлежали къ тѣмъ родамъ „Geschlechter, aus welchen man die Könige, die Fürsten, die Priester zu nehmen pflegte“, op. cit., I, 107. Точно также *М. Ф. Владимірскій-Будановъ* предполагаетъ, что въ классъ земскихъ бояръ вошли „туземные князья, лишенные своихъ владѣній Рюриковичами“.

[3]) *Fustel de Coulanges*, „Les origines du système féodal“, с. 326. *Brunner*, т. II, с. 99: „Antrustionen konnten nicht nur Freie, sondern auch Liten und Knechte sein“; „вообще личныя качества при возвышеніи въ обществѣ преобладали въ древнихъ славянскихъ [? какъ и въ германскихъ] обществахъ надъ рожденіемъ и наслѣдственностью“: *Владимірскій-Будановъ*, „Обзоръ“, с. 34.

ополченія. Въ битвѣ 1024 г. князь Мстиславъ, разсказываетъ лѣтописецъ, „съ вечера исполчивъ дружину, и постави сѣверъ (ополченіе сѣверянъ) въ чело противу варягомъ, а самъ ста съ дружиною своею по крилома“. Когда, благодаря этому строю, вся тяжесть сѣчи пала на ополченіе, Мстиславъ на слѣдующій день, при видѣ труповъ павшихъ сѣверянъ, замѣтилъ: „кто сему не радъ? се лежитъ сѣверянинъ, а се варягъ, а дружина своя цѣла“. Ополченіе обыкновенно разумѣется подъ словами *вои*, *помочь*, *полкъ* или подъ областнымъ названіемъ: новгородцы, суздальцы; нерѣдко, однако, это различіе не выдерживается и дружиною называется все войско [1]).

II. Вассалитетъ.

§ 75. [Вольная служба].

Вассальныя отношенія на западѣ развились изъ отношеній дружинныхъ. Вассалы отличаются отъ дружинниковъ, главнымъ образомъ, своей земельной осѣдлостью и хозяйственной самостоятельностью. Вассалитетъ—это отдѣлившаяся отъ князя, осѣдлая, землевладѣльческая дружина [2]).

У насъ съ теченіемъ времени, дружинники такъ же, какъ на западѣ, пріобрѣтаютъ земельную осѣдлость. Съ развивающейся въ XII вѣкѣ осѣдлостью князей, обращающихъ волости въ наслѣдственную собственность, развивается, какъ давно выяснено нашими историками, и „частная поземельная собственность дружины“. Въ исходѣ кіевскаго періода дружинники превращаются

[1]) Отъ постоянной дружины *Брунеръ* отличаетъ сборную дружину, составлявшуюся для опредѣленнаго предпріятія изъ добровольцевъ: eine Gefolgschaft ohne Hausgenossenschaft (т. I, с. 137). Въ нашей лѣтописи также можно замѣтить, рядомъ съ постоянными дружинами, постоянно сопровождавшими своего вождя, дружины-сборные отряды: Лавр. лѣт. с. 303 (1148), 345 (1122), ср. с. 286 (1130).

[2]) Генетическая связь дружины и вассалитета въ послѣднее время детально выяснена *Брунneромъ* въ его исторіи права и въ спеціальныхъ статьяхъ. Ее признаютъ *Гизо*, *Ротъ*, *Цепфель*, *Flach* и др. Проф. *Виноградовъ* говоритъ, что вассалитетъ есть позднѣйшее названіе дружинной коммендаціи. *Вайцъ* тщетно пытался доказать, что вассалитетъ находится въ связи единственно съ коммендаціей-патронатомъ, но не съ дружиной.

въ бояръ и слугъ землевладѣльцевъ. *Боярская служба* удѣльнаго времени, выростая такъ же какъ вассалитетъ изъ службы дружинной, по основнымъ своимъ началамъ тожественна, какъ мы сейчасъ увидимъ, со службой вассальной.

Вглядимся ближе въ отношенія вассалитета. Что такое германскій вассалъ? Это, прежде всего, такъ же, какъ и дружинникъ, *военный слуга* своего господина-сюзерена. „Столько же историко-юридическій, какъ и политическій центръ тяжести вассалитета—говоритъ Брунперъ — лежитъ въ военно-служебной обязанности вассала“ [1]. Всѣ вассалы обязаны выступать въ походъ по первому требованію господина. Кромѣ военной службы, часть вассаловъ несетъ также *придворную службу;* тѣ вассалы, которые не живутъ при дворѣ сеньера, обязаны являться ко двору по первому его требованію (die Verpflichtung der Hoffahrt). Брунперъ остроумно видитъ въ этой обязанности пережитокъ древняго дружиннаго сожительства (домовой общины). Часть вассаловъ, далѣе, несетъ *гражданскую службу* по той или другой, порученной имъ, господиномъ должности. Они управляютъ областями; присутствуютъ въ королевскомъ судѣ; засѣдаютъ въ королевскомъ совѣтѣ; исполняютъ обязанности королевскихъ пословъ (missi) [2].

Точно такую же картину служебныхъ обязанностей и дѣятельности вообще нашихъ *бояръ и слугъ* даютъ договорныя и духовныя грамоты удѣльныхъ князей. Наши бояре такъ же, какъ вассалы, безъ всякаго сомнѣнія, прежде всего военные слуги князей. Договорныя грамоты свидѣтельствуютъ о непремѣнной обязанности ихъ выступать въ походъ, когда „князь ихъ садится на конь“ противъ своего недруга. Великій князь Дмитрій Іоанновичъ обязываетъ своего двоюроднаго брата Владиміра Андреевича:

---

[1]) *H. Brunner*, II, 268. Проф. *Виноградовъ* видитъ въ „вооруженной службѣ“ „отличительный признакъ вассалитета въ противоположность оброчнымъ и зависимымъ отношеніямъ низшаго разряда“: „Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія“, 1880, № 12, с. 360. *Фюстель-де-Куланжъ* считаетъ военную службу коренпымъ отличіемъ дружинной коммендаціи отъ иной. *Вайцъ* также не отрицаетъ того, что вассалы суть военные слуги, но въ этой военной службѣ онъ не видитъ существеной черты вассалитета, полагая, что только принятіе бенефиція возлагало на вассала обязанность военной службы: т. IV, с. 276.

[2]) *H. Brunner*, II, 267—269. *G. Waitz*, IV, 255.

„а коли ми будемъ всѣсти на конь, а тобѣ со мною, или тя куды пошлю и *твои бояря съ тобою*“ (1388). Если князь Владиміръ Андреевичъ найдетъ нужнымъ не брать съ собою въ походъ кого-либо изъ бояръ, то онъ долженъ предварительно условиться объ этомъ съ великимъ княземъ: „а кого коли оставити у тобя бояръ, про то ти мене доложити, то ны учинити по згадцѣ: кому будетъ слично ся остати, тому остатися; кому ѣхати, тому ѣхати“ (1362). Бояре, находящіеся въ округѣ города, которому грозитъ опасность осады, избавляются отъ обязанности являться къ полку своего князя. Но они должны защищать этотъ городъ: „а городная осада, гдѣ кто живетъ, тому туто и сѣсти“... (1390) [1]).

Такъ же, какъ вассалы, бояре-военные слуги въ мирное время несутъ придворную и гражданскую службу. При дворѣ князя они служатъ окольничими, казначеями, чашниками и проч. Часть бояръ и слугъ живетъ въ непосредственной близости къ князю на его дворѣ [2]). Часть исполняетъ различныя должности по мѣстному гражданскому управленію; служитъ намѣстниками, волостелями, доводчиками: управителями-кормленщиками.

Служебныя обязанности вассаловъ обозначаются общими терминами: servitium и obsequium — служба. Отношеніе вассала къ господину, замѣчаетъ Вайцъ, обозначается словами *служить* (*servire*), *служба* (*servitium*); вассалъ называется иначе *слугою* [3]). Наши грамоты говорятъ о *боярахъ и слугахъ*, при чемъ по существу ни въ чемъ не отличаютъ бояръ отъ слугъ. Боярами назывался высшій разрядъ слугъ князя. Отношеніе къ князю обозначается точно такъ же, какъ на западѣ, словами *служить*, *служба*. Помимо всего прочаго, такимъ образомъ, и самая терминологія даетъ основаніе для тѣснаго сближенія нашихъ удѣльныхъ *бояръ-слугъ* съ *вассалами-слугами*.

[1]) Собр. Гос. Гр. и Дог., т. I, №№ 27 (1362), 33 (1388). А. Арх. Эксп., I, № 10 (1390). См. также другія цитаты ниже. О городной осадѣ см. „Госуд. служ. люди“, с. 299, прим. 14.

[2]) Здѣсь, въ лицѣ дворныхъ людей-дворянъ, они сближаются съ невольными слугами. Та же близость вассаловъ къ несвободнымъ или полусвободнымъ дворовымъ слугамъ замѣчена и на западѣ; *Вайцъ* даже весь вассалитетъ выводитъ изъ такой дворовой службы.

[3]) „Andererseits wird das Verhältniss zum Herrn als ein Dienen (servire), Dienst (servitium) bezeichnet; der Vassall heisst um deswillen auch wohl selber Diener (famulus, puer)“: *G. Waitz*, т. IV, 272—273.

Свободную боярскую военную службу отнюдь не слѣдуетъ смѣшивать съ принудительной военной повинностью подданныхъ. Эта послѣдняя проистекаетъ изъ территоріальнаго подданства. Служба же боярина обусловливается, какъ и служба вассальная, особою его личною договорной связью съ княземъ. Въ такомъ именно личномъ характерѣ вассалитета заключается важнѣйшая его черта, важнѣйшее его отличіе отъ государственнаго подданства, съ которымъ онъ нерѣдко вступаетъ въ конфликтъ [1]). Личный, дружинно-вассальный, характеръ службы удѣльнаго боярина-слуги явственно виденъ изъ договорныхъ грамотъ. Въ нѣкоторыхъ договорахъ вассальная служба боярина отдѣляется отъ его государственнаго подчиненія мѣстной власти въ отношеніи суда и дани. Бояринъ, владѣющій землею и живущій въ данномъ княжествѣ, весьма часто является „слугою“ не мѣстнаго, а иного князя. Предоставляя такому боярину „служить“, кому онъ хочетъ, договорныя грамоты обязываютъ его въ отношеніи дани и суда подчиняться мѣстному князю: „А кто *служитъ* намъ или тебѣ, *а живетъ* въ нашей вотчинѣ, въ великомъ княженьи, или въ твоей вотчинѣ во Тфери, и на тыхъ намъ [взаимно] взяти дань, какъ и на своихъ, по цѣлованью, безъ хитрости“ (1368). Судомъ и данью бояринъ обязанъ „потянути по землѣ и по водѣ“, но на войну онъ идетъ непремѣнно съ воеводою того князя, которому служитъ; договоры не нарушаютъ существа вассальной боярской службы: „а кто которому князю служитъ, гдѣ бы ни жилъ, тому съ тѣмъ княземъ и ѣхати, кому служитъ“ (1390) [2]).

---

[1]) „Die Dienstpflicht der Vassallen konnte in Konflikt treten mit den öffentlichen Unterthanenpflichten“: *H. Brunner*, II, 269.

[2]) С. Г. Г. и Д., I, № 28 (1368) и А. А. Э, I, № 10 (1390). Для большей ясности приведемъ въ связи постановленія о боярахъ изъ договора 1389 г.: a) „А боярамъ и слугамъ межи насъ вольнымъ воля, b) А кто живетъ твоихъ бояръ въ нашихъ удѣлѣхъ и въ отчинѣ въ великомъ княженьи, а тѣхъ ны блюсти какъ и своихъ, и дань взяти, какъ и на своихъ“ (и vice versa) c) въ случаѣ войны, „которые бояре твои живутъ въ нашихъ удѣлѣхъ и въ вел. княженьи, *а ты бояре съ тобою*; а коли ми послати своихъ воеводъ изъ которыхъ городовъ, и *твои бояре поѣдутъ съ твоимъ воеводою*; а твой воевода съ моимъ воеводою вмѣстѣ“: С. Г. Г. Д., № 35 (1389). Ср. договоръ 1434 г.: „а гдѣ будетъ итти нашимъ ратемъ, и гдѣ кто живетъ, въ нашихъ отчинахъ, и кто кому служитъ, тотъ съ своимъ осподаремъ и ѣдетъ“. С. Г. Г. и Д., I, № 52. Это уже общій принципъ, не только о службѣ князя.

Выборъ господина-сеньера зависѣлъ единственно отъ желанія слугъ-вассаловъ. Могущественный и доблестный сеньеръ имѣлъ много вассаловъ, потому что многіе добивались чести и выгодъ, связанныхъ со службой ему. Яркое указаніе на эти отношенія даетъ тверская лѣтопись, разсказывая, какъ тверской князь Василій привлекалъ къ себѣ слугъ своею доблестью: „зѣло мнози служаху ему... сынове сильныхъ прилагахуся ему“ (1362) [1]).

Бояринъ, военный слуга, былъ такъ же, какъ дружинникъ, *вольнымъ слугою* своего князя-господина. Онъ сохранялъ за собою право во всякое время, по своему усмотрѣнію, порвать свою служебную связь съ господиномъ. Эта свобода боярской службы, право отъѣзда или право отказа, существовала до конца удѣльнаго порядка. Въ договорныхъ грамотахъ постоянно встрѣчается извѣстная статья: „*а боярамъ и слугамъ межи насъ вольнымъ воля*“. Великіе и удѣльные князья не только всегда подтверждали боярское право отъѣзда, но даже взаимно обязывались „не держать нелюбья“ на отъѣхавшихъ слугъ, и „не посягати на нихъ безъ исправы“.

§ 76. Боярская служба и вассалитетъ.

Мнѣ предстоитъ теперь обсудить весьма важный вопросъ, въ какой мѣрѣ эта свобода нашей боярской службы отвѣчаетъ основнымъ началамъ вассалитета. Вопросъ этотъ важенъ потому, что все ходячее представленіе объ удѣльной Руси зиждется на этой свободѣ службы. Хорошо извѣстно, что по законамъ каролинговъ свобода службы вассаловъ отнюдь не была столь безусловной. Карлъ Великій постановилъ въ капитуляріи 813 года, что никто не долженъ оставлять своего сеньера, если только сеньеръ не совершитъ явнаго насилія въ отношеніи своего слуги: 1) покусится на его жизнь, 2) оскорбитъ, побивъ палкой, 3) обезчеститъ его жену или дочь, или, 4) наконецъ, отниметъ его вотчину (hereditas). Не здѣсь ли и заключается тотъ существенный пунктъ различія между боярской службой и вассалитетомъ, который разрушаетъ въ корень устанавливаемое мною тожество этихъ учрежденій?

Къ такому именно выводу о коренномъ различіи между бо-

[1]) П. С. Р. Л., т. XV, с. 469. Тамъ же нѣсколько выше: „вси сынове тверстіи прилагахуся къ нему и храбро служаху ему“, с. 468.

ярской службой и вассальной пришелъ Б. Н. Чичеринъ, противопоставившій временный характеръ боярской службы постоянству вассальнаго договора. Начало вольной службы удѣльнаго времени Чичеринъ совершенно правильно ведетъ отъ вольной дружины древнѣйшаго кіевскаго періода. „Это выраженіе: *люди вольные*— говоритъ онъ—совершенно соотвѣтствуетъ слову *франки*, hommes francs, которое на западѣ означало то же самое понятіе. Оба явленія принадлежатъ одному времени и сходны между собою, потому что происходятъ изъ одного источника, именно изъ дружиннаго начала, изъ этого союза лицъ, совершенно свободныхъ, никому не подчиненныхъ и соединенныхъ между собою единственно договоромъ. Этотъ дружинный типъ, разбивши первоначальную родовую связь, вошелъ, какъ составной элементъ, въ большую часть гражданскихъ отношеній того времени. Но на западѣ бродячая жизнь франковъ скоро превратилась въ подчиненіе, хотя личное, договорное, однако, постоянное. Тамъ дружины пришли въ столкновеніе съ предыдущею, развитою гражданственностію; тамъ самая природа страны мало способствовала кочеванію. И вотъ мы съ ранніхъ временъ видимъ ограниченія перехода слугъ... Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ постановленій нельзя не видѣть государственныхъ стремленій, которыми тогдашніе короли и императоры пытались воскресить Римскую Имперію. Но во всякомъ случаѣ это сообщало *договорамъ постоянный, наслѣдственный характеръ, который не только сохранился, но еще болѣе развился при утвержденіи феодализма*. У насъ же до самаго образованія Московскаго государства бояре и слуги свободно переѣзжали отъ князя къ князю и договоры носили характеръ временный“ („Опыты“, 334).

Итакъ, вассальная связь, вассальный договоръ, по мнѣнію Чичерина, есть договоръ постоянный, прочный, неразрывный; служебная же связь боярина съ княземъ—временная, слабая, совершенно свободная. Съ одной стороны „прочность и крѣпость гражданскихъ отношеній“, съ другой — „совершенная ихъ шаткость“. Это блестящее и столь мѣткое на первый взглядъ противоположеніе обнаруживаетъ, однако, полную „шаткость“ при первомъ же обращеніи къ трудамъ историковъ феодализма [1]).

[1]) Вся эта антитеза построена на явной ошибкѣ *Вайца*, слѣдствіемъ

При сравненіи боярской службы и вассалитета, какъ двухъ правовыхъ институтовъ, прежде всего важно отмѣтить, что западно-европейскіе историки отнюдь не считаютъ неразрывность вассальной связи, которую пытался утвердить Карлъ Великій и ближайшіе его преемники, существеннымъ элементомъ вассалитета. На капитуляріи Карла они смотрятъ, какъ на постановленіе, шедшее въ разрѣзъ съ основнымъ началомъ уже сложившагося института, какъ на законъ, стремившійся измѣнить обычай, но его вполнѣ не измѣнившій. Вассально-служебная связь на западѣ совершенно такъ же, какъ у насъ, выросла изъ связи дружинной и должна была сохранить, присущій послѣдней, принципъ полной свободы. Если мы будемъ противопоставлять, какъ сдѣлалъ Б. Н. Чичеринъ, постоянную вассальную службу временной, вольной службѣ боярской, то въ такомъ случаѣ должны будемъ признать, что въ этой послѣдней, лучше и полнѣе выразилось одно изъ основныхъ началъ германскаго вассалитета. Но на самомъ дѣлѣ этого не было. Близость нашихъ удѣльныхъ учрежденій къ феодальнымъ столь велика, что всѣ основныя черты, весь скелетъ вассалитета совпадаетъ съ скелетомъ соотвѣтствующаго русскаго института—боярской службы.

Что неразрывность вассальной связи отнюдь не опредѣляла существо вассалитета, это показываетъ неувѣренность и колебанія законодательной власти, пытавшейся установить эту неразрывность. Карлъ Лысый въ 847 г., ссылаясь на узаконенія своихъ предшественниковъ, постановилъ, чтобы никто не оставлялъ своего сеньера безъ справедливой причины (sine justa ratione), и вслѣдъ затѣмъ, черезъ короткое время, въ 856 г. разрѣшилъ переходъ вассаламъ, которымъ почему-либо не нравится ихъ сеньеръ (cui suus senioratus non placet) и „скорѣе приглашаетъ ихъ пользоваться свободой службы, чѣмъ ее ограничиваетъ“ [1]). Вассалъ

которой явилась ошибка *Чичерина*. Теперь (и давно уже) свобода договора вассала всѣми признается.

[1]) *Waitz*, IV, 266, 267 прим. 2 и 1. Ср. *Montesquieu*, „De l'esprit des lois“, книга XXXI, гл. XXVI: „Du temps de Charlemagne, lorsqu'un vassal avoit reçu d'un seigneur une chose, ne valût elle qu'un sou, il ne pouvoit plus le quitter. Mais sous Charles le Chauve les vassaux purent impunement suivre leurs intérêts ou leur caprice; et ce prince s'exprime si fortement là-dessus, qu'il semble plutôt les inviter à jouir de cette liberté, qu'à la restreindre“.

обязывался быть вѣрнымъ до тѣхъ поръ, пока онъ не порвалъ служебнаго договора, пока онъ служитъ и владѣетъ бенефиціемъ: „вѣрность, какъ тебѣ обѣщалъ, сохраню, доколѣ буду твоимъ и буду держать твое имѣніе“: fidelitatem, sicut tibi promisi, adteneam, quamdiu tuus fuero et tua bona tenuero [1]). Въ этомъ обязательствѣ нѣтъ и тѣни указанія на постоянство, неразрывность договора. Вассалъ обѣщается служить вѣрно, доколѣ будетъ слугою господина.

Указывая на связь вассальныхъ отношеній съ дружинными, и опредѣливъ послѣднія, какъ „связь чисто личную и совершенно свободную“, Гизо замѣчаетъ, что „та же свобода продолжала существовать“ и послѣ земельной осѣдлости дружины. „Карлъ Великій предпринялъ, съ одной стороны, опредѣлить, въ какихъ случаяхъ коммендатъ можетъ покинуть своего патрона, съ другой стороны, обязать каждаго свободнаго человѣка избрать себѣ патрона“. Но—говоритъ Гизо—„Charlemagne n'obtint pas tout ce qu'il voulait; *longtemps encore une extrème mobilité* règna dans ce genre de rapports“. Та же неустойчивость отношеній характерна и для позднѣйшаго времени разцвѣта феодализма: „вассалы часто имѣли притязаніе на то, что они могутъ порвать феодальную связь и отдѣлиться отъ ихъ сюзерена произвольно, безъ всякаго повода, единственно по своему желанію. Правда, памятники феодальнаго законодательства не признаютъ этихъ притязаній законными“... Законодательство пыталось положить предѣлъ, оформить „эту возможность разлучаться, порывать соціальную связь, но она тѣмъ не менѣе оставалась *первоначальной и господствующей основой феодализма* (*le principe primitif et dominant de la féodalité*)“ [2]).

Королевская власть была слишкомъ слаба, чтобы заставить

---

[1]) Другое такое же свидѣтельство даетъ Auctor vetus: „quamdiu homo suus sit et beneficia ab eo habuerit“: *Waitz*, т. VI, с. 70, прим. 3. Приводя эти свидѣтельства, противорѣчащія взгляду на неразрывность вассальскаго договора, *Вайцъ* излагаетъ ихъ, опуская слова „quamdiu homo suus sit“, и „quamdiu tuus fuero“: въ этихъ словахъ, однако, весь смыслъ. Въ другихъ извѣстіяхъ вассалы клянутся быть вѣрными, но отнюдь не даютъ обѣщанія служить до смерти или не покинуть господина. См. напр. цитату у *Вайца*, т. VI, с. 71, прим. 3.

[2]) *M. Guizot*, „Histoire de la civilisation en France“, éd. 1859, т. III, с. 250—251, т. IV, с. 72—73, ср. с. 28.

уважать законъ, шедшій въ разрѣзъ съ феодальной свободой. Капитуляріи Карла Великаго и его сыновей не были забыты во Франціи и въ позднѣйшее время, въ XI, XII вѣкахъ; но они получили особое значеніе. Въ нихъ видѣли не ограниченіе свободы, а подтвержденіе права вассала порвать связь съ сеньеромъ, если онъ не исполнитъ обязанностей вѣрности и покровительства. Найти поводъ для обвиненія сеньера въ нарушеніи его обязанностей, вообще, было не трудно. Вассалы пользовались этимъ, какъ указываетъ Люшеръ, чтобы подъ самымъ ничтожнымъ предлогомъ перенести на другого сюзерена свои fidelitas et hommagium. Названный историкъ приводитъ рядъ примѣровъ такого перехода крупныхъ феодаловъ отъ одного сюзерена къ другому въ XII вѣкѣ и говоритъ о „*феодальной независимости, доведенной до крайнихъ предѣловъ*“ [1]). Гдѣ же то постоянство, та неразрывность вассальныхъ отношеній, которую Чичеринъ противополагаетъ вольной службѣ удѣльныхъ бояръ?

Установленное Карломъ Великимъ ограниченіе свободы службы вассаловъ совершенно не привилось въ германскихъ странахъ. Нѣмецкій феодализмъ отличается отъ французскаго меньшей формальностью вообще и въ частности полнымъ признаніемъ вольности вассаловъ. „Нѣмецкое и лангобардское ленное право—говоритъ Бруннеръ — не даютъ указаній на неразрывность вассалитета (Unkündbarkeit). То и другое право въ этомъ пунктѣ *вернулось къ основоположеніямъ германскаго дружиннаго быта*. А именно считалось, что вассалъ правоспособенъ, при условіи возвращенія лена, разорвать служебное отношеніе [2]).

Вайцъ, не имѣя достаточной опоры въ источникахъ, утверждаетъ, что и въ Германіи, въ ленный періодъ, вассалъ могъ *по*

---

[1]) „L'indépendance féodale, ainsi poussée à ses dernières limites, mettait en danger l'éxistence même de la monarchie et retardait la formation définitive da la nationalité“: *Achille Luchaire*, „Histoire des institutions monarchiques de la France sous les premiers capétiens“, т. II, 1891, с. 43.

[2]) *H. Brunner*, т. II, 224. Явившееся у франковъ „die Beschränkung der Kündbarkeit beruht wahrscheinlich auf einer Einwirkung der Gallo-römischen Patronatsverhältnisse, die auf Lebenszeit eingegangen wurden, wie sich denn überhaupt daraus die strengere Ausgestaltung erklären dürfte, die das Lehnwesen in Frankreich erfuhr. Da die Staatsgewalt aus militärischen Gründen ein Interesse hatte das Band der Vassalität zu festigen, trat sie zu Gunsten der Unkündbarkeit in die Schranken“: idem, с. 233.

праву оставить господина, только въ томъ случаѣ, если господинъ не исполнялъ своихъ обязанностей вѣрности и покровительства, и указываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что дѣйствительность мало соотвѣтствовала праву. „Памятники XI столѣтія наполнены отзвукомъ жалобъ на то, что присяга, принесенная князьями королю и вассалами своимъ господамъ, мало почитается, часто нарушается только изъ погони за выгодой, чтобы отъ другихъ получить бо́льшія преимущества, новые лены". Во время частыхъ междоусобій князей соперниковъ—продолжаетъ Вайцъ—„вассалы присоединялись то къ одной сторонѣ, то къ другой, оставляли своихъ старыхъ господъ, чтобы отъ новыхъ получить большія выгоды... Здѣсь властвовала сила обстоятельствъ и давала просторъ произволу" [1]). Въ этомъ произволѣ, однако, сохранялась древняя дружинная воля и выражался важный обычный принципъ свободной вассальной связи. Одна и та же шаткость отношеній господствовала у насъ и на западѣ. Разница только въ томъ, что нѣкоторые феодальные короли тщетно пытались ограничить свободу вассаловъ; наши же удѣльные князья открыто признавали своихъ бояръ *вольными слугами*.

Впрочемъ, и въ нашемъ договорномъ правѣ удѣльнаго времени можно очень рано найти попытки ограниченія права отъѣзда вольныхъ бояръ. Новгородъ, напримѣръ, въ 1368 г. рѣшился установить правиломъ—конфискацію земель отъѣхавшихъ бояръ. На практикѣ такая мѣра, по всей вѣроятности, нерѣдко примѣнялась всѣми князьями; гнѣваясь на отъѣхавшаго боярина, они, вѣроятно, нерѣдко отнимали у него землю. Но Новгородъ установилъ открыто такой порядокъ въ договорѣ 1368 г., заявивъ, что, въ случаѣ отъѣзда новгородскихъ бояръ къ великому князю Тверскому, ихъ „села, земли и воды" будетъ вѣдать Великій Новгородъ, „а ты бояромъ и слугамъ ненадобѣ" (№ 28). Естественно, такая мѣра, не отмѣняя права отъѣзда, должна была сильно стѣснить возможность пользованія этимъ правомъ.

Другія договорныя ограниченія права отъѣзда еще ближе стоятъ къ западно-европейскимъ, законодательнымъ и также до-

---

[1]) *G. Waitz*, „Deutsche Verfassungsgesch"., т. VI, изд. 1896, с. 98, 101; *Luchaire*, „Manuel des institutions françaises", стр. 219: „Le lien de vassalité et de fidéité... est sans cesse (!) rompu".

говорнымъ ограниченіямъ свободы вассальной службы. Эта послѣдняя ограничивалась главнымъ образомъ въ виду того, что вассалъ обыкновенно владѣлъ бенефиціемъ; ограниченія относились главнымъ образомъ къ вассаламъ-бенефиціаламъ. У насъ точно также еще въ XVI вѣкѣ князья дѣлаютъ попытки отнять право перехода у тѣхъ слугъ, которые владѣли землею, пожалованною имъ подъ условіемъ службы (бенефиціемъ), а именно „слугъ подъ дворскимъ“. Князья взаимно обязывались: „Слугъ, которые потягли къ дворскому, въ службу не приимати“ (1368).

Разсмотрѣвъ обязанности вассала-слуги, мы должны разсмотрѣть, въ чемъ заключались обязанности господина въ отношеніи къ вассалу.

Главной обязанностью господина было покровительство своему вассалу. Это покровительство и даетъ основаніе нѣкоторымъ историкамъ тѣсно сближать вассалитетъ съ патронатомъ, видѣть въ немъ по преимуществу одно изъ отношеній защиты. Выраженіемъ или послѣдствіемъ этого покровительства были привилегіи вассала въ области судебнаго процесса. Королевскіе вассалы имѣли право аппеляціи къ королю: недовольные судебнымъ рѣшеніемъ графа они могли перенести свое дѣло на личный судъ короля (или замѣнявшаго его въ этихъ случаяхъ высшаго сановника, палатнаго графа). Во Франціи, въ позднѣйшее время вассалъ по общему правилу во всѣхъ судебныхъ дѣлахъ, подлежалъ юрисдикціи своего сеньера. Въ Германіи же юрисдикція сеньера въ отношеніи вассаловъ ограничивалась дѣлами, касавшимися ленныхъ отношеній.

Наши жалованныя грамоты сохранили указанія на принадлежность боярамъ-вассаламъ удѣльной Руси судебныхъ преимуществъ того же порядка. Получая иммунитетныя привилегіи, бояре и слуги освобождались вмѣстѣ съ тѣмъ, обыкновенно, отъ подсудности намѣстникамъ и получали право на личный судъ великаго князя или его боярина введенаго.

Кромѣ покровительства, господинъ долженъ былъ давать своему вассалу также и матеріальную помощь. Наши великіе князья, также какъ западно-европейскіе сеньеры, „*кормили по службѣ*“ своихъ слугъ. Они, съ одной стороны, жаловали имъ земли въ собственность или въ условное владѣніе. О тожественныхъ съ бенефиціями нашихъ „жалованьяхъ-служнихъ земляхъ“ удѣльнаго времени я буду говорить подробнѣе дальше во второй главѣ.

Итакъ, всѣ основныя черты боярской службы совпадаютъ съ основными чертами вассалитета. Скелеты обоихъ этихъ учрежденій тожественны. Наши бояре удѣльнаго времени, наравнѣ съ вассалами, суть вольные военные слуги землевладѣльцы, получающіе отъ князя-господина за службу покровительство и матеріальную помощь въ видѣ земли и доходныхъ должностей (бенефиціи — жалованія). Они связаны съ княземъ независящимъ отъ территоріальнаго подданства свободнымъ договоромъ о службѣ. Мы знаемъ содержаніе нашего вассально-служебнаго договора; посмотримъ теперь, какими обрядностями онъ закрѣплялся.

§ 77. Заключеніе и разрывъ договора. Приказъ и отказъ.

Въ нашихъ источникахъ сохранилось нѣсколько любопытныхъ указаній на существовавшія у насъ въ древности символическія обрядности разнаго рода, сходныя и тожественныя съ германскими [1]). Однако, при заключеніи договора о службѣ у насъ не употреблялись ни коммендація, ни инвеститура. Коммендаціи — „поручительству“ у насъ соотвѣтствовало челобитье. Въ выраженіи „бить челомъ въ службу“, по всей видимости, сохранился слѣдъ дѣйствительно совершавшагося прежде обряда. Для обозначенія низкаго земного поклона и впослѣдствіи говорили: „ударилъ челомъ“ [2]). Лица, вступавшія въ службу, „били челомъ въ землю“ на дѣлѣ, въ знакъ своего подчиненія. Въ этой обрядности челобитья нѣтъ основанія видѣть бо́льшую униженность нашего обряда коммендаціи и тѣмъ менѣе дѣлать отсюда выводъ о бо́льшей подчиненности нашихъ слугъ, въ сравненіи съ вассалами. Обрядъ коммендаціи на западѣ въ позднѣйшее время совершали, стоя на колѣняхъ, иногда даже на колѣняхъ касались ногъ

[1]) Напримѣръ, отводъ межи съ дерномъ на головѣ. Собранныя мною данныя о такихъ обрядностяхъ сообщу въ другомъ мѣстѣ.

[2]) „Бить челомъ“, „ударить челомъ“ означало земной поклонъ: „И боринъ Иванъ Никитичъ, вшедъ въ палату и поклонився образомъ на всѣ стороны и челомъ ударя Государынѣ Царевнѣ, сѣлъ за столомъ“. Дворц. разр., I, стр. 771. Бить челомъ *въ службу*—стереотипность этого выраженія указываетъ, что при заключеніи договора о службѣ, челобитье совершалось какъ обрядность.

господина [1]). Отъ колѣнопреклоненія уже недалеко до челобитья [2]).

Вступленіе въ вассальную связь называлось на западѣ *коммендаціей* (se commendare, commendatus), терминами, которые употреблялись также для обозначенія всякаго рода отношеній защиты. Въ нашей древности были термины, вполнѣ соотвѣтствующіе словамъ se commendare, commendatus: закладываться-задаваться, закладень. Эти слова у насъ, однако, употреблялись для обозначенія однихъ только отношеній защиты, но не вассально-служебной связи. Для обозначенія вступленія въ службу было особое слово *приказаться*. О боярахъ и слугахъ, вступающихъ въ службу, говорили обыкновенно: „имѣтъ служити“, „учнетъ служити“ и „билъ челомъ въ службу“.

Любопытное указаніе на отличіе вассальной боярской службы отъ подданства, челобитья отъ крестоцѣлованья, сохранила намъ лѣтопись въ подробномъ разсказѣ о паденіи Новгорода въ 1478 г. Іоаннъ III находится въ воепномъ станѣ подъ Новгородомъ. Новгородскіе бояре и всѣ новгородцы приведены къ присягѣ. Вѣчевой колоколъ снятъ и отвезенъ въ московскій станъ. Все кончено, казалось бы, всѣ обрядности покорности, подданства выполнены, не такъ ли? Но тутъ всплываетъ старина: только что приведенные къ присягѣ, новгородскіе бояре, отправляются къ великому князю и „бьютъ челомъ въ службу“ [3]). Къ присягѣ приводятъ другіе (бояре великаго князя). Но челобитье о службѣ со-

---

[1]) Genua flectunt, pedibusque manus supponunt, *Waitz*, т. VI, с. 67, прим. 1.

[2]) Въ Галицкихъ пѣсняхъ встрѣчаются указанія на пожалованіе дружинникамъ при вступленіи въ службу *коня* и *оружія*, совершенно такъ же, какъ на западѣ. Добрый панъ, „daje na rik po sto szerwonych, *po konykowy taj po szabelci*, po parі sukon, taj po szaroczi“... *Соловьевъ*, „Ист. Россіи“, кн. I, т. I, с. 265—266.

[3]) „Били челомъ великому князю въ службу бояре Новгородскіе и всѣ дѣти боярскіе и житіи; да приказався вышли отъ него“, (1478). Тутъ произошелъ еще слѣдующій инцидентъ: Товарковъ былъ высланъ за ними въ догонку, чтобы подтвердить, послѣ договора о службѣ (болѣе слабаго) обязанности присяги: „и князь великій выслалъ за ними Ив. Товаркова... а велѣлъ имъ князь вел. говорити: на которой грамотѣ вел. княземъ крестъ цѣловали есте, по той бы грамотѣ государемъ своимъ и правили есте по тому же крестному цѣлованью“ П. С. Р. Л., VI, 219. VIII, 197, XII, 187.

вершается *передъ самимъ* великимъ княземъ; для „приказа“ бояре отправляются въ станъ великаго князя.

При разрывѣ вассальнаго договора на западѣ употреблялась обрядность эксфестукаціи — преломленія соломы. Обрядность эта имѣла совершенно такое же значеніе, какъ существующій донынѣ актъ объявленія войны. По воззрѣніямъ того времени отказъ отъ службы, самъ по себѣ, не заключалъ въ себѣ ничего предосудительнаго, не былъ измѣной, хотя бы онъ былъ сдѣланъ при обстоятельствахъ, крайне затруднительныхъ для господина. Въ правѣ отказа выражалась дружинно-вассальная свобода. Измѣнникомъ считался только тотъ вассалъ, который покидалъ своего сеньера, не заявивъ ему открыто о своемъ отказѣ; только въ такомъ случаѣ на него падала „magna et perpetua infamia“. Вассалъ воленъ былъ оставить господина, но онъ въ такомъ случаѣ, какъ указываетъ Вайцъ, „долженъ былъ формально взять назадъ вѣрность, и въ особенности прежде, чѣмъ онъ этого не сдѣлалъ, не начинать противъ господина враждебныхъ дѣйствій“ [1]).

Въ своевольномъ феодальномъ обществѣ живетъ идеалъ вѣрнаго рыцаря, вѣрнаго вассала. Chansons de geste воспѣваютъ преданнаго рыцаря, самоотверженно служащаго сеньеру и исполняющаго желанія сеньера даже тогда, когда онъ ихъ не одобряетъ. Этотъ идеалъ былъ знакомъ и нашей древности; онъ живо отразился въ церковно-публицистической литературѣ. Во французской пѣснѣ идеально преданный сеньеру рыцарь Бернье говоритъ: „мой сеньеръ Рауль предатель хуже Іуды, но онъ мой сеньеръ; ни за что на свѣтѣ я не ослушаюсь его“. Въ русской лѣтописи вѣрный бояринъ (Семенъ Топиліевичъ) провозглашаетъ тотъ же принципъ безпрекословнаго исполненія воли князя: „и вѣдятъ они (князья) между собою, а язъ вѣмъ то, еже служити своему господину отъ всего сердца“. Эта вѣрность службы, какъ у насъ, такъ и на западѣ, не исключала права отказа (défi). Названный рыцарь Бернье, оскорбленный сеньеромъ Раулемъ, отказывается отъ него. Также и одинъ изъ нашихъ бояръ, прославляемый лѣтописцемъ за долгую самоотверженную службу (И. Д. Всеволожскій), кончаетъ тѣмъ, что оставляетъ своего князя. Это право отказа въ извѣстныхъ случаяхъ признается даже поученіями XIV в.,

[1]) *G. Waitz*, т. VI, с. 100, прим. 1, 2 и с. 96, прим. 2.

настаивающими на покорности бояръ князьямъ: „аще кто отъ своего князя отъидетъ, *а достойну честь пріемля отъ него*, то подобенъ Июдѣ". Вѣрность здѣсь обусловливается „достойною честью". Бояринъ остается все-таки вольнымъ слугою, также какъ вѣрный рыцарь. Въ случаѣ обиды отказъ вступаетъ въ свои права [1]).

Лѣтопись сохранила намъ драгоцѣнное извѣстіе о такомъ формальномъ отказѣ бояръ отъ службы. Когда нижегородскіе бояре въ 1392 г. рѣшили оставить своего князя Бориса Константиновича и перейти къ врагу его, московскому князю, то старѣйшій изъ бояръ Василій Румянецъ открыто заявилъ своему князю: „*господине княже, не надѣйся на насъ, уже бо есмы отнынѣ не твои, и нѣсть есмя съ тобою, то на тя есмы*" [2]).

В. И. Сергѣевичъ [3]), отмѣтивъ это извѣстіе, прекрасно оцѣнилъ его смыслъ: у нижегородскихъ бояръ „и подозрѣнія не было о томъ, что они измѣняютъ своимъ обязанностямъ. Наоборотъ, рѣчь Румянца проникнута сознаніемъ права ихъ сдѣлать то, что они сдѣлали. Нижегородскіе бояре не украдкой перебѣгаютъ къ противнику своего господина; они дѣлаютъ это на глазахъ всѣхъ и сами торжественно заявляютъ о своемъ переходѣ"—буквально такъ же, прибавлю я, какъ западно-европейскіе вассалы. Въ удѣльной Руси мы на каждомъ шагу встрѣчаемъ тѣ же самыя воззрѣнія, тѣ же самыя отношенія, тѣ же самыя учрежденія, что и въ феодальной Европѣ.

III. Подвассалы.

§ 78. [Боярскіе вольные слуги].

Весьма важной чертой феодальнаго государственнаго строя является фактъ существованія вассаловъ-военныхъ слугъ не

[1]) „Кн. для чт. по ист. ср. вѣковъ", ч. II, стр. 749. *J. Flach*, „Les origines de l'ancienne France" II, стр. 478—481, 531. *М. А. Дьяконовъ*, „Власть моск. госуд.", с. 168, 170. Даже когда рыцарь далъ клятву *пожизненной* вѣрной службы, онъ и тогда сохранялъ право отказа. „En règle la compagnie était nouée pour l'existence entière... pour la faire cesser plus tôt une rupture de foi, un défi était nécessaire".

[2]) Никоновская лѣт., 1392; П. С. Р. Л., т. XI, с. 148. Ср.: „Jam non ero tibi fidelis neque serviam tibi et fidelitatem te non portem", (1033 г.). *Flach*, „Les origines de l'ancienne France", II стр. 530.

[3]) Р. Юрид. Древн., т. I, с. 315.

только у короля-главы государства, но и у частныхъ лицъ-крупныхъ землевладѣльцевъ. Частныя лица въ феодальномъ государствѣ имѣютъ своихъ военныхъ слугъ, независящихъ отъ верховной власти, и этимъ обезпечиваютъ свою феодальную самостоятельность. Военные слуги частныхъ лицъ служатъ своимъ сеньерамъ на тѣхъ же самыхъ условіяхъ, какъ и королевскіе вассалы, по одинаковому вассальному договору.

Въ удѣльной Руси военные слуги также были не только у великихъ князей, но и у частныхъ лицъ. Наши бояре-военные вассальные слуги князей, въ свою очередь, также какъ западные вассалы, имѣли своихъ военныхъ слугъ, своихъ подвассаловъ, вавассеровъ или arrière-вассаловъ, какъ ихъ называли на западѣ.

Отъ кіевскаго времени сохранился рядъ цѣнныхъ указаній на боярскія дружины. Виднѣйшіе княжескіе дружинники имѣли свои собственные отряды военныхъ слугъ, не смѣшивавшіеся съ княжеской дружиной. Лѣтописецъ именуетъ боярскихъ дружинниковъ одинаково съ княжескими—„отроками“. Напомню хорошо извѣстную цитату: „Въ се же лѣто рекоша дружина Игореви: отроци Свѣньлъжи изодѣлися суть оружьемъ и порты, а мы нази: поиди княже съ нами въ дань, да и ты добудеши и мы“ (945 г.). Русская Правда содержитъ особое постановленіе о наслѣдованіи лицъ, принадлежавшихъ къ боярскимъ дружинамъ: „аще въ боярстѣй дружинѣ, то за князя задница не идетъ“ (ст. 86, Мус.-Пушк. списокъ). Эта статья, какъ и приведенное мѣсто изъ лѣтописи, ясно указываютъ на обособленное, независимое отъ князя, положеніе боярскихъ дружинниковъ, которые такъ же, какъ позднѣйшіе подвассалы, не были непосредственно лично подчинены князю и зависѣли отъ него только чрезъ посредство своего господина, служившаго князю [1]).

Въ удѣльное время, съ переходомъ дружинныхъ отношеній въ отношенія вассальныя, съ превращеніемъ княжескихъ дружинниковъ въ слугъ—вассаловъ князя, измѣнилось соотвѣтственно и положеніе дружинниковъ боярскихъ. Значительная часть ихъ осѣла

[1]) Не привожу здѣсь другихъ извѣстій, собранныхъ *М. Ф. Владимірскимъ-Будановымъ*, „Обзоръ“, с. 32, и *В. И. Сергѣевичемъ*, „Р. Юр. Др.“, т. I, с. 302—303. Цифры лѣтописи для состава боярскихъ дружинъ, въ 3.000 и 1.700 человѣкъ, несомнѣнно преувеличены.

на землю, сохранивъ военно-служебную связь съ боярами. Боярскіе дружинники сдѣлались военными слугами бояръ, ставъ къ нимъ въ тѣ же отношенія, въ какихъ ихъ господа-бояре стояли къ князьямъ-сеньерамъ. Наши источники XV, XVI вѣковъ сохранили немногія, но вполнѣ убѣдительныя указанія на то, что боярскія дружины не исчезли безслѣдно въ удѣльное время и превратились въ дворы боярскихъ слугъ-подвассаловъ.

„Какъ Богъ поручилъ великому князю Ивану Васильевичу подъ его державу Великій Новгородъ и по его государеву изволенію *распущены изъ княжескихъ дворовъ и изъ боярскихъ служилые люди*. И тутъ имъ имена, кто чей бывалъ, какъ ихъ помѣстилъ государевъ писецъ, Дмитрій Китаевъ". Этимъ боярскимъ служилымъ людямъ Іоаннъ III далъ помѣстья изъ земель, отобранныхъ у новгородскихъ бояръ. Намъ хорошо извѣстны изъ писцовыхъ книгъ и имена этихъ людей и размѣры данныхъ имъ боярщинокъ въ 7, 11, 13 деревень съ населеніемъ въ 16, 18, 33 человѣка крестьянъ [1]).

Историки давно обратили вниманіе на это извѣстіе. Но разсматривая его, внѣ связи съ подобными фактами, обнаруживающими феодальныя черты удѣльныхъ порядковъ, нѣкоторые наши историки склонялись къ мысли, что эти боярскіе служилые люди или послужильцы были ничѣмъ другимъ, какъ боярскими холопами. При такомъ объясненіи, однако, разсматриваемое извѣстіе возбуждаетъ рядъ недоумѣній. Почему Іоаннъ III обратилъ вниманіе на боярскихъ холоповъ? зачѣмъ онъ счелъ нужнымъ распустить ихъ изъ боярскихъ дворовъ? наконецъ, какъ онъ могъ возвысить ихъ въ такое привилегированное положеніе, надѣлить помѣстьями, сдѣлать изъ боярскихъ холоповъ своихъ государевыхъ служилыхъ людей, несмотря на полную ихъ неподготовленность къ такой роли?

[1]) *Карамзинъ*, т. VI, прим. 201. „Временникъ М. Общ. Ист. и Др." кн. XI. *Прозоровскій*, „Опис. рукоп. Археол. Общ." 1879. *П. Павловъ-Сильванскій*, „Гос. служ. люди", с. 309. Ср: „А повели Ивановы отводчики Монастырева; ключникъ Ивановъ Ондрѣйко Палаузовъ, да *слуга* Ивановъ Агообникъ, да хрестіане". (Отводъ отъ Ивановыхъ земель Монастырева, 1482 г., *Шумаковъ*, „Обзоръ грамотъ Колл. Экономіи", вып. II, стр. 85); тамъ-же, стр. 131: „деревня Елизаровская, что была за Ивановымъ вотчинника Ивана Петрова Федотова *слугою* за Семеномъ Истоминымъ" (1568 г.).

Всѣ эти недоумѣнія исчезаютъ, разъ только мы отрѣшимся отъ стремленія объяснять своеобразные порядки удѣльной Руси болѣе близкими намъ позднѣйшими отношеніями московскаго времени. Іоаннъ III перевелъ на новгородскія боярщины не боярскихъ холоповъ, а боярскихъ служилыхъ людей, которые своей предшествовавшей военной службой боярамъ вполнѣ были подготовлены для военной службы государю. Выраженіе „распущены изъ боярскихъ дворовъ“, конечно, нѣтъ основаній понимать буквально въ томъ смыслѣ, что послужильцы жили въ боярскихъ дворахъ; это общее выраженіе указываетъ только на принадлежность послужильцевъ къ боярскимъ дворамъ. Принадлежа къ боярскому двору такъ же, какъ государевы дворяне принадлежали къ государеву двору, они владѣли землею, собственною или пожалованною. Только такихъ послужильцевъ-землевладѣльцевъ, боярскихъ слугъ помѣщиковъ государь и могъ надѣлить боярщинками—населенными имѣньями, какъ людей опытныхъ уже въ помѣщичьемъ хозяйствѣ. Выводя служилыхъ людей изъ боярскихъ дворовъ, Іоаннъ III, очевидно, хотѣлъ ослабить феодальную самостоятельность бояръ и князей, опиравшуюся на дворы собственныхъ ихъ военныхъ слугъ, и это его распоряженіе стоитъ въ связи съ рядомъ мѣропріятій, направленныхъ къ уничтоженію удѣльно-феодальныхъ порядковъ и завершенныхъ опричниной Іоанна Грознаго. Подобно этому, объясняетъ разсматриваемое мѣропріятіе Іоанна III В. И. Сергѣевичъ: „Крѣпнущее изо дня въ день московское государство начинаетъ находить для себя неудобными старые порядки. Его уже безпокоятъ дружины бояръ (=боярскіе служилые люди) и вотъ онъ распускаетъ ихъ изъ боярскихъ дворовъ, но для того, чтобы помѣстить ихъ на собственныхъ земляхъ. *Изъ служилыхъ людей бояръ, они становятся непосредственно служилыми людьми московскаго государя*“ [1]).

Въ тверскомъ княжествѣ, поздно присоединенномъ къ Москвѣ, старые феодальные порядки сохранились дольше, чѣмъ въ московскомъ государствѣ. Тверская писцовая книга 1548 г. даетъ намъ любопытнѣйшую картину разсматриваемыхъ служебныхъ отношеній, сохранившихся въ видѣ неожиданнаго архаизма до

---

[1]) „Р. Юридич. Древн.“, т. I, с. 303 (Курсивъ мой). Ср. *В. И. Сергѣевичъ*, „Древн. р. права“, III, стр. 19, прим.

начала царствованія Іоанна Грознаго. Здѣсь мы встрѣчаемъ много боярскихъ служилыхъ людей, такихъ же послужильцевъ, какихъ Іоаннъ III выводилъ изъ боярскихъ дворовъ, и находимъ опредѣленнѣйшія указанія на характеръ ихъ отношеній къ господамъ, не имѣющій ничего общаго съ холопствомъ. Описывая вотчинныя земли тверскихъ дѣтей боярскихъ, писцовая книга отмѣчаетъ, кому они служатъ. Всѣ дѣти боярскія, надѣленныя помѣстьями изъ государевыхъ земель, естественно „служатъ царю и великому князю“; ему служитъ и большая часть дѣтей боярскихъ вотчинниковъ. Терминъ — служить—имѣетъ въ этой книгѣ, какъ и въ другихъ памятникахъ, спеціальный смыслъ службы военной [1]). И вотъ, на ряду съ дѣтьми боярскими, служащими государю, мы встрѣчаемъ здѣсь большое число такихъ же дѣтей боярскихъ вотчинниковъ, „служащихъ“ частнымъ лицамъ княжескихъ и некняжескихъ родовъ. „Въ Микулинскомъ же уѣздѣ села и деревни бояръ и дѣтей боярскихъ тверичъ и микулинцевъ“—читаемъ въ писцовой книгѣ и затѣмъ послѣ каждаго описанія мелкихъ имѣній дѣтей боярскихъ находимъ слѣдующія отмѣтки о ихъ службѣ: „Юмранъ служитъ царю и великому князю, а братья его служатъ князю Дмитрею Ивановичю Микулинскому, Алабышъ не служитъ никому“; „Огарокъ служитъ князю Семену Ивановичю Микулинскому, а Шестой служитъ Василью Петровичю Борисова“; „Иванъ служитъ царю и великому князю, а Богданъ служитъ владыкѣ тверскому“. Особенно знаменательно это противопоставленіе: службы царю и службы частнымъ лицамъ [2]). Эти дѣти боярскія

---

[1]) Писцов. книги XVI вѣка *Н. Калачова*, отд. II, с. 140—291. Книга отмѣчаетъ изрѣдка, по какой десятнѣ служитъ тотъ или иной сынъ боярскій: см. напр. с. 164, 217. О лицахъ, служащихъ государю въ ключникахъ, сытникахъ, конюхахъ, въ посошныхъ воеводкахъ, книга даетъ особыя отмѣтки, не употребляя термина „служить“: „Гридя служитъ царю и великому князю, Ивашко да Васка царя и вел. князя конюхи“, с. 171, id. с. 185; „Ивашко служитъ царю и вел. князю, а Третьякъ въ сытникѣхъ“, с. 213, id. 235; „Михайло не служитъ никому, а живетъ въ губныхъ старостахъ въ Микулинѣ“, с. 242.

[2]) Писцов. книги *Н. Калачова*, отд. II, с. 184, 127. *Мейчикъ*, Грамоты XV и XVI в., с. 109—110: сынъ боярскій княгини Ефросиньи (до 1462 г.), за его новины тягается представитель княгини (Микула Порфеньевъ); на разъѣздѣ были дѣти боярскія, „тутошніе жильцы“, 16 человѣкъ.

владѣли небольшими имѣньями отъ 12 до 100 четей пахотной земли въ одномъ полѣ, а въ дву потому жъ [1]).

Изъ числа частныхъ лицъ они служили какъ князьямъ: Микулинскимъ, Мстиславскому, Голицыну, Ростовскому, Курлятеву, Оболенскимъ, Серебряпому, Щепину, Лопатину, такъ и лицамъ нетитулованнымъ: В. П. и Г. Т. Борисовымъ, Морозову, Умному, Пятому-Новошину, Яхонтову, Житому, Дѣю Заборовскому; кромѣ того, удѣльному князю Владиміру Андреевичу и тверскому владыкѣ [2]). Писцовая книга называетъ этихъ дѣтей боярскихъ иногда *слугами*: Петруша Бураковъ, „слуга" княгини Микулинской, „служитъ княгинѣ", ясно отличая ихъ отъ холоповъ—людей [3]). Эти боярскіе слуги-служилые люди сами владѣютъ холопами [4]).

О многихъ тверскихъ дѣтяхъ боярскихъ писцовая книга отмѣчаетъ: „служитъ тверскому владыкѣ". Что касается такихъ владычныхъ или архіерейскихъ дѣтей боярскихъ, а также бояръ, то о нихъ мы имѣемъ довольно много свѣдѣній, проливающихъ

[1]) У служившаго князю Д. И. Микулинскому Андрея Ильина сына Березкина было двѣ деревни и одинъ починокъ, „46 четьи въ одномъ полѣ, а въ дву потому жъ, сѣна 75 копенъ". Нефедко Рязановъ, служившій князю С. И. Микулинскому, и Куземка Медвѣдевъ, служившій царю и великому князю, имѣли вдвоемъ 18 четей въ одномъ полѣ, а въ дву потому жъ, сѣна 30 копенъ, лѣсу на 4 чети. Тоже, с. 184.

[2]) Статист. таблицы въ книгѣ *И. И. Лаппо*, „Тверской уѣздъ въ XVI вѣкѣ", с. 228—230 („Чт. М. Об. Ист. и Др.", 1894, кн. IV). Первый отмѣтилъ значеніе разсматриваемыхъ извѣстій тверской писцовой книги *С. М. Середонинъ*: „Сочиненіе Джильса Флетчера", 1891, с. 89—90. „Слово служить—говоритъ онъ между прочимъ,—даже для служилаго сословія не значило служить государству и государю; официальный документъ одинаково обозначаетъ этимъ именемъ и службу государю и службу княгинѣ Микулинской". По вычисленію *В. И. Сергѣевича*, „число лицъ, служившихъ частнымъ лицамъ, составляетъ 50% того числа, которое было на службѣ великаго князя" (230): „Др. р. права", III, с. 17—18.

[3]) Писц. кн. отд. II, с. 173 („слуга"). „Княжъ Дмитреева *человѣка* Ивановича Микулинского Созона", с. 169.

[4]) См., напр., случайное упоминаніе: Матрена, жена сына боярскаго Елифанова, „сказала, крѣпости украдены: побѣжалъ *холопъ* покрадчи"; тоже, с. 188. Новгор. Писц. кн., т. I, стр. 107 (въ сельцѣ Бологомъ дворъ княжъ Семеновъ, деревни за слугами: „...дворъ Ивашко Хруль, а людей его: дворъ Ивашко, дворъ Ивашко жъ"); 817 (дворъ слуги и дворъ его подворника), 869—873 (въ деревнѣ Лукино, дворъ Ивашка Пестрика, „служилъ Шаховскому", а людей его: дворъ Ивашко, дворъ Ушакъ).

яркій свѣтъ на изучаемыя отношенія военной вассальной службы частнымъ лицамъ вообще. Духовные владыки нашей древности, митрополиты и архіепископы, носятъ рѣзкія, неоспоримыя черты феодальныхъ сеньеровъ. Совершенно такъ же, какъ западноевропейскіе духовные феодалы, они окружены штатомъ свѣтскихъ военныхъ слугъ—землевладѣльцевъ, бояръ и дѣтей боярскихъ, служащихъ имъ на тѣхъ же самыхъ условіяхъ, на какихъ другіе бояре и дѣти боярскіе служатъ великимъ князьямъ. Въ подтвержденіе этого достаточно привести слѣдующее постановленіе о боярахъ и слугахъ митрополита Кипріана, изъ уставной грамоты вел. кн. Василія Дмитріевича, около 1400 г.: „А про войну, коли язъ самъ князь великій сяду на конь, тогды и митрополичимъ бояромъ и слугамъ, а подъ митрополичимъ воеводою, а подъ стягомъ моимъ великого князя“. Митрополичьи бояре и слуги обязаны выступать въ походъ вмѣстѣ съ войсками великаго князя, но они нисколько не зависятъ отъ великаго князя; военные слуги митрополита, они зависятъ единственно отъ него, своего господина; они выступаютъ въ походъ не иначе, какъ подъ митрополичьимъ воеводою. Въ постановленіи этомъ отчетливо выраженъ основной принципъ личной вассальной службы; vassallus vassalli mei non est meus vassallus. Великій князь Василій Дмитріевичъ нарушаетъ этотъ принципъ только въ отношеніи тѣхъ бояръ, которые раньше служили ему и недавно „приказались“ митрополиту: „а кто будетъ бояръ или слугъ не служивалъ Алексѣю митрополиту (предшественнику митрополита Кипріана), а приказался ново митрополиту (Кипріану), а тѣ пойдутъ подъ моимъ воеводою великаго князя, гдѣ который живетъ, инъ подъ тѣмъ воеводою и есть“ [1]).

Въ своей враждѣ къ удѣльно-феодальнымъ порядкамъ, Іоаннъ Грозный, на ряду съ владѣтельными князьями, губилъ и владычныхъ бояръ, усиливавшихъ свѣтское значеніе архіереевъ: „По убіеніи митрополита (Филиппа)—разсказываетъ князь Курбскій—не токмо многихъ клириковъ, но и нехиротописанныхъ мужей благородныхъ сколько помучено различными муками и погублено“.

---

[1]) А. Арх. Эксп., I, № 9 (1389 или 1404). „Сынъ боярскій великаго князя Богданъ Микулинъ служивалъ у Троицы, держалъ землю отъ монастыря три годы“ (до 1434), *Мейчикъ*, Грамоты, с. 105.

Къ этому онъ прибавляетъ слѣдующее любопытное замѣчаніе о митрополичьихъ благородныхъ мужахъ: „бо тамъ есть въ той землѣ обычай: на церковной землѣ многіе мужи благородные свѣтлыхъ родовъ имѣнія маютъ, во время мирное епископамъ служатъ, а егда брань належитъ отъ супостатовъ окрестныхъ, тогда и въ войску христіанскомъ бываютъ, когда не хиротонисаны“ [1]).

„Архіерейскіе бояре—говоритъ проф. Каптеревъ въ спеціальномъ изслѣдованіи о свѣтскихъ архіерейскихъ чиновникахъ—въ древнѣйшее время ничѣмъ не разнились отъ бояръ княжескихъ по своему происхожденію и общественному положенію... Они поступали на службу къ архіереямъ точно такъ же и на тѣхъ же условіяхъ, какъ и къ князьямъ, т.-е. съ обязательствомъ отбывать военную повинность и нести службу при дворѣ архіерея, за что получали отъ него въ пользованіе земли“ [2]). Архіерейскіе бояре и дѣти боярскія служатъ архіереямъ на тѣхъ же самыхъ основаніяхъ, на какихъ эти послѣдніе, въ лицѣ своихъ воеводъ, служатъ великимъ князьямъ. Точно также боярскіе слуги, боярскіе служилые люди служатъ боярамъ на тѣхъ же самыхъ основаніяхъ, на какихъ бояре служатъ князьямъ. Всѣ эти отношенія покоятся на одной и той же основѣ—вассально-служебномъ договорѣ. Мы имѣемъ въ удѣльной Руси не только вассаловъ, но и подвассаловъ, ту же самую лѣстницу вассальныхъ связей, что и во всѣхъ феодальныхъ государствахъ.

Московское правительство, энергично искоренявшее удѣльно-феодальные порядки, въ половинѣ XVI вѣка отказывается признавать вассально-служебныя связи частныхъ лицъ и приравниваетъ боярскихъ слугъ къ холопамъ. Въ тверскомъ княжествѣ великокняжескіе писцы въ 1540 г. еще записывали дѣтей боярскихъ, „служащихъ“ боярамъ. Судебникъ же 1551 г. говоритъ только о правилахъ пріема дѣтей боярскихъ въ холопы: „А дѣтей боярскихъ служивыхъ и ихъ дѣтей, которые не служивали, въ

---

[1]) „Сказанія князя Курбскаго“, т. I, с. 160.

[2]) *Н. Каптеревъ*, „Свѣтскіе архіерейскіе чиновники въ древней Руси“, М. 1874, с. 64—65, 97. См. также *М. Горчаковъ*, „О земельныхъ владѣніяхъ всер. митрополитовъ, патріарховъ и св. синода“, Спб. 1871, с. 239—243. *С. Середонинъ*, „Сочин. Дж. Флетчера“, с. 294—295. *Павловъ-Сильванскій*, „Госуд. служ. люди“, с. 306—307.

холопи не пріймати никому опричь тѣхъ, которыхъ государь отъ службы отставитъ" (ст. 81). Эта статья была новостью: предшествующій судебникъ Ивана III не содержитъ такого постановленія.

Въ XVI вѣкѣ боярскихъ слугъ называютъ „людьми". Но подъ этимъ названіемъ они сохраняютъ прежнее значеніе военныхъ слугъ. Бояринъ Кутузовъ въ 1560 г. завѣщаетъ своему *человѣку* Андрюшѣ „конь съ сѣдломъ и съ уздою, да тегилей, да шеломъ"; и у другихъ его людей тоже были „саадаки и сабли и сѣдла". Такому „боярскому человѣку доброму" Царскій судебникъ назначаетъ „безчестья" пять рублевъ. „Это тѣ именно боярскіе слуги, замѣчаетъ Бѣляевъ, съ которыми, конными и оружными, бояре являлись въ походъ" [1]).

Наказъ 1621 г. предписываетъ дворянскимъ окладчикамъ сыскивать подлинно, кто изъ дѣтей боярскихъ *„къ кому пошелъ въ холопи* или въ монастыри, и каковы тѣ ихъ помѣстья и вотчины и сколько крестьянъ, и мочно ли было имъ самимъ государева служба служить, и помѣстьи ихъ и вотчины нынѣ въ раздачѣхъ, *или тѣми ихъ помѣстьями и вотчинами владѣютъ тѣ, у кого они живутъ*" [2]). Наказъ этотъ предусматриваетъ любопытный случай поступленія дѣтей боярскихъ въ холопство вмѣстѣ съ вотчинами и помѣстьями. По всей вѣроятности, правительство здѣсь такъ же, какъ въ судебникѣ, лишь называетъ холопствомъ, лишь приравниваетъ къ холопству отживавшія и отрицавшіяся имъ отношенія частной боярской службы [3]).

Встрѣчая въ русской древности феодальныя черты, наши историки отмѣчали ихъ нерѣдко мимоходомъ, въ совершенно неопредѣленныхъ или загадочныхъ выраженіяхъ. Примѣромъ этому можетъ служить отношеніе М. Ф. Владимірскаго-Буданова къ разсмотрѣннымъ выше архіерейскимъ дѣтямъ боярскимъ, а также къ боярскимъ знакомцамъ, которыхъ онъ сопоставляетъ съ архіерейскими слугами. Во 2-мъ изданіи его „Обзора исторіи русскаго права" я нашелъ о нихъ лишь слѣдующія слова: „къ

[1]) *Лихачевъ*, „Сборникъ актовъ", с. 54. *Бѣляевъ*, „Крестьяне на Руси", с. 72.

[2]) Собр. Гос. Гр. и Дог., т. III, № 59, с. 244.

[3]) Отдѣльныя извѣстія о холопахъ землевладѣльцахъ „помѣщикахъ своихъ государей" бояръ см. *С. Ѳ. Платоновъ*, „Очерки по истор. смуты", с. 133.

служилымъ царскимъ людямъ надо присоединить дворянъ и дѣтей боярскихъ архіерейскихъ и знакомцевъ боярскихъ (военныя дружины бояръ и служилыхъ князей); тѣ и другіе, вмѣстѣ съ частною службою, отправляли и государственную (военную въ походахъ и административную въ вотчинахъ)". Только теперь, въ новомъ изданіи своего „Обзора", проф. Владимірскій-Будановъ нашелъ нужнымъ пояснить (въ большомъ критическомъ примѣчаніи, посвященномъ моему разсужденію о русскомъ патронатѣ),— что въ этихъ архіерейскихъ дѣтяхъ боярскихъ и знакомцахъ можно найти ясные „*признаки феодализма*". Здѣсь онъ впервые описываетъ основныя черты положенія указанныхъ разрядовъ лицъ и отмѣчаетъ ихъ важнѣйшій феодальный признакъ: военную службу частному лицу: „знакомцы—говоритъ онъ—служили боярину военною службою"; архіерейскіе дѣти боярскіе получали „*отъ церкви* помѣстья" и служили „*за нихъ* военную службу" [1]). Въ лицѣ уважаемаго профессора я пріобрѣтаю, такимъ образомъ, сильнаго союзника по одному изъ основныхъ вопросовъ моего изслѣдованія.

Что касается указываемыхъ проф. Владимірскимъ-Будановымъ *боярскихъ знакомцевъ*, то, какъ мнѣ кажется, онъ напрасно придаетъ имъ такое большое значеніе въ дѣлѣ отысканія признаковъ феодализма и напрасно сопоставляетъ ихъ такъ тѣсно съ архіерейскими дѣтьми боярскими. Боярскіе знакомцы, иначе называвшіеся также держальниками, должны отступить на второй планъ передъ боярскими и владычными слугами древнѣйшаго времени, дающими болѣе несомнѣнныя черты „феодализма" или, говоря точнѣе, вассальныхъ отношеній. *Знакомцы* и *держальники*

---

[1]) Проф. *Владимірскій-Будановъ* оставляетъ въ новомъ изданіи „Обзора" безъ измѣненія (с. 131) приведенныя мною въ текстѣ слова изъ 2-го изд. „Обзора" (с. 120). Но теперь, послѣ цитированнаго примѣчанія (с. 374), они нуждаются по меньшей мѣрѣ въ какой-либо оговоркѣ. Въ примѣчаніи профессоръ говоритъ, что знакомцы служатъ военную службу *боярину*, а въ текстѣ—*государству*, отправляли службу и „*государственную (военную* въ походахъ и административную въ вотчинахъ"). Здѣсь нужны оговорки, или что на службу боярину подъ другимъ угломъ зрѣнія можно смотрѣть какъ на службу государству, или что въ царскій періодъ, о которомъ говоритъ профессоръ въ текстѣ, отношенія уже были иныя. Безъ этихъ же оговорокъ получается если не противорѣчіе, то нежелательная неясность.

это значительно позднѣйшіе термины, термины XVII и начала XVIII вѣка. По сообщенію „Древней Россійской Вивліоѳики“, знакомцами назывались бѣдные дворяне, жившіе у бояръ, ѣвшіе за боярскимъ столомъ, сопровождавшіе своихъ „патроновъ“ въ ихъ выходахъ ко двору и въ поѣздкахъ въ гости, а въ военныхъ походахъ составлявшіе тѣлохранительную ихъ стражу [1]). Такіе знакомцы существенно отличаются отъ боярскихъ военныхъ слугъ—землевладѣльцевъ удѣльнаго времени. Они находятся, однако, съ ними въ исторически преемственной связи. Боярскіе знакомцы это, такъ сказать, выродившіеся боярскіе слуги, при новыхъ порядкахъ сохраняющіе одну лишь тѣнь прежнихъ отношеній, прежняго своего важнаго значенія. Въ XVIII вѣкѣ знакомцевъ и держальниковъ смѣняютъ еще болѣе принизившіеся „приживальщики“, исчезнувшіе только съ паденіемъ крѣпостнаго права. Съ точки зрѣнія историческаго преемства въ знакомцахъ и держальникахъ можно видѣть пережитокъ вассально-служебныхъ отношеній, или отношеній дружинныхъ, какъ предпочитаютъ говорить наши изслѣдователи, пропуская смѣнившихъ дружину вассальныхъ слугъ. Но съ юридической точки зрѣнія отношенія знакомца къ боярину скорѣе должны быть отнесены къ категоріи родственнаго съ вассалитетомъ патроната. Элементъ защиты, защитной зависимости выступаетъ въ нихъ на первый планъ, тогда какъ коренной элементъ вассалитета—военная служба съ земли частному лицу—является въ нихъ случайнымъ

---

[1]) „Древн. Росс. Вивл.“, ч. XX, изд. 2, с. 171, 172, 213: „Холопи на войнѣ при своихъ помѣщикахъ отправляли должность, подобную той, какую при древнихъ рыцаряхъ въ Европѣ—ихъ щитоносцы. У бояръ должность сію отправляли дворяне, такъ называемые *знакомцы* и дѣти боярскіе; между послѣднихъ были не только дворяне, но и князья безномѣстные“ („Историческое извѣстіе о старинныхъ чинахъ въ Россіи“). Слово „держальникъ“ вполнѣ соотвѣтствовало, повидимому, слову „знакомецъ“. У стольника Григ. Вас. Ляпунова жилъ въ держальникахъ нѣкій „Алексѣй Герасимовъ сынъ Колеминъ“, бывшій, очевидно, сыномъ боярскимъ: онъ Ряжскій помѣщикъ (см. „Опис. док. и бумагъ М. Арх. М. Юст.“, т. I, № 2188). „Алексѣй тебѣ (стольнику Ляпунову) свой и живетъ у тебя въ держальникахъ, и ты, де, дружа ему, Алексѣю, присылалъ по него (жалобщика Некрасова) многихъ людей и взяли его и привели къ тебѣ на съѣзжій дворъ“: А. Юр. Б., № 55, XXVIII, 1677.

и малозначущимъ, а иногда и вовсе отсутствуетъ. Знакомцы и держальники стоятъ гораздо ближе къ римской кліентелѣ, чѣмъ къ вассальнымъ слугамъ [1]).

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Служба съ жалованья и съ вотчины.

I. Жалованье—бенефицій.

§ 79 [Помѣстье—fief-terre].

Перехожу къ бенефицію и затѣмъ къ лену или феоду, въ которомъ нѣкоторые историки видятъ важнѣйшій феодальный институтъ. Для большей ясности начну сравненіе русскихъ порядковъ съ западными въ этой области съ позднѣйшаго времени, а именно съ лучше извѣстнаго, благодаря большему количеству источниковъ, помѣстья-бенефиція XVI вѣка.

Тожество помѣстья и бенефиція, какъ юридическихъ институтовъ, ясно само собой. Достаточно только отмѣтить ихъ основныя черты. Достаточно указать, что и помѣстье и бенефицій одинаково обозначаютъ землю, пожалованную лицу въ пожизненное владѣніе подъ условіемъ военной службы [2]). Въ грамо-

[1]) Въ началѣ XVIII вѣка слова „держальникъ“ и „знакомецъ“ употребляются въ смыслѣ сторонника и кліента. Б. И. Куракинъ, разсказывая о событіяхъ 1682 г., называетъ Ив. Циклера и П. А. Толстого „держальниками“ боярина Ивана Милославскаго; тотъ же Куракинъ пишетъ, что бояринъ Артамонъ Матвѣевъ „посылалъ одного (изъ) своихъ *знакомцевъ* къ Ивану Милославскому говорить“... Архивъ кн. Ѳ. А. Куракина, кн. I, с. 44, 45, 48; ср.: „а что ты изволилъ писать объ Волконскомъ *держальникѣ* и то знаю добро“ (кн. В. В. Голицынъ Шаковитому, *Устряловъ*. „Ист. царств. Петра Великаго“, т. I, с. 349); „а держальниковъ ихъ (князей Голицыныхъ), Андрея Курбатова и иныхъ, русскихъ и иноземцевъ, разспросить Павлу Скрябину, для чего они съ ними безъ указу великихъ государей поѣхали“ (18 сент. 1689 г.—акты о ссылкѣ Голицыныхъ—тамъ же, т. II, с. 456).

[2]) Историки русскаго права, говоря о помѣстьяхъ, тѣмъ не менѣе, не принимали во вниманіе тожественныхъ съ ними бенефиціевъ. Невниманіе къ

тахъ на помѣстье владѣніе землею обусловливалось такъ: „а пожаловалъ есми NN тою деревнею, *доколѣ служитъ NN мнѣ и моимъ дѣтямъ*". Это какъ бы буквальный переводъ соотвѣтствующаго каролингскаго текста: „*quamdiu nobis ac dilecto filio nostro fideliter deservierit*". Но для большей наглядности сравненія можетъ быть не лишнимъ будетъ показать, какъ близко совпадала система помѣстной службы, установленная Іоанномъ Грознымъ, съ порядками службы бенефиціальной при Карлѣ Великомъ.

Іоаннъ Грозный, одинаково съ Карломъ Великимъ, обязываетъ всѣхъ дворянъ, владѣющихъ землею въ достаточномъ размѣрѣ, нести военную конную службу съ снаряженіемъ изъ собственныхъ средствъ, являясь въ полкъ въ случаѣ войны, и въ большомъ количествѣ раздаетъ помѣстья, создавая широкій контингентъ такихъ служилыхъ людей. Въ указахъ о помѣстной службѣ мы встрѣчаемъ рядъ постановленій, тожественныхъ и параллельныхъ капитуляріямъ Карла Великаго и его ближайшихъ преемниковъ. И въ московскомъ государствѣ и въ каролингской имперіи устанавливается одинаково служба какъ съ помѣстій, такъ и съ вотчинъ; и тамъ и здѣсь землевладѣльцы обязываются являться въ полкъ по призыву правительства, надлежащимъ образомъ вооруженные, въ сопровожденіи извѣстнаго числа ратниковъ, „конны, людны и

бенефицію особенно невыгодно отразилось на изслѣдованіяхъ о происхожденіи помѣстья. Проф. *Сергѣевичъ* отмѣтилъ въ лекціяхъ „нѣкоторую аналогію отдѣльныхъ чертъ помѣстной системы" феодальнымъ порядкамъ вообще: „Лекціи и изслѣдов.", изд. 1883 г. с. 684. Близкое сходство помѣстья съ бенефиціемъ и мусульманскимъ икта отмѣтилъ проф. *Ковалевскій*, „Экон. ростъ Европы", т. I, с. 383. Недавно г. *И. Рожковъ* указалъ, что „московское помѣстье почти совершенно тожественно съ западнымъ бенефиціемъ". Кромѣ помѣстья-бенефиція, онъ отмѣтилъ еще два „зародыша феодализма" въ московской Руси XVI вѣка: „льготы - иммунитеты и закладничество - коммендацію" „Міръ Божій", 1900 г., № 12. То же въ „Учебникѣ русск. истор." 1901 г., с. 50. Въ вопросѣ о закладничествѣ г. *Рожковъ* опирается на мою статью о закладничествѣ-патронатѣ. Объ иммунитетѣ въ Россіи я читалъ рефератъ въ 1898 г. (Отчетъ въ „Историч. Вѣст."). Г. *Рожковъ* отмѣчаетъ присутствіе феодальныхъ институтовъ *въ Московской Руси XVI вѣка*, ничего не говоря о предшествующемъ времени; я же изслѣдую феодальные институты *удѣльнаго времени*. Въ это удѣльное время, кромѣ отмѣченныхъ г. *Рожковымъ*, бенефиція, иммунитета и коммендаціи, существовалъ еще и четвертый, важный феодальный институтъ: вассалитетъ, а также раздробленіе суверенитета.

оружны", и съ запасомъ провіанта [1]). Качество вооруженія обусловливается размѣромъ земельнаго владѣнія. Такъ, у насъ въ XVI в. „со ста четвертей доброй угожей земли" требовался „человѣкъ на конѣ въ доспѣхѣ въ полномъ". А по капитулярію 805 г. такую тяжело вооруженную конную службу должны были нести владѣльцы 12 гуфъ [2]).

И у насъ, и на западѣ правительство внимательно слѣдитъ за строгимъ исполненіемъ этихъ постановленій и ведетъ упорную борьбу съ лицами, уклоняющимися отъ службы. Наши указы о наказаніи „нѣтчиковъ" представляютъ любопытную параллель капитуляріямъ о штрафахъ за „нѣтство" („das Nichterscheinen" = неявка), о такъ называемомъ heribannus. Сообразно съ основнымъ условіемъ помѣстнаго владѣнія, московское правительство грозило за неявку на службу отнятіемъ помѣстья; но на практикѣ, не желая совершенно лишиться хотя бы и неисправныхъ слугъ, оно отнимало у нихъ только часть помѣстья, или, отписавъ всю землю, вслѣдъ затѣмъ возвращало ихъ раскаявшимся дворянамъ. На западѣ точно также правительство грозило за неявку на службу отнятіемъ бенефиція, а при Карлѣ Великомъ по тѣмъ же соображеніямъ, какъ у насъ, установило правило о взиманіи съ неисправныхъ слугъ, за нѣтство, взамѣнъ отнятія земли, денежныхъ штрафовъ, сообразно ихъ состоятельности. Московское правительство возвращало помѣстья виновнымъ дѣтямъ боярскимъ, чтобы не лишить ихъ возможности загладить вину, чтобы они впредь „были на государевѣ службѣ противу наряду сполна". Ту же цѣль имѣлъ въ виду Карлъ Великій, когда ограничивалъ наказаніе вассалу за неявку на службу денежнымъ штрафомъ, ita ut iterum se valeat preparare ad Dei servitium et nostram utilitatem [3]).

Въ нашихъ указахъ и наказахъ, точно такъ же, какъ въ капитуляріяхъ, ярко выражается взглядъ на помѣстье, какъ на госу-

[1]) *G. Waitz*, т. IV, сс. 209, 569, 570, 540. *Н. Павловъ-Сильванскій*, „Госуд. служ. люди", с. 102, 186, 190.

[2]) Et insuper omnis homo de duodecim mansus brunеam habeat: Capit. Theodos. 805, с. 6. Полагаютъ, что кто имѣлъ панцырь, brunea, тотъ долженъ былъ имѣть и копя: см. *G. Waitz*, т. IV, с. 546 (schwergerüstete Rossdienst).

[3]) Capit. Aquisgr., с. 20. Capit. Theod. 805 г., с. 19. *G. Waitz*, т. IV, с. 208, 557.

дарственную собственность, состоящую во временномъ условномъ владѣніи помѣщика. Московское правительство обязывало помѣщика „не пустошити помѣстья“, не переводить крестьянъ на вотчинныя земли, не разгонять ихъ непомѣрными поборами и въ 1621 г. постановило даже за опустошеніе помѣстья наказывать кнутомъ его владѣльца. Франкское правительство точно также требовало, „чтобы тѣ, кто имѣетъ нашъ бенефицій, старались улучшать его во всемъ“ и чтобы королевскіе посланцы наблюдали за тѣмъ, какъ владѣльцы бенефиціевъ содержатъ пожалованныя имъ земли [1]).

Оба правительства одинаково стараются пресѣчь попытки помѣщиковъ распоряжаться помѣстьемъ, какъ полною собственностью, запрещаютъ осваивать его и отчуждать. И оба правительства одинаково дѣлаютъ распоряженія, послужившія исходнымъ пунктомъ послѣдующему превращенію *помѣстій* въ наслѣдственную, маіоратную *собственность*, а именно устанавливаютъ практику передачи помѣстья сыну или родственнику помѣщика послѣ его смерти или еще при жизни, въ случаѣ его неспособности нести военную службу. Сынъ помѣщика не имѣлъ собственно *права* на полученіе помѣстья, но на дѣлѣ онъ обыкновенно наслѣдовалъ отцу, за рѣдкими случаями полной неспособности къ военной службѣ [2]). Обычный переходъ помѣстья къ сыну и родственникамъ породилъ взглядъ на помѣстье, какъ на наслѣдственное, родовое владѣніе. Въ нашей исторіи XVII вѣка наблюдается тотъ же самый процессъ превращенія помѣстнаго землевладѣнія въ вотчинное, что и на западѣ послѣ Карла Великаго.

Помѣстная система съ указанной выше регламентаціей службы, съ правилами о походномъ вооруженіи, о явкѣ въ полкъ, о вер-

---

[1]) Ut hi qui beneficium nostrum habent bene illud in meliore in omni re studeant: Capit. Aquisgr., c. 4. То же Capit. 768 и 789. См. *G. Waitz*. т. IV, с. 209.

[2]) Въ указѣ 1-го октября 1550 г., это выражено такъ: „а который по грѣхомъ изъ тое тысячи (подмосковныхъ помѣщиковъ дворянъ) вымретъ, а сынъ его къ той службѣ не пригодится, и въ того мѣсто прибрать другого“. Тотъ же порядокъ на западѣ отразился, напр., въ постановленіи о томъ, что не слѣдуетъ отнимать бенефиція у состарившагося на службѣ помѣщика, *особенно*, если онъ имѣетъ сына, который вполнѣ можетъ его замѣнить: *G. Waitz*, т. IV, с. 231, прим. 2, а также с. 584, прим. 1.

стапіи и припускѣ новиковъ и проч., сложилась впервые въ XVI вѣкѣ. Но помѣстье, въ основныхъ его чертахъ пожалованія земли подъ условіемъ службы, существовало уже въ удѣльной Руси съ XIII-го вѣка, если не раньше, а самое позднее, съ начала XIV вѣка.

Въ духовной грамотѣ Іоанна Калиты 1328 г. встрѣчается много разъ цитировавшееся извѣстіе о пожалованіи села Бориску Воркову подъ условіемъ службы: „аже иметь сыну моему которому служити, село будетъ за нимъ, не иметь-ли служити дѣтямъ моимъ, село отоимуть". Наши изслѣдователи давно обратили вниманіе на извѣстіе о Борискѣ Ворковѣ; его правильно называютъ помѣщикомъ, но нѣкоторые при этомъ неправильно считаютъ его первымъ, а другіе и единственнымъ помѣщикомъ времени Калиты, основываясь на томъ, что великій князь упоминаетъ только о немъ одномъ. Духовная грамота отнюдь не допускаетъ такого заключенія. Раздѣливъ между сыновьями свои московскія села, Іоаннъ Калита въ концѣ грамоты говоритъ особо о своихъ „селахъ купленыхъ" и тутъ, между прочимъ, замѣчаетъ, что Богородичское село, купленное въ Ростовѣ, онъ далъ Бориску Воркову подъ условіемъ службы. Изслѣдователи не обратили вниманія на то, что здѣсь идетъ рѣчь о селѣ, купленномъ Калитою въ чужомъ княжествѣ, ростовскомъ, которое въ 1328 г. еще не принадлежало Москвѣ [1]), и что Калита поставилъ Воркова въ исключительное положеніе, а именно, не желая стѣснять вольность его службы, предоставилъ ему служить, кому онъ хочетъ изъ трехъ сыновей наслѣдниковъ, сохраняя за собою пожалованное ему село. О селахъ, пожалованныхъ слугамъ въ предѣлахъ московскихъ владѣній, раздѣленныхъ между князьями наслѣдниками, Семеномъ, Иваномъ и Андреемъ, не надо было упоминать особо, потому что условія пожалованія были хорошо извѣстны, а принадлежность такихъ селъ тому или другому князю опредѣлилась границами выдѣленныхъ имъ удѣловъ. Бориско Ворковъ, конечно, не былъ единственнымъ помѣщикомъ того времени; фактъ пожалованія села слугѣ въ чужомъ княжествѣ свидѣтельствуетъ не объ исключительности, а напротивъ, о распространенности практики условнаго пожалованія земель.

[1]) Ростовскіе князья подчинились Москвѣ послѣ смерти кн. Ѳедора Васильевича, т.-е. послѣ 1331 г. См. *Экземплярскій*, „Великіе и уд. князья Сѣв. Руси", т. II, с. 39–40.

Договорная грамота 1362 года упоминаетъ о слугахъ, условно владѣвшихъ землею, какъ объ особомъ, довольно многочисленномъ разрядѣ слугъ. Владѣя участками дворцовыхъ княжескихъ земель, княжескихъ доменовъ, состоявшихъ въ завѣдываніи дворскаго — дворецкаго, эти слуги были подчинены его вѣдѣнію и грамоты называютъ ихъ „слугами подъ дворскимъ“. Въ 1362 г. великій князь Дмитрій Донской условился съ своимъ братомъ Владиміромъ Андреевичемъ не принимать взаимно такихъ дворныхъ слугъ: „а которыи слуги потягли къ дворьскому, а черныи люди къ сотникомъ, тыхъ ны въ службу не принимати, но блюсти ны ихъ съ одиного, такоже и численыхъ людий“ [1]). Дворные слуги упоминаются здѣсь впервые, конечно, не потому, чтобы они впервые явились около 1362 г., а потому, что въ этомъ году князья впервые согласились не принимать ихъ въ чужой удѣлъ; раньше же такіе слуги, на ряду со всѣми боярами и слугами, пользовались полной свободой службы по общему правилу: „а боярамъ и слугамъ межи насъ вольнымъ воля“... Вполнѣ отчетливое указаніе на помѣстно-бенефиціальный характеръ землевладѣнія слугъ подворскихъ находимъ въ духовной грамотѣ князя Владиміра Андреевича 1410 года: „А кто будетъ подъ дворьскимъ слугъ, тѣхъ дѣти мои промежи себе не принимаютъ, ни отъ сотниковъ; а кто тѣхъ выйдетъ изъ удѣловъ дѣтей моихъ и княгини моей, инъ земли лишенъ, а земли ихъ сыну моему, чей будетъ удѣлъ“. (№ 40).

Въ нашей литературѣ была высказана мысль, что слуги подъ дворскимъ были не военными слугами князя, но его слугами — работниками по дворцовому хозяйству: конюхами, псарями, сокольниками, ключниками и тому подобными. Однако, только что цитированная духовная ясно показываетъ, что слуги подъ дворскимъ не были бобровниками и псарями, какъ думаютъ Ключевскій и Дьяконовъ, а принадлежали къ составу „бояръ и слугъ“, то есть

---

[1]) Собр. госуд. грам. и догов., № 23. Въ договорѣ тѣхъ же князей 1388 г., къ соглашенію о непріемѣ слугъ подъ дворьскимъ прибавлено соглашеніе о непокупкѣ ихъ земель:... „блюсти ихъ съ одиного, а земель ихъ не купити“ (№ 33). Въ договорѣ Василія Дмитріевича съ тѣмъ же княземъ Владиміромъ Андреевичемъ 1389 г. этой прибавки нѣтъ: „А которыи слуги потягли къ дворьскому при нашихъ отцѣхъ, а черныи люди къ сотьскому, а тѣхъ намъ не принимати, такоже и тобѣ“ (№ 35). То же въ договорѣ 1433 г. № 45, 1456 г., № 84.

военныхъ слугъ удѣльнаго времени: „*а бояромъ и слугамъ — кто будетъ не подъ дворьскимъ*, вольнымъ воля“. Въ этой же духовной перечисляется нѣсколько селъ и слободокъ „за слугами“, то-есть состоящихъ въ условномъ владѣніи слугъ. Князь Владиміръ Андреевичъ завѣщалъ своей женѣ, княгинѣ Оленѣ, „Лужу и со всѣми слободами и съ волостями... и что въ Лужѣ *села за слугами* и въ слободахъ, и тѣ села всѣ княгинѣ моей“. Поименовывая затѣмъ лужевскія волости и слободки, князь называетъ имена ихъ владѣльцевъ: Гридю Ярцева, Степана Осипова, Гридю Федотова Лукина. Если бы эти владѣльцы были не „слугами“—лицами боярскаго сословія, а мелкими слугами по дворцовому хозяйству, полусвободнаго состоянія, то князь назвалъ бы ихъ не Гридей и Степаномъ, а Гридька и Степанко, да и не поименовывалъ ихъ особо въ грамотѣ [1]).

Тверская писцовая книга, сохранившая слѣды служебныхъ отношеній удѣльнаго времени, строго отличаетъ слугъ отъ конюховъ, сытниковъ, псарей, ключниковъ. Часть слугъ подъ дворскимъ могла быть, однако, княжескими работниками. На западѣ бенефиціи также давались не однимъ только военнымъ слугамъ и вассаламъ, но и низшимъ служащимъ и работникамъ по дворцовому хозяйству.

Земли, дававшіяся слугамъ подъ дворскимъ, назывались въ удѣльное время *служними землями* [2]). Съ этимъ же самымъ наименованіемъ встрѣчаемся мы въ помянутой Тверской писцовой книгѣ 1540 г. Писцовая книга отличаетъ „служни земли“ не только отъ помѣстныхъ земель, но и отъ вотчинныхъ. Между тѣмъ, по существу, эти земли, какъ видно изъ текста книги, ничѣмъ не отличаются отъ вотчинныхъ, описанныхъ подъ заголовкомъ: „села и деревни дѣтей боярскихъ тверичъ“. Дѣти боярскія владѣютъ служними землями такъ же, какъ вотчинами, на полномъ правѣ собственности, по духовнымъ, купчимъ, закладнымъ, дѣловымъ, мѣновымъ и другимъ крѣпостямъ. Владѣльцы служнихъ земель такъ же, какъ вотчинники, пользуются полною свободой

[1]) Ихъ владѣнія—крупныя: мелкіе слуги не могли владѣть селами и слободками, а развѣ только деревнями.

[2]) Собр. гос. гр. и дог., № 33, 1388 г.: „А кто будетъ покупилъ земли данныѣ, служни или черныхъ людий“...

службы; одни изъ нихъ служатъ великому князю, другіе тверскому владыкѣ и частнымъ лицамъ, третьи не служатъ никому [1]). Очевидно, что старый терминъ служни земли потерялъ юридическое значеніе и сохранился только, какъ обозначеніе извѣстнаго раіона земель, нѣкогда, дѣйствительно, состоявшихъ въ условномъ владѣніи слугъ. Служни земли удѣльнаго времени, очевидно, къ XVI вѣку уже были освоены въ собственность, пройдя тотъ же кругъ развитія, что западные бенефиціи и наши позднѣйшія помѣстья [2]).

Для обозначенія условнаго владѣнія землей въ XVI вѣкѣ распространяется новый терминъ помѣстье, впервые явившійся въ концѣ XV столѣтія. Въ удѣльный же періодъ помѣстье называлось совершенно такъ же, какъ на западѣ, *жалованьемъ*—*beneficium*. Наши князья давали свои *села въ жалованье*, какъ на западѣ земля давалась *in beneficium* [3]). Въ перемѣнѣ термина отразилось измѣнившееся значеніе условнаго землевладѣнія. Помѣстная система XVI и XVII вѣковъ была принудительнымъ *испомѣщеніемъ* служилыхъ людей, обязанныхъ службой, и съ ея регламентированнымъ верстаніемъ новиковъ существенно отличалась отъ порядковъ удѣльнаго времени. Бенефицій—„жалованье“ удѣльнаго времени было именно пожалованіемъ, милостью, наградой вольному слугѣ за его вѣрную службу. Помѣстье было связано съ обязательной службой государству; „жалованье“ же — съ свободнымъ вассально-служебнымъ договоромъ слуги съ господиномъ.

§ 80. Жалованье-кормленіе.

Наравнѣ съ условнымъ пожалованіемъ земель практиковалось на западѣ въ феодальную эпоху пожалованіе должностей. Рядомъ

---

[1]) Ср. „Въ Суземьѣ села и деревни князей и дѣтей боярскихъ тверичъ“, стр. 163—168 и „въ Суземьѣ же села и деревни служни“, стр. 169—174. Ср. также въ книгѣ *И. И. Лаппо* списки документовъ на право владѣнія вотчинами и служними землями, стр. 222—225.

[2]) *Г. Блюмепфельдъ*, „Формы землевлад. въ др. Россіи“, с. 334—335. („Зап. Имп. Новор. Унив.“, т. XXXIX) правильно усмотрѣлъ въ слугахъ подъ дворьскимъ „помѣщиковъ“ и „низшій классъ дружины“. О нихъ же см. *В. И. Сергѣевичъ*, „Р. Юр. Др.“, I, с. 395, *С. В. Рождественскій*, „Служилое землевладѣніе“, с. 34 и слѣд., и моя книга: „Госуд. служ. люди“, с. 26—27.

[3]) „А кому буду давалъ своимъ княземъ и бояромъ и дѣтемъ боярьскимъ *свои села въ жалованье*, или хотя и въ куплю кому далъ“: С. Г. Г. Д., № 86, 1462.

съ fief-terre существовалъ fief-office. Должности графа, маркграфа, фохта приравнивались къ земельнымъ ленамъ-бенефиціямъ и одинаково съ землею давались вассалу за службу. „Хотя первоначально — говоритъ Вайцъ — должности и лены, пожалованія въ должность и въ ленъ различались одно отъ другого, но съ теченіемъ времени они слились воедино. Дѣло идетъ здѣсь прежде всего о связанныхъ съ должностью прибыльныхъ правахъ, но затѣмъ также обо всемъ, что носило въ себѣ чисто верховный, государственный характеръ; пожалованный распоряжается и пользуется въ предѣлахъ отношеній и условій, которыя вытекаютъ изъ характера отдѣльныхъ правъ. На первомъ мѣстѣ стоитъ судъ". Въ другомъ томѣ своего труда Вайцъ слѣдующимъ образомъ еще рельефнѣе указываетъ основныя черты графскаго управленія въ феодальное время: „при преемникахъ Карла начали обходиться съ должностями, именно съ графствами, подобно тому, какъ съ бенефиціями. Графства и аббатства неоднократно упоминаются вмѣстѣ, какъ предметъ пожалованія, при чемъ въ отношеніи тѣхъ и другихъ имѣются въ виду ближайшимъ образомъ владѣнія, связанныя съ ними, *доходы*, ими обезпечиваемые. Остальныя права являются почти какъ принадлежность къ владѣніямъ и доходамъ. Такъ какъ къ тому же владѣльцы пользовались ими все болѣе и болѣе только для своей собственной выгоды, то и передача ихъ получила сходство съ пожалованіемъ въ бенефицій" [1]).

Эти порядки пожалованія должности, какъ доходной статьи, были наиболѣе распространены во Франціи, то-есть въ классической странѣ феодализма. Весьма широко они были распространены и въ удѣльной Руси. Кормленіе-жалованіе по существу тожественно съ западнымъ пожалованіемъ въ должность, хотя и не развилось до значенія наслѣдственнаго fief-office; и въ томъ и въ другомъ выражается средневѣковый частноправный взглядъ на государственное управленіе. Наши намѣстники и волостели, совершенно такъ же, какъ графы, не столько управляли, сколько собирали въ свою пользу доходы въ видѣ пошлинъ разнаго рода, и съ теченіемъ времени пользовались своими правами „все болѣе и болѣе только для собственной своей выгоды", какъ говоритъ Вайцъ о графахъ и аббатахъ. Слово „кормленіе", происходящее отъ гла-

[1]) *G. Waitz*, „Deutsche Verfassungsgesch." т. VI, с. 32—33, т. IV, с. 216.

гола кормить-управлять (кормчій, кормило) и значившее первоначально „управленіе“, съ теченіемъ времени начали понимать въ смыслѣ питанія-прокормленія, сближая его съ „кормомъ“-доходами.

Совершенно такъ же, какъ на западѣ, пожалованіе волости въ управленіе-кормленіе приравнивается у насъ въ XVI-XV вв. къ пожалованію земли въ помѣстное владѣніе. Князья „жалуютъ“ своихъ слугъ волостями въ кормленіе точно такъ же, какъ они „жалуютъ“ ихъ деревнями и селами впрокъ, въ вотчину, или „доколѣ служитъ“. Кормленіе у насъ точно такъ же, какъ на западѣ, называлось въ удѣльный періодъ, одинаково съ помѣстьемъ (служней землею), *жалованьемъ* (бенефиціемъ): „пожаловалъ есми ясельничимъ NN въ кормленье. А наѣхать ему на свое жалованье на Благовѣщеньевъ день лѣта 7064“ [1]). Князья жалуютъ кормленіями своихъ бояръ „за ихъ къ намъ выѣздъ“, то-есть за вступленіе въ службу, при заключеніи вассальнаго служебнаго договора такъ же, какъ на западѣ, гдѣ такой договоръ закрѣплялся пожалованіемъ лена.

Порядокъ пожалованія кормленій вполнѣ господствовалъ въ удѣльной Руси XIV и XV вв., во время полнаго развитія у насъ феодальныхъ отношеній. Въ духовной вел. кн. Семена Ивановича 1353 г. читаемъ: „а хто моихъ бояръ иметь служити у моее княгини, а волости имуть вѣдати, даютъ княгинѣ моей прибытька половину“ (№ 24). Боярину, вѣдающій волость, получаетъ въ свою пользу половину „прибытка“, или, какъ позднѣе говорили, „дохода“; онъ остается вольнымъ слугою: „а вольнымъ слугамъ воля, кто въ кормленьи бывалъ и въ доводѣ при нашемь отци и при насъ“ (1341, № 23). Онъ можетъ свободно отъѣхать, по долженъ уплатить князю слѣдующую ему часть прибытковъ: „А ко-

---

[1]) Доп. къ А. Ист., I, № 53. „*А жалованье* за Ощерою Ивановичемъ бояриномъ были Коломна... Руса обѣ половины“: *И. Срезневскій*, „Мат. для слов.“ I, с. 843.—„И ты бъ намѣстнику Дм. Салтыкову *съ нашего жалованья* съ Дорогобужа велѣлъ съѣхати“ (1587), „Р. Ист. Библ.“, II, 46.—„Что за нимъ *мое жалованье волость* Антоновскій станъ“... Акты Разр. прик. (*Юшкова*), № 69 (1506), id. № 75 (1509). Точно также называются помѣстья: „что ихъ деревни прадѣдовъ ихъ... княжеское жалованье моего князя Юрья Ивановича прадѣда въ отчинѣ моей“. То же, № 66 (1506). Ср. Судебникъ 1550 г., ст. 24, о намѣстникахъ и волостеляхъ: „ѣдучи на жалованье или на жалованьѣ живучи или ѣдучи съ жалованья“.

торый бояринъ поѣдетъ исъ кормленья отъ тобѣ ли ко мнѣ, отъ мене ли къ тобѣ, а службы не отслуживъ, тому дати коръмленье по исправѣ; а любо служба, отъслужити ему" (1362, № 27).

Къ XIV вѣку относится и первая, извѣстная намъ, грамота на пожалованіе кормленія. Обыкновенно считаютъ древнѣйшей грамоту на кормленіе 1425 г. Между тѣмъ древнѣйшей слѣдуетъ признать грамоту 1363—1389 гг., тожественную съ кормленными грамотами по формулировкѣ и по существу пожалованія и отличающуюся отъ нихъ только пропускомъ словъ: „за ихъ къ намъ выѣздъ въ кормленіе" [1]). „За выѣздъ" это значитъ: за вступленіе въ службу; пожалованіе кормленіемъ тѣсно связано съ заключеніемъ служебнаго договора [2]).

[1]) „Се язъ, князь Велики Дмитрей Ивановичъ пожаловалъ есмь Ондрея Фрязина Печорою, какъ было за его дядей за Матѳеемъ за Фрязиномъ...

А вы, Печеряне, слушайте его и чтите, а онъ васъ блюдетъ и ходитъ по пошлинѣ, какъ было при моемъ дядѣ... такъ и при мнѣ" 1363—1389. А. А. Э. I, № 6.

„Се язъ, князь Великій Василій Васильевичъ всея Руси пожаловалъ есми Ивана Григорьевича Расла... волостью Лузою, за ихъ къ намъ выѣздъ въ кормленья. И вы, всѣ люди тое волости, чтите ихъ и слушайте, а они васъ вѣдаютъ, и судити и ходити велятъ у васъ тіуномъ своимъ, а доходъ имать по наказному списку". 1425, авг. 28. А. Юр. № 161, I.

Такая же старая формула: „а вы *бояре* и *слуги* и всѣ люди того пути, чтите ево и слушайте, а онъ васъ блюдетъ, а ходитъ по старой пошлинѣ, какъ было прежъ сего". Акты Разр. Прик. № 17 (1462—1504), № 24 (1462—1494). Вмѣсто „бояре и слуги" въ это время уже начинали говорить: бояре и дѣти боярскіе.—Иногда жалуются въ кормленіе только опредѣленныя пошлины съ купли-продажи: „пожаловалъ есми... въ кормленье въ Мещерѣ и въ Мещерскомъ уѣздѣ всею пошлиною, кто что продаетъ или промѣнитъ или купитъ", А. Разр. Пр., № 73, 1508, (подобное—№ 85, 1511).

[2]) Въ нашихъ грамотахъ можно найти также образцы всѣхъ разнообразныхъ прекарныхъ договоровъ, разработанныхъ по схемѣ *П. Ротомъ. Paul Roth*, „Feodalität und Unterthanverband", 1863, с. 145—167. У насъ были и *прекаріи-бенефиціи* (precariae datae), и прекаріи вкладные (precariae oblatae). Въ жалованной грамотѣ митрополита Б. Тютчеву такъ же, какъ въ Турской формулѣ, земля жалуется лицу въ пожизненное владѣніе, съ условіемъ, что послѣ смерти прекариста участокъ земли возвратится къ церкви со всѣми примыслами и улучшеніями, (А. А. Э., I, № 74 (1462); *Fustel de Coulanges*, „Les origines du systéme feodal", с. 135). Этотъ прекарій у насъ такъ же, какъ на западѣ, разсматривается какъ пожалованіе—бенефицій. Вкладчики-прекаристы у насъ такъ же, какъ на западѣ, часто, вкладывая землю въ монастырь, сохраняли за собою пожизненное владѣніе:

II. Феодъ и вотчина.

§ 81. Вотчинная коммендація.

Итакъ, у насъ въ удѣльное время несомнѣнно существовало бенефиціальное землевладѣніе и, рядомъ съ бенефиціальнымъ пожалованіемъ земли въ условное владѣніе, практиковалось пожалованіе должностей въ условное пользованіе. Ленныя должности-кормленія были у насъ такъ же широко распространены, какъ и на западѣ; но что касается бенефиціевъ: служнихъ земель, помѣстныхъ жалованій, то они въ удѣльное время, насколько можно судить по крайне скуднымъ источникамъ эпохи, не имѣли преобладающаго распространенія. Господствующимъ типомъ боярскаго землевладѣнія было землевладѣніе вотчинное.

Это обстоятельство отнюдь не представляетъ собою какой-либо

„а держати ми то сельцо за собою до своего живота“ (donation avec réserve d'usufruit), (А. Юр. Б. I, № 63, XV (1479—1516) и многія другія). Сохраняя пожизненное владѣніе, они иногда при этомъ обязывались платить монастырю оброкъ-цензъ: „Что намъ въ монастырь далъ NN деревеньку свою... ино ему жити въ той монастырской деревнѣ до его живота безъ выреду, а давати ему въ монастырь празги (оброкъ) съ году на годъ по гривнѣ денегъ“. (Акты Холмогорской епархіи: „Р. Ист. Библ.“, т. XIV с. 37. Писцовыя книги *Калачова*, I, 791). Наиболѣе характерный видъ средневѣковаго прекарія состоитъ, какъ извѣстно, въ томъ, что вкладчикъ передаетъ землю монастырю въ безусловную собственность и затѣмъ получаетъ ее обратно во владѣніе или пользованіе, но уже не по праву, а изъ милости, въ видѣ пожалованія отъ монастыря. У насъ также встрѣчаются грамоты, въ которыхъ пожизненное владѣніе вкладчика землею, данной монастырю, разсматривается какъ милость, пожалованіе монастыря: „а покамѣсть Богъ продлитъ живота, *а архимандриту пожаловати меня, вонъ не высылати*“. Въ другой грамотѣ вкладчикъ двора проситъ игумена: „и мене бы естя пожаловали на томъ же дворѣ велѣли жити“. Въ третьей грамотѣ старица, даруя (по завѣщанію своего сына, на поминокъ его души) село монастырю, *бьетъ челомъ* игумену, прося его дозволить жить нѣкоторое время въ этомъ селѣ ея человѣку: „да што бы есте, господине, пожаловали, нашего человѣка еще не велѣли двинуть, доколѣ его помѣстимъ“ (*С. В. Рождественскій*, „Служилое земдевладѣніе“, с. 105, выписка изъ грамоты). *С. Шумаковъ*, Тверскіе акты, т. I, с. 53 (1516). Угличскіе акты, с. 75. О вкладныхъ грамотахъ вообще см. *М. Горчаковъ*, „О зем. влад. всер. митроп.“, с. 89–92.

противоположности осново-началамъ феодальнаго строя. Въ развитой вполнѣ системѣ феодализма бенефиціальное-помѣстное землевладѣніе занимаетъ второстепенное мѣсто; господствующимъ типомъ является наслѣдственный вотчинный феодъ, существенно отличающійся отъ пожизненнаго помѣстнаго бенефиція. Боярскую вотчину надо противополагать не бенефицію, но вотчинному феоду.

По извѣстной схемѣ феодальныхъ отношеній, выработанной еще юристами-теортиками XIII вѣка, и до сихъ поръ господствующей надъ умами историковъ, ткань феодальнаго государства представляетъ собою единообразную сѣть ленныхъ отношеній. Единообразіе это существовало, однако, только въ теоріи. Терминами ленъ или феодъ (а также бенефицій) обозначались глубоко различныя по существу отношенія. Леномъ назывались самыя разнообразныя пожалованія господина своему слугѣ за службу; объектомъ этого пожалованія были прежде всего земли: наслѣдственная собственность или пожизненное владѣніе; та или иная должность, управленіе большимъ округомъ-графствомъ и небольшимъ фохтствомъ, должность сборщика налоговъ; деньги въ видѣ единовременнаго денежнаго дара и въ видѣ ежегодной ренты; какое-либо помѣщеніе, напримѣръ, комната или часть укрѣпленной площадки замка, и проч. Отъ дѣйствительнаго пожалованія имущества, принадлежащаго господину, надо отличать пожалованіе фиктивное: пожалованіе слугѣ имущества, ему же принадлежащаго. Алодіальный собственникъ получаетъ обратно въ видѣ пожалованія свой же алодъ. Леномъ преимущественно называлось пожалованіе военному слугѣ-вассалу; но ленами назывались также пожалованія хозяйственнымъ слугамъ, промышленникамъ и ремесленникамъ, какого-либо угодья, рыбной ловли, виноградника, мельницы, съ обязательствомъ платить часть дохода натурой или деньгами господину. Въ этихъ случаяхъ отличительный признакъ лена: пожалованіе земли военному слугѣ—исчезаетъ, и ленъ является неподходящимъ названіемъ оброчнаго владѣнія [1]).

Единообразная сѣть ленныхъ отношеній не имѣетъ существеннаго значенія въ виду того, что она состоитъ изъ глубоко различныхъ по существу отношеній, которыя объединяются общимъ

[1]) Подробнѣйшее перечисленіе разнообразныхъ видовъ ленныхъ пожалованій: *Waitz*, т. VI, гл. I.

символомъ пожалованія, прилагаемымъ равно, какъ къ дѣйствительнымъ, такъ и къ фиктивнымъ пожалованіямъ. Въ сравнительномъ изученіи, поэтому, мы должны выдѣлить изъ этой сѣти господствующій типъ лена-феода и опредѣлить его основныя черты.

Феоды образовались, какъ извѣстно, отчасти изъ алодовъ, а главнымъ образомъ изъ бенефиціевъ. Древнѣйшіе бенефиціи весьма скоро стали наслѣдственными, а затѣмъ владѣльцы пріобрѣли въ отношеніи ихъ право распоряженія. Первоначально право распоряженія было существенно стѣснено тѣмъ, что на отчужденіе феода требовалось согласіе сеньера. Но это стѣсненіе отпало съ теченіемъ времени. Во Франціи, въ эпоху разцвѣта феодализма сеньеръ не могъ воспретить вассалу продать феодъ или передать его въ чужія руки инымъ путемъ; сеньеръ могъ только выкупить феодъ, или же взыскать съ покупщика, въ видѣ вознагражденія за ускользающую отъ него землю, извѣстную сумму денегъ, обыкновенно въ размѣрѣ годового дохода съ земли. Кромѣ этого права выкупа (rachatum), сеньеръ имѣлъ также право рельефа (relevium), относившееся къ случаямъ перехода феодовъ по наслѣдству; сеньеръ имѣлъ въ этихъ случаяхъ право на взысканіе извѣстной суммы денегъ съ наслѣдника; рельефъ въ большей части мѣстностей взыскивался только при переходѣ наслѣдства къ боковымъ линіямъ [1]). Эти права сеньера были того же порядка, что и нынѣшнія права государства въ отношеніи территоріи; такъ же, какъ эти послѣднія, они мало или вовсе не стѣсняли правъ собственника.

Съ точки зрѣнія частнаго права, феодъ былъ, такимъ образомъ, вотчиной, полной собственностью или наслѣдственной собственностью съ ограниченнымъ правомъ распоряженія. Въ области же публичнаго права отличительная черта феода—крайняя слабость связи его съ территоріей сеньера, верховнаго владѣльца земель феодаловъ. Территоріальная принадлежность феода связана была съ личнымъ вассальнымъ подчиненіемъ его частнаго собственника. Порывая вассальную связь съ сеньеромъ, феодалъ отрывалъ свою

[1]) Другія права сеньера на феодъ: право опеки—пользованіе землей во время малолѣтства вассала, и право forfaiture (foris factura) — отнятіе земли у вассала за какую-нибудь вину—встрѣчались только въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ и не были общими принципами феодализма: *Guizot*, „Hist. de la civilis. en France“, т. IV, с. 33—34.

землю отъ владѣній сеньера и передавалъ ее въ обладаніе своему новому господину. Это право земельной коммендаціи составляетъ наиболѣе важный, основной признакъ феодальнаго землевладѣнія, рѣзко отличающій его отъ современнаго. Это право коммендаціи и его значеніе особенно наглядно проявлялись въ тѣхъ случаяхъ, когда феодъ представлялъ собою крупное владѣніе, прочно освоенное собственникомъ. Леномъ считалось, вѣдь, и цѣлое герцогство, и цѣлое королевство, разъ владѣлецъ или глава его сталъ чьимъ-либо вассаломъ. Но зависимость такого лена отъ сеньера была совершенно номинальной; дѣйствительное значеніе имѣла только вассальная связь; ленное княжество или королевство зависѣло отъ сеньера, лишь постольку, поскольку князь или король былъ вассаломъ. Порывая вассальную связь, феодальный землевладѣлецъ сохранялъ за собою свои владѣнія и вмѣстѣ съ этими владѣніями передавался другому сеньеру. Извѣстно много случаевъ перехода вассала съ леномъ отъ одного сеньера къ другому. Въ 1159 году графъ Эврейскій Симонъ Монфортъ принесъ оммажъ англійскому королю и передалъ въ его обладаніе всѣ свои земли. Въ 1173 г. графъ Тулузскій, поссорившись съ французскимъ королемъ, принесъ открыто оммажъ на свое графство англійскому королю. Когда въ началѣ XIII столѣтія французскіе вассалы отложились отъ англійскаго короля Іоанна Безземельнаго, то они тѣмъ самымъ лишили его всѣхъ его французскихъ владѣній [1]). Въ такихъ переходахъ вассаловъ вмѣстѣ съ ленами, въ этой свободной коммендаціи лица съ землей проявляется одна изъ важнѣйшихъ чертъ феодальнаго строя, а именно преобладаніе личныхъ отношеній надъ территоріальными, отсутствіе государственной территоріальной власти. Верховная власть сеньера на вотчинный иммунитетный феодъ его вассала была весьма слабой и покоилась единственно на вассальной вѣрности владѣльца феода. Современнаго начала неотчуждаемости участковъ государственной территоріи по волѣ ихъ частныхъ собственниковъ не существовало. Земля вслѣдъ за ея собственникомъ легко ускользала отъ власти ея верховнаго обладателя.

[1]) Этимъ переходамъ болѣе соотвѣтствуютъ переходы съ вотчинами нашихъ княжатъ, а не бояръ: и на западѣ мелкіе лены болѣе прочно зависятъ отъ сюзерена. Но принципы и у насъ и на западѣ одни и тѣ же.

Новѣйшій историкъ французскаго феодализма К. Морте, настаивающій на преобладающей роли поземельныхъ отношеній въ феодальномъ строѣ, не могъ не признать, что до XIII вѣка сеньеры не имѣли въ сущности постояннаго территоріальнаго верховенства. „Въ первое время феодализма, какъ ни значительна была тогда роль земельной собственности въ новыхъ соціальныхъ отношеніяхъ, сеньерія не имѣла, какъ можно было бы подумать, характера исключительно территоріальнаго; она была часто личной и простиралась болѣе на группы лицъ, чѣмъ на строго опредѣленный доменъ... Графы и князья обладали въ сущности территоріальнымъ верховенствомъ только въ отношеніи своихъ доменовъ, которые имъ принадлежали въ то же время по праву собственности; внѣ же доменовъ ихъ власть осуществлялась менѣе въ отношеніи территоріи, чѣмъ въ отношеніи лицъ, которые связаны были съ ними вассальной клятвой вѣрности“. Морте отмѣчаетъ и ту характерную черту феодальныхъ владѣній, которая была создана этимъ преобладаніемъ личныхъ связей и, поддерживая ихъ, задерживала образованіе территорій, а именно крайнюю черезполосицу владѣній: „Большая часть сеньерій, большихъ и малыхъ, которыя фигурируютъ въ X вѣкѣ на картѣ феодальной Франціи, далеко не имѣли компактной территоріи, на которой сеньеръ могъ бы осуществить свою верховную власть правильно и однообразно“ [1]).

Феодальное право свободной коммендаціи лица съ землей соз-

[1]) *Ch. Mortet*, „Féodalité“. Большая статья въ „La Grande Encyclopèdie“, édition *H. Lamirault*, XVIII, стр. 206. Территоріальный характеръ феодальныхъ отношеній, по мнѣнію нѣкоторыхъ историковъ и въ томъ числѣ Морте, выражался въ томъ, что личныя связи вассальной вѣрности опирались на поземельныя пожалованія-лены. Дѣйствительно, въ позднѣйшую эпоху вассалитетъ имѣлъ тѣсную связь съ бенефиціемъ: вассальная вѣрность по правилу закрѣплялась бенефиціемъ. Но, какъ я указалъ въ текстѣ, бенефицій-ленъ былъ весьма часто фикціей; онъ могъ состоять не только изъ земли, но изъ должностей и денегъ и проч. Этого не было бы, если бы земля, земельныя связи дѣйствительно были основой феодальнаго правопорядка. Въ первомъ періодѣ феодализма вассалитетъ отнюдь не имѣлъ тѣсной связи съ бенефиціемъ: см. примѣчаніе *Seeliger*'а въ 2 изд. *Вайца*, т. VI, с. 48—50. *П. Виноградовъ*. „Происхожденіе феодальныхъ отношеній въ Лангобардской Италіи“: „Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія“, 1880, дек., с. 361.

давало крайнюю подвижность, крайнюю неустойчивость отношеній, разрушало, въ полномъ своемъ развитіи, всякій правопорядокъ. Въ феодальныхъ странахъ, поэтому, весьма рано начинается обратное теченіе закрѣпленія земли, образованія территоріальной власти. Борьба древняго феодальнаго начала личной зависимости съ новымъ началомъ зависимости территоріальной проходитъ чрезъ всѣ средніе вѣка, постепенно обостряясь и заканчиваясь торжествомъ территоріальной государственной власти. Въ области государственно-правовыхъ отношеній новое начало въ феодальную эпоху проявляется весьма слабо. Большая устойчивость земельныхъ владѣній, закрѣпленіе феодовъ осуществляется чрезъ посредство тѣхъ же доминирующихъ личныхъ связей, а именно путемъ установленія большей крѣпости вассальной связи. Чтобъ прикрѣпить землю, во Франціи начинаютъ прикрѣплять ея обладателя, установляя правила, когда онъ можетъ покинуть своего сеньера. Эти правила, однако, постоянно нарушаются во имя исконнаго обычнаго права свободы вассальной связи и не достигаютъ цѣли.

Новое теченіе объединенія и закрѣпленія земель обнаруживается прежде всего въ области не правовыхъ, а фактическихъ отношеній, которыя подготовляютъ отмѣну стараго права. Территоріи создаются путемъ удаленія феодальныхъ владѣльцевъ, путемъ постепеннаго уничтоженія феодовъ разными средствами и въ числѣ ихъ, особенно, насиліемъ, узурпаціей. Сеньеры, округляя и увеличивая свои домены, уменьшаютъ или вовсе уничтожаютъ черезполосицу, и отнимаютъ такимъ образомъ у коммендаціи ту почву, которая ее питала. „Территоріальный характеръ суверенныхъ правъ, — говоритъ Морте — который въ XIII вѣкѣ сталъ общимъ правиломъ феодовъ-сеньерій, былъ, напротивъ того, исключеніемъ въ X вѣкѣ. Онъ опредѣлился и пріобрѣлъ общее господство только позднѣе въ XI и XII вѣкахъ двумя различными путями: съ одной стороны, потому, что сеньеръ, доменъ котораго пересѣкался черезполосными владѣніями и личными судами (justices personnelles), постепенно ихъ выкупилъ, захватилъ или искоренилъ; съ другой стороны, потому, что сеньеръ, который имѣлъ личный суверенитетъ на часть обитателей феода, распространилъ свои права посредствомъ договора или захвата (узурпаціи) до того, что подчинилъ своей власти весь феодъ цѣликомъ“.

Обстоятельно изучившій процессъ образованія нѣмецкихъ кня

жескихъ территорій, Карлъ Лампрехтъ точно также указываетъ, что государственная территоріальная власть образуется къ концу среднихъ вѣковъ на основѣ фактическаго объединенія земель. „Въ средніе вѣка—говоритъ онъ—только очень немногія территоріи достигли того государственнаго объединенія, которое мы въ настоящее время признаемъ неизбѣжнымъ и необходимымъ: повсемѣстно были многочисленныя исключенія изъ такого государственнаго единства (Enklaven и Exklaven); въ отношеніи значительнаго количества частей территоріи оставалось сомнительнымъ, подчинены ли они вообще власти какого-нибудь территоріальнаго государя и, если подчинены, то до какой именно степени".—„Благодаря пожалованіямъ императора, благодаря истолкованію помѣстныхъ и защитныхъ правъ, какъ правъ верховной власти, правъ суверенныхъ, *а еще болье благодаря простой узурпаціи*, князья получали государственную власть надъ такими частями своей территоріи, въ которыхъ они не имѣли раньше и графскихъ правъ... Въ то время, какъ князья, *выгодя за предѣлы своихъ*, имѣвшихъ столь различное происхожденіе, *правъ, пытались создать понятіе о верховной власти* и примѣнить это понятіе къ опредѣленной, по возможности замкнутой, области королевства, они нашли и основу для этихъ стремленій, именно самое территорію; только признавъ отдѣльныя права земли, территоріи, они становились настоящими князьями, настоящими государями" [1]).

Отъ феодальной Франціи и Германіи обратимся къ удѣльной Руси. Здѣсь мы находимъ то же самое преобладаніе личныхъ связей надъ поземельными, находимъ ту же, что и на западѣ, коммендацію лица съ землей, и въ концѣ удѣльнаго времени — то же возникновеніе территоріальной верховной власти и борьбу ея съ феодальной свободой лица и земли.

Въ удѣльной Руси коммендація-закладничество лица влекла за собою и коммендацію земли. Грамоты говорятъ о „заложившихся селахъ", о „селахъ, зашедшихъ безъ кунъ" за другого князя или боярина [2]). Князья обязуются въ чужихъ владѣніяхъ

[1]) *К. Лампрехтъ*, „Истор. германскаго народа", т. II, стр. 526, 527. „D. Wirtschaftsleben", т. I, отд. 2, с. 1345—1346, 1262 и др.

[2]) *О заложившихся* селахъ нѣсколько неясно говоритъ новгородская грамота 1317 г. (№ 12), но она подтверждаетъ и прямо ссылается на „Фектистову грамоту", т.-е. на грамоту 1305 г. (№ 6), гдѣ эти „заложившіяся"

„селъ не держати, не купити, *ни даромъ пріимати*“, потому что земля, купленная княземъ или принятая имъ въ даръ отъ закладника, переходила въ его обладаніе, ускользала отъ власти мѣстнаго князя; и, давая это обязательство, князья постоянно нарушаютъ его, покупаютъ села въ чужомъ удѣлѣ и принимаютъ закладниковъ. Вопреки договорамъ, они всылаютъ въ чужой удѣлъ своихъ приставовъ и даньщиковъ для управленія этими селами. Они обращаются съ этими селами въ чужомъ удѣлѣ такъ же, какъ съ землями своего княжества, и даже даютъ владѣльцамъ ихъ жалованныя грамоты, съ привилегіями судебными и податными. Великій князь Дмитрій Донской даетъ жалованныя грамоты въ удѣлъ кн. Владиміра Андреевича и обратно. „А въ твой ми удѣлъ—договариваются эти князья—грамотъ жалованныхъ не давати, также и тобѣ, а которыя грамоты подавалъ и тѣ ми грамоты отоимати“ (1362, № 27).

Съ конца XIV вѣка князья стараются установить взаимными соглашеніями новое начало неприкосновенности удѣла, какъ опредѣленной территоріи, для властей другого княжества, начало территоріальной государственной власти. Въ двухъ договорахъ конца XIV вѣка, и затѣмъ въ большей части договоровъ, начиная съ 1451 г., мы находимъ формулу: „судомъ и данью потянути по землѣ и по водѣ“, и подобную ей: „судомъ и данью потянути по удѣломъ, гдѣ кто живетъ“ [1]). Между-княжескіе договоры сохранили ясные слѣды той борьбы, какую до начала XVI вѣка эта новая норма права вела съ старой феодальной свободой земли. Въ настоящее время это положеніе представляется столь общепризнаннымъ, что оно даже не упоминается въ договорахъ между государствами. Въ удѣльный же періодъ у насъ такъ же, какъ на феодальномъ западѣ, возникающая территоріальная власть была столь шаткой, что князья, не ограничиваясь провозглашеніемъ общаго принципа, цѣлымъ рядомъ особыхъ соглашеній поясняли его значеніе и старались предусмотрѣть всѣ возможныя его нарушенія. Они обязывались взаимно *„въ чужой удѣлъ не вступатися*

села обозначены, какъ „села зашедшія безъ кунъ“ и ясно противопоставлены селамъ „купленымъ“. См. мою статью: „Нов. объясненіе закладничества:“ „Журн. Мин. Нар. Пр.“, 1901, № 10.

[1]) Собр. Гос. Гр. и Дог., № 28, (1368), № 40 (1410), А. А. Э., I, № 14 (1398). Позднѣйшіе договоры съ 1451 г.: №№ 76, 88, 119—120 и другіе.

никоторыми дѣлы“ и пояснили: „ни приставовъ не всылати, ни грамотъ жалованныхъ не давати, ни земель не купити, ни закладней не держати“, а также „ни судовъ не судити, ни дани не имати“ въ чужомъ удѣлѣ. Наши изслѣдователи видятъ обыкновенно въ этихъ соглашеніяхъ о неприкосновенности удѣла, о территоріальной подвластности не вновь утверждаемое, а давно установившееся общее право. Нѣкоторые историки, однако, правильно указывали, что „начало суверепнаго территоріальнаго господства“ только съ теченіемъ времени „одержало верхъ надъ частнымъ имущественнымъ правомъ“, и что „признаніе правъ территоріальнаго господства“ было результатомъ долгой борьбы. Б. Н. Чичеринъ говоритъ, что въ древней Руси такъ же, какъ на западѣ, отношенія личныя преобладали надъ территоріальными. М. Затыркевичъ правильно замѣтилъ, сославшись на договоры князей, что „всѣ служилые люди со всѣми принадлежавшими имъ людьми и землями подчинялись не областной власти, но власти личной того князя, которому служили“. В. И. Сергѣевичъ на это ему возражалъ, что „договорами вездѣ утверждается территоріальное начало“ [1]). Дѣйствительно, договорами вездѣ *утверждается* территоріальное начало, но тѣ же договоры показываютъ, что это было еще *не утвердившееся* начало, и что общее господствующее начало было личное, а не территоріальное.

Древнее право коммендаціи лица съ землей поддерживалось существовавшей у насъ такъ же, какъ на западѣ, крайней черезполосицей владѣній, которая вызывалась отчасти самой же коммендаціей, отчасти постоянными дѣлежами удѣловъ. Значительная часть удѣльныхъ княжествъ представляла собою не строго отграниченную отъ сосѣднихъ, непрерывную площадь, а совокупность черезполосныхъ, разбросанныхъ владѣній. Князья своими раздѣлами долгое время сами поддерживали черезполосность владѣній. Вел. кн. Дмитрій Донской, раздѣливъ свои земли между сыновьями, „вымалъ у дѣтей своихъ изъ удѣловъ“ нѣсколько волостей, слободъ и селъ и далъ ихъ своей княгинѣ, не въ частную собствен-

[1]) *А. Пришра*, „Опытъ ист. сост. гор. обывателей“, 1868, стр. 15. *Б. Чичеринъ*. „Опыты“, стр. 343. *М. Затырквичъ*, „О вліяніи борьбы между народ. и сослов. на образов. строя русск. госуд.“ „Чт. М. О. Ист. и Др.“, 1873, кн. I — III, с. 190 — 191. Рецензія *Сергѣевича*: „Журн. Мин. Нар. Пр“., ч. CLXXXIII, 1876.

ность, а въ полное государственно-княжеское обладаніе, запретивъ сыновьямъ вступаться во владѣнія княгини (1389, № 34). Рязанскій великій князь въ 1496 г., установивъ границу между своими владѣніями и удѣломъ своего брата, оставилъ въ своемъ полномъ обладаніи село Переславичи, находившееся за чертой границы во владѣніяхъ брата: „а что мое село Переславичи въ твоемъ удѣлѣ, а сидятъ въ немъ мои холопи Шипиловы, и то село зъ данью и съ судомъ и со всѣми пошлинами мое великаго князя“ (№ 127). Экстерриторіальная слобода или волость, принадлежавшая сосѣднему князю, служила прибѣжищемъ для жителей княжества отъ власти мѣстнаго князя и давала обладателю такой слободы или волости возможность осуществлять свою, узурпаторскую—съ точки зрѣнія новаго договорнаго права—власть надъ лицами и землями въ чужомъ удѣлѣ. По договорнымъ грамотамъ можно замѣтить, что закладничество вообще развивалось тамъ, гдѣ власть чужого князя была близка и легко осуществима. Такъ, напримѣръ, Великій Новгородъ, оставляя во владѣніи тверского князя купленныя имъ повгородскія села, не преминулъ особой статьей договора предупредить опасныя послѣдствія существованія въ предѣлахъ новгородской земли экстерриторіальныхъ оазисовъ, принадлежащихъ тверскому князю: „*а изъ тѣхъ селъ* суда имъ (князю и его мужамъ) не судити, ни дворяномъ ѣздити, *ни людей* новгородскихъ *примати, ни земли*“ (1327, № 15) [1]).

Изъ общаго закладничества селъ по древнему обычному праву, конечно, не исключались и боярскія села, боярскія вотчины. Если мелкіе своеземцы, смерды и купчины, закладывались-коммендировались у насъ вмѣстѣ съ землею, то и бояре, владѣльцы крупныхъ вотчинъ, должны были имѣть право перехода на службу къ другому князю вмѣстѣ съ своею землею, иначе говоря, право *отъѣзда съ вотчинами*. Крупная боярская вотчина, благодаря иммунитету, представляла собою въ миніатюрѣ самостоятельное государство; такъ же, какъ на западѣ, она была у насъ

[1]) Когда договоры говорятъ о переходахъ новгородскихъ бояръ къ тверскому князю, то имѣютъ въ виду по преимуществу бояръ изъ Торжка и пригородовъ, наиболѣе близкихъ къ тверскимъ владѣніямъ (1368, № 28). Другіе примѣры черезполосицы въ моей статьѣ о закладничествѣ и у *Чичерина* въ „Опытахъ“, с. 281 и сл. *Чичеринъ* также сопоставляетъ нашу черезполосицу съ западной (282).

ограждена отъ въѣзда волостелей; тѣмъ легче могла она отдѣлиться отъ территоріи княжества, порвать слабую нить, привязывавшую ее къ этой территоріи. Древнѣйшій бояринъ былъ не только вольнымъ слугою, но и вольнымъ вотчинникомъ.

Устанавливая территоріальную власть, отрицая закладничество лицъ и земель вообще, князья рядомъ особыхъ соглашеній вступаютъ въ борьбу съ коммендаціей боярскихъ вотчинъ. Разнообразіе такихъ соглашеній показываетъ, что утверждаемое ими договорное право было новостью, что оно не выражало собою давно установившагося общаго права, а постоянство нарушеній договорнаго права до начала XVI вѣка свидѣтельствуетъ, что боярскіе отъѣзды съ вотчинами опирались на болѣе сильный древній обычай. Великій Новгородъ, стремясь пресѣчь коммендацію, постановилъ въ 1368 г., что бояре, отъѣзжающіе на службу къ тверскому князю, лишаются своихъ земель (№ 28); раньше того въ 1307 г. онъ рѣшился конфисковать земли у закладниковъ, отдающихся тверскому князю (№ 10). Совершенно иная мѣра принята была московскими и другими князьями въ тѣхъ же видахъ закрѣпленія боярскихъ вотчинъ. Не найдя возможнымъ стѣснить боярское право отъѣзда путемъ конфискаціи вотчинъ у отъѣзжавшихъ слугъ, какъ это сдѣлалъ болѣе сильный Новгородъ, князья рѣшились отдѣлить личную службу бояръ отъ земли, личную связь отъ территоріальной подвластности. По договорамъ Дмитрія Донского съ тверскимъ великимъ княземъ и съ княземъ Владиміромъ Андреевичемъ, 1362 и 1368 гг., бояре, отъѣзжая къ другому князю, сохраняли частное право собственности на свои вотчины, но эти вотчины должны были оставаться въ государственномъ обладаніи мѣстнаго князя. Бояринъ воленъ служить, кому онъ хочетъ, но, въ качествѣ вотчинника, онъ долженъ подчиняться мѣстной власти, и „судомъ и данью потянути по землѣ и по водѣ“ (№№ 27, 28). Соглашенія эти устанавливали неустойчивый, внутренно-противорѣчивый порядокъ, ненормальность котораго можетъ быть объяснена единственно его переходнымъ характеромъ отъ старыхъ формъ къ новымъ. Бояринъ былъ, вѣдь, прежде всего военнымъ слугою; онъ обязанъ былъ не только лично нести военную службу, но и приводить съ собою отряды своихъ слугъ и людей, живущихъ на его землѣ. Такимъ образомъ, сохраняя за собою право соб-

ственности на землю во владѣніяхъ оставленнаго имъ князя, бояринъ привлекалъ людей изъ чужого княжества для военной службы своему новому господину, не говоря уже о томъ, что онъ извлекалъ съ земли въ чужомъ княжествѣ средства для военной службы иному князю. Ненормальность этого порядка должна была особенно ясно обнаруживаться въ тѣхъ случаяхъ, когда два князя, которымъ одновременно подчиненъ былъ боярин, одному—въ качествѣ слуги, другому—въ качествѣ вотчинника, когда эти два князя вступали въ вооруженную борьбу между собою.

Какъ можно видѣть въ этомъ странномъ, неустойчивомъ и противорѣчивомъ порядкѣ—древнее начало права, древнее обычное право, которое всегда является устойчивымъ и прекрасно приноровленнымъ къ условіямъ жизни? Такія неустойчивыя, противорѣчивыя положенія создаются только въ переходныя эпохи, какъ результатъ столкновенія разныхъ началъ права. Нельзя ссылаться на договоры, не разбирая, что выражается въ ихъ статьяхъ: обычное, господствующее право, или новыя нормы права, вырабатываемыя соглашеніями. Тутъ несомнѣнно, новая норма права, подобная статьямъ: „закладней не принимати“ [1]).

Вопреки соглашеніямъ князей, старый обычай отъѣзда съ вотчинами удержался до начала XVI вѣка. Объ этомъ краснорѣчиво свидѣтельствуетъ духовная грамота великаго князя Ивана Васильевича 1504 года: „*а бояромъ и дѣтямъ боярскимъ ярославскимъ съ своими вотчинами и съ куплями отъ моего сына Василья не отъѣхати никому никудѣ*; а хто отъѣдетъ, и земли ихъ сыну моему“. Текстъ совершенно ясный и опредѣленный. Мы не знаемъ, почему рѣчь идетъ о ярославскихъ боярахъ: можемъ только догадываться, что это была область наибольшаго феодальнаго разъединенія. О томъ же свидѣтельствуютъ настойчиво повторяемыя князьями до конца удѣльнаго времени, и совершенно излишнія, съ точки зрѣнія современнаго намъ государственнаго права, ука-

[1]) Этотъ новый принципъ („судомъ и данью потянути по землѣ и по водѣ“) также постепенно устанавливался и на Западѣ. И онъ не выражаетъ собою истиннаго государственнаго начала: тутъ только haute justice и taille.

занія на то, что, передавая удѣлъ князю наслѣднику, завѣщатель передаетъ въ его обладаніе и боярскія вотчины, лежащія въ предѣлахъ этого удѣла, какъ опредѣленной территоріи: „а которыя села и деревни въ Новѣгородѣ въ Нижнемъ за моими князьями и за бояры и за дѣтьми за боярскими, за кѣмъ ни буди; и то все сыну же моему Василью“ (№ 144, с. 392) [1]).

Бояринъ, „отъѣзжающій съ вотчиной“, представляетъ собою явленіе, тожественное феодалу, переходящему вмѣстѣ со своимъ леномъ-феодомъ отъ одного сеньера къ другому. Вышеприведенный текстъ договора объ отъѣздѣ боляръ съ вотчинами, будучи сопоставленъ съ соотвѣтствующими феодальными порядками, бросаетъ яркій лучъ свѣта на эту важную сторону порядковъ удѣльной Руси [2])

Въ нашихъ жалованныхъ грамотахъ мы находимъ драгоцѣнное указаніе на изучаемыя отношенія ленной коммендаціи. Грамоты свидѣтельствуютъ, что подчиненіе вотчины связано было съ заключеніемъ вассальнаго договора о службѣ. „Се азъ князь великій Иванъ Васильевичъ всеа Руси—читаемъ въ одной изъ нихъ пожаловалъ есми Ивашка Максимовича сына Глядящего, что *билъ челомъ моей великой княгинѣ Софьѣ и съ своею вотчиною*, съ половиною селомъ Глядящимъ, что въ Муромѣ въ Кузомскомъ стану, со всѣмъ съ тѣмъ, что къ его половинѣ потягло“. Слуга, вступая въ службу, бьетъ челомъ съ вотчиною, то-есть передаетъ въ

[1]) Вел. кн. Іоаннъ III передастъ (въ обмѣнъ) волоцкимъ князьямъ Федору и Ивану волости Буйгородъ и Колнь и замѣчаетъ: „А которые земли въ тѣхъ волостяхъ въ Бусгородѣ и въ Кольни боярскіе и монастырскіе ихъ отчины и купли, и тѣ земли вѣдаютъ князь Оедоръ и князь Иванъ судомъ и данью, а бояре и дѣти боярскіе и монастыри держатъ свои земли по старинѣ“ (1497, № 129).

[2]) *Люшеръ* („Manuel“, с. 151, примѣч.), приводитъ такой случай: „Au commencement du XI-e siècle, deux frères, Herod et Hacket, possèdent des alleux importants à Poperinghe, dans le comté de Flandre. Le comte de Guines et le comte de Boulogne se disputent l'avantage de faire entrer ces terres dans leur mouvance et prétendent forcer ceux qui les possèdent à faire acte de soumission et à devenir leurs hommes. L'aîné, Herred, refusant de s'assujettir à l'un comme à l'autre des deux comtes, court trouver l'évêque de Térouanne et reçoit de lui en fief héréditaire et perpétuel (perpetuum et hereditarum recepit in feodum) tout ce qu'il possédait à Poperinghe. Mais l'autre frère... arrive... à la cour du comte de Boulogne, lui prête l'hommage et reçoit de lui sa terre“.

обладаніе князя свою землю. Дальнѣйшій текстъ еще болѣе интересенъ: „*И язъ, князь великій, Ивашку пожаловалъ тѣмъ его половиною селомъ Глядячимъ* со всѣмъ тѣмъ, что къ его половинѣ изстарины по тому жъ потягло; и кто у него иметь жити людей на его половинѣ села Глядячего и тѣмъ его людемъ ненадобна моя дань“... Слѣдуютъ обычныя льготы жалованныхъ грамотъ. Здѣсь великій князь, совершенно такъ же, какъ это дѣлалось при ленной коммендаціи на западѣ, *жалуетъ слугу его же вотчиной* [1]).

Въ виду слабости новаго территоріальнаго начала, князья не только сами взаимно обязуются не покупать селъ въ чужихъ владѣніяхъ, но и запрещаютъ это своимъ боярамъ. По московскому договору (Дмитрія Іоанновича съ княземъ Владиміромъ Андреевичемъ) 1388 года покупка селъ самими князьями и боярами въ чужомъ удѣлѣ воспрещена безусловно, а по московскому же договору 1389 г. она обусловлена согласіемъ князя: „а тобѣ въ нашихъ удѣлѣхъ и въ отчинѣ... селъ не купити, ни твоимъ дѣтемь, *ни твоимъ бояромъ безъ нашего вѣданья*“... (№ 35). Эти соглашенія преслѣдуютъ ту же цѣль закрѣпленія земли, что̀ и дѣйствовавшія на западѣ въ разное время правила о неотчужденіи леновъ безъ

[1]) А. А. Э., I, № 120, 27-го іюля 1487. Въ другихъ грамотахъ, которыя давали льготы не при заключеніи служебнаго договора, этой формулы (пожаловалъ NN его же селомъ), обыкновенно, не находимъ. Обыкновенная формула: „Се язъ князь великій *пожаловалъ NN что его земля*“... или „се язъ князь великій пожаловалъ архимандрита, далъ въ домъ святого Спаса“. Ту же формулировку, что въ разсматриваемой грамотѣ, находимъ въ слѣд. жалованной грамотѣ 1461 г.: „се азъ, князь великій Василій Васильевичъ, *пожаловалъ* есмь Алексѣя Краснослѣпа пустошью Хоробровскою, *его отчиною*, въ Суздальскомъ уѣздѣ въ Демпнской волости“ (Ак. Разр. Прик., „Чтенія“ 1898 г., II, с. 16); Суздаль, если и принадлежалъ Москвѣ, то были въ немъ свои суздальскіе князья: Москва не признавала для себя обязательнымъ правило—„слугъ съ отчинами не принимати“. Ср. въ договорной грамотѣ суздальскаго князя Ивана Васильевича съ в. к. Василіемъ Васильевичемъ (1451 г.): „а добьютъ, господине, челомъ тобѣ... моя братья..., и тобѣ, Господине, великому князю жаловати ихъ вотчиною, ихъ жеребьи, по старинѣ, что за ними было“ (С. Г. Г. и Д., I, № 80). Іоаннъ III не нашелъ возможнымъ признать Ивашку Глядящего слугою одной лишь великой княгини; онъ жалуетъ его самъ, но въ то же время признаетъ его зависимость и отъ великой княгини, опредѣляя, что Ивашка подсуденъ великому князю или боярину введеному княгини Софьи.

согласія сеньера, или о непродажѣ министеріалами леновъ чужимъ вассаламъ, въ тѣхъ видахъ, чтобы земли не ускользали отъ обладанія мѣстнаго князя (Вайцъ, V, 384).

Въ заключеніе — знаменательный примѣръ существовавшей у насъ феодальной коммендаціи вотчинъ. Онъ относится къ первымъ годамъ XVI вѣка, показывая, какъ долго не могло утвердиться у насъ начало неотчуждаемости территоріи по волѣ частнаго собственника. Это—довольно извѣстный въ нашей церковной исторіографіи фактъ передачи Волоколамскаго монастыря его игуменомъ Іосифомъ *изъ удѣла* волоцкаго удѣльнаго князя *въ государство* московскаго великаго князя въ 1507 году. Іосифъ основалъ свой монастырь при дѣятельномъ покровительствѣ волоцкаго князя Бориса Васильевича въ его „вотчинѣ“, въ глухомъ лѣсу. Монастырь быстро увеличилъ свои владѣнія благодаря земельнымъ вкладамъ; въ 1484 г. у Іосифа была уже каменная церковь, расписанная „хитрыми живописцы“. Наслѣдовавшій князю Борису сынъ его Федоръ сначала также покровительствовалъ монастырю и въ 1500 году далъ ему деревню и половину слободки съ обычными иммунитетными льготами, но затѣмъ, позабывъ „приказъ своего отца и матери“, началъ притѣснять обитель. Іосифъ попытался князя „утѣшити мздою“ и „посла къ нему иконы Рублева письма и Діонисіева, и также платіе съ постригшихся“. Но князь Федоръ Борисовичъ настаивалъ на полной покорности: „аще не хощетъ мною повелѣнная творити, и онъ да изыдетъ, каможе хощетъ, а мнѣ держати монастырь по своей воли, яко же хощю азъ“. Тогда, потерявъ надежду, Іосифъ рѣшается на крайній шагъ, рѣшаетъ передаться съ своимъ монастыремъ великому князю. Онъ обращается къ великому князю Василію съ ходатайствомъ: „да простретъ руку свою и пріиметъ монастырь *въ покровъ и въ соблюденіе* свое, да не запустѣетъ и до конца не погибнетъ отъ многихъ неправдъ“. И затѣмъ Іосифъ не только не ушелъ изъ монастыря, какъ добивался его гонитель, но „отказалъ“ отъ него монастырь, передался московскому князю, „отказался отъ своего государя въ великое государство“. Василій Іоанновичъ „взя обитель пречистыя *въ свою державу*“, „взя монастырь отъ насилія удѣльнаго... *подъ свою царскую руку*“. Такъ разсказываетъ житіе, а самъ Іосифъ въ своемъ посланіи писалъ, что великій князь „*монастырь Пречистыя и мене грѣшнаго съ братіею взялъ въ се-*

ликое свое государство, и не велѣлъ князю Ѳедору Борисовичу вступатися ни во что". Любопытно, что обиженный князь, отъ котораго игуменъ отложился съ своимъ монастыремъ, сдѣлалъ попытку поправить дѣло не путемъ переговоровъ съ великимъ княземъ, принявшимъ монастырь въ свое обладаніе, но посредствомъ соглашенія съ игуменомъ Іосифомъ, какъ бы признавая тѣмъ его право на переходъ: „князь же Феодоръ въ та времена у Іосифа пача прощатися, *моля его, еже бы возвратился*", т.-е., возвратился бы съ монастыремъ. Еще болѣе знаменательно, что составитель житія, разсказывая объ этомъ фактѣ, не видитъ въ немъ ничего исключительнаго и сопоставляетъ его съ подобными же случаями въ прошломъ: „яко въ древнихъ лѣтахъ сія быша, отъ обидъ меньшихъ къ большимъ прибѣгали". Іосифъ въ своемъ посланіи приводитъ и рядъ примѣровъ: „въ наши лѣта у князя Василья Ярославича въ вотчинѣ былъ Сергіевъ монастырь, а у князя у Александра у Ѳедоровича у Ярославскаго былъ въ вотчинѣ Каменскій монастырь, а у князей у Засѣкинскихъ былъ въ вотчинѣ монастырь Пречистыя, иже на Тользѣ"; игумены этихъ монастырей „били челомъ" великому князю Василію Васильевичу, и онъ „тѣ монастыри взялъ въ свое государство, да не велѣлъ тѣмъ князьямъ въ тѣ монастыри вступатись ни по что" [1]).

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Раздробленіе верховной власти.

Разсмотрѣнныя выше отношенія вассальныя и ленныя, а также защитныя представляютъ собою систему отношеній, *объеди-*

[1]) „Сказанія о русскихъ и славянскихъ святыхъ, извлеченныя изъ Великихъ Миней Четіихъ", ч. I, 1868 (Арх. ком.) с. 93—97. А. Истор., I, № 290, 1509 г. А. Арх. Эксп., I, № 136, 1500 г. *В. Милютинъ*, „О недвиж. имущ. духов.", с. 191, 239—240. *И. Хрущовъ*, „Изслѣдов. о сочиненіяхъ Іосифа Саннна", 1868, с. 213; г. Хрущовъ правильно полагаетъ, что Іосифъ не нарушилъ дѣйствовавшаго въ то время права, отказавшись отъ одного князя къ другому. Одно только „было сдѣлано Іосифомъ не по праву: онъ отошелъ съ монастыремъ въ великое княженіе безъ благословенія своего владыки" (новгородскаго архіепископа Серапіона), ibidem, с. 207—208.

няющихъ феодальное общество. Они объединяютъ страну, раздѣленную на множество самостоятельныхъ владѣній, съ иммунитетными и полусуверенными правами. Иммунитетъ съ раздробленнымъ, разсѣяннымъ суверенитетомъ составляютъ начала *объединенія*, раздѣленія страны.

Нѣкоторые историки видятъ характернѣйшія черты феодализма въ началахъ объединенія, въ личныхъ связяхъ, защитныхъ и ленныхъ. Другіе же выдвигаютъ на первый планъ начала разъединенія. Проф. Виноградовъ, напримѣръ, недавно въ своемъ учебникѣ далъ слѣдующее опредѣленіе феодализма: „каждый крупный помѣщикъ сдѣлался своего рода государемъ въ своей мѣстности. Такое *раздробленіе власти и переходъ ея къ помѣщикамъ принято называть феодализмомъ*“. Въ этомъ раздробленіи власти надо различать иммунитетныя и суверенныя права. Большая часть землевладѣльцевъ обладала только правами иммунитетными; крупнѣйшіе же—присвоили себѣ съ теченіемъ времени болѣе или менѣе ограниченныя суверенныя права. Если бы въ раздробленіи власти можно было видѣть главный рѣшающій признакъ феодализма, то вопросъ о признаніи государственнаго строя Руси феодальнымъ значительно упростился бы. Всѣ крупные землевладѣльцы съ древнѣйшаго времени у насъ такъ же, какъ на западѣ, несомнѣнно обладали иммунитетными правами, которыя обезпечены были жалованными грамотами. Съ конца XIV в. появилось, кромѣ того, множество мелкихъ служебныхъ князей съ ограниченными суверенными правами, и число ихъ быстро увеличивается въ XV, XVI в.в. Удѣльная Русь, съ ея иммунитетными боярскими и монастырскими вотчинами и полусуверенными вотчинами княжескими, если руководствоваться однимъ лишь указаннымъ признакомъ, должна быть несомнѣнно признана феодальнымъ государствомъ. Процессъ феодализаціи, въ смыслѣ раздробленія власти, перехода суверенныхъ правъ къ крупнѣйшимъ землевладѣльцамъ совершился у насъ, однако, какъ видно изъ послѣдующаго, совершенно инымъ путемъ.

Прежніе историки указывали въ особенности на слабость преемниковъ Карла Великаго, на личныя качества „лѣнивыхъ“ и „толстыхъ“ королей, какъ на первую причину распаденія каролингской монархіи на рядъ крупныхъ и мелкихъ суверенныхъ владѣній. Но личныя качества преемниковъ Карла могли только

ускорить этотъ процессъ и вызвать быстрое грандіозное крушеніе его монархіи. Причины же раздѣленія лежали въ общемъ состояніи культуры того времени. „Постепенность культурнаго роста, замѣчаетъ проф. Виноградовъ, не допускаетъ быстраго появленія обширныхъ и сложныхъ государственныхъ системъ у молодыхъ, невоспитанныхъ исторіей, народовъ".

Въ удѣльной Руси мы находимъ условія географическаго и экономическаго порядка подобныя западнымъ, и, какъ результатъ ихъ, то же раздѣленіе страны на множество самостоятельныхъ владѣній съ суверенными правами. Въ удѣльной Руси мы замѣчаемъ естественную слабую связность частей, географическую и экономическую разрозненность и обособленность округовъ и мелкихъ вотчинныхъ владѣній. Мы видимъ здѣсь: 1) населенность рѣдкими оазисами среди дебрей лѣсовъ и топи болотъ, крайне затрудняющихъ пути сообщенія, 2) господство натуральнаго хозяйства, обезпечивающее съ одной стороны, хозяйственную самостоятельность этихъ оазисовъ и, съ другой стороны, обусловливающее отсутствіе крупнаго торговаго и промышленнаго центра, который могъ бы служить базисомъ политическаго господства.

Обширная и слабо населенная Ростовская земля (или Понизовская, какъ ее называли новгородцы), XII и начала XIII вѣка, земля Андрея Боголюбскаго и Всеволода III Большое Гнѣздо не созрѣла еще для образованія обширнаго единаго государства. Подобно еще болѣе обширной и слабо населенной имперіи Карла Великаго, она дѣлится на быстро обособляющіяся части во второй половинѣ XIII вѣка, черезъ столѣтіе мы видимъ ее раздѣленной на множесто крупныхъ и мелкихъ княжескихъ владѣній.

Это раздѣленіе совершилось у насъ инымъ путемъ, чѣмъ на западѣ. Началось оно у насъ, совершенно такъ же, какъ тамъ, дѣлежемъ земель между сыновьями, наслѣдниками государя. Всеволодъ III раздѣлилъ свои владѣнія между сыновьями такъ же, какъ Людовикъ Благочестивый. Раздѣленная ростовская Русь на короткое время затѣмъ случайно соединилась въ рукахъ Ярослава Всеволодовича, подобно тому, какъ монархія Карла соединилась случайно на короткое время въ рукахъ Карла Толстого. Дальнѣйшее дѣленіе пошло различно. На западѣ родъ каролинговъ скоро угасъ; явились выборные короли; графы-управители и крупнѣйшіе землевладѣльцы захватили

суверенныя права и возвысились до положенія владѣтельныхъ государей. У насъ не было этого момента узурпаціи. Родъ Всеволода Большое Гнѣздо быстро разросся, и земля продолжала дѣлиться на все болѣе мелкія части между размножившимися князьями. Начало узурпаціи замѣнилось у насъ началомъ раздѣловъ. Въ широко распространившейся на западѣ узурпаціи власти ярко выразилась назрѣвшая необходимость раздѣленія страны на мелкія владѣнія. Той же самой назрѣвшей необходимости отвѣчали наши княжескіе раздѣлы земель. Одинѣ и тѣ же внутреннія силы дѣйствуютъ на западѣ и у насъ; вслѣдствіе хорошо знакомыхъ историкамъ случайностей, онѣ различными путями находятъ себѣ выходъ, но въ результатѣ даютъ одинаково раздробленіе государственной власти среди множества крупныхъ и мелкихъ владѣній съ суверенными и полусуверенными правами. У насъ такъ же, какъ на западѣ, земля должна была неудержимо распасться, раздѣлиться на мелкіе самостоятельные мірки. Но въ моментъ назрѣвшаго раздѣленія страны у насъ оказалось на лицо множество князей претендентовъ съ наслѣдственными владѣтельными правами. Они замѣнили у насъ западныхъ феодаловъ, захватившихъ суверенныя права. Раздѣлы предупредили у насъ узурпацію; раздѣленіе „сверху“ предупредило раздѣленіе „снизу“; „окняженье“ земли предупредило ее „обоярепье“. Но результатъ въ XIV, XV вѣкахъ получился тотъ же, что и на западѣ.

Говоря о раздѣлахъ, я разумѣю не первоначальные дѣлежи Суздальской Руси за нѣсколько крупныхъ частей въ XIII вѣкѣ: не раздѣлы Всеволода III († 1202) и его сына Ярослава († 1246) и не образованіе болѣе крупныхъ удѣловъ: Тверской, Ярославскій, Ростовскій, Бѣлозерскій, Московскій и др. Эти первоначальные раздѣлы не имѣютъ феодальнаго характера, представляя собою обыкновенное раздѣленіе единаго государства на нѣсколько равноправныхъ государствъ. Противопоставляя западно-европейской узурпаціи раздѣлы, противопоставляя феодальнымъ владѣніямъ съ узурпированными суверенными правами удѣльныя княжества, возникшія вслѣдствіе раздѣловъ, я имѣю въ виду дальнѣйшее дробленіе княжествъ въ XIV и XV вѣкахъ на мелкія княжескія владѣнія. Сѣверо-Восточная Русь быстро дробилась на мелкія княжества. Возьмемъ, напримѣръ, Тверское княжество, обособившееся во второй половинѣ XIII столѣтія со времени княженія

Ярослава Ярославича тверского. Въ половинѣ слѣдующаго XIV вѣка здѣсь является нѣсколько удѣловъ: Дорогобужскій, Кашинскій, Холмскій, Микулинскій; раздѣленіе на этомъ не останавливается, и въ началѣ XV вѣка здѣсь образуется еще нѣсколько мелкихъ удѣловъ: Городенскій или Старицкій, Зубцовскій, Телятевскій, Чернятинскій. Точно также Бѣлозерское княжество, обособившееся во второй половинѣ XIII столѣтія, въ XIV и въ началѣ XV вѣка раздѣляется на длинный рядъ мелкихъ удѣловъ: Карголомскій, Ухтомскій, Кемскій, Сугорскій, Андожскій, Вадбольскій, Шелешпанскій. Точно также Ярославское княжество, расположенное отъ Волги на сѣверо-западъ по Мологѣ и Шекснѣ, и на сѣверъ, на Кубенскомъ озерѣ, распадается въ ту же эпоху на нѣсколько удѣловъ: Моложскій по р. Мологѣ, Шехонскій по р. Шекснѣ и ея притокамъ, Заозерско-Кубенскій и др. Эти удѣлы дробятся далѣе. Въ Моложскомъ удѣлѣ въ концѣ XIV вѣка возникаютъ мелкія княжества Сицкое, Прозоровское, Шуморовское.

Большая часть этихъ княжествъ была весьма незначительныхъ размѣровъ. Какъ замѣтилъ В. О. Ключевскій, территорія ихъ занимала обыкновенно бассейнъ какой-либо маленькой рѣчки, и нерѣдко ограничивалась только частью маленькаго рѣчного бассейна. Такъ, напримѣръ, вдоль нижняго теченія рѣки Мологи, на протяженіи 60—70 верстъ мы находимъ около 1400 года четыре княжества: Моложское, по р. Мологѣ, затѣмъ, по лѣвымъ ея притокамъ—княжества Сицкое (по р. Сити) и Прозоровское (по р. Себлѣ и Редмѣ), наконецъ, въ углу между Волгой и Мологой — Шуморовское, съ столицей въ селѣ Шуморовѣ. Незначительность владѣній приравнивала владѣльцевъ такихъ княжествъ къ боярамъ-вотчинникамъ; но они, несмотря на это сохранили свои наслѣдственныя владѣтельныя княжескія права.. Мелкіе князья, какъ напримѣръ, бохтюжскій и карголомскій, въ XV вѣкѣ даютъ льготныя и несудимыя грамоты на свои земли совершенно такъ же, какъ великіе князья-государи. Даже въ XVI вѣкѣ мелкіе князья-„княжата“ сохраняли какъ это, такъ и нѣкоторыя другія владѣтельныя права [1]).

[1]) *С. Ф. Платоновъ* говоритъ о княжатахъ XVI вѣка, что они „сохраняли всѣ атрибуты государствованія: у нихъ былъ свой дворъ, свое „воинство“, которое они выводили на службу великаго князя московскаго; они

При первоначальной общей разработкѣ междукняжескихъ отношеній вниманіе историковъ было поглощено процессомъ возвышенія московскаго великаго княженія. Замѣчено было, что Москва очень рано начала съ неуклонной послѣдовательностью стягивать подъ свою власть всѣ сосѣднія княжества. Казалось, что по мѣрѣ того, какъ московскіе великіе князья присоединяли къ своимъ владѣніямъ княжества Ростовское, Ярославское, Бѣлозерское и др., удѣльный порядокъ разрушался до основанія. Москва рано возвышаетъ, усиливаетъ и быстро утверждаетъ новое государственное начало.

На дѣлѣ было иначе. Государственныя начала утверждались не такъ легко и не такъ скоро разрушали старый удѣльный порядокъ. Присоединеніе къ Москвѣ того или иного княжества часто было номинальнымъ или неполнымъ. Москва захватывала стольные города, но князья-вотчинники сохраняли за собою значительную часть своихъ наслѣдственныхъ владѣній. Они признавали верховную власть московскаго великаго князя, но сохраняли за собою часть суверенныхъ правъ на свои владѣнія. Становясь „слугами“ великаго князя, они все же оставались „князьями“. Съ другой стороны московскіе великіе князья (по отношенію къ населенію своихъ земель), отдѣляя своимъ сыновьямъ часть земель, вновь создавали новыя суверенныя и несуверенныя княжества. Но незначительные размѣры владѣній мѣшали многимъ князьямъ осуществлять въ полномъ объемѣ наслѣдственныя суверенныя права, и поставили ихъ въ зависимость отъ великихъ князей — полноправныхъ государей. Оставаясь государями въ предѣлахъ своихъ владѣній, они лишились политической самостоятельности и стали въ вассально-служебное подчиненіе къ великимъ князьямъ. Такіе „служебные князья“ являютъ яркія феодальныя черты. Б. Н. Чичеринъ давно уже замѣтилъ, что „служебный князь совершенно уподоблялся феодальному барону, который будучи обязанъ службою своему ленному господину, оставался вполнѣ независимымъ внутри своихъ владѣній“ („Опыты“, с. 339).

были свободны отъ поземельныхъ налоговъ; юрисдикція ихъ была почти не ограничена; свои земли они „жаловали“ монастырямъ въ отчины и своимъ служилымъ людямъ въ помѣстье. Пріобрѣтая къ старымъ вотчинамъ новыя, они и въ нихъ водворяли тѣ же порядки, хотя ихъ новыя земли не были ихъ родовыми и не могли сами по себѣ питать владѣльческихъ традицій“, „Очерки по исторіи смуты въ Моск. госуд.“ XVI—XVII вѣковъ, с. 132.

Вся Сѣверо-Восточная удѣльная Русь XIV—XV вв. была раздѣлена на массу крупныхъ и мелкихъ княжескихъ владѣній. Въ изслѣдованіи А. В. Экземплярскаго описано великое множество владѣтельныхъ князей московскихъ, тверскихъ, рязанскихъ, суздальско-нижегородскихъ, ярославскихъ, углицкихъ, бѣлозерскихъ, стародубскихъ, галицкихъ, серпуховскихъ. Изъ нихъ немногіе, „великіе князья" были настоящими независимыми государями: удѣльные князья были нѣсколько ограничены въ своемъ суверенитетѣ, будучи лишены права самостоятельныхъ политическихъ сношеній; наконецъ, многочисленные „служебные князья"—позднѣйшіе „княжата" обладали только полусуверенными правами, приближаясь къ крупнымъ иммунитетнымъ вотчинникамъ. Въ результатѣ мы находимъ въ удѣльной Руси то же крайнее раздробленіе суверенныхъ правъ среди крупныхъ землевладѣльцевъ; рядомъ съ иммунитетными вотчинниками-баронами, находимъ пользующихся въ различной степени суверенными правами князей-сеньеровъ.

Въ числѣ другихъ суверенныхъ правъ наши удѣльные князья-феодалы пользовались и правомъ чеканки монеты, о которомъ всѣ вспоминаютъ, разсуждая о феодализмѣ. Среди нашихъ древнихъ монетъ встрѣчаются деньги, выбитыя мелкими служебными князьями. Въ тверскомъ музеѣ хранятся монеты, мѣдныя и серебряныя, съ надписями „Денга Городѣск., Городецко, Городиьск." Эти городенскія или городецкія деньги чеканены были, какъ полагаютъ, одними изъ самыхъ незначительныхъ тверскихъ удѣльныхъ князей, а именно князьями старицкими или городенскими (столица удѣла—въ Старицѣ, нынѣшнемъ уѣздномъ городѣ тверской губерніи) [1]). Извѣстны и другія не великокняжескія серебряныя и мѣдныя деньги (пулы): кашинскія, микулинскія, спасскія и др. Іоаннъ III, разрушая феодальные порядки, завѣщалъ, чтобы въ удѣлахъ никто не чеканилъ монеты: „а сынъ мой Юрьи съ братьею по удѣломъ въ Московской землѣ и въ Тферской денегъ дѣлати не велятъ; а деньги велитъ дѣлати сынъ мой Василей на Москвѣ и во Тфѣри, какъ было при мнѣ" (№ 144, с. 397).

[1]) *А. К. Жизневскій.* „Монеты Городенскія или Городецкія": „Труды Моск. Нумизмат. Общ." 1893 г., I, с. 109—113. *А. Орѣшниковъ.* „Мат. къ русской нумизматикѣ до царскаго періода": „Труды М. Нумизм. общ.", 1901, т. II. *В. Уляницкій,* „Междукняж. отнош. въ Влад. Моск. княж.", с. 37, 47, ср. снимки монетъ въ VI вып. „Русскихъ Древностей" гр. Толстого и Кондакова.

Московскіе государи вели упорную вооруженную борьбу только съ большими „великими княжествами“. Мелкіе же князья и бояре подчинялись имъ большею частью безъ боя. Но если у насъ не было яркихъ проявленій борьбы феодаловъ съ государями, то все же нельзя не замѣтить, что эта борьба велась и у насъ такъ же, какъ на западѣ, съ древнѣйшаго времени до Іоанна Грознаго. Борьба съ княжатами Іоанна III, Василія III и Іоанна Грознаго теперь уже, главнымъ образомъ благодаря В. О. Ключевскому, хорошо изучена. Мы хорошо знаемъ, какъ во второй половинѣ XV вѣка Іоаннъ III „переставливалъ старые обычаи“, создавая единовластное московское царство на почвѣ феодальнаго многовластія и разъединенія удѣльнаго времени; мы знаемъ, какъ онъ отнималъ у княжатъ наслѣдственныя владѣнія, какъ онъ лишилъ ихъ права предводительствовать на войнѣ собственными княжескими полками; знаемъ, что его преемникъ Василій III отнималъ у княжатъ ихъ феодальные бурги—укрѣпленные городки-столицы ихъ удѣловъ; изъ изслѣдованія проф. Платонова мы знаемъ, что опричнина Іоанна Грознаго была завершеніемъ всѣхъ этихъ распоряженій его предшественниковъ; мы знаемъ теперь всю ту обстановку удѣльно-феодальныхъ порядковъ, которые вызвали у перваго царя болѣзнь, манію преслѣдованія, знаемъ, что его тираннія развилась на той же почвѣ, что и тираннія Людовика XI. Борьбѣ московскихъ государей съ княжатами предшествовала борьба московскихъ князей съ боярами. Юрій Долгорукій сгубилъ боярина Кучку; Василій Дмитріевичъ отнялъ земли у боярина Свибла. Князь Курбскій говоритъ: „обычай есть издавна московскимъ княземъ желати братій своихъ крови и губити ихъ, убогихъ ради и окаянныхъ вотчинъ, несытства ради своего“. Это замѣчаніе можно отнести не только къ борьбѣ съ княжатами, но и къ борьбѣ съ боярами.

Итакъ, у насъ велась по существу одинаковая съ западной борьба съ феодалами. Она отличалась отъ западной только тѣмъ, что наши феодалы не могли оказать стойкаго сопротивленія несоразмѣрно сильнѣйшимъ въ сравненіи съ ними великимъ князьямъ и московскимъ государямъ. Въ древнѣйшее время великіе князья легко сокрушали сильныхъ бояръ. Позднѣе московскіе государи также сравнительно легко сокрушали княжатъ. Въ то время, какъ на западѣ была борьба болѣе или менѣе равныхъ силъ, со всѣми

яркими послѣдствіями столкновенія равныхъ силъ, у насъ была менѣе видная борьба сильнѣйшаго съ слабѣйшимъ, съ быстрымъ каждый разъ пораженіемъ слабѣйшаго. При Іоаннѣ III можно замѣтить напряженность усилій московскаго правительства въ борьбѣ съ княжатами. Въ концѣ царствованія, однако, Іоаннъ III уже рѣшился на смертную казнь „высокоумничавшаго“ князя Семена Ряполовскаго-Стародубскаго. При Іоаннѣ же Грозномъ борьба превратилась всецѣло въ ожесточенное гоненіе, не оправдывавшееся болѣе обстоятельствами.

Мои выводы и наблюденія должны показаться совершенно неожиданными для большинства читателей, въ виду утвердившагося въ нашей наукѣ взгляда на полное своеобразіе русскаго историческаго развитія и коренное несходство древне-русскаго строя съ феодальнымъ. Въ своей работѣ, однако, я могъ не разъ, въ подтвержденіе важнѣйшихъ положеній, сослаться на мнѣнія предшествующихъ историковъ. Это показываетъ, что выводы мои отнюдь не оторваны отъ почвы нашей науки, какъ то можетъ показаться на первый взглядъ. Первые изслѣдователи, касавшіеся вопроса о феодализмѣ въ Россіи, смотрѣли на феодализмъ съ оставленной теперь точки зрѣнія, какъ на раздѣлъ страны между дружинниками-завоевателями. Дружинѣ франковъ, по ихъ мысли, соотвѣтствовала дружина варяговъ; раздѣлу земли—раздача городовъ мужамъ (дружинникамъ) первыми варяжскими князьями. Рюрикъ отдалъ въ „управленіе знаменитымъ единоземцамъ своимъ“ завоеванные города. „Такимъ образомъ,—писалъ Карамзинъ—вмѣстѣ съ верховною княжескою властію утвердилась въ Россіи, кажется, и система *феодальная, помѣстная* или *удѣльная*, бывшая основаніемъ новыхъ гражданскихъ обществъ въ Скандинавіи и во всей Европѣ, гдѣ господствовали народы германскіе. Монархи обыкновенно цѣлыми областями награждали вельможъ и любимцевъ, которые оставались ихъ подданными, но властвовали, какъ государи въ своихъ удѣлахъ“ [1]). Ту же мысль повторилъ Полевой [2]) и затѣмъ

[1]) „Ист. Гос. Росс.“, т. I, гл. IV, с. 70, изд. *Эйнерлинга*.

[2]) „Ист. русск. нар.“, т. I, с. 70—71 (1829). Варяги у насъ, какъ и вездѣ, „налагали иго тяжкаго военнаго деспотизма на покорявшіеся ихъ власти народы“. Владычество исключительно принадлежало варягамъ, „которые

Кавелинъ въ болѣе опредѣленной формулировкѣ: „система управленія, принесенная къ намъ варягами—Русью, была по всѣмъ вѣроятіямъ, дружинная, то-есть феодальная; князья, подчиненные великому князю кіевскому, находились въ вассальномъ отношеніи къ нему: но феодальная система у насъ не успѣла развиться и изъ личной обратиться въ территоріальную“ [1]).

Эти соображенія для моей работы дали очень мало. Взглядъ на феодализмъ, какъ на раздѣлъ завоеванной страны между дружинниками-завоевателями, давно оставленъ [2]). Феодализмъ,

---

признавали власть варяга, дѣлавшагося властителемъ страны, но не получавшаго надъ товарищами безусловнаго начальства“. (Слово „феодализмъ“ стоитъ только въ оглавленіи къ этимъ страницамъ). „Феодализмъ, гибельный и страшный для государей и подданныхъ, во всей Европѣ тогдашней былъ причиною дѣлежа областей наслѣдникамъ“: т. I, с. 275. „Феодализмъ вездѣ переходилъ въ систему удѣловъ, гдѣ монархія могла побѣждать его“ т. II, с. 38, примѣч. Въ *системѣ удѣловъ*, обладаемыхъ членами одного семейства, подъ властію старшаго въ родѣ, Полевой видѣлъ *„феодализмъ семейный“*: т. II, с. 37—38 (1830). Ср. *П. Н. Милюковъ*, „Главн. теч. р. ист. мысли“, с. 350.

[1]) *К. Д. Кавелинъ*, „Собр. сочиненій“ т. I, с. 164—166. *А. Лакіеръ*, „О вотчинахъ и помѣстьяхъ“ (1848): „великій князь былъ обладателемъ всей земли, дружинники получали отъ него земли въ лен за услуги, ими государству оказанныя, а частной собственности на не движимыя имѣнья, на земли мы не видимъ: но элементъ дружинный, принесенный къ намъ извнѣ, сродившій насъ на время съ понятіями чуждыми, съ феодализмомъ, не могъ долго удержаться во всей чистотѣ въ нашемъ отечествѣ... Мало по малу горсть пасельниковъ уступила коренному народонаселенію,—мѣсто феодализма и раздачи городовъ мужамъ занялъ раздѣлъ земли между членами Великокняжескаго рода“ (17—18). *Лакіера* оспаривалъ *А. Клевановъ*. „О феодализмѣ на Руси“: „Чтен. Общ. Ист. и Др. Росс.“, 1848, № 9.

[2]) Въ то время, сравнивая наше историческое развитіе съ западнымъ, главное вниманіе обращали на завоеваніе. Большинство видѣло главное отличіе русской исторіи въ томъ, что на западѣ въ началѣ развитія было завоеваніе страны иноплеменной дружиной, а у насъ было призваніе князей. *Соловьевъ* отвергалъ значеніе завоеванія, указывая на Германію, гдѣ, въ противоположность Франціи и Англіи и такъ же, какъ у насъ, не было завоеванія (кн. I, 268). *Чичеринъ* же, хотя и смотрѣлъ на феодализмъ съ нашей точки зрѣнія, но все-таки признавалъ значенія завоеванія: вотчинныя права князей, по его мнѣнію, коренились въ завоеваніи. („Опыты“, 286).—Та же идея о завоеваніи, какъ исходномъ пунктѣ историческаго развитія, положена, въ нѣсколько переиначенномъ видѣ, въ основу работы *М. Затыркевича*. Авторъ, желая показать, что наша исторія шла

какъ особая система лешныхъ и иммунитетахъ отношеній, развивается послѣ дружиннаго періода.

Съ этой именно точки зрѣнія на феодализмъ сравнивали русскія учрежденія съ феодальными Б. Н. Чичеринъ и Соловьевъ, и многія наблюденія ихъ сохранили все свое значеніе до нашего времени.

Чичеринъ утверждалъ, что „славянскій міръ и западный при поверхностномъ различіи явленій представляетъ глубокое тожество основныхъ началъ своего быта". Онъ мѣтко выразилъ въ общей формулѣ это тожество основныхъ началъ жизни Руси и Запада въ средніе вѣка. Эти начала опредѣляются господствомъ личныхъ договорныхъ отношеній, противоположныхъ позднѣйшимъ отношеніямъ территоріальнаго государства. „Понятія о постоянной принадлежности къ обществу, какъ къ единому цѣлому, о государственномъ подданствѣ вовсе не было; вмѣсто государя и подданныхъ мы видимъ только лица, вступающія между собою въ свободныя обязательства" („Опыты", 343). Общественною связью служило либо имущественное начало—вотчинное право землевладѣльцевъ, либо свободный договоръ, либо личное порабощеніе одного лица другимъ". Эти отношенія Чичеринъ, слѣдуя Байцу, объединяетъ въ понятіяхъ „частное право", „гражданскій союзъ". „Отношенія родственныя, договорныя, имущественныя, однимъ словомъ, частное право, сдѣлались

совершенно тѣмъ же путемъ, какъ на западѣ, на основѣ борьбы племенъ и сословій, разсуждаетъ о „борьбѣ осѣдлаго населенія съ кочевыми народами", о „возстаніи бояръ и посадскихъ людей" (гл. VII) и о „возстаніи городовъ" (гл. VIII) въ домонгольскій періодъ. Въ заключеніе онъ кратко касается порядковъ удѣльной, сѣверо-восточной Руси. „Союзническое дружинное государство", образовавшееся вслѣдствіе завоеванія, переходитъ у насъ, какъ и повсюду, въ „государственный строй феодальный, основанный на господствѣ сельскаго землевладѣльческаго дворянства" (с. 201). Въ сѣверо-восточной Руси у насъ являются „мелкопомѣстные служилые люди", и земля раздѣляется на множество княжествъ; такимъ образомъ возникаетъ „феодально-конфедеративная монархія" (351). „Съ переходомъ всего мелкопомѣстнаго служилаго сословія подъ непосредственную власть Великаго Князя Московскаго, Московское княжество изъ феодально-конфедеративной монархіи обратилось въ феодально-служилую монархію" (353): „О вліяніи борьбы между народ. и сослов. на образов. р. госуд."; „Чтен. М. Общ. Ист. и Др." 1873, кн. I—III.

основаніемъ всего быта... Такъ произошелъ союзъ гражданскій, образовавшійся изъ столкновеній и отношеній личностей, вращающихся въ своей частной сферѣ" (368). Эти отношенія одинаково господствуютъ какъ въ средневѣковой Россіи, такъ и на феодальномъ западѣ; „форма гражданскаго общества въ извѣстную эпоху была общимъ достояніемъ всѣхъ новыхъ народовъ: въ средніе вѣка мы видимъ ее на западѣ точно такъ же, какъ у насъ". Основы порядка были одинаковы у насъ и на западѣ; но тожественныя съ западными отношенія у насъ отличались шаткостью: „особенностью древней Руси была шаткость всѣхъ гражданскихъ отношеній, шаткость, происходившая отъ недостатка исторической гражданственности, какую западно-европейскимъ народамъ завѣщалъ Римъ, такъ и отъ самой природы страны, степной, скудной, малонаселенной, способствовавшей кочеванію" (365) [1]).

Изучая детально удѣльный періодъ, Б. Н. Чичеринъ сдѣлалъ нѣсколько вѣрныхъ сопоставленій русскихъ порядковъ съ феодальными. Такъ, напримѣръ, онъ вѣрно отмѣтилъ феодальныя черты положенія нашихъ служебныхъ князей. „Служебный князь *совершенно* уподоблялся феодальному барону, который, будучи обязанъ службою своему ленному господину, оставался вполнѣ независимымъ внутри своихъ владѣній" (339). Такъ, онъ отмѣтилъ существованіе у насъ такой же іерархической лѣстницы землевладѣльцевъ, какъ въ феодальномъ мірѣ на западѣ (84). Но такихъ наблюденій въ его распоряженіи было еще слишкомъ немного, чтобы, не ограничиваясь общимъ сравненіемъ существа русскаго и западнаго порядковъ, выяснить тожество ихъ основъ [2]).

---

[1]) По *Чичерину* преувеличиваетъ значеніе этой шаткости. Онъ противопоставляетъ ее какъ русскую особенность крѣпости, прочности западныхъ феодальныхъ отношеній. Эти послѣднія также не отличались особой прочностью и болѣе окрѣпли только въ концѣ феодальнаго времени. Относительно непрочности вассальныхъ договоровъ на западѣ я уже говорилъ. И здѣсь отмѣчу противъ *Чичерина* только его же собственныя слова: „*Во Франціи*... въ средніе вѣка *существовала такая разрозненность*, какъ можетъ быть ни въ какомъ другомъ западно-европейскомъ государствѣ... *Въ древней Россіи разрозненность и шаткость отношеній существовали еще въ большей степени*, личная независимость, которая выражалась въ правѣ отъѣзда, была еще сильнѣе развита, нежели во Франціи" (357—358).

[2]) Наибольшее значеніе для моей темы имѣютъ „Опыты", но не введеніе къ диссертаціи „Областныя Учрежденія", гдѣ *Чичеринъ* даетъ общее

Поэтому его общая параллель между учрежденіями Руси и феодальнаго запада оказалась неудачной. Задавшись цѣлью выяснить въ этой параллели „глубокое тожество основныхъ началъ быта“ русскаго и западнаго, Б. Н. Чичеринъ, сравнивая отдѣльныя учрежденія, пришелъ къ выводу, что на западѣ договоры были „прочными и потомственными“, а на Руси „временными и случайными“, что на западѣ во всѣхъ учрежденіяхъ выражался крѣпкій союзный духъ, а на Руси „каждая отдѣльная личность обособлялась въ своей частной сферѣ“. Въ результатѣ параллели получилось не тожество, а глубокое различіе такихъ основныхъ началъ быта, какъ союзность и индивидуальность, прочность и шаткость договорныхъ отношеній.

Къ цѣннымъ наблюденіямъ Чичерина Соловьевъ прибавилъ весьма важное указаніе на существованіе въ древней Россіи одного изъ основныхъ феодальныхъ институтовъ, патроната. Неволинъ разъяснилъ истинное значеніе нашихъ жалованныхъ грамотъ, давъ понять, что онѣ создавали у насъ феодальные иммунитеты. Любопытно, что Соловьевъ говорилъ о закладничествѣ-вассальствѣ и о закладничествѣ-феодализмѣ, главнымъ образомъ, въ статьяхъ, посвященныхъ западно-европейской исторіи, и не входилъ въ подробное обсужденіе вопроса о феодализмѣ въ Россіи. Неволинъ же поступилъ еще уклончивѣе; говоря о жалованныхъ грамотахъ, онъ даже не упомянулъ о существованіи

сравненіе русскаго развитія и западнаго. Объ эти работы не вполнѣ согласованы. Доминирующая идея въ опытахъ—сходство, во введеніи же—различіе. Оттѣняя феодальныя стороны русскихъ порядковъ, *Чичеринъ* нерѣдко останавливался на полдорогѣ, и самъ, какъ будто бы, не замѣчалъ ихъ феодальнаго значенія. Такъ, напр., правильно обрисовавъ положеніе служебнаго князя и указавъ, что рядомъ съ князьями „видными“ существовало множество князей самыхъ ничтожныхъ, которые, тѣмъ не менѣе, владѣя однимъ только городомъ, волостью или селомъ,—„были такіе же верховные владѣльцы своихъ земель, какъ и князья московскіе“ (261),—*Чичеринъ* не замѣтилъ, что эти ничтожные, но полусуверенные князья-слуги составили у насъ верхній слой сословія феодаловъ.—Такъ, далѣе, указавъ, что главной обязанностью бояръ, какъ и князей, была военная служба (359), *Чичеринъ* не отмѣтилъ этого существеннаго сходства бояръ съ вассалами.—Такъ, наконецъ, сопоставивъ частноправный взглядъ на должность (выражающійся во взяткахъ—наслѣдіи кормленій) съ такимъ же взглядомъ на западѣ (продажа должностей во Франціи) (362—363), *Чичеринъ* не сопоставилъ феодальной fief-office съ кормленіемъ.

тожественныхъ западно-европейскихъ иммунитетныхъ грамотъ. Между тѣмъ, что же другое, какъ не хорошо знакомый ему по трудамъ историковъ феодализма иммунитетъ, имѣлъ онъ въ виду, говоря, что на основаніи нашихъ жалованныхъ грамотъ „поземельный владѣлецъ получалъ многія права державной власти и становился въ своей вотчинѣ какъ бы княземъ“? [1]).

Недомолвки Соловьева и Неволина повели къ тому, что ихъ указанія на существованіе двухъ важныхъ феодальныхъ институтовъ: патропата и иммунитета въ древней Россіи были оставлены безъ всякаго вниманія послѣдующими историками; вмѣстѣ съ тѣмъ забыты были и цѣнныя наблюденія Б. Н. Чичерина. Мнѣніе о коренномъ отличіи русской древности отъ западно-европейской возобладало. Изслѣдователи, какъ будто, стали опасаться, какъ бы не ошибиться, увлекшись „обманчивой одинаковостью внѣшней оболочки“ (о чемъ предостерегалъ Кавелинъ, разбирая труды Чичерина). Градовскій началъ усиленно подчеркивать черты несходства между русскими порядками и феодальными. Недавно одинъ изъ виднѣйшихъ русскихъ историковъ, П. Н. Милюковъ, заявивъ, что основныя тенденціи историческаго процесса всюду одинаковы, построилъ свою работу по исторіи русской культуры на рѣзкомъ противоположеніи русскаго и западно-европейскаго историческаго развитія.

Между тѣмъ, хотя изслѣдованіе феодальныхъ отношеній въ Россіи и прекратилось, но въ нашей исторической литературѣ мало-по-малу накоплялись важныя данныя для пересмотра этого вопроса. Съ одной стороны, проф. Владимірскій-Будановъ въ своемъ „Обзорѣ исторіи русскаго права“ и проф. Леонтовичъ въ изслѣдованіи „Старый земскій обычай“ (1889) выяснили много тожественныхъ съ германскими славянскихъ правовыхъ учрежденій древнѣйшаго времени. Съ другой стороны, проф. Ключевскій, изслѣдуя позднѣйшую эпоху образованія московской государственности, обнаружилъ характерныя феодальныя черты нашихъ княжатъ, а также княжескаго землевладѣнія удѣльнаго времени, хотя онъ, слѣдуя примѣру Неволина, и не говорилъ ничего о феодализмѣ. Новѣй-

[1]) Также уклончиво поступилъ *В. Милютинъ*, сказавшій, что жалованныя грамоты создавали у насъ изъ монастырской вотчины „государство въ государствѣ“, и не упомянувшій о западномъ иммунитетѣ.

шіе историки, и въ особенности проф. Платоновъ, дальнѣйшимъ разъясненіемъ борьбы Іоанна Грознаго съ княжатами, еще болѣе оттѣнили картину разрушенія феодальныхъ порядковъ, опять-таки ничего не говоря о феодализмѣ. Большое значеніе имѣло также болѣе глубокое разслѣдованіе основныхъ началъ феодализма въ трудахъ новыхъ западныхъ историковъ, и болѣе отчетливое выясненіе основныхъ чертъ русскихъ учрежденій въ трудахъ проф Сергѣевича и другихъ русскихъ историковъ послѣдняго времени. Наконецъ, нѣкоторые изъ открытыхъ недавно актовъ дали новое освѣщеніе извѣстнымъ уже явленіямъ.

Вернувшись съ этими новыми пріобрѣтеніями нашей науки къ забытымъ мыслямъ историковъ 40-хъ и 50-хъ гг., я могъ обосновать ихъ, развить и дополнить. И мнѣ кажется, что я возбудилъ назрѣвшій вопросъ. Недавно, одинъ изъ новѣйшихъ изслѣдователей, Н. А. Рожковъ, ссылаясь въ отношеніи закладничества-патроната на мою работу, заявилъ, что „въ Московской Руси XVI вѣка были на лицо всѣ элементы, изъ которыхъ сложился средневѣковый феодальный строй: помѣстье-бенефицій, льготы-иммунитеты и закладничество-коммендація“. Въ то же время М. Ф. Владимірскій-Будановъ, который и раньше отмѣчалъ сходство нѣкоторыхъ русскихъ учрежденій съ феодальными, но въ неопредѣленныхъ выраженіяхъ, въ новомъ изданіи „Обзора исторіи русскаго права“, обсуждая ту же мою статью, и такъ же, какъ Рожковъ, обративъ вниманіе на московское государство, а не на удѣльную Русь, призналъ, что въ московскомъ государствѣ существовали „явленія кліентства и феодализма“, хотя они „не господствовали здѣсь, по крайней мѣрѣ ничѣмъ не опредѣляли существенныхъ основъ государственнаго и частнаго права въ *Москвѣ*“. Въ отношеніи Москвы, московскаго государства XVI—XVII вѣковъ, это совершенно справедливо, но я въ своихъ работахъ имѣлъ въ виду удѣльную Русь XIII—XV столѣтій, съ ея феодальными порядками, противоположными московскому государственному строю. Я не считаю, конечно, что вопросъ исчерпанъ. Я вполнѣ понимаю, какъ много еще предстоитъ работать на этомъ пути. Мнѣ приходятъ на память слова Рота, которые я поставилъ эпиграфомъ къ статьѣ о „Феодальныхъ отношеніяхъ въ удѣльной Руси“: „Für eine Zeit, in welcher die Quellen aus Fragmenten bestehen, wird niemand das allein Richtige gefunden zu haben

glauben. Ich bin ferne von dieser Meinung. Es genügt mir, wenn ich nachgewiesen habe, dass neben den bisher verfolgten Ansichten noch eine andere Darstellung der Verhältnisse möglich ist". Вомногомъ изъ того, что я выясняю выше, я не увѣренъ, что мое пониманіе единственно вѣрное. Но есть пункты, относительно которыхъ я болѣе увѣренъ, чѣмъ Ротъ: это тѣ, которыми устанавливается тожество основныхъ началъ строя удѣльной Руси и феодальной Европы.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Символизмъ въ древнемъ русскомъ правѣ.

Въ „Древностяхъ нѣмецкаго права“, изданныхъ въ 1828 году, Яковъ Гриммъ, указавъ, что въ Индіи до настоящаго времени употребляется та же самая юридическая обрядность ломанья соломы, въ знакъ заключенія договора, какая употреблялась въ германской древности и въ Римѣ,—счелъ нужнымъ оговориться, въ оправданіе своего сопоставленія, что въ такой общности формъ права индійцевъ, римлянъ и германцевъ нѣтъ ничего удивительнаго, такъ какъ и въ языкѣ, и миѳахъ этихъ народовъ обнаружено уже много совпаденій [1]).

Оговорка эта представляется очень устарѣлой въ наше время, когда сравнительная исторія права сдѣлала замѣтные успѣхи, когда вслѣдъ за возсозданіемъ арійскаго пра-языка и пра-миѳа начато изученіе пра-арійскаго права. Объекты изслѣдованія новой науки сравнительнаго права, твердо кристаллизировавшіеся юридическіе институты, даютъ возможность точныхъ сравненій, и они не менѣе опредѣленны и ясны въ своей основѣ, чѣмъ корни словъ, долгое время допускавшіе самыя произвольныя толкованія. Одно изъ главныхъ общихъ положеній этой науки, родство права арійскихъ народовъ, уже прочно установлено. Первые опыты выясненія первопачальныхъ арійскихъ основъ въ древнѣйшихъ учрежденіяхъ германцевъ, римлянъ, грековъ и индійцевъ, сдѣланные въ 70-хъ годахъ Мэномъ и Фриманомъ, дали блестящіе результаты. Въ послѣднее время Лейстъ въ книгахъ „Alt-arisches jus gentium“ и „Alt-arisches jus civile“ (1892) сдѣлалъ попытку возстановить основныя начала общей системы пра-арійскаго права путемъ сравненія учрежденій шести арійскихъ народовъ: индій-

[1]) *Jacob Grimm*, „Deutsche Rechtsalterthümer“, s. 604 (изд. 3-е, безъ перемѣнъ).

цевъ и персовъ, грековъ и римлянъ, германцевъ и славянъ. Работа его еще не разрѣшаетъ вопроса, и во многомъ скорѣе даетъ лишь программу будущихъ изслѣдованій. Но, кажется, уже недалеко то время, когда эта программа будетъ заполнена, когда сравнительное правовѣдѣніе достигнетъ такихъ же точныхъ выводовъ, какихъ въ короткое время достигло сравнительное языкознаніе, установитъ системы и основы развитія права не только арійской, но и другихъ расъ, и вмѣстѣ съ сравнительной экономической наукой дастъ твердыя основанія соціологіи.

Русскіе историки рѣдко пользовались сравнительнымъ методомъ, и у насъ господствуетъ представленіе о полномъ своеобразіи русскаго историческаго процесса вообще и въ частности о своеобразномъ развитіи русскаго права. Есть, однако, въ нашей древности одна область, въ которой русскіе порядки такъ разительно сходны съ нѣмецкими и другими, что наши историки, вопреки господствующему направленію нашей исторіографіи, не могли не остановиться на сравнительномъ ихъ изученіи. Это — область древнѣйшаго русскаго уголовнаго и гражданскаго права и судопроизводства. Это извѣстные, общіе многимъ народамъ, институты уголовнаго права: кровная месть, вира, денежныя пени за тѣлесныя поврежденія; въ судопроизводствѣ—испытаніе водой и желѣзомъ или ордаліи, поле-судебный поединокъ, сводъ, послухи-соприсяжники (conjuratores); въ гражданскомъ правѣ—покупка и умыканіе женъ, право родового выкупа земельной собственности, рабство неоплатнаго должника, право наслѣдства и проч. Сравнительному изученію ихъ посвящены спеціальныя монографіи Тобина, Шпилевскаго, Ведрова, Ѳ. И. Леонтовича и другихъ, и соотвѣтствующія главы общихъ курсовъ по исторіи русскаго права В. И. Сергѣевича и М. Ф. Владимірскаго-Буданова [1]).

[1]) *О мести, вирѣ и пеняхъ: Эверсъ*, „Древнее русское право“, с. 659—62. *Tobien*, „Die Blutrache nach altem russischen Rechte, verglichen mit der Blutrache der Israeliten und Araber, der Griechen und Römer und der Germanen“. Drp. 1840. *Иванишевъ*, „О платѣ за убійство въ древнемъ русскомъ и другихъ славянскихъ законодательствахъ, въ сравненіи съ германскою вирою“. Кіевъ, 1840. *Ведровъ*, „О денежныхъ пеняхъ по Русской Правдѣ, въ сравненіи съ законами салическихъ франковъ“, М. 1877 („Чт. О. Ист. и Др. Р.“). *В. И. Сергѣевичъ*, „Лекціи и изслѣдованія“, 1883, с. 445 и слѣд.—*О послухахъ: И. Ланге*, „Изслѣдованіе объ уголовномъ правѣ Русской Правды“,

Хотя все наше первобытное право въ общей его системѣ никѣмъ еще у насъ не изучалось сравнительно съ правомъ другихъ народовъ, хотя и по части сравнительнаго изученія отдѣльныхъ институтовъ—какъ показываетъ новая работа А. Н. Филиппова—сдѣлано еще очень немного [1]), но все же наши юристы-историки собрали достаточно данныхъ для признанія слѣдующихъ двухъ общихъ положеній, подтверждаемыхъ и систематикомъ арійскаго права Лейстомъ:

1) Сходство славянскаго и въ частности русскаго права съ германскимъ, латинскимъ и другими объясняется не заимствованіемъ, а общимъ арійскимъ происхожденіемъ, и сходное развитіе ихъ—дѣйствіемъ одинаковыхъ первобытныхъ условій жизни;

2) Славянское право, изъ всѣхъ арійскихъ правъ, наиболѣе родственно германскому [2]).

Спб. 1861. *Н. Л. Дювернуа*, „Источники права и судъ въ древней Россіи“, М. 1869. *Ѳ. И. Леонтовичъ*, „Старый земскій обычай“, Од. 1889 (Труды 6-го Археол. съѣзда въ Одессѣ, т. IV). — *Объ ордаліяхъ*: *М. Ф. Владимірскій-Будановъ*, „Обзоръ“, изд. 3, с. 647.—*О сводѣ*: *А. Н. Филипповъ*, „Начальныя стадіи процесса виндикаціи движимостей по leges barbarorum (и по Русской Правдѣ“); въ Сборникѣ статей, посвящ. *М. Ф. Владимірскому-Буданову*, Кіевъ, 1904.—*О правѣ убѣжища*: *В. И. Сергѣевичъ*, „Русск. Юрид. Древн.“, т. I, с. 104, (2-е изд., с. 114).—*О поручительствѣ*: *Ѳ. Устряловъ*, „Изслѣдов. псковской судной грамоты“, Спб. 1855, с. 28—34 (сходство поручительства съ Gesammtbürgschaft *Устряловъ* объясняетъ заимствованіемъ, германскимъ элементомъ).—*Покупка и похищеніе женъ*: *В. Н. Татищевъ*, „Исторія Россійская“, кн. I, ч. II, М. 1769, с. 586—590 (сравненіе съ еврейскимъ, римскимъ, греческимъ, башкирскимъ народами). *С. М. Шпилевскій*, „Семейныя власти у древнихъ славянъ и германцевъ“, Каз. 1869, с. 21—45. — *Право родового выкупа*: *К. Неволинъ*, „Истр. русс. гражд. законовъ“, т. III, § 415. *И. Н. Дебольскій*, „Гражд. дѣеспособность по русскому праву“, Спб. 1903, с. 284–289.—*Рабство неоплатнаго должника*: *B. W. Leist*, „Alt-arisches jus civile“, т. II, с. 304, 309, 364 и др. (по Русской Правдѣ).—Я даю здѣсь только нѣкоторыя главнѣйшія указанія.

[1]) Статья въ Сборникѣ, посвященномъ *М. Ф. Владимірскому-Буданову*, см. предыдущее примѣчаніе.

[2]) *B. W. Leist*, „Alt-arisches jus civile“, т. II, с. 232: „Insbesondere steht das Altrussische dem Germanischen nach“. — *Ѳ. И. Леонтовичъ* придаетъ главное значеніе ступени развитія, утверждая, что „тождественныя явленія въ юридической жизни всякихъ первичныхъ обществъ“ — „коренятся въ одномъ источникѣ—одинаковой природѣ и свойствахъ народовъ, стоящихъ на первыхъ ступеняхъ развитія“: „Ист. русск. права“, Од. 1869, с. 83.

Эти положенія подтверждаются и при изученіи символизма или формализма древняго русскаго права, который составляетъ предметъ этой статьи.

Въ германскомъ правѣ символическія обрядности имѣли большое значеніе; онѣ внимательно изучались и нѣкоторыя изъ нихъ пользуются широкой извѣстностью, какъ напримѣръ, обрядность инвеституры—символическая передача вѣтки, посоха или знамени при пожалованіи лена. Въ нашемъ древнемъ правѣ символизмъ также былъ весьма развитъ, но изъ древнихъ обрядностей болѣе или менѣе извѣстны развѣ только тѣ, которыя сохранились въ обычномъ правѣ, какъ, напримѣръ, рукобитье, и историки нашего права мало занимались изученіемъ его древнихъ символовъ.

Въ 20-хъ годахъ напечатаны были двѣ небольшія статьи о нѣкоторыхъ обрядностяхъ и главнымъ образомъ объ обходѣ межи съ дерномъ на головѣ: статьи митрополита Евгенія „О разныхъ родахъ присягъ у великоруссовъ“ и М. Н. Макарова, „Древнія и новыя божбы, клятвы и присяги русскія“ [1]). Затѣмъ, въ 1839 г. профессоръ Калмыковъ произнесъ на актѣ Петербургскаго университета рѣчь „О символизмѣ права вообще и русскаго въ особенности“. Позднѣе, въ 60-хъ годахъ о нѣкоторыхъ символахъ, въ связи ихъ съ миѳическими вѣрованіями, писалъ Буслаевъ, въ различныхъ статьяхъ (см. ниже), и Афанасьевъ въ „Поэтическихъ воззрѣніяхъ славянъ на природу“ (1865), въ 80-хъ годахъ—М. Кулишеръ въ „Очеркахъ сравнительной этнографіи и культуры“ (1887). Описаніе различныхъ обрядностей, сохранившихся въ обычномъ правѣ, дѣлалось неоднократно этнографами-юристами; изъ историковъ же права сообщаютъ о нихъ нѣкоторыя свѣдѣнія очень немногіе, какъ Шпилевскій и Ѳ. И. Леонтовичъ [2]).

Въ общихъ курсахъ по исторіи права профессоровъ Сергѣевича и Владимірскаго-Буданова о символахъ встрѣчаемъ лишь бѣглыя, случайныя упоминанія. Авторитетный же авторъ „Исторіи россій-

[1]) „Труды и записки общества ист. и древн. россійскихъ“, ч. III, кн. I, М. 1826, и ч. IV, кн. I, 1828.

[2]) Въ „Исторіи русскаго права“ *Ѳ. И. Леонтовичъ* писалъ, что „символизмъ господствовалъ въ старое время въ правѣ славянъ, какъ и другихъ народовъ“, и кратко отмѣтилъ символы покоры, рукобитья, передачи дерна, постриговъ (с. 89). Въ „Старомъ земскомъ обычаѣ“ онъ описалъ литки и рукобитье (с. 61).

скихъ гражданскихъ законовъ" категорически отрицалъ, чтобы русскому праву присуща была германская символика: „Ничѣмъ нельзя доказать, писалъ Неволинъ, чтобы для удостовѣренія рѣшительно изъявленной воли у насъ употреблялись какія-нибудь символическія дѣйствія, или были произносимы торжественно какія-нибудь слова; историческіе памятники не представляютъ слѣдовъ ни того, ни другого" [1]).

Въ настоящей статьѣ, показывающей ошибочность категоричнаго заявленія Неволина, я свожу вмѣстѣ разрозненныя наблюденія прежнихъ изслѣдователей и дополняю ихъ нѣкоторыми новыми цитатами изъ историческихъ памятниковъ. Что касается современнаго обычнаго права, въ которомъ живетъ такъ много старины, то я ограничиваюсь лишь нѣкоторыми трудами изъ его обширнѣйшей литературы, не имѣя въ виду дать исчерпывающаго изслѣдованія о нашихъ юридическихъ символахъ.

1. *Дернъ*. Обозрѣніе символовъ начинаю съ дерна, который употреблялся у насъ, какъ о томъ свидѣтельствуютъ многочисленныя извѣстія, въ различныхъ обрядностяхъ, и при особой присягѣ въ межевыхъ тяжбахъ, и въ собственно юридической обрядности, при передачѣ права собственности.

О присягѣ на межѣ, или объ обходѣ межи съ дерномъ на головѣ имѣется рядъ ясныхъ извѣстій съ XI до XIX вѣка. Прежде всего приведу извѣстія позднѣйшія, какъ наилучше разъясняющія смыслъ этой присяги.

Въ статьѣ, напечатанной въ 1828 г., М. Н. Макаровъ разсказалъ, что въ Рязанской губерніи, близъ города Сапожка онъ „видѣлъ простолюдина, который, оспаривая принадлежность луга, съ отчаяніемъ вырѣзалъ дернину, положилъ ее себѣ на голову и оградясь крестомъ клялся предъ спорющими и свидѣтелями, что если покосъ не принадлежитъ ему, тогда сама мать родная земля прикроетъ его на вѣки" [2]). Обходъ межи съ дерномъ на головѣ не такъ давно наблюдался въ Олонецкой губерніи, въ Каргопольскомъ уѣздѣ. По сообщенію 1878 г., здѣсь при спорахъ о границѣ, одинъ изъ спорящихъ говоритъ: „пусть разсудитъ насъ мать сыра

[1]) *К. Неволинъ*, „Ист. русск. гражд. закон.", 1851, т. II, § 232, с. 44.

[2]) „Древнія и новыя божбы и пр.": „Труды общ. ист. и древн. росс.", ч. IV, т. I, с. 197.

земля", затѣмъ вырываетъ кусокъ дерна съ землею, кладетъ его на голову и идетъ по межѣ [1]).

Объ употребленіи этого обряда въ петровское время разсказываетъ въ „Книгѣ о скудости и богатствѣ" Посошковъ: „иные, забывъ страхъ Божій, взявъ въ руки святую икону и на голову свою положа дернину, отводятъ землю". Вполнѣ вѣря въ страшную силу этой присяги, Посошковъ замѣчаетъ: „много и того случается, еже отводя зомлю и неправдою межу полагая, и умирали на межѣ" [2]).

Нѣсколько извѣстій о томъ же обрядѣ находимъ въ актахъ XVII вѣка. Такъ, напримѣръ, въ межевой записи 1667 г. читаемъ: Пронка Завьяловъ „положа дернъ на голову и взявъ образъ Пречистыя Богородицы, и при сторонних людяхъ розшелъ землю и сѣнные покосы и всякія угодья" [3]). Въ судномъ дѣлѣ 1630 г. и истецъ и отвѣтчикъ (представители монастырей Троицкаго Сергіева и Троицкаго же Данилова) соглашаются рѣшить споръ о межѣ „иконнымъ хожденіемъ съ дерномъ", и выбираютъ крестьянъ, которымъ „вѣрятъ": землю и всякія угодья „отводить съ образомъ и съ дерномъ". Судьи приговорили: „по которому мѣсту, тотъ крестьянинъ (Данилова монастыря) пойдетъ съ образомъ и съ дерномъ, велѣли столбы ставить, и грани тесать, и у столбовъ ямы копать, и въ нихъ признаки класть, и велѣли тѣ межи въ межевыя книги написать впередъ для спору" [4]).

Любопытное указаніе на исконную древность обряда присяги

---

[1]) *Г. Соколовъ*, „Судья-земля": Сборн. пар. юридич. обычаевъ, подъ ред. *П. Матвѣева*, т. I, 1878, с. 18 („Зап. Имп. русск. геогр. общ. по отд. этнографіи", т. VIII).

[2]) Сочиненія *И. Посошкова*, 1842, с. 193.

[3]) Акты относ. до юрид. быта, т. II, с. 453, № 153, II.—Въ разъѣзжей грамотѣ до 1462 г.: Микула Парфеньевъ поималася за деревню, землю и новины, „и дернъ рѣзалъ, и за людъ далъ, и вонменовалъ на тѣ земли знахоря": *Д. Мейчикъ*, Грамоты XIV—XV вв., 1883, с. 109. Таже грамота у *Оед.-Чех.*, I, № 8, с. 5.—„И тѣ крестьяне, взявъ образъ Пречистые Богородицы *да земли на плеча*, и по спорной землѣ.... съ образомъ по межамъ ходили и *землю на себѣ носили*", 1621 г. „Чт. О. И. Др.", 1896, кн. III, смѣсь, с. 12.—„И онъ, Лукашко, взялъ образъ и *положа дернъ на голову*.... повелъ направо внизъ Резановскимъ буяракомъ"—тамъ-же, 1899 г., кн. II, стр. 28.

[4]) Акты гражд. расправы *Оедотова-Чеховскаго*, т. II, № 100, стр. 323, 325.

съ дерномъ на головѣ находимъ въ относящемся къ XI вѣку переводѣ словъ Григорія Богослова; славянскій переводчикъ сдѣлалъ въ свой переводъ вставку о славянскихъ языческихъ суевѣріяхъ, въ которой между прочимъ говоритъ: „а инъ градъ чтетъ, онъ же, дрьнъ въскроущь (выкроенный) на главѣ покладая, присягу творить“ [1]).

Искорененія языческія суевѣрія, церковь рано начала возставать противъ присяги съ дерномъ, требуя замѣны ея присягой съ иконою, и правительство, послушное церкви, приказываетъ въ XVI вѣкѣ въ спорѣ о землѣ „межу разойти съ образомъ“ [2]). Уложеніе 1649 г. точно также предписываетъ: „на спорныхъ земляхъ истцу съ отвѣтчикомъ учинити вѣра, образовое хоженіе“ и „спорную землю съ образомъ отвести“ [3]). Но древній обрядъ оказался весьма живучимъ и церкви удалось достигнуть лишь компромисса между языческой и христіанской присягой: беря въ руки образъ, отводчики по старинѣ клали на голову дернъ. Этотъ обычай уцѣлѣлъ, какъ указано выше, не только до петровскаго времени, но и до XIX столѣтія.

Каково происхожденіе этой присяги? Заимствована она откуда-нибудь, представляетъ ли собою спеціально славянскій или русскій обычай, или же древнее арійское наслѣдіе славянъ? Первая

---

[1]) *А. Будиловичъ*, „XIII словъ Григорія Богослова, въ древне-славянскомъ переводѣ“. С.-Пб. 1875, с. 243 (изд. „Отд. русск. яз. и слов. Имп. акад. наукъ“).

[2]) „Русская историч. библ.“, т. XIV, с. 821: суднос дѣло 1598 г.

[3]) Уложеніе, гл. X, ст. 236 и 237.—Присяга съ дерномъ устранялась въ тѣхъ случаяхъ, когда одною изъ сторонъ являлись митрополичьи или монастырскія власти: „И судья (митрополичъ намѣстникъ) вопросилъ Оофана и его товарищевъ: всхотите-ли по Пречистой земли отвести? И Оофанъ тако рекъ: Мы, господине, образъ Пречистыя возьмемъ и землю отведемъ“ (1518, А. Юрид. № 16, с. 30).—„Игуменъ тако рекъ: крестъ, господине, цѣлую, и на поле съ ними бится лѣзу и съ иконою иду“ (1530, А. Юрид. № 18, с. 37). — Судья присудилъ старожильцамъ Ферапонтова монастыря: „идти съ иконою по межѣ и спорную землю отвести“ (1534, № 20, с. 46).— Въ тяжбѣ съ патріаршими крестьянами: „въ спорной землѣ помирилися полюбовно, безъ образоваго хоженія“ (1600, А. юрид. быта, II, № 155, IV). — Любопытно, что старцы Волоколамскаго монастыря въ концѣ XVI вѣка протестовали и противъ образоваго хожденія: „чего, государь, не ведется, что иноческому чину земля велѣти отводити съ образомъ“ (А. Юрид. № 32, с. 83).

мысль у насъ всегда мысль о заимствованіи. Митрополитъ Евгеній, нашедшій въ писцовой книгѣ Вологодской губерніи упоминаніе о томъ, какъ монастырскій служка обходилъ спорную пожню, „положа себѣ земли на голову", высказалъ предположеніе, что „сей родъ народной присяги, вѣроятно, заимствованъ отъ какого-нибудь сѣвернаго идолопоклонническаго народа, и можетъ быть отъ зырянъ, населяющихъ большую часть Сольвычегодскаго уѣзда Вологодской губерніи, или отъ предковъ ихъ пермяковъ" [1]). Идолопоклонническіе зыряне и пермяки, однако, тутъ не при чемъ, такъ какъ присяга съ дерномъ отнюдь не составляетъ особенности Сольвычегодскаго уѣзда, а распространена была и въ южной Россіи, и при томъ еще въ XI вѣкѣ, до сближенія русскихъ съ сѣверными инородцами.

Одинаковый съ русскимъ обрядъ присяги подъ дерномъ, и при томъ такъ же, какъ у насъ, въ спорѣ о межѣ, встрѣчается въ одномъ изъ венгерскихъ актовъ 1360 г.: „Ѳома и Михаилъ Ханы, разувшись и распоясавшись, *и положивъ на голову глыбу земли*, по существующему обычаю клясться землею, поклялись, что та самая земля, которую они обошли и отвели вышеуказанными межами, отъ первыхъ до послѣднихъ, есть земля владѣнія ихъ „Полянка" и къ ней принадлежитъ" [2]). Такой же обрядъ употреблялся въ Силезіи, гдѣ онъ даже узаконенъ былъ Оппельнскимъ земскимъ уставомъ 1562 г.: „крестьяне должны раздѣться до рубахи, стать на колѣни въ ямѣ, вырытой на одинъ локоть въ глубину, *держать на головѣ дернъ*, не имѣть при себѣ ни ножа, ни оружія, и такимъ образомъ произносить присягу" [3]).

Оба эти извѣстія, и венгерское, и силезское, нельзя принимать за доказательство распространенности обряда и у венгровъ, и у нѣмцевъ, такъ какъ оба они относятся, повидимому, къ славянскому населенію. Силезія была издревле славянской землей. Венгерскій же актъ, о межахъ „Полянки" (Polianka) и о тяжбѣ

[1]) *Митр. Евгеній*, „О разныхъ родахъ присягъ у великоруссовъ", 1826 (смотри прим. выше).

[2]) „Thomas et Michael Chapy discalceatis pedibus, resolutis cingulis, glebam terrae super capita sua ponendo, ut moris est super terram jurare, jurassent in eo ut ipsa terra"... *Jacob Grimm*, „Deutsche Rechtsalterthümer", 3 изд., с. 120.

[3]) *Аѳанасьевъ*, „Поэтич. воззр. слав.", т. I, с. 143.

между „Михаломъ и Ѳомой Хапами", также, повидимому, касается славянъ (гдѣ-нибудь на границахъ Чехіи или Галиціи). Приведенныя извѣстія цѣнны лишь, какъ свидѣтельства распространенности одинаковаго съ русскимъ обряда у другихъ славянскихъ племенъ.

Гриммъ не нашелъ обряда присяги подъ дерномъ у германскихъ племенъ, за исключеніемъ скандинавовъ. Въ скандинавскихъ сагахъ часто упоминается о *хожденіи подъ дерномъ* и *вырѣзываніи дерна*. Торжественная присяга подъ дерномъ употреблялась при побратимствѣ. Вырѣзывали длинную полосу дерна, втыкали въ землю копье и клали на него полосу дерна такъ, чтобы оба конца ея свѣшивались по сторонамъ до земли. Побратимы проходили подъ дерномъ, кололи себѣ подошву или руку, чтобы кровь смѣшалась съ землею, потомъ надали на колѣни и клялись во взаимной вѣрности [1]). — Существованіе обряда присяги *подъ дерномъ только* у скандинавскихъ племенъ можетъ вызвать предположеніе, что этотъ обрядъ былъ заимствованъ русскими у варяговъ. Но этому предположенію противорѣчитъ: 1) тотъ фактъ, что обрядъ этотъ былъ свойственъ и другимъ славянскимъ племенамъ, 2) существенное несходство обрядовъ, скандинавскаго и русскаго, у скандинавовъ проходили подъ дерниной, возложенной на копье, у насъ же клялись и обходили межу съ дерномъ на головѣ; при заимствованіи обрядъ не могъ бы такъ существенно измѣниться.

У германцевъ дернъ также часто употреблялся, въ качествѣ символа, но съ другимъ значеніемъ и въ другой обрядности. Передачей куска дерна закрѣпляли переходъ участка земли во владѣніе другого лица. Дернъ, вырѣзанный изъ земли имѣнья, употреблялся въ качествѣ его символа, при передачѣ его въ собственность или въ залогъ. Кусокъ дерна также приносили въ судъ при спорахъ о землѣ, и судья передавалъ этотъ кусокъ тому лицу, которому онъ присуждалъ спорную землю; въ такомъ же

[1]) *J. Grimm*, „D. Rechtsalt.", с. 118, 119. *Дернъ* назвался torfa и jardarmen (Erd-Streife); обрядъ назывался: gänga undir jardar-men (проходить подъ дерномъ).—Прохожденіе подъ дерномъ употреблялось также для испытанія виновнаго (какъ бы Божій судъ): виновный не могъ пройти благополучно подъ полосой дерна, она должна была его уличить, оборвавшись и задѣвъ его (тоже, с. 110).

значеніи вмѣстѣ съ дерномъ пользовались вѣткою дерева. Въ нѣмецкихъ актахъ сохранилось много упоминаній о передачѣ земли „по обычаю саксонскаго закона съ дерномъ земли и зеленою вѣткою дерева“, о „закрѣпленіи сдѣлки съ вѣткою и дерномъ по народному обычаю и обряду“ [1]). Употреблялись и особыя выраженія: „передать посредствомъ травы или земли“ (tradere per herbam vel terram) и *„передать съ дерномъ“* (cum *cespite* firmiter *tradidit*).

Въ нашихъ купчихъ постоянно встрѣчается выраженіе, точно соотвѣтствующее только что приведенному: *cum cespite tradere*, а именно *продать одерень*, и указывающее на продажу съ обрядностью передачи дерна.

Въ древнѣйшихъ купчихъ XIV, XV вѣковъ формула пишется такъ: „а купи собѣ одерень и своимъ дѣтемъ“; „а купиша святому Михаилу одерень“; „а купилъ я собѣ и своимъ дѣтямъ одерень“. [2]).

Такъ какъ обрядъ передачи дерна прочно укрѣплялъ право собственности новаго владѣльца, то выраженіе „продать одерень“, имѣвшее первоначально реальное значеніе (tradere cum cespite), скоро получило отвлеченный смыслъ прочной ненарушимой сдѣлки. Въ позднѣйшихъ купчихъ XVI вѣка соотвѣтственно этому измѣняется и самое слово: въ нихъ писали уже *продать въ дернь*, въ смыслѣ: продать вѣки, впрокъ, безъ выкупа [3]).

Какая-то особая обрядность съ дерномъ употреблялась у насъ

---

[1]) Secundum morem Saxonicae legis *cum terrae cespite* et viridi ramo arboris.—Cum ramo et *cespite* jure rituque populari idem sancitum est rationabiliterque firmatum.—*J. Grimm*, 112, 113.

[2]) *А. Шахматовъ*, „Изслѣдов. о двинскихъ грамотахъ XV вѣка“, С.-Пб 1903, №№ 109, 40, 57. Тоже, А. Юрид. № 71. В большей части грамотъ „одерень“, но иногда одернь (XVIII), одирнь (XIX), одерьнь (XXVIII), рѣдко: „А купилъ собѣ въ одерень и своимъ дѣтемъ“ (XXVIII, XXX). Изрѣдка эта формула замѣняется другой: „а купилъ собѣ и своимъ дѣтямъ *вѣки*“. „А купили вѣки святому Михаилу“ (XXXVII). Встрѣчается одинъ, два раза: „а купи собѣ одерень и своимъ дѣтямъ въ вѣки“ (XXI), одерень и вѣки (X).

[3]) „Продалъ въ дернь безъ выкупа и въ вѣки“: А. Юрид. № 87, (1571).—„Ино ся наша купчая въ купчую и отводная въ дернь безъ выкупа“ (№ 86, 1568).—„А продали есмя и отступились въ дернь, безъ выкупа“ (№ 95, 1596).

также при продажѣ людей въ холопство. Присяга подъ дерномъ могла употребляться не только въ земельныхъ тяжбахъ (съ которыми она связывалась естественнѣе всего), но и въ дѣлахъ, не имѣвшихъ никакого отношенія къ землѣ; такъ, въ Скандинавіи присягали подъ дерномъ, какъ символомъ земли, побратимы, присягали на судѣ и должники по требованію кредитора. Подобно этому, у насъ присягали подъ дерномъ люди, продававшіеся въ холопство.

Въ Кормчей книгѣ есть слѣдующая статья, по всей видимости, русскаго происхожденія: „Аще ся дастъ человѣкъ или женщина у тошна [1]) времени, *дернъ ему ненадобь*. А пойдетъ прочь, да дастъ 3 гривны, а служилъ даромъ“ [2]).

Общій смыслъ этой статьи ясенъ: она говоритъ о человѣкѣ, отдающемся въ услуженіе (во время голода), и опредѣляетъ, что такому человѣку *дернъ ненадобь*; если же оно пойдетъ прочь, то уплачиваетъ 3 гривны, а служилъ даромъ. „Дернъ ему ненадобѣ“—значитъ, что онъ сохраняетъ свободу. Повидимому, подъ этимъ выраженіемъ разумѣлась какая-то обрядность продажи въ холопство.

---

[1]) „У тошна“—въ голодное время: *В. О. Ключевскій*, Курсъ, I, с. 275; [ср. *Срезневскаго*, Матеріалы для словаря древне-русскаго языка, подъ словомъ тошный-тягостный: „аще ся дасть человѣкъ у тошна времяни, или жена, дернь ему не надобе“]; ср. статью Русской Правды: „а въ дачь не холонъ, ни по хлѣбѣ работять, ни по придатьцѣ; но оже не доходять года, то ворочати ему милость; отходить ли, то не виноватъ есть“, ст. 143 третьей редакціи (по изд. *Сергѣевича*); ср. освобожденіе раба, если доказано, что онъ закабалился strictus necessitate famis (см. примѣчанія *Егорова* къ „Lex Salica“, с. 266).

[2]) Статьи этой такъ же, какъ трехъ статей, примыкающихъ къ ней, нѣтъ въ древнѣйшемъ харатейномъ спискѣ заимствованнаго изъ византійскихъ узаконеній, такъ называемаго, „Закона суднаго людямъ царя Константина“. О примыкающихъ къ ней статьяхъ *Калачовъ* говоритъ, что онѣ по оглавленію, содержанію и изложенію вполнѣ сходны съ статьями Русской Правды. То же слѣдуетъ сказать о всѣхъ четырехъ статьяхъ этого русскаго прибавленія къ византійскимъ узаконеніямъ. См. статьи „о дѣтяхъ, о человѣкѣ и женѣ, о союзѣ, о безчестіи“ въ Русскихъ Достопамятностяхъ, ч. II, М. 1843, стр. 200 (прибавленіе изъ Софійскаго Временника, ч. I, стр. 148), у *Н. Калачова*, Русская Правда, стр. 247, 248, въ Новгор. Лѣтоп. по синод. списку, изд. 1888, стр. 487 (здѣсь у „тонша“, а не „тошна“: очевидно не такъ прочитано и подъ титломъ).

О томъ же дернѣ, о той же обрядности говоритъ договорная грамота 1368 г.: „*а кто ти ся* будетъ *продалъ* пословицею новоторжанъ *одернь*, или будетъ серебро на комъ далъ пословицею, тѣхъ ти отпустити по цѣлованью, а *грамоты дерноватыя* подрати“ [1]). Отсюда же и холопы назывались *одерноватыми* и *дерноватыми* [2]).

Отрицая существованіе символизма въ нашемъ правѣ, Неволинъ замѣчаетъ: „исключеніе составляла бы передача земли съ употребленіемъ дерна, если бы можно было доказать, что она дѣйствительно у насъ существовала“. Въ выраженіяхъ „продать одернь, одерень“ Неволинъ не видитъ связи съ дерномъ, основываясь на „совершенно удовлетворительномъ“ де объясненіи Шафарика, который сравнивалъ слова одерень, одьрень, дерноватый съ финскими deren (firmus), manderen (terra firma). „По этому сравненію, замѣчаетъ Неволинъ, выраженія: продать въ прокъ, въ вѣкъ буквально соотвѣтствовали бы другъ другу“ [3]).

Но и это сравненіе, и объясненіе Шафарика совершенно неосновательны. Въ финскомъ языкѣ слова deren нѣтъ. Въ книгѣ Миккола, „Объ отношеніяхъ между западно-финскими и славянскими языками“ я прочелъ рѣшительное заявленіе, что сближеніе Шафарика „одерень“ съ финскимъ deren (firmus) покоится на невѣрныхъ источникахъ. При словѣ deren Миккола ставитъ sic! и объясняетъ въ примѣчаніи: „легко догадаться, какъ Шафарикъ нашелъ свое удивительное deren (firmus). Повидимому, онъ встрѣтилъ гдѣ-нибудь родительный падежъ manderen (отъ mandere, mantere, terra firma), съ переводомъ terra firma и понялъ его какъ man-terra и deren-firmus“ [4]).

2. *Солома.* Отъ символа *дерна* перейду къ символу *соломы*, слѣдуя предметному порядку обозрѣнія символовъ, принятому

---

[1]) Собр. Гос. Гр. и Дог., т. I, № 28, стр. 48.—„Или грамоты дерноватыи на кого написалъ, а тѣ грамоты подереть“ 1317, тоже, № 13.

[2]) „Челядь дерноватая“: А. Юр. № 409, стр. 430. — „Одерноватый холопъ“: Новгородская суд. грамота (1471 г.) ст. 22. „Продалась по своей воли безъ пристава *одерень* въ полницу“, полная грамота XIV в. (около 1500 г.), „Р. Ист. Библ.“ въ XVII, с. 150. „И даяху отци и матери дѣти свое *одьрень* не хлѣба гостемъ“ 1230 г., Новгор. I, с. 238.

[3]) „Ист. русс. гражд. зак.“, т. II, § 232, стр. 44, § 260, стр. 116—117.

[4]) *Joos. J. Mikkola*, „Berührungen zwischen den Westfinnischen und slavischen Sprachen“, Helsingfors, 1893, стр. 24.

Гриммомъ и наиболѣе удобному въ виду того, что къ одному и тому же предмету относится большею частью нѣсколько различныхъ обрядностей.

У насъ есть хорошо извѣстная пословица: *сила солому ломитъ*, образная основа которой совершенно ясна. С. Максимовъ длиннымъ разсужденіемъ тщетно старался показать, что въ этой пословицѣ нѣтъ „нелѣпаго или темнаго смысла“. Ее пытались объяснить, какъ „намекъ на жатву, работу тяжкую“, требующую большой затраты силъ. Объясняли и такъ, что „сила“ противопоставлена „соломѣ“ потому, что солома гнется и сломать ее нелегко [1]). Но эти объясненія слишкомъ искусственны для простыхъ и безъискусственныхъ, обыкновенно, образовъ пословицъ.

Единственно подходящее къ этой пословицѣ, какъ и многимъ другимъ, объясненіе—историческое; въ ней, повидимому, сохранился намекъ на существовавшую у насъ въ древности и хорошо извѣстную на западѣ *обрядность ломанья соломы* [2]).

Въ французской и нѣмецкой средневѣковой письменности сохранилось много извѣстій объ этомъ символѣ. Въ латинскихъ актахъ солома обозначалась словомъ *festuca*, откуда французское *festu* и *fêtu*, а также словомъ *calamus* (calmus), родственнымъ по корню нѣмецкому *halm* и нашей *соломъ*. Отъ слова festuca обрядность называлась *exfestucatio* (и exfestucare). Французы говорили *ломать* солому, rompre le fêtu; въ нѣмецкихъ извѣстіяхъ говорится о *вырываньи* и *бросаньи* соломы (halmwurf). Повидимому, въ этихъ выраженіяхъ разумѣется одна и та же обрядность, при чемъ лишь въ нихъ обозначаются различные ея моменты: прежде, чѣмъ кинуть солому, надо было ее вырвать или сломать (rompre).

Обрядность эта употреблялась, какъ символъ нарушенія договора, отказа отъ обязательства, въ особенности при разрывѣ

[1]) *В. Даль*, „Пословицы русскаго народа“, изд. 2, т. II, стр. 436.—*М. Михельсонъ*, „Ходячія и мѣткія слова“, изд. 2, стр. 396.—*С. Максимовъ*, „Крылатыя слова“, 1890, стр. 479.

[2]) Такъ давно уже объяснялъ ее *И. Снегиревъ*, „Русск. народныя пословицы и притчи“, М. 1848, стр. 368, прим. 26. Онъ въ примѣчаніи привелъ выписку изъ *Michelet*, „Origines du droit français“, гдѣ объясняется, что rompre la paille у древнихъ франковъ значило дѣлать обѣщаніе, условіе.

вассальнаго договора, и въ этомъ случаѣ солома вырывалась и бросалась *arreptis* festucis exfestucaverant illorum hominum fidem). Соотвѣтственно этому наша пословица—„сила ломитъ солому“—должна была имѣть первоначально смыслъ: сильный нарушаетъ договоръ, сила торжествуетъ надъ правомъ. Можетъ быть, такой же намекъ на древность сохранился и въ другой пословицѣ, также невполнѣ ясной: „взять соломку да и пойти въ сторонку“.

Въ знакъ добровольнаго отказа отъ своихъ правъ, въ особенности права собственности на землю, въ Германіи солома не бросалась, а передавалась собственникомъ тому лицу, которому онъ уступалъ свою землю (hat den halmen gereicht) [1]).—О. И. Буслаевъ, утверждая, что у насъ при договорахъ и условіяхъ и при передачѣ правъ употреблялся символъ соломы такъ же, какъ въ Германіи, ссылается на слѣдующее мѣсто Ипатьевской лѣтописи о князѣ Владимірѣ Васильковичѣ: „вземъ соломы въ руку отъ постеля своея рече: хотя быхъ ти, рци, братъ мой тотъ вехоть соломы далъ, того не давай по моемъ животѣ никому же“ (1228 г.). Съ этимъ символомъ, какъ предполагаетъ Буслаевъ, „вѣроятно, стоитъ въ связи старинный обычай стлать постелю новобрачнымъ на ржаныхъ снопахъ“ [2]).

3. *Рука.* Къ числу наиболѣе извѣстныхъ нашихъ символическихъ обрядностей принадлежитъ „рукобитье“, существующее доселѣ въ обычномъ правѣ. Заключающіе сдѣлку освящаютъ и закрѣпляютъ ее, „ударяя по рукамъ“, то-есть съ силой ударяя и крѣпко пожимая правыя руки. Обрядность совершается большею частью при свидѣтелѣ-разъемщикѣ, который разнимаетъ сжатыя руки, ударяя по нимъ сверху. Выраженіе „ударить по рукамъ“ отъ этой обрядности получило смыслъ: заключить сдѣлку [3]).

---

[1]) *J. Grimm*, стр. 121, 127.

[2]) *О. И. Буслаевъ*, Дополн. и прибавл. ко II тому „Сказ. русск. народа“, Арх. Истор.-Юрид. Свѣд., кн. I, изд. 3, 1896, стр. 6—7.—Ипатьевская лѣтопись, С.-Пб. 1871, стр. 600 (6796 г.).

[3]) Говорятъ также *„дать руки“*. Къ обрядности относятся пословицы: „заложить (или выкупить) правую руку“; „съ виноватаго полтина, съ разъемщика—рубль“ (*Даль*). См. *И. Кузнецовъ*, „Обязат. право въ русскихъ пословицахъ“: „Журн. Министерства Юстиціи“, 1903, февр., стр. 251, 252.—Говорятъ также „сплетаться руками“, отсюда суплетка-договоръ: *Ѳ. Леонтовичъ*, „Древній земскій обычай“, стр. 61.

Въ нашей древности рукобитье въ нѣкоторыхъ случаяхъ предписывалось самимъ закономъ. Такъ, новгородская судная грамота 1471 г., установляя отсрочку судебнаго разбирательства тяжбы о землѣ, по просьбѣ отвѣтчика, для истребованія имъ документовъ и вызова совладѣльцевъ, предписываетъ, чтобы отвѣтчикъ объявилъ подъ присягой имя совладѣльца (шабра) и ударилъ по рукамъ съ истцомъ: „*да и по руцѣ ему ударити* съ истцомъ своимъ“ [1]). Другая статья той же грамоты предписываетъ отвѣтчику удостовѣрять свое показаніе крестнымъ цѣлованіемъ и „давая руку“: „а не скажетъ кто того человѣка (розыскиваемаго бѣглаго) у себя по крестному цѣлованью, *да и руку дастъ*, что тамъ ему не быть“ (ст. 37).

Совершенно такая же обрядность рукобитья существовала въ древности и существуетъ до сихъ поръ въ Германіи. И тамъ, какъ у насъ, „при торжественныхъ договорахъ и обѣщаніяхъ бьютъ по рукамъ (hand in hand geschlagen)“. „Рукобитье (*handschlag*)—говоритъ Гриммъ—служило общимъ закрѣпленіемъ всякихъ договоровъ и обѣтовъ, для которыхъ обычай не предписывалъ другого, болѣе торжественнаго, символа“ [2]). Во Франціи также рукобитье (la *paumée* ou poignée de main) часто употреблялось при заключеніи разнообразныхъ договоровъ [3]).

Та же обрядность была принята у грековъ; у римлянъ она не нашла мѣста въ правѣ, но существовала также, какъ народный обычай [4]); наконецъ, „пожатье правой руки, какъ вѣрнѣйшій залогъ“, употреблялось и у древнихъ персовъ [5]), какъ и у индусовъ.

---

[1]) Новгор. судн. грам., ст. 24. А. Арх. Эксп., т. I, № 92. „Христом.“ *В.-Буданова*, вып. I.

[2]) *J. Grimm*, „Deutsche Rechtsalterthümer“, стр. 138 и 605.—Объ этой обрядности говорятъ выраженія *hand in hand geloben*, handhelübde (ручной обѣтъ), *manu firmare, stipulari manu*. „Ну, *ударимъ по рукамъ*, поцѣлуемся и станемъ Богу молиться.—Ладно, по рукамъ и за Бога“, *П. Ефименко*, с. 101. Ссылка на *Максимова*, с. 264.

[3]) *P. Viollet*, „Précis de l'histoire du droit français“ 1886, стр. 506. Ferir la paumée, palmoier le marché (отъ palma-manus): *Grimm*, стр. 952.

[4]) *P. Viollet*, idem, стр. 506, прим. 1. *J. Grimm*, стр. 142 (δεξίας σφίσιν ἔδοσαν).

[5]) Dextra data certissima apud Persas arrha est... Nam post datam dextram apud eos nec fallere nec diffidere fas est: *B. Leist*, „Alt-arisches jus civile“, 1892, стр. 57.

Эта обрядность, такимъ образомъ, является ира-арійскимъ обычаемъ [1]).

Съ той же обрядностью рукобитья или подачи руки совершался у насъ въ древности договоръ поручительства. Ясный слѣдъ этого сохранился въ выраженіяхъ статей псковской судной грамоты, касающихся поручительства: „и тотъ истецъ, *по комъ рука дана*,... молвитъ такъ: азъ, брате, тебѣ заплатилъ то серебро *за тою рукою*“; „а истцу знати *поручника* въ своемъ серебрѣ, *кто по комъ руку далъ*“ (ст. 32) [2]).

Неволинъ, во II томѣ своего труда рѣшительно отрицавшій какія бы то ни было символическія дѣйствія въ нашемъ правѣ, дойдя въ III томѣ до поручительства, не могъ не признать существованія обряда подачи руки. „Непрерывное повтореніе“— говоритъ онъ,—при поручительствѣ, того обряда, который оно скрѣпляло и при помощи котораго само совершалось, кажется, дало бытіе самому его названію, заимствованному по всей вѣроятности отъ того, что поручитель, послѣ того какъ со стороны главнаго обязывавшагося лица дана была рука, въ удостовѣреніе того, что обязательство будетъ свято исполнено, давалъ ее и съ своей стороны, можетъ быть, клалъ ее именно на руку перваго и тѣмъ запечатлѣвалъ его обязательство“ [3]).

Кромѣ рукобитья, у насъ употреблялась въ качествѣ формальнаго акта передачи вещи въ собственность, *передача ея изъ рукъ въ руки*. Гриммъ не говоритъ особо объ этомъ обрядѣ и только случайно упоминаетъ о передачѣ de manu in manum (стр. 179).

4. *Пола*. При рукобитьѣ и при передачѣ вещи изъ рукъ въ руки употребляется въ качествѣ символа также пола кафтана. Символъ „руки“ соединяется съ символомъ „полы“ въ одной обрядности. Выраженія „передать изъ рукъ въ руки“ и „передать изъ полы въ полу“ относятся къ одному и тому же формальному акту передачи вещи въ собственность.

---

[1]) *B. Leist*, l. c. стр. 447—448.—*Лейстъ* видитъ арійскую первооснову обычая въ рукобитьѣ при заключеніи брака: „Die *eheliye Handgreifung*, diese arische Urinstitution“... т. I, стр. 450.

[2]) Объ обычаѣ „подачи руки“ при поручительствѣ, „принадлежавшемъ къ самой глубокой древности“, говорилъ *О. Устряловъ*, „Изслѣдов. Псковской судной грамоты“, С.-Пб. 1855, стр. 28, 29.

[3]) „Ист. росс. гражд. зак.“, т. III, § 392, стр. 25.

При *рукобитьѣ* стороны обыкновенно обертываютъ руки въ полы кафтановъ, какъ видно изъ слѣдующихъ народныхъ выраженій: „*бери полу, бей рука объ руку*“; „махнули пола объ полу ударили рука объ руку“, „ударить объ полы руками, да и Богъ съ вами“ [1]).

При передачѣ вещи изъ *рукъ въ руки* также ближайшимъ образомъ передаютъ ее *изъ полы въ полу*. Такъ, при продажѣ коня собственникъ передаетъ поводъ его рукою, обернутой въ полу, а покупщикъ равнымъ образомъ принимаетъ поводъ не въ голую руку, а въ полу. Та же обрядность въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ употребляется при передачѣ невѣсты: отецъ рукою, обернутою въ полу, передаетъ руку невѣсты жениху, который также обертываетъ въ полу свою руку [2]).

У германцевъ пола (pilum vestimenti, стар. Gêre, Rockschoss) употреблялась во многихъ обрядностяхъ. 1) Отворачиванье и отбрасыванье края кафтана—говоритъ Гриммъ—служило символомъ оставленія имущества. 2) Нѣмецкое право предписывало во многихъ случаяхъ брать за полу, задерживать отвѣтчика, беря его за полу. 3) Нѣкоторыя клятвы давались, положа руку на полу (in vestimento jurare) [3]).

5. *Перчатка.* Съ руки символическое значеніе было перенесено и на покрывавшую ее рукавицу или перчатку. Въ Германіи перчатка (chirotheca, handschuh, др.-нѣм. wanto, франц. gant) употреблялась во многихъ обрядностяхъ. Широко извѣстенъ обрядъ

---

[1]) „Рукобитье—битье по рукамъ отцовъ жениха и невѣсты, обычно *покрывъ руки полами кафтановъ*, въ знакъ конечнаго согласія“, *Даль*, „Словарь“, слово *рукобитье*, см. также подъ словомъ *пола*. „На зарученьи ...сватъ съ отцомъ невѣсты схватываются правыми руками, или *бьютъ по рукамъ*. При этомъ сватъ захватываетъ *полу* или рукавъ своего кафтана, а мать невѣсты или другіе родственники разнимаютъ руки ихъ“ *П. С. Ефименко*, „Сбор. пар. юрид. обычаевъ Арханг. губ.“, 1869, стр. 36. На какое-то суевѣрное значеніе указываютъ слѣдующія пословицы: *полы да черти одной шерсти; мужикъ чорта въ полѣ принесъ*.

[2]) Свадебные обряды крестьянъ Царевококшайскаго уѣзда: „Нам. книга Казанской губ.“ 1868 (69). См. *С. Шпилевскій*. „Семейныя власти у др. славянъ и германцевъ“, К. 1869, стр. 31. (Обыкновенно при передачѣ невѣсты рука обертывается не въ полу, а въ платокъ или бѣлую ширинку).

[3]) *J. Grimm*, с. 158—160. Per pilum vestimenti sui a se ejectum.—Nam der Schultheiss hern S: mit dem gêren (Rockschoss).

бросанья перчатки, въ знакъ вызова на бой. Перчатку также бросали вверхъ на воздухъ, въ знакъ отказа отъ права собственности на землю; ее снимали съ руки и передавали въ знакъ передачи права собственности (но не леннаго владѣнія, какъ полагаютъ нѣкоторые) [1]).

Въ одномъ изъ русскихъ житій мнѣ встрѣтилось описаніе чуда, свидѣтельствующее, что и у насъ бросанью перчатки или рукавицы приписывалось символическое значеніе. Это—повѣсть о Михаилѣ Клопскомъ, блаженномъ старцѣ Клопскаго монастыря близъ Новгорода, умершемъ около 1456 г., отличающаяся богатствомъ свѣдѣній, почерпнутыхъ изъ русской жизни того времени [2]). Въ этой повѣсти находимъ слѣдующее чудо о двухъ вельможахъ: „Человѣконенавистникъ дьяволъ... сотвори вражду между двѣма вельможами о нѣкоторыхъ нивахъ: единъ изъ нихъ именемъ Елевтерій, а вторый Иванъ именемъ". Они пришли въ обитель къ святому и „начаша оба повѣдати святому кійждо свою обиду". Святой уразумѣлъ духомъ лукавство одного изъ нихъ, Елевтерія, и въ темномъ намекѣ предупредилъ его, что если онъ не откажется отъ своихъ притязаній, то его постигнетъ кара. Вельможи затѣмъ „пріидоша въ весь нѣкую, именемъ Куречка, согласія ради, и пріидоша къ церкви Успенія Пресвятыя Богородицы въ той веси. И начатъ Елевтерій глаголати: брате Иванъ, сія земля отчина моя есть. И ударивъ покровницею ручною въ землю и дастъ руку Ивану. И егда преклонся пріяти ручницу, и внезапу весь ослабѣ по пророчеству святого, яко ни очесе возвести ему, ниже усты двигнути, и въ томъ тяжцѣмъ недузѣ преставися" [3]). Сказаніе объ этомъ чудѣ, весьма возможно, имѣло въ основѣ своей бывшій дѣйствительно случай. Къ глубокой вѣрѣ въ силу древняго символа присоединилась вѣра въ силу заклятія святого

[1]) *G. Waitz*, „D. Rechtsgeschichte", т. VI, стр. 73, *J. Grimm.* с. 152—154 (handschuh).

[2]) Оцѣнку повѣсти см. *В. Ключевскій*, „Древне-русскія житія святыхъ", стр. 209—212, 215. О ней же см. *П. Васенко*, „Книга степенная", 1904, стр. 114 и слѣд.

[3]) Пам. стар. русской литературы, вып. IV, стр. 42.—О символическомъ значеніи бросанья перчатки свидѣтельствуетъ также пословица: „Знахарь перекинулъ рукавицу поперегъ свадебнаго поѣзда" (испортилъ свадьбу), *Даль*, „Словарь", подъ словомъ рука.

старца, и при этихъ условіяхъ, лжесвидѣтельствовавшаго Елевтерія легко могъ поразить нервный ударъ.

Подобный же, но болѣе замысловатый разсказъ о карѣ, чудесно поразившей человѣка, ложно свидѣтельствовавшаго съ обрядностью перчатки,—находимъ въ нѣмецкомъ житіи, которое по неизданной рукописи цитируетъ Лампрехтъ. Въ житіи разсказывается, какъ отводчикъ, неправильно отводя межу, перчаткой (chirotheca, которую поселяне называютъ wantum), надѣтой на руку (manu superducta), указывалъ межу, какъ хотѣлъ. Другой добросовѣстный отводчикъ (bonus ductor atque justus), замѣтивъ его ложь, внезапно сорвалъ перчатку съ его руки, и въ этой перчаткѣ оказался палецъ лжесвидѣтеля [1]).

6. *Обувь*. Въ качествѣ символа употреблялась и у насъ, и въ Германіи также обувь. У нѣмцевъ могущественные короли посылали слабымъ свои башмаки, съ тѣмъ, чтобы они носили ихъ въ знакъ своей подчиненности. Женихъ при обрученіи приносилъ невѣстѣ башмаки и она, какъ только надѣвала ихъ на свою ногу считалась подчиненною его власти [2]).

У насъ символъ обуви употреблялся въ томъ же значеніи подчиненія, но въ другой обрядности. Гриммъ замѣчаетъ, что германскій обычай дѣлаетъ удареніе на *обуваніи* невѣсты, русскій—на *разуваніи* жениха.

По Начальной лѣтописи Рогнѣда, не желавшая выходить замужъ за Владиміра, сказала своему отцу: „*не хочу розути* робичича“... „Въ знакъ покорности и до сихъ поръ, какъ тысячу лѣтъ тому назадъ,—говоритъ П. Ефименко—молодая *разуваетъ мужа*, т.-е. снимаетъ съ него сапоги, когда онъ расположится на брачномъ ложѣ. Женихъ иногда въ правый сапогъ кладетъ немного денегъ, а въ лѣвый не такъ давно клалась плетка“ [3]).

Объ этомъ же обычаѣ разсказываетъ В. Н. Татищевъ, обстоятельно сравнившій, съ точными ссылками на источники, въ своей

---

[1]) *K. Lamprecht*, „Deutsche Wirtschaftsgeschichte“, т. I, стр. 295, прим. 2.

[2]) При усыновленіи и при узаконеніи сапогъ употреблялся въ другомъ значеніи: сначала одѣвалъ его отецъ, затѣмъ пріемный или узаконенный сынъ, затѣмъ наслѣдники и друзья. Отсюда „mit einem in den Schuh steigen“: *J. Grimm*. 155.

[3]) *П. С. Ефименко*, „Сборн. народн. юридич. обычаевъ Арханг. губ.“ „Труды Арханг. губ. статист. ком.“, вып. III, Арханг. 1869, стр. 43.

„Исторіи Россійской“ русскіе брачные обряды, покупку, кражу женъ и проч. съ извѣстіями о подобныхъ еврейскихъ, римскихъ и греческихъ обрядахъ, и съ собственными наблюденіями у калмыковъ. „Видимъ же и то,—писалъ Татищевъ—что невѣста въ знакъ ея покорности, повинна была въ первый разъ разуть (какъ часть II, стр. 145 о Владимірѣ показано), притомъ женихъ клалъ въ сапоги, въ правый деньги, въ лѣвый плеть. И когда невѣста перво за лѣвую ногу примется, то женихъ, вынявъ плеть, ударитъ невѣсту, а естли за правую, то отдастъ ей положенныя деньги. Сей обычай между подлостію доднесь хранится“ [1]).

7. *Ключъ*. У германцевъ такъ же, какъ у галловъ, и у римлянъ, ключи были символомъ женскаго домохозяйства, власти жены надъ домашнимъ хозяйствомъ. Въ Германіи, — говоритъ Гриммъ, невѣста при торжественномъ благословеніи брачнаго союза являлась украшенная ключами, которые висѣли у нея на поясѣ; при разводѣ жена должна была возвратить ключи мужу. Также у римлянъ новобрачной ключи давались, а у разведенной отнимались [2]).

Какъ давно указалъ Шпилевскій, и у славянъ такъ же, какъ у германцевъ, ключи служили символомъ домохозяйства жены. Въ Костромской губерніи женихъ въ дѣвичникъ подаетъ невѣстѣ ключи на тарелкѣ или на подносѣ. У уральскихъ казаковъ женихъ приноситъ невѣстѣ въ подарокъ, вмѣстѣ съ платьемъ, башмаками, наперсткомъ и пр., также ключи [3]).

Ключъ, какъ символъ домашняго хозяйства, употреблялся у насъ въ древности, въ знакъ принятія лицомъ на себя обязанностей ключника-приказчика. При этомъ кто принималъ, привязывалъ себѣ ключъ, безъ особаго соглашенія съ хозяиномъ, тотъ

---

[1]) *В. Татищевъ*, „Ист. Росс.“, 1769, кн. I, ч. I, стр. 591. (О чинахъ и суевѣріяхъ древнихъ).—То же сообщаетъ въ XVII вѣкѣ Коллинсъ: „женихъ кладетъ плетку въ одинъ сапогъ, а драгоцѣнный камень или деньги въ другой и велитъ снимать ихъ, если сперва попадется ей въ руки сапогъ съ драгоцѣннымъ камнемъ, то онъ считаетъ ее счастливою и даритъ ей этотъ камень; если же она сперва сниметъ сапогъ съ плеткою, то считается несчастливою и получаетъ ударъ, который ей судитъ будущую судьбу“. См. *С. Шпилевскій*, „Семейныя власти“, 1869, стр. 50—51.

[2]) *J. Grimm*, стр. 176—177.

[3]) *Терещенко*. „Быт русск. народа“ II, 175, 617. См. *С. Шпилевскій*, „Сем. власти“, стр. 97.

становился холопомъ, какъ опредѣлено Русскою Правдою: „а се третьее холопьство: тивунство безъ ряду или *привяжетъ ключь къ себѣ* безъ ряду; съ рядомъ ли, то како ся будеть рядилъ, на томъ же стоить“ [1]). Впослѣдствіи говорили „даться на ключъ“ [2]).

Гриммъ, знавшій о русскомъ холопствѣ по ключю изъ книги Эверса, сопоставляетъ значеніе этого символа съ нѣмецкимъ: „по древне-русскому праву, когда кто-либо привяжетъ себѣ ключъ, тотъ становится холопомъ (knecht), вступаетъ въ службу и во власть господина, дверь котораго онъ закрываетъ; подобно этому могли смотрѣть и на жену, какъ на носительницу ключей мужа“.

8. *Вино (литки, litkouf).* Въ обычномъ правѣ доселѣ живетъ символическій обычай пить вино, въ освященіе совершенной сдѣлки. Въ Германіи онъ былъ широко распространенъ въ средніе вѣка и сохраняется до сихъ поръ. Возліяніе называлось litkouf и winkouf (впослѣдствіи leitkauf и weinkauf). Актъ 1245 г. говоритъ о торжественномъ питьѣ vinum testimoniale въ утвержденіе (ad confirmationem) договора [3]).

Такое же точно обыкновеніе „спрыскивать“ сдѣлки существовало и существуетъ у насъ. О немъ говорятъ пословицы: „гдѣ кабалено, тамъ и вино“, „пропито—продано“, „пропитая дочка не своя, а чужая“ [4]).

Называется этотъ обычай: спрыски, могарычи, запивки и, въ особенности, *литки* [5]). Слово это одинаковаго происхожденія съ нѣмецкимъ терминомъ *litkouf*, и указываетъ на глубокую древность

---

[1]) Ст. 142 по изданію *В. И. Сергѣевича*, Русская Правда въ четырехъ редакціяхъ, Спб. 1904. Ст. 104 по изд. *Н. Калачева.*

[2]) „А дается... въ тѣхъ деньгахъ Александру на ключъ въ его село въ Демидово, а по ключю... дается и въ холопи“: А. Арх. Эксп. I, № 237.

[3]) *J. Grimm*, с. 191—192. По шлезвигскому праву: si *liberint in signem emptionis*, nihil dato ad manus, reddat potum commercii violator.

[4]) *Даль*, „Словарь“.—*Я. Кузнецовъ*, „Обязат. право въ русскихъ пословицахъ“: „Журн. мин. юст.“, № 2, с. 258. *І. Иллюстровъ*, „Сборникъ росс. пословицъ и поговорокъ“. Кіевъ, 1904, с. 135.

[5]) „Литки, zavdavki,—замѣчаетъ *Ѳ. И. Леонтовичъ*—указываютъ на употребленіе въ старое время при „рядахъ“ религіозно-жертвенныхъ возліяній“: Древній земскій обычай, с. 61. У малороссовъ называется злывокъ, завдавокъ, магарычъ. Въ Архангельской губерніи говорятъ „линки“: *Даль*, „Словарь“, и *П. С. Ефименко*, „Сборн. нар. юр. обыч. Арх. губ.“, с. 100—101.

символа [1]). Польскій терминъ litkup, lidkup, широко распространенный, еще ближе къ старо-нѣмецкому [2]).

9. *Оружіе.* О клятвѣ оружіемъ сохранилось нѣсколько извѣстій въ памятникахъ кіевскаго времени. Первый договоръ Руси съ греками 911 года былъ утвержденъ клятвою оружіемъ: „*кленшеся оружьемъ своимъ*“. Изъ второго договора 945 года и изъ лѣтописи видно, что приносившіе клятву снимали съ себя и клали на землю, или на холмъ предъ кумиромъ, свои щиты, обнаженные мечи, обручи и все остальное оружіе: „Мы же елико насъ хрестилися есмы, кляхомся церковью святаго Ильѣ въ сборней церкви и предлежащимъ честнымъ крестомъ... А *некрещеная Русь полагають щиты своя и мечь свои наги, обручь свои и прочая оружья, да кленутся* о всемъ, яже суть написана на харатьи сей“. (Договоръ 945 г.) [3]). — „Заутра призва Игорь слы и *приде на холмъ, гдѣ стояше Перунъ, покладоша оружье свое, и щиты, и золото* и ходи Игорь *роть* и люди его, елико поганыхъ Руси“. При этомъ произносились заклинанія: „да не имуть—въ случаѣ нарушенія присяги—помощи отъ Бога ни отъ Перуна, *да не ущитятся щиты своими, и да посѣчени будуть мечи своими, отъ стрѣлъ и отъ иного оружія своего*, и да будутъ раби въ сій вѣкъ, въ будущій“ [4]).

Клятва оружіемъ была скоро вытѣснена клятвою „честнымъ крестомъ“, которымъ уже въ 945 году клялись руссы, принявшіе христіанство. Но она надолго сохранилась въ народѣ. Профессоръ Рейцъ былъ очень удивленъ, когда при разбирательствѣ одного дѣла между двумя русскими крестьянами, одинъ изъ нихъ пред-

[1]) *Литки*, ж. мн. сѣв. вост. (*Даль*). Litkouf, löthkŏp (*Гриммъ*).

[2]) *Karłowicz*, „Słownik“, Krakow, 1903. За это указаніе приношу благодарность *С. Л. Пташицкому*.—О литкахъ у кореловъ и лопарей, см. *А. Я. Ефименко*, въ „Сборн. нар. юрид. обычаевъ“, т. I, 1878, с, 35 и 122. Вогулы въ XV вѣкѣ пили въ закрѣпленіе договора не вино, а воду, съ золота, какъ видно изъ любопытнаго замѣчанія лѣтописи, относящагося къ 1485 г., о князьяхъ водскихъ (вогульскихъ): „а крѣпость ихъ: съ золота воду пили, великому князю правились во всемъ“, *Карамзинъ*, т. VI, примѣч. 461: изъ синод. лѣтописца.

[3]) Ср. „А Ольга водиша и мужій его на роту: по русскому закону кляшася оружьемъ своимъ и Перуномъ и Волосомъ“.

[4]) Такъ въ началѣ договора, а въ концѣ короче: „аще ли кто... преступитъ се... *будетъ достоинъ своимъ оружьемъ умрети* и да будетъ клятъ отъ Бога и отъ Перуна“.

ложилъ присягнуть на евангеліи или на оружіи. Клятва оружіемъ существовала не только у русскихъ, но и у другихъ славянъ. У болгаръ доселѣ клятва утверждается цѣлованіемъ сѣкиры (топора) [1]).

Германцы также клялись оружіемъ, но совершенно иначе, чѣмъ русскіе. Они произносили клятву, держа обнаженный мечъ или кладя руку на рукоятку меча, вонзеннаго въ землю, тогда какъ руссы клялись, полагая на землю мечи, щиты и обручи [2]).

10. *Копье.* Символъ копья, употреблявшійся въ знакъ объявленія войны, принадлежитъ, какъ замѣчаетъ Гриммъ, къ числу древнѣйшихъ и весьма распространенныхъ символовъ. Римляне, по разсказу Ливія, посылали противнику, въ знакъ объявленія войны, копье, омоченное въ крови и обожженное; сохранились извѣстія о существованіи такого же обряда у норвежцевъ и шотландцевъ [3]).

У насъ бросаніе копья и ломаніе копья предводителемъ было знакомъ къ началу битвы. Буслаевъ приводитъ два свидѣтельства объ этой обрядности—1) изъ лѣтописи: „Андрей же Юрьевичъ, вземь копіе и ѣха напередъ, преже всѣхъ зломи копіе свое“, и 2) изъ Слова о полку Игоревѣ, гдѣ Игорь говоритъ: „хощу бо копіе преломити конецъ поля половецкаго“ [4]).

11. *Волосы и борода.* Символическое значеніе, придававшееся у насъ усамъ и бородѣ, какъ символамъ мужества, ясно видно изъ Русской Правды, которая за поврежденіе усовъ или бороды назначаетъ вчетверо большую пеню, чѣмъ за пораненіе обнаженнымъ мечомъ, или за поврежденіе пальца: „Аще ли перстъ утнеть который любо: 3 гривны за обиду. А во оусѣ 12 гривнѣ, а въ бородѣ 12 гривнѣ“ [5]).

---

[1]) См. пословицы сербовъ, чеховъ и словаковъ: *А. Аѳанасьевъ*, „Поэтич. воззрѣнія славянъ на природу“, М. 1865, т. I, с. 273.

[2]) *J. Grimm.* с. 165. — У германцевъ мечъ употреблялся такъ же, какъ символъ власти судьи; мечъ посылали при вызовѣ на бой; въ знакъ подчиненія послы шли, снявъ мечи; когда человѣкъ спалъ на одномъ ложѣ съ женщиной, которой онъ не хотѣлъ касаться, то онъ клалъ мечъ между нею и собою.

[3]) У нѣмцевъ копье такъ же, какъ посохъ и знамя, употреблялось кромѣ того королями, какъ символъ передачи владѣній: *J. Grimm*, с. 163, 165.

[4]) *Ѳ. Буслаевъ*, „Русскія пословицы и поговорки“, с. 13: Архивъ Истор. и юридич. свѣд., *Н. Калачова*, кн. II, полов. II, М. 1854.

[5]) Списокъ академическій, ст. 6 и 7.—„А хто порветь бородоу, а вы-

Символическое значеніе придавалось у насъ также первому стриженью волосъ у мальчика трехъ, четырехъ лѣтъ, при чемъ его торжественно сажали на коня, какъ извѣстно изъ *постриговъ*, неоднократно упоминаемыхъ лѣтописью. „Лѣтописецъ суздальскій—пишетъ Карамзинъ—упоминая о рожденіи каждаго (изъ сыновей великаго князя Всеволода III) сказываетъ, что ихъ на четвертомъ или пятомъ году жизни торжественно постригали и сажали на коней въ присутствіи епископа, бояръ, гражданъ; что Всеволодъ давалъ тогда пиры роскошные, угощалъ князей союзныхъ, дарилъ ихъ золотомъ, серебромъ, конями, одеждами, а бояръ и тканями и мѣхами. Сей достопамятный обрядъ, такъ-называемыхъ постригъ, или перваго обрѣзанія волосъ у дѣтей мужескаго полу кажется остаткомъ язычества: знаменовалъ вступленіе ихъ въ бытіе гражданское, въ чинъ благородныхъ всадниковъ и соблюдался не только въ Россіи, но и въ другихъ земляхъ славянскихъ, напримѣръ, у ляховъ, какъ древнѣйшій историкъ пишетъ, что два странника, богато угощенные Піастомъ, остригли волосы его сыну младенцу и дали имя Семовита“. Въ примѣчаніяхъ Карамзинъ говоритъ, что, по словамъ Татищева, „въ его время нѣкоторые знатные люди держались сего древняго обыкновенія и что младенцы тогда переходили изъ рукъ женскихъ въ мужскія“ [1]).

У нѣмцевъ волосамъ и бородѣ также придавалось символическое значеніе, какъ знаку свободнаго совершеннолѣтняго мужа. Отрѣзываніе волосъ головы или бороды (у взрослыхъ) служило у готовъ, франковъ и лангобардовъ символомъ усыновленія [2]). Повидимому, это стриженіе волосъ при усыновленіи находится въ тѣсной связи съ нашими постригами: стриженіемъ волосъ родному сыну.

мость знаменіе, а будоуть людіе, то 12 гривенъ продажи“, списокъ Карамзинскій, ст. 78.—Особо высокая пеня за „вырываніе бороды и усовъ, какъ символовъ мужества, особо чтимыхъ многими древними народами“ — отмѣчена *проф. Владимірскимъ-Будановымъ*, „Обзоръ“ изд. 3, с. 302. Его же „Христоматія“, I вып., с. 25, примѣч. 12.

[1]) Какъ указываетъ *Карамзинъ*, въ Требникѣ есть молитва на первое стриженіе волосъ у младенца: „Ист. Гос. Росс.“, изд. *Эйнерлинга*, т. III, с. 83, примѣч. 143, 144, 145, с. 62.—По наблюденіямъ *Соловьева*, въ XI—XIII вв. обрядъ постриговъ совершался надъ дѣтьми двухъ, трехъ, четырехъ лѣтъ. Обрядъ сохранился до XV вѣка: Исторія, книга I, с. 676, 2268.

[2]) *J. Grimm*, с. 146.—Передача остриженныхъ волосъ служила символомъ вступленія въ рабство. Тамъ же, с. 147.

12. *Челобитье.* Ясный слѣдъ символической обрядности сохранился въ извѣстныхъ выраженіяхъ „челобитье“ и „бить челомъ“. Въ позднѣйшее время въ XVII вѣкѣ, какъ и теперь, они употреблялись въ иносказательномъ смыслѣ униженной просьбы. Но въ древнѣйшее время этими выраженіями обозначался извѣстный обрядъ, совершавшійся при вступленіи въ службу князю, какъ о томъ свидѣтельствуетъ стереотипное выраженіе удѣльнаго времени: „бить челомъ въ службу“. Въ концѣ удѣльнаго періода совершеніе этого обряда считается недостаточнымъ для закрѣпленія служебной связи, служебнаго договора боярина съ княземъ и къ обряду присоединяется еще присяга — крестоцѣлованье. Но обрядъ „бить челомъ“, совершавшійся при „приказѣ въ службу“, до конца XV вѣка сохраняетъ свою силу, какъ это видно изъ разсказа лѣтописи, о паденіи Великаго Новгорода въ 1478 г.

Іоаннъ III въ январѣ 1478 г. находится въ военномъ станѣ подъ Новгородомъ. 13-го января послѣ долгихъ переговоровъ былъ окончательно заключенъ договоръ о подчиненіи Новгорода на условіяхъ, предписанныхъ великимъ княземъ, владыка подписалъ грамоту и приложилъ печать, и съ пяти концовъ печати приложили. 15-го января великій князь отправляетъ въ Новгородъ пять своихъ бояръ, „привести весь Великій Новгородъ къ цѣлованію по той грамотѣ“, уже подписанной, и въ этотъ день „на владычнѣ дворѣ бояре великаго князя начаша приводити къ крестному цѣлованью бояръ новгородскихъ, и житьихъ, и купцовъ и прочихъ“; на пять концовъ посланы были дѣти боярскіе и дьяки для привода къ присягѣ; „всѣ цѣловали—замѣчаетъ лѣтописецъ — люди и жены боярскіе, и вдовы, и дѣти боярскіе“.

Казалось бы, все кончено. Договоръ подписанъ, скрѣпленъ печатями, всѣ новгородцы, отъ бояръ до вдовъ и боярскихъ людей, приведены къ присягѣ. Но тутъ всплываетъ старина. Не было сдѣлано самаго важнаго, по старымъ понятіямъ: бояре еще не били челомъ въ службу. И вотъ, какъ видно изъ лѣтописи, 18-го января, черезъ три дня послѣ крестоцѣлованья, всѣ бояре и дѣти боярскіе и житьи люди (но не купцы, которые упоминались раньше), отправляются на дворъ къ великому князю и тамъ приказываются лично ему въ службу. „Генваря въ 18 день, въ недѣлю — читаемъ въ лѣтописи — били челомъ великому князю въ службу бояре новгородскіе всѣ, и дѣти боярскіе, и житіи, да,

приказався, вышли отъ него". Тутъ лѣтопись даетъ еще одну любопытную подробность, которая еще сильнѣе оттѣняетъ значеніе челобитья-приказа. Какъ только бившіе челомъ вышли отъ великаго князя, онъ „выслалъ за ними Ивана Товаркова", и „велѣлъ имъ князь великій говорити: на которой грамотѣ великимъ княземъ крестъ цѣловали есте, по той грамотѣ государемъ своимъ и правили бы есте по тому крестному цѣлованью"... „И тѣ бояре всѣ на томъ молвили, на чемъ къ нимъ, великимъ государемъ крестъ цѣловали".—Какъ это понять? Зачѣмъ понадобилось великому князю посылать въ догонку къ только что приказавшимся въ службу, и раньше цѣловавшимъ крестъ, боярамъ своего дворянина Товаркова и напоминать имъ о присягѣ и крестоцѣлованьѣ? Думаю, что это можно объяснить только такимъ образомъ, что въ то время перехода отъ старыхъ свободныхъ удѣльныхъ порядковъ къ новымъ государственнымъ, столкнулись съ одной стороны, отживавшій, но все еще сильный по старинѣ обрядъ челобитья въ вольную боярскую службу и съ другой—новая подданническая присяга; и что потому, припявъ челобитье о службѣ, великій князь, спохватившись, поспѣшилъ напомнить боярамъ о присягѣ, напомнить, что онъ требуетъ отъ нихъ не вольной боярской службы, закрѣплявшейся челобитьемъ-приказомъ, а подданства, уже закрѣпленнаго крестоцѣлованьемъ [1]).

Обрядъ челобитья въ службу вполнѣ аналогиченъ вассальной коммендаціи. Оба обряда одинаково представляютъ собою формальные акты договоровъ о службѣ, акты подчиненія слуги-вассала господину. Самая обрядность челобитья не отличалась какой-либо особой униженностью отъ коммендаціи, потому что эта послѣдняя обыкновенно связывалась съ колѣнопреклоненіемъ. Въ феодальное время „форма оммажа—говоритъ Люшеръ—осталась приблизительно тою же формой старой коммендаціи. Вассалъ является къ сеньеру, который ожидаетъ его, стоя или сидя. Онъ становится передъ нимъ на колѣни, кладетъ свои руки,

[1]) Полное Собр. Русскихъ лѣтописей, т. XII, с. 185—187 (Никоновская). Тоже, т. VI, 219, т. VIII, с. 198.—*Костомаровъ* нѣсколько неточно, неудачно осмысливая этотъ фактъ, передаетъ лѣтопись: „вслѣдъ за этимъ (за крестоцѣлованіемъ) многіе (?) бояре и дѣти боярскіе сами (?) били челомъ въ службу государю", но при этомъ онъ правильно отмѣчаетъ: „и произносили особую служебную присягу", „Сѣверно-русскія народоправства", т. I, с. 230.

сложивъ ихъ, въ его руки и объявляетъ себя его человѣкомъ, за такой то феодъ. Сеньеръ даетъ ему поцѣлуй мира въ уста и его поднимаетъ". Обрядности оммажа совершались различно въ различныхъ мѣстностяхъ и поэтому историки права описываютъ ихъ неодинаково въ деталяхъ. Глассонъ различаетъ двѣ формы оммажа простую и сложную (въ знакъ болѣе тѣснаго подчиненія—hommage lige). Простой оммажъ состоялъ изъ охватыванія рукъ и поцѣлуя. Болѣе сложная обрядность hommage lige совершалась такъ: „вассалъ произносилъ формулу оммажа съ непокрытой головой, распоясанный и безоружный, стоя на колѣняхъ передъ сеньеромъ и клалъ свои сложенныя руки въ руки сеньера" [1]).

Въ чемъ собственно состоялъ нашъ обрядъ челобитья, мы не знаемъ; повидимому только, это не былъ простой земный поклонъ. Ипатьевская лѣтопись на одной страницѣ употребляетъ въ разномъ смыслѣ выраженіе „ударить челомъ" и „поклониться до земли" [2]). Можетъ быть, къ той же обрядности относятся выраженія лѣтописи такъ же, какъ выраженіе ударить челомъ, указывающія на подчиненіе господину, а именно „пріять подъ руцѣ", „быть подъ рукою", а также „подручные" князья. Если эти выраженія относятся къ челобитью, то и самая обрядность челобитья должна быть весьма близка къ коммендаціи.

13. *Пополнокъ*. Символическое значеніе, повидимому, имѣлъ и постоянно упоминаемый въ древнѣйшихъ кунчихъ обычай при куплѣ-продажѣ давать въ придачу къ условленной платѣ скотъ или хлѣбъ; это называлось *пополнокъ* (рѣже приполонокъ), *дать пополонка* (придачи). „И да Константине и его братья на той земли 3 рубли, а свинью пополонка". „Дали два рубля, да овцу пополонка". Иногда пополонокъ представлялъ самъ собою значительную цѣнность въ сравненіи съ платой; и такая цѣнная при-

[1]) *A. Luchaire*, „Manuel des institutions françaises", P. 1892, p. 185. — *E. Glasson*, „Histoire du droit et des institutions de la France", 1891, v. IV, p. 301.—По извѣстію Auctor vetus колѣнопреклоненіе не обязательно (si autem dominus sedeat, homo genua flectat ante illum pro praebendo hominium). Но иногда коммендація совершалась въ еще болѣе униженной обрядности, чѣмъ вышеописанная. Вассалъ, стоя на колѣняхъ, клалъ руки подъ ноги господина: genua flectunt, pedibusque manus supponunt: *G. Waitz*, „D. Verfassungsgeschichte", t. VI, c. 66—67.—*J. Grimm*, c. 139.

[2]) Ипатьевская лѣтопись, с. 600.

дача можетъ дать поводъ видѣть въ сдѣлкѣ продажи замаскированную мѣну. Можетъ быть, такъ оно иногда и было въ дѣйствительности, вслѣдствіе недостатка денежныхъ знаковъ. Но большей частью пополонокъ представлялъ собою незначительную цѣнность, въ сравненіи съ цѣной продажи и, несомнѣнно, назначался въ придачу къ цѣнѣ только потому, что того требовалъ обычай [1]). Онъ встрѣчается почти во всѣхъ древнихъ купчихъ до конца XVI вѣка, за самыми незначительными исключеніями, и стоимость его не зависитъ отъ цѣны сдѣлки. Къ платѣ на небольшую сумму (2,—3,—4 рубля) прибавлялась куря или овца, на большую сумму—конь или волъ. Куря или овца давались въ пополонокъ безразлично и на 2, 3, 4 рубля [2]), конь или волъ прибавлялись къ цѣнѣ въ 15, 100 и 300 рублей [3]).

Одинъ изъ нашихъ историковъ 50-хъ годовъ, въ спеціальной статьѣ о купчихъ грамотахъ, обратившій вниманіе на обыкновеніе давать пополонокъ, замѣчаетъ: „должны сознаться, что старанія отыскать въ немъ юридическій характеръ остались безуспѣшными“ [4]). Мнѣ кажется, для объясненія его надо припомнить, что сдѣлка купли-продажи возникла изъ мѣны, что въ древнѣйшее время, до появленія денежныхъ знаковъ „всякая купля была мѣной“ (aller Kauf war Tausch). По всей вѣроятности, пополонокъ при куплѣ былъ пережиткомъ древнѣйшей мѣны. По старымъ купчимъ можно замѣтить, что передача пополонка считалась необходимой для болѣе твердаго закрѣпленія сдѣлки, въ особенности при продажѣ земли въ полную собственность; продажа *земли* въ полную собственность возникла, какъ извѣстно, позже всего, и долго боролась съ исконной неотчуждаемостью земельной собственности. Одна изъ купчихъ связываетъ дачу по-

[1]) Если пополонокъ замѣнялся платой, то это особо оговаривалось: Дали „пополонка за телицю полъ третьяцать бѣль“ (№ 71, XIX); дали „полъчетвертъта сорока бѣлки, а тутъ имъ и пополонокъ (№ 71, V).

[2]) Акты Юридич. № 71, 1—XXXVII: новгородскія купчія XIV—XV вв. Изъ этихъ 32 купчихъ нѣтъ пополонка только въ трехъ (№ 71, XII, XXXII, XXXIII).

[3]) Тоже №№ 75—84 (до 1567 г.), дали „15 рублевъ да конь пополонка“ (№ 76), „100 р. да конь пополонка“ (№ 78), „300 рублевъ денегъ, да конь рыжъ пополонка“ (№ 82), „70 рублевъ, да конь гнѣдъ пополонка“ (№ 84).

[4]) *К. Кяндяковъ*, „Опытъ ученой разработки купчихъ грамотъ, помѣщенныхъ въ Актахъ Юридическихъ“: „Юридич. Сборникъ“ *Д. Мейера*.

полонка съ продажей одернь. О цѣнѣ продажи и о пополонкѣ въ ней говорится раздѣльно: „Придали Шиловы дѣти два рубля къ старымъ купамъ отца своего... *А купили одернь, а дали овцу пополонка*“ [1]).

Обыкновенно въ придачу давали скотъ (овца, конь, волъ, телица), въ древнѣйшее время замѣнявшій деньги. Но часто давалась въ пополнокъ куря и пузъ или три пуза жита. Скотъ, повидимому, считался самымъ нормальнымъ пополонкомъ, и въ одной купчей, по которой въ придачу давалась куница съ шерстью (вѣроятно, шкурка), особо оговорено: „а куница съ шерстью *пополонка за овцу*“ (XXVII).

На западѣ пополнокъ, въ видѣ постоянной необходимой придачи къ денежной платѣ, неизвѣстенъ. Хотя въ нѣкоторыхъ купчихъ также встрѣчаются указанія на подарки дававшіеся покупщикомъ продавцу въ придачу къ цѣнѣ. Чаще всего подарки давались родственникамъ продавца, чтобы сдѣлать ихъ участниками сдѣлки и тѣмъ лишить ихъ права родственнаго выкупа проданнаго имущества. Сыновьямъ и женамъ продавцовъ покупавшіе землю дарили ножи, ботинки и проч., но часто также платили деньги, 5—6 сý [2]).

Въ заключеніе этого неполнаго обзора нашихъ символовъ, пробѣлы котораго должны быть восполнены дальнѣйшимъ изслѣдованіемъ предмета [3]), мнѣ кажется, можно сказать съ нѣкоторой увѣренностью:

---

[1]) А. Юрид. № 71, XXXVI.—Въ концѣ XVI вѣка пополонокъ выходитъ изъ употребленія; такъ, въ серіи купчихъ, напечатанныхъ въ А. Юрид., онъ встрѣчается почти постоянно до 1567 г. (№№ 71, 72—84), а затѣмъ исчезаетъ (нѣтъ въ купчихъ 1586—1631 г.г. №№ 85—89).

[2]) *M. Guérard*, „Prolégomènes“: Cartulaire de Saint Père de Chartres. Collection des cartulaires de France, t. I, 1840, cc. 222, 223, 228.

[3]) У балтійскихъ славянъ прочность мирнаго договора закрѣплялась символическимъ бросаніемъ камня въ воду: *А. Котляревскій*, „Древности права балтійскихъ славянъ“, ч. I, 1824, с. 162. Не сохранился ли слѣдъ такой же русской обрядности въ пословицѣ: „бросить дѣло съ камнемъ въ воду“.

Къ символикѣ права *М. Кулишеръ* относитъ также и не символическій, а такъ сказать мнемоническій обычай сѣчь дѣтей на межахъ, чтобы они ихъ хорошенько запомнили. Объ этомъ обычаѣ записано много наблюденій въ особенности на Дону и въ Малороссіи, гдѣ онъ называется „на-

1) что нашему праву символика была несомнѣнно свойственна такъ же, какъ праву германскому,

2) что наши символы обнаруживаютъ то же близкое родство съ германскими, какъ и все наше древнѣйшее право, возникшее на общей арійской основѣ,

3) что символы имѣли въ нашемъ древнемъ правѣ гораздо большее значеніе, чѣмъ о томъ можно судить по немногимъ сохранившимся извѣстіямъ, ибо, изучая темную древность, мы—по выраженію Буслаева—„схватываемъ лишь немногіе, долетѣвшіе до насъ изъ старины, звуки“.

мягковый прочухань“. По рипуарской Правдѣ дѣтей на межахъ били по щекамъ и драли за уши (tractio aurium). Подробное сопоставленіе русскихъ и германскихъ извѣстій объ этомъ см. *М. Кулишеръ*, „Очерки сравнит. этнографіи и культуры“, 1887, с. 138—142.

Огнищанинъ [1]).

Древнѣйшіе наши памятники говорятъ вообще о *боярахъ*, о *княжихъ мужахъ*, о *нарочитыхъ людяхъ*, о *вячшихъ купцахъ*, и *гостяхъ*, о *старѣйшинахъ града*, наконецъ, объ *огнищанахъ*. Попытаемся разобраться въ этихъ различныхъ обозначеніяхъ различныхъ разрядовъ высшаго класса населенія, и начнемъ съ изученія вопроса объ *огнищанахъ*, вопроса, который очень запутанъ вслѣдствіе неосторожныхъ предположеній нѣкоторыхъ историковъ, но въ которомъ, мнѣ кажется, можно придти къ нѣкоторымъ, если не вполнѣ достовѣрнымъ, то мало сомнительнымъ выводамъ. Попытаемся вести это изслѣдованіе съ тою осмотрительностью, съ тѣмъ вниманіемъ къ точному смыслу словъ памятниковъ, съ тою осторожностью въ предположительныхъ выводахъ изъ нихъ, въ которыхъ образцомъ могутъ служить историки права—французскій Фюстель-де-Куланжъ, у насъ во многихъ вопросахъ—В. И. Сергѣевичъ. Мы не будемъ умолкать тамъ, гдѣ молчатъ источники и будемъ допускать предположительныя сужденія, но постараемся при этомъ строго отдѣлять эти гипотезы отъ точныхъ данныхъ и выводовъ.

Я не разъ говорилъ о *крайней скудости источниковъ* для изучаемой нами теперь древнѣйшей эпохи. То же надо замѣтить и объ огнищанинѣ. Самое слово огнищанинъ встрѣчается во всѣхъ нашихъ памятникахъ кіевскаго времени, не только юридическихъ, но и во всѣхъ памятникахъ письменности, только *9 разъ*. 4 раза упоминается огнищанинъ въ 4-хъ ст. краткой Правды, 2 раза въ Правдѣ пространной, 3 раза въ Новгородской лѣтописи, только въ одной Новгородской лѣтописи, сохранившейся въ пергаменномъ спискѣ XIII столѣтія, т. наз. 1-омъ Синодальномъ.

---

[1]) Изъ лекцій по исторіи русскаго права.

Попробуемъ прежде всего объяснить значеніе этого термина филологически

Слово *огнищанинъ*, конечно, одного корня съ словомъ *огнище*, часто встрѣчающимся въ древнихъ памятникахъ. *Огнище* значило *очагъ*, а также костеръ. „*Огнище стояше полно угліа*“, или „по обѣдѣ *угліе горяще на огнищи* оставяться“ [1]). Само по себѣ, одно филологическое объясненіе не даетъ почти ничего, оно дастъ нѣчто только въ связи съ объясненіемъ юридическаго положенія огнищанина. По корню слова мы можемъ только заключить, что огнищанинъ названъ такъ по своей той или иной связи съ *очагомъ*, который въ древнѣйшую языческую эпоху имѣлъ особенное значеніе, вслѣдствіе жертвенныхъ приношеній на домашнемъ очагѣ. Но какова же связь его съ очагомъ? Есть ли онъ блюститель огня на своемъ и вмѣстѣ родовомъ очагѣ, и слѣдовательно родовладыка, или же огнищанинъ—человѣкъ, живущій при чужомъ очагѣ вообще или же спеціально при очагѣ княжескомъ, и отсюда—зависимый отъ него человѣкъ, дружинникъ?

Кромѣ первоначальнаго значенія *очагъ*, слово огнище употреблялось также въ производномъ условномъ смыслѣ для обозначенія *челяди*, людей, принадлежащихъ къ чужому очагу,—къ чужому хозяйству, къ чужому дому. Въ славянскомъ переводѣ *слова Григорія Богослова*, относящемся къ XI вѣку, къ эпохѣ Русской Правды, греческое слово рабъ ανδράποδον переведено словомъ огнище: „грѣдящеися многы огнищи и стады“ (οἱ πληθει γαυριῶντες ἀνδραπόδων καὶ τετραπόδων). Слѣдуетъ ли изъ этого, что слово огнище точно обозначаетъ—рабъ? Никакъ этого не слѣдуетъ, потому что для обозначенія рабовъ мы имѣемъ термины хорошо извѣстные изъ Русской Правды: челядь, холопъ, раба, а въ этомъ переводѣ *названа огни-*

[1]) Жит. Андр. Юрод. сп. XV и XVI в. Уст. Студ. 1193 г. Другіе примѣры: *Срезневскій*, „Мат. для Слов.“ т. II, 602—604. Огнище-жертвенникъ-очагъ: „*да сотворши огнище обличьемъ сѣтнымъ*“ для перевода слова ἐσχάρα=очагъ, жертвенникъ, жаровня. Исходъ, сп. Тр.-Серг. лавры XIV в. *Буслаевъ*: „Древнѣйшее между славянами распространившееся слово для обозначенія очага было огнище, чешск. ohniště и ohnisko, серб. огниште, луж. ohnisco... отъ слова огнь, съ суфф. ще, ште, или ско, означающимъ мѣсто. Слово огнь еще въ IV в. имѣло значеніе очага, что видно изъ готскаго onhas—печь.. Вѣроятно, въ значеніи хозяина или же человѣка свободнаго, имѣющаго свой очагъ употреблялось слово огнищенинъ въ Русской Правдѣ“ *Буслаевъ*, „Арх. Ист. Юр. Св.“ I.

щемъ челядь, подобно тому, какъ придворные люди назывались и называются *дворомъ*. Мы можемъ только заключить изъ этого единственнаго текста, въ которомъ слово огнище соотвѣтствуетъ слову челядь, что слово *огнище-очагъ* имѣло также *болѣе широкій смыслъ дома, двора*, а отсюда иногда употреблялось и для обозначенія лицъ, принадлежащихъ къ дому или двору, дворовой челяди, или холоповъ [1]).

Мнѣ кажется, поэтому, что *В. О. Ключевскій* не имѣлъ основанія такъ категорически утверждать, что „въ древнихъ памятникахъ славяно-русской письменности слово огнище является съ значеніемъ челяди“ и заключать изъ этого: „*слѣдовательно, огнищане были рабовладѣльцы*“ [2]). Для этого безусловно нѣтъ достаточныхъ основаній. Болѣе естественно предполагать, что слово огнищанинъ произведено отъ слова огнище въ его основномъ, коренномъ значеніи—очагъ, а не отъ его производнаго значенія: люди, принадлежащіе къ очагу-дому и отсюда челядь, рабы; особенно, если мы примемъ во вниманіе, что слово огнище встрѣчается въ этомъ смыслѣ только единственно разъ, а обыкновенно употребляется въ привычномъ коренномъ смыслѣ—очагъ.

Ключевскій опирается при этомъ еще на извѣстіе, занесенное въ „Исторіи“ Татищева, о торговомъ договорѣ, заключенномъ кн. Владиміромъ съ волжскими болгарами въ 1006 году, по которому болгарскіе купцы обязывались „всѣ ихъ товары продавать во градахъ купцамъ... а *по селамъ* не ѣздить тіуномъ вирникомъ (?) *огневщинъ и смердинъ продавать* и отъ нихъ не купить“ [3]). Извѣстіе это невполнѣ достовѣрно и ясно, потому что мы знаемъ его только въ пересказѣ Татищева; лѣтопись, откуда онъ его взялъ, не сохранилась. Поэтому Ключевскій, несомнѣнно, слишкомъ категорично утверждаетъ, что „огневщина—это древнѣйшее русское названіе сельской челяди“ и „селами, заселенными огневщиной“, подкрѣпляетъ свое толкованіе огнищанъ, какъ рабовладѣльцевъ [4]).

---

[1]) Др.-чешск. глоссы къ Mater verborum 1202 г.: „ohniscenin, libertus, cui post servitium accedit libertas“.

[2]) „Курсъ русск. ист.“ I, с. 196.

[3]) „Ист. Росс.“ кн. 2, с. 89.

[4]) *В. Ключевскій*, „Подушная подать и отмѣна холопства въ Россіи“, „Р. М.“ 1886, №9, с. 73—74. Совсѣмъ уже произвольно *Ключевскій* утверждаетъ: „самый терминъ огнище, которому древній слав. переводчикъ словъ Гри-

Я не буду утомлять вашего вниманія разборомъ разнообразнѣйшихъ филологическихъ объясненій слова огнищанинъ. Литература этого предмета чрезвычайно обширна. Не обошлось и безъ попытки объяснить это слово заимствованіемъ изъ какого-либо иностраннаго языка—это излюбленный методъ многихъ нашихъ историковъ. Прот. Сабининъ въ 20-хъ годахъ пытался объяснить слово огнищанинъ, несмотря на его чисто славянскій корень, изъ финскаго языка, и нашелъ здѣсь очень отдаленное по звуку слово *Eigingandin*, *eigandin*, что значитъ владѣлецъ [1]).

Курьезно также смѣлое объясненіе Татищева, очень, впрочемъ, для него извинительное, такъ какъ онъ былъ первымъ работникомъ на полѣ нашей науки: „огнищанинъ то же, что и при насъ именовались огневщики или объѣздчики, нынѣ *полицейскіе офицеры въ городахъ*“ [2]).

Заслуживаетъ вниманія изъ этихъ разныхъ объясненій только объясненіе Успенскаго и Бѣляева. Успенскій въ своихъ „Древностяхъ“, изданныхъ въ 1818 г., обратилъ вниманіе на значеніе слова огнище въ современномъ народномъ языкѣ: „Названіе огнища и огнищанина донынѣ употребляются въ Новгородской и Псковской губерніяхъ, и подъ словомъ огнище собственно разумѣется *выжженная въ лѣсу полоса земли* для посѣва льну или хлѣба, а *выжигатели* называются огнищанами“. И по Далю слово огнище значитъ теперь спаленный лѣсъ для распашки, *росчисть*, чищоба [3]). Успенскій изъ этого сдѣлалъ послѣдовательный выводъ, что огнищанами назывались *земледѣльцы*, *выжигающіе лѣсъ подъ пашни*. Это объясненіе не подходитъ къ Русской Правдѣ, гдѣ огнищанами несомнѣнно называются привилегированные люди высшаго класса. Бѣляевъ, поэтому, съ явной натяжкой, отстаивая то же словопроизводство огнищанина отъ огнища—земли, „расчищенной кѣмъ-либо подъ пашню посредствомъ пала или выжиганія дикаго лѣса“, утверждалъ, что огнищанами назывались въ древнее время бояре, крупные землевладѣльцы-собственники „которые сдѣлали себѣ собственными средствами огнище, расчистивъ дикій лѣсъ подъ

горія Богослова придалъ производное значеніе челяди, собственно означалъ пастбище (?), точнѣе стоянку пастуховъ на пастбищѣ (??)“, тамъ же, с. 74.

[1]) Цитир. у *Погодина* „Изсл.“, III, 406.

[2]) „Продолж. Др. Росс. Вивл.“, ч. I, 1786.

[3]) Слова огнищанинъ въ соврем. яз. *Даль* однако не знаетъ: т. II, с. 666.

пашню и населивъ занятое мѣсто земледѣльцами“ [1]). Если связывать древній терминъ огнищанинъ съ современнымъ народнымъ словомъ огнище, то *нельзя идти дальше огнищанина-земледѣльца выжигающаго лѣсъ*, а это объясненіе разрушается привилегированностью огнищанъ по Русской Правдѣ.

Изъ всѣхъ этихъ филологическихъ объясненій надо, такимъ образомъ, признать *наиболѣе вѣроятнымъ* объясненіе слова огнищанинъ отъ слова огнище, въ смыслѣ очагъ, и въ тѣсно связанномъ съ нимъ смыслѣ—домъ, дворъ. Но это словопроизводство еще не разъясняетъ вполнѣ положенія огнищанъ; оно оставляетъ еще открытымъ вопросъ, что такое огнищанинъ, владѣлецъ ли собственнаго очага, и отсюда, можетъ быть, домовладыка, и спеціально, въ виду его привилегированнаго положенія, владѣлецъ большого дома-хозяйства, боярипъ, или же онъ принадлежащій къ чужому очагу, и, въ виду его привилегированнаго положенія, человѣкъ, принадлежащій къ княжескому очагу, къ княжескому дому, княжескій дружинникъ. Иначе говоря, *что такое огнищанинъ, независящій ли отъ князя земскій бояринъ, или бояринъ княжескій?*

Русская Правда, несмотря на то, что она не болѣе 6-ти разъ упоминаетъ слово огнищанинъ, даетъ достаточно указаній для разрѣшенія этого вопроса.

Собственно говоря, Русская Правда даетъ даже *прямой* отвѣтъ на этотъ вопросъ. Составитель пространной Русской Правды XIII вѣка, въ тѣхъ статьяхъ, въ которыхъ онъ пересказывалъ статьи краткой Правды, замѣнилъ слово огнищанинъ словами: княжъ мужъ.

„Аще же убіють *огнищанина* въ разбои, а убійца не изыщуть“ (Правда Ярославичей, ст. 2).

„Аже кто убіеть *княжа мужа* въ разбои, а головника не ищуть“ (Троицк. сп., ст. 5).

Эта замѣна словъ для многихъ изслѣдователей служила важнымъ аргументомъ при объясненіи слова огнищанинъ. Мы не придадимъ ей особенной важности, потому что мы знаемъ, какъ я объяснялъ, изучая составъ Русской Правды, что пространная Русская Правда составлена довольно невѣжественнымъ въ юридическихъ вопросахъ компиляторомъ XIII в., и при томъ въ такое время, когда смыслъ

[1]) *Бѣляевъ*, „Разсказы изъ рус. ист.“, II, с. 50; „Лекціи по ист. рус. законодательства“, с. 53.

постановленій краткой Правды уже былъ во многомъ неясенъ. Въ этомъ вопросѣ, однако, компиляторъ XIII в., какъ мы сейчасъ увидимъ, поступилъ правильно. Онъ путался тамъ, гдѣ сопоставлялъ статьи Русской Правды. *Здѣсь же*, въ этой замѣнѣ термина огнище словомъ княжъ мужъ, онъ, вѣроятно, *основывался на* живомъ еще тогда преданіи. *Огнищане-княжи мужи* дружинники, конечно, не могли *не оставить по себѣ памяти*, какъ слишкомъ видное явленіе.

При объясненіи статей Русской Правды объ огнищанинѣ надо *исходить изъ краткой Правды*, а не изъ позднѣйшей пространной. Въ этой краткой Правдѣ, во второй ея половинѣ, послѣ заголовка о Правдѣ, уставленной сыновьями Ярослава, мы находимъ рядъ постановленій о *возмездіи за правонарушеніе огнищанъ*.

„*Аще убіютъ огнищанинъ въ обиду*, то платити за него 80 гривенъ убойци, а людемъ ненадобѣ. А въ ездовомъ *княжѣ* 80 гривенъ“ (Пр Ярославичей, ст. 2). Здѣсь княжескій мужъ, ездовой княжъ является рядомъ съ огнищаниномъ, за нихъ назначается одинаковая повышенная двойная вира (въ сравненіи съ обычною 40 гривенною вирою, установленною въ первой половинѣ краткой Правды), и постановленіе о ездовомъ изложено какъ поясненіе, связанное или непосредственно вытекающее изъ постановленія объ огнищанинѣ.

Та же тѣсная связь огнищанина съ княжими мужами обнаруживается и изъ слѣдующихъ статей.

Ст. 2 и 3 говорятъ о вирѣ за убійство огнищанина въ разбоѣ, и объ убійствѣ огнищанина у клѣти, у коня, у коровьи татьбы, т.-е. при вооруженномъ грабежѣ. И въ видѣ поясненія къ этимъ статьямъ прибавлено: „*А тіи же поконъ и тивуницю*“ — тивуну, княжескому слугѣ.

Вслѣдъ за этими статьями, одинаковая, какъ за огнищанина, вира въ 80 гривенъ назначается и за „*княжа тивуна*“, и за *стараго конюха* у стада, „яко уставилъ Изяславъ въ своемъ конюсѣ, его же убили Дорогобудьци“.

Такое же *тѣсное сопоставленіе, такое же приравниванье* огнищанина къ княжескимъ чиновникамъ—тивуну и мечнику находимъ мы и въ одной изъ слѣдующихъ статей той же краткой Правды:

„Или смердъ *умучитъ*, а безъ княжа слова, за обиду 3 гривны. А въ *огнищанѣ* и въ *тіунищѣ* и въ *мечникѣ* 12 гривенъ“ (ст. 14).

Эта тѣсная связь огнищанина съ другими княжими мужами станетъ намъ еще болѣе ясной, если мы сопоставимъ ту Правду

сыновей Ярослава, въ которой находятся только что разсмотрѣнныя статьи, съ *древнѣйшей Правдой, приписываемой Ярославу*, и составляющей первую половину краткой редакціи Русской Правды. Эта Правда, приписываемая Ярославу, ничего не говоритъ объ огнищанахъ и объ особыхъ привилегіяхъ княжихъ мужей. Она за всѣхъ мужей назначаетъ одинаково виру въ 40 гривенъ, будетъ ли то гридѣнь (дружинникъ), будетъ ли то мечникъ (который въ Правдѣ сыновей Ярослава приравненъ огнищанину), будетъ ли то купецъ, изгой или славянинъ.

Сыновья Ярослава ничего не говорятъ о вирахъ за этихъ разныхъ мужей, за купца, изгоя, или словенина. Они устанавливаютъ только двойную 80-гривенную виру за огнищанина, за княжа тивуна и тутъ же за стараго конюха у стада, ссылаясь на прецедентъ убійства конюха Изяславова. Объясненіе этому и вмѣстѣ съ тѣмъ подтвержденіе взгляду на огнищанина, какъ на княжа мужа, какъ на дружинника, даетъ намъ *общій характеръ этой Правды сыновей Ярослава*, на который я обратилъ ваше вниманіе раньше, разбирая составъ Русской Правды.

Эта Правда, уставленная на съѣздѣ князей вмѣстѣ съ ихъ четырьмя мужами, между 1054—1073 г.г., представляетъ собою рядъ постановленій, тѣсно связанныхъ между собою, такъ какъ всѣ они одинаково касаются или княжихъ мужей, княжеской дружины или княжескаго хозяйства. Князья говорятъ въ ней только о своихъ мужахъ, своихъ тіунахъ, своихъ конюхахъ, о своихъ старостахъ (сельскомъ старостѣ княжѣ), о своихъ коняхъ и бортяхъ и не касаются людей и имущества частныхъ собственниковъ, напр., купцовъ или славянъ вообще, какъ древнѣйшая Ярославова Правда. Если они въ связи съ этимъ упоминаютъ о смердахъ и холопахъ и о смердьемъ конѣ, то, очевидно, имѣютъ въ виду княжескихъ смердовъ и холоповъ.

Уставная-законодательная дѣятельность князей въ эту эпоху не могла быть значительной. Князья не могли ломать строя отношеній, обычнаго права, тогда еще всесильнаго, потому что ихъ тогда во всякомъ случаѣ никто бы не послушалъ, ихъ пововведенія не привились бы, напр., если бы они захотѣли указомъ отмѣнить кровную месть; мы знаемъ даже, по нашему времени, какъ правительство безсильно искоренить изъ жизни на Кавказѣ этотъ самый обычай кровной мести.

Но этотъ уставъ, этотъ законъ, выработанный на съѣздѣ князей, не касается обычныхъ отношеній между лицами, онъ резюмируетъ только отношеніе этихъ лицъ къ князьямъ. Этотъ уставъ только *самооборона князей*, только охрана ихъ правъ, ихъ дружины и ихъ имущества отъ покушеній. Тутъ князья могли, опираясь на свою силу, заявить населенію, что впредь за нарушеніе своихъ правъ они будутъ взыскивать съ населенія двойныя и вообще повышенныя виры, не только за огнищанина, ближняго имъ человѣка, человѣка ихъ очага, но даже и за простого стараго конюха у стада, они будутъ взыскивать двойную виру съ 80 гривенъ по бывшему уже примѣру. Этотъ уставъ касался какъ разъ той *области отношеній князей къ населенію*, въ которой больше всего было *нововведеній* на медленномъ пути усиленія княжеской власти.

И какъ трудно было князьямъ дѣйствовать даже въ этой области отношеній, какъ трудно было пригрозить имъ населенію 80 гривенной вирой за убійство своего тивуна и огнищанина, объ этомъ наглядно свидѣтельствуетъ тотъ фактъ, что *для этого устава понадобился съѣздъ независимыхъ князей Изяслава, Всеволода и Святослава*, что они рѣшились на эту мѣру, чтобы придать ей вѣсъ, только по взаимному соглашенію, обезпечивъ ее такъ сказать княжеской круговой порукой.

Итакъ, огнищанинъ—это княжескій дружинникъ. Составитель пространной Русской Правды имѣлъ серьезное основаніе, чтобы замѣнить это слово, вышедшее изъ употребленія съ XIII вѣка, словомъ княжъ мужъ.

Съ этимъ историко-юридическимъ объясненіемъ термина по тексту Русской Правды вполнѣ сходится и наиболѣе простое филологическое объясненіе термина. Огнищанинъ—это человѣкъ огнища—очага, но не всякаго, а княжескаго. Слово, обозначающее привилегированнаго человѣка, нельзя толковать такъ: огнищанинъ-хранитель очага, жрецъ-домовладыка, потому что очагъ былъ у всѣхъ, былъ онъ и у смерда, какъ и у купца, и смердъ тоже бывалъ жрецомъ-домовладыкой и родовладыкой. Привилегированность огнищанина допускаетъ только одно объясненіе—принадлежность къ княжескому очагу-огнищу.

Взаимная связь словъ тутъ та же, какъ и въ соотвѣтствующихъ позднѣйшихъ терминахъ: дворянинъ и дворъ. Терминъ дворъ, въ смыслѣ не современномъ намъ, дворъ при домѣ, а въ старомъ

смыслѣ дворъ, какъ домъ-жилище, со всѣми его принадлежностями, въ томъ числѣ и съ нашимъ огороженнымъ дворомъ,—обозначалъ одинаково и боярскій, и крестьянскій, и княжескій дворъ. И тѣмъ не менѣе терминъ дворянинъ обозначалъ только человѣка, принадлежащаго къ княжескому двору. Такъ точно, хотя очагъ-огнище было у всякаго хозяина, но огнищанинъ обозначалъ только человѣка, принадлежащаго къ огнищу княжескому.

Терминъ огнищанинъ встрѣчается, кромѣ Русской Правды, также въ Новгородской I лѣтописи, всего три раза, подъ 1166, 1195 и 1234 годами. Огнищане являются здѣсь въ военныхъ походахъ, на первомъ мѣстѣ, рядомъ съ гридьбою—воинами-дружинниками. По приглашенію князя Всеволода Новгородцы съ своимъ княземъ Ярославомъ выступаютъ въ походъ: „Идоша съ княземъ Ярославомъ — замѣчаетъ лѣтописецъ — огнищане и гридьба и купци“ (1195). Въ военныхъ дѣйствіяхъ съ Литвою въ 1234 году участвуютъ: „огнищане и гридьба и кто купецъ и гости“, т.-е. нѣкоторые изъ купцовъ и гостей (1234). Пришедшій въ Луки изъ Кіева князь Ростиславъ зоветъ Новгородцевъ для переговоровъ (на порядъ); къ нему идутъ „огнищане, гридь, куньце вячшее“ (1166).

Предполагаютъ, что эти огнищане въ Новгородѣ имѣли другое значеніе, чѣмъ въ южной Руси, что здѣсь они изъ бояръ княжескихъ превратились въ бояръ земскихъ, но сохранили старое названіе, — дружинниковъ-огнищанъ. Эти приведенныя извѣстія, однако, не даютъ основаній для такого широкаго заключенія, чтобы слово огнищане означало въ Новгородѣ бояръ земскихъ.

Огнищане упоминаются въ военныхъ дѣйствіяхъ, рядомъ съ гридями. Они упоминаются не въ тѣхъ большихъ войнахъ, когда шелъ весь Новгородъ, весь новгородскій полкъ, а въ небольшихъ военныхъ дѣйствіяхъ. Съ ними идутъ только нѣкоторые изъ купцовъ и гостей. Они изображаются, какъ передовой военный отрядъ, болѣе подвижной, чѣмъ полкъ-ополченіе, совершенно такъ же, какъ княжеская дружина.

Съ этими извѣстіями объ огнищанахъ надо сопоставить извѣстіе о военныхъ дѣйствіяхъ новгородскихъ князей этого же времени съ своимъ дворомъ и съ дружиной. Такъ, въ 1192 г. Ярославъ посылаетъ „дворъ свой съ Ильсковіци воевать“. Такъ, въ 1191 г. Ярославъ идетъ на Луки, и „поя съ собою Новгоро-

децъ переднюю дружину". Огнищане, вмѣстѣ съ гридями, составляли, повидимому, этотъ именно княжескій дворъ, княжескую дружину [1]).

Предположенію о томъ, что въ Новгородѣ огнищанами назывались, въ противность югу, земскіе бояре, противорѣчитъ также то обособленное ихъ положеніе въ Новгородѣ по мѣстожительству, которое такъ ясно видно изъ устава о городскихъ мостахъ, включеннаго въ позднѣйшую редакцію Русской Правды, типа Карамзинскаго списка (съ рядомъ вставокъ; ст. 134 Карамз. списка). Плата за устройство мостовъ, или, какъ думаютъ, мостовыхъ, взималась съ жителей по улицамъ и по сотнямъ, и по другимъ подраздѣленіямъ города на участки.

Въ концѣ устава сказано, что эти мостовыя пошлины слѣдуетъ платить: „Немцемъ до Иваня вымола (вымолъ, по Срезневскому, коса, отмель), Готомъ до Гелардова вымола до задняго, отъ Гелардова вымола *огнищаномъ* до Будитина вымола, Ильичанамъ до Матеева вымола" и т. д.

Огнищане живутъ, по этому уставу, такъ же обособленно, какъ нѣмцы и готы, у нихъ какъ будто такая же обособленная слобода, какъ слобода нѣмецкая или готская. Этого не могло бы быть, если бы огнищанами назывались земскіе бояре, которые конечно владѣли дворами въ разныхъ частяхъ города.

Любопытно также, что они живутъ въ сторонѣ рядомъ съ другими, чуждыми Новгороду людьми, нѣмцами и готами. Они какъ будто такіе же пришельцы.

Въ одномъ изъ старыхъ изслѣдованій объ огнищанахъ, авторъ котораго стоитъ въ существѣ дѣла на совершенно фантастической точкѣ зрѣнія [2]), есть двѣ-три странички, заслуживающія вниманія, объ этомъ именно уставѣ о мостахъ. Соображая топографическія извѣстія этого устава, какъ онъ утверждаетъ, можно „опредѣлить мѣстожительство огнищанъ на Торговой или Славянской сторонѣ Новгорода, въ Славянскомъ концѣ его, тамъ, гдѣ лѣтописи показываютъ берегъ, извѣстный подъ именемъ Княжанскаго" (с. 27).

[1]) Новг. I, с. 164. Ср. въ 1220 г. князь Всеволодъ понде „со всѣмъ дворомъ своимъ" с. 212.

[2]) *В. Истиславскій*, „Огнищанинъ и княжъ мужъ", въ „Чт. М. Об. Ист. и Др." 1860 г., кн. 4.

Авторъ оставляетъ „сіи соображенія до предбудущаго случая“, и потомъ онъ своихъ соображеній не высказалъ. Я не занимался спеціально этимъ вопросомъ. Но хорошо бы, если бы кто-либо сдѣлалъ эту нетрудную работу. Изъ лѣтописи видно, что Княжанскій берегъ дѣйствительно былъ близъ того мѣста, гдѣ жили огнищане: „а Княжанскій берегъ да Готьскій дворъ на горѣ“ [1]).

Огнищане, повидимому, дѣйствительно, жили около Княжанскаго берега, и это даетъ новое указаніе на близость огнищанъ къ князьямъ, на то, что огнищане и въ Новгородѣ были дружинниками.

Внимательный анализъ всѣхъ извѣстій объ огнищанахъ приводитъ насъ къ убѣжденію, что огнищанами назывались княжіе мужи, княжескіе дружинники, люди принадлежащіе къ княжескому огнищу-очагу-дому.

Такъ именно полагалъ одинъ изъ авторитетнѣйшихъ нашихъ историковъ Соловьевъ. „Огнищанинъ долженъ означать человѣка, который живетъ при огнищѣ княжескомъ, домочадца княжескаго, человѣка близкаго къ князю, его думца, его боярина, въ переводѣ на наши понятія—придворнаго человѣка“. Для объясненія того, почему огнищаниномъ назывался не всякій человѣкъ, имѣющій свое огнище, а только человѣкъ принадлежащій къ чужому княжескому очагу, Соловьевъ мѣтко указалъ на такое соотношеніе позднѣйшихъ терминовъ дворъ и дворянинъ. Дворомъ называлось въ удѣльное время не огороженное при домѣ мѣсто, какъ теперь, а усадьба-домъ со всѣми принадлежностями, и въ переносномъ смыслѣ всѣ живущіе въ усадьбѣ, всѣ люди принадлежащіе къ нему и зависящіе отъ ея владѣльца. Дворянами назывались не владѣльцы дворовъ, а принадлежащіе къ чужому двору—намѣстниковъ, бояръ, князей. И позднѣе, „дворянинъ“ означало только человѣка, принадлежащаго къ велико-княжескому двору [2]).

---

[1]) Новг. I, с. 393 (1403 г.).

[2]) *Соловьевъ*: „Объясненіемъ слова огнищанинъ служитъ также позднѣйшее — дворянинъ, означающее человѣка, принадлежащаго ко двору, дому княжескому, а не имѣющаго свой дворъ или домъ, сдѣдовательно и подъ огнищаниномъ нѣтъ нужды разумѣть человѣка имѣющаго свос огнище“. „Ист. Рос.“ I, с. 222. Приставка анинъ, отъ „инъ, иный“, одинъ, кажется всегда означала принадлежность: крестьянинъ, селянинъ, сельчанинъ, горожанинъ, полянинъ (Полѣ), древлянинъ и проч.—принадлежность къ городу, къ селу, къ Христу, къ Полемъ. *Соловьевъ* основывался на статьѣ Р. Правды

Итакъ, огнищане это княжи мужи или дружинники. Чѣмъ отличаются они юридически отъ другихъ, земскихъ людей? Они обладаютъ одной, очень существенной для того времени, привилегіей: ихъ жизнь охраняется *повышенной вирой*. Въ то грубое время, когда убійства и насиліе всякаго рода составляли обыденное явленіе, эта повышенная вира являлась очень существенной привилегіей.

По уставу сыновей Ярослава за убійство огнищанина взыскивается 80 гривенъ въ то время, какъ за убійство княжескаго же смерда и холопа взыскивается 5 гривенъ, а за убійство княжескаго же сельскаго старосты 12 гривенъ.

По болѣе древней Правдѣ, приписываемой Ярославу, за убійство всѣхъ лицъ высшаго и средняго состояній (кромѣ, надо полагать, смердовъ и, само собой разумѣется, холоповъ) назначена была одинаковая вира (въ случаѣ отказа отъ мести) въ 40 гривенъ; эта вира взыскивалась одинаково и за убійство гридя—дружинника, и за мечника, и за убійство купца, и за изгоя, и вообще за русина и словенина.

Правда сыновей Ярослава, устанавливая виру въ 80 гривенъ, называетъ только огнищанъ, и приравниваетъ къ нимъ тіуновъ и стараго конюха; о другихъ разрядахъ лицъ она не говоритъ, потому что этотъ памятникъ, вообще, какъ я уже говорилъ, представляетъ собою уставъ, спеціально касающійся лицъ и имущества, близкаго князьямъ. Для лицъ другихъ состояній въ это время, надо полагать, сохранялась установившаяся издавна обычная оцѣнка жизни въ 40 гривенъ. Главное содержаніе устава

о тіунахъ конюшемъ и огнищномъ: I, с. 222. Но это слово объясняетъ только значеніе слова огнище. Затѣмъ онъ сопоставлялъ новгородскихъ „огнищане, гриди“ съ „боляръ, гридьбу“ другихъ лѣтописей, и полагая, что боярами назывались старшіе члены дружины, заключаетъ отсюда, что огнищане также были дружинниками. Одинаково съ *Соловьевымъ* считаетъ огнищанъ дружинниками, и при томъ дружинниками старшими, *М. Ф. Владимірскій-Буда-новъ*, хотя онъ и не обосновываетъ своего мнѣнія: „Обзоръ“, изд. 3, с. 31. Дружинниковъ видѣлъ въ огнищанахъ также *Костомаровъ*; его аргументы: 1) огнищанинъ=княжъ мужъ по пространной Р. Правдѣ; 2) въ Р. Правдѣ „объ огнищанахъ говорится заурядъ съ должностными лицами при княжескомъ дворѣ“: ст. 18 и 32 Акад. сп.; 3) самая высокая вира въ 80 гривенъ; 4) „огнищане и гриди посылались въ пригороды для защиты ихъ, какъ военное сословіе“ (Новг. лѣт. 1234). „Сѣв. р. народоправства“, II, 20.

Ярославичей именно и заключалось въ томъ, что они для своихъ княжихъ мужей огнищанъ установили повышенную виру, въ двойномъ размѣрѣ въ сравненіе съ обычною 40-гривенной вирой.

Въ Русской Правдѣ огнищанами называются несомнѣнно княжіе мужи, но какіе, всѣ, вся дружина, или только старшая дружина, какъ думаютъ нѣкоторые изслѣдователи? Для разрѣшенія этого вопроса намъ даетъ новую опору то раздѣленіе Русской Правды на составныя части, которое я выяснилъ въ предъидущихъ лекціяхъ. Пространная Русская Правда представляетъ собою позднѣйшую компиляцію, и мы поэтому сосредоточимъ вниманіе на древнѣйшихъ двухъ памятникахъ—Правдѣ, приписываемой Ярославу, и Правдѣ его сыновей.

Эта Правда сыновей Ярослава, установивъ цѣлый рядъ положеній о княжескихъ людяхъ разныхъ разрядовъ, отъ холоповъ до огнищанъ и о княжескомъ хозяйствѣ, въ числѣ привилегированныхъ разрядовъ лицъ называетъ только *огнищанъ, тивуновъ* и *мечниковъ*, при чемъ тивуны и мечники только приравниваются къ огнищанамъ, какъ къ нимъ же случайно, казуистически, приравнивается и конюхъ старый у стада.

Возможно ли, чтобы очень систематично устанавливая особую виру для огнищанъ и тивуновъ, затѣмъ для княжескаго сельскаго старосты, рядовича, смерда, холопа, и рабы кормилицы (—конечно управительницы, а не кормилицы въ нашемъ смыслѣ слова), возможно ли, чтобы сыновья Ярослава ни словомъ не упомянули во всемъ своемъ уставѣ о младшей дружинѣ, или о гридяхъ? Молчаніе ихъ о гридяхъ въ перечисленіи виръ за убійство лица можно было бы объяснить случайнымъ пропускомъ. Но вѣдь они точно также не говорятъ о гридяхъ и устанавливая пени за муку, за истязаніе, и опять упоминаютъ только огнищанъ, тивуновъ и мечниковъ.

Изъ этого я заключаю, что огнищанами въ Правдѣ сыновей Ярослава называются вообще княжескіе дружинники, княжи мужи какъ старшіе, такъ и младшіе, и что 80-гривенная вира охраняла жизнь какъ тѣхъ, такъ и другихъ. Эта привилегія была общей для всѣхъ мужей, потому что ея основаніемъ была власть князя, особая святость такъ сказать, или неприкосновенность княжескаго огнища, очага, двора князя, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всѣхъ лицъ принадлежащихъ къ этому огнищу. Установленіе повышенной

виры для княжихъ мужей было одною изъ ступеней постепеннаго возвышенія княжеской власти и княжескаго дома, которое впослѣдствіи дошло до того, что сдѣлался царскій дворъ своего рода святилищемъ, и оскорбленіе величества сдѣлалось своего рода смертнымъ грѣхомъ, которое каралось сугубо-жестокими казнями.

О закладничествѣ [1]).

1. Борьба съ закладничествомъ въ XVI и XVII вв. и борьба съ закладомъ тяглыхъ дворовъ.

Обратимся къ обзору законодательной борьбы съ той формой закладничества, о которой преимущественно идетъ рѣчь въ этой главѣ, закладничества-поселенія на частновладѣльческой землѣ.

Впервые было оно воспрещено въ серединѣ XVI вѣка, статьей 91 царскаго Судебника 1551 г. Статья эта, въ обычно цитируемой ея редакціи, по Строевскому списку, изложена весьма сбивчиво, но смыслъ ея уясняется болѣе правильнымъ чтеніемъ, даваемымъ большею частью другихъ списковъ; она должна читаться, повидимому, такъ: „а торговымъ людемъ городскимъ въ монастыряхъ и въ монастырскихъ городскихъ дворахъ не жити; а которые торговые люди учнутъ жити въ монастыряхъ и тѣхъ съ монастырей сводити, да и намѣстникомъ ихъ судити. А на монастыряхъ жити нищимъ, которые питаются отъ церкви Божіей“ [2]). Это первое общее запрещеніе торговымъ людямъ закладываться за монастыри, поселяясь на монастырскихъ бѣлыхъ земляхъ и дворахъ. Въ связи съ этой статьей находится ст. 59, воспрещающая закладничество церковное: „а которая вдовица питается отъ церкви Божіей, а живетъ своимъ домомъ, ино то судъ не святительскій“.

Въ поясненіе указанной статьи Судебника можно указать еще нѣсколько частныхъ распоряженій правительства, преслѣдующихъ

---

[1]) Къ главѣ второй, II-й части.

[2]) См. А. Истор. I, № 153, примѣчанія. Списки Сійскаго монастыря и Софійской библіотеки XVI, XVII в., №№ 1, 2, 11—16, 19, отчасти №№ 5 и 8. „Въ монастыряхъ, городскихъ дворахъ не жити“, прочее правильно въ спискѣ канцеляриста Попова, ст. 90; изд. *Башилова*, 1768.

ту же цѣль и относящихся къ тому же 1551 г. Въ XIV, XV и въ первой половинѣ XVI в., великіе князья, давая монастырскимъ дворамъ въ городахъ обычныя привилегіи въ отношеніи суда и налоговъ, обѣляютъ эти дворы безусловно; дѣйствіе жалованной обѣльной грамоты распространяется на всѣхъ лицъ, сколько бы ихъ монастырь ни поселилъ на своемъ дворѣ („кто у нихъ иметъ жити въ томъ дворѣ людей", или „кто въ городѣ посадитъ"). Но въ 1551 г. государь, подтверждая жалованныя грамоты, данныя ранѣе монастырямъ на городскіе дворы, ограничиваетъ ихъ дѣйствіе по отношенію къ лицамъ, живущимъ на этихъ дворахъ; очевидно, предупреждая закладничество, правительство опредѣляетъ, что только одно или два лица („дворника"), живущіе на этихъ дворахъ, будутъ впредь пользоваться привилегіями суда и дани [1]).

Въ 1584 г. указанное узаконеніе Судебника было подтверждено въ иной терминологіи и формѣ: запрещеніе направлено было противъ господъ, принимавшихъ закладчиковъ, и распространено было, кромѣ церковныхъ, также и на свѣтскія земли. Во второй соборной грамотѣ объ уничтоженіи тарханов сказано слѣдующее: „и въ закладчикахъ за собою торговыхъ людей, съ которыхъ идутъ царскія дани, какъ отъ священныхъ, такъ и отъ мірскихъ царскаго синклита не держати" [2]). Поступаясь своими правами, духовный соборъ не забылъ при этомъ случаѣ и свѣтскихъ держателей закладчиковъ,—„мірскихъ царскаго синклита". Мотивъ этого постановленія указанъ въ тѣхъ же грамотахъ; то, что сказано въ нихъ о крестьянахъ, вышедшихъ за помѣщиковъ, должно быть отнесено и къ торговымъ

[1]) Ср. жалованную грамоту Троицкому монастырю на дворы у Соли, 1543 г. и ея подтвержденіе 1551 г.: А. Арх. Эксп. I, № 200. „А кто у нихъ въ томъ ихъ дворѣ, *опричь одного человѣка дворника*, учнетъ жити, и тѣмъ людемъ всякія подати давать съ черными людьми ровно и волостели ихъ Ряполовскіе и тіуны судятъ, какъ иныхъ черныхъ людей". Привилегіи распространяются только на двухъ дворниковъ въ подтвержденіяхъ (1551 г.) жалованныхъ грамотъ 1534 г. на Троицкіе осадные дворы въ Суздалѣ и Костромѣ и дворъ въ Дмитровѣ: А. А. Э. I, № 179. Акты *Ѳедотова-Чеховскаго* I, № 43, стр. 45.—Удѣльный князь Владиміръ Андреевичъ не рѣшается, однако, на такую мѣру; см. А. А. Э. I № 273 (1566 г.).

[2]) С. Гос. Гр. и Дог. I, № 202, с. 595. Въ соборномъ приговорѣ о тарханахъ 1580 г. этой статьи о закладчикахъ нѣтъ. Idem. № 200.

людямъ закладчикамъ: они, вышедъ съ посаду, „живутъ за тарханы во льготѣ и отъ того великая нищета пріиде“ торговымъ людямъ.

Болѣе энергичная борьба съ закладничествомъ началась послѣ Смутнаго времени и неослабно велась въ продолженіе всего XVII вѣка. Въ 1619 г. сдѣланъ былъ рѣшительный шагъ къ прикрѣпленію посадскихъ людей по мѣсту ихъ жительства и тѣмъ самымъ и къ уничтоженію закладничества. Соборъ приговорилъ произвести перепись городовъ и вмѣстѣ съ возвращеніемъ на старыя мѣста посадскихъ людей, переселившихся изъ одного города въ другой, возвратить въ посады всѣхъ „заложившихся за бояръ, за монастыри и за всякихъ людей, и отдать ихъ на крѣпкія поруки съ записьми“, во избѣжаніе новаго ихъ выхода изъ посада. Вмѣстѣ съ тѣмъ, съ лицъ, державшихъ за собою закладчиковъ, велѣно было взыскать недоимки, накопившіяся на этихъ послѣднихъ со времени выхода ихъ изъ тягла [1]).

Черезъ двадцать лѣтъ было сдѣлано новое распоряженіе о закладчикахъ, опять строгое по отношенію къ патронамъ. Указомъ 12 сентября 1638 г. порученъ былъ кн. П. А. Репнину и дьяку Минѣ Грязеву общій сыскъ и возвращеніе лицъ, заложившихся со времени воцаренія Михаила Ѳедоровича. Въ указѣ этомъ не говорилось о взысканіи недоимокъ бѣглыхъ посадскихъ съ господъ, но повелѣно было „хоромы, которые они ставили, живучи за тѣми людьми, отдавать съ мѣсты и съ животы имъ закладчикомъ“ [2]). Возвращенные въ посадъ тяглецы строились на посадѣ подъ надзоромъ особыхъ „свозчиковъ“, которые жили по городамъ въ теченіе трехъ лѣтъ: тѣхъ изъ закладчиковъ, которые не нашли себѣ „поручниковъ въ житьѣ и въ дворовомъ строеніи“, сажали въ тюрьму. Въ 1642 г. сидѣвшіе въ тюрьмахъ закладчики были выпущены съ угрозой большого наказанья и ссылки въ Сибирь, если они „сбѣгутъ и жить и строиться не учнутъ“ [3]).

---

[1]) Книги разрядныя т. I, с. 613 (1619 г.). Окружныя грамоты объ этомъ соборномъ постановленіи въ Новгородъ и въ Галичъ: С. Гос. Гр. и Дог. III, № 47 и А. Арх. Эксп. III, № 105. О томъ же въ Устюжну, 1623 г.: А. А. Э. III, № 141.

[2]) Этотъ указъ приведенъ въ царской грамотѣ къ воеводѣ суздальскому 1638 г., А. А. Э. III, № 279.

[3]) Этотъ указъ 11 апр. 1642 г. въ грамотѣ суздальскому губному старостѣ, А. А. Э. III, № 311.

Особою строгостью отличаются постановленія Уложенія 1649 г. о закладничествѣ, выработанныя на соборѣ по челобитьямъ посадскихъ и служилыхъ людей. Закладывавшимся посадскимъ грозилъ, по этому Уложенью, кнутъ и ссылка въ Сибирь на Лену; лицъ, принимавшихъ за себя закладчиковъ, ждала великая опала и конфискація тѣхъ земель, на которыхъ они поселятся. Отчасти для пресѣченія закладничества въ корнѣ, принята была рѣшительная мѣра, отписка на государя частновладѣльческихъ слободъ и деревень, „стоявшихъвъ рядъ съ посады“ [1]). Противъ закладничества косвеннымъ образомъ направлена была и статья Уложенія о дворничествѣ. Уложеніе приказываетъ господамъ держать на загородныхъ дворахъ и огородахъ холоповъ, и только въ случаѣ неимѣнія людей, разрѣшаетъ держать въ дворникахъ по одному крестьянину или бобылю на дворѣ. Всѣ лишніе дворники, даже крестьяне, записанные за вотчинниками въ писцовыхъ книгахъ, тѣмъ болѣе дворники-закладчики, берутся въ тягло [2]).

Но указанныя угрозы Уложенія не остановили бѣгства посадскихъ людей отъ непосильнаго тягла на частно-владѣльческія земли, подъ оборону бѣломѣстцевъ. Онѣ къ тому же, повидимому, не исполнялись. При массовомъ движеніи посадскихъ людей въ закладчики, наказаніе лицъ, провинившихся въ этомъ, ссылкою на Лену шло бы въ разрѣзъ съ цѣлью, поставленной Уложеніемъ, возвращеніемъ посадскихъ на старыя ихъ мѣста. Въ 1667 г. правительство не примѣняло этихъ наказаній даже къ рецидивистамъ-закладчикамъ, отписаннымъ на прежнія тяглыя мѣста и вновь выпедшимъ за бѣломѣстцевъ, и ограничивалось вторичнымъ возвращеніемъ въ посадъ такихъ „отписныхъ“ закладчиковъ [3]).

Въ 80-хъ годахъ въ политикѣ московскаго правительства, относившейся къ борьбѣ съ выходомъ земли и людей изъ тягла, замѣчается нѣкоторое колебаніе. Правительство какъ бы убѣждается въ своемъ безсиліи искоренить личное закладничество путемъ возвращенія бѣглыхъ посадскихъ въ мѣста ихъ приписки, и закладничество тяглой земли путемъ конфискаціи ея у бѣломѣстцевъ.

[1]) Уложеніе, ст. 7, 8, 9, 13 гл. XIX. Челобитья и особые указы по нимъ 1648 г., ноября 13, 25, дек. 18, въ А. А. Э. IV, № 32. Царская грамота во Владиміръ объ исполненіи постановленій Уложенія: А. Ист. IV, № 29.

[2]) Ст. 14, гл. XIX.

[3]) Указъ свіяжскому воеводѣ: А. Э. IV, № 158.

Главныя усилія направляются теперь на привлеченіе въ тягло бѣломѣстцевъ вмѣстѣ съ лицами, за нихъ заложившимися. Землю, перешедшую въ руки бѣломѣстцевъ, правительство оставляетъ за ними, подъ условіемъ платить съ нея тягло [1]). Точно также указами 1688—1693 г.г. правительство предписываетъ воеводамъ нѣкоторыхъ городовъ (Новгорода, Ярославля, Вологды) оставлять „помѣщиковыхъ, вотчинниковыхъ, властелинскихъ и монастырскихъ закладчиковъ, крестьянъ, бобылей и захребетниковъ“, пришедшихъ сюда изъ другихъ городовъ съ 1649 по 1684 г., — на новыхъ мѣстахъ поселенія, съ обязательствомъ „службы служить и тягло всякое платить съ городскими посадскими людьми въ рядъ“ [2]).

Но правительство не могло, конечно, совершенно отказаться отъ возвращенія бѣглыхъ. Въ 1698 г. воеводѣ одного изъ только-что указанныхъ городовъ (Ярославля) приказано было „учинить заказъ крѣпкой“, чтобъ никто не принималъ и не держалъ бѣглыхъ служилыхъ и тяглыхъ людей и велѣно было отсылать такихъ бѣглыхъ въ ихъ города съ приставами [3]). Борьба съ закладничествомъ посадскихъ людей продолжается до царствованія Петра Великаго. Въ 1714 году имъ изданъ былъ указъ, повторяющій прежнія распоряженія о закладчикахъ. Указъ этотъ говоритъ, что многіе купецкіе люди, „вышедъ изъ слободъ и отбывая податей и уклоняясь отъ службъ“, живутъ на загородныхъ дворахъ у бѣломѣстцевъ, и повелѣваетъ такихъ людей съ тѣхъ дворовъ вернуть назадъ въ слободы [4]).

Прослѣдивъ узаконенія о закладчикахъ, я остановлюсь теперь на узаконеніяхъ о закладѣ тяглыхъ дворовъ, чтобы, путемъ срав-

---

[1]) *Неволинъ*, „Ист. росс. гражд. зак.“, т. II, § 314, с. 267.

[2]) А. Ист. V, № 226. Грамота новгор. воеводѣ 1693 г., ноября 8; въ текстѣ ея излагаются указъ въ Ярославль, 197—1689 г., окт. 12 и въ Вологду, 197 г., 11 іюля, о томъ же, по челобитью земскаго старосты и всѣхъ посадскихъ людей. (Любопытно, что по указамъ 197 г. не возвращаются помѣщикамъ даже ихъ бѣглые крестьяне, вышедшіе по 193 г. (!): „въ искахъ помѣщикамъ отказывать для того, что они не били намъ челомъ многіе годы“.—Возстановленіе урочныхъ лѣтъ).

[3]) П. С. З. III, № 1650, с. 488.

[4]) П. С. З. V, № 2.794, с. 69. См. нашу книгу: „Проекты реформъ въ запискахъ современниковъ Петра Великаго“, с. 126, 127.

нeнія тѣхъ и другихъ, выяснить, что личное закладничество не имѣло никакой прямой связи съ закладомъ дворовъ, вопреки мнѣнію нѣкоторыхъ новѣйшихъ изслѣдователей. Въ нѣкоторыхъ сочиненіяхъ, касающихся закладничества, мы находимъ не только тѣсное сближеніе „личнаго заклада“ (какъ обыкновенно опредѣляютъ закладничество) съ закладомъ недвижимостей, но и полное смѣшеніе весьма различныхъ по содержанію узаконеній, относящихся къ этимъ двумъ явленіямъ. Такъ, А. С. Лаппо-Данилевскій говоритъ слѣдующее: „личный закладъ могъ замѣниться реальнымъ, если заемщикъ представлялъ кредитору въ видѣ обезпеченія свою движимую или недвижимую собственность; въ такомъ случаѣ личный рискъ смѣнялся имущественной отвѣтственностью“. На дальнѣйшихъ страницахъ книги названнаго автора, посвященныхъ закладничеству—личному закладу, рѣчь идетъ исключительно о реальномъ закладѣ тяглыхъ дворовъ бѣломѣстцамъ: въ примѣчаніяхъ указываются безразлично узаконенія какъ о „закладчикахъ“, такъ и о закладѣ дворовъ. Словомъ „закладчикъ“ А. С. Лаппо-Данилевскій, подобно Неволину [1]), обозначаетъ залогодателей, лицъ, закладывавшихъ свои дворы [2]). П. Н. Милюковъ, съ своей стороны, въ извѣстной обстоятельной рецензіи на книгу г. Лаппо-Данилевскаго не сдѣлалъ никакихъ замѣчаній на указанныя разсужденія послѣдняго; онъ указалъ лишь на болѣе послѣдовательный выводъ изъ его фактическаго изложенія, оставивъ въ сторонѣ личный залогъ, и опредѣлилъ закладничество исключительно какъ закладъ реальный. „Закладничество,—говоритъ г. Милюковъ,—то-есть, залогъ и отчужденіе недвижимаго имущества, представляется выходомъ изъ тягла въ томъ случаѣ, если тяглый участокъ переходитъ по закладной къ бѣломѣстцу“ [3]).

Грамоты, цитированныя мною ранѣе, никоимъ образомъ не допускаютъ такого смѣшенія закладничества съ закладомъ недвижимостей; оно возникало въ XVII в., какъ я говорилъ, изъ поселенія лица на частновладѣльческой землѣ и не имѣло никакой связи съ закладомъ тяглыхъ дворовъ. Съ замѣчательной послѣдовательностью всѣ главнѣйшія узаконенія называютъ лицъ, закла-

[1]) „Ист. росс. гражд. зак.“, т. II, § 314.
[2]) „Организ. прямого обложенія“, с. 150—157.
[3]) „Спорные вопросы финансовой исторіи Моск. госуд.“, с. 88.

дывавшихъ свои дворы, *закладчиками*, отличая ихъ тѣмъ отъ *закладчиковъ* [1]).

Узаконенія, касающіяся заклада тяглыхъ участковъ, замѣчу далѣе, составляютъ особый рядъ распоряженій, параллельный распоряженіямъ о личномъ закладничествѣ. Закладъ тяглыхъ дворовъ, одновременно съ продажей и другими способами отчужденія ихъ въ руки бѣломѣстцевъ, воспрещенъ былъ въ 1621 г.; затѣмъ, въ 1634 г. указано было бить кнутомъ тяглыхъ людей за закладъ и продажу дворовъ бѣломѣстцамъ [2]). Наказаніе за закладничество опредѣлено было впервые въ Уложеніи 1649 г. и притомъ сразу болѣе суровое: кнутъ и ссылка на Лену одновременно. За закладъ же дворовъ бѣломѣстцамъ посадскіе, по Уложенію, наказывались по прежнему только торговою казнью, безъ ссылки въ Сибирь. За пріемъ на свои земли закладчиковъ вотчинникамъ грозила великая опала и конфискація земель; за пріобрѣтеніе же тяглыхъ дворовъ по купчимъ и закладнымъ бѣломѣстцы наказывались только безденежнымъ возвращеніемъ дворовъ въ сотни. При этомъ личное закладничество воспрещается безусловно; закладъ же дворовъ, собственно говоря, не преслѣдуется; строго воспрещается лишь *отчужденіе* тяглыхъ дворовъ въ руки бѣломѣстцевъ, или ихъ людей и крестьянъ по просроченнымъ закладнымъ [3]).

То личное закладничество, о которомъ говорятъ спеціально ему посвященныя узаконенія, не имѣло, такимъ образомъ, никакой связи съ сдѣлками заклада тяглыхъ участковъ. Правительственные акты подъ закладчиками разумѣютъ лицъ, уходящихъ изъ посада на частновладѣльческія земли, а не лицъ, заложившихъ самихъ себя вмѣстѣ съ своими дворами, какъ думаютъ нѣкоторые изслѣдователи. Закладъ двора не былъ связанъ съ переходомъ лица, дворовладѣльца, во власть залогопринимателя. Продавъ свой дворъ, или заложивъ и просрочивъ, посадскій человѣкъ обыкновенно не оставался жить на этомъ дворѣ въ качествѣ зависимаго лица отъ

---

[1]) См. выше, § 67.

[2]) А. Ист., т. III, № 92. IX, XXV.

[3]) Ср. въ XIX гл. ст. 13, 16, 39. Дальнѣйшія узаконенія о закладѣ дворовъ обстоятельно изложены *Невол*инымъ. *И. Загоскинъ* провѣрилъ всѣ ссылки *Невол*ина. См. ст. „О правѣ владѣнія город. дворами“ въ „Изв. Каз. унив.“ 1877 г., т. XIII, с. 52—58.

новаго дворовладѣльца. По свидѣтельству челобитной (1635 г. [1]), на дворахъ и дворовыхъ мѣстахъ, заложенныхъ и перешедшихъ въ собственность бѣломѣстцевъ, „живутъ и строятся всякихъ чиновъ люди..., а тѣ люди, которые закладываютъ, изъ сотенъ, изъ слободъ и изъ тягла бредутъ розно“ [2]).

2. Закладные люди.

Оспаривая обычное пониманіе закладничества, какъ личнаго закладa, я, однако, отнюдь не утверждаю, что личный закладъ-залогъ былъ вообще чуждъ русскимъ людямъ въ XVI, XVII вѣкахъ. Сдѣлки займа съ залогомъ лица, несомнѣнно были очень распространены въ указанное время, и для нихъ выработаны были особыя формы актовъ.

Въ XVI вѣкѣ состояніе личнаго заклада опредѣлялось „служилой кабалой“. Должникъ по такой кабалѣ, въ первоначальной ея формѣ, обязывался служить во дворѣ кредитора, до уплаты долга, дѣлаясь зависимымъ отъ него лицомъ и, такимъ образомъ,

[1]) Уст. кн. земскаго приказа, № XXIII.

[2]) Я упоминалъ выше, что изслѣдователи, видящіе въ закладничествѣ личный закладъ, не указываютъ, въ подтвержденіе своего мнѣнія никакихъ источниковъ. *А. С. Лаппо-Данилевскій*, утверждая, что закладничество было „обезпеченіемъ займа личною службой“, ссылается единственно на служилую кабалу 1596 г. (А. Ю. № 252) и на Акты гр. расправы *Ѳедотова-Чеховскаго*, №№ 25, 75, 91, въ которыхъ, между прочимъ, читаемъ: „а заложилъ ту деревню дѣдъ мой Микита, а за ростъ было имъ (залогопринимателямъ) та деревня пахати“ (с. 24). Въ этихъ актахъ можно найти только указанія на закладъ-отчужденіе пожень и деревень... (Закладныя кабалы на недвижимости, №№ 75, 91, 116, 121, стр. 221, 212, 256 и др.). Точно также, какъ указаніе на эти акты, для меня не вполнѣ понятна и ссылка *А. С. Лаппо-Данилевскаго* (въ томъ же примѣчаніи 3 на стр. 150, op. cit) на грамоту о закладѣ полдеревни, напечатанную *И. Румовскимъ*, въ „Описаніи Великоустюжскаго собора“, № 4, с. 107. Эта грамота (1543) очень интересна по сложности сдѣлки, хотя не имѣетъ никакого отношенія къ личному закладничеству: нѣкто Морозъ закладываетъ свою деревню Исаю Теребину на 20 лѣтъ и одновременно передаетъ свое право собственности на нее (даетъ ее на вкладъ) попамъ собора. (Она любопытна еще тѣмъ, что окончательно уясняетъ значеніе слова *закупъ* въ XVI в.: въ ней этимъ словомъ обозначается *закладъ*, а самая грамота называется одними изъ подписавшихъ ее лицъ *закладной*, а другими *закупной*).

какъ говорятъ о закладчикахъ, именно обезпечивалъ уплату займа личнымъ закладомъ, отдавая въ залогъ свою свободу. Указомъ 1597 г. такія сдѣлки личнаго заклада были превращены въ сдѣлки самопродажи въ холопство до смерти господина.

Но старый институтъ, вопреки закону, вновь возрождается въ XVII вѣкѣ. „Когда служилая кабала, — замѣчаетъ проф. Ключевскій,—утратила характеръ заемнаго служилаго обязательства, для такихъ обязательствъ выработался особый родъ крѣпостей, получившихъ названіе *жилыхъ* или *житейскихъ* записей“ [1]). Одинъ видъ такихъ жилыхъ записей былъ, повидимому, совершенно тожественъ съ древнѣйшей служилой кабалой: это *„записи за ростъ служити“*, о которыхъ упоминаетъ Уложеніе [2]). Отъ заемныхъ жилыхъ записей, съ обязательствомъ службы за ростъ, не отличаются *ссудныя жилыя записи*. Безпроцентная ссуда не можетъ быть отличаема отъ того займа, проценты съ коего погашаются работой: въ обоихъ случаяхъ заемщикъ одинаково служитъ кредитору, до уплаты долга, называетъ-ли онъ или нѣтъ свою работу „службой за ростъ“ и одинаково освобождается отъ обязательства съ уплатой полученныхъ денегъ, какъ онъ ихъ ни называетъ, ссудой или займомъ [3]). Заемныя и ссудныя жилыя записи XVII в. такъ же, какъ служилыя кабалы XVI в., можно разсматривать какъ сдѣлки личнаго заклада. Въ одной изъ заемныхъ кабалъ, заемщикъ прямо заявляетъ, что онъ обязуется жить и служить во дворѣ кредитора, до расплаты, *вмѣсто поруки*, взамѣнъ какого-либо другого обезпеченія долга [4]).

Одинъ родъ *наемныхъ* записей также ставилъ наймитовъ въ положеніе, фактически не отличавшееся отъ состоянія личнаго заклада: это *заживныя* жилыя записи. Онѣ должны быть отнесены

---

[1]) „Происхожденіе крѣпостного права въ Россіи“, „Русская Мысль“, 1885, № 8, с. 30.

[2]) Ст. 39 гл. XX, ст. 116 гл. XX („житейскія записи“), ст. 43 (повидимому, о фиктивныхъ „записяхъ съ написанными въ нихъ на человѣка заемными деньгами“).

[3]) Въ жилыхъ записяхъ стирается то отличіе безпроцентной ссуды отъ процентнаго займа, на которомъ напрасно настаиваетъ *Н. П. Дебольскій*, „Журн. Мин. Нар. Пр.“, 1895, ноябрь: „Къ вопросу о прикрѣпленіи владѣльческихъ крестьянъ“.

[4]) Акты отн. до юрид. быта, II, № 127, XX (1694).

къ договорамъ найма, такъ какъ въ нихъ включалось опредѣленіе сторонами цѣны найма, рядной платы и срокъ сдѣлки. Но наймитъ по такой записи получалъ рядную плату впередъ за нѣсколько лѣтъ и обязывался работать на господина „въ заживъ". Плата, полученная впередъ, за 10—15 лѣтъ, составляла значительную сумму денегъ и надолго ставила наймита въ положеніе неоплатнаго должника, закрѣпощеннаго господину непогашеннымъ займомъ. Бѣляевъ [1]) справедливо относитъ такихъ людей, „въ которыхъ характеръ должниковъ соединялся съ характеромъ наймитовъ", къ разряду „полусвободныхъ людей". Въ XVII в. наемную плату, взятую за нѣсколько лѣтъ впередъ, нерѣдко разсматривали какъ заемъ, который погашается работой, и записи указаннаго характера называли „заемными жилыми записями или кабалами" [2]). Въ то время сдѣлки этого рода сближали также съ личнымъ закладомъ: въ переписныхъ книгахъ г. Вятки упоминаются *„закладные срочные работники"* и „срочные работники, живущіе по закладной записи" [3]).

Существенный признакъ всѣхъ этихъ жилыхъ или житейскихъ записей, заемныхъ, ссудныхъ и заживныхъ, который позволяетъ намъ видѣть въ нихъ договоръ личнаго заклада, заключается въ обязательствѣ должника, до уплаты или погашенія долга работой, жить во дворѣ господина и при этомъ обыкновенно *„всякую* работу работать" и „господина, жену и дѣтей его слушать и почитать".

Уложеніе вполнѣ признаетъ всякія сдѣлки такого рода [4]); оно ограничиваетъ только составленіе жилыхъ записей на тяглыхъ людей. Захребетники тяглыхъ людей (ихъ дѣти, братья и племянники) могли давать на себя жилыя записи нетяглымъ людямъ

[1]) „Законы и акты о крѣпостномъ состояніи въ др. Россіи", въ „Арх. ист. и практ. свѣд.", 1859, кн. 2, с. 102.

[2]) Акты отн. до юр. быта, т. II, № 127, XIX. (М. Дмитріевъ обязуется за занятыхъ 30 р. работать 8 лѣтъ съ женой; 1697). „Арх. ист. и практич. свѣдѣній" 1859, кн. 2: заемная жилая запись 1686. Ср. idem 1858, кн. I, с. 89—90. Въ одной „служилой записи" человѣкъ обязуется работать 15 лѣтъ за „взятыя" деньги. Акты отн. до юр. быта, II, № 127, XV (1686).

[3]) Вятка. Мат. для ист. города. Перепись 1678 и Сказки гор. Хлынова, 1721, с. 44 и 120.

[4]) Ст. 44, гл. XX.

только на пять лѣтъ [1]). Крестьяне и бобыли могутъ „наймоватися въ работу по записямъ и безъ записей", но на нихъ нельзя брать „жилыхъ и ссудныхъ записей", равно какъ и служилыхъ кабалъ [2]).

Наконецъ, въ XVII в. былъ въ обычаѣ и *личный залогъ* не по существу только, но и по формѣ сдѣлки. Но люди, заложившіе самихъ себя или заложенные другими, назывались не закладчиками, а *закладными людьми* и актъ заклада лица закрѣплялся закладной кабалой. Сдѣлки этого рода распространены были, какъ кажется, исключительно на татарскомъ востокѣ, въ Поволжьѣ и въ Сибири. О закладныхъ людяхъ — заимщикахъ, крещеныхъ и некрещеныхъ, жившихъ въ закладѣхъ по закладнымъ кабаламъ, говоритъ вполнѣ опредѣленно только наказы воеводамъ поволжской области, въ города Астрахань, Черноярскъ и Уфу [3]), отчасти также и грамоты, относящіяся къ Сибири. Татары и другіе инородцы закладывали, какъ самихъ себя, такъ и своихъ женъ и дѣтей; подъ вліяніемъ татаръ сдѣлки этого рода вошли въ употребленіе и среди мѣстнаго русскаго населенія. Въ центральной Россіи сдѣлки заклада людей, если только онѣ совершались [4]), были мало распространены. Патріархъ Филаретъ въ грамотѣ къ сибирскому архіерею говоритъ о случаяхъ „заклада въ деньгахъ на сроки" сибирскими служилыми людьми своихъ женъ со всѣми

[1]) Ст. 116, гл. XX. Тяглымъ людямъ, надо полагать, совсѣмъ нельзя было, по закону, давать на себя жилыхъ записей, потому что они такимъ путемъ выходили бы изъ тягла („живутъ по наемнымъ жилымъ записямъ въ работѣ, въ наймѣхъ, а не въ тяглѣ": П. С. З., III, № 1471, с. 159). Опредѣленіе жилой записи, даваемое *А. С. Лаппо-Данилевскимъ*, представляется мнѣ не вполнѣ правильнымъ: „жилецкая запись, — говоритъ онъ, — какъ извѣстно (?), отличалась отъ служилой кабалы тѣмъ, что имѣла юридическое значеніе на небольшой произвольный промежутокъ времени, ограниченный въ Уложеніи пятью годами (?), не сохраняла, слѣдовательно, подобно второй, значенія до смерти господина и иногда осложнялась выдачею ссуды, погашаемой временною службой", op. cit., с. 148. Въ ст. 44 гл. XX признаются всякія записи и „по животъ", и на урочныя лѣта.

[2]) Ст. 32, гл. XI.

[3]) А. Ист., III, № 213 (1640), IV, № 181 (1665), П. С. З., III, № 1579 (1697), IV, № 1792 (1700).

[4]) *Олеарій* говоритъ только о случаяхъ заклада несостоятельными должниками своихъ дѣтей. См. *В. Ключевскій*, op. cit. „Русская Мысль", 1885, № 8, с. 34.

связанными съ такимъ закладомъ безнравственными послѣдствіями, какъ о необычномъ на Руси явленіи, свидѣтельствующемъ объ особомъ развращеніи нравовъ въ Сибири [1]).

У сторонниковъ обычнаго взгляда на закладничество можетъ явиться мысль, что „закладные люди“ это тѣ же „закладчики“, другое восточное названіе однихъ и тѣхъ же заложенныхъ людей. Но отношенію къ закладнымъ людямъ мы находимъ въ грамотахъ прямыя указанія на сдѣлки займа съ залогомъ лица; отожествленіе такихъ людей съ „закладчиками“ могло бы дать единственный вѣскій аргументъ въ пользу оспариваемаго мною пониманія закладничества. Неволинъ, въ подтвержденіе своего мнѣнія о закладчикахъ, какъ о должникахъ, обезпечивавшихъ заемъ своею свободой, ссылается безразлично на грамоты, упоминающія о закладчикахъ и о закладныхъ людяхъ [2]). Но, какъ мы сейчасъ увидимъ, акты отнюдь не допускаютъ смѣшенія этихъ двухъ различныхъ разрядовъ лицъ.

Наказъ окольничему князю Львову, назначенному воеводой въ Казань, въ 1697 г., содержитъ инструкціи объ отношеніи воеводы какъ къ закладнымъ людямъ, такъ и къ закладчикамъ. Статья 22 наказа, относящаяся къ закладнымъ людямъ, существеннымъ образомъ отличается какъ по своей терминологіи, такъ и по содержанію, отъ ст. 23, говорящей о закладчикахъ. „Въ Казани жъ велѣть учинить заказъ крѣпкой и бирючомъ кликати по многіе дни,—гласитъ первая изъ этихъ статей,—чтобъ казанскіе всякихъ чиновъ люди... всякихъ чиновъ русскихъ людей и вотяковъ и чуваши и черемисы и ихъ женъ и дѣтей... и никакихъ угодьевъ, ни въ какихъ долгѣхъ въ закладъ къ себѣ не имали и ни въ какія крѣпости не писали никоторыми дѣлы. А буде кто учнетъ какихъ всякихъ чиновъ людей въ какія закладныя записи или въ кабалы, или въ иныя какія крѣпости писать, и тѣхъ и ихъ женъ и дѣтей къ себѣ въ закладъ имать, и тѣмъ людемъ, кто такъ учинитъ, за то отъ великаго государя быть въ *смертной казни. А закладныя записи* и заемныя кабалы и всякія

[1]) С. Гос. Гр. и Дог., III, № 60, с. 246 (1622). Извѣстная закладная кабала на жену 1679 г., въ А. отн. до юрид. быта, № 126, XIII, написана была также на востокѣ ясачнымъ якутомъ.

[2]) Op. cit., § 445, прим. 610.

крѣпости отдавать тѣмъ *заимщикомъ* безденежно... А которые всякихъ чиновъ люди *крещеные и некрещеные*, а напередъ сего жили и живутъ въ закладѣхъ у всякихъ чиновъ людей: и тѣмъ людемъ велѣть жить въ тяглѣхъ и въ ясакѣхъ по прежнему и денегъ... по всякимъ крѣпостямъ *заимщикомъ* платить имъ не велѣно, а истцомъ въ тѣхъ деньгахъ отказывать и крѣпости всякія у всякихъ людей на *закладныхъ людей* имать въ приказную палату".

Слѣдующая статья 23 содержитъ постановленія *о закладчикахъ*; здѣсь нѣтъ ни одного упоминанія о закладѣ-залогѣ и о закладныхъ кабалахъ. „А которые буде казанскіе и казанскихъ пригородовъ и иныхъ городовъ *пришлые* торговые и ремесленные люди нынѣ *живутъ* въ Казани, и въ казанскихъ пригородѣхъ, и въ селѣхъ, и на посадѣхъ, и въ слободахъ *за кѣмъ въ закладчикахъ*... и тѣмъ всѣмъ закладчикомъ *въ закладчикахъ быть* не велѣть, а велѣть тѣмъ всѣмъ закладчикомъ государевы всякія подати платить и службу служить съ посадскими людьми вмѣстѣ... А будетъ изъ-за кого возьмутся закладчики и впредь тѣхъ будутъ принимать, или тѣ будутъ *закладываться*, или за симъ указомъ кто приметъ, чинить наказанье, *бить кнутомъ*, и тѣ годы, которые въ тѣхъ прогулкахъ подати не взяты, имать на тѣхъ, кто за указомъ сверхъ наказанья ималъ" [1]).

Эта длинная выписка необходима; она разъясняетъ сразу очень многое. Сравненіе текста этихъ двухъ статей показываетъ, что въ XVII вѣкѣ строго отличали закладчиковъ отъ закладныхъ людей. Если закладными людьми, какъ ясно видно изъ этого наказа, назывались дѣйствительно люди, заложившіе самихъ себя или заложенные, то термины „жить въ закладчикахъ" и „закладываться", несомнѣнно обозначали отношенія какого-то совсѣмъ иного порядка, какого именно, объ этомъ раньше шла у насъ рѣчь. По отношенію къ залогу лица, укрѣплявшемуся закладной крѣпостью, правительство естественно обращаетъ главное вниманіе на уничтоженіе силы такихъ крѣпостей, объявляетъ ихъ недѣйствительными и приказываетъ закладныя записи отбирать

[1]) П. С. З., т. III, № 1597 г., марта 31, с. 289, 290. Тѣ же „закладныя крѣпости" и „закладные люди заимщики" въ А. Ист., т. III, № 213 и въ другихъ грамотахъ о томъ же предметѣ.

въ приказную палату. Вторая статья, относящаяся къ закладчикамъ, не говоритъ ни слова о такихъ крѣпостяхъ, точно такъ же, какъ и всѣ другія узаконенія о закладничествѣ; „закладчики", въ противоположность закладнымъ людямъ, не названы ни разу заимщиками. Самыя наказанія, установленныя за нарушеніе этихъ двухъ различныхъ узаконеній, существенно отличаются одно отъ другого. За держаніе „закладчиковъ" виновные наказуются кнутомъ, за держаніе же закладныхъ людей-заимщиковъ—гораздо строже, смертною казнью.

Весь ходъ законодательства о закладѣ людей совершенно отличенъ отъ законовъ, касающихся закладчиковъ—задавшихся людей. Во время наиболѣе строгихъ постановленій о закладничествѣ-патронатѣ (разсмотрѣнныхъ выше), въ 40-хъ годахъ, правительство боролось съ залогомъ лицъ единственно путемъ признанія недѣйствительными закладныхъ кабалъ на „крещеныхъ и некрещеныхъ людей". Въ 1678 г. правительство грозило господамъ, виновнымъ въ пріемѣ людей въ залогъ, „великимъ наказаньемъ", не опредѣляя еще самаго наказанія.

Чрезмѣрно строгая кара за держаніе закладныхъ людей, установленная въ послѣднемъ десятилѣтіи, объясняется тѣмъ, что закабаленіе инородцевъ не было слѣдствіемъ сознательной сдѣлки двухъ сторонъ, какъ на Руси, при самопродажѣ въ рабство или служилую кабалу, но нерѣдко было результатомъ невѣжества инородцевъ и обманной эксплоатаціи ихъ пришлымъ, русскимъ, болѣе культурнымъ населеніемъ. Многія закладныя кабалы „объявлялись парядныя, и иныя въ посулахъ". Такое искусственное закабаленіе инородцевъ, обратившее на себя особенное вниманіе московскаго правительства конца XVII вѣка [1]), замѣчалось и въ слѣдующемъ столѣтіи [2]), оно наблюдается и до

[1]) Въ XVII в. въ Сибири оно еще не привлекало такого вниманія правительства. Одновременно съ наказомъ казанскому воеводѣ, были написаны въ томъ же 1697 г. два обширные наказа по 40 стр. воеводамъ въ Тобольскъ и Верхотурье; въ нихъ нѣтъ указанныхъ постановленій о закладныхъ людяхъ, но заемныя кабалы и здѣсь должны были быть возвращаемы безденежно должникамъ. П. С. З., III, № 1594, 1595. Въ 1678 г. правительство приказало писцамъ сыскивать въ Сибири „угодья и люди купленые, закладные и вкладу даваны": Ак. Ист., V, № 32, с. 50.

[2]) П. С. З., XI, № 8792, п. 6.—Донесеніе о Казанской губерніи, с. 917.

сихъ поръ повсюду, гдѣ пришлое, торговое и промышленное населеніе сталкивается съ мѣстнымъ, стоящимъ на значительно низшей степени культуры [1]).

3. Литература о закладничествѣ.

А. Съ 20-хъ годовъ до нашихъ дней почти всѣ авторитетные историки утверждаютъ, одинъ вслѣдъ за другимъ, что закладничество есть денежная сдѣлка, личный закладъ, обезпеченіе долга личной свободой должника. Первенство въ выраженіи этого взгляда на закладничество принадлежитъ *Карамзину*. Соглашеніе о закладняхъ одного изъ договоровъ Новгорода съ тверскимъ княземъ онъ перевелъ такъ: „княгиня, бояре и дворяне твои (князя) не должны брать людей въ залогъ по долгамъ, ни купцовъ, ни землевладѣльцевъ“ [2]). Точно также понялъ статью договорныхъ грамотъ о недержаніи закладней проф. *Рейцъ* (1828): „князья,—говоритъ онъ,—въ договорахъ между собой и съ Новгородомъ часто взаимно установляли не держать городскихъ жителей по закладнымъ контрактамъ“; закладни, утверждаетъ далѣе Рейцъ, это люди, которые „при займахъ давали въ залогъ свою свободу“ [3]).

Съ такимъ опредѣленіемъ интересующаго насъ института совершенно согласны и историки права 50-хъ годовъ: Неволинъ, Мейеръ и Чичеринъ. Проф. Неволинъ первый отожествилъ закладниковъ съ закупами и кабальными холопами. Говоря о „займѣ, обезпеченномъ личною свободою должника“, онъ утверждаетъ, что въ Русской Правдѣ заемщики этого рода называются закупами, словомъ, обозначавшимъ прежде вообще залогъ

---

[1]) Современный наблюдатель объ искусственно поддерживаемой русскими задолженности самоѣдовъ Архангельской губерніи, превращающейся въ настоящую кабалу: *Г. Танфильевъ*, „Извѣстія И. Р. Г. Общ.“, т. XXX, 1894, вып. I, с. 39, 40. Также закабаляютъ менѣе ихъ культурныхъ оронченовъ китайцы въ Уссурійскомъ краѣ: *П. Надаровъ*, „Сѣверно-Уссурійскій край“, Спб., 1887, с. 124.

[2]) „Истор. Госуд. Россійскаго“, т. IV, гл. 3 (1264).

[3]) „Опытъ ист. росс. госуд. и гражд. законовъ“, §§ 35 и 53, стр. 137 и 194.—Тоже въ „Словарѣ церк.-слав. и рус. яз. И. Ак. Н.“, 1847: „закладень тотъ, кто закладывалъ себя по кабалѣ“.

или закладъ; позднѣе встрѣчается для нихъ заимствованное отсюда наименованіе закладчиковъ или закладней“ [1]). Еще тѣснѣе сближаетъ указанные три института проф. Чичеринъ: по его мнѣнію, исчезнувшее съ теченіемъ времени слово закупъ замѣняется названіемъ „закладня“, которое, „въ свою очередь, превращается въ названіе кабальнаго холопа“ [2]). На тожество закладней съ закупами (заложившимися людьми), одновременно съ Чичеринымъ, указалъ проф. Мейеръ въ спеціальномъ трактатѣ о древнерусскомъ правѣ залога [3]), позднѣе—г. Побѣдоносцевъ [4]); въ послѣднее время ту же мысль развилъ проф. Ключевскій [5]), по мнѣнію котораго закладничество такъ же, какъ закупничество, есть „временная и условная зависимость, основанная на долговомъ обязательствѣ“ [6]).

Всѣ только-что упомянутые изслѣдователи, за исключеніемъ Мейера, опредѣляя закладничество какъ личный залогъ, имѣютъ въ виду только закладней или закладниковъ удѣльнаго времени. Неволинъ прямо утверждаетъ, что „въ московскій періодъ заемъ, съ обезпеченіемъ его личною свободою должника, сохранялся *только* въ видѣ вступленія въ услуженіе на правилахъ кабальнаго холопства“. Отъ закладней, закладывавшихъ свою свободу, онъ отличаетъ позднѣйшихъ „закладчиковъ“, въ которыхъ видитъ людей, закладывавшихъ недвижимости [7]). Разница между

---

[1]) „Ист. русс. гражд. законовъ“, т. III изд. 1851, § 445, с. 149, 150.

[2]) „Опыты по ист. русскаго права“, 1858, с. 154.

[3]) „Юридическій Сборникъ“, 1855, с. 226. Одновременно съ *Мейеромъ*, въ 1855 г., ту же мысль высказалъ *Ѳ. Устряловъ*, „Изслѣд. Псковской судной грамоты“, с. 50—51.

[4]) Въ закупничествѣ, закладничествѣ и кабальномъ холопствѣ „вещное обезпеченіе замѣняется обезпеченіемъ свободой, и личность должника уподобляется вещи“, „Курсъ гражд. права“, I, с. 518, § 69, изд. 2.

[5]) „Происхожд. крѣпостнаго права въ Россіи“, „Русская Мысль“, 1885, № 8, с. 12, 14.

[6]) Излагая обычный взглядъ на закладней, *Костомаровъ* сдѣлалъ въ немъ явно ошибочную поправку: онъ видитъ въ закладникахъ спеціальное новгородское явленіе, „тоже, что впослѣдствіи въ Московщинѣ называлось кабальные“, хотя прибавляетъ онъ, „неизвѣстно, въ подобномъ-ли образѣ жизни находились они въ Новгородѣ, какъ въ Москвѣ“, Сѣв.-русскія народоправства, изд. 1886, т. II, с. 32.—Костомаровъ забываетъ при этомъ, что о закладняхъ говорятъ не однѣ только новгородскія грамоты.

[7]) *Неволинъ*, op. cit., § 445 и § 450 о закладѣ дворовъ.

древнѣйшимъ и позднѣйшимъ закладничествомъ ускользнула отъ вниманія Мейера; онъ не отличаетъ закладней отъ закладчиковъ, а этимъ послѣднимъ терминомъ обозначаетъ какъ личный, такъ и реальный закладъ [1]). Въ трудахъ новѣйшихъ изслѣдователей мы находимъ то же смѣшеніе этихъ различныхъ явленій при опредѣленіи закладничества. Проф. Сергѣевичъ отрицаетъ связь между закладниками и закупами-наймитами, но, характеризуя этотъ институтъ, онъ пользуется безразлично грамотами XIII и XVII в. и полагаетъ, что слово закладень обозначаетъ какъ „человѣка, служащаго обезпеченіемъ долга", такъ и „заложенную недвижимость, землю" [2]). Наконецъ, послѣдній по времени изслѣдователь разбираемаго вопроса, А. С. Лаппо-Данилевскій, обстоятельно изучившій многія стороны внутренней жизни Московскаго государства, подъ терминомъ закладчики разумѣетъ какъ лицъ, заложившихъ самихъ себя, такъ и лицъ, заложившихъ свои дворы [3]).

Иного взгляда на закладничество держался Соловьевъ. Нашъ замѣчательнѣйшій историкъ придалъ этому институту важное значеніе и особенный интересъ, какъ типичному явленію древней жизни, общему всѣмъ народамъ на извѣстной ступени общественнаго развитія. Позднѣйшіе историки не только не приняли его мнѣнія, но и не обратили на него никакого вниманія. Причина этого заключается, быть можетъ, въ томъ, что Соловьевъ высказалъ свой взглядъ на русское закладничество мимоходомъ, не указавъ, въ подтвержденіе его, ни одного свидѣтельства источниковъ. Въ „Исторіи Россіи" онъ говоритъ о закладникахъ немного, указываетъ на отличіе ихъ отъ людей несвободныхъ, („лица, которыя на извѣстныхъ условіяхъ заложились за другого, остаются людьми свободными, хотя и несамостоятельными, зави-

[1]) Op. cit., с. 227, 242 и 243.—*А. Д. Градовскій* не поясняетъ, какъ онъ понимаетъ древній терминъ закладчики, хотя часто пользуется этимъ словомъ, „Ист. мѣстн. управл. въ Россіи", т. I, 1868, с. 159, 161 и др. Idem *П. Дитятинъ*, „Ист. и управл. городовъ въ Россіи", т. I.

[2]) „Юридич. древности", I, с. 269.

[3]) „Организація прямого обложенія въ Моск. госуд.", с. 158, см. ниже § 11. Обычное мнѣніе въ довольно неопредѣленной формулировкѣ занесено г. *В. Ст.* и на страницы „Энциклопед. Словаря" *Брокгауза и Ефрона*, т. 23, с. 169.

симыми"), и затѣмъ замѣчаетъ: „во все продолженіе древней русской исторіи мы видимъ стремленіе менѣе богатыхъ, менѣе значительныхъ людей закладываться за людей болѣе богатыхъ, болѣе значительныхъ, пользующихся особыми правами, чтобы подъ ихъ покровительствомъ найти облегченіе отъ повинностей и безопасность. Стремленіе это мы видимъ и въ другихъ европейскихъ государствахъ въ средніе вѣка" [1]). Комментарій къ этимъ словамъ находимъ въ замѣчательной статьѣ: „Наблюденія надъ исторической жизнью народовъ". Здѣсь Соловьевъ говоритъ о западномъ феодализмѣ, пользуясь соотвѣтствующими древними русскими терминами. Слово „закладываться" онъ употребляетъ въ смыслѣ „отдаваться подъ чье-либо покровительство". Въ средніе вѣка, читаемъ въ упомянутой статьѣ, „господствуетъ первичная форма частнаго союза для защиты, форма закладничества или феодализма"... „господствуетъ закладничество въ разныхъ видахъ, смотря по тому, каково значеніе захребетника или кліента... Подлѣ первоначальной формы, подлѣ естественнаго кровнаго союза (рода) съ самыхъ раннихъ поръ замѣчаемъ уже другія формы союза, союза искусственнаго въ противоположность кровному. Это союзъ закладничества, заключаемый подъ разными видами и разными условіями, отъ захребетничества и сосѣдства до холопства, но во всѣхъ видахъ имѣющій одну отличительную черту; слабый ищетъ покровительства сильнаго, при чемъ лишается извѣстной доли своихъ личныхъ и имущественныхъ правъ, иногда всѣхъ личныхъ правъ... Это явленіе не есть національное, не принадлежитъ какому-нибудь одному времени; но общее народамъ въ разныя времена"—во времена слабости государственной власти [2]). На русскихъ окраинахъ, въ Малороссіи, какъ указываетъ Соловьевъ, закладничество существовало еще во второй половинѣ XVIII вѣка; русскіе „захребетники" (закладники) назывались здѣсь *подсосѣдками* [3]).

[1]) „Ист. Россіи съ древн. временъ", т. IV, нов. изд., кн. I, с. 1.214, 1.215. Ср. т. XIII, кн. III, с. 656 и 703, т. 26, кн. VI, с. 33.

[2]) Статья 1873 г., „Сочиненія" *С. М. Соловьева*, с. 485, 512, ср. 454 513. Тоже въ статьѣ „Начала русской земли", тамъ же, с. 19. Ср. „западно-европейское формальное закладничество или вассальство": „Ист. Россіи", т. 26, кн. VI, с. 126.

[3]) Т. 26, кн. VI, с. 39, 31, ср. т. 20, гл. IV, кн. V, с. 1.525.

Въ настоящую минуту я не буду останавливаться на разборѣ нѣкоторыхъ частностей изложеннаго взгляда Соловьева на русское закладничество [1]); я отмѣчу только сущность этого взгляда, которая представляется мнѣ вполнѣ правильной: закладничество было не сдѣлкой залога лица, но добровольнымъ подчиненіемъ одного лица другому, болѣе сильному, съ цѣлью снисканія защиты, покровительства господина. Закладень и закладчикъ былъ не заложеннымъ человѣкомъ, закупомъ или кабальнымъ холопомъ; онъ былъ кліентомъ господина-патрона.

За такое пониманіе закладничества высказался вполнѣ опредѣленно одинъ только Соловьевъ. Но по случайнымъ замѣчаніямъ нѣкоторыхъ другихъ изслѣдователей видно, что самостоятельное изученіе источниковъ приводило ихъ, независимо отъ Соловьева, къ тому же рѣшенію занимающаго насъ вопроса. Такъ, кн. Щербатовъ въ концѣ прошлаго вѣка (1774), пересказывая новгородскія договорныя грамоты, напалъ на вѣрное пониманіе слова закладываться. Статью о закладняхъ договора 1315 г. [2]), онъ передаетъ такъ: „которые же новгородцы или села или волости, во время сего смущенія (замятня), заложили(сь) князю, то-есть предалися ему въ вѣчное и неограниченное подданство“... Другая договорная грамота говоритъ о закладняхъ, которые „позоровали къ князю“; Щербатовъ переводитъ ее: закладчиковъ, кои „въ подданство обязались“ князю [3]).

[1]) Кліентомъ можно назвать закладчика, но не захребетника: захребетники „жили за чужимъ тягломъ“ равнаго имъ по положенію посадскаго человѣка или крестьянина, не будучи зависимыми отъ домохозяина-тяглеца. Ср. *Бѣляевъ*. „Лекціи по ист. рус. законодат.“, с. 496. Малороссійскіе подсосѣдки, далѣе, не всѣ были захребетниками, въ указанномъ смыслѣ (казачьи подсосѣдки); большинство ихъ было, наоборотъ, закладчиками—подсосѣдки державскіе (владѣльческіе). Ср. *А. Лазаревскій*, „Малор. поспол. крестьяне“, с. 99, 100.

[2]) С. Гос. Гр. и Дог., № 11. Въ этомъ изданіи указанный договоръ ошибочно отнесенъ къ 1317 г.: см. *Борзаковскій*, „Ист. Твер. Княж.“, прим. 441.

[3]) С. Гос. Гр. и Дог., № 4, 1295.—„Ист. Росс. съ древн. временъ“, т. III, с. 494 и 498.—Десятью стр. раньше *Щербатовъ*, однако, высказываетъ другое, несогласованное съ указаннымъ въ текстѣ, мнѣніе о закладняхъ. Новгородцы, говоритъ онъ, запрещаютъ князьямъ „принимать закладниковъ новгородскихъ, т.-е. чтобы ничего въ закладъ отъ подданныхъ Новгорода не брать“ (?). Ibid., с. 486.

Къ числу противниковъ обычнаго взгляда на закладничество принадлежитъ, какъ кажется, и такой знатокъ русской исторіи, какъ проф. Бѣляевъ. Къ сожалѣнію, ни въ одной изъ своихъ многочисленныхъ работъ, насколько я знаю, онъ не останавливался долго на этомъ институтѣ. Бѣляевъ нерѣдко пользовался терминами „закладень“ и „закладываться“, не разъясняя, какъ онъ ихъ понимаетъ [1]); но изъ книги „Крестьяне на Руси“ видно, что онъ не придавалъ этимъ словамъ обычнаго ошибочнаго смысла. Свидѣтельствомъ „важныхъ побужденій къ поселенію на частновладѣльческихъ земляхъ,—читаемъ въ упомянутой книгѣ,—служатъ многія грамоты и другіе оффиціальные акты, въ которыхъ мы часто встрѣчаемъ указанія, что не только жители селъ и деревень, но и горожане охотно *закладывались за богатые и сильные монастыри* и за бояръ, именно съ цѣлью пользоваться защитой и покровительствомъ“. Для поясненія этого общаго замѣчанія Бѣляевъ указываетъ на фактъ, занесенный въ Никоновскую лѣтопись: въ устроенныя татарскимъ баскакомъ Ахматомъ въ Курскомъ княженіи двѣ великія слободы, сошлось множество людей (слободы сдѣлались „яко грады великіе“) и бысть имъ „заборонь отвсюду велика“ [2]). Основываясь на этихъ цитатахъ и на молчаніи Бѣляева о закладничествѣ—личномъ залогѣ, я не могу не отнести его къ сторонникамъ пониманія закладничества, какъ патроната.

Къ такому же заключенію о сущности этого института пришелъ, какъ кажется, и Плошинскій, изучившій для своей исторіи городского класса всѣ законоположенія о закладчикахъ. Подобно Бѣляеву, онъ не высказывается вполнѣ опредѣленно по занимающему насъ вопросу; но, говоря о развитіи закладничества, Плошинскій, нерѣдко, видимо избѣгая сбивающаго изслѣдователей слова „закладываться“, выражается такъ: „многіе посадскіе цѣлыми семьями *записывались* за монастырями и разными духовными и свѣтскими лицами“ [3]). Въ одномъ же мѣстѣ онъ, пересказывая собственными словами одинъ изъ позднѣйшихъ указовъ о невы-

[1]) „Истор. Новгорода Великаго“ въ „Разсказахъ изъ рус. исторіи“, кн. II, с. 207. „Лекціи по истор. рус. законодательства“, с. 669, 670.

[2]) „Крестьяне на Руси“, изд. 3, с. 29 и примѣчаніе на с. 29—30. Ср. „Разск. изъ р. ист.“, кн. I, с. 361.

[3]) „Городское или среднее состояніе рус. народа“, с. 132, 133 и др.

ходѣ посадскихъ изъ тягла, говоритъ, что крестьяне, записанные въ слободы, обязывались „не закладываться изъ одной слободы въ другую“ [1]). Къ мнѣнію Соловьева, далѣе, прямо присоединяется историкъ Твери, Борзаковскій, который, однако, говоря о закладняхъ, очень осторожно ограничивается цитатой изъ „Исторіи Россіи“, которую я привелъ выше.

Въ заключеніе не лишнимъ будетъ отмѣтить позицію, занятую въ интересующемъ насъ вопросѣ компетентнымъ историкомъ русскаго права, проф. Владимірскимъ-Будановымъ. Въ своемъ обстоятельномъ компендіумѣ исторіи нашего права онъ совершенно умалчиваетъ о закладняхъ и закладчикахъ [2]). „Личный закладъ, устанавливавшій временное холопство“, существовалъ, по его мнѣнію, (только?) въ видѣ закупничества и служилой кабалы [3]). Но рядомъ съ личнымъ закладомъ проф. Будановъ не преминулъ отмѣтить и явленіе другого порядка—добровольную службу, добровольное подчиненіе лица господину, хотя и не назвалъ этого явленія закладничествомъ, какъ, по нашему мнѣнію, называлось оно въ древности. Сущность этой зависимости профессоръ опредѣляетъ такъ: „въ древности всякій, живущій въ чужомъ домѣ, становился подчиненнымъ членомъ семьи, захребетникомъ, человѣкомъ alieni juris“ [4]).

В. [5]) До послѣдняго времени закладничество мало интересовало

---

[1]) Op. cit., с. 167. Въ указѣ 1700 марта 11, на который ссылается въ этомъ случаѣ *Плошинскій*, такого выраженія нѣтъ. См. П. С. З. т. IV, № 1775.

[2]) Только въ „Христоматіи по ист. рус. права“ проф. *Владимірскій-Будановъ* упоминаетъ одинъ разъ о „закладняхъ-закупахъ“; вып. II, с. 154, прим. 151, изд. 2.

[3]) „Обзоръ ист. рус. права“, изд. 2, с. 334. Ср. с. 128.—Проф. утверждаетъ, что „личный закладъ (закупничество) былъ *прекращенъ* закономъ ц. Іоанна IV“ (ibid., с. 476). Иначе и болѣе правильно онъ говоритъ о томъ же въ примѣчаніяхъ къ царскому Судебнику: „закупничество было *ограничено* назначеніемъ maximum'a суммы, за которую человѣкъ отдастъ себя въ кабалу“: „Христоматія“, II, с. 165.

[4]) „Обзоръ“, с. 507.—Ср. „Ц. Суд. воспрещаетъ *задаваться* за частныхъ лицъ во избѣжаніе тягла“ и отчасти суда: „Христоматія“, II, с. 175, прим. 230.—Отмѣчу еще неопредѣленное замѣчаніе *Прыгары*, въ „Опытѣ ист. сост. гор. обыват. въ Вост. Россіи“, 1868.

[5]) Перепечатка статьи: „Новое объясненіе закладничества“, см. „Жур. М. Н. Пр.“, 1901 г., № 10.

изслѣдователей и не возбуждало споровъ. Историки права согласно видѣли въ немъ институтъ залога лица, по существу одинаковый съ хорошо извѣстнымъ кабальнымъ холопствомъ. Въ статьѣ о „Закладничествѣ-патронатѣ“ я сдѣлалъ попытку обосновать забытый взглядъ Соловьева на закладничество, какъ на учрежденіе защиты, сходное съ западно-европейскимъ патронатомъ. В. И. Сергѣевичъ находитъ теперь, что вопросъ о закладничествѣ въ послѣднее время сталъ „особенно спорнымъ“, и въ виду этого вновь подробно обсуждаетъ этотъ вопросъ, уже изслѣдованный имъ однажды въ его превосходномъ трудѣ: „Русскія Юридическія Древности“.

Въ статьѣ о „Закладничествѣ въ древней Руси“, въ сентябрской книгѣ „Журнала Мин. Нар. Пр.“ за 1901 г. уважаемый ученый, дѣлая нѣкоторыя уступки взгляду на закладничество, какъ на патронатъ, значительно отступаетъ отъ распространеннаго опредѣленія его, какъ личнаго залога, но удерживаетъ изъ этого опредѣленія главную черту, а именно признаніе связи закладничества съ задолженностью.

Болѣе обстоятельное изученіе источниковъ заставило проф. Сергѣевича оставить распространенное мнѣніе, что закладчики были людьми, заложившими самихъ себя по закладной кабалѣ; онъ замѣтилъ, что *закладная* кабала не была необходимымъ условіемъ закладничества; такимъ условіемъ, по его мнѣнію, могла быть и простая *заемная* кабала и всякая запись о займѣ или ссудѣ. „Закладчики—говоритъ онъ—суть *заемщики* и живутъ они... за своими кредиторами по кабаламъ, по закладнымъ, по записямъ о займахъ и о ссудахъ и по всякимъ крѣпостямъ въ ихъ дворахъ, а не въ своихъ собственныхъ“ (119). Итакъ, закладчикъ—не заложенный человѣкъ, а только заемщикъ. На какомъ же основаніи онъ непремѣнно „живетъ за кредиторомъ въ его дворѣ“ и что его къ этому обязываетъ? Вѣдь сдѣлка займа сама по себѣ не обязывала его ни къ чему другому, кромѣ уплаты долга; въ древности, какъ извѣстно, только неоплатные должники, и то только по суду, лишались временно или навсегда свободы. В. И. Сергѣевичъ не могъ забыть объ этомъ: „ростовая заемная расписка—говоритъ онъ—не связываетъ лица должника, пока по суду онъ не приговоренъ отработывать долгъ“,—и такъ отвѣчаетъ на поставленный мною вопросъ: „*должникъ оставался въ зависимости отъ кредитора во избѣжаніе*

иски и его послѣдствій". Итакъ, закладчикъ *добровольно* и независимо отъ договора о займѣ, единственно изъ боязни суда жилъ во дворѣ кредитора. Закладничество, слѣдовательно, насколько я понимаю уважаемаго профессора, есть *добровольная служба должника кредитору и не имѣетъ никакой юридической связи съ заемнымъ обязательствомъ*. Объясняя такимъ образомъ закладничество, проф. Сергѣевичъ признаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что въ немъ было „*своего рода покровительство*", что закладчики были „заступными людьми" и что терминъ „заложиться за кого-нибудь" могъ имѣть значеніе „задаться за кого-нибудь" (т.-е. отдаться подъ защиту).

Такое новое пониманіе закладничества отдѣляется отъ защищаемаго мною едва замѣтной чертой. Уважаемый ученый, однако, не находитъ возможнымъ сдѣлать еще одинъ маленькій шагъ, чтобы переступить эту черту. Онъ настаиваетъ все-таки на невполнѣ для меня ясной связи закладничества съ займомъ. Изслѣдуемъ его аргументацію.

Свое изслѣдованіе проф. Сергѣевичъ ведетъ такимъ образомъ: онъ выписываетъ подъ рядъ многочисленныя извѣстія о „закладняхъ", „закладчикахъ" и „закладныхъ людяхъ" съ XIII по XVII вѣкъ и затѣмъ сводитъ содержаніе всѣхъ этихъ разнообразныхъ и разновременныхъ извѣстій въ одно общее опредѣленіе, приведенное выше. Исходный пунктъ изслѣдованія—тожество закладней, закладчиковъ и закладныхъ людей; оно, съ отличающей автора ясностью мысли и рѣчи, формулировано въ первой же строкѣ статьи.

Извѣстія о „закладныхъ людяхъ", не допуская спора, свидѣтельствуютъ, что такъ назывались люди, отдавшіе себя въ залогъ, закрѣпившіе себя кредитору закладной кабалой или инымъ подобнымъ обязательствомъ; грамоты называютъ ихъ иначе „заимщиками" и для освобожденія ихъ изъ залога требуютъ конфискаціи отъ кредитора закладной кабалы. Изъ этого видно, что вопросъ о томъ, допустимо ли отожествленіе „закладчиковъ" съ „закладными людьми", имѣетъ первѣйшую важность въ нашемъ изслѣдованіи.

Отожествленіе „закладчиковъ" съ „закладными людьми" является у проф. Сергѣевича первой посылкой разсужденія, принятой безъ доказательствъ. По моему мнѣнію, оно и не можетъ быть доказано. Источники, какъ мнѣ кажется, не только не даютъ

никакихъ основаній для отожествленія закладчиковъ и закладныхъ людей, но и исключаютъ возможность такого отожествленія. Правительственныя распоряженія о закладчикахъ и о закладныхъ людяхъ существенно отличаются и по терминологіи, и по содержанію. Одинъ и тотъ же актъ, наказъ казанскому воеводѣ 1697 г., содержитъ въ себѣ два совершенно различныхъ постановленія о закладчикахъ и о закладныхъ людяхъ:

Закладные люди. Ст. 22.

„Въ Казани жъ велѣть учинить заказъ крѣпкой и бирючомъ кликати по многіе дни, чтобъ казанскіе всякихъ чиновъ люди... всякихъ чиновъ русскихъ людей и вотяковъ и чуваши и черемисы и ихъ женъ и дѣтей... и никакихъ угодьевъ, *ни въ какихъ долгѣхъ въ закладъ къ себѣ не имали* и ни въ какія крѣпости не писали никоторыми дѣлы. А буде кто учнетъ какихъ всякихъ чиновъ людей въ какія *закладныя записи*, или въ кабалы, или въ иныя какія крѣпости писать и тѣхъ ихъ женъ и дѣтей къ себѣ *въ закладъ имать*, и тѣмъ людемъ, *кто такъ учинитъ*, за то отъ великаго государя *быть въ смертной казни*. А закладныя записи, и заемныя кабалы, и всякія крѣпости *отдавать тѣмъ заимщикомъ безденежно*. А которые люди... напередъ сего жили и живутъ въ закладѣхъ у всякихъ чиновъ людей, и тѣмъ людемъ велѣть жить въ тяглѣхъ и въ ясакѣхъ по прежнему и *денегъ*... по всякимъ крѣпостямъ *заимщикомъ платить имъ не велѣно*, а истцомъ въ тѣхъ деньгахъ отказывать, и крѣпости всякія у всякихъ людей на *закладныхъ* людей имать въ приказную палату“.

Закладчики. Ст. 23.

„А которые буде казанскіе и казанскихъ пригородовъ и иныхъ городовъ пришлые, торговые и ремеслейные люди нынѣ *живутъ* въ Казани, и въ казанскихъ пригородѣхъ, и въ селѣхъ, и на посадѣхъ, и въ слободахъ *за кѣмъ въ закладчикахъ*... и тѣмъ всѣмъ закладчикомъ *въ закладчикахъ быть не велѣть*, а велѣть тѣмъ всѣмъ закладчикомъ государевы всякія подати платить и службу служить съ посадскими людьми вмѣстѣ... А будетъ изъ-за кого возьмутся закладчики и впредь тѣхъ будутъ принимать, или *тѣ будутъ закладываться*, или за симъ указомъ кто приметъ, чинить наказанье, *бить кнутомъ*, и тѣ годы, которые въ тѣхъ прогулкахъ подати не взяты, имать на тѣхъ, кто за указомъ сверхъ наказанья ималъ“.

П. С. Зак. III, № 1597.

Въ первой изъ этихъ статей рѣчь идетъ о „закладныхъ людяхъ-заимщикахъ“, взятыхъ „въ долгѣхъ въ закладъ“ и написанныхъ „въ закладныя и иныя крѣпости“. Вторая же статья

(пропущенная проф. Сергѣевичемъ) говоритъ о „закладчикахъ“, запрещаетъ „жить за кѣмъ въ закладчикахъ“, запрещаетъ „закладываться“—и только. За нарушеніе первой статьи устанавливается наказаніе *смертная казнь*, за нарушеніе второй *кнутъ*. Первая статья, касающаяся заложенныхъ людей, естественно все вниманіе устремляетъ на денежныя отношенія такихъ людей къ кредиторамъ („денегъ заимщикомъ платить не велѣть“); вторая же статья *ни слова не говоритъ о долговыхъ обязательствахъ закладчиковъ* [1]). Не ясно ли отсюда, что закладчики чѣмъ-то существенно отличались отъ закладныхъ людей и что въ основу изслѣдованія нельзя класть мысль объ ихъ тожествѣ?

Проф. Сергѣевичъ, построивъ все изслѣдованіе на смѣшеніи текстовъ о „закладчикахъ“ и „закладныхъ людяхъ“ и заявивъ въ началѣ статьи, что закладчики тожественны съ закладными людьми, затѣмъ самъ же даетъ основаніе для строгаго ихъ различенія. Закладчики, по его мнѣнію, суть заемщики и живутъ за кредиторомъ по заемной кабалѣ—только изъ боязни суда, т.-е. добровольно. Закладные же люди существенно отъ нихъ отличаются; они жили во дворѣ кредитора *не добровольно*, а *въ силу обязательства*; они были связаны закладными кабалами, въ которыхъ обязывались быть въ распоряженіи кредитора до уплаты долга [2]). Общее опредѣленіе закладничества, поэтому, даже съ

---

[1]) Тотъ же результатъ получается при сравненіи слѣдующихъ текстовъ:

Закладные люди. 1640. „Которые люди живутъ въ закладѣхъ у всякихъ чиновъ людей, велѣть имъ жить въ тяглѣ..., а *денегъ по кабаламъ и по закладнымъ* и по всякимъ крѣпостямъ *заимщикомъ платить не велѣть*, и истцомъ въ деньгахъ отказывать, и *крѣпости* всякія на *закладныхъ людей* у истцовъ *взять въ нашу казну...*“ А. Ист. III, № 213.

Закладчики. 1649. „А которые посадскіе тяглые люди... *живутъ въ закладчикахъ*... за всякихъ чиновъ людьми на Москвѣ и въ городѣхъ, на ихъ дворѣхъ, и въ вотчинахъ, и въ помѣстьяхъ и на церковныхъ земляхъ, и тѣхъ всѣхъ *сыскивати и свозити* на старыя ихъ посадскія мѣста... И впредь тѣмъ всѣмъ людемъ, которые взяты будутъ за Государя, *ни за кого въ закладчики не записываться* и ничьими крестьянами и людьми не называтися. А будетъ они впредь учнутъ *закладываться*... Уложеніе. гл. XIX, ст. 13.

[2]) Ни одной закладной кабалы на лицо самого заемщика не сохранилось. О содержаніи такихъ кабалъ мы можемъ судить только по тожествен-

точки зрѣнія самого автора, нуждается въ нѣкоторой поправкѣ или поясненія. Утверждая, что закладчики суть заемщики и живутъ за кредиторами какъ по *закладнымъ* кабаламъ, такъ и по *заемнымъ* и *ссуднымъ* записямъ, уважаемый авторъ тѣсно сближаетъ совершенно различные разряды лицъ, а именно, съ одной стороны, людей, крѣпкихъ кредитору по залоговому обязательству (закладные люди) и, съ другой стороны, людей, занявшихъ деньги и лишь добровольно живущихъ у кредитора изъ боязни суда.

До послѣдняго времени главной опорой мнѣнія о томъ, что закладчики были людьми, отдавшими самихъ себя въ залогъ, было самое ихъ названіе. Термины „закладчикъ“ и „заложиться за кого-нибудь“ большинство изслѣдователей сближало съ глаголомъ закладывать въ смыслѣ отдавать въ залогъ. Въ моей статьѣ длиннымъ рядомъ выписокъ я показалъ, что терминъ „заложиться за кого-нибудь“ употреблялся въ древности постоянно не въ смыслѣ отдаться въ залогъ, а въ смыслѣ „задаться“, предаться въ защиту, отдаться подъ покровительство (отъ заложить - укрыть, заложиться-укрыться).

Проф. Сергѣевичъ теперь признаетъ, что слово „заложиться“ употреблялось въ древности въ указанномъ смыслѣ: „мы не будемъ противъ этого спорить“—говоритъ онъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ утверждаетъ, что разсматриваемый терминъ имѣлъ два значенія: „слово заложиться значило и задаться за кого-либо и заложить себя кому-либо“. Въ подтвержденіе этого уважаемый историкъ ограничивается общею глухою ссылкой на извѣстія источниковъ: „это достаточно ясно изъ вышеприведенныхъ нами выраженій памятниковъ“. Но для меня это совершенно неясно. Разсмотримъ выраженія памятниковъ:

а) Въ извѣстіяхъ, касающихся „закладныхъ людей“ и говорящихъ о залогѣ лица и о закладныхъ грамотахъ, слова „закладчикъ“ и „заложиться“ не встрѣчаются. Эти извѣстія, поэтому, при рѣшеніи нашей задачи должны быть оставлены въ сторонѣ.

нымъ съ ними по существу служилымъ кабаламъ. Сохранилось только двѣ закладныя кабалы на третье лицо: „я, заимщикъ, заложилъ и подписалъ ему, Дмитрею, ясыря своего дѣвку Юкагирскую некрещепую“. Обѣ эти кабалы писаны на востокѣ. Подробности см. въ моей статьѣ: „Зап. И. Р. Археол. Общ.“, т. IX, вып. 1, 2, 1897.

b) Ни одна изъ грамотъ, касающихся „закладчиковъ“ и пользующихся терминомъ „заложиться“, не даетъ объясненія этихъ словъ въ желаемомъ проф. Сергѣевичу смыслѣ, такъ какъ ни одна изъ нихъ не говоритъ ни о залогѣ лица, ни о закладныхъ кабалахъ.

c) Во множествѣ грамотъ люди, заложившіе что-либо, постоянно называются не закладчиками, но заимщиками. Въ закладныхъ кабалахъ всегда писалось: „къ сей закладной своей заимщикъ такой-то руку приложилъ“. Закладные люди систематически называются заимщиками, но не закладчиками. Говоря о лицахъ, заложившихъ что-либо, правительственные акты, избѣгая слова закладчикъ, имѣвшаго иной смыслъ (задавшійся человѣкъ), прибѣгаютъ къ неловкимъ перифразамъ: „тотъ человѣкъ... который закладъ закладывалъ кому“ (Псковская судная грамота, ст. 103, ср. 29, 101); „а что тотъ денегъ въ займы далъ лишекъ“ (Суд. 1551 г., ст. 85); „а тѣ люди, чьи закладишка, и по ся мѣстъ не выкупаютъ своихъ закладовъ“. Уложеніе 1649 г., много говоря о вещномъ залогѣ, пользуется словомъ заемщикъ, и *никогда* не употребляетъ слова закладчикъ для обозначенія лица, заложившаго что-либо (гл. X, 196, 197; XVI, 69; XVII, 32, 35—40). Только въ двухъ грамотахъ (1641 и 1679 г.) мы встрѣчаемъ слово закладчикъ въ смыслѣ лица, заложившаго недвижимость (но не самого себя). Эти исключенія (можетъ быть, найдутся и еще подобныя) не измѣняютъ общаго правила: слово закладчикъ обыкновенно не употреблялось для обозначенія лица, отдавшаго что-либо въ залогъ. Почему? Потому, что имѣло другой привычный смыслъ.

d) Ни одна изъ грамотъ не даетъ основанія заключить, что терминъ „заложиться за кого-нибудь“ употребленъ въ ней въ смыслѣ „отдаться въ залогъ“. (Въ текстахъ, которые касаются отдавшихся въ залогъ, „закладныхъ“ людей, этого термина нѣтъ). Напротивъ того, множество грамотъ безспорно показываетъ, что терминъ „заложиться за кого-нибудь“ имѣетъ въ нихъ значеніе: „задаться“. Въ дополненіе къ текстамъ, цитированнымъ въ моей статьѣ, приведу здѣсь еще одинъ изъ грамоты: „и вы за латинскаго господаря хотите закладываться“ (А. Ист. I, № 280, 1471 г.) и одинъ изъ былины: „я поѣду во славный стольный Кіевъ градъ, заложиться за князя Владиміра“. Слово „закладчикъ“ означаетъ человѣка заложившагося, то-есть задавшагося. Грамоты

говорятъ о людяхъ, „*заложившихся въ закладчики*“. Статейный списокъ называетъ князей, отдавшихся подъ покровительство турскаго царя, его закладчиками („а кумыцкіе де князи закладчики его жъ турского царя“: 1611—1616, Пам. дипл. сн. съ Персіей, III, 3).

Допустимъ, однако, на минуту вмѣстѣ съ моимъ критикомъ (хотя послѣ всего сказаннаго такое предположеніе, мнѣ кажется, недопустимо), что термины „заложиться за кого-нибудь“ и „закладчикъ“ употреблялись безразлично въ двухъ противорѣчивыхъ значеніяхъ: личной крѣпости-залога и свободнаго покровительства-защиты. Но какъ же рѣшить тогда, кого имѣетъ въ виду каждая данная грамота, говоря о закладчикахъ: заложившихъ себя людей, или людей задавшихся, подзащитныхъ, заступныхъ? И на какомъ же основаніи можно въ такомъ случаѣ утверждать, что закладчики (заступные люди) *всѣ* суть заемщики?

Акты, касающіеся закладчиковъ, ничего не говоря о закладныхъ кабалахъ и о сдѣлкахъ залога лица, дѣйствительно, указываютъ, что закладчики иногда давали заемныя обязательства господамъ. Но было ли заемное обязательство необходимымъ условіемъ закладничества? всѣ ли закладчики были заемщиками? Источники не даютъ никакихъ данныхъ для утвердительнаго рѣшенія вопроса и, болѣе того, свидѣтельствуютъ, что заемное обязательство было сдѣлкой, посторонней закладничеству.

„Указали мы боярину нашему... сыскивать въ Москвѣ и въ городѣхъ... закладчиковъ и въ черныхъ сотняхъ, и въ слободахъ, и въ городѣхъ тяглыхъ людей, которые вышли съ московскаго разоренья, какъ мы, великій государь, воцарились: которые тяглые люди при насъ въ тяглѣ были, и у тяглыхъ людей сидѣльцы или наймиты, а сидѣли въ лавкахъ и торговали отъ нихъ, *а объявятся на нихъ у кого какія кабалы или иныя какія крѣпости* съ 121 года и по се мѣсто, или у кого въ крестьянствѣ и въ писцовыхъ книгахъ тѣ тяглые люди написаны, и тѣ люди по тѣмъ крѣпостямъ тѣмъ людемъ не крѣпки“ (А. Э. III, № 279, 1638).

Уложеніе 1649 г. также говоритъ о долговыхъ обязательствахъ закладчиковъ не въ главномъ узаконеніи, посвященномъ имъ (ст. 13, гл. XIX), а черезъ три статьи послѣ этого узаконенія, въ особой статьѣ 18, и въ такой формѣ:

„*А которые посадскіе* розныхъ сотенъ и слободъ тяглые люди взяты будутъ изъ закладчиковъ въ тягло, и тѣ люди, изъ-за кого они будутъ

взяты, *учнутъ на нихъ бити челомъ Государю по кабаламъ или по записямъ о заемныхъ долгахъ или о ссудѣ*, и по такимъ крѣпостямъ и по записямъ... суда не давати".

Оба эти узаконенія никакъ не даютъ основаній заключить, что заемъ былъ непремѣннымъ условіемъ закладничества. Напротивъ того, они показываютъ, что долговыя обязательства закладчиковъ были случайнымъ элементомъ: „а объявятся на нихъ у кого какія кабалы", „а учнутъ бити на нихъ челомъ по кабаламъ". Смыслъ этихъ распоряженій особенно уясняется при сравненіи ихъ съ вышеприведенными указами о закладныхъ людяхъ. Въ этихъ указахъ,—тамъ, гдѣ рѣчь идетъ, дѣйствительно, о людяхъ, крѣпкихъ по закладнымъ и инымъ кабаламъ,—правительство все вниманіе устремляетъ на уничтоженіе силы этихъ кабалъ. Въ приведенныхъ же двухъ распоряженіяхъ о закладчикахъ правительство говоритъ о ихъ денежныхъ обязательствахъ (заемныхъ, но не закладныхъ!) между прочимъ, а въ другихъ грамотахъ даже вовсе не упоминаетъ о такихъ обязательствахъ.

Проф. Сергѣевичъ въ подтвержденіе мнѣнія, что денежное обязательство было необходимымъ для закладничества, указываетъ, между прочимъ, на слова Уложенія: „въ закладчики не записываться". Но эти слова могутъ служить аргументомъ только при томъ нѣсколько искусственномъ толкованіи, какое даетъ имъ уважаемый ученый: „въ закладчики записываются, *то-есть поступаютъ по записи* (долговой, по кабалѣ и иной крѣпости)". Полагаю, что слова Уложенія: „и впредь имъ ни за кого въ закладчики не записываться и ни чьими крестьянами и людьми не называться" имѣютъ въ виду переписи, а не долговыя записи. Уложеніе воспрещаетъ записываться въ закладчики при переписяхъ.

Касаясь моего сравненія закладничества съ патронатомъ [1]), проф. Сергѣевичъ утверждаетъ, что терминъ патронатъ есть „только научное обобщеніе", и что „въ Западной Европѣ подобныя патронату учрежденія носили иныя наименованія". Истинный инсти-

[1]) *Проф. Сергѣевичъ* пишетъ: „Авторъ не беретъ на себя труда объяснить, что такое патронатъ, къ которому онъ приравниваетъ закладничество". Между тѣмъ я разсуждаю о различныхъ видахъ западно-европейскаго патроната на 3 страницахъ и указываю, къ какимъ его формамъ ближе всего подходятъ съ одной стороны закладни удѣльнаго времени, съ другой — закладчики XVII вѣка.

тутъ патроната онъ видитъ только въ римской кліентелѣ. Наше разногласіе въ этомъ пунктѣ мало существенно. Ближе слѣдуя Фюстель-де-Куланжу, я писалъ о различныхъ видахъ одного и того же института патроната. Фюстель-де-Куланжъ говоритъ: „подъ различными наименованіями рѣчь идетъ *объ одномъ и томъ же учрежденіи, которое, видоизмѣняясь*, переходитъ изъ вѣка въ вѣкъ".

Я настаивалъ и настаиваю на томъ, что сущность нашего закладничества одинакова съ сущностью института (или институтовъ) патроната. И тамъ, и здѣсь въ основѣ учрежденія лежитъ отношеніе защиты, покровительства. Проф. Сергѣевичъ теперь признаетъ до нѣкоторой степени отношеніе покровительства въ нашемъ закладничествѣ. „Наши закладники, говоритъ онъ, „живутъ въ льготѣ", за нихъ есть кому заступиться, это „заступные люди". *Это своего рода покровительство*, и на первый взглядъ можно подумать, что это и есть то покровительство, которое имѣетъ въ виду Фюстель-де-Куланжъ". Вслѣдъ затѣмъ проф. Сергѣевичъ находитъ существенное различіе между закладничествомъ и патронатомъ, но это только потому, что онъ, какъ мнѣ кажется, неправильно выбралъ объекты сравненія. Онъ сравниваетъ закладчиковъ XVII вѣка съ римскими кліентами. Но съ римской кліентелой ближайшимъ образомъ можно сопоставить не закладчиковъ, а знакомцевъ и держальниковъ [1]). Въ отношеніи же закладничества, если, не довольствуясь общимъ сравненіемъ сущности этого учрежденія съ сущностью патроната, ближе сравнивать его съ какимъ-либо видомъ западно-европейскаго патроната, то слѣдуетъ взять закладней удѣльнаго времени и сопоставить ихъ съ римскимъ патронатомъ земельныхъ собственниковъ: patrocinium vicorum (πατρώκιον или προστασία).

Мой уважаемый критикъ не счелъ нужнымъ остановиться на моихъ соображеніяхъ въ пользу того, что наше закладничество удѣльнаго времени было одновременно личнымъ и поземельнымъ, и что у насъ существовало *закладничество селъ*, весьма сходное съ римскимъ патронатомъ селеній, *patrocinium vicorum*. Онъ ограничивается вскользь брошеннымъ замѣчаніемъ, что „у насъ запрещается закладничество лица, а не земли" (хотя раньше самъ

[1]) См. мою статью „Феодальныя отношенія въ Удѣльной Руси", въ іюльской книгѣ „Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія" за 1901 годъ.

утверждаетъ, что „закладень“ обозначаетъ какъ заложеннаго человѣка, такъ и заложенную землю), и видитъ въ этомъ существенное отличіе нашего закладничества отъ римскаго патроната селеній. Между тѣмъ, отъ удѣльнаго времени мы имѣемъ ясныя слова грамоты XIV вѣка о „*заложившихся селахъ*“, не о заложенныхъ, а именно—о заложившихся. Если мы сопоставимъ эти слова съ соотвѣтствующей цитатой другой грамоты того же времени, то должны будемъ признать, что подъ заложившимися селами разумѣются села задавшіяся, а не заложенныя:

„А что *селъ или людий* новгородскыхъ въ сю замятню *заложилося* за Князя или Княгыню, или за дѣти, или за Бояры, или села кто купилъ; купы ему имати, а села къ Новугороду, *по Фектистовъ грамотѣ, что на Тфери докончалъ*“.

С. Г. Г. и Д, № 12, 1317

„А что, Княже, селъ твоихъ и Владычьнихъ, и Княгынинихъ, и Бояръ твоихъ, и слугъ твоихъ на Новгородьской земли, *которое село зашло безъ куны, то безъ куны пойдетъ къ Новугороду;* а кто купилъ, а тый знаетъ своего истьца, или дѣти его; истьца ли не будетъ... взяти ему купы, колико будетъ далъ по исправѣ, а земля къ Новугороду“. С. Г. Г. и Д. № 6, 1305.

Въ лѣвомъ столбцѣ цитата о заложившихся селахъ нѣсколько неясна; можно подумать, что слова „купы ему имати“ относятся не только къ купленнымъ, но и къ заложившимся селамъ. Для разъясненія этого надо обратиться къ „Фектистовой грамотѣ“, на которую прямо ссылается этотъ неясный текстъ. Цитата изъ Фектистовой грамоты напечатана во второмъ столбцѣ, — и изъ нея видно, что подъ „заложившимися селами“ разумѣлись села, „*зашедшія безъ куны*“, то есть задавшіяся.

То же закладничество селъ имѣютъ въ виду князья, взаимно обязываясь не принимать селъ въ даръ отъ жителей чужого княжества: „селъ не держати, не купити, *ни даромъ приимати*“. Отдавая въ даръ села князю, владѣльцы, надо полагать, отдавали ихъ въ обладаніе князя, но сохраняли за собою права владѣнія и пользованія, и этимъ путемъ достигали покровительства, заступы князя. Извѣстія о заложившихся селахъ, о селахъ зашедшихъ безъ купъ, принятыхъ даромъ, наконецъ, о задавшихся волосткахъ, свидѣтельствуютъ о существованіи у насъ закладничества — патроната селъ, которое смѣло можетъ быть сопоставлено съ patrocinium vicorum, а еще ближе съ земельной коммендаціей феодальнаго времени (terra in commendatione).

Имѣя въ виду такое земельное закладничество, я писалъ, что у насъ въ удѣльное время не существовало „государственной территоріальной власти, обусловливающей государственную неотчуждаемость отдѣльныхъ участковъ территоріи по волѣ ихъ частныхъ собственниковъ“; бояре у насъ, по моему мнѣнію, отъѣзжали вмѣстѣ съ вотчинами къ чужому князю; закладни закладывались вмѣстѣ съ землею. Проф. Сергѣевичъ старается опровергнуть меня, развивая мою мысль до абсурда. Не останавливаясь на разборѣ его разсужденія, я здѣсь скажу только, что, говоря объ отсутствіи государственной территоріальной власти, я имѣлъ въ виду единственно извѣстную земельную коммендацію феодальныхъ странъ, которая явнымъ образомъ отрицаетъ эту власть, понимаемую въ смыслѣ неотчуждаемости участковъ территоріи по волѣ ихъ частныхъ собственниковъ.

Нѣсколько грамотъ къ главѣ объ иммунитетѣ.

I. Жалованная грамота (подтвердительная) великаго князя Василія Васильевича боярину Михаилу Яковлевичу (апрѣль 1435 г.).

„Се язъ, князь великій Василій Василіевичъ по прапрадѣда своего грамотѣ, великаго князя Ивана Даниловича, и по стрыя своего грамотѣ, великаго князя Семеновѣ Ивановича, и по прадѣда своего грамотѣ, великаго князя Ивана Ивановича, и по дѣда своего грамотѣ, великаго князя Дмитрія Ивановича, и по отца своего грамотѣ, великаго князя Василія Дмитріевича, пожаловалъ есмь Михайла Яковлевича и его дѣтей, што ихъ села въ Кинелѣ и въ Городскомъ уѣздѣ въ Переславскомъ, и мои намѣстници Переславскіе и Кинельскіе волостели и ихъ тіуни не всылаютъ къ нимъ своихъ довотчиковъ ни по што, ни къ ихъ людемъ, и не судятъ ихъ опричѣ душегубства и татьбы съ поличнымъ и розбоя съ поличнымъ. А судятъ свои люди сами или кому прикажутъ судити. А будетъ судъ смѣстной съ городскими людьми или съ волостными людьми, и намѣстники и волостели и ихъ тивуни судятъ, а Михайло и его дѣти съ ними судятъ или кому прикажутъ. А присудомъ дѣлятъ. А дворскіе и становщики въ тѣ села къ ихъ людемъ не всылаютъ ни по што, никоторое мое дѣло, ни розмѣтъ, ни закосъ. А коли пріидетъ моя дань, и тѣ сироты даютъ мою дань по силѣ опрочѣ становыхъ людей. Такъ же имъ и тамга не надобѣ, ни восмничѣе, ни мытъ, ни костки, никоторые пошлины. А коли пріидетъ ямъ, и ни тотъ ямъ дадутъ городу опроче становщиковъ. А кого перезовутъ къ себѣ людей въ тѣ села и изъ иныхъ княженей, а не изъ моихъ вотчины, изъ великаго княженія, и тѣмъ людемъ пришлымъ не надобѣ никоторая моя дань, ни ямъ, ни писчая бѣлка, ни подвода, никоторые пошлины на 10 лѣтъ. А судятъ ихъ по-

тому же Михайло и его дѣти или кому прикажутъ. А отойдетъ урокъ, и тѣ люди потянутъ въ мою дань по силѣ съ ихъ людьми оприче становщиковъ. А черезъ сю грамоту хто ихъ чимъ изобидитъ или что возмутъ, быти отъ меня въ казни. А коли на грамоты ины грамоты дамъ, а на сю грамоту иные грамоты нѣтъ. А дана грамота на Москвѣ апрѣля въ лѣто 6943.

Печать у грамоты на черномъ воску.

У подлинной пишетъ: Андрей Костянтиновичъ".

(Мейчикъ, „Грамоты и другіе акты XIV и XV вв.", стр. 131, № 51).

II. Правая грамота князя Михаила Андреевича игумену Кирило-Бѣлозерскаго монастыря Трифону (1435—1447 гг.).

„Си судъ судилъ князь Михайло Ондрѣевичъ. Тягался Левъ Ивановичъ и за свою невѣстку Гаврилову жону Иваповича Овдотью и за своего брата Дмитрея Иваповича съ Игнатіемъ, старцемъ Кирилова манастыря. Тако рекъ Левъ: „жалоба ми, господине, на игумена на Трифона Кирилова монастыря и на его братью; отнимаютъ, господине, у насъ отъ суда да отъ дани въ нашей отчинѣ въ Кистемѣ деревню Михалевьскую Горкаваго, а та, господине, деревня изъ старины тянетъ судомъ къ намъ; еще, господине, отецъ нашъ Иванъ судилъ ту деревню и дань на ней ималъ, а после отца нашего судили мы ту деревню съ своею братьею и дань на ней имали есмя". И князь Михайло Ондрѣевичъ вѣпросилъ Игнатья, старца Кирилова монастыря: „отвѣчаешь ли ты за игумена за Трифона и за всю за свою братью?" и Игнатей старецъ тако рекъ: „Язъ, господине, отвѣчаю за игумена за Трифона и за всю братью". И ставъ Игнатей старецъ тако рекъ: „Ту, господине, деревню далъ намъ къ монастырю Арсеней черпецъ, Микитинъ сынъ, въ домъ Пречистыя Богородицы, да подавалъ намъ, господине, грамоты тое деревни, что, господине, еще грамота купчая прабабы его Офимьина, на ту деревню, да грамоты, господине, жалованные отца твоего князя Ондрѣя Дмитреевича къ его дѣду къ Ондрѣю Кормилицину и къ его отцю къ Микитѣ Ондрѣеву, что ихъ Бѣлозерьскымъ намѣстникомъ и Кистемьскимъ бояромъ не судити ни въ чемъ, ни всылати къ нимъ въ ту деревню ни по что; а се, господине, грамоты передъ Богомъ да пе-

редъ тобою". И князь Михаило Ондрѣевичъ, возрѣя въ грамоты отца своего, князя Ондрѣя Дмитреевича, ажо въ грамотахъ писано, что тое деревни Бѣлозерьскимъ намѣстникомъ и Кистемьскимъ бояромъ не судити ни въ чемъ, ни дани съ тое деревни не имати, не вслати въ ту деревню ни по что, и по тѣмъ грамотамъ отца своего князя Ондрѣя Дмитреевича князь Михаило Ондрѣевичъ игумена Трифона Кирилова манастыря и старца Игнатья и ихъ братью оправилъ, а Лва Ивановича и его брата Дмитрея Ивановича и его невѣстку Гаврилову жону Ивановича Овдотью обвинилъ, и придалъ ту деревню къ Кирилову манастырю и съ судомъ и з данью. А сию грамоту правую велѣлъ подписать князь Михаилъ Андрѣевичъ попу Иеву печатьнику".

Приложена печать съ изображеніемъ юноши; сохранились буквы: „ать кн..."

На оборотѣ полууставомъ: „Кистемьская".

(Мейчикъ, стр. 132, № 53; Бѣляевъ, „Списки судные и докладные и грамоты правыя", въ „Арх. ист.-юр. свѣд.", кн. I, № 2).

III. Жалованная грамота великой княгини Софьи Витовтовны игумену Кирило-Бѣлозерскаго монастыря Кассіану (1448—1454 гг.).

„Святыя дѣля Пречистые Успленья Кирилова монастыря, се язъ княгини великая Софья пожаловала есмь игумена Касьяна и съ братьею или кто по немъ ины игуменъ будетъ, что язъ, княгини великая, дала Пречистой Богоматери въ домъ пустоши Сизѣмьские въ прокъ, и на тѣхъ дѣи пустошехъ нынѣ игуменъ Касьянъ посажалъ люди, но учинится въ тѣхъ людеи въ Сезѣмьскихъ пустошьхъ душегубьство, и мои волостели, ни ихъ тиоуни Масленьские и Апъгасерьские у тѣхъ людеи Сизѣмьскихъ пустошей въ душегубьство не въступаются никоторьми пошлинами, а вѣдаетъ игуменъ Касьянъ тѣхъ люди Сѣзѣмьскихъ судомъ и душегубьствомъ себѣ въ прокъ или кому прикажетъ, такжо хто и по немъ ины игуменъ будетъ въ Кириловѣ монастыре, а которой волостель ослушается сее моее грамоты, ино быти отъ меня въ казни".

Печать желтаго воску.

(Мейчикъ, стр. 134, № 85).

IV. Жалованная грамота великой княгини Маріи игумену Кирило-Бѣлозерскаго монастыря Кассіану (1455—1462 гг.).

„.....рилова манастыря по грамотѣ матери свои великои княгини Софьи: Се азъ княгини великая Марья пожаловала есмь игумена Касьяна з братьею или хто по немъ ины игуменъ будетъ, что язъ княгини великая дала Пречистои святои Богоматери въ домъ пустоши Сиземские впрокъ, и на тѣхъ деи п(усто)шехъ нынѣ игуменъ Касьянъ посажалъ люди, и учинится въ тѣхъ людеи въ Сиземскихъ пустошехъ душегубство, и мои волостели ихъ тиуни Масленски (е и) Анъгасерьские у тѣхъ людеи Сеземскихъ пустошеи въ душегубъство не въступаются никоторыми пошлинами, а вѣдаетъ игуменъ Касьянъ тѣхъ людей Сѣземскихъ судомъ и душьгубствомъ себѣ въ прокъ или кому прикажетъ, а которой волостель не слушается сее моеи грамоты, быти отъ меня въ казни“.

Печать желтаго воску (плохо сохранилась).

(Мейчикъ, стр. 137, № 112).

V. Жалованная грамота князя Юрія Васильевича игумену Симонова монастыря Афанасію (25 марта 1457 г.).

„Се язъ князь Юрьи Васильевичъ пожаловалъ есмь Симановскаго архимандрита Офонасья з братьею или хто по немъ ины архимандритъ будетъ, что ихъ дворъ въ городѣ въ Дмитровѣ и хто у нихъ въ томъ дворѣ учнетъ жити дворникъ, и тому ихъ дворнику ненадобѣ моя князя Юрья Васильевича никоторая дань, ни писчая бѣлка, ни ямъ, ни подвода, ни мыто, ни тамга, ни восмьничее, ни вѣсчее, на пятенное, также не надобѣ имъ луга моего косити, ни коня моего кормити, ни съ слугами, ни съ черными з городскими людьми ненадобѣ имъ тянути ни въ какие протыры, ни въ розметы, ни иная никоторая имъ пошлина ненадобѣ, а намѣстницы мои Дмитровские ни ихъ тиуни къ тѣмъ ихъ людямъ не всылаютъ ни по что, ни судятъ ихъ ни въ чемъ, опроче душегубства, а вѣдаетъ и судитъ того дворника манастырьскаго архимандритъ самъ или его приказникъ, а случиться судъ смѣсной тѣмъ дворникомъ манастырьскимъ з городскими людми, и намѣст-

ники мои Дмитровские и ихъ тиоуни тѣхъ дворниковъ манастырьскихъ судятъ въ разбое и въ татбѣ съ поличнымъ, а ихъ при казщикъ съ ними судитъ, а судивъ тогда доложатъ мене, князя Юрья Васильевича, и я того дозрю самъ; также мои ловчие тѣхъ людей манастырьскихъ на лоси и на медвѣди не поимаютъ, также мои князи и бояри и вое(во)ды и всякие ездоки въ ихъ дворѣ манастырьскомъ не ставится никто, а намѣстници мои тѣмъ ихъ дворникомъ своего намѣстнича двора ставити не паряжаютъ, а кому будетъ чего искати на ихъ приказщикѣ манастырьскомъ, ино его сужу язъ самъ князь Юрьи Васильевичь. А черезъ сю мою грамоту кто на нихъ что возметъ или ихъ чѣмъ изобидитъ, быти отъ мене въ казни. Дана грамота въ лѣто 6965 мѣсяца марта 25 днь".

Печать желтаго воску (изображеніе стерто). На оборотѣ: „Князь Юрьи Васильевичъ. А приказалъ Борисъ Федоровичъ".

(Мейчикъ, стр. 138, № 120).

VI. Жалованная грамота великаго князя Ивана Васильевича Пильемовымъ (3 января 1497 г.).

„Се язъ князь велики Иванъ Васильевичъ всея Руси пожаловалъ есми Ондрѣя да Степана да Василья Ѳедоровыхъ детеи Пильемовыхъ, что деи ихъ село Ивашово з деревнями въ Ростовскомъ уѣзде въ Луцкомъ стану, и хто у нихъ въ томъ селѣ и въ деревняхъ учнетъ жити людеи, и намѣстници мои Ростовскіе и ихъ тиуни, тѣхъ ихъ людеи не судятъ ни въ чемъ, опроче душегубства и розбоя съ поличнымъ и не всылаютъ къ нимъ . . . ч. . . и в ч. . . дет судятъ тѣхъ своихъ людеи Ондрѣи и его братья сами или кому прикажутъ, а случится судъ смѣсноі тѣмъ ихъ людемъ з городскими людми или съ становыми, и намѣстници мои и ихъ тиуни судятъ, а Ондрѣй и его братья или ихъ прикажщикъ съ ними же судятъ, а присудомъ делятца наполы, а кому будетъ чего искати на Ондрѣѣ и на его братье, или на ихъ прикажщикѣ, ино ихъ сужу язъ князь велики или мой бояринъ введены; а дана грамота лѣта семь тысячъ пятого, Генваря 3".

Подлинникъ. Печать вислая краснаго воску.

(Мейчикъ, стр. 150, № 260).

VII. Изъ дѣла Архива Оружейной палаты: „Столпъ Устюжской о закладчикахъ“ (1639—1641 гг.).

„Бориско Жилкинъ былъ въ тяглѣ, а ныне живетъ за Предтеченскимъ монастыремъ. А въ Устюжскихъ писцовыхъ книгахъ написанъ онъ, Бориско, на посаде и его велено взять на посадъ. А въ отписке Дмитрея Волынского да подъячего Семена Несвитаева, что Бориско Жилкинъ не сысканъ, а Ивановскаго монастыря строитель, черный попъ Измайло з братьею въ сыску поручной записи по себѣ не дали, учинились сильны, а слугъ у нихъ никого нѣтъ, мимо ихъ на поруку дать некого: а по сказке того строителя Измайла съ братьею, что тотъ Бориско жилъ после ихъ въ Корежемскомъ монастырѣ у Соливычегодской, и по отписке, отъ Соливычегодскіе воеводы, князя Ивана Шеховского, что, по сказке де Корѣжемскаго монастыря казначѣя старца, тотъ Бориско въ Корижемскомъ монастырѣ у нихъ былъ, да и съѣхалъ къ Устюгу, а къ нему де князь Ивану о томъ государевы грамоты нѣтъ, что въ монастыри приставовъ посылать, а въ Корѣжемскомъ де монастыре по старцовъ и по слугъ ни о какихъ дѣлехъ приставовъ посылать не умѣть, что у нихъ въ Корежемскомъ монастыре государева жалованная грамота: ни въ какихъ дѣлахъ, опричь татьбы и розбою, никому въѣзжать не велено. А поручныхъ записей по себѣ, что имъ стать передъ вами или слугъ поставить (с Ывановскими старцы) для очные ставки, с Ывановскими старцы, князь Иванъ Шеховской не прислалъ же. А не приказу сыскныхъ дѣлъ къ Соливычегодцкой о Бориске не послано, потому что въ розписи Устюжанъ посадцкихъ людей написано, что онъ, Бориско, живетъ на Устюге за Ивановскимъ монастыремъ, а не у Соливычегодцкіе“.

Помѣта: „Къ Соливычегодцкой о томъ послать грамота, а Ивановскаго монастыря слугъ дать въ сыску на поруку“.

Библіографія книгъ, статей, замѣтокъ и рецензій, касающихся вопроса о феодализмѣ въ Россіи, выдвинутаго трудами Н. П. Павлова-Сильванскаго.

Богословскій, М. — Рецензія на книгу Павлова-Сильванскаго: „Феодализмъ въ древней Руси“ („Критическое Обозрѣніе“ 1900 г. вып. III, стр. 37—40).

Бороздинъ, И.—Къ вопросу о феодализмѣ въ Россіи (Записки Московскаго Археологическаго Института, томъ VII, стр. 1—8).

Бороздинъ, И.—Рецензія на кн. П.-С.: „Феод. въ др. Руси“ („Современный Міръ“ 1908, 2, стр. 103—106).

Borosdin, I.—Eine neue Arbeit über den Feodalismus in Russland („Vierteljahrschrift für Social-und Wirtschaftsgeschichte“, 1908, 3 und 4 Heft. S. 572—578).

Владимірскій-Будановъ—Обзоръ исторіи русскаго права. Изд. 3-е (стр. 131—135, 372—374) и 4-е.

Карѣевъ, Н.—Помѣстье-государство и сословная монархія среднихъ вѣковъ. С.-Петербургъ 1906. (Прилож. I, стр. I—XIX).

Ключевскій, В.—Курсъ русской исторіи. М. 1904, стр. 445—448 (въ 3-мъ изд. 1908 г., стр. 449—452).

Ковалевскій, М.—Рецензія на кн. П.-С.: „Феод. въ др. Руси“ („Минувшіе Годы“, I, стр. 294—298).

К. М.—Рецензія на кн. П.-С.: „Феод. въ др. Руси“ („Историческій Вѣстникъ“ 1908, 7, стр. 307—309).

Максимовичъ, Г.—Литературныя мнѣнія о сущности государственныхъ отношеній древней Руси, стр. 225 („Русская исторія въ очеркахъ и статьяхъ“ подъ ред. проф. Довнаръ-Запольскаго, т. I. Москва. 1910).

Милюковъ, П.—Исконныя начала и требованія жизни въ русскомъ государственномъ строѣ. 1905 г.

Милюковъ, П.—Очерки по исторіи русской культуры. Часть I. Изд. 5. 1902 г.

Милюковъ, П.—Феодализмъ въ Россіи („Энциклопедическій Словарь“ Брокгаузъ-Ефронъ, полутомъ 70, стр. 548—550).

Платоновъ С. Ѳ.—Лекціи по русской исторіи. Изд. 6-е. Спб. 1909 г. (стр. 117—118).

Рецензія (безъ подписи) на кн. П.-С.: „Феод. въ др. Руси“ („Русское Богатство“ 1908, 10, стр. 179—181).

Рожковъ, Н.—Городъ и деревня въ русской исторіи. М. 1902. (стр. 46 и слѣд.).

Рожковъ, Н.—Обзоръ русской исторіи съ соціологической точки зрѣнія. Часть вторая. Вып. I. М. 1905 (стр. 131 и слѣд.).

Сергѣевичъ, В. И.—Русскія Юридическія древности. Томъ I, изд. 2-е, стр. 165 и 298; томъ III, стр. 469.

Сторожевъ, В.—Рецензія на кн. П.-С.: „Феод. въ др. Руси“ („Образованіе“, 1908, 3, стр. 118—120).

Тарановскій, Ѳ.—Рецензія на кн. П.-С.: „Феод. въ др. Руси“ („Юридическая Библіографія“ 1908).

Тарановскій, Ѳ.—Феодализмъ въ Россіи („Варшавскія Университетскія Извѣстія“ 1902 и отдѣльно).

Филатовъ, В.—Рецензія на кн. П.-С.: „Феод. въ др. Руси“ („Вѣстникъ Воспитанія“ 1908, 6, стр. 50—54).

КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ ТИПОГРАФІИ
М. М. Стасюлевича.
Спб., Вас. остр., 5-я лин., собств. д. № 28.

—o—

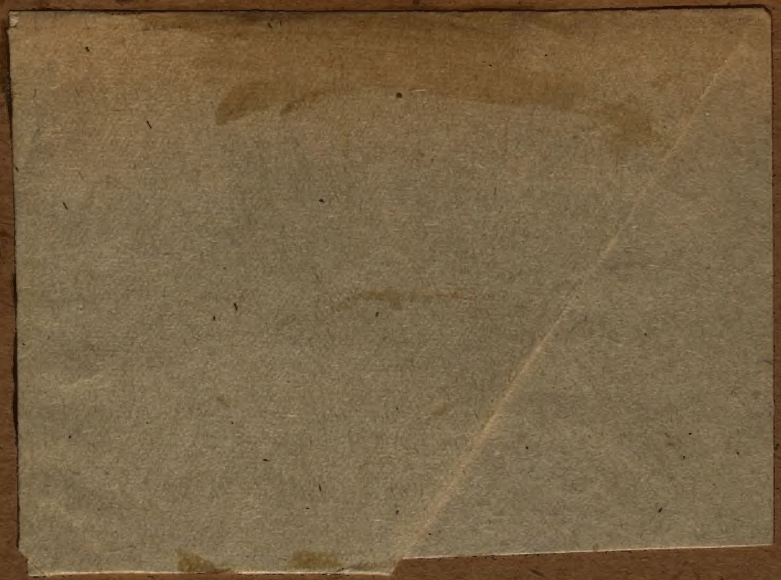
Между прочимъ продаются сочиненія

Н. П. Павлова-Сильванскаго:

Государевы служилые люди. Люди кабальные и докладные. („Сочиненія", т. I). 2-е изд. Спб. 1909 г. Ц. 1 р. 25 к.

Очерки по русской исторіи XVIII—XIX вв. („Сочиненія", т. II). Спб. 1910 г. Ц. 1 р. 50 к.

Цѣна 2 р. 50 к.

ИЗДАНІЕ ПОМѢЩАЕТСЯ
въ книжномъ складѣ типографіи М. М. Стасюлевича
С.-Петербургъ, Вас. остр., 5 лин., собств. д. 28.

Полный каталогъ Склада (180 стр.), со сводомъ отзывовъ, рекомендацій и одобреній на каждую книгу, высылается безплатно; на пересылку—7 к. марку.